

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, мая 2-го.

Содержаніе: Народныя воззрѣнія на святыхъ и на церковныя праздники съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о почитаніи святыхъ и праздниковъ. — Подвигъ. (Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства). — Отвѣтъ собрату.

Народныя воззрѣнія на святыхъ и на церковныя праздники съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о почитаніи святыхъ и праздниковъ¹⁾.

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ нашимъ церковно-народнымъ календаремъ, должно быть извѣстно, что о весьма многихъ святыхъ, а равно и праздникахъ церковныхъ, нашъ народъ содержитъ свои понятія о вѣрованіи, выражаемыя пословицами и поговорками или усвоеніемъ имъ особыхъ эпитетовъ-прозваній, — что съ днями памяти святыхъ и празднествами церковными онъ соединяетъ особые обычаи и обряды, наблюденія и повѣрія, суевѣрія и гаданія.

¹⁾ Печатаемая статья представляетъ собою чтеніе, предложенное авторомъ въ Кіевскомъ Религіозно-Просвѣтительномъ Обществѣ 7 марта тек. года.

Разбираясь въ крайнемъ разнообразіи этихъ понятій и вѣрованій народныхъ, мы найдемъ, что въ образованіи ихъ лежитъ, прежде всего, церковно и народно-историческое основаніе, т. е. хранимыя народною памятью и прошедшія чрезъ народное сознаніе церковно-историческія повѣствованія о жизни и чудесахъ святыхъ, а также церковно-богослужебныя, опять-таки въ народномъ усвоеніи ихъ, пѣснопѣнія и молитвы этимъ угодникамъ и другія религіозныя сказанія относительно разныхъ событій и лицъ христіанской Церкви. Такъ или иначе узнавая изъ этихъ сказаній о томъ, какъ жили святые и чѣмъ занимались, какъ и чѣмъ помогали людямъ въ ихъ нуждахъ, предки наши однихъ изъ святыхъ угодниковъ приняли за ходатаевъ въ разныхъ болѣе или менѣе трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, другимъ усвоили охраненіе домашнихъ животныхъ, иныхъ сдѣлали покровителями разнаго рода теоретическихъ и практическихъ трудовъ и занятій, науки, промысловъ, ремесль; словомъ, приписали многимъ угодникамъ христіанской Церкви частныя и какъ бы спеціальныя дары благодати, а разнымъ церковнымъ праздникамъ и христіанскимъ обычаямъ усвоили особенности изъ чисто-народнаго быта. На этомъ основаніи возникъ въ нашемъ народѣ добрый обычай почитать, напр., св. Николая чудотворца (6 дек. и 9 мая), какъ хранителя отъ всѣхъ бѣдъ и напастей и отъ потопленія, — Пресвятую Богородицу — Купину Неопалимую (4 сент.) — отъ пожара и молніи, — св. великом. Варвару (4 дек.) — отъ внезапной смерти; отсюда же почитаются нашимъ народомъ: св. Ѳеодоръ Тиронъ (17 февр.), какъ податель украденныхъ вещей и рабовъ, — пророкъ Ілія (20 іюля) — дождя и вѣдра, — препод. мученики Мина (10 дек.), Лаврентій (10 авг.) и Логгінъ (16 окт.), какъ хранители отъ болѣзни очной, — препод. Маруфъ (16 февр.) — отъ болѣзни трясавичной, — священномуч. Антипа (11 апр.) — отъ зубной болѣзни, а св. Іоаннъ Предтеча (29 авг.) — отъ головной, — мученики Флоръ и Лавръ (18 авг.) — отъ конскаго падежа, — свв. Модестъ (18 дек.) и Власій (11 февр.) — отъ скотскаго

падежа; свв. евангелисты Іоаннъ (26 сент.) и Лука (18 окт.) чествуются, какъ покровители живописи,—свв. апостолы Петръ и Павелъ (29 іюня)—рыбнаго промысла, царь-пророкъ Давидъ (26 дек.)—музыки, праведный Іосифъ (26 дек.)—столярнаго дѣла и пр. т. п. Подобно святымъ, нѣкоторые церковные обычаи и обряды христіанскихъ праздниковъ, особенно обряды, сильно дѣйствовавшіе на благочестивое чувство нашихъ предковъ, получили разныя особенности, которыя непосредственно вытекали изъ народнаго характера и тѣхъ или другихъ обстоятельствъ народной жизни. Таковы, напр., особенности въ обрядѣ пасхальнаго христосованья, которое въ нашемъ народѣ практикуется не съ живыми только, а и съ умершими, на ихъ могилахъ, или въ употребленіи пасхальныхъ яицъ, кромѣ христосованья, еще при посѣвахъ, въ качествѣ символа всего жизненнаго и цвѣтущаго въ природѣ,—а также для битковъ, катанья и другихъ развлеченій. Таковы же особенности въ употребленіи зелени, которою украшаются дома и церкви въ Троицынъ день, какъ лѣкарственнаго средства противъ разнаго рода недуговъ или какъ матеріала для составленія вѣнковъ, съ которыми молодые люди обоюга гадаютъ о своей судьбѣ. Таковы общеизвѣстныя особенности въ употребленіи вербы, освящаемой Церковію въ недѣлю Ваіи,—всѣмъ извѣстные обряды и вѣрованія, приуроченныя къ празднику Благовѣщенія и имѣющіе своимъ источникомъ религіозныя сказанія о святости его, — или обычай гаданія о невѣстахъ въ день памяти великом. Екатерины, происшедшій, какъ можно думать, вслѣдствіе престонароднаго истолкованія глубоко-нравственной повѣсти объ обрученіи ея жениху—Христу.

Но однимъ знакомствомъ съ религіозными сказаніями о святыхъ и праздникахъ церковныхъ нельзя объяснить всего разнообразія народныхъ вѣрованій и обрядовъ, приуроченныхъ къ днямъ праздничнымъ и памяти святыхъ. Другимъ основаніемъ для образованія этихъ вѣрованій и обрядовъ было простое созвучіе имени святого или названія праздника съ тою

или другою нуждою и потребностью народа, вообще сближеніе имени святого и названія праздника съ разными выраженіями просто-народной рѣчи, которыми нашъ народъ опредѣлялъ характеръ времени, на которое пришелся праздникъ, въ зависимости отъ сельско-хозяйственныхъ занятій и работъ, состоянія времени года, погоды и тому подобныхъ обстоятельствъ. Въ этихъ случаяхъ наши предки, какъ и теперь наши простолюдины, далеко не справлялись съ значеніемъ или смысломъ того или другого имени святого или названія праздника, изъ которыхъ инья наименованія, по происхожденію изъ чужихъ языковъ, были для нихъ и непонятны, а старались просто найти подходящій къ своей рѣчи звукъ въ этихъ именахъ, часто толкуя ихъ посвоему, слишкомъ своеобразно, и желая этимъ все чужое и иноземное претворить въ свое родное, легко доступное ихъ простому пониманію. Самую любимую формою для выраженія связи своихъ представленій и понятій съ именами святыхъ и праздниковъ они употребляли при этомъ пословицу или поговорку, связывая ее съ извѣстнымъ именемъ святого или названіемъ праздника звуковымъ сходствомъ словъ или рифмой? ¹⁾ Отсюда-то явились въ нашемъ народѣ такіе угодники и праздники церковные, какъ, напр., св. Наумъ (1 дек.)—наставитель на умъ, св. Борисъ (2 мая и 24 іюля)—податель барыша, св. Пантелеимонъ (27 іюля), проще называемый Палій,—каратель (палитель) громами и молніей, св. Еремѣй (1 мая)—яремникъ (въ смыслѣ—запрягальникъ, разумѣется—для производства ярового посѣва), свв. Косма и Даміанъ (1 іюля и 1 ноября)—Божьи кузнецы, покровители кузнечнаго промысла и свадебъ, какъ нравственнаго сцѣпленія людей, которое въ народныхъ пѣсняхъ дня памяти этихъ святыхъ называется „кованіемъ“ свадебъ. Того же происхожденія народные праздники: день Симона Зилота (10 мая)—именины земли, грѣхъ пахать,—память муч. Мак-

¹⁾ См. у Калинскаго И. П. „Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси“. Москва, 1877 г., стр. 16.

кавеевъ (1 авг.)—праздникъ собирателей мака,—праздникъ обновленія Царьграда (11 мая)—распорядитель градомъ,—праздникъ Срѣтенія (2 февр.)—встрѣча весны съ лѣтомъ,—праздникъ Покрова пресв. Богородицы (1 окт.)—покровитель свадебъ съ повѣрьемъ, что это покровительство наглядно выражается въ свадебномъ покровѣ или покрывалѣ дѣвиць—фатѣ. Русскія дѣвушки, между прочимъ, въ своихъ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Матери Божіей въ праздникъ Покрова Бя приговариваютъ: „Мать-Покровъ! Покрой землю снѣжкомъ, меня молодую платкомъ“.—Иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда древне-русскому человѣку не удавалось сразу открыть созвучіе или риому между словами родного языка и непонятнымъ ему именемъ святого, онъ прибѣгалъ къ объясненію непонятнаго имени и уже тогда тѣмъ же звуковымъ способомъ примѣнялъ къ нему свои вѣрованія и повѣрья. Такъ, можно думать, сложились въ нашемъ народѣ представленія о великомученикѣ Георгіи, какъ покровителѣ земледѣлія, и св. апостолѣ Андреѣ, какъ покровителѣ дѣвиць, желающихъ замужества, вслѣдствіе чего дни памяти этихъ святыхъ обставлены многими обычаями, соотвѣтствующими означеннымъ представленіямъ, проводятся въ молитвѣ объ урожаѣ и дарованіи жениховъ вперемежку съ заклинаніями, простонародными пѣснями и гаданіями. Для указанныхъ представленій о томъ и другомъ святомъ нѣтъ никакихъ основаній въ сказаніяхъ о житіи ихъ, между тѣмъ есть таковыя въ значеніи именъ этихъ святыхъ. Имя „Андрей“ по толкованію съ греческаго означаетъ—мужъ, а имя „Георгій“—земледѣлецъ. Последнее имя въ старыхъ нашихъ азбуковникахъ толкуется нѣсколько вольно такъ: Георгій—воздѣланъ ¹).

Едва ли, однако, не самое большое значеніе въ образованіи народныхъ вѣрованій въ святыхъ угодниковъ и народ-

¹) Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси—Калинскаго, стр. 131. Изъ этой книги мы заимствуемъ и всѣ вообще свѣдѣнія о вѣрованіи народа въ того или другого святого.

ныхъ обычаевъ въ дни церковныхъ праздниковъ имѣло основаніе календарное, т. е. совпаденіе разныхъ сельско-хозяйственныхъ занятій и работъ, а также чисто народныхъ праздниковъ и обрядовъ съ днями памяти святыхъ и праздниками христіанской Церкви. Благодаря этому чисто случайному совпаденію, сельско-хозяйственныя заботы и занятія ввѣрялись покровительству празднуемыхъ святыхъ, какъ бы поручались святымъ въ завѣдываніе; именемъ ихъ зачастую прозывались и самые угодники Божіи, а чисто-народныя праздники и обряды пріурочивались и связывались съ церковными праздниками, не смотря на то, что между тѣми и другими, какъ между святыми и ихъ народными прозваніями, не было, а иногда и не могло быть близкаго отношенія. Это сближеніе происходило, однако, тѣмъ легче, что народъ нашъ жилъ самую непосредственную жизнь съ природою; занимаясь земледѣліемъ, пастушествомъ и другими сельскими промыслами, которые ставили его лицомъ къ лицу съ природою, онъ любилъ и самое время опредѣлять срочными занятіями и другими обстоятельствами сельско-хозяйственнаго быта. Начиная свои опредѣленные въ году занятія, онъ обычно обращался съ молебнами и частными молитвами къ тѣмъ святымъ, память которыхъ праздновалась въ эти дни, и у нихъ просилъ онъ помощи и содѣйствія своимъ предиріятіямъ; оканчивая свой трудъ, онъ благодарилъ молитвою опять-таки тѣхъ святыхъ угодниковъ, празднованіе которымъ совпало съ счастливымъ окончаніемъ его работы. Оттого-то эти святые угодники становились въ народномъ представленіи какъ бы покровителями и помощниками разныхъ хозяйственныхъ занятій, сельскихъ промысловъ, полезныхъ для челоуѣка домашнихъ животныхъ, часто даже самыхъ незначительныхъ принадлежностей сельско-хозяйственнаго быта. Такъ именно явились въ нашемъ народѣ многіе святые съ чисто народными эпитетами и прозваніями, взятыми отъ явленій природы и обстоятельствъ сельско-хозяйственной жизни, напр., св. Кононъ—грядарь.

(5 марта), Герасимъ-грачевникъ (4 марта) Еремѣй-распрягальникъ (31 мая), названный такъ потому, что день его памяти совпадаетъ съ концомъ ярового посѣва,—св. мученица Мавра-разсадница (3 мая), св. Акулина-гречишница (17 июня), св. Аѳанасій-лмоношь, морозный (18 янв.), Прокошъ-дорогорушитель (27 февр.), св. Родивонъ (8 апр.)—ледоломъ, ревучія воды,—Спиридонъ-солнцеповоротъ (12 дек.), св. Василий-покровитель свиней, мясо которыхъ составляетъ главное угощеніе во время Васильева вечера и Рождественскихъ святокъ,—св. Никита (15 сент.)—гусепролетъ, покровитель гусей, препр. Зосима (17 апр.) и Савватій (27 апр.)—пчельники, покровители пчель, св. Анастасія-овечница (29 сент.) и Авраамій-овчарникъ (29 сент.)—покровители овецъ, св. Татьяна крещенская (12 янв.), св. Аксинья (24 янв.)—полузимница и пр. т. п. Такого же характера, говоря вообще, происхожденіе народной вѣры, между прочимъ, и въ празднуемаго въ настоящемъ году Церковію препр. Кассіана, какъ въ немилостиваго, грознаго, скупого и пр. Наблюдая теченіе времени и характеръ событій, народъ нашъ замѣчалъ, что въ високосные годы прилучаются всевозможныя бѣдствія: тогда и скотъ падаетъ, и дерево засыхаетъ, и повальные болѣзни являються, и сельскіе раздоры заводятся. Такъ какъ праздникъ св. Кассіану совершается только по високоснымъ годамъ, то всѣ вѣрованія, пріуроченныя нашими предками къ этому году, они потомъ перенесли на препод. Касьяна, и послѣдній сталъ, такимъ образомъ, виновникомъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій високоснаго года. О днѣ этого святого въ нашемъ народѣ сложилась пословица: „Благому чудотворцу Николѣ два праздника въ году, а Касьяну немилостивому одинъ въ четыре года“.

Инымъ нѣсколько путемъ происходило соединеніе народныхъ праздниковъ, увеселеній и обрядовъ съ праздниками христіанской Церкви. Жизнь древне-русскаго народа особенно была богата разными празднествами и забавами, и онѣ очень дороги и близки были его сердцу, такъ какъ вытекали

изъ его чисто народнаго духа. Не желая лишиться ихъ съ принятіемъ христіанской вѣры, а, напротивъ того, стараясь, насколько это было возможно, примирить и какъ бы приспособить ихъ къ требованіямъ ея, наши предки наблюдали совпаденіе ихъ съ днями памяти святыхъ угодниковъ и важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, къ которымъ и старались на этомъ основаніи приурочить свои старинныя языческія празднества и вѣрованія. Вслѣдствіе этого въ нашемъ народѣ явилось и до сихъ поръ существуетъ много святыхъ и праздниковъ съ видимымъ отпечаткомъ древне-русской и народной миѳической старины. Такъ, напр., въ народномъ воззрѣніи на св. Ілію-громовника отображается древне-русское вѣрованіе въ грозное божество огня Перуна. Отзвукъ этого вѣрованія слышится въ томъ, что св. Ілія почитается въ народѣ производителемъ грома и молніи и вообще могучимъ и грознымъ распорядителемъ самыхъ страшныхъ и благодѣтельныхъ силъ природы, непосредственнымъ виновникомъ урожая и неурожая. Взглядъ народа на св. Георгія Побѣдоносца, который предносится ему въ образѣ Егорія Храбраго, какъ бы героя-полубога, разъявжающаго на своемъ ретивомъ конѣ и побѣдоносно сокрушающаго всякую преграду на пути, полновластнаго обновителя своею „юрьевскою“ росой весенней природы и покровителя домашняго скота, точно также носитъ отпечатокъ древне-русскихъ вѣрованій въ миѳическія божества. Древнѣйшія лѣтнія празднества въ честь Купалы, въ которомъ наши предки прославляли, вѣроятно, всеоживляющую силу солнца, почему и сопровождали празднованіе ему очищеніями огнемъ и водой и собираніемъ цѣлебныхъ травъ, приурочены были къ днямъ памяти свв. Агриппины и Крестителя Іоанна (23 24 іюля). Общимъ основаніемъ для соединенія языческаго празднества съ христіанскимъ было совпаденіе ихъ по времени; частныя же основанія для этого давало въ особенности христіанское почитаніе Іоанна Предтечи, какъ Крестителя Господня, по простонародному выраженію—Купалы, какъ, затѣмъ, Предтечи пресвѣтлаго Солнца-Христа, и самого называемаго

иногда—солицемъ, и, наконецъ, празднованіе въ это время (24 іюня) рождества его. Послѣднее по самому смыслу своему, какъ явленіе новой и при томъ благодатной жизни, понято было народомъ въ общемъ значеніи обновленія жизни въ природѣ и особенно въ растительномъ царствѣ—травъ и цвѣтовъ, о которыхъ нашъ народъ, пользуясь при этомъ и древнимъ своимъ вѣрованіемъ въ Купалу, какъ ихъ покровителя, сталъ думать, что они въ ночь подъ Рождество Іоанна Крестителя будто бы получаютъ особую живительную силу и цѣлебныя свойства. Точно также общеизвѣстныя игры и гаданья и разные обряды, которыми сопровождаются наши важнѣйшіе праздники, какъ Рождество Христово съ его колядою, Богоявленіе, Благовѣщеніе, Пасха, Троицынъ день, или такіе дни, какъ Родительская суббота, масленица, Ѳоминъ понедѣльникъ, Семикъ—всѣ, посвященные чести умершихъ, или же день памяти Параскевы пятницы (28 окт.), Петровъ день (29 іюня) и др., ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой языческой древности и по существу своему суть обычаи языческіе, только лишь видоизмѣненные припорочительно къ христіанскому почитанію этихъ праздниковъ. Впрочемъ, на нѣкоторые праздничные дни нашей Церкви съ такою полнотою перешли древнеязыческія и народныя вѣрованія, что изъ-за нихъ ипогда не видно истиннаго смысла церковнаго почитанія этихъ дней. Въ особенности это слѣдуетъ сказать, напр., о нашей масленицѣ. По забавамъ, которыя къ ней приурочены, по тому разгулу, какимъ она всюду сопровождается въ нашемъ народѣ, можно ли догадаться, что она есть время, назначенное Церковію для оплакиванія нами своихъ грѣховъ и поминовенія усопшихъ? Развѣ только блины, какъ поминальное блюдо,—конечно—не въ чрезмѣрномъ употребленіи ихъ,—да умильное прощанье другъ съ другомъ въ т. н. прощенное воскресенье могутъ напоминать вдумчивому человѣку о церковномъ назначеніи сырной недѣли...

Мы указали тѣ основанія, которыя дѣйствовали въ образованіи народныхъ вѣрованій и обычаевъ, приуроченныхъ къ

праздникамъ и днямъ памяти святыхъ нашей Церкви. Считаемъ нужнымъ добавить, что они дѣйствовали не порознь, а большею частью вмѣстѣ и одновременно; по крайней мѣрѣ въ образованіи народныхъ вѣрованій относительно важнѣйшихъ церковно-народныхъ святыхъ и праздниковъ народное творчество управлялось всеми тремя указанными способами: церковно-историческимъ, звуковымъ и календарнымъ. Напр., на основаніи евангельскаго повѣствованія о крещеніи Господа отъ Іоанна и родства, по значенію, церковнаго имени „Креститель“ съ простонароднымъ словомъ „Купала“, народъ усвоилъ этому угодику названіе Івана Купалы, а совпадениемъ древняго языческаго праздника въ честь Купалы съ днемъ Рождества Іоанна Крестителя воспользовался, чтобы приурочить къ этому дню означенный свой праздникъ, не разставаясь съ нимъ и по обращеніи въ христіанскую вѣру. То же самое можно наблюдать въ происхожденіи народныхъ вѣрованій и относительно другихъ святыхъ.

Если мы внимательно присмотримся ко всеѣмъ вообще народнымъ вѣрованіямъ въ святыхъ и церковные праздники, то, при всемъ видимомъ разнообразіи ихъ, усмотримъ въ нихъ, за немногими исключеніями, выраженіе одной общей и объединяющей ихъ идеи—идеи широкаго покровительства святыхъ и праздниковъ людямъ въ разныхъ ихъ состояніяхъ и положеніяхъ съ распространениемъ, въ то же время, этого покровительства или вліянія на силы и явленія природы, въ зависимости отъ которыхъ находятся сельско-хозяйственныя занятія народа и ихъ благосостояніе, на столь необходимый ему въ этихъ занятіяхъ домашній скотъ и даже просто на сельско-хозяйственныя принадлежности. Конечно, не во всеѣхъ вѣрованіяхъ эта идея выражается съ одною и тою же степенью силы и ясности; одни вѣрованія прямо содержатъ эту идею и ясно выражаютъ ее, другія лишь болѣе или менѣе отдаленно намекаютъ на нее; въ однихъ обычаяхъ народныхъ она выражается съ полною откровенностью, въ другихъ болѣе или менѣе прикровенно, напр., въ гаданьяхъ, только какъ испы-

таніе, будетъ ли покровительствовать извѣстный святой или праздникъ въ загаданномъ дѣлѣ, и пр. Разсматривая съ этой стороны народныя воззрѣнія на святыхъ и праздники церковныя, справедливо будетъ отмѣтить въ нихъ нѣкоторыя добрыя и положительныя черты. Въ нихъ, говоря вообще, отражается живая вѣра народная въ Божественный Промыслъ, подчиняющая мудрому управленію и распоряженію Божію весь міръ какъ небесный, такъ и земной, со всѣми въ немъ тварями, начиная съ небожителей и людей, живущихъ на землѣ, и кончая едва примѣтнымъ полевымъ цвѣткомъ, который, по волѣ Божіей, можетъ получать цѣлебныя для насъ свойства. Но подъ особое смотрѣніе Божіе нашъ народъ ставитъ чело-вѣка и общества чело-вѣческія. Здѣсь каждое, можно сказать, явленіе, каждое свое занятіе, каждую свою потребность онъ ставитъ, какъ мы видѣли, подъ покровительство Церкви съ ея праздниками и прославляемыми ею святыми, наглядно выражая этимъ свою вѣру въ управляющій людьми Промыслъ. На такое живое усвоеніе нашимъ народомъ идеи промышленности Божія въ мірѣ имѣла вліяніе его непосредственная жизнь съ природою. Земледѣліе, пастушество, рыболовство и другіе сельскіе промыслы, которыми изстари занимался нашъ народъ, по самому характеру своему таковы, что, завися въ своемъ успѣхѣ отъ дѣйствія стихій, неподвластныхъ чело-вѣку и не устранимыхъ никакою чело-вѣческою силою, а послушныхъ одному только Богу, естественно самымъ осязательнымъ образомъ давали ему чувствовать его зависимость отъ Бога, о которой говорило ему христіанское ученіе. Замѣчено, что никто такъ живо не ощущаетъ власти Божіей надъ собой, какъ земледѣлецъ и вообще чело-вѣкъ, живущій жизнью природы, въ которой онъ непосредственно наблюдаетъ или благодѣтельные явленія, вѣнчающія его трудъ успѣхомъ, или разрушительныя (засухи, бури, градъ, появленіе зловредныхъ насѣкомыхъ и пр.), въ одну минуту уничтожающія результаты его часто упорнаго труда и надежды его на урожай. Отсюда чело-вѣкъ заключаетъ, что и вся вообще жизнь его, со всѣми

въ ней перемѣнами, находится во власти пекущагося о немъ Промысла Божія. „Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ“—гласить наша мудрость народная. Въ немъ „Божье тепло, Божье и холодно“,—„Божья вода по Божьей землѣ бѣжитъ, Божья роса Божью землю кропитъ“; каждое явленіе въ немъ подвластно Богу: „Богъ вымочить, Богъ и высушить“, „Богъ даль животь, дастъ и здоровіе“; даже бѣдствія—и тѣ происходятъ по поущенію Божью и направляются къ нашему благу: „У горя и промысль“, говоритъ нашъ народъ,—„Гдѣ бѣда, тамъ и Богъ“, „Кого Богъ любитъ, того и караетъ“, „Огъ всякой печали Богъ избавляетъ“, такъ что вообще „Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей“—заключаетъ нашъ народъ и вѣритъ, чтъ „Добро худо переможетъ“¹⁾. Чувствуя свою полную зависимость отъ Бога, онъ всецѣло и отдаетъ себя въ благую промышляющую о немъ волю Божію. Это вѣреніе имъ себя промышленію Божію выразилось практически въ отдачѣ имъ себя вообще подъ покровительство Церкви Божіей, въ тѣсномъ союзѣ съ которой нашъ народъ издавна живетъ и жизнь которой съ ея праздниками и днями памяти святыхъ онъ сдѣлалъ для себя своего рода рамками, въ которыя постарался заправить всѣ свои вѣрованія и понятія, обычаи и обряды, наблюденія и даже суевѣрія. Такимъ образомъ, въ народныхъ воззрѣніяхъ на святыхъ и церковныхъ праздники, поскольку тѣмъ и другимъ усвоится идея покровительства челоуѣку въ разныхъ его состояніяхъ и положеніяхъ, мы имѣемъ частичное и наглядное (конкретное) выраженіе доброй вѣры нашего народа въ Промысль Божій. Вручая себя покровительству святыхъ угодниковъ и церковныхъ праздниковъ, нашъ народъ хочетъ, чрезъ ихъ посредство, привлечь на себя, на свои нужды и труды благословеніе Божіе, стараясь чрезъ это въ то же время

¹⁾ Эги и др. пословицы заимствованы изъ извѣстнаго „Сборника пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій“ и пр. В. Дала. Москва, 1862 г.

увѣриться, что въ своихъ предпріятіяхъ и занятіяхъ, во всей своей жизни онъ слѣдуетъ согласно указаніямъ о немъ Промысла Божія. „Ты къ худшему, а Богъ къ лучшему“—замѣчаетъ наша народная мудрость. Чтобы этого раздвоенія не было, народъ нашъ повѣряетъ, говоря вообще, свои нужды и предпріятія заступничеству святыхъ, желая чрезъ нихъ снискать дѣламъ своимъ богоугодность, благоволеніе Божіе.

Обращаясь за покровительствомъ къ святымъ, народъ нашъ ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, что они могутъ оказать ему помощь. Основаніемъ этой вѣры народной служитъ, во-первыхъ, убѣжденіе народа въ томъ, что угодники Божіи, въ силу любви своей къ намъ, всегда готовы помочь намъ, и, во-вторыхъ, другое убѣжденіе его, что Богъ даетъ святымъ угодникамъ благодать молиться за насъ, вслѣдствіе чего молитвы ихъ доходны до Бога. Исповѣдуя Бога-Любовь, нашъ народъ любовь же признаетъ закономъ для взаимныхъ отношеній людей между собою. „Живи для людей, поживутъ люди для тебя“, „Не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь“; „Люби ближняго, какъ себя“, настаивательно говоритъ народная мудрость. Отсюда всѣ мы, по народному представленію, составляемъ у Господа Бога одну великую-великую семью, и всѣ должны быть связаны между собою духомъ взаимной любви. Этой любви между людьми не можетъ порвать даже смерть, послѣ которой не прекращается, по взгляду народному, духовное общеніе отшедшихъ въ иной міръ членовъ народной семьи съ оставшимся на землѣ. Вотъ почему нашъ народъ такъ усердно молится о блаженномъ упокоеніи умершихъ братьевъ по вѣрѣ, свято чтитъ дни ихъ рожденія и именинъ, ознаменовывая эти дни молитвою за умершихъ и дѣлами милостыни въ память ихъ: онъ выражаетъ этимъ свою любовь къ нимъ. Вотъ почему, съ другой стороны, онъ вѣруетъ, что и умершіе не перестаютъ участвовать въ земной жизни своихъ близкихъ, молясь за нихъ и дѣля съ ними ихъ радости и печали: въ этомъ выражаютъ они свою любовь къ живымъ. Не даромъ существуетъ у насъ

обычай при прощаньи съ умершими просить у нихъ молитвъ за насъ предъ Богомъ. Но нельзя, кажется, указать никакого иного болѣе трогательнаго выраженія этой вѣры народной въ духовное общеніе живыхъ съ умершими, кромѣ того, какое мы имѣемъ въ обрядѣ пасхальнаго христосованья нашего на рода съ умершими родственниками на ихъ могилахъ. Этотъ обрядъ дѣйствительно прекрасенъ и поучителенъ. Не зачѣмъ много доказывать, что вѣра народная въ духовное общеніе живыхъ людей съ умершими и обряды, на этой вѣрѣ основанные, совершенно согласны съ духомъ христіанскаго ученія. Оно говоритъ намъ, что Богъ нашъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ (Лук. 20, 38),—что любовь, соединяющая людей во Христѣ, никогда не престааетъ (1 Кор. 13, 8); что, въ силу этой любви, молитва, возносимая нами какъ за живыхъ, такъ и за умершихъ, одинаково есть дѣло доброе и благоугодна Богу (Іак. 5, 16, ср. 2 Макк. 12, 43); что умершіе дѣйствительно знаютъ, что происходитъ съ нами на землѣ, радѣютъ о нашемъ благополучіи и молятся за насъ предъ Богомъ (2 Петр. 1, 13—15),—Слово Божіе убѣдительно доказываетъ намъ это притчею Спасителя о богатомъ и Лазарѣ (Лк. 16).—Если съ любовію—и любовію, какъ видимъ, христіанскою нашъ народъ относится вообще ко всѣмъ умершимъ братьямъ своимъ по вѣрѣ, то тѣмъ съ большею любовію онъ относится къ прославленнымъ Богомъ усопшимъ угодуникамъ Его, тѣмъ большую сокровищницу любви и заботъ о себѣ онъ предполагаетъ въ нихъ. Здѣсь уже связующая насъ съ угодуниками Божіими любовь нарочито проявляется, по взгляду народному, въ нашей молитвѣ къ нимъ, какъ нашимъ заступникамъ предъ Богомъ, и въ ихъ предстательствѣ за насъ предъ Нимъ. Опять и здѣсь, совершенно согласно съ ученіемъ Слова Божія, нашъ народъ вѣруетъ, что святые, еще при жизни своей на землѣ исполнявшіе заповѣдь Христову о любви къ ближнимъ, неизмѣнно живутъ этой любовію на небѣ, обогащаясь ею отъ тѣснѣйшаго общенія съ любвеобильнымъ Отцомъ Небеснымъ (1 Іоан. 4, 16); преисполнен-

вые Божеской любви, которая, и по пословицѣ, „не себя любить, а друга“, они и входятъ въ общеніе съ нами и въ заступленіе наше предъ Богомъ. Слово Божіе дѣйствительно представляетъ намъ примѣры молитвеннаго ходатайства за насъ святыхъ Божіихъ. Св. Іоаннъ Богословъ удостоился видѣть въ откровеніи, какъ двадцать четыре старца молились предъ Агнцемъ — Господомъ за присныхъ своихъ по вѣрѣ, и это были молитвы святыхъ (Апок. 5, 8). Св. ап. Петръ обѣщаль ученикамъ своимъ—братьямъ по вѣрѣ не прекращать своего попеченія о нихъ предъ Богомъ послѣ своей смерти (2 Петр. 1, 13—15). Понятно, что и наша любовь къ святымъ угодникамъ должна выражаться въ молитвахъ къ нимъ о нашемъ благополучіи и заступленіи насъ предъ Богомъ отъ напастей, какъ научаетъ насъ этому то же Слово Божіе и какъ согласно съ нимъ поступаетъ нашъ народъ. Слово Божіе одобряетъ молитвенныя обращенія наши къ святымъ устами ап. Іакова, сказавшаго: „много можетъ усиленная молитва праведнаго“ (Іак. 5, 16), а также пророческимъ предуказаніемъ прееблагословенной Дѣвы Маріи—Матери Божіей, предрекшей: „отнынѣ будутъ ублажать меня всѣ роды“ (Лк. 1, 48). Оно представляетъ и примѣры молитвеннаго обращенія живыхъ людей къ прославленнымъ угодникамъ Божіимъ, напр., въ молитвѣ св. праведнаго царя Давида (1 Парал. 29, 18) и пр. Даніила (3, 36). Съ молитвою послѣдняго: „не отними отъ насъ милости Твоей ради Авраама, возлюбленнаго Тобою, ради Исаака, раба Твоего, и Израиля, святаго Твоего“, наша православная Церковь научаетъ и насъ обращаться къ Богу, потому что она возглашаетъ эту молитву на одномъ изъ вечернихъ богослуженій.

А. Волгинъ.

(Окончаніе будетъ).

П о д в и г ъ.

(Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства).

I.

„Могій вмѣстити, да вмѣститъ“
(Мѡ. 19, 12).

Въ центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи май 187* года заканчивался тропически жаркими днями. Въ одинъ изъ такихъ дней, часовъ около 10 утра, на полустанкѣ N-ской желѣзной дороги служащіе и публика дожидались прихода пассажирскаго поѣзда. Одни изъ предполагавшихъ ѣхать дремали, помѣстившись на скамьяхъ и на полу платформы; другіе, собравшись въ кружокъ, о чемъ-то вяло разговаривали; иные безцѣльно бродили взадъ и впередъ, ежеминутно посматривая въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться поѣздъ.

— Эва, братцы, дымъ показался! — кто-то радостно вскрикнулъ.

— Слава тебѣ Господи! — облегченно вздохнувъ, сказали нѣкоторые.

Всѣ засуетились и, взявъ пожитки, выступили къ краю платформы.

Пассажировъ вышло только трое: молодой, съ неотросшими волосами, священникъ, его еще болѣе молодая жена и среднихъ лѣтъ крестьянинъ, довольно чисто одѣтый. Получивъ свой багажъ и сдавъ его на храненіе, пріѣзжіе направились къ находившемуся въ сторонѣ отъ вокзала постоялому двору.

— Какъ нынче жарко! — утирая большимъ краснымъ платкомъ лицо, проговорилъ крестьянинъ.

— А сколько, вы говорили, версть до Богородскаго? — спросила его жена священника.

— Версть двадцать пять безпремѣнно будетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Въ двухъ-этажномъ деревянномъ грязномъ постояломъ дворѣ имѣлись для пріѣзжающихъ отдѣльные номера.

Это были небольшія низенькія комнатки, съ ободранными выдвѣтшими обоями и убогою обстановкою. Пыли и грязи здѣсь было не менѣе, чѣмъ и въ общихъ комнатахъ. Старикъ-прислужникъ съ утиной походкой провелъ путниковъ въ верхній этажъ и помѣстилъ ихъ въ угловомъ номерѣ.

О. Григорій Ивановичъ Шестаковъ, (такъ звали священника) происходилъ изъ обѣднѣвшаго купеческаго рода, а его жена—Софья Петровна, дочь известнаго въ губернскомъ городѣ Z врача, принадлежала къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Григорій Ивановичъ еще съ ранняго дѣтства привыкшій посѣщать съ богомольными родителями приходскій храмъ и всей душой любившій церковное богослуженіе, часто мечталъ „выйти во священники“... Теперь его желанія сбылись: онъ ѣхалъ во вѣрренный ему приходъ. Три года тому назадъ онъ прекрасно кончилъ курсъ духовной семинаріи; начальство предназначало его для отправки въ духовную академію, но Григорій Ивановичъ отказался: ужъ очень хотѣлось ему поскорѣй быть батюшкой и на дѣлѣ осуществить то, къ чему съ дѣтства стремился онъ всѣми силами своей души.

Софья Петровна, вышедшая замужъ по любви, получила образованіе въ гимназін; она вполнѣ сочувствовала мужу и надѣялась быть для него полезной въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія прихожанъ.

По наружности супруги были положительно контрастами. У о. Григорія были черные волосы, продолговатое съ орлинымъ носомъ лицо, которому свѣтящіяся умомъ и энергіей каріе глаза придавали строгое, особенно на первый взглядъ, выраженіе. Роста онъ былъ выше средняго, тѣлосложеніемъ статенъ и худощавъ. У невысокой Софьи Петровны было круглое съ добрѣйшими голубыми глазами и нѣжной кожей лицо, небольшой, но хорошенькій выпуклый лобикъ, обрамленный мягкими, какъ пухъ, золотистыми волосами.

Крестьянинъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ, — познакомился съ своимъ

вновь назначеннымъ приходскимъ священникомъ еще въ вагонѣ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы съ краснымъ товаромъ. Звали его Семеномъ Лукичемъ. Это былъ мужчина средняго роста, лѣтъ около 40, крѣпкаго тѣлосложенія, круглолицый, рыжебородый, съ небольшими голубыми глазами и лысиной почти во всю голову; тощенькія рыжіе прядочки волосъ его едва—едва прикрывали впалые виски и низъ затылка. Говорилъ онъ тоненькимъ сиповатымъ голоскомъ.

— Мнѣ очинно, значить, пріятно попить съ вами чайку,—заговорилъ Семень Лукичъ, когда о. Григорій пригласилъ его къ чайному столу.

— А я давеча,—продолжалъ онъ, усаживаясь на дырявомъ стулѣ,—смотрю эфто въ вагонѣ: чей, думаю, эфто батюшка ѣдетъ? такой, значить, молоденькій? А и не вдомекъ, что вы, значить, къ намъ будете!

— Очинно, пріятно, очинно пріятно!—говорилъ Семень Лукичъ, стуча по большому чайнику крышечкой.

— Что прикажете?—быстро входя въ комнату, спросилъ прислужникъ.

— Очищеннаго самаго лучшаго полбутылочки!—не глядя на него сказалъ Семень Лукичъ.—Вотъ мы съ вами и выпьемъ попервоначалу для будущаго, значить, пріятствія, — продолжалъ онъ, любезно обращаясь къ о. Григорію.

— Благодарю васъ! я водки не пью.

— Да неужели?! А зачѣмъ я полбутылку-то заказывалъ: мнѣ одному оно, значить, многонько будетъ!—сокрушенно качая головой, говорилъ Семень Лукичъ.

— А ужъ это ваше дѣло,—сказалъ о. Григорій улыбаясь.

— Вотъ те и на! а я думалъ, значить, съ вами компанію раздѣлить.

— Развѣ безъ водки нельзя этого сдѣлать?—замѣтила Софья Петровна.

Оно, конечно, и безъ водки можно, а все-жъ таки, значить, съ винцомъ-то много интереснѣе вышло бы,—отвѣчалъ видимо опечаленный Семень Лукичъ, поглаживая бороду.

Прислужникъ принесъ водку. Семень Лукичъ, съ видомъ знатока, началъ въ слухъ по складамъ разбирать надпись на полубутылкѣ, держа ее лѣвой рукой, а указательнымъ пальцемъ правой водилъ по буквамъ; потомъ налилъ себѣ рюмку.

— За ваше здоровье, батюшка и матушка,—сказалъ онъ, набожно перекрестившись и поднося рюмку ко рту:— вы не кушаете, такъ я ужъ потружусь за вашу, значить, милость!... Эхъ, не позабыть мнѣ о. Петра, покойнаго нашего священника,—заговорилъ снова онъ, сплевывая на полъ и утирая ротъ полой суконной поддевки.—Бывало, придетъ ко мнѣ съ молебномъ, отслужить эфто чинъ-чиномъ, а потомъ и скажетъ покойный: „Семенушка! для праздника-то, чай, выпить надоть! у тебя коли не выпить, тогда гдѣ же и выпить?“... Любилъ покойный водочку! Сотвори ему, Господи, вѣчную память! пошли ему пресвѣтлый рай! Не брезговаль онъ нами, грѣшными! ну и мы, значить, его любили!

При послѣднихъ словахъ Семень Лукичъ налилъ себѣ другую рюмку.

— Васъ кто-то спрашиваетъ,—сказалъ вошедшій прислужникъ.

— Поди, за мной выѣхаль племянникъ! — произнесъ Семень Лукичъ выпивая.— Скажи: сію минуту иду,—отвѣчалъ онъ ждавшему отвѣта прислужнику.

— А за симъ до свиданія!—обратился Семень Лукичъ къ батюшкѣ съ матушкой, забирая водку:—простите, можа чѣмъ и согрубилъ вамъ!...

Нечего сказать—пріятное знакомство для начала! грустно улыбаясь, промолвилъ о. Григорій, когда Семень Лукичъ вышелъ.

II

Село Богородское, куда назначенъ былъ о. Григорій священникомъ, раскинулось на обшироой равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ еловыми и березовыми лѣсами. Въ селѣ насчитывалось болѣе 300 крестьянскихъ дворовъ, расположенныхъ тремя длинными, другъ-другу параллельными ули-

цами, которыя своими южными концами выходили къ громадному пруду, почти до середины покрытому зеленью. На южномъ берегу пруда, поверхъ купы могучихъ березъ и липъ, высилась стройная бѣлая колокольня Богородскаго храма. Далѣе на югъ, утопая въ густой зелени садовъ, виднѣлась Поповка, какъ обыкновенно называли крестьяне причтовый поселокъ. Въ день приѣзда о. Григорія въ селѣ, по случаю празднованія „девятой пятницы“¹⁾, народъ не работалъ: пожилые мужики и бабы, одѣтые по-праздничному, сидѣли на завалинкахъ и мирно бесѣдовали на всевозможныя темы; по улицамъ сновали и возились ребятишки: около пруда, на большой ровной площади, веселились парни и дѣвушки: въ одномъ мѣстѣ шла бойкая игра въ горѣлки, въ другомъ, подъ звуки невозможно—визгливой гармоники, съ величайшимъ усердіемъ оттапывалась „господская кандрель“, недавно проникшая въ деревню; въ третьемъ—кружились хороводы, сопровождаемые старинными пѣснями. Надъ селеніемъ стоялъ гомонъ и шумъ. Въ особенности было шумно около трактира, что стоялъ на сѣверномъ краю средней улицы. Оттуда неслись дикое пьяное пѣніе, неопредѣленные для слуха гулъ и ревъ, которые по временамъ покрывались громогласною площадною бранью. Зато въ Поповкѣ царила полифѣйшая тишина, изрѣдка, впрочемъ, нарушаемая сухимъ громкимъ кашлемъ о. дьякона. Онъ съ самаго обѣда рылъ канавки около своего палисадника, лишь на дняхъ засаженнаго ягодными кустами. Это былъ высокій, худощавый мужчина, лѣтъ 25, съ густыми темнорусыми на головѣ волосами, которые, выбиваясь изъ-подъ широкополой поношенной шляпы, падали на плечи роскошными волнообразными локонами (о. дьяконъ не любилъ заплетать волосъ въ косу). Продолговатое лицо его съ большими сѣрыми вдумчивыми глазами и еле замѣтной русой бородкой было болѣзненно—блѣдно. Онъ служилъ здѣсь

¹⁾ Во многихъ мѣстностяхъ нашей родины крестьяне празднуютъ всѣ пятницы, начиная съ Пасхи и до Ильина дня.

недавно и не успѣлъ еще вполне устроиться. Семья его состояла изъ жены и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей.

Уже о. дьяконъ кончилъ свою работу, какъ съ шумомъ раскрылось окно псаломщикова дома, и высунулась на улицу сѣдая, съ небольшою лысиною голова. Это выглянулъ псаломщикъ-вдовецъ, жившій совершеннымъ бобылемъ. Желая обратить на себя вниманіе заработавшагося сосѣда, псаломщикъ крикнулъ густымъ старческимъ басомъ. О. дьяконъ, утирая платкомъ потное лицо, машинально обернулся на звукъ.

— Богъ помощь, о. дьяконъ! — пробасилъ старикъ.

— Спасибо, Василій Прокофѣичъ, — отозвался тотъ.

— Куда это вы утромъ давеча ѣздили? — спросилъ псаломщикъ.

— Да что! насилу развязался съ церковными книгами о. благочиннаго: еще великимъ постомъ взялся ихъ переплести, а вотъ до коихъ поръ дотянулъ, — вчера только кончилъ, а нынче утромъ сvezь.

— Такъ, такъ! — задумчиво проговорилъ старикъ: — а что, не слыхать про новаго настоятеля? — немного помолчавъ, добавилъ онъ.

— Да говорятъ, будто бы на дняхъ пріѣдетъ. О. благочинный получилъ письмо отъ своего кума, члена консисторіи, который и пишетъ, что-де въ Богородское 21 мая посвятили молодого студента семинаріи.

— Вотъ какъ! скоро пріѣдетъ!... и молодой говорите?

— Да, молодой.

— Каковъ-то будетъ? — вздохнувъ, сказалъ старикъ.

— А намъ-то что? — разводилъ руками, возразилъ о. дьяконъ: — веди себя хорошо, — продолжалъ онъ, — будь по службѣ исправенъ, тогда всякимъ настоятелемъ доволенъ будешь. Вѣдь дѣло-то не въ томъ, каковъ настоятель, а въ томъ, каковъ самъ-то! вотъ оно что! — и, проговоривъ это, онъ началъ счищать грязь, прилипшую къ заступу.

— Эхъ, о. дьяконъ! всякіе настоятели-то бывають. Вы еще молоды, мало видали на своемъ вѣку, а мнѣ какъ стукнуло ужъ семь десятковъ, такъ я ихъ и знаю! Четверыхъ настоятелей пережилъ, пятого теперь жду. Другому—будь хоть семи пядей во лбу, а не угодишь: ужъ онъ-те сгубить!—укоризненно проговорилъ Прокофьичъ, гордясь своей многолѣтней опытностью.

— Зачѣмъ, Прокофьичъ, Бога гнѣвить? Это въ старину такіе настоятели-то бывали, а теперь, братецъ-ты мой, молодыхъ священниковъ нечѣмъ похаять. Водки и прочаго хмельнаго пьютъ мало, а то и вовсе не употребляютъ; съ причтомъ и народомъ обходятся ласково; по службѣ исправны; отъ причта дохода не утаивають. Развѣ неправду говорю?—оживленно сказалъ о. дьяконъ.

— Ишь вѣдь какъ вы молодыхъ-то расхваливаете!—насмѣшливо замѣтилъ псаломщикъ, поглаживая свою сѣдую бороду.—Оно—правда, молодые попы стелють-то мягко, да только спать-то ужъ очень жестко бываетъ. Въ старину, бывало, въ приходѣ-то такъ здорово за галстукъ заложить, что и про домъ-то позабудешь; а настоятель-то не только тебѣ ни слова не скажетъ, а еще, глядишь, и опохмелить опосля. А жили-то какъ дружно! Разъ, помню, нашъ пономарь—Агаѳонычъ,—грубіянь былъ, прости его Господи!—въ пьяномъ видѣ такъ-то знатно отдубасилъ настоятеля-то въ приходѣ! И што же?—На другой день помирились! у меня, значить, оба и опохмелились,—а то дома-то попадья не дала бы выпить. Ну-ка теперь попробуй такъ сдѣлать! Анъ улетишь туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ! Вотъ оно дѣло-то!... Али, къ примѣру, взять прихожанъ. Какъ они любили прежнихъ поповъ-то! А теперешнихъ что-то тово, небольшо долюбивають! Не позабыть мнѣ, какъ прошлымъ лѣтомъ я исправлялъ за псаломщика въ Воскресенскомъ приходѣ. Тамъ священникъ-то, вы знаете, недавно служить. Вотъ, помню, сѣли у одного зажиточнаго крестьянина закусить послѣ молебна и чайку понить. Хозяинъ выставилъ, значить, графинъ

съ водкой, налилъ стаканчикъ и подаетъ попу-то. — „Выкушай, говоритъ, винца-то для праздничка“. А тотъ ему и отвѣчаетъ: „Водки я не пью, да и тебѣ не совѣтую, потому что она ядъ“... И пошелъ и пошелъ рацеи разныя вычитывать. Сразу всѣ примолкли и сидятъ надувшись: и хозяинъ и сродники. А какъ стали мы изъ избы-то выходить, хозяинъ-то задержи меня да и говоритъ: „Дьячекъ, давай хоть съ тобой для праздничка выпьемъ! вишь, попъ-то у насъ какой капризный! брезгуеть, значить, нами, а мы-то завсегда своимъ духовнымъ отцамъ очинно рады бываемъ!“ — Вотъ тебѣ и молодой! Они, молодые-то, горды больно—вотъ оно што.

— Тебя, Прокофьичъ не переспоришь!—лукаво улыбаясь, замѣтилъ о. дьяконъ.—Скажи-ка лучше,—продолжалъ онъ,—какова по твоимъ примѣтамъ завтра погода будетъ, а то мнѣ нужно бы завтра за плугомъ въ городъ съѣздить?

— Пожалуй, на утро дождь соберется: у меня всю поясницу нонѣ разломило,—а ужъ это безиремѣнно къ дождю... Прощайте, о. дьяконъ!—И послѣ этихъ словъ старикъ охая и вздыхая скрылся, шумно захлопнувъ окно.

— Вотъ въ томъ-то и горе твое, Прокофьичъ, что до сѣдыхъ волосъ дожилъ, а водочку больше правды любишь!—вполголоса разсуждалъ о. дьяконъ, направляясь къ крыльцу съ заступомъ на правомъ плечѣ.

И. Горскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отвѣтъ собрату.

Въ № 10 „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1904 г., въ статьѣ: „Наблюденія и замѣтки сельскаго священника“, почтенный авторъ выражаетъ сѣтованіе на то, что при епархіальныхъ вѣдомостяхъ не издаются листки „спеціально для народа“. Спѣшу сообщить, что въ С.-Петербургской епархіи уже сдѣланъ подобнаго рода опытъ. Редакція журнала: „Отдыхъ христіанина“, при которомъ издается офи-

ціальный органъ духовенства С.-Петербургской епархіи, пожелала помочь пастырю удовлетворить просьбу обращающихся къ нему прихожанъ: „батьюшка, дай листочекъ почитать въ воскресенья“, и предприняла въ прошломъ 1903 г. изданіе религіозно-нравственнаго еженедѣльнаго журнала: „Воскресный благовѣсть“. Каждый номеръ его заключаетъ въ себѣ поученіе на воскресный день, даже—житіе святого, чтимаго въ этотъ день или въ теченіе седмицы, потомъ—различныя религіозно-нравственныя статьи, между прочимъ, „Изъясненіе евангельскихъ истинъ, какъ словъ жизни“. Въ каждомъ номерѣ 16 стр. (печатный листъ). Въ текущемъ году журналъ значительно улучшенъ и увеличенъ въ объемѣ (32 стр., или два печатныхъ листа); кромѣ того подписчики получаютъ сборникъ проповѣдей, разказовъ и статей религіозно-нравственнаго характера подъ заглавіемъ: „Добрый другъ“. Каждый номеръ представляетъ собою отдѣльную законченную вещь, изложенную простымъ языкомъ, и можетъ служить для раздачи въ родѣ листовъ народу. Для желающихъ ознакомиться съ журналомъ: „Воскресный благовѣсть“ сообщаю адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обводный каналъ, 116, контора Александроневскаго общества трезвости. Цѣна съ доставкой и пересылкой 1 рубль. Свящ. *Модестъ Чижевскій*.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 24 апрѣля 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Ө. Титовъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, мая 9-го.

Содержаніе: По поводу новѣйшихъ взглядовъ на отношеніе библейскихъ вѣ-
рованій и сказаній къ вавилонскимъ — Народныя возрѣнія на свя-
тыхъ и на церковныя праздники съ точки зрѣнія христ. ученія
о почитаніи святыхъ и праздниковъ (окончаніе). — Изъ дневника
поворучкоположеннаго сельскаго священника. — Проповѣдь и цензура.

**По поводу новѣйшихъ взглядовъ на отношеніе
библейскихъ вѣрованій и сказаній къ вавилон-
скимъ.**

Изъ многочисленныхъ вопросовъ касательно Библии и
содержащихся въ ней вѣрованій и сказаній въ послѣдніе два-
три года выдвинуть на первый планъ вопросъ объ отношеніи
Библии къ Вавилону. Повсюду на Западѣ, а особенно въ Гер-
маніи, названный вопросъ въ послѣднее время возбуждалъ
чрезвычайное вниманіе, захвативъ широкую волною все обще-
ство, начиная отъ императора и представителей высшей адми-
нистраціи и кончая простыми рабочими. Съ цѣлью обсужденія
вопроса созывались собранія, составлялись рефераты, написаны

въ большомъ количествѣ монографіи, журнальныя статьи и брошюры. Безъ преувеличенія можно сказать, что книжный рынокъ Запада въ послѣднее время буквально наводнился литературой, посвященной вопросу объ отношеніи Библии къ Вавилону.

Не прошелъ незамѣченнымъ этотъ вопросъ и у насъ въ Россіи. При этомъ на него отозвалась у насъ не только духовная литература, вѣдѣнію которой онъ подлежитъ непосредственно, а и свѣтская, обыкновенно равнодушная къ вопросамъ богословскимъ. Бѣглыя замѣтки по этому вопросу можно было встрѣчать въ послѣднее время почти во всѣхъ газетахъ: а въ одной изъ нихъ, самой распространенной, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ даже помѣщенъ полный русскій переводъ самаго боеваго и сенсационнаго трактата по названному вопросу.

Все это, несомнѣнно, показываетъ, что данный вопросъ принадлежитъ къ числу серьезныхъ, живыхъ, затрагивающихъ насущные духовные интересы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ продолжительнаго и ожесточеннаго спора, вызваннаго вопросомъ, очевидно, что онъ далеко не можетъ считаться рѣшеннымъ и яснымъ. Попытку освѣтить важнѣйшіе пункты вопроса, а также ознакомить съ сущностью его; и представляетъ настоящій очеркъ.

Вопросъ объ отношеніи библейскихъ вѣрованій и сказаній къ вавилонскимъ, обсуждаемый съ такимъ жаромъ въ современной литературѣ, возникъ, собственно говоря, еще въ половинѣ XIX столѣтія. Поводомъ къ возникновенію его послужили тѣ раскопки, которыя съ этого времени стали производить въ области рѣкъ Тигра и Евфрата, въ предѣлахъ древней Вавилоніи и Ассиріи. Начало этимъ раскопкамъ положилъ въ 1820 г. англичанинъ Ричъ, раскопавшій нѣсколько кургановъ вдоль Евфрата и описавшій одинъ изъ нихъ, находившійся противъ Мосула. Послѣ Рича, въ сороковыхъ годахъ, были произведены подобныя же раскопки французскимъ консуломъ Боттою и англичаниномъ Лэйардомъ. Блестящіе

результаты раскопокъ возбудили интресъ и сочувствіе къ нимъ. Съ того времени дѣло раскопокъ стали вести въ широкихъ размѣрахъ и методически. Этимъ дѣломъ стали заниматься не отдѣльныя лица, а цѣлыя экспедиціи, состоящія изъ выдающихся ученыхъ, располагающія большими матеріальными средствами и пользующіяся поддержкой правительствъ. Въ такомъ видѣ существуетъ дѣло месопотамскихъ раскопокъ и нынѣ.

Въ результатѣ полувѣковыхъ археологическихъ изслѣдованій явилась къ настоящему времени цѣлая масса научнаго матеріала, наличность котораго до половины XIX в. даже и не подозрѣвались. Въ раскопанныхъ холмахъ, которыми усѣяна область Тигра и Евфрата, открыты развалины дворцовъ, храмовъ и разнаго рода зданій. Въ безчисленномъ количествѣ здѣсь найдены сосуды, вазы, статуи, барельефныя изображенія, печати и другіе вещественные памятники древней жизни Месопотаміи. Но самой дѣнной частью, доставленной раскопками добычи, безъ сомнѣнія, оказались тѣ глиняныя плитки, исписанныя клинообразнымъ письмомъ, изъ которыхъ состояли вавилонскія библіотеки. Въ этихъ плиткахъ наука получила цѣлую вавилонскую литературу, доселѣ бывшую совершенно неизвѣстной. Количество этой литературы, опубликованное доселѣ, весьма значительно. Издаваемая напр., группою нѣмецкихъ ассиріологовъ такъ назыв. „Клинописная Библіотека“ обнимаетъ уже восемь большихъ книгъ, причемъ это далеко не все, что оставили въ наслѣдство намъ древніе обитатели береговъ Тигра и Евфрата. Эта „Клинописная Библіотека“ разнообразна по своему содержанію. Она состоитъ изъ текстовъ историческихъ, въ которыхъ разсказывается о дѣятельности месопотамскихъ царей; ихъ постройкахъ, войнахъ, распоряженіяхъ. Затѣмъ, въ ней имѣются документы юридическаго характера, въ видѣ контрактовъ, дарственныхъ записей, сборниковъ законовъ; дипломатическая переписка чиновниковъ и царей, словари, грамматики, разнаго рода учебники

и руководства. Но особенно значительную и цѣнную часть „Клинописной Библіотеки“ составляютъ миѣы и сказанія, а также сборники гимновъ, молитвъ и заклинаній.

Перечисленный богатый матеріаль, доставленный раскопками, въ особенности вавилонской литературой, послужилъ основаніемъ новой науки „ассиріологіи“. Этимъ матеріаломъ, конечно, прежде всего воспользовались для исторіи той страны, гдѣ онъ былъ найденъ, т. е. для исторіи Вавилоніи и Ассиріи. До времени раскопокъ эта исторія была почти совершенно неизвѣстна ученому міру, и въ свѣдѣніяхъ о ней была неразрѣшимая путаница. Раскопки въ Месопотаміи произвели въ данномъ случаѣ полную, удивительную перемѣну: онѣ уяснили множество спорныхъ вопросовъ, обогатили исторію Месопотаміи цѣлымъ рядомъ новыхъ и крупныхъ фактовъ, оживили эту исторію массой вещественныхъ памятниковъ и дали возможность поставить ее на должную высоту.

Но вавилонская литература оказалась имѣющей значеніе не только для исторіи страны, гдѣ она появилась, а и для исторіи всего передняго Востока, — въ частности, для исторіи еврейскаго народа, — тѣхъ вѣрованій и сказаній, которыя заключаются въ Библии.

Месопотамія, родина вавилонянъ, всегда стояла въ близкихъ отношеніяхъ къ Хаанау, обѣтованной землѣ древняго Израиля, колыбели Библии и христіанства. На берегахъ Тигра и Евфрата находилось жилище первыхъ людей — рай. Здѣсь совершились тѣ событія, о которыхъ рассказываетъ въ начальныхъ главахъ кн. Бытія. Отсюда вышелъ родоначальникъ еврейскаго народа Авраамъ. Съ этой страной вель продолжительныя войны Израиль въ періодъ царей. На рѣкахъ вавилонскихъ отбывалъ онъ опредѣленное ему время божественной кары, здѣсь составилъ священныя пѣсни, вошедшія въ Псалтирь, и удостоился въ лицѣ Іезекіиля и Даниила таинственныхъ пророческихъ видѣній. Естественно, отсюда, что въ новооткрытыхъ памятникахъ вавилонской литературы стали искать разъясненій, относящихся къ Библии и

библейской исторіи. Поиски сразу же увѣнчались успѣхомъ, и многое въ Библии получило для себя освѣщеніе въ клинописныхъ текстахъ. Многія встрѣчающіяся въ Библии имена царей, народовъ, мѣстностей, — имена, бывшія доселѣ только пустымъ и ничего не говорящимъ звукомъ, наполнились содержаніемъ и получили жизнь. Многіе факты, казавшіеся прежде сомнительными и непонятными, нашли для себя подтвержденіе и разъясненіе. Пр. Исаія, напр., свидѣтельствуетъ, что ассирійскій царь Саргонъ послалъ своего полководца Тартана для завоеванія Азота, и Азотъ былъ взятъ (гл. 20). Раскопками открытъ дворецъ этого Саргона, а на одномъ изъ рельефовъ дворца мы видимъ самого царя разговаривающимъ съ полководцемъ. Въ кн. Царствъ сообщается, что іудейскій царь Езекиа уплатилъ царю ассирійскому Сеннахериму въ городѣ Лахисѣ дань въ 300 талантовъ серебра и 30 талантовъ золота (4 Цар. 18, 14). Въ новооткрытомъ ниневійскомъ дворцѣ Сеннахерима мы видимъ теперь рельефное изображеніе ассирійскаго царя, возсѣдающаго на тронѣ въ виду завоеваннаго города, и здѣсь же читаемъ надпись: „Сеннахеримъ, царь вселенной, царь Ассиріи, сѣлъ на свой тронъ и осматривалъ добычу Лахисскую“. Подобныя иллюстраціи къ библейскимъ свидѣтельствамъ и поясненія доставлены раскопками въ множествѣ. Естественно, вслѣдствіе этого, что возникшая на почвѣ месопотамскихъ открытій новая наука ассириологія была встрѣчена богословами и экзегетами съ довѣріемъ. Въ ней увидѣли могучую союзницу, которую можно привлечь на защиту библейскихъ сказаній. Съ теченіемъ времени довѣріе къ ассириологіи и надежды на нее возрасли еще болѣе. Въ 1872 г. англичанину Д. Смитъ удалось найти отрывокъ вавилонскаго разсказа о потоцѣ, сходнаго съ библейскимъ, а въ скоромъ времени тотъ же Смитъ отыскалъ и другіе отрывки вавилонскихъ сказаній о первобытныхъ временахъ, совокупности которыхъ онъ далъ названіе „Халдейскаго Бытія“. Это открытіе произвело настоящую сенсацию. Почитатели Библии теперь окончательно убѣдились въ

томъ, что предъ свидѣтельствомъ клинописной литературы должно исчезнуть всякое сомнѣніе. Повсюду повторяли евангельское изученіе о камняхъ вопіющихъ. Говорили: давно похороненные, но теперь вырытые камни вопятъ противъ людей, нападающихъ на нашу святую истину; давно забытыя имперіи древняго Востока возстали изъ своихъ вѣковыхъ могилъ во свидѣтельство достовѣрности словесъ Божіихъ.

Указанное увлеченіе апологетическимъ значеніемъ месо-потамскихъ открытій скоро, однакоже, смѣнилось разочарованіемъ и опасеніями. Обнаружилось, что ассиро-вавилонская литература можетъ быть употреблена и въ качествѣ оружія противъ авторитета Библии, противъ ея вѣрованій и сказаній. Съ полною ясностью это новое направленіе проявилось въ послѣдніе два-три года. Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого направленія и популяризаторомъ его идей явился нѣмецкій ассириологъ Фридрихъ Деличъ. 13 января 1903 г. Фр. Деличъ выступилъ съ рѣчью на тему „Вавилонъ и Библия“. Рѣчь эта была произнесена отъ имени нѣмецкаго Восточнаго общества въ торжественномъ собраніи, на которомъ присутствовалъ германскій императоръ Вильгельмъ. Рѣчь удостоилась высочайшаго одобренія, и 1-го февр. того же года Деличъ долженъ былъ повторить ее въ императорскомъ дворцѣ въ присутствіи царственныхъ особъ и избраннаго общества. Такія исключительныя обстоятельства придали рѣчи Делича чрезвычайный интересъ: сейчасъ же содержаніе ея было всюду передано по телеграфу, появились во всѣхъ газетахъ краткіе и подробные отчеты о ней, а по выходѣ ея въ свѣтъ въ прекрасномъ, богато иллюстрированномъ изданіи она быстро разошлась въ тысячахъ экземпляровъ. Появленіе рѣчи въ печати вызвало обсужденіе ея и породило тотъ горячій споръ, который не прекращается и до настоящаго времени. Въ 1903 г. Деличъ, только что возвратившійся изъ Вавилона, прочиталъ вторую рѣчь о Библии и Вавилонѣ. Рѣчь опять говорилась въ присутствіи германскаго императора и избран-

наго общества, опять сдѣлалась злобой дня и вызвала даже спеціальное письмо имп. Вильгельма.

Одновременно съ рѣчами Делича и брошюрами его единомышленниковъ, излагавшими разсматриваемый нами вопросъ въ популярной формѣ, появилось и ученое сочиненіе по тому же вопросу, составленное ассиріологами Винклеромъ и Циммерномъ. Въ этомъ сочиненіи, представляющемъ послѣднее слово науки по разсматриваемому нами вопросу, взгляды, кратко выраженные Деличемъ, являются уже въ обстановкѣ ученой и доводятся, можно сказать, до геркулесовыхъ столбовъ.

Сущность этихъ новыхъ взглядовъ на отношеніе Библии къ Вавилону сводится къ слѣдующему.

Говорятъ: библейскія вѣрованія и сказанія настолько сходны съ соотвѣтствующими имъ вѣрованіями и сказаніями вавилонскими, что относительно этого сходства не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Въ вавилонской литературѣ есть указанія на существованіе у обитателей Месопотаміи вѣры въ единого Бога; здѣсь найдены пространныя сказанія о сотвореніи міра и о потопѣ, сохранились слѣды существованія сказаній о раѣ, грѣхонаденіи прородителей и о патріархахъ. Самыя послѣднія раскопки—раскопки Моргана въ Сузахъ доставили намъ сборникъ законовъ вавилонскаго царя Хаммураби, и этотъ сборникъ оказывается близкимъ и по духу и по буквѣ къ тому сборнику законовъ, который былъ данъ еврейскому народу Моисеемъ. Сходство между Библией и Вавилономъ касается, далѣе, религіозныхъ обрядовъ и установленій, напр., жертвъ, праздниковъ, понятій о грѣхѣ и праведности, представленій объ ангелахъ и загробной жизни.

Спрашивается: чѣмъ объяснить это сходство сказаній библейскихъ съ вавилонскими? Это сходство, отвѣчаютъ названные ученые, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что библейскія сказанія и вѣрованія были *заимствованы* изъ Вавилона. Месопотамія, разсуждаютъ они, въ глубокой древности, задолго до начала исторической жизни еврейскаго народа,

была страной высоко развитой культуры. Вліяніе этой культуры простиралось на всю переднюю Азію и, въ частности, на землю Ханаанскую. Когда двѣнадцать колѣнъ Израиля вторглись въ Ханаанъ, они вступили въ страну, которая всецѣло была областью вавилонской культуры. Не только промышленность, но и торговля, и право, и науки Вавилона давали тонъ странѣ. Естественно, что поселившись въ землѣ Ханаанской, еврейскій народъ всецѣло подчинился вліянію Вавилона. Это подчиненіе выразилось въ заимствованіи вавилонскихъ сказаній о первобытныхъ временахъ, въ усвоеніи вавилонскихъ представленій о богахъ и перенесеніи этихъ представленій на Іегову, Бога Израилева, въ принятіи, наконецъ, вавилонскихъ религіозныхъ установленій и нравственныхъ понятій.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ тотъ новый взглядъ на отношеніе Библіи къ Вавилону, который получилъ преобладаніе въ наукѣ въ настоящее время.

В. Р—скій.

(Продолженіе будетъ).

Народныя воззрѣнія на святыхъ и на церковные праздники съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о почитаніи святыхъ и праздниковъ ¹⁾.

Усвояя святымъ угодицамъ живую готовность помогать намъ въ нашихъ нуждахъ и потребностяхъ, русскій народъ представляетъ эту готовность ихъ къ нашей помощи въ конкретной формѣ сочувствія извѣстныхъ святыхъ тѣмъ нуждамъ и потребностямъ, которыя испытали они сами въ своей земной жизни или въ которыхъ они неоднократно оказывали помощь нуждающимся. Подобное представленіе составилось въ результатѣ перенесенія на отношенія къ намъ святыхъ наблюдаемыхъ особенностей въ характерѣ взаимныхъ чело-

¹⁾ См. № 18 за 1904 г.

вѣческихъ отношеній между людьми на землѣ, гдѣ, замѣчалъ нашъ народъ, къ тѣмъ или другимъ нашимъ нуждамъ и потребностямъ съ бѣльшимъ сочувствіемъ относится тотъ, кто самъ испыталъ подобныя нужды или кто специально посвятилъ себя дѣлу удовлетворенія ихъ, нежели тотъ, кто ни самъ не испыталъ ихъ, ни трудился надъ устраненіемъ ихъ. Такъ судить объ отношеніяхъ къ намъ святыхъ, по образу взаимныхъ чисто человѣческихъ отношеній земныхъ, не грѣшно, если при этомъ не соединять съ этимъ представленіемъ мысли, что тотъ или другой святой не можетъ помочь намъ въ нуждѣ, которой онъ не испыталъ, или о которой мы не знаемъ, помогалъ ли онъ въ ней людямъ. Не грѣшно почитать ап. Петра покровителемъ рыбнаго промысла и молитвенникомъ за рыбаковъ, если при этомъ не думать, что онъ только и можетъ покровительствовать людямъ въ занятіяхъ рыбнымъ промысломъ, которымъ самъ занимался, а въ другихъ дѣлахъ помочь намъ безсиленъ. Не грѣшно почитать священномученика Антину утишителемъ и цѣлителемъ зубной боли, если только не ограничивать его готовность помогать намъ однимъ только этимъ видомъ подаенія намъ помощи, какъ такимъ, въ которомъ онъ явилъ людямъ свою любовь еще при жизни и особенно при смерти. Ничего нѣтъ противнаго духу христіанской любви допускать въ святыхъ живѣйшую готовность отзываться помощью намъ преимущественно въ тѣхъ нуждахъ и потребностяхъ, на которыхъ, испытаніемъ ли ихъ въ своей жизни, путемъ ли служенія ближнимъ неоднократно удовлетвореніемъ этихъ нуждъ, созрѣвала и развивалась ихъ любовь къ Богу и ближнимъ. Но, подобно тому какъ въ людяхъ, живущихъ на землѣ, проявленіе любви къ ближнему въ какой-либо только одной привычной формѣ,—хотя бы, напр., подачею милостыни съ отказомъ служить ему иными видами помощи, напр., заступленіемъ въ обидахъ, утѣшеніемъ въ печали и т. д. означало бы въ нихъ недостатокъ и скудость самой любви,—такъ точно усвоеніе и святымъ угодицамъ только одного какого-либо вида помощи намъ съ полнымъ отказомъ имъ въ отзывчиво-

сти къ другимъ нашимъ нуждамъ и потребностямъ означало бы, что мы поставляемъ предѣлы для проявленія ими своей любви къ намъ, которая на самомъ дѣлѣ не тѣсно вмѣщается въ ихъ расширенномъ благодатію Божію сердцѣ и готова служить намъ разнообразными видами покровительства и благотворительности, главное же, мы поставляли бы въ этомъ случаѣ предѣлы для дѣйствія на насъ черезъ нихъ самой благодати Божіей, потому что святые суть вѣрные слуги Божіи (4 Ц. 2, 15; ср. ис. 138, 17, Іоан. 15, 14) и не собою подаютъ намъ помощь, а волею и благодатію Божіей, черезъ нихъ дѣйствующей. Но усвоеніе извѣстному святому не исключительнаго, а преимущественнаго служенія намъ въ одной какой-либо нашей нуждѣ или потребности, не противорѣчитъ, повторяемъ, духу христіанской любви, которую святые вмѣщаютъ въ себѣ.

Эта вѣра народная въ преимущественную помощь одного святого въ одной нуждѣ, а другого въ другой, согласна и съ ученіемъ свящ. Писанія. Св. ап. Павелъ пишетъ: „Дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій всё во всѣхъ. Но каждому дается проявленіе Духа на пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ... иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Всё же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особю, какъ Ему угодно“ (1 Кор. 12, 4—11). Изъ этихъ словъ апостола мы ясно видимъ, что дары чудотворящей благодати раздѣляются св. Духомъ между вѣрующими, а не всѣмъ даются всѣ. Поэтому вѣра нашего народа въ особенную помощь извѣстнаго святого въ той именно нуждѣ, а не въ другой, имѣетъ свое основаніе въ свящ. Писаніи.

Эта вѣра подтверждается, наконецъ, и сказаніями о житіяхъ святыхъ, гдѣ много находится примѣровъ того, что Господь одинъ даръ посылаетъ чрезъ одного святого, а иной

черезъ другого, такъ что и Церковь наша, призывая благословеніе Божіе на тотъ или другой трудъ, обращается при этомъ съ молитвою къ тѣмъ угодникамъ Божіимъ, о которыхъ извѣстно, какъ о покровителяхъ того труда или занятія, церковное благословеніе котораго испрашивается вѣрующими. Напр., въ чинѣ освященія новыхъ сѣтей, она призываетъ, между прочимъ, въ своихъ молитвахъ свв. рыбарей апостоловъ Петра, Оуму, Наѳанаила и др. Пѣчему Господу благоугодно являть намъ ту или другую помощь преимущественно черезъ одного, а не другого святого, нашъ народъ объ этомъ не спрашиваетъ, и допытываться этого значить выходить за предѣлы нашего разумѣнія и поступать вопреки совѣта богопросвѣщенныхъ мужей, изъ которыхъ одинъ, премудрый Иисусъ сынъ Сираха, говоритъ: „Черезъ мѣру труднаго для себя не ищи, и что свыше силъ твоихъ, того не испытывай. Что заповѣдую тебѣ, о томъ размышляй; ибо не нужно тебѣ, что сокрыто“ (Сир. 3, 21—22).

Таковы добрыя стороны народныхъ вѣрованій въ святыхъ угодниковъ и церковные праздники, вполне согласныя, какъ видимъ, съ духомъ христіанскаго ученія о почитаніи святыхъ и праздниковъ. Поскольку, однако, не всегда надежными путями и средствами руководился нашъ народъ въ установленіи этихъ вѣрованій своихъ, поскольку своимъ, цевполнѣ отрѣшившимся отъ возрѣній и привычекъ язычества, сознаниемъ онъ не всегда правильно пользовался и надежными средствами въ этомъ дѣлѣ, въ его возрѣнія на святыхъ и церковные праздники вкрались черты, которыя нельзя признать христіански добрыми.

Мы видѣли, что, устанавливая свои возрѣнія на нѣкоторыхъ святыхъ и свое почитаніе церковныхъ праздниковъ, народъ нашъ пользовался звуковымъ сближеніемъ въ наименованіи святыхъ и праздниковъ съ названіемъ своихъ пуждъ, потребностей и тѣхъ или другихъ вообще явленій своей сельско-хозяйственной жизни. Это невинное на первый взглядъ средство не оказывается таковымъ при ближайшемъ разсмо-

трѣни и въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводитъ нашихъ простолюдиновъ къ явно несообразнымъ представленіямъ и понятіямъ о святыхъ и праздникахъ нашей Церкви. Дѣло въ томъ, что слово человѣческое заключало въ себѣ для нашихъ предковъ какую-то творческую, властительную и чародѣйственную силу. Оно не могло, правда, имѣть такого сильнаго значенія по отношенію къ внѣшней природѣ, не могло заставить свѣтить солнце, падать дождь; но за то оно всецѣло владѣло внутреннимъ міромъ древне-русскаго человѣка и тамъ проявляло свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы и заставляя нашихъ предковъ основывать на нихъ свои религіозно-нравственныя убѣжденія.¹⁾ Нѣчто подобное и до сихъ поръ замѣчается въ еще существующей у нашихъ простолюдиновъ вѣрѣ въ заговоры, въ магическую силу извѣстнаго слова или сочетаніе словъ. Отсюда выходило, что, сближая наименованіе праздника или святого съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ родной рѣчи, нашъ народъ иногда приписывалъ благодѣтельную силу, въ существѣ дѣла, не столько самому угоднику или празднику, сколько тому слову, съ которымъ онъ по созвучію сближалъ наименованіе святого и праздника. Въ своихъ молитвахъ и просьбахъ, обращенныхъ, напр., къ Матери Божіей въ праздникъ Покрова ея, онъ усволялъ покровительство надъ свадьбами не столько Матери Божіей, которая, конечно, и не всякой свадьбѣ можетъ дать свое благословеніе, сколько слову „покровъ“, и ему приписываетъ какъ бы магическую силу покрыть фатою голову дѣвицы, желающей замужества. Что это дѣйствительно такъ, подтверждается подобнымъ же вѣрованіемъ народа, напр., въ св. князя Бориса, какъ подателя барыша. Здѣсь явно русскій человѣкъ прибѣлъ въ торговлѣ усволяетъ чарующему вліянію созвучія, образуемаго именемъ „Борисъ“ и словомъ „барышъ“. Если бы въ веденіи торговаго дѣла и въ заключеніи браковъ онъ хотѣлъ подлинно сообразоваться съ благоволеніемъ Божиимъ, сни-

¹⁾ Калининскій, стр. 214.

скать которое ему могут Матерь Божія и св. Борисъ, онъ поостерегся бы приписать имъ широкое покровительство надъ свадьбами и барышами, такъ какъ не на всѣ свадьбы и барыши и не всегда можетъ простираться покровительство святыхъ.

Мы видѣли также, что, устанавливая свои вѣрованія въ святыхъ и праздники церковные, нашъ народъ пользовался совпаденіемъ праздничныхъ дней и дней памяти святыхъ съ древне-русскими народными празднествами и вообще съ разными явленіями и обстоятельствами сельско-хозяйственнаго быта. Явившіяся въ результатъ этого совпаденія примѣты и сельско-хозяйственныя наблюденія и замѣчанія, приуроченныя къ днямъ памяти святыхъ и праздниковъ, представляются, говоря вообще, явленіемъ вполне естественнымъ и почти неизбѣжнымъ въ быту нашихъ предковъ и отчасти современныхъ намъ простолюдиновъ, такъ какъ первые совсѣмъ не имѣли, а послѣдніе и до сихъ поръ не выработали своего хозяйственнаго мѣсяцеслова и отмѣчаютъ сроки работъ до сихъ поръ по праздникамъ и днямъ памяти святыхъ. Всѣ, происшедшія отсюда, изблюденія и примѣты, связанныя съ святыми и праздниками, настолько просты и невинны, что съ перваго взгляда не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго съ христіанской точки зрѣнія на почитаніе святыхъ и праздниковъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ народъ нашъ придаетъ слишкомъ большое значеніе этому чисто случайному совпаденію церковныхъ праздниковъ и дней памяти святыхъ съ тѣми или другими обстоятельствами своей сельско-хозяйственной жизни, такъ что нѣкоторые изъ святыхъ становятся въ глазахъ его какъ бы исключительными покровителями известнаго рода сельско-хозяйственныхъ занятій, распорядителями тѣхъ или другихъ явленій окружающей его природы. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, народъ нашъ о нѣкоторыхъ святыхъ только и ограничивается однимъ представленіемъ, взятымъ отъ покровительствуемаго ими занятія или явленія,

ничего больше не зная о нихъ,—напр. св. Герасима представляя, только какъ покровителя грачей,—св. Иродіона (8 апр.), только какъ ледолома, т. е. разрушителя льда; и, вторыхъ, слишкомъ упорно держится этого представленія въ распредѣленіи своихъ занятій: напр., до дня Ирины—разсадницы (16 апр.) иная сельская хозяйка не станетъ сѣять капусту для разсады, хотя бы и благопріятствовала этому установившаяся теплая погода; до Егорьева дня иной крестьянинъ ни за что не выгонитъ свой скотъ на пастбище, хотя бы земля и поросла травой и пр. т. п. Очевидно, что это уже крайность, которая, думаютъ,¹⁾ обязана своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ, разнымъ апокрифическимъ сказаніямъ о вліяніи святыхъ на всё существующее въ мірѣ, начиная отъ силъ благодѣтельныхъ и до самыхъ незначительныхъ его явленій. Не слѣдуетъ забывать, что виновникомъ всего является Богъ-Творецъ и Промыслитель міра, а святые, какъ бы ни были они велики, не могутъ быть самостоятельными и независимыми распорядителями стихій и явленій природы и обстоятельствъ человѣческой жизни; они только слуги Божіи, такъ что ни Ілія пророкъ не управляетъ громами и молніей, ни св. Спиридонъ не содержитъ въ своей власти солнечнаго свѣта, ни св. Георгій Побѣдоносецъ или св. Іоаннъ Креститель (Купала) не заправляютъ жизнью и природой, ростомъ посѣвовъ и прозябаніемъ травъ, независимо отъ Бога, и ни одинъ святой вообще ничего не дѣлаетъ и ничему не покровительствуетъ безъ воли Божіей, а тѣмъ болѣе не является виновникомъ бѣдствій. А и это, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, допускаетъ нашъ народъ, напр., въ отношеніи къ преп. Касіану, руководясь ненадежнымъ сближеніемъ дней памяти святыхъ съ печальными явленіями въ своей жизни и отъ совпаденія празднованія преп. Касьяну только въ високосномъ году съ наблюдаемыми бѣдствіями этихъ годовъ заклю-

¹⁾ Каливскій, тамъ же.

чая къ виновности этого святаго въ этихъ бѣдствіяхъ. Если бы даже и правильно было народное наблюденіе о бѣдственности високосныхъ годовъ, развѣ можно виновникомъ этого явленія считать святаго мужа, по любви своей къ намъ желающаго намъ одного только блага?

Столько же, если не болѣе, предосудительны съ христіанской точки зрѣнія тѣ народныя вѣрованія въ святыхъ и церковные праздники, которыя принесены въ его міровоззрѣніе и держатся въ его жизни, выражаясь въ разныхъ обычаяхъ, до сихъ поръ, благодаря стремленію нашихъ предковъ приурочить къ днямъ праздничнымъ и памяти святыхъ свои старинныя древне-языческія празднества, совпавшія съ христіанскими праздниками по времени. Мы разумѣемъ здѣсь разныя суевѣрныя примѣты и предзнаменованія, чародѣйства, заговоры и гаданія, разные игры и обряды, которыми обставлены русскія Святки, Масляница, Семикъ, которыми сопровождаются наши важнѣйшіе праздники, какъ Вербное воскресенье, Пасха, Пятидесятница и др. или дни памяти такихъ святыхъ, какъ, напр., ап. Андрея, великом. Екатерины, или день Рождества св. Іоанна Предтечи и др. Во всѣхъ этихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, поскольку соединяются они съ именемъ празднуемаго святаго или событіемъ праздника, имена и понятія христіанскія неопозволительно смѣшиваются съ названіями и суевѣріями древне-русскаго язычества, святые выступаютъ какъ распорядители, а праздники—какъ олицетвереніе грозныхъ и благодѣтельныхъ силъ природы, а также радостныхъ или печальныхъ явленій народной жизни. Какой-либо предметъ, освященный въ церкви, въ родѣ, напр., вербы, пасхальнаго яйца или цвѣточнаго вѣнка Троицына дня,—больше того—самое имя святаго, дѣлаются предметомъ забавы или орудіемъ, на которомъ молодые, преимущественно, люди гадаютъ о своей судьбѣ, искушая Божественный Промыслъ, какъ бы нѣкую противостоящую имъ силу, благоволеніе которой можно привлечь, укрывшись за имя святаго или обезопасивъ себя отъ ея гнѣва освященнымъ въ церкви

или только чрезъ внесеніе въ церковь предметомъ. Правда, что мы исполняемъ многіе народныя обычаи въ урочное праздничное время, не зная объ ихъ языческомъ происхожденіи и часто не соединяя съ ними сознательно религіознаго характера,—а смотримъ на нихъ, какъ на простую забаву или увеселеніе. Но и машинальное употребленіе въ этомъ случаѣ имени святого или наименованія праздника, одно даже пріуроченіе этихъ забавъ къ праздничнымъ днямъ и днямъ памяти святыхъ, безъ злоупотребленія ихъ именемъ, составляетъ грѣхъ и свидѣтельствуесть о томъ, что мы не научились еще почитать и проводить христіанскіе праздники по-христіански и не заботимся изъ исторіи ихъ и изъ жизни святыхъ почерпнуть для себя назидательные уроки.

То обстоятельство, что наши предки познакомились съ исторіей праздниковъ и достовѣрными сказаніями о житіи святыхъ, не вполне отрѣшившись отъ своихъ языческихъ вѣрованій, послужило причиною того, что и этимъ надежнымъ источникомъ для вѣры въ святыхъ и церковныя праздники они воспользовались односторонне и не совсѣмъ правильно. Такъ, вѣрованія въ особенныя дѣйствія и чудеса святыхъ отличаются у нашего народа довольно утилитарнымъ взглядомъ: по понятію его, почти всѣ церковно-народныя свѣтыя являются преимущественно покровителями и хранителями матеріальнаго состоянія людей; духовной помощи въ борьбѣ съ соблазнами и грѣховными привычками, для преуспѣянія въ добродѣтели, онъ ищетъ у нихъ меньше, чѣмъ покровительства для достиженія тѣхъ или другихъ вещественныхъ благъ,—и именно эта особенность въ народныхъ воззрѣніяхъ на святыхъ и праздники весьма нерѣдко составляетъ плодъ собственно народной фантазіи. При этомъ, увлекаясь идеею покровительства святыхъ въ этомъ направленіи, простолюдины наши иногда просятъ у святого помощи явпо невозможной; напр., обращаются къ священнику съ просьбою отпрѣвить молебень св. Іоанну Воину (30 іюля) „за побѣдящаго“, т. е. за обидящаго, о томъ, чтобы Господь наказалъ обидчика,

напр. вора, какою-либо болѣзною или другою бѣдою ¹⁾). Ясно, что ни одинъ изъ святыхъ не можетъ покровительствовать такому нехристіанскому желанію, такъ какъ Господь научаетъ насъ въ Евангеліи (Мѡ. 5, 44) любить враговъ своихъ и молиться за нихъ объ ихъ вразумленіи. Подобная вѣра въ святого, какъ воображаемаго покровителя явно неодобрительнаго дѣла, уже напоминаетъ распространенное въ древности и теперь еще вполнѣ не исчезнувшее вѣрованіе нашего народа въ колдуновъ и разнаго рода знахарей, къ которымъ оцъ обращался раньше за помощью въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ и важныхъ обстоятельствахъ жизни. Она есть, можетъ быть, даже остатокъ или отголосокъ этого вѣрованія въ служителей темной силы, къ которымъ, конечно, весьма грѣшно, хотя бы и несознательно, приравнивать святыхъ служителей любви и свѣта.

Мы имѣемъ въ святыхъ угодникахъ Божіихъ превосходнѣйшихъ и несравненныхъ помощниковъ себѣ въ разныхъ нуждахъ и потребностяхъ. Но намъ нужно помнить, а забывающимъ напоминать, что святые суть только слуги и друзья Божіи (Ис. 138, 17; Іоан. 15, 14), въ которыхъ прославляется Богъ (2 Сол. 1, 10—12), а не самостоятельные или самовластные распорядители нашей жизнью,—что они являются къ намъ съ помощью по милости и соизволенію Божію; но, какъ Богъ помогаетъ намъ только въ добрыхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ, такъ и они покровительствуютъ только добру, содѣйствуя намъ, главнымъ образомъ, въ достиженіи нами благъ духовныхъ и собираніи сокровищъ вѣчныхъ, которыя заключаются въ добродѣтеляхъ, а обогащенію благами вещественными и зѣмными способствуя лишь настолько, насколько это не вредитъ нашему спасенію во Христвѣ. Призываніе ихъ на помощь въ дѣлахъ сомнительнаго достоинства, а тѣмъ болѣе употребленіе ихъ имени въ играхъ и гаданьяхъ или сопровожденіе празднованія имъ легкомыслен-

¹⁾ Рук. для сельск. наст., 1886 г., т. I, № 11, стр. 337.

ными забавами и увеселеніями, только оскорбляетъ ихъ, а чрезъ нихъ и святость Божію. Любящее сердце святыхъ широко открыто для помощи только ищущимъ въ своей земной жизни „царства Божія и Его правды“ (Мѣ. 6, 33).

А. Волгинъ.

Изъ дневника новорукоположеннаго сельскаго священника (1900 г.).

3-го сентября.—Дни юности моей протекли, и вотъ Господь сподобилъ меня принять санъ священства. Но въ силахъ ли я выполнить великое и святое дѣло, за которое взялся? Вѣдь, строго говоря, сколько бы пастырь ни трудился, онъ никогда не можетъ сказать, что сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать. И прежде всего, какъ я дерзну дать отчетъ Богу за всѣхъ вѣрпныхъ мнѣ словесныхъ овецъ Христовыхъ, когда не въ состояніи отвѣтить даже только за одного себя? Какъ управлю такимъ множествомъ душъ человѣческихъ, когда не въ состояніи управить должнымъ образомъ даже самимъ собою? На моей прямой обязанности лежитъ теперь научить незнающихъ, вразумить заблудшихъ, подкрѣпить колеблющихся. Всѣхъ я долженъ буду постараться ввести въ царствіе небесное... Страшно воспринять на себя санъ священника! Ужаснулся этого сана даже такой великій святитель, какъ Іоаннъ Златоустъ, считая себя не приготовленнымъ къ этому служенію; что же долженъ думать и чувствовать я, недостойный!.. *Сила Божія въ немощи совершается*, говоритъ св. ап. Павелъ. Буду надѣяться на милость Божію, которая—съ дерзновеніемъ уповаю—не оставитъ меня и подкрѣпитъ на предстоящемъ трудномъ поприщѣ. Къ этому служенію я стремился съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, и, какъ выросшій въ деревнѣ, близко знакомый съ жизнію сельскаго люда, я мечталъ о служеніи именно въ званіи сельскаго священника. Много приходилось мнѣ еще въ дѣтствѣ видѣть слезъ бѣдняковъ, которые

не имѣли даже насущнаго хлѣба; много приходилось видѣть несчастныхъ вдовъ, которыя ничего не знали, кромѣ безпроевѣтной нужды и безысходнаго горя. И вотъ съ той поры во мнѣ зародилось непреклонное желаніе придти въ свое время къ этимъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ съ посильною помощію и съ словомъ ободренія и утѣшенія въ борьбѣ съ жизненными невзгодами.—Но не одно только состраданіе къ бѣднымъ и несчастнымъ побуждало меня стремиться къ пастырскому званію; къ этому влекло меня также горячее желаніе поработать на поприщѣ просвѣщенія темнаго деревенскаго люда свѣтомъ Христова ученія. Еще въ дѣтскіе годы меня, бывало, многіе изъ прихожанъ неоднократно спрашивали о различныхъ истинахъ православной вѣры, и я всегда съ большимъ удовольствіемъ и даже не безъ нѣкотораго, какъ говорится, сознанія собственнаго достоинства, объяснялъ все, что только въ силахъ былъ объяснить. Теперь и въ этомъ отношеніи передо мною открывается необъятное поле. Вразуми же меня, Господи, и помоги явиться непостыднымъ дѣлательемъ Твоимъ! Съ своей же стороны я даю обѣтъ посвятить всѣ свои силы, все свое время на пелищемѣрное служеніе спасенію вѣреннаго мнѣ словеснаго стада.

14-го сентября.—Сегодня ѣздилъ въ деревню Д. съ молебнами. Едва я съ причтомъ вѣхалъ въ деревню, какъ крестьяне тотчасъ же начали сгонять скотъ на площадь. Я спросилъ діакона и псаломщика, зачѣмъ это сгоняютъ скотъ на площадь. Они отвѣтили, что въ деревнѣ Д. установленъ обычай—послѣ водосвятнаго молебна, совершаемаго торжественно въ праздникъ Воздвиженія, кропить скотъ. Около 15 лѣтъ тому назадъ въ августѣ и въ началѣ сентября въ этой деревнѣ свирѣствовалъ страшный моръ скота. Въ своемъ бѣдственномъ положеніи крестьяне обратились съ горячею молитвою къ Богу, при чемъ дали обѣщаніе ежегодно служить въ праздникъ Воздвиженія молебны въ своей деревнѣ,—и моръ, милостію Божіею, прекратился. Съ тѣхъ поръ каждый годъ въ деревнѣ Д. въ праздникъ Воздвиженія служатся ма-

лые частные молебны, а послѣ торжественнаго общаго водосвятнаго молебна кропится святой водой домашній скоть—коровы и лошади.

Малые молебны крестьяне попросили насъ отслужить въ часовнѣ. Народъ собирался какъ-то вяло: оказалось, что многіе, не смотря на такой большой праздникъ, отправились на поля на работу. Вдругъ совершенно неожиданно полилъ сильный дождь. Работы, конечно, волею-неволею пришлось прекратить, и у часовни скоро потомъ собралась вся деревня. Я воспользовался этимъ случаемъ и повелъ бесѣду о томъ, что не слѣдуетъ работать въ праздники. — „Вотъ, православные, — говорилъ я, между прочимъ, — Самъ Богъ вамъ не велить, какъ это вы во-очію сегодня видите, работать въ праздники. Сколько было прекрасныхъ, ясныхъ дней до настоящаго праздника, въ которые можно было поработать, а вамъ все еще мало, и многіе не сочли нужнымъ даже въ такой праздникъ воздать благодареніе Богу за великія Его къ намъ милости! Не работать, а сходить всѣмъ вамъ съ утра въ храмъ Божій слѣдовало“ и т. д.

Затѣмъ я приступилъ къ совершенію частныхъ малыхъ молебновъ, послѣ которыхъ была отслужена панихида. Водосвятный молебенъ отслужили на открытомъ воздухѣ, противъ часовни. Какъ только оконченъ былъ этотъ послѣдній молебенъ, тотчасъ же крестьяне погнали скоть мимо — сначала коровъ, а потомъ лошадей; я кропиль ихъ святою водой. Okропивъ весь скоть, я вошелъ въ часовню и началъ бесѣду о поминовеніи усопшихъ. „Хорошо вы сдѣлали, — сказалъ я, — что помолились о своемъ здоровьѣ, да не забыли и усопшихъ своихъ родственниковъ. Они очень нуждаются въ нашихъ молитвахъ. Ничего имъ болѣе отъ насъ не надо, кромѣ молитвы, а потому не забывайте молиться о нихъ. Молитва за нихъ полезна и вамъ: и усопшіе помолются за васъ; сами же за себя они уже молиться не могутъ“ и т. д. Затѣмъ повелъ рѣчь о храмѣ Божіемъ и о необходимости посѣщенія его. Кончилъ.

— Спасибо, батюшка, что вы насъ поучили сегодня,— сказали крестьяне.

— Ходите въ храмъ Божій какъ можно чаще—тамъ я съ вами буду бесѣдовать всякій разъ,—сказаль я.

Когда послѣ бесѣды я сталъ выходить изъ часовни, одинъ изъ крестьянъ замѣтилъ:

Учи — не учи, а все равно не научишь. Я вернулся обратно.

— Кого не научить? тебя?—обратился я къ крестьянину, который это сказалъ.

— Нѣтъ, батюшка, какъ не научить?—смущенно произнесъ оный.

— Можетъ быть,—продолжалъ я,—тебя или кого другого, и не научу; но буду употреблять всѣ силы къ тому, чтобы наставить всѣхъ васъ на путь истинный. Сказать же прямо: „не научить“ нельзя. Св. Іоаннъ Златоустъ спрашиваетъ тѣхъ, которые говорятъ: „сколько ни учи, все равно не научишь“: „развѣ сердце ваше камень? развѣ тѣло ваше одежда?“—Значить, тогда только нельзя научить человѣка, когда сердце его будетъ камнемъ и тѣло—одеждою. Вѣдь обращали же на путь истинный даже закоренѣлыхъ злодѣевъ, которые губили на свѣтѣ множество душъ человѣческихъ и т. д... Ну, до свиданія! Живите съ Богомъ!

— Спасибо, батюшка, спасибо, что насъ поучили,—говорили крестьяне въ слѣдъ мнѣ.

20-го сентября.—Сегодня пришлось услышать рассказъ про замѣчательный случай, бывшій въ моемъ приходѣ два года тому назадъ.

Одинъ крестьянинъ много лѣтъ не ходилъ на исповѣдь и другихъ всячески склонялъ къ тому же. Подъ конецъ дошло до того, что когда онъ увидитъ изъ окна своей избы идущихъ на исповѣдь, бывало, то выходилъ на улицу и бранилъ ихъ нехорошими словами. Въ одну изъ пятницъ Великаго поста въ 1898 г. онъ, по обыкновенію, вышелъ на улицу и началъ бранить идущихъ на исповѣдь нехорошими

словами, и вдругъ—ослѣпъ: у него провалились глаза, такъ что образовались глубокія глазныя впадины. Несчастнѣй сильно застоналъ и просилъ поскорѣе привезти священника, чтобы исповѣдаться. Боль была невыносимая.—Такъ покаралъ правосудный Господь дерзкаго кощунника!... Онъ прожилъ послѣ этого еще два года и въ 1900 году скончался въ мирѣ съ Православною Церковію.

Свящ. В. Преображенскій.

Проповѣдь и цензура.

Въ № 9 „Церк. Вѣстника“ за текущій годъ въ рубрикѣ „Мнѣнія и отзывы“, напечатана весьма интересная замѣтка о церковной проповѣди. Оживить это мертвое дѣло давно пора. Оживить именно такъ, чтобы всѣ, и старый и малый, и ученый и неученый, и простецъ и интеллигентъ, нашли въ ней отвѣтъ на запросы своего духа. Конечно, при этомъ придется проповѣднику говорить не только на общія современныя, но и на злободневныя въ томъ или другомъ обществѣ или мѣстѣ темы. Такая проповѣдь будетъ всѣмъ интересна и потому, очевидно, будетъ внимательно выслушана всѣми присутствующими въ храмѣ, и весьма полезна если не для всѣхъ, то для многихъ.

Имѣя это въ виду, оставалось бы радоваться, что въ средѣ духовенства находятся такія лица, которыя стараются вести дѣло проповѣди, насколько можно, ближе къ современнымъ требованіямъ общества и посылно желаютъ разрѣшить и уяснить тѣ или иные запросы жизни. Но... и нынѣ, какъ дамокловъ мечъ, виситъ надъ головой проповѣдника предварительная цензура проповѣдей, которая, если разобрать, въ сущности является бесполезнымъ и безцѣльнымъ обремененіемъ проповѣдниковъ. Опытъ показываетъ, что больше всего на насомыхъ вліяетъ то живое, простое и задушевное слово священника, которое произноситъ онъ не по заранѣе соста-

вленной и процензированной тетрадки, а непосредственно, устно, подъ вліяніемъ извѣстной минуты и обстановки. Правда, въ такомъ словѣ обыкновенно нѣтъ краснорѣчія, нѣтъ той тщательности въ подборѣ и отдѣлкѣ словъ и выраженій, какая возможна въ письменной работѣ,—нѣтъ, словомъ, того литературнаго блеска, который скользитъ лишь по душѣ, лаская слухъ. Но за то все такъ живо, просто, умилительно. Душа слушателя невольно идетъ на встрѣчу и готова принять сѣмя, какъ добрая пашня. Въ этомъ случаѣ слово священника, конечно, ускользаетъ отъ взоровъ цензуры. И что же? Принести это слово вредъ? Въ томъ-то и дѣло, что ни одинъ священникъ ни при какихъ условіяхъ не пожелаетъ принести вредъ кому бы то ни было изъ ближнихъ. Всякое его слово проникнуто единственнымъ желаніемъ принести посильную пользу. Быть можетъ, онъ и огорчитъ кого-либо словомъ своимъ, но опять-таки только для пользы того человѣка.

Многіе изъ священниковъ стремятся выработать въ себѣ навыкъ и писать проповѣди такъ, какъ бы они говорили ихъ устно, т. е. просто, наглядно. Всякая же написанная проповѣдь подвергается цензурѣ. И вотъ что случается иногда. Цензору проповѣдь почему-либо не понравится, и неожиданно-негаданно тетрадь, въ коей написана проповѣдь, возвращается къ автору отъ о. цензора съ простой помѣткой: „къ произнесенію поученія съ церковной кафедрой мною усматривается нѣкоторое препятствіе, о чемъ подробно будетъ изложено при представленіи годового отчета по цензурѣ“. Въ данномъ случаѣ (надо замѣтить—не единичномъ) о. цензоръ даже не желаетъ и указать товарищу-священнику, въ чемъ и какое препятствіе онъ усматриваетъ. Одиачъ изъ священниковъ, говорящій ежегодно болѣе 60 проповѣдей съ церковной кафедрой и сотрудничающій въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ, рѣшился обезпokoить начальство жалобой на подобное безцеремонное отношеніе цензора къ его проповѣдямъ. Но результатъ отъ этого получился совсѣмъ нежелательный...

Что же остается дѣлать проповѣднику? У многихъ пропадетъ всякое желаніе работать, если они будутъ при работѣ своей наталкиваться на непреодолимые препятствія, на какую-то китайскую стѣну. Останется, конечно, выходъ простой: писать проповѣдь по шаблону, уснащая ее текстами, общими мѣстами, массою вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, и представлять такую о. цензору: быть можетъ, такая проповѣдь, построенная по всѣмъ правиламъ риторики и діалектики, будетъ по вкусу о. цензору и заслужитъ его одобреніе. Но и тогда не удастся увидѣть рецензіи о. цензора, ибо онъ пишетъ замѣтки себѣ въ книгу для годового отчета, о коемъ ни одинъ проповѣдникъ не вѣдаетъ, что тамъ и какъ пишется. Какъ же угодить о. цензору, не зная предъявляемыхъ имъ требованій?

Результатъ отъ такого порядка получается нежелательный для дѣла проповѣдничества. А это хуже всего. Но вѣдь и проповѣдники—такіе же люди; они сами хорошо видятъ, что нужно проповѣдывать и какъ повліять на своихъ прихожанъ; они сознаютъ необходимость не только учить, но и „обличать вроткимъ словомъ“, чтобы выяснить и нагляднѣе показать мерзость жизненно-человѣческихъ поступковъ и отношеній.

Не пора ли уничтожить эту предварительную цензуру проповѣдей или, по крайней мѣрѣ, передать ее въ болѣе сѣдущія руки? Стоитъ только обязать приходскихъ священниковъ посылать въ концѣ года или въ началѣ слѣдующаго свои проповѣди въ то учрежденіе, которое рассматриваетъ отчеты оо. цензоровъ и по ихъ отмѣткамъ дѣлаетъ свои заключенія о проповѣдникахъ, нерѣдко очень ошибочныя. Это было бы много правильнѣе, точнѣе, да и проповѣдники извѣщены были бы отъ многихъ нежелательныхъ случайностей... (Церк. Вѣстн., 1904 г., № 14).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 апрѣля 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УСТАВОВЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, мая 16-го.

Содержаніе: Участіе церковно-приходскихъ попечительствъ въ устройствѣ и ремонтѣ причтовыхъ домовъ.—Подвигъ. (Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства) (продолженіе).—Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ.

Участіе церковно-приходскихъ попечительствъ въ устройствѣ и ремонтѣ причтовыхъ домовъ.

Есть масса вопросовъ въ церковно-приходской жизни, требующихъ, прежде окончательнаго своего рѣшенія, всесторонняго обсужденія ихъ многими лицами и по возможности изъ среды самого духовенства. Условія приходской жизни настолько разнообразны въ различныхъ приходахъ даже одной и той же епархіи, что подгонять ихъ подъ одну какую-либо мѣрку надо весьма осмотрительно, тѣмъ болѣе осторожно должно поступать при выработкѣ общихъ инструкцій, правилъ и законоположеній для приходовъ всей вообще Россійской имперіи. Составителямъ новыхъ „Уставовъ“ необходимо прислушаться къ голосамъ самого духовенства, ориентироваться въ массѣ, быть можетъ среди самыхъ разнорѣчивыхъ, взгля-

довъ, мнѣній и убѣжденій, сумѣть выбрать наиболѣе основательные изъ нихъ и такъ или иначе ихъ примирить. То же должно сказать и относительно выработки новаго „Положенія о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ“: нужна соединенная серьезная работа нѣсколькихъ искренно преданныхъ дѣлу и близко знакомыхъ съ приходскою жизнью людей, а отнюдь не кабинетный трудъ одного человѣка. Никогда не слѣдуетъ забывать мудрую русскую пословицу: „Умъ хорошо, а два—лучше...“ Въ настоящей своей замѣткѣ мы имѣемъ, между прочимъ, въ виду высказать свои личныя соображенія по поводу одного мѣста статьи о. Брояковскаго: „О приходскихъ попечительствахъ“, напечатанной въ № 23-мъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1903 г.

Въ указанной статьѣ своей о. Брояковскій высказалъ много хорошихъ и дѣльныхъ мыслей. Сдѣланы въ ней и довольно цѣнныя указанія относительно того, какія желательны были бы измѣненія и исправленія въ новомъ „Положеніи“ о церковно-приходскихъ попечительствахъ. Но съ предложеніемъ о. Брояковскаго „исключить изъ правилъ (Положенія) 1-й пунктъ § 8-го объ исправленіи старыхъ и устройствѣ новыхъ причтовыхъ помѣщеній,“ мы никакъ не можемъ согласиться. О. Брояковскій находитъ, что этотъ пунктъ „Положенія“ послужилъ „немалымъ тормазомъ къ прочной организаціи попечительствъ: нѣкоторые приходскіе священники воспользовались въ широкой степени предоставленнымъ имъ правомъ“, такъ что „на церковно-строительныя нужды... шла большая часть попечительскихъ средствъ, при чемъ попечительства ставились въ весьма затруднительное положеніе, а нѣкоторыя изъ нихъ, за недостаткомъ средствъ, должны были совершенно прекратить свое существованіе“.—По нашему же мнѣнію, *исключеніе* изъ „Положенія“ 1-го пункта § 8-го было бы *громадною и трудно исправимою ошибкою*.

О. Брояковскій совѣмъ упускаетъ изъ виду рѣзкое различіе условій жизни въ разныхъ приходсахъ. Онъ говоритъ: „Какъ извѣстно, въ каждомъ селѣ есть общественный запасный

капиталь, дающій обществу ежегодно дохода въ видѣ $\% \%$ отъ 300 до 800 руб. Часть этихъ денегъ идетъ на жалованье должностнымъ лицамъ сельской администраціи, а часть на содержаніе школы. Возможны и бывають остатки отъ этихъ денегъ“; и далѣе прибавляетъ: „бывають также остатки денегъ при складываніи выкупныхъ платежей и другихъ мірскихъ сборовъ“... Итакъ 300—800 руб. однихъ $\% \%$ на *запасный общественный капиталъ!* Каковъ же долженъ быть самый капиталъ? И это—*„въ каждомъ селѣ“*, извѣстномъ о. Брояковскому!... Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ объ очень богатомъ краѣ или, по крайней мѣрѣ, о такомъ краѣ, гдѣ давно уже были приняты администраціей разумныя мѣры къ побужденію крестьянъ составлять иснодоволь запасные общественныя капиталы. Въ нашихъ же мѣстахъ о такихъ „общественныхъ запасныхъ капиталахъ“ что-то совсѣмъ не слышать. Болѣе того,—въ нашихъ селахъ даже зародышей общественныхъ капиталовъ, хранящихся въ банкѣ, нѣтъ. „Жалованье должностнымъ лицамъ сельской администраціи“ у насъ уплачивается не изъ $\% \%$ съ „общественнаго капитала“, а всякій разъ собирается, вмѣстѣ съ другими подушными окладами, по раскладкѣ. Ни о какихъ остаткахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи, разъ и раскладываемая-то сумма часто *накалывается* съ грѣхомъ пополамъ. Такимъ образомъ, почтенный о. Брояковскій, оказывается, о малообеспеченности *нашихъ* приходовъ совсѣмъ не знаетъ, какъ не слыхивали и мы, что гдѣ-то есть такой благодатный край, въ которомъ каждое сельское общество владѣетъ крупнымъ капиталомъ.

Вотъ по чему уже одному, кромѣ множества иныхъ причинъ, выработка новаго „Положенія“ о церковно-приходскихъ попечительствахъ должна быть произведена крайне осмотрительно, и 1-го пункта § 8-го нельзя вычеркивать изъ него, а надо лишь такъ обусловить дѣло, чтобы этимъ пунктомъ, какъ и остальными, попечительства пользовались разумно, придерживаясь, гдѣ нужно, равномерности.

Въ самомъ дѣлѣ, если о. Брояковскому и извѣстны случаи, когда на устройство причтовыхъ домовъ затрачивалась такая значительная часть попечительскихъ капиталовъ, что „нѣкоторыя“ попечительства, „за недостаткомъ средствъ, должны были совершенно прекратить свое существованіе“, то это еще не можетъ служить основаніемъ къ исключенію указаннаго пункта. Вѣдь здѣсь дѣло идетъ о „нѣкоторыхъ“ священникахъ, быть можетъ, даже и *злоупотребившихъ* предоставленнымъ имъ правомъ, но злоупотребившихъ, какъ видно, не въ личную свою пользу, а въ пользу вообще и церкви, и причта, и всего прихода. Они вѣдь расходовали деньги *вообще* „на церковно-строительныя нужды“; значить—и на ремонтъ храма, а не на одни только причтовые дома. Притомъ же, какъ бы хорошо священникъ ни устроилъ церковный домъ, онъ, при переводѣ въ другой приходъ, не возьметъ его съ собой. А чѣмъ лучше устроены причтовые дома, тѣмъ болѣе чести приходу, тѣмъ больше найдется и хорошихъ кандидатовъ на занятіе вакантныхъ мѣстъ въ такомъ приходѣ. Да и кто же будетъ заботиться о ремонтѣ причтовыхъ помѣщеній, какъ не самъ причтъ съ о. настоятелемъ во главѣ? Къ этому причты и церковные старосты обязываются (что вполне и естественно) и прямыми указами Св. Синода и всякаго рода „инструкціями“.

Допустимъ далѣе, что пользованіе „въ широкой степени“ 1-мъ пунктомъ § 8-го граничить, со стороны нѣкоторыхъ священниковъ, даже съ прямымъ злоупотребленіемъ предоставляемымъ имъ правомъ; слѣдуетъ ли изъ-за этого исключить этотъ пунктъ изъ новаго „Положенія“?—Нѣтъ и нѣтъ! Вѣдь злоупотребленій гдѣ не бываетъ? Всегда и вездѣ они были, есть и будутъ. И что же? на кого или на что въ данныхъ случаяхъ падаетъ вина: на лицъ ли, допустившихъ кривотолкованіе закона, или на самый законъ?—Ясное дѣло, что виноватъ тотъ, кто любитъ изъяснять законъ такъ, какъ лично для него, исполнителя, выгоднѣе.

Охотники злоупотреблять своими правами всегда найдутся: „Въ семьѣ не безъ урода“—истина старая. Поэтому, развѣ поручится кто-либо, что и въ новомъ „Положеніи“ не будетъ пунктовъ, допускающихъ возможность злоупотребленій? Весьма вѣроятно, что и теперь, въ то время какъ въ иныхъ приходахъ священники стремятся употребить большинство попечительскихъ средствъ на церковно-строительныя нужды, на ремонтъ храма и причтовыхъ домовъ, въ другихъ приходахъ, особенно тамъ, гдѣ предсѣдателями попечительства состоятъ лица, враждебныя Церкви и духовенству, и въ числѣ членовъ есть скрытые либералы, сектанты, раскольники и т. п., интересы Церкви и причта явно игнорируются, и дѣятельность попечительства умышленно направляется въ какую-либо иную сторону, напр., исключительно на благотворительныя цѣли... Развѣ это не является односторонностью? Развѣ это не есть „пользованіе въ широкой степени предоставленнымъ правомъ“ со стороны *нѣкоторыхъ лицъ*, уже „не священниковъ?“ Развѣ это нельзя назвать злоупотребленіемъ?— Не только можно, но и должно: ужъ равнять, такъ равнять всѣхъ одинаково; ужъ служить, такъ служить всѣмъ безъ пристрастія; уже не обижать, такъ не обижать никого, имѣющаго право на пособіе...

Мы категорически подаемъ свой слабый голосъ за то, что въ дѣлахъ попечительства и въ заботахъ объ увеличеніи ихъ капиталовъ необходимо одинаково заинтересовать и приходское духовенство и всѣхъ членовъ общины. Только при совмѣстной дружной работѣ обѣихъ сторонъ средства попечительства могутъ быть значительными, при апативъ же къ этому дѣлу или причта, или прихожанъ оно будетъ идти всегда вяло.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, конечно, то, что *болѣе всего долженъ быть заинтересованъ въ дѣлахъ попечительства настоятель храма*. Если онъ будетъ преданъ этому дѣлу всей душой, то найдетъ множество случаевъ оживить его, поставить на твердую почву, привлечь къ дѣятель-

ному участію въ немъ прихожанъ. А чѣмъ заинтересовать какъ можно больше настоятеля храма?—Разумѣется, дѣроги ему всѣ отрасли дѣятельности попечительства: дѣроги заботы о храмѣ и ризницѣ; близки попеченія о церковныхъ интересахъ; мила его сердцу благотворительность бѣднымъ, безпріютнымъ и потерпѣвшимъ внезапное разореніе прихожанамъ; особенно пріятна борьба со всякаго рода грубыми пороками, растлѣвающими душу народную... Но... вѣдь и для школы, и для народа священникъ усердно работаетъ изъ сознанія нравственного долга, во имя высшихъ духовныхъ побужденій; однако могутъ же и даже должны быть у него, какъ у семьянина, какъ у гражданина и, наконецъ, какъ у человѣка, свои личные, общежитейскіе требованія и интересы. Не ослабѣетъ ли энергія священника въ заботахъ по приращенію попечительскихъ суммъ, разъ онъ знаетъ прекрасно, что не можетъ изъ нихъ ни одною копейкою воспользоваться на ремонтъ причтовыхъ помѣщеній даже тогда, когда въ этомъ настоятъ крайняя нужда? Можетъ случиться (и даже часто бываетъ), что у него на домѣ крыша совсѣмъ ветхая, такъ что во время сильныхъ дождей приходится въ нѣкоторыхъ комнатахъ ставить тазы и перетаскивать съ мѣста на мѣсто одежду и разныя другія вещи, такъ какъ всюду съ потолка бѣгутъ потоки. Матушка настойчиво проситъ исправить помѣщеніе для коровъ, потому что прежнее и очень тѣсно и очень жалко, такъ что скотина зимой отъ снѣгу мерзнетъ, а лѣтомъ отъ дождя дрогнетъ. Діаконъ сердится, что у него крыши на сараяхъ не перекрываютъ,—все сѣно сгнило; въ окнахъ рамы рассыпаются,—починки требуютъ. Псаломщикъ ропщетъ, что не хотятъ ему домъ проконопатить,—холодъ, жить не возможно; въ банѣ печь разваливается,—топить опасно; у погребныхъ дверей крюковъ нѣтъ,—двери просто приставляются... и т. под. И вотъ настоятелю нужно какъ-то и свою семью успокоить,—и объ удобствахъ причта позаботиться,—не дать неудовольствію перейти въ озлобленіе. Что же дѣлать? Какъ быть?

На церковныя средства ремонтъ этотъ часто бываетъ нельзя произвести потому, что дома—*общественные*. Да если они и *церковные*, то на ремонтъ свыше 50 руб. въ годъ, считая въ томъ числѣ и ремонтъ храма, сельскіе причты съ церковными старостами должны просить „черезъ благочиннаго разрѣшенія епархіальнаго начальства“ (Инстр. церк. стар., 34, в.). Не особенно много (150 р. и 300 р.) разрѣшено расходовать на тотъ же предметъ и городскимъ церквамъ. На ремонты, притомъ, нужны средства иной разъ болѣе или менѣе значительныя, а иной разъ—очень пустыя—2—3—5 р., а то всего какихъ-нибудь 20—30—50 коп. Гдѣ же ихъ брать тогда, когда нельзя позаимствовать ни отъ церкви, ни отъ попечительства?—Изъ своего кармана расходовать мало найдется охотниковъ; разъ заплатилъ, два заплатилъ, три заплатилъ,—а потомъ не станетъ уже болѣе расходовать, кого ни возьмите.—„Въ казенномъ домѣ живу, а за квартиру плачу,“ скажетъ всякій. А станетъ ли кто обращаться въ консисторію за разрѣшеніемъ израсходовать изъ церковныхъ суммъ иной разъ всего 3—5—10 рублей?—Думаемъ, что нѣтъ. Просить объ этомъ—значить нѣкоторымъ образомъ ронять себя въ глазахъ начальства неумѣнъемъ раздобыть денегъ у прихожанъ и обременять его пустою перепискою...

Но вѣдь и къ прихожанамъ обращаться всякій разъ—то за большою суммою, то за совершенно ничтожною—очень не удобно, такъ какъ знаешь прекрасно впередъ, что, не имѣя никакихъ „запасныхъ общественныхъ капиталовъ“, они должны каждую, хотя бы и маленькую, ассигновку раскладывать по душамъ. А сколько пререканій можетъ иной разъ вызвать у схода даже копеечная подушная раскладка тамъ, гдѣ крестьяне никакъ не могутъ къ сроку и съ податями-то раздѣлаться!.. Все это знаетъ священникъ: видитъ, что и деньги на ремонтъ необходимы, что и взять ихъ неоткуда,—и вспомнить онъ тогда, что при прежнемъ (т. е. *при дѣйствующемъ пока*) „Положеніи“ онъ легко могъ бы всѣ эти, пустыя въ сущности, затраты произвести, съ согласія членовъ

попечительства, на счетъ попечительскихъ суммъ. Для прихожанъ это не только не было бы огорченіемъ, но было бы, напротивъ, еще и пріятно, такъ какъ они видѣли бы, что ремонтъ общественныхъ зданій идетъ должнымъ порядкомъ, а общество совсѣмъ не беспокоить. Для попечительства это было бы тоже не трудной повинностью: ему было бы дорого сознаніе, что оно не спитъ, а дѣйствуетъ, приноситъ пользу обществу, между тѣмъ и затраты-то производить въ сущности незначительныя. Къ тому же затраты эти сравнительно легко и быстро возмещаются, потому что священникъ постарается вновь привлечь какихъ-либо добровольныхъ жертвователей и изыскать другой такой источникъ къ увеличенію суммъ попечительскихъ, изъ-за котораго въ иное время не захотѣлъ бы волноваться и кровь портить... И такъ, дѣло легко и просто устроится ко всеобщему удовольствію.

Представимъ себѣ, напр., такой случай. Пріѣзжаетъ въ приходъ новый священникъ. Храмъ находитъ въ запустѣніи: стѣны прокоптѣли, штукатурка осыпалась, краска всюду прогорѣла, утварь полиняла, ризница ветхая. Дома причтовые требуютъ значительнаго ремонта: обои въ комнатахъ обрваны, двери покосились, крыльца развѣзжаются и проч. Что тутъ дѣлать? Новый настоятель хочетъ дѣйствовать, во что бы то ни стало,—все исправить: храмъ привести въ благолѣпный, а дома въ приличный видъ. Но какъ поступить?—Въ церкви денегъ нѣтъ,—у консисторіи, стало быть, нечего и спрашивать права расходованія несуществующаго капитала. Попечительство недавно еще только открыто, ведетъ дѣло вяло, годовые обороты его не выходятъ за предѣлы 2—3-хъ десятковъ рублей... „Отъ спеціальныхъ учрежденій при благотворительныхъ совѣтахъ, подлежащихъ вѣдѣнію консисторіи“, на которыя, по словамъ о. Брояковскаго, возложена „забота о причтовыхъ помѣщеніяхъ“, чего можно ожидать и требовать, если такія „спеціальныя учрежденія“ даже и есть? Своихъ собственныхъ средствъ въ пособіе они дать не могутъ, а исходатайствовать имъ для насъ „подаваніе“ неоткуда. Ясное

дѣло, что такого рода „учрежденіе“ первымъ долгомъ заглянуть въ мѣстныя церковныя, потомъ въ попечительскія приходо-расходныя книги съ полною готовностью *дать благой советъ* о законномъ расходованіи этихъ суммъ. Но, убѣдившись, что расходовать-то почти нечего, оно, съ горькимъ разочарованіемъ, хотя и авторитетнымъ начальническимъ тономъ, посовѣтуетъ *изыскать мѣстныя средства*, т. е. обратиться съ поклономъ къ прихожанамъ. Слѣдовательно, какая же получится польза ото всей бумажной переписки „со спеціальнымъ учрежденіемъ?“—Ровно никакой. Будетъ гораздо короче и ближе къ дѣлу, если священникъ съ самаго начала обратится съ „просьбою“ не къ своему начальству, а къ мѣстному обществу—своему приходу... Такъ обыкновенно у насъ и дѣлаютъ.

Но чтѣ же могутъ дать наши прихожане?—Въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ, по словамъ о Брояковскаго, „общественный запасный капиталъ даетъ обществу ежегодно дохода въ видѣ $\frac{1}{100}$ отъ 300 до 800 рублей“, гдѣ, слѣдовательно, обыватели и не обременяются ежегодными раскладками на мѣсныя общественныя нужды въ родѣ содержанія сельской администраціи, они могутъ дружно откликнуться на призывъ священника къ ремонту храма и причтовыхъ домовъ. Тутъ голосъ пастыря, обратившагося къ прихожанамъ съ просьбою о деньгахъ, даже и въ крупной ассигновкѣ на производство новыхъ строеній, можетъ сыграть большую роль; о мелкихъ же ассигновкахъ и говорить нечего: онѣ безъ всякихъ раскладокъ могутъ возмещаться остатками отъ $\frac{1}{100}$ съ общественныхъ капиталовъ. Но каково положеніе тѣхъ „священниковъ“, гдѣ прихожане совсѣмъ не имѣютъ запасныхъ капиталовъ и каждую копейку на текуція общественныя нужды должны собирать ежегодно по раскладкѣ на платежныя души? Быть можетъ, раскладку сборовъ многіе считаютъ и такъ обременительной для себя, а тутъ еще духовенство будетъ постоянно обращаться съ просьбами объ ассигновкахъ на такія-то и такія-то нужды по постройкѣ новыхъ и ремон-

ту существующихъ причтовыхъ помѣщеній. Во многихъ случаяхъ, разумѣется, общественники будутъ стараться удовлетворять просьбу причта: иной разъ изъ сознанія необходимости произвести неотложный ремонтъ, иной—изъ желанія уважить свое приходское духовенство, иной же—лишь изъ опасенія оскорбить своего пастыря—настоятеля прихода. Но будутъ не рѣдки и случаи отказа. Вѣдь почти въ каждомъ приходѣ найдется нѣсколько человѣкъ—„горлановъ“, всегда старающихся на сходѣ поставить на всемъ, хотя подчасъ и очень цѣлѣномъ, мнѣніи. Подобныя личности, вслѣдствіе своего слишкомъ развязнаго упорства, нерѣдко увлекаютъ на свою сторону десятки нерѣшительныхъ „голосовъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно присутствія на сходѣ двухъ-трехъ такихъ крикуновъ изъ числа лицъ, враждебныхъ духовенству, чтобы ходатайство причта потерпѣло полную неудачу: вѣдь разъ крестьяне считаютъ какой-либо налогъ для себя обременительнымъ и знаютъ, что имѣютъ право не принять его, они всякій совѣтъ въ пользу отказа находятъ неопровержимымъ аргументомъ.

Кому не извѣстно, что чуть ли не въ половинѣ приходо-во-духовенство мается безъ причтовыхъ домовъ и не имѣетъ сколько-нибудь сносныхъ, приличныхъ сану и положенію его, квартиръ. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ приходо-во-крестьянъ не возможно, говорятъ, убѣдить добровольно построить дома причту: разъ они узнали, что можно уклониться отъ раскладки на этотъ предметъ,—сговорились упереться—и уперлись... И странно, и въ то же время вполне естественно. Въ самомъ дѣлѣ, кому охота—все жертвовать и жертвовать? Жертвовать даже въ то время, когда своя нужда заѣла? Развѣ и мы, интеллигентныя лица, не строимъ недовольныхъ минъ, когда намъ то и дѣло отовсюду предлагаются „подписныя листы“ *для добровольныхъ пожертвованій* на такія-то и такія-то *благотворительныя цѣли*? Развѣ не стараемся и мы увернуться подъ какимъ-либо предлогомъ отъ подписки въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣли ея не сочувствуемъ или идеей ея.

не можемъ достаточно проникнуться?—Въ лучшемъ случаѣ мы обыкновенно подписываемъ самую незначительную цифру, чтобы только подешевле отдѣлаться; если же подписываемъ больше, то скрѣпя сердце... Можно ли послѣ этого осуждать и упрямство крестьянина, не желающаго „облагаться“ сборомъ на такой предметъ, заведенію котораго хотя онъ и радъ бы былъ, но на который изъ своего собственнаго кармана давать софѣмъ не расположенъ, такъ какъ тѣ деньги и самому ему пригодятся?—Какъ-ни-какъ, а „своя рубашка ближе къ тѣлу.“ И удивляться тутъ нечего: всякъ себѣ добра желаетъ—и притомъ такъ, какъ самъ понимаетъ его...

Поэтому, самое лучшее—разсматриваемый вопросъ рѣшить въ такомъ смыслѣ, чтобы причты не были поставлены въ необходимость часто обращаться къ прихожанамъ съ просьбами объ ассигновкахъ денегъ на церковно-строительныя надобности. *Въ распоряженіи причта, старосты и представителей отъ прихода должна имѣться особая—хотя и не большая—денежная сумма, которую они могли бы расходовать на удовлетвореніе нуждъ храма и причтовыхъ помѣщеній по мѣрѣ надобности. Тогда они будутъ сами и заботиться о томъ, чтобы сумма эта не изсякала, а время отъ времени пополнялась бы. А они сдѣлаютъ это,—стоитъ захотѣть; разъ захотятъ--и сдѣлаютъ. А захотятъ тогда, когда серьезно будутъ въ этомъ заинтересованы.*

Откуда же будетъ пополняться эта сумма? Да отъ того же прихода, изъ кармановъ тѣхъ же общественниковъ, которые на сходѣ закричатъ противъ обязательной раскладки.—Какъ именно?—Очень просто: попечительства станутъ обращать особенное вниманіе на добровольные сборы—хлѣбомъ, деньгами, льномъ и проч.; обойдетъ выборное лицо время отъ времени по приходу и съ подписнымъ листомъ. Не станутъ упускать случая выставить въ храмовые праздники у церковныхъ воротъ попечительскую кружку. *Насбирается, быть можетъ, та же сумма; какую желательно было выпросить у общества, а между тѣмъ достанется она легко и свободно.*

безъ всякаго *раздраженія* со стороны прихожанъ. Вѣдь иное дѣло—обязательная раскладка, и иное—добровольный сборъ. Первая бываетъ иногда тяжела тѣмъ, что она одинаково ложится какъ на богатаго, такъ и на бѣднаго, какъ на сочувствующаго дѣлу, такъ и на противящагося ему; такимъ образомъ, она и въ средѣ бѣдныхъ и въ кружкѣ недоброжелателей духовенства порождаетъ неудовольствіе, заражающее понемногу всѣхъ. *Добровольные* же сборы—чѣмъ бы то ни было—и добровольныя подписки имѣютъ то преимущество предъ подушной раскладкой, что они бѣдный и упрямый классъ населенія оставляютъ совершенно въ покоѣ, предоставляя имъ возможность или совсѣмъ не жертвовать, или жертвовать на доброе дѣло лишь посылную лепту; не дополученное съ нихъ покроеся избыткомъ отъ усердія богатыхъ и ревнителей благолѣнія храма и благочинія церковно-приходской жизни.

Разумѣется, и общіе для всѣхъ прихожанъ подушные расклады временами бываютъ необходимы,—воспрепятствовать ихъ никоимъ образомъ нельзя. Сами общественники видятъ иной разъ необходимость построить новый храмъ или капитальнымъ образомъ ремонтировать существующій, построить новые причтовые дома, церковно-приходскую школу и проч. Сознаютъ нужду въ этомъ и находятъ полезнымъ обложить всѣ платежныя силы равнымъ сборомъ, разъ нѣтъ запаснаго капитала на производство этихъ работъ ни у общества, ни у попечительства, ни у церкви. Въ виду всего вышесказаннаго, и необходимо поставить дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ такъ, чтобы съ просьбами объ ассигновкахъ изъ общественныхъ суммъ на церковно-строительныя нужды причты съ церковными старостами вынуждены бывали обращаться къ сходу только въ случаяхъ, требующихъ на производство работъ болѣе или менѣе значительныхъ суммъ, а не каждый разъ, когда надо, напр., исправить у причтоваго дома провалившуюся крышу, покрасить выцвѣтшія отъ времени окна или просто купить, съ позволенія сказать, но-

вую банную колоду. Такіе некрупные расходы причту должно быть дозволено производить, съ согласія представителей отъ прихожанъ, изъ попечительскихъ суммъ... Вотъ тогда-то духовенство въ ростѣ попечительскихъ суммъ будетъ очень заинтересовано. А это—самое главное условіе для успѣха дѣла.

Другую *половину*, т. е. прихожанъ, нужно заинтересовать расширеніемъ попечительской благотворительности. Можно надѣяться, что добровольныя пожертвованія въ пользу церковно-приходскихъ попечительствъ замѣтно возрастутъ въ каждомъ приходѣ, когда прихожане узнаютъ, что въ кругъ дѣятельности попечительствъ обязательно входитъ и благотворительность бѣднымъ и неимущимъ прихода—да еще на такихъ широкихъ началахъ, какъ это многими теперь проектируется.

Этотъ видъ дѣятельности попечительствъ во многихъ мѣстахъ оставался до послѣдняго времени совершенно въ тѣни, на него совсѣмъ не обращали вниманія и не касались его—по той простой причинѣ, что онъ какъ-то сначала не былъ замѣченъ и не былъ призванъ къ жизни.

Кто виноватъ въ этомъ, сказать трудно,—во всякомъ случаѣ не одно духовенство. Гдѣ на благотворительность ничего не расходовалось, тамъ на нее ничего и не собиралось. Прихожане знали, что они жертвуютъ на нужды храма, школы и причтовыхъ домовъ, а не на благотворительныя цѣли, о каковыхъ никто не возбуждалъ даже вопроса, почему и расходованіе денегъ „на церковно-строительныя нужды“ не могло возбуждать въ нихъ неудовольствій и недоразумѣній.

Да и теперь бросаться изъ одной крайности въ другую не слѣдуетъ. Успѣхъ дѣла и въ этомъ случаѣ былъ бы очень и очень сомнительнымъ.

Вѣдь тамъ, гдѣ за „учрежденіе больницъ и богадѣленъ“ недостаточно обдуманно и толково, хотя и ревностно, возьмутся пылкіе, но скоро остывающіе при неудачахъ, дѣятели, не окончится ли дѣло опять-таки тѣмъ же, что попечительства эти воспользуются „въ широкой степени предоставлен-

нымъ имъ правомъ,“ убьютъ на свое новорожденное дѣтище „большую часть попечительскихъ средствъ, при чемъ попечительства“ будутъ поставлены „въ весьма затруднительное положеніе, а нѣкоторыя изъ нихъ, за недостаткомъ средствъ“, могутъ и „совершенно прекратить свое существованіе.“ Неужели же и изъ-за этихъ „нѣкоторыхъ“ попечительствъ опять „Уставъ“ пересматривать и „благодѣлительность“ изъ него вычеркивать?—Думаемъ, что нѣтъ.

Впрочемъ обсужденіе вопроса о благотворительной дѣятельности попечительствъ не входитъ въ задачу настоящей замѣтки; скажемъ лишь, что „учрежденіе больницъ и богадѣленъ“ посильно далеко не для всѣхъ приходовъ, тогда какъ „вспомоществованіе бѣднѣйшимъ членамъ общины, призрѣніе безпріютныхъ и изувѣченныхъ“ и „пособіе потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ... хотя и сложныя и трудныя, но за то въ высшей степени симпатичныя для народа задачи, рѣшенію которыхъ (слово „всецѣло“ выкинемъ) должно посвятить себя приходское попечительство.“ Въ послѣднемъ, т. е. въ вопросахъ о призрѣніи и пособіи, мы съ о. Брояковскимъ вполне согласны. Согласны также и съ проектомъ его, высказаннымъ ниже въ той же статьѣ, о развитіи филантропической дѣятельности попечительствъ, какъ согласны и съ со-вѣтомъ „обратить особенное вниманіе на благоустройство приходовъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи.“ Но при неуѣренной погонѣ за многоразличными филантропическими цѣлями можетъ оказаться, что на долю церквей, школъ и причтовыхъ домовъ не будетъ оставаться и малыхъ крохъ въ кассахъ многихъ церковно-приходскихъ попечительствъ. Это необходимо имѣть въ виду и постараться предотвратить заранее, иначе можетъ произойти не мало недоразумѣній...

Если дѣйствительно признано будетъ необходимымъ ограничить права церковно-приходскихъ попечительствъ въ расходованіи ихъ же собственныхъ суммъ—извѣстнаго рода рамками, то нельзя ли самимъ „Положеніемъ“ указать, *какую именно часть или какой* % попечительскаго капитала разрѣ-

шается издержать въ теченіе года на тотъ или иной предметъ? Нельзя ли тогда прямо начертать, что попечительству предоставляется право: $\frac{1}{3}$ капитала расходовать на ремонтъ храма и пополненіе церковной ризницы, $\frac{1}{3}$ на ремонтъ причтовыхъ домовъ и церковныхъ школъ прихода и $\frac{1}{3}$ на благотворительныя цѣли въ средѣ бѣднѣйшихъ прихожанъ?—При значительномъ расширеніи благотворительной дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ, $\frac{1}{3}$ попечительскихъ капиталовъ можетъ оказаться на этотъ предметъ недостаточнымъ. Тогда, въ крайнемъ случаѣ, можно употребить на благотворительныя цѣли половину попечительскихъ суммъ, а другую половину расходовать на ремонтъ и храма, и причтовыхъ домовъ, и церковныхъ школъ прихода. Не трудно, въ случаѣ нужды, и особый типъ прихода-расходной отчетности выработать, гдѣ бы *расходы и остатки* попечительскихъ суммъ значились подъ особыми рубриками, по отдѣламъ, въ соответствующихъ графахъ...

Въ виду всего сказаннаго нами, будемъ надѣяться, что новое „Положеніе,“ или, по нынѣшнему, новый „Уставъ“—не упразднитъ статьи, простирающей дѣятельность попечительствъ на постройку новыхъ и исправленіе старыхъ причтовыхъ помѣщеній. Это—сколько въ интересахъ причта, столько же и въ интересахъ прихода.

Свящ. *Михаилъ Троицкій.*

Ш о д в и г ъ ¹⁾.

(Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства).

Ш

Было около 10 часовъ вечера; на улицѣ становилось все тише и тише. У большого дома сельскаго старосты, который только недавно поселился на новомъ мѣстѣ у пруда въ

¹⁾ См. № 18 за 1904 г.

концѣ средней улицы, подъ окнами сидѣли и тихо бесѣдовали трое крестьянъ. Посрединѣ сидѣлъ здоровый, коренастый мужчина, лѣтъ 40, съ маленькими глазами на широкомъ скуластомъ лицѣ,—это сельскій староста, Егоръ Степановъ Зайцевъ; онъ былъ одѣтъ въ новую сукошную поддевку, плисовые шаровары и лакированные сапоги, а на его черно-волосой головѣ красовался новенькій картузь, чуть-чуть сдвинутый на бекрень. По правую его руку сидѣлъ темноволосый полный мужчина, лѣтъ сорока пяти, въ щегольской сукошной поддевкѣ; онъ состоялъ церковнымъ старостой и доводился Зайцеву шуриномъ; на его некрасивомъ, изрытомъ оспою, лицѣ замѣчательны были татарскаго типа каріе глаза, въ которыхъ можно было замѣтить порой насмѣшку или злобу, порой ласку и обворожительное добродушіе. Впрочемъ, Терентій Ивановичъ Чумаковъ,—такъ звали церковнаго старосту,—не имѣлъ обыкновенія смотрѣть собесѣднику прямо въ глаза. Прихожане, хотя и не любили Чумакова, но относились къ нему съ видимымъ уваженіемъ и подобострастіемъ. Налѣво, въ почтительномъ отдаленіи отъ этой сельской аристократіи, на самомъ кончикѣ скамейки, сидѣлъ церковный сторожъ Софозъ, худощавый, вертлявый, пожилой лѣтъ мужичокъ съ глуховатымъ и безхарактернымъ выраженіемъ круглаго лица, въ общемъ похожаго на печеное сморщившееся яблоко. Онъ заискивающе поглядывалъ на собесѣдниковъ и старался внимательно слушать ихъ. Видно было, что онъ боялся упустить тѣ рѣдкіе моменты, когда и ему являлась возможность вставить въ общій разговоръ свое сужденіе. Обыкновенно онъ или поддакивалъ бесѣдовавшимъ, или же выражалъ свое удивленіе ихъ уму и смѣткѣ.

— Отъ кого же ты услыхалъ, што къ намъ скоро ночной попъ явится,—спрашивалъ Чумакова сельскій староста.

— Давеча утромъ мнѣ „Тихоня“ попался: вишь, онъ ѣздилъ по што-то къ благочинному; онъ и сказывалъ мнѣ. Коли онъ вретъ, ну и я, значить, вру,—сиповатымъ, непри-

ятнымъ басомъ пробурчалъ Чумаковъ. Онъ кроткаго, смиреннаго діакона называлъ не иначе, какъ „Тихопей“.

— Каковъ-то будетъ?— промолвилъ Егоръ Степановичъ:— што какъ еще хуже прежняго батьки?

— Што же? — самодовольно улыбаясь, сказалъ Чумаковъ:—мы и такого не испугаемся! Помнишь, какъ того здорово ахнули? Ну, и этому то же будетъ! Ужь на своемъ, значитъ, поставимъ, а попу воли не дадимъ: шалишь, приятель! Молись не лѣнись, коли охота, а въ наши хрестьянскія дѣла не путайся! вотъ што!

— Оно, конечно, такъ,—лѣниво и позѣвывая промолвилъ Зайцевъ.

— Вотъ, Терентій Иванычъ,—прерывая молчаніе, затараторилъ скороговоркой Софонъ:—пока вы сидите въ старостахъ, пота и мѣ, стало быть, жить можно,—только, значитъ, умѣй вашей милости угодить. Поди-ка вонъ въ другихъ, къ примѣру, приходяхъ. Какъ плохо сторожамъ-то! то къ попу забѣгутъ, то къ старостѣ...

— А ты не бринчи зря-то! ты, што ли не забѣгалъ къ попу, бывало?—грубо осадилъ сторожа Чумаковъ.

— Ей-Богу и, ей-Богу-съ, всегда старался только вамъ угодить! вотъ лопни глаза! што мѣ попь-то! тьфу!—И Софонъ, давно соскочившій съ мѣста, безголково жестикулировалъ, а при послѣднемъ словѣ даже плюнулъ въ сторону нѣсколько разъ.

— Молчи ужъ лучше, коза барабанная!—брезгливо, не глядя на сторожа, сказалъ Чумаковъ. А Софонъ, какъ прибитая хозяиномъ собака, отъ страху поджимающая хвостъ, скорчилъ жалкую, приниженную мину и торопливо усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

— Чу! колокольцы, знать, звенять?—вслушиваясь проговорилъ Чумаковъ.

— Кажись, такъ: должно, тройка въ село катить,—отвѣчалъ Степанъ Егоровичъ.

— Такъ и есть. Эво въ нашу сторону закатывается!— добавилъ онъ. Дѣйствительно, въ началѣ улицы показалась тройка; веселый звонъ ея бубенчиковъ разливался по всему селу непрерывно громкой трелью.

— Ба! да ужъ эфто не новый ли нашъ батька ѣдетъ? а то кому же быть?—сказалъ Чумаковъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ приближающихся путниковъ.

Поровнявшись съ домомъ сельскаго старосты, тройка стала.

— Почтенные! гдѣ тутъ у васъ духовенство-то живетъ?— чуть-чуть приподымая фуражку, обратился ямщикъ къ церковному старостѣ и его собесѣдникамъ.

— А вотъ тутотки за прудомъ! поѣздай по дорогѣ мимо церкви!—скороговоркой выпалилъ Софонъ.

— Ну, братъ, какой батька-то ражій!—сказалъ Зайцевъ, когда тройка помчалась дальше.

— А ты погоди хвалить, не пришлось бы въ яму валить. Теперича еще ничего не видать,—наставительно и съ насмѣшкой пробасилъ въ полголоса Чумаковъ.

Чрезъ полчаса во всемъ селѣ уже было извѣстно, что пріѣхалъ новый батюшка съ матушкой, и что они остановились пока у дьякона. Ребята всѣхъ возрастовъ и много крестьянъ обоого пола, не смотря на поздній часъ, сбѣжались на Цоповку, старая любопытствомъ посмотреть на пріѣхавшихъ. Зѣваки ломились въ сѣни о. дьякона; толкая другъ друга, лѣзли къ окнамъ; взбирались на заборчикъ палисадника.

— Куда вы приперли-то? чего вамъ тутъ нужно?—сердито пробасилъ псаломщикъ, пробираясь въ своемъ новомъ нанковомъ подрясникѣ къ дому о. дьякона: старикъ шель представиться о. настоятелю.

— Эки безстыжіе! всѣ кусты смяли да и палисадникъ-то изломали!—ворчалъ онъ, подходя къ крыльцу.

— А тебѣ што за дѣло, старый ты хрычъ!—злбно выкрикнулъ явившійся сюда Чумаковъ.—Пора бы тебѣ и въ заштатъ подавать,—продолжалъ онъ, прячась въ толпѣ.

— Такъ, такъ, церковная крыса!—язвительно заговорилъ псаломщикъ, узнавшій Чумакова по голосу:—тебѣ хочется, чтобы я въ заштатъ ушелъ, а то, вѣдь, пожалуй, помѣшаю тебѣ плутовать!—Съ этими словами старикъ юркнулъ въ двери дома. Толпа разсмѣялась. Чумаковъ злбно выругался, сжимая кулаки.

— Вишь ты! не любо старому, што съ мѣста велеть уходить!—говорили нѣкоторые.

IV

На другой день утромъ о. Григорій перебрался въ церковный домъ, служившій квартирой для священника. Это было деревянное одноэтажное небольшое зданіе, съ трехъ сторонъ окруженное старымъ тѣнистымъ садомъ, а съ четвертой, южной—скотнымъ дворомъ и разными службами. Въ домѣ было пять комнатъ, небольшихъ по размѣру, но очень уютныхъ. Не успѣли новые батюшка съ матушкой хорошенько осмотрѣться и устроиться въ своемъ жилищѣ, какъ къ нимъ прибылъ Чумаковъ.

— Извините, батюшка, что я вашу милость побезпокоилъ!—говорилъ онъ, входя въ залу и развязано подавая руку о. Григорію и его женѣ.

— Садитесь, пожалуйста!—сказалъ хозяинъ, указывая на стулъ.

— Надо, думаю, иттить съ новымъ батюшкой познакомиться!—ласково улыбаясь и усаживаясь, произнесъ Терентій Ивановичъ.—Вы, чай, не знаете? а я вѣдь здѣшній церковный староста,—продолжая улыбаться, добавилъ онъ.

— Очень пріятно познакомиться!—сказалъ о. Григорій.—Соня! приготовь-ка намъ чайку,—обратился онъ къ женѣ.

— Давно вы сидите въ старостахъ?

— Пршлый годъ на шестое трехлѣтіе избранъ.

— Жалованья за свою службу не получаете?

— Нѣтъ. Мы ради Бога и спасенія души служимъ,— важнымъ тономъ проговорилъ Терентій Ивановичъ.— Да и честью эфтой мы очень дорожимъ,—добавилъ онъ.

— Это хорошо, похвально,—сказаль о. Григорій,— что вы не тяготитесь своей должностью.

— Зачѣмъ тяготиться, помилуй Богъ!— отвѣчалъ староста, складывая на груди руки и набожно взирая на иконы.

— Оно, конечно,—началь онъ, немного помолчавъ,— бывають иногда непріятности, а потому иной разъ подумаешь—оставить бы должность; а какъ разсудишь, значить, то и опять останешься служить,—сказаль онъ, опуская руки и хватаясь ими за сидѣнье стула.

— Какого же рода могутъ быть непріятности?—спросилъ о. Григорій.

— Да разныя, значить,—отвѣчалъ тотъ уклончиво.— Вотъ хоша бы, къ примѣру сказать,—продолжалъ онъ,—при прежнемъ батюшкѣ много всякихъ грѣховъ бывало. Почему-што—ужь очень капризенъ онъ былъ: ни съ того, ни съ сего накинется, бывало, на тебя ругаться! Нехорошій, можно сказать, онъ былъ человекъ.

— А церковь много дохода въ годъ получаетъ?—спросилъ о. Григорій, не обращая вниманія на послѣднія слова старосты.

— Нѣтъ, такъ себѣ; пожалуй, больше тысьченки въ годъ не наберется.

— Все-таки порядочно; навѣрно, этого хватаетъ на всѣ церковныя нужды.

— Гдѣ-жъ, батюшка, хватать! Своихъ не мало добавляемъ, а то бы, значить, и не оправдать всѣхъ расходовъ: почему-што—церковь большая, много ремонту, значить, требуетъ.

— Какіе же тутъ особенно большіе расходы?

— Да мало ли найдется! Тотъ батюшка, бывало, много и лишнихъ расходовъ выдумывалъ?

— А это что же такое—лишніе расходы?

— Да вотъ, къ примѣру, лишнее совѣмъ: найдетъ, бывало, батюшка старую завалящую икону въ кладовой и велить ее подновить; а то велить новое облаченіе купить, а то печки надумаетъ сызнова переложить; ну, и ещо што другое, отъ нечего дѣлать, выдумываетъ. Не берегъ онъ церковныхъ суммъ: такой ужъ транжира, прости Господи, былъ!—зло и неприятно улыбаясь, толковалъ Терентій Ивановичъ, не глядя на хозяина.

— Извините, я на минутку оставлю васъ,—сказалъ о. Григорій вставая.—Ему просто-напросто надоѣлъ староста, старавшійся къ мѣсту и не къ мѣсту такъ или иначе похаять прежняго священника.

— Мнѣ ваше село очень нравится!—сказалъ о. Григорій, скоро воротившись къ гостю.

— Да, наше село, можно сказать, первѣющее во всемъ околodкѣ!—хвастливо проговорилъ Терентій Ивановичъ.—И народъ здѣсь, скажу я вамъ,—продолжалъ онъ,—отмѣнный: за требы платить хорошо. Вонъ прежній батюшка сколько доходу кажинный годъ получалъ! Все въ банкъ клалъ. Поди, чай, тыщи накопилъ, почему-што—не въ осужденіе будь сказано—жаденъ до денегъ-то былъ. Страсть какъ жаденъ!—ехидно хихикая, повторилъ онъ послѣднія слова.

О. Григорій нахмурился и барабанилъ пальцами по столу. Въ это время въ комнату вошла Софья Петровна съ налитыми стаканами чая на подносѣ. И хозяинъ и гость молчали. Терентій Ивановичъ смекнулъ, наконецъ, что его разговоръ не нравится священнику.

— Прошу покорно чайку покушать,—сказала Софья Петровна, обращаясь къ старостѣ.

Терентій Ивановичъ сперва вздохнулъ, потомъ тихо всталъ и сдѣлалъ предъ иконами нѣсколько поясныхъ покло-

новъ; затѣмъ медленно подоdvинулъ свой стулъ къ столу и важно усѣлся.

— Желая здравствовать, батюшка и матушка!—сказалъ онъ, раскланиваясь супругамъ, послѣ того какъ, перекрестившись и откусивши сахару, водрузилъ налитое чайное блюдо на всѣхъ пяти пальцахъ своей здоровенной правой руки.

— Кушайте, пожалуйста!—пригласила Софья Петровна, выходя изъ комнаты.

— Стало быть, вы завтра въ первый разъ изволите служить у насъ обѣдню?—спросилъ староста, осторожно прихлебывая горячій чай и при всякомъ глоткѣ отдуваясь.

— Нѣтъ, я служить не могу до тѣхъ поръ, пока о. благочинный не пріѣдетъ и не сдастъ мнѣ на руки церкви и ея имущества,—отвѣчалъ о. Григорій.

— Вотъ оно што!—притворно удивляясь, проговорилъ староста, и, относя руку съ блюдцемъ, онъ пересталъ даже пить.

— Таково ужъ у насъ положеніе!—сказалъ о. Григорій.

— Такъ, такъ,—опять начиная процессъ чаепитія, промолвилъ староста.—Эфто, стало быть, и мнѣ въ родѣ учету будетъ?—спокойно спросилъ онъ, ставя стаканъ на допитое блюдо и внимательно смотря на хозяина.

— Конечно, будетъ провѣрка и тѣхъ суммъ, которыя имѣются по приходо-расходной книгѣ,—отвѣчалъ о. Григорій.

— А коли такъ, то мнѣ, стало быть, надо съ вами поговориться касательно одного дѣла,—сказалъ Чумаковъ, наливая въ блюдо чаю.

— Говорите. Чѣмъ могу служить?

— Дѣло-то вотъ какое,—тихо, почти шопотомъ началъ Чумаковъ, вмѣстѣ со стуломъ подвигаясь ближе къ о. Григорію и оглядываясь по сторонамъ.—Когда, значить, прежній священникъ сдавалъ о. благочинному церковь, то меня,

какъ на грѣхъ, дома не было: уѣзжалъ въ Москву за сапожнымъ товаромъ,—у меня вѣдь 30 человекъ сапожниковъ работаетъ; ключи отъ церковной конторки сдалъ я на руки своему помощнику. Прежній же священникъ, какъ былъ, значить, сердить на меня, то и желалъ ввалить меня въ яму. И вотъ, значить, какимъ манеромъ: онъ пожаловался на меня о. благочинному, будто бы—де я утаилъ 500 цѣлковыхъ церковныхъ денегъ. О. благочинный при сдачѣ церкви, баютъ, сказалъ такъ: „я—де знать ничего не знаю, а въ церковномъ ящикѣ должно быть денегъ, по показанію причта, 500 цѣлковыхъ“. Помощникъ побѣжалъ тогда къ моей супружницѣ; а та,—конечно, дѣло бабье,—испужалась, да со слезами къ сельскому старостѣ (староста, стало быть, шуринъ мнѣ доводится) и взяла у него изъ мірскихъ суммъ въ долгъ до меня эти денежки-то. О. благочинный тогда же положилъ ихъ въ сберегательную кассу. Вотъ, дорогой батюшка, мнѣ бы и желательно, значить, эти самыя деньги-то обратно получить, почему-што—онѣ не церковныя, и духомъ-то церковнымъ отъ нихъ не пахнутъ. Будьте отцомъ роднымъ, батюшка, помогите! Вѣдь я, хоша и имѣю достатокъ, слава Богу, а всёжъ-таки этакими кусками кидаться не могу. Заступитесь, батюшка!—слезно молилъ Чумаковъ и, отодвинувъ свой стулъ, повалился въ ноги о. Григорію.

— Что вы дѣлаете? Господь съ вами!—говорилъ тотъ, подымая старосту.—Что могу сдѣлать, то сдѣлаю и безъ поклоновъ.

— Ради Христа, помогите, батюшка!—утирая влажные отъ слезъ глаза большимъ клѣтчатымъ платкомъ, умоляюще говорилъ Чумаковъ.

Собесѣдники смолкли. О. Григорій всталъ и зашагалъ по комнатѣ, а староста пытливо то и дѣло взглядывалъ на него, стараясь угадать, можно ли ему въ этомъ дѣлѣ рассчитывать на какой-нибудь успѣхъ.

— Вотъ что! — заговорилъ о. Григорій, садясь опять противъ старосты и недовѣрчиво смотря на него:—я позову

сюда о. дьякона и псаломщика,—безъ нихъ ничего не могу вамъ сказать.

— Ну къ чему же пристало ихъ звать?—встревоженно сказалъ Чумаковъ:—у меня и безъ нихъ цѣлое село свидѣтелей, што такихъ, значить, денегъ никогда и не бывало въ церкви,—волнуясь, добавилъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ, причтъ о такомъ дѣлѣ долженъ быть освѣдомленъ лучше, чѣмъ прихожане,—произнесъ о. Григорій, вставая и направляясь къ двери.

— Дѣло дрянъ!—вполголоса сказалъ Чумаковъ, оставшись одинъ.—И какъ это я поиѣ одурѣлъ: стараго попа ругалъ, а этихъ подлецовъ и не задѣлъ въ разговорѣ! а ихъ-то бы и надо предъ попомъ расписать! Эхъ, всѣ планы мои рухнули! Тыфу ты, пропасть!—И Чумаковъ съ досады сплюнулъ даже при этихъ словахъ.

Скоро въ залу явился вмѣстѣ съ о. Григоріемъ о. дьяконъ и псаломщикъ. О. Григорій, усадивъ ихъ, передалъ имъ просьбу старосты и просилъ ихъ рассказать, какъ было дѣло.

— А вы, батюшка, и повѣрили Терентію Ивановичу? Полноте! Кто ему повѣритъ, тотъ трехъ дней не проживетъ!—насмѣшливо пробасилъ псаломщикъ, медленно поглаживая свою сѣдую бороду и злобно поглядывая на старосту.

Чумаковъ поблѣднѣлъ, что-то хотѣлъ было сказать, но сдержался и ограничился только одной презрительной улыбкой.

— Василій Прокофичъ! прошу васъ не оскорблять г. старосту!—строго замѣтилъ о. Григорій.

— Да коли онъ того стоитъ!—невозмутимо продолжалъ старикъ:—онъ, вѣдь, и на самомъ дѣлѣ 500 рубликовъ совсѣмъ было прикарманилъ, да, значить, не удалось! ида-съ!—прищелкивая языкомъ, язвительно сказалъ псаломщикъ.

Староста послѣ этихъ словъ еще больше поблѣднѣлъ и нервно закусилъ губы, но продолжалъ презрительно молчать.

— Василій Прокофичъ! перестаньте, пожалуйста!—прикрикнулъ на старика о. Григорій.

— Знаемъ Оому, что въ рогазинномъ ряду!—отступая къ двери и махая рукой, вполголоса сказалъ псаломщикъ.

— О. дьяконъ! расскажите, пожалуйста, вы, что знаете про эти 500 рублей!—обратился о. Григорій къ дьякону, который скромно сидѣлъ въ углу комнаты и отъ нечего дѣлать разсматривалъ альбомъ съ фотографическими карточками.

— Относительно этихъ 500 рублей,—началъ тотъ, положивъ альбомъ на подоконникъ,—мнѣ извѣстно вотъ что: въ концѣ февраля настоящаго года о. настоятель получилъ на имя причта отъ одного намъ незнакомаго московскаго купца, уроженца здѣшняго села, заказное письмо. Въ письмѣ этомъ кунецъ извѣщалъ насъ, что, въ виду своей преклонной старости, онъ возымѣлъ желаніе пожертвовать въ нашу церковь 500 рублей съ тѣмъ условіемъ, чтобы деньги эти были положены на вѣчный вкладъ, и проценты съ нихъ ежегодно дѣлились бы пополамъ между церковью и причтомъ. При письмѣ была приложена и расписка въ полученіи 500 рублей, данная Терентіемъ Ивановичемъ.

— Батюшка!—вставая съ мѣста, дрожащимъ отъ злости голосомъ закричалъ Чумаковъ:—все это неправда! одна суцая ложь! и письмо поддѣльное и расписка тоже! Я на судъ подамъ!

— Успокойтесь! не кричите!—проговорилъ о. Григорій:—докажите толкомъ свою правду.

— Чего тутъ доказывать! все село за меня!

— Еще бы не за тебя! не только все село, а и вся округа на 40 верстъ кругомъ въ твоихъ цапкихъ лапахъ сидитъ!—сказалъ не вытерпѣвъ замолкнувшій было псаломщикъ.

— Батюшка! Богъ свидѣтель! я этихъ денегъ отродясь ни отъ кого не получалъ!—обращаясь къ иконамъ и набожно крестясь, произнесъ староста, не обращая вниманія на слова псаломщика.

— Экій безстыжій! еще и богохульничаетъ!—всплеснувъ руками, сказалъ псаломщикъ.

— Нужно письмомъ снести съ этимъ жертвователемъ,—задумчиво проговорилъ о. Григорій.

— Да ужъ онъ, царство ему небесное, померъ недавно,—замѣтилъ о. дьяконъ.

— А кабы не померъ, меня бы и не оклеветали!—про-молвилъ Чумаковъ.

— Что и говорить! Нѣтъ, братъ, кабы не укралъ 500 рублей-то, ничего бы и не было!—связвилъ псаломщикъ.

— Батюшка! прошу васъ быть свидѣтелемъ, какъ меня они поносятъ—указывая рукой на дьякона и псаломщика, произнесъ злобнымъ, дрожащимъ голосомъ Чумаковъ и, поклонившись о. Григорію, быстро удалился.

— Господи! неужели онъ способенъ на подобныя вещи?—спросилъ о. Григорій оставшихся.

— Вѣрно, вѣрно, батюшка! — въ одинъ голосъ сказали тѣ.

— Онъ съ церковныхъ денегъ и разбогатѣлъ-то,—заговорилъ псаломщикъ,—а раньше бѣдно жилъ! Я помню: его кромѣ какъ „Терешкой“ никто и не называлъ иначе, а теперь всѣ величаютъ Терентіемъ Ивановичемъ. Этому Терентію Ивановичу на каторгѣ бы мѣсто-то, а не здѣсь.

— Эхъ, какая неприятная исторія!—задумчиво сказалъ о. Григорій, начиная шагать по комнатѣ.

— Больше мы вамъ не нужны, батюшка?—спросилъ дьяконъ, прерывая долгое молчаніе.

— Виноватъ! задержалъ васъ! идите домой!—очнувшись отъ раздумья, отвѣчалъ о. Григорій.

И. Горскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ.

Не такъ давно мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ крестьяниномъ. Говорили: о жизни помѣщиковъ, купцовъ, крестьянъ и духовенства. Жизнь помѣщиковъ мой собесѣдникъ находилъ легкой, беззаботной; крестьянскую жизнь называлъ трудовой, иногда очень тяжелой и безвыходной; жизнь же духовенства считалъ самой легкой и обезпеченной въ матеріальномъ отношеніи.

— „А вотъ, о. діаконъ, духовнымъ жить легче всѣхъ: у нихъ труда нѣтъ, а денегъ и хлѣба всегда много“, — такъ отзывался мой собесѣдникъ о нашемъ трудѣ и нашемъ обезпеченіи. Конечно, я постарался измѣнить взглядъ его на жизнь и трудъ духовенства въ обратную сторону, но этотъ разговоръ заставилъ меня надъ очень и очень многимъ задуматься.

Что трудъ у духовенства огромный—это неопровержимый фактъ, а потому объ этомъ я совсѣмъ не буду говорить. А вотъ—что денегъ и хлѣба у духовенства много, на этомъ стоитъ остановиться.

Былъ у меня добрый знакомый, любимый всѣми знавшими его священникъ, который прослужилъ на одномъ и томъ же мѣстѣ 18 лѣтъ. Семейство его, кромѣ жены, состоитъ изъ 9 человекъ дѣтей. Священникъ этотъ жилъ въ хорошемъ приходѣ и слылъ за богача, особенно среди крестьянъ. Но вотъ, къ великому моему прискорбію, вдругъ узнаю я, что онъ скоропостижно умеръ и... оставилъ свою семью *въ совершенно безвыходномъ положеніи*: богатство оказалось созданиемъ досужей фантазіи людей, любящихъ считать деньги въ чужомъ кармапѣ... И что теперь дѣлать бѣдной вдовѣ?— До пенсіи покойный не дослужилъ, домъ стоитъ на общественной землѣ, и его общество или потребуетъ снести, или же придется продать преемнику за такую цѣну, какую онъ заблагоразсудитъ самъ предложить, — а съ малыми дѣтьми (самый старшій сынъ въ 4-мъ классѣ духовной семинаріи) хоть по міру иди...

И такая горькая участь грозитъ семьѣ почти каждаго изъ насъ. Пенсія и эмеритура—вотъ на что обращены взоры всего духовенства. Вѣчныя молитвы за любвеобильнаго Отца и Благодѣтеля нашего, нынѣ благополучно царствующаго Государя!. Но, вѣдь, чтобы получить пенсію, надо прослужить извѣстное количество лѣтъ, а эмеритура только-что начинается еще свои операціи (и то далеко не вездѣ), вслѣдствіе чего размѣръ выдаваемого ею вспоможенія слишкомъ не великъ. Быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ наше положеніе измѣнится къ лучшему, но когда-то это будетъ? А пока что, каждый изъ насъ самъ лично долженъ позаботиться о томъ, чтобы послѣ его смерти женѣ и дѣтямъ не пришлось очутиться въ безвыходномъ положеніи. Прежде всего нужно стараться изъ своихъ скудныхъ средствъ *съ первыхъ же дней службы* экономить про черный день (я молодъ и говорю молодымъ собратамъ). Когда подрастутъ дѣти, и наступитъ время для ихъ обученія, тогда труднѣе будетъ что-либо отложить. И—кто знаетъ—быть можетъ, эти скудныя сбереженія отрутъ слезы и поставятъ на ноги нашихъ сиротъ?..

Очень возможно, что кто-либо заподозритъ меня въ скряжничествѣ и матеріализмѣ; но я слишкомъ далекъ отъ этого, и самъ ровно никакого стяжанія не имѣю, совѣтую же подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рассказаннаго выше прискорбнаго факта. — Чаще вспоминать про смерть обязанъ каждый христіанинъ, заботиться же о дѣтяхъ долженъ каждый отецъ.

Діаконъ И. М.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 12 мая 1904 г.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 23-го мая.

Содержаніе: По поводу новѣйшихъ взглядовъ на отношеніе библейскихъ вѣ-
рованій и сказаній къ вавилонскимъ (продолженіе) — Подвигъ. (Раз-
сказъ изъ быта сельскаго духовенства) (продолженіе). — Добрый при-
мѣръ.

**По поводу новѣйшихъ взглядовъ на отношеніе
библейскихъ вѣрованій и сказаній къ вавилон-
скимъ ¹⁾).**

Изложенный выше взглядъ на отношеніе библейскихъ вѣрованій и сказаній къ вавилонскимъ сторонниками его направляется къ тому, чтобы нанести „смертельный“ ударъ нашему обычному воззрѣнію на Библию и откровеніе. Разъ библейскія вѣрованія и сказанія цѣликомъ заимствованы изъ Вавилона, ясно, что они уже не могутъ считаться ни досто- вѣрными, ни богооткровенными. Ихъ нужно будетъ уже при- знать возникшими на почвѣ языческой мифологіи, на почвѣ тѣхъ наивныхъ представленій о мірѣ и человѣкѣ, которыя

¹⁾ См. № 19 „Р. д. с. п.“ за т. г.

свойственны первымъ ступенямъ культуры. Въ такомъ случаѣ Библия перестаетъ уже быть откровеннымъ словомъ Божиимъ, а превращается въ сборникъ легендъ, въ книгу, подобную Одиссеѣ, Илиадѣ и другимъ произведеніямъ того же рода. Если такъ, то задача наша—отрѣшиться отъ мысли о какомъ-то особенномъ авторитетѣ Библии, очистить свою религію отъ всего, что пристало къ ней изъ Вавилона. А эти вавилонскія наслоенія пристали не только къ тѣмъ сказаніямъ, которыя содержатся въ Ветхомъ Завѣтѣ, но и къ тѣмъ, которыя составляютъ содержаніе Завѣта Новаго. Названные ученые и всю исторію евангельскую, а значить, и все христіанство хотятъ теперь считать только сколкомъ съ Вавилона.

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему вопросъ объ отношеніи Библии къ Вавилону взволновалъ такъ западное общество. Ясно, что это не отвлеченный вопросъ, интересный только ученымъ спеціалистамъ, а вопросъ, близкій каждому изъ насъ, касающійся самаго дорогого достоянія нашего,—нашего религіознаго міросозерцанія.

На сколько, однако же, прочно стоитъ изложенный выше взглядъ, вызвавшій столько шума и произведшій такое смущеніе?

Прежде всего должно сказать, что та рѣшительность и увѣренность, съ которой проводится новый взглядъ на отношеніе Библии къ Вавилону, не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній. Несомнѣнно, что ассириологія, несмотря на всѣ свои успѣхи, не перестала еще до настоящаго времени быть областью, въ которой много спорнаго и недоумѣннаго. Въ послѣднее время много говорятъ о глубочайшей древности вавилонской литературы. Но при этомъ обыкновенно забываютъ, что намъ-то извѣстны вавилонскія сказанія въ поздней формѣ главнымъ образомъ въ тѣхъ копіяхъ, которыя изготовлены были писцами для бібліотеки царя Ассурбонипала IV-го, царствовавшаго въ VII в. до Р. Хр. Особенно важны въ данномъ случаѣ вавилонскіе рассказы о сотвореніи міра и о

потопъ мы имѣемъ именно въ копіи VII в., т. е. очень поздней. Отсюда, говорить о томъ, что эти рассказы существовали въ своей настоящей формѣ и за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до Р. Хр., когда они, будто бы, были заимствованы евреями, можно только съ большой осторожностью. Сдерживать всякаго изслѣдователя вавилонскихъ скаваній въ его выводахъ должно и то обстоятельство, что чтеніе вавилонскихъ письменъ въ настоящее время не стоитъ еще на полной высотѣ, и матеріаль, представляемый клинообразными таблицами, далеко еще не разобранъ.

Но пусть выводы ассириологіи будутъ прочны. Пусть дѣйствительно въ ассиро-вавилонской религіи было много сходнаго съ вѣрованіями и воззрѣніями библейскими. Что же слѣдовало бы изъ этого сходства? Отвергался ли бы этимъ, какъ утверждаютъ названные ученые, богооткровенный характеръ ветхозавѣтной религіи и Библии. Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Признаніе богооткровеннаго происхожденія Израильской религіи вовсе не заставляетъ утверждать, чтобы всякое положеніе этой религіи было совершенно оригинальнымъ, чуждымъ другимъ религіознымъ системамъ и вообще не достижимымъ на естественномъ пути развитія. Душа человѣка, говорилъ одинъ церковный учитель, по природѣ христіанка. Поэтому и въ религіяхъ языческихъ могутъ существовать установленія, сходныя по смыслу съ установленіями религіи истинной. Жертвенный культъ, посты, молитвы, праздники, жречество—все это въ той или иной формѣ было и въ язычествѣ, возникши на почвѣ врожденныхъ человѣческому духу религіозныхъ потребностей. Но въ Израилѣ все это было очищено отъ языческихъ примѣсей, получило новый смыслъ, соотвѣтствующій цѣлямъ избранія Израиля, и божественное утвержденіе. Заповѣди—„не убій“, „не укради“ и пр. были извѣстны и другимъ, кромѣ евреевъ, народамъ. Но мы называемъ ихъ богооткровенными потому, что на Синаѣ онѣ были подтверждены голосомъ Самого Бога.

Такимъ образомъ, называя тѣ или инья вѣрованія и установленія, о которыхъ говорится въ Библии, богооткровенными и богоучрежденными, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы ничего подобнаго у другихъ народовъ не было. Мы этимъ признаемъ только, что Израиль имѣлъ нарочитое Божественное повелѣніе о храненіи этихъ установленій, и для него они имѣли особый смыслъ. Значить, выдвигаемый сторонниками разсматриваемаго нами взгляда фактъ существованія у вавилонянъ подобныхъ библейскимъ вѣрованій и обрядовъ самъ по себѣ нисколько не противорѣчитъ и не можетъ противорѣчить нашей вѣрѣ въ откровенный характеръ библейской религіи. Сущность дѣла не въ томъ, есть ли сходство между библейской религіей и вавилонской, а въ томъ, какъ далеко сходство это простирается, какъ велико между двумя религіями различіе. А различіе это безконечно велико. Какъ бы мы ни сближали библейское ученіе съ вавилонскими воззрѣніями, все-таки между ними остается цѣлая непроходимая бездна. Пусть укажутъ намъ въ вавилонской религіи такое возвышенное и глубокое ученіе о единомъ Богѣ, какое есть въ Библии. Пусть представятъ намъ въ вавилонской религіи явленіе, которое могло бы быть поставлено на одномъ уровнѣ съ библейскимъ пророчествомъ. Пусть найдутъ въ вавилонской религіи слѣды такой стройной и полной глубокаго смысла системы, какую мы имѣемъ въ библейскомъ ученіи. Безспорно, ничего подобнаго въ вавилонской литературѣ указать нельзя. Противники Библии въ состояніи указать въ Вавилонѣ только слабыя проблески единобожія, о которыхъ догадываются по нѣсколькимъ именамъ и отдѣльнымъ случайнымъ и спорнымъ выраженіямъ. Но эти проблески не могутъ быть и сравниваемы съ идеей единобожія, проникающей ветхозавѣтную религію отъ начала и до конца, засвидѣтельствованной многочисленными и ясными изреченіями библейской письменности. Сторонники новаго взгляда могутъ, да еще, привести нѣсколько молитвъ и выраженій, которыя свидѣлствуютъ о существованіи у вавилонянъ высокаго созна-

нія нравственныхъ требованій. Но нельзя забывать, что эти молитвы положительно тонуть въ массѣ суевѣрій, заклинаній и разнаго рода нелѣпыхъ предписаній, и въ цѣломъ мораль вавилонской религіи неизмѣримо ниже морали библейской. Вообще, сколько бы мы ни возвышали отдѣльныя вѣрованія вавилонянъ, *въ цѣломъ* вавилонская религія все-таки будетъ безконечно ниже религіи ветхозавѣтной, и послѣдняя остается явленіемъ чрезвычайнымъ, понятнымъ только при допущеніи божественнаго вмѣшательства въ исторію Израиля. Но если такъ, то сходство библейскихъ воззрѣній съ вавилонскими въ *отдѣльныхъ пунктахъ* имѣетъ мало значенія и отнюдь не является „смертельнымъ ударомъ“ для авторитета Библии. какъ утверждаютъ это защитники новаго взгляда.

При признаніи различія библейской и вавилонской религіи по существу, повидимому, уже трудно объяснять заимствованіями и сходство между ними въ частностяхъ. Трудно вообще понять, какъ изъ заимствованныхъ въ Вавилонѣ отдѣльныхъ вѣрованій и сказаній могло составиться нѣчто цѣлое и новое въ Библии.

Но при этомъ остается еще вопросъ: имѣемъ ли мы несомнѣнныя историческія данныя для того, чтобы вмѣстѣ съ названными учеными сходные частные пункты въ религіозныхъ воззрѣніяхъ библейскихъ и вавилонскихъ объяснять именно заимствованіемъ первымъ изъ послѣднихъ?

Повидимому, на основаніи опубликованнаго доселѣ матеріала, нужно отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Прежде всего, вмѣсто признанія зависимости библейскихъ воззрѣній отъ вавилонскихъ возможно еще предположеніе, что тѣ и другія воззрѣнія имѣютъ для себя общій источникъ, происходя изъ того преданія, которое идетъ отъ первыхъ временъ человѣка. У насъ вѣдь нѣтъ доказательствъ противнаго, — доказательствъ того, что народы Ассиріи и Вавилоніи *сами* изобрѣли свои сказанія о сотвореніи міра и о потопѣ, а не получили ихъ по преданію. А по многимъ другимъ соображеніямъ именно такъ и было. Вѣдь сказанія,

сходныя съ вавилонскими, существовали и у народовъ, которые не имѣли, какъ евреи, связи съ вавилонянами. Чѣмъ объяснить этотъ несомнѣнный и общеизвѣстный фактъ? Проще всего—именно тѣмъ, что въ основѣ сходныхъ сказаній лежитъ общее зерно, общее преданіе, которое каждый народъ, а въ томъ числѣ и вавилоняне, перерабатывали по-своему. Вопросъ, значить, будетъ только въ томъ, какая переработка стоитъ ближе къ первоначальному преданію, у кого сохранилось это преданіе въ ббльшей чистотѣ.

Названные выше ученые, не раздѣляя только что высказанныхъ соображеній, настаиваютъ именно на *заимствованіи* евреями своихъ сказаній и вѣрованій изъ Вавилона. Но неопровержимыхъ фактовъ, оправдывающихъ такую настойчивость, доселѣ не существуетъ. Въ послѣднее время усиленно говорятъ о томъ, что Палестина въ періодъ переселенія сюда евреевъ изъ Египта, находилась всецѣло подъ вліяніемъ вавилонской культуры. Главнымъ доказательствомъ этого являются открытія въ 1887 г. въ мѣстечкѣ Телль-Амарнѣ донесенія палестинскихъ намѣстниковъ египетскому царю Аменофису. Такъ какъ эти донесенія изъ Палестины писаны по—вавилонски, то отсюда и заключаютъ, что въ Палестинѣ все подчинялось вавилонскому вліянію. Однако же не должно забывать того, что Телль-Амарнскія донесенія представляютъ собою документы дипломатическаго характера. Веденіе такихъ документовъ на вавилонскомъ языкѣ еще не свидѣтельствуетъ о господствѣ вавилонской культуры, подобно тому какъ въ наше время употребленіе для дипломатическихъ сношеній французскаго языка не доказываетъ повсюднаго преобладанія нынѣ французской культуры.

Съ другой стороны, если даже мы признаемъ фактъ широкаго вліянія Вавилона въ Палестинѣ, то все же нельзя сомнѣваться, что въ области *религіозной* это вліяніе не могло быть значительнымъ.

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что при всей своей склонности къ идолопоклонству евреи въ древнѣйшій періодъ

своей исторіи не почитали ни одного изъ боговъ вавилонскихъ. Разнаго рода заклинанія и волшебство, связанныя въ Вавилонѣ съ культомъ боговъ, также не только не нашли доступа въ еврейскую религію, а напротивъ положительно бѣли запрещены и наказывались смертію. Да и вообще, мысль о всецѣломъ поглощеніи древнихъ евреевъ вавилонской культурой, опровергается всей исторіей избраннаго народа. Приходившій въ соприкосновеніе съ различными народами, Израиль, въ концѣ концовъ, все-таки сохранилъ свою особенную фізіономію и вошелъ въ составъ греко-римскаго міра съ религіей, не только отличавшейся отъ другихъ, но и превосходившей ихъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что историческія данныя не даютъ намъ права слишкомъ преувеличивать вліяніе Вавилона на евреевъ и все содержаніе Библии безъ разбора выводить изъ Вавилона.

Въ этомъ еще больше можно убѣдиться, если сравнить вавилонскія сказанія о первобытныхъ временахъ съ библейскими.

Остановимся прежде всего на вавилонскомъ сказаніи о сотвореніи міра.

В. Р—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П о д в и г ъ ¹⁾.

(Разсказъ изъ быта сѣльского духовенства).

V

Когда о. благочинный прїѣзжалъ сдавать церковь и ея имущество новому настоятелю, Чумаковъ отказался отъ своей должности, хорошо зная, что все равно его бы уволили. На его мѣсто избрали Семена Лукича. Это произошло въ послѣднихъ числахъ іюня.

¹⁾ См. № 20 за 1904 г.

— Ну, баба, а меня вѣдь церковнымъ старостой задѣлали!—торжествующимъ теноркомъ говорилъ Семень Лукичъ женѣ, входя въ свою избу послѣ выборовъ.

— Ой-ли!—радостно отозвалась та, выглядывая изъ дверей кухни.

— Я те правду говорю! неужели вратъ стану?—сказаль мужъ, снявъ праздничную поддевку и оправляя на себѣ кумачовую рубаху.

— Вотъ и слава те Господи! Ну, теперь и водку пить брось: она не къ лицу будетъ церковному старостѣ.

— А я на радостяхъ думаль малу толику выпить!—сядась подъ образами на лавку и лукаво улыбаясь, пропищаль тоненькимъ голоскомъ Семень Лукичъ.

— Што ты! Христось съ тобой! о водкѣ ли теперича думать! — наставительнымъ тономъ произнесла его жена Авдотья, уходя за перегородку, отдѣлявшую кухню отъ чистой избы:—ишь ты, что выдумаль! экій безстыдникъ! право слово, безстыдникъ!—кричала она оттуда.

— Да куда ты убѣжала-то? Выдь-ка сюда! Ишь, ореть-то: поди на томъ концѣ села твое хайло-то слыхать!—прикрикнуль Семень Лукичъ, недовольный наставленіями супруги.

— Ну, а ты что верещишь-то, словно поросенокъ!—выходя въ чистую, спокойно сказала Авдотья, высокая, худощавая женщина съ энергичнымъ лицомъ и умными карими глазами.

— Что-за шумъ, а драки нѣту!—говорилъ Чумаковъ, неожиданно появляясь въ дверяхъ.—Доброе здоровье! Семень Лукичъ! Овдотья Лексѣвна!—сказаль онъ затѣмъ, предварительно перекрестившись нѣсколько разъ предъ иконами и раскланиваясь съ хозяевами.

— Милости просимъ!—отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

— А я иду мимо—слышу: оченно шумять тутъ; дай, думаю, зайду, полюбопытствую.

— Мы, значить, промежь себя толковали,—сказаль Семень Лукичъ.—Баба!—обратился онъ къ женѣ:—поди ставь самоварь!

— Проздравляю тебя, Семень Лукичъ, съ новымъ, значить, чиномъ!—полунасмѣшливо произнесъ Терентій Ивановичъ, усаживаясь въ переднемъ углу.

— Ужь есть съ чѣмъ и поздравлять!—притворно отвѣчалъ тотъ.

— А ты ужь, братецъ мой, не хитри! вѣдь по глазамъ вижу, что радъ-радехонекъ своей должности!—замѣтилъ Чумаковъ.

— Ну, вотъ ты и совралъ! Чему тутъ радоваться? только, значить, лишнюю обузу взвалили на шею!—разводя руками, сказалъ Семень Лукичъ.

— Вѣрно, другъ, вѣрно! еще не разъ проклянешь эту должность! Сидѣть, братъ, въ старостахъ—хорошаго мало, а грѣховъ кучу наживешь! Къ примѣру возьму себя: я ли ужь не старался послужить церкви Божіей? я ли на церковныя дѣла не потратилъ уймы своихъ денегъ? И вотъ все, братецъ мой, нипочемъ: вмѣсто благодарности получилъ я стыдъ да срамъ! Одинъ, только Господь правосудный знаетъ, какой крестъ выпалъ на мою долю!—взирая на иконы и набожно крестясь, скорбнымъ голосомъ промолвилъ расчувствовавшійся Терентій Ивановичъ и медленно, точно напоказъ, вытеръ платкомъ наворачнувшіяся слезы.

Въ это время Авдотья готовила столъ для чаенитія. Собесѣдники смолкли и машинально слѣдили за дѣйствіями хозяйки.

— Овдотья!—сказаль Семень Лукичъ, когда жена принесла на столъ шипящій самоваръ:—достань-ка графинчикъ съ богородской травкой,—надоть угостить дорогого гостя водочкой.

— Гостя-то угощай, а самъ не моги угощаться: опять, сохрани Богъ, загуляешь!—замѣтила жена, строго взглянувъ на мужа.

— А я одинъ-то и въ ротъ не возьму вашей водки!—сказаль улыбаясь Чумаковъ.

— Ну, а ты молчи, глупая баба! не разсуждай много-то! что велятъ, то, значить, и дѣлай!—сердито прикрикнулъ Семень Лукичъ на жену.

— Эхъ; только на грѣхъ принесло эту краснорожую рябую форму!—ворчала Авдотья, выйдя въ сѣни.

Скоро на столѣ появились водка и рубленая капуста съ хлѣбомъ на закуску. Авдотья куда-то ушла.

— Ну-ка, давай, братъ, дернемъ передъ чайкомъ-то!—приглашалъ хозяинъ гостя, наливъ водки два стаканчика. Бзявъ по одному изъ нихъ въ лѣвыя руки, собесѣдники сперва набожно перекрестились, потомъ чокнулись, медленно, морщась, выпили, крикнули, сплюнули на полъ и закусили. Все это было продѣлано серьезно и торжественно, какъ яѣчто крайне важное.

— А теперь нужно и по другому выпить, чтобы, значить, не хромать!—предложилъ подмигивая Семень Лукичъ. При этомъ опять повторилась точъ-въ-точъ та же церемонія выпивки, что и въ первый разъ.

— Сеня! скажи по совѣсти: ты за попа или нѣтъ?—спросилъ ласково Чумаковъ, прожевывая капусту.

— Что мнѣ попь-то! чай я съ нимъ ребятъ не крестилъ!—отвѣчалъ Семень Лукичъ, разливая чай.

— Кто же знаетъ! можа онъ тебѣ и по сердцу пришелся!—пытливо глядя на Семена Лукича, сказалъ Чумаковъ.

— Нѣтъ, братъ, я попа терпѣть не могу! ужь очинно гордъ онъ: никакой компаніи съ нимъ не разведешь!

— Мотри же, съ попомъ не якшайся, а то въ дураки попадешь!—произнесъ Терентій Ивановичъ, желѣзными щипчиками раздробляя сахаръ на крохотные кусочки:—съ попомъ поведешься, добра не видать!—продолжалъ онъ, принимаясь за чаепитіе.

— Кому же лучше знать объ эфтомъ, какъ не тебѣ! сколько лѣтъ сидѣлъ въ старостахъ-то, всего, поди, насмотрѣлся! — медленно отпивая чай, замѣтилъ хозяинъ.

— Вотъ она и вещь-то въ томъ, что попы наши—сущіе іуды,— злобно сказалъ Чумаковъ, нервно перебирая кусочки сахара.

— Должно, они тебѣ здорово насолили, коли такъ говоришь,— замѣтилъ усмѣхаясь Семень Лукичъ.

— Да развѣ одинъ я такъ думаю? всѣ такъ говорятъ! Посуди, братъ, самъ: сребролюбіе—смертный грѣхъ; чрезъ него Іуда попалъ къ сатанѣ въ самое пекло. Стало быть, и наши попы—сущіе іуды—сребролюбцы. Ты припомни всѣхъ батекъ, што зналъ. Ни одного не встрѣтишь, штобъ за требы денегъ не брали. Спаситель велѣлъ задаромъ раздавать дары Св. Духа, наши же попы—іуды за все деруть: и съ живого и съ мертвого...

— Ну, не всѣ-жъ попы — сребролюбцы, есть и настоящинскіе...

— Да полно тебѣ!—перебивая Семена Лукича, сказалъ Чумаковъ:—знаю, братъ, я эфтихъ твоихъ настоящихъ-то! Поди, намекаешь ты на городского попа Василья?

— Вотъ про него я и хотѣлъ сказать.

— Ну, такъ знай: онъ больно дьявольски хитеръ! сперва хочеть за святого прослыть, а потомъ ужъ съ излихвой за всѣ годы разомъ выручить большущія деньги! Знаемъ этихъ безсребренниковъ-то!—сказалъ Чумаковъ:—вѣдь стоитъ только прослыть святымъ-то, тогда денежки рѣкой потекутъ... хе-хе хе!—злобно разсмѣялся онъ.

— Ну, а ежели денегъ попу не брать за требы, то жить-то чѣмъ же? ребить-то учить на што?

— А по-моему, коли не хошь быть нищимъ Христа ради, не ходи, значить, и въ попы.

— Эфто ты вѣрно сказалъ,—согласился Семень Лукичъ.

— Вотъ по эфтому-то самому, што попы-те у насъ не настоящіе Христовы пастыри, а іуды—сребролюбцы и волки

въ овечьей шкурѣ, ихъ слушать нельзя, нельзя имъ и вѣрять,—вотъ оно што!

— Да, оно конечно,—задумчиво сказалъ Семень Лукичъ.

— Мотри же, братъ! пона къ церковнымъ деньгамъ на шагъ не подпускай, о всѣхъ доходахъ никогда не говори: блюди, братъ, Божье добро, и Господь воздастъ тебѣ за это.

— Спасибо, Терентій Ивановичъ, за наставленіе! попу воли не дамъ!

И долго собесѣдники толковали на эту тему. Водка развязала языкъ: посыпались обильныя ругательства и проклятія по адресу духовенства. Подружившіеся пріятели какъ бы желали перещеголять другъ друга въ этомъ отношеніи.

— Семень! пьяница ты проклятый! Какъ эфто у тебя языкъ-то повертывается такія слова говорить про своихъ духовныхъ отцовъ!—сказала грознымъ голосомъ Авдотья, входя въ избу.

— Я, я... ничего...—струсиль Семень Лукичъ, боявшійся своей жены.

— Эхъ, Сенюха, Сенюха!—сказалъ Чумаковъ:—бабы боишься, а еще съ попомъ хочешь воевать!

— Дунька, вонъ!—заоралъ Семень Лукичъ, топнувъ ногою.

— Што? я вонъ? а? клюки хочешь попробовать?—закричала въ свою очередь Авдотья.

И здоровая Авдотья начала наступать, грозно тряся желѣзной клюкой. Семень Лукичъ обратился въ постыдное бѣгство. Чумаковъ, воспользовавшись суматохой, ушелъ домой.

VI

Наступило 5 число іюня—день преп. Сергія Радонежскаго, храмовой праздникъ въ Богородскомъ. Лишь только взошло красное солнышко, съ высокой колокольни Богородскаго храма раздался ударъ большого колокола. Его могучій звукъ, постепенно уменьшаясь въ силѣ, долго колебался въ воздухѣ и затѣмъ незамѣтно какъ бы разсѣялся. Черезъ нѣ-

сколько мгновений онъ повторился съ новою мощью—и опять, медленно, гармонично волнуясь, утихъ. Наконецъ, онъ прогудѣлъ въ третій разъ—и снова тихо-тихо попрежнему замеръ. Затѣмъ полились могучіе звуки одинъ за другимъ, и понеслись они по полямъ и лугамъ къ дальнему темному лѣсу. Дотолѣ тихое, пустынное село мало-по-малу пробудилось. На улицѣ первымъ появился пастухъ и началъ стогнать скотъ, выпускавшійся хозяйками со дворовъ; завизжали, захлопали калитки; заколыхались колодезные журавли. Утро было прекрасное! На небѣ—ни облачка. Тихій восточный вѣтеръ еле-еле шевелилъ верхушками ивъ и березъ. Солнышко нѣжными, ласковыми, теплыми лучами разливало свой свѣтъ на церковь, село и окрестность. Росистая трава искрилась изумрудными огнями. Высоко-высоко въ воздухѣ заливались жаворонки, а въ роскошной листвѣ громадныхъ липъ и березъ, что толпою окружали храмъ, сотни хоровъ разныхъ пернатыхъ непрерывъ другъ передъ другомъ воспѣвали Создателю утреннюю хвалебную пѣснь. А колоколъ все гудѣлъ и гудѣлъ... Но вотъ благовѣстъ кончился, и начался торжественно-веселый трезвонъ: то была встрѣча о. настоятелю, который въ это время показался съ крыльца своего дома и легкой поступью направился къ церкви.

— Боже мой! какъ хорошо нынѣшнее утро!—думалъ о. Григорій, съ наслажденіемъ вдыхая чистый воздухъ:—какъ жаль тѣхъ, которые день мѣняютъ на ночь! какихъ чистыхъ радостей они лишаются, засыпая предъ разсвѣтомъ!

Трезвонъ умолкъ. Изъ села по направленію къ храму потянулись небольшими группами прихожане, одѣтые по праздничному. И долго въ двери церкви, какъ будто пчелы въ громадный улей, не спѣша и чинно входили новыя и новыя толпы богомольцевъ.

Между тѣмъ въ селѣ тамъ и сямъ задымились трубы: хозяйки принялись за стирню. На лужайку близъ пруда откуда-то понаѣхали мелкіе торговцы съ возами, около которыхъ къ концу заутрени было раскинуто до полудюжины

палатокъ съ краснымъ и прочими товарами. Тутъ были: и ситець, и сельди, и баранки, и пряники, и орѣхи, и конфекты, и подсолнечники, и всевозможныя дешевыя сласти. Скоро у палатокъ засновали ребята: для нихъ стоять въ церкви до конца богослуженія оказалось дѣломъ, очевидно, довольно таки труднымъ.

— Ахъ, ты, свиненокъ эдакій!—закричалъ одинъ торговецъ, хватая за шиворотъ бѣлоголоваго мальчугана лѣтъ 10:—я-те задамъ пряники воровать!

— Дяденька! пусти, Христа ради! ей-Богу, больше не буду!—пищаль тотъ, тщетно вырываясь.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!—таская за волосы маленькаго вора, приговаривалъ озлобленный мужикъ.

— Еще, еще, Сидорычъ, прибавь ему, шельмѣ!—говорилъ другой торговецъ:—охъ, ужъ эта, окаянная орава! какъ она завсегда надоѣдаетъ!—добавилъ онъ.

— По-го-ди! я у жо тя-тѣ ска-жу-у-у! онъ-те взду-у-еть!—пласкиво говорилъ мальчуганъ, горько всхлиывая и грозя торговцу своимъ худенькимъ кулачкомъ, послѣ того какъ ему, наконецъ, удалось вырваться на волю.

— Слава те Господи! насилу-то заутрени кончилась!—сказалъ торговецъ, выдравшій мальчика за волосы, увидавъ пеструю народную толпу, показавшуюся въ воротахъ церковной ограды.

Народъ непрерывной толпой потянулся по берегу пруда, направляясь въ село. При этомъ получалась громаднхъ размѣровъ живописнѣйшая лента, красивыми изгибами движущаяся кругомъ пруда по дорогѣ. И тогда, какъ одинъ конецъ этой живой ленты тихо отступалъ отъ церковной ограды, другой, развѣтвляясь на три части, исчезалъ въ селѣ.

Много прихожанъ, въ ожиданіи литургіи, расположилось кругомъ храма и у церковной сторожки.

— Служить-то хорошо! вѣтъ словъ похаять! только, братцы мои, долго больно!—говорилъ сельскій староста, бесѣдуя съ нѣсколькими мужичками около паперти.

— Что правда, то правда!—сказалъ одинъ крестьянинъ.

— Ну, ужъ ежели онъ всегда будетъ служить такъ долго, то и народъ отохотитъ ходить въ храмъ Божій,—продолжалъ Егоръ Степановичъ.

— Знамо дѣло, отохотитъ: потому народъ сталъ больно ужъ слабъ, къ долготу, значить, стоянью не способенъ!—замѣтилъ сѣдой старичокъ, сидѣвшій на ступенькахъ паперти.

— О чемъ тутъ толкуете!—спросилъ Чумаковъ, подходя къ своему шурина и подавая ему руку.

— Да вотъ баемъ: ужъ больно долго служить пошъ-то молодой,—сказалъ сѣдой старичокъ, снимая съ головы что-то, похожее не то на шляпу, не то на шапку.

— Что и говорить про попа! мямя какая-то!—съ сердцемъ проговорилъ Чумаковъ:—не такого бы намъ надо!—продолжалъ онъ, уходя къ сторожкѣ.

У сторожки шелъ споръ: два мужика что-то горячо доказывали другъ другу.

— Нѣтъ, врешь,—говорилъ одинъ, — священникъ по службѣ очень хорошъ! ужъ не знаю, въ другомъ чемъ каковъ будетъ, а по службѣ—молодецъ.

— Понимаешь ты што!—презрительно возражалъ другой: напошь што хвалить! Аранка какая-то, а не понъ! тянетъ... конца-края нѣтъ!

— А ты полно молоть-то не дѣло! Самъ не знаешь, какая, значить, хорошая служба-то бываетъ!

— Что и баять—не знаю! священникъ долженъ читать и пѣть тихимъ голосомъ, чуть слышно, умиленно, по-ангельски, значить, а не такъ, какъ эфтотъ, словно перевозчикъ, блажмя ореть.

— Мели, Емеля, коли твои недѣля!—насмѣшливо сказалъ противникъ. При этихъ словахъ слушающіе расхохотались, потому что того мужика и на самомъ дѣлѣ звали Емельяномъ. — Кабы священникъ чуть слышно читалъ въ церкви, то мы бы должны были тогда болванами стоять, потому што

ничего не услышали бы,—добавилъ шутникъ серьезно, когда кончился смѣхъ.

— Дуракъ ты, больше нѣтъ тебѣ и названья!—обругался озлобленный Емельянъ и ушелъ.

Въ это время къ сторожкѣ подошелъ Василій Прокофичъ.

— Софонъ!—кричалъ онъ въ открытое окно.

— Чаво тебѣ?—отозвался тотъ.

— Батюшка велить благовѣстити къ водосвятію.

— Сичасъ иду.

— Скорѣ тамъ поворачивайся!

— Успѣешь! что орешь-то, старый!—зыкнулъ Чумаковъ на Прокофича, высовывая голову изъ окошка.

— Не съ тобой разговариваютъ!—огрызнулся старикъ, усаживаясь на завалинкѣ.

VI

Черезъ полчаса въ храмѣ начался водосвятный молебенъ, который обыкновенно бываетъ всегда въ храмовые праздники. Молящихся собралась такая масса, что многимъ пришлось стоять на паперти и въ оградѣ противъ открытыхъ оконъ.

— Передай празднику!—говорилъ одинъ крестьянинъ, стоявшій у церковной конторки, стуча по плечу находящагося впереди только-что купленной пятакковой свѣчей.

Обернувшій на этотъ стукъ крестьянинъ поклонился, принимая свѣчу и, въ свою очередь, постучалъ ею по плечу слѣдующаго впереди стоящаго съ тѣми же словами: „передай празднику“. Черезъ двѣ-три минуты свѣча такимъ путемъ была доставлена къ „празднику“, т. е. къ праздничной иконѣ преп. Сергія, лежавшей на аналоѣ позади праваго клироса. Предъ ликомъ преп. Сергія стоялъ большой носеребрянный подсвѣчникъ; на немъ пылало цѣлое море огней: то горѣли свѣчи набожныхъ богомольцевъ. Съ самаго начала богослуженія и до конца почти литургіи сгоравшія свѣчи замѣнялись все новыми и новыми; надъ головами молящихся то и

дѣло мелькали то поднимающіяся, то опускающіяся отдѣльныя свѣчи, а иной разъ и цѣлыя ихъ пучки, медленно, но вѣрно достигавшіе цѣли.

Храмъ былъ благолѣпный и обширный; три его алтара, расположенныя въ одинъ рядъ, имѣли высокій, блиставшій золотомъ общій иконостасъ. Служба шла въ южномъ придѣлѣ, откуда еле-еле былъ слышенъ среди богомольцевъ слабый голосъ о. дьякона. На обоихъ клиросахъ пѣвчіе пѣли такъ нестройно, хотя и громко, что положительно нельзя было разобрать ни одного слова. Зато отчетливо и ясно разносились по всей церкви возгласы о. Григорія. А какъ прекрасно было его серьезное, вдохновенное молитвою лицо! Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражались наполнявшія душу о. Григорія чувства: сознанія своего недостойнства, христіанскаго смиренія, радостнаго умиленія и священнаго трепета... — „Иже общія и согласныя даровавый намъ молитвы“, — читалъ о. Григорій тайную молитву предъ малымъ входомъ въ началѣ литургіи, — „Иже и двѣма, или тремъ согласующимся о Имени Твоемъ, прошенія подати обѣщавый: Самъ и нынѣ рабъ Твоихъ прошенія къ полезному исполни, подая намъ въ настоящемъ вѣцѣ познаніе Твоея истины, и въ будущемъ животъ вѣчный даруя“. — Послѣ этой молитвы онъ на мгновеніе какъ бы замеръ; только каріе глаза, полныя слезъ и поднятыя кверху, горѣли великой вѣрой и страстной мольбой! И по мѣрѣ того, какъ литургія приближалась къ совершенію самаго таинства евхаристіи, о. Григорій еще усерднѣе, еще напряженнѣе молился, читая положенныя въ служебникѣ тайныя священническія молитвы; когда же онъ произносилъ слова: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся“, поднявъ крестообразно сложенными руками св. Дары и начертывая ими надъ развернутымъ антиминомъ знаменіе креста, то звучный, пріятный баритонъ его дрогнулъ, а по щекамъ заструились горячія слезы. Въ звукахъ его голоса вылилась и горячая мольба за всѣхъ находящихся въ храмѣ и вообще за

всѣхъ жившихъ и живущихъ людей, соединенная съ глубочайшей благодарностью къ Творцу за приносимую безкровную Жертву, на вѣчныя времена совершенную на Голгоѣ, и твердая увѣренность въ исполненіи просимаго. Народъ заколыхался, творя крестное знаменіе и полагая земные поклоны: точно электрическій токъ пробѣжалъ по храму и напомнилъ предстоящимъ о величайшемъ и священнѣйшемъ дѣлѣ. Въ это время на колокольнѣ послѣдовалъ рядъ ударовъ въ большой колоколъ, извѣщавшій всѣхъ прихожанъ, оставшихся дома, о совершеніи священнѣйшаго и страшнаго таинства. На о. дьякона служба новаго настоятеля всегда производила потрясающее дѣйствіе; но никогда еще, за цѣлый мѣсяцъ служенія съ о. Григоріемъ, онъ не испытывалъ такой духовной радости, какую испытывалъ въ этотъ день. Съ этихъ поръ онъ всей душой полюбилъ своего настоятеля. Въ концѣ службы о. Григорій вышелъ говорить проповѣдь безъ тетрадки—импровизаціей. Говорилъ просто и ясно на тему о томъ, что мы, сотворенные по образу и подобию Божію, должны въ своей жизни уподобляться Господу. Между прочимъ, онъ, перечисливъ пороки, препятствующіе самоусовершенствованію христіанина, особенно подробно остановился на пьянствѣ, которое доводитъ человѣка до скотоподобія.

— Да онъ, братцы, еретикъ! право слово, еретикъ!— толковалъ низкаго роста коренастый старикъ съ большимъ сизымъ носомъ и волчьей фізіономіей, выходя изъ церкви вмѣстѣ съ Чумаковымъ и Зайцевымъ.

— А кто его знаетъ? можа и еретикъ,—сказалъ Егоръ Степановичъ.

Чумаковъ, слушая разговаривающихъ, какъ-то лукаво-загадочно улыбался.

— Да какъ же не еретикъ!—хриплымъ басомъ продолжалъ старикъ:—баеть—не въ тѣлѣ-де нашемъ образъ Божій, а въ душѣ... ха-ха-ха; Богъ-де ни глазъ, ни браны, ничего прочаго тѣлеснаго не имѣетъ-де! Вотъ те и на! а какъ же, къ примѣру взять, святыхъ-то иконы? на нихъ Господь ни-

шется и съ глазами, и съ бородой, и со всѣмъ, значить, обличьемъ!—это разъ. Стало, онъ сущій еретикъ! Таперича и на счетъ, значить, вина сказать: онъ то же еретикъ. Еще св. царь и Богоотецъ пророкъ Давидъ сказалъ: „вино веселитъ сердце человѣка“, а попъ баетъ, что водку грѣхъ пить, да еще тутотки и св. отца нашего Сергія къ чему-то приплетаеъ! Кабы вино грѣхъ было пить, то и Спаситель-то нашъ развѣ благословилъ бы его пить въ Канѣ Галилейской? А Онъ, батюшка, не только, значить, благословилъ гостей употреблять его во здравіе, а и ощо, стало быть, прибавилъ винца-то бѣдненькимъ, ибо сказано: „претвори воду въ вино“. Вотъ оно што!... Еретика намъ прислали! право слово, еретика!

И старикъ при этомъ сокрушенно покачалъ головою. Онъ имѣлъ свои причины сердиться на новаго священника. Состоя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ помощникомъ старосты при Чумаковѣ и привыкши торговать свѣчами за церковной конторкой, онъ теперь, по настоянію о. Григорія, удаленъ былъ отъ своей должности.

Г. Горскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Добрый примѣръ.

Лѣтомъ 1903 года, подъѣзжая къ захолустному селу Ж—му, В—ской губ., я былъ пріятно пораженъ весело высматривавшей своей свѣжей бѣлизной церковью и новой почти оградой. Послѣдній разъ въ этомъ селѣ я былъ 9 лѣтъ тому назадъ, въ годъ поступленія на приходъ моего добраго знакомаго новорукоположеннаго священника о. П., и вынесъ тогда довольно безотрадное впечатлѣніе.— „Не знаю,— говорилъ о. П.,—за что и принялся, что устраивать. Вотъ видите, каковъ у меня домъ?... А церковь“?... Дѣйствительно, домъ былъ очень ветхій, съ низенькими, маленькими комнатками; сквозь

щели въ некрашенныхъ полахъ свободно можно было просовывать пальцы. Штукатурка на церкви совершенно почти осыпалась какъ внутри, такъ и снаружи; утварь церковная—самая убогая. Теперь все это было неузнаваемо. Разсказъ о. П. о томъ, какъ ему удалось благоукрасить собственно церковь, является довольно поучительнымъ, и потому—полагаю—читатели, въ особенности сельскіе священники, не поспѣтуютъ на меня, если я сообщу его въ краткихъ словахъ: безъ сомнѣній, многимъ изъ нихъ приходится бывать въ такомъ же положеніи, какъ и о. П.

Увидѣвши, по прїѣздѣ въ с. Ж., въ какомъ плачевномъ состояніи была церковь, — началъ свой разсказъ о. П., — я рѣшилъ всѣ свои заботы и старанія употребить на то, чтобы произвести въ ней самый основательный, да къ тому же — и настоятельно необходимый ремонтъ. Своими мыслями по этому поводу я сталъ часто дѣлиться съ нѣкоторыми прихожанами, при чемъ очень скоро мнѣ удалось, благодареніе Богу, приобрести не мало единомышленниковъ.—„Только воть, батюшка,—говорили они:—откуда средства-то на это найти? Всѣ крестьяне здѣсь очень бѣдные, сразу не соберешь денегъ, сколько нужно. Понемногу, конечно, всякъ бы согласился дать“.—„Пошлемъ-ка,—совѣтовали другіе,—отъ себя сборщиковъ по православнымъ людямъ...“

Во время одной изъ такихъ бесѣдъ съ прихожанами я, къ немалому удивленію своему, узналъ, что и на самомъ-таки дѣлѣ очень бѣдные крестьяне Ж. и прилегающихъ къ нему деревень умудряются сносить въ ж—ій кабакъ до 500 рублей въ мѣсяцъ, особенно въ послѣпраздничное время... Первою мыслию моею было—немедленно же разразиться громами обличенія противъ *бѣдняковъ*, которые на храмъ Божій и лепты не собрали, а на водѣ въпропиваютъ цѣлыя сотни рублей ежемѣсячно. Но потомъ нѣсколько пораздумалъ: вѣдь для дѣйственности обличительнаго слова надо имѣть авторитетъ, (а я еще такъ молодъ!) и приобрести уваженіе прихожанъ своею дѣятельностью, которой я не могъ еще пока

заявить себя. Поэтому вопроса о пьянствѣ я касался въ своихъ проповѣдяхъ хотя и часто, но осторожно и сдержанно, а въ то же время при всякомъ удобномъ случаѣ заводилъ рѣчь о неотложной необходимости произвести капитальный ремонтъ церкви. — Дѣло было въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. Народу въ церкви собралось очень много. Сдѣлавши отпустъ, я попросилъ прихожанъ не расходиться по домамъ, а обождать меня нѣсколько минутъ около сторожки.

— Давно мы, братіе, думаемъ съ вами, какъ бы обновить и украсить нашъ храмъ,—обратился я потомъ къ прихожанамъ, по выходѣ изъ церкви:—сразу, разумѣется, такого большого дѣла не сдѣлать, а въ нѣсколько лѣтъ всегда можно, если только вы согласитесь хоть на самыя малыя пожертвованія. Такъ что же — согласны будете на самыя малыя пожертвованія?

— Какъ не согласиться? — слышались голоса: — рады мы всѣмъ сердцемъ послужить въ этомъ дѣлѣ, да денегъ-то гдѣ достать?

— Въ нашемъ приходѣ,—сказалъ я,—числится до 600 душъ. Такъ вотъ что я вамъ предлагаю: согласны ли вы каждый мѣсяць жертвовать въ церковную кружку по пятаку съ души, а кто можетъ—и болѣе?

— Можемъ, можемъ, батюшка! Что и говорить объ этомъ...

— Послушайте,—началъ было я:—не въ укоръ и не въ обиду будь сказано — вѣдь сколько вотъ расходуется у васъ иногда на вино! Шутка ли сказать—по 400, по 500 руб. въ мѣсяць, особенно послѣ праздникова!...

Я хотѣлъ было продолжать рѣчь на эту тему, но слушатели меня тотчасъ же перебили:

— Ну, такъ что же выйдетъ, если мы будемъ жертвовать въ мѣсяць по пятаку?

— А вотъ что выйдетъ: если каждый изъ васъ *обязательно*,—слышите ли: *обязательно*?—будетъ вносить по пя-

тачку въ мѣсяць, то, значить, со всѣхъ 600 человекъ сколько въ мѣсяць поступить въ церковную кружку?

— 30 рублей,—сообразили и сказали нѣкоторые.

— А вѣдь и порядочно, слава Тѣ, Господи,—замѣтили при этомъ многіе.

— Хорошо. Теперь сосчитайте-ка, сколько такимъ образомъ вы пожертвуете на храмъ Божій въ продолженіе года?

На этотъ вопросъ не сразу отвѣтили, но названная за тѣмъ нѣкоторыми сумма—360 руб. удивила нѣкоторыхъ, особенно женщинъ, которыя всю свою жизнь имѣютъ дѣло только съ копейками да пятачками.

— Дай Богъ, — продолжалъ я, — накоплять намъ такую сумму каждый годъ!.. Но я возьму круглую годовую цифру—300 руб.—Предположимъ, что мы будемъ копить *четыре* года. Сколько, значить, всего накопимъ мы за это время?

Скорое вычисленіе для большинства оказалось не подъ силу: слишкомъ ужъ большая сумма получалась, необычная для крестьянскихъ кармановъ.

— Тыщу получимъ,—послышались голоса.

— Нѣтъ больше, — замѣтили другіе: — тыщу съ двумя сотнями!..

— И это еще не всѣ деньги,—продолжалъ я, пользуясь возбужденнымъ настроеніемъ прихожанъ, на лицахъ которыхъ замѣтно было удовольствіе по поводу представлявшейся возможности счастливаго разрѣшенія важнаго для всѣхъ вопроса:—и еще за это время прибавимъ къ своимъ деньгамъ сотню-другую со стороны.

— Какъ еще? откуда, батюшка?

— Года на два пошлемъ двухъ опытныхъ, степенныхъ сборщиковъ по матушкѣ-Россіи. Благодарители всегда найдутся на такое доброе дѣло... И вотъ у насъ черезъ *четыре* года, Богъ дастъ, накопится тысячи полторы. Тогда и приступимъ къ украшенію нашего храма во славу Божию.

Предложенный мною способъ пожертвованій былъ принятъ прихожанами, и я рѣшилъ приступить къ нему съ ян-

варя мѣсяца, такъ какъ пужно было привести въ извѣстность объ этомъ жителяхъ нѣсколькихъ приписныхъ къ приходу деревень. Въ послѣднемъ случаѣ много помогла мнѣ рожденственская „Слава“.

Начало сборовъ, въ день Новаго Года, я рѣшилъ обставить возможно большею торжественностью. Одна свободная церковная кружка была окрашена въ бѣлый цвѣтъ— „символь будущей бѣлизны нашей церкви“, какъ я объяснилъ это прихожанамъ въ проповѣди послѣ Евангелія, и предназначена была для сбора пожертвованій. По окончаніи проповѣди подошелъ ко мнѣ крестьянинъ - сборщикъ съ кружкой. Я опустилъ въ нее свое денежное пожертвованіе и благословилъ сборщика идти въ народъ. Такимъ образомъ съ кружкой ходили въ церкви въ каждый воскресный и праздничный день.

Тѣ прихожане, которые не были въ церкви, напр., въ первое воскресенье мѣсяца, приходили въ другое и тогда жертвовали свои деньги и т. д.; нѣкоторые приносили ко мнѣ на домъ собственныя или переданныя чрезъ нихъ другими пожертвованія. Бывало, приходитъ въ концѣ мѣсяца бѣдная вдова и приносить пятакъ или два съ извиненіемъ:

— Прости, батюшка: не могла уплатить денегъ-то, пока дочка не выплела и не продала кружевъ...

На мое замѣчаніе, что жертвовать для нея, можетъ быть, очень трудно, она возражаетъ:

— Бери, бери, батюшка: это на храмъ Божій... Что мы—скареды что ли какіе: пятакъ будто жалко на Божье дѣло, а на разные „басы“ (украшенія) да на платья у моей дочки иной разъ рубли летятъ...

Между прочимъ, о. П. показалъ мнѣ книгу, въ которой онъ въ теченіе *четыре*хъ лѣтъ велъ записъ поступающихъ суммъ отъ жертвователей - прихожанъ. Мѣсячные итоги колебались между 20 и 25 рублями; бывало и меньше—15 руб. и даже 10. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что многіе изъ прихожанъ въ извѣстные мѣсяцы не прино-

силы денегъ, зато въ послѣдующіе жертвовали вдвойнѣ, „уплачивали старый долгъ“, какъ говорили они священнику. Средняя ежегодная цыфра доходила до 250 руб. — По окончаніи каждаго мѣсяца, а также и года, о. П. дѣлалъ прихожанамъ своего рода доклады о поступившихъ за истекшее время суммахъ.

Двое ж—хъ крестьянъ, посланныхъ за сборомъ и отправившихся разъ до пяти въ продолженіе *четыре*хъ лѣтъ, собрали съ своей стороны рублей около 200.

Такъ черезъ *четыре* года была накоплена сумма около тысячи двухсотъ рублей, которая и употреблена была на ремонтъ церкви и возобновленіе полукаменной ограды, а также на приобрѣтеніе нѣкоторой утвари церковной.—На *седьмой* годъ служенія въ Ж. о. П. причту назначено было достаточное жалованье. „При настоящихъ условіяхъ,—закончилъ свой рассказъ о. П.,—я готовъ навсегда остаться въ Ж.: слишкомъ ужъ крѣпка теперь у меня нравственная связь съ ж—ми пасомыми, чтобы порывать ее“.

Лѣнотою и чистотою веселитъ теперь ж—ій храмъ взоры и сердца собирающихся въ немъ на церковныя службы сельчанъ. Ярko выдѣляется онъ бѣлизной своей на темно-синемъ фонѣ недалекаго отъ него лѣса, среди невзрачныхъ, потемпѣвшихъ отъ времени и покосившихся на бокъ крестьянскихъ избышекъ села Ж.

II.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го мая 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 30-го мая.

Содержаніе: По поводу новѣйшихъ взглядовъ на отношеніе библейскихъ вѣ-
рованій и сказаній къ вавилонскимъ (окончаніе) — Изъ дневника
завѣдующаго церковно-приходской школой. — Подвигъ. (Разсказъ
изъ быта сельскаго духовенства) (продолженіе). — Пожертвованіе
сельской матушки въ пользу Краснаго Креста.

**По поводу новѣйшихъ взглядовъ на отношеніе
библейскихъ вѣрованій и сказаній къ вавилон-
скимъ ¹⁾).**

Вавилонское сказаніе о сотвореніи міра открыто въ
1872 г. англичаниномъ Смитомъ. Оно сохранилось на семи
глиняныхъ плиткахъ, причемъ нѣкоторыя части вавилонскаго
разсказа въ настоящее время или совсѣмъ не могутъ быть
разобраны или же читаются только предположительно. Суще-
ственное содержаніе разсказа таково. Сначала въ немъ опи-
сывается первобытный хаосъ, который представляется въ ви-
дѣ двухъ началъ мужескаго Апису (бездна, океанъ) и женска-

¹⁾ См. № 21 „Р. д. с. п.“ за т. г.

го Муммѹ-Тіамать. Отъ этой изначальной пары произошли поколѣнія боговъ Лахму и Лахаму, Аншаръ и Кишаръ, Ану и Эа. Но прагматеръ боговъ Муммѹ-Тіамать относится съ ненавистью къ своему рожденію и составляетъ планъ истребленія боговъ. Она создаетъ 11 видовъ страшныхъ чудовищъ для борьбы съ богами и во главѣ ихъ поставляетъ лютаго Кингу. Узнавъ о замыслахъ своей прабабки, боги начинаютъ готовиться къ защитѣ. Они собираются на торжественное собраніе—попировать и посовѣтоваться. Здѣсь они толпятся, толкаютъ другъ друга, садятся за пиръ, насыщаются яствами, упиваются сладкимъ виномъ и въ восторгѣ веселаго похмелья въ одинъ голосъ провозглашаютъ своимъ бойцомъ и отмстителемъ Мардуха. Ему передаютъ все права и преимущества боговъ. Далѣе подробно описывается снаряженіе Мардуха въ бой, его сраженіе съ Муммѹ-Тіамать и побѣда надъ ней. Дѣло окончилось тѣмъ, что Мардухъ воцѣпилъ коньѣ въ пасть Тіамать, распоролъ ея утробу, прокололъ сердце и сталъ погою на ея истерзанное тѣло. Истреблены были и чудовища, помогавшія Тіамать. Послѣ этого Мардухъ разсѣкъ тѣло Тіамать пополамъ и изъ одной половины сдѣлалъ небесную твердь: онъ заперъ ее засовомъ и приставилъ стражу, которой настрого приказалъ не выпускать воды, хранившихся надъ нею. Затѣмъ Мардухъ занялся устройствомъ міра. Отчетливаго представленія объ этой его дѣятельности составить нельзя, такъ какъ плитки, на которыхъ она описывается, сильно повреждены. Приблизительно здѣсь говорится слѣдующее: Мардукъ измѣрилъ небесныя пространства и повернулъ ихъ лицомъ къ лицу океана. Онъ также измѣрилъ океанъ Апусъ и утвердилъ на немъ землю. Затѣмъ онъ создалъ небесныя станціи для великихъ боговъ и поставилъ при нихъ звѣзды. Онъ установилъ годъ и раздѣлилъ его на 12 мѣсяцевъ; создалъ луну, приказавъ свѣтить землѣ. Упоминается далѣе о созданіи живыхъ тварей, причемъ это приписывается уже всемъ богамъ. О сотвореніи человѣка ясно не говорится. Заключивается рассказъ гимномъ въ честь Мардуха. Въ дру-

гихъ варіаціяхъ вавилонскаго міѳа Мардуху приписывается созданіе насыпей, городовъ, храмовъ и зданій.

Сопоставьте теперь изложенный вавилонскій разсказъ съ извѣстнымъ всѣмъ намъ библейскимъ повѣствованіемъ о шестидневномъ твореніи. Согласитесь, что различіе между вавилонскимъ миѳомъ и первою главою Библии столь велико, что на первый взглядъ они, повидимому, не имѣютъ ничего общаго. Тамъ все дико и странно, тамъ необузданная варварская поэзія; здѣсь, въ Библии, торжественное, возвышенное спокойствіе трезвой прозы. Вавилонскій миѳъ, очевидно, представляетъ собою не космогонію только, а теогонію, т. е. описаніе происхожденія боговъ. Мардухъ и другіе боги вавилонскіе, при этомъ, не творцы міра, а продукты творенія, сами происшедшіе изъ хаоса. Самое представленіе о созданіи міра въ вавилонскомъ сказаніи иное сравнительно съ библейскимъ. Иден чистаго творенія, творенія изъ ничего, вавилонскій миѳъ не знаетъ. Міръ, по нему, происходитъ изъ вѣчной самобытной матеріи, а не создается изъ ничего. Въ основѣ происхожденія міра, при этомъ, лежитъ борьба между богами, и все вавилонское повѣствованіе запечатлѣно печатью грубаго многобожія. Характерная черта библейскаго представленія о твореніи шестидневность въ вавилонскомъ миѳѣ также отсутствуетъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что библейское повѣствованіе переноситъ насъ на совершенно иную почву, въ совершенно иной міръ. Говоритъ при такомъ положеніи дѣла о томъ, что въ первой главѣ Библии мы имѣемъ только обработку вавилонскаго миѳа, это значитъ злоупотреблять принятыми понятіями и терминами.

Въ библейскомъ повѣствованіи о твореніи, какъ извѣстно, упоминается и объ установленіи субботы. По рѣшительному заявленію Делича, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чистымъ заимствованіемъ изъ Вавилона: „не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ онъ, что покоемъ субботняго или воскрес-

наго дня мы въ концѣ концовъ обязаны древнему культурному народу на Ефратѣ и Тигрѣ.“ Однако и здѣсь категорически утверждается то, что,—самое большое,—можетъ быть высказано въ качествѣ предположенія. Въ дѣйствительности вавилонскія субботы, о которыхъ мы знаемъ по найденному Смитомъ отрывку календаря, суть нѣчто существенно отличное отъ субботъ древне-еврейскихъ. Сомнительно, во-первыхъ, чтобы эти субботы были въ каждомъ мѣсяцѣ, такъ какъ найденный отрывокъ календаря относится къ вставному мѣсяцу Элулу,— къ такому мѣсяцу, который добавлялся къ двѣнадцати только черезъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, по всѣмъ признакамъ вавилонскіе субботніе дни сообразовались съ теченіемъ луннаго мѣсяца и потому не всегда были раздѣлены семидневнымъ періодомъ. Предписанія о покоѣ въ эти дни, повидимому, не простирались на всѣхъ людей и на всѣ дѣла. Эти предписанія, наконецъ, показываютъ, что вавилонскія субботы были днями поста и считались за *dies atri*. Все это такія черты, которыя не благопріятствуютъ признанію генетической связи еврейскаго праздника съ вавилонскимъ. А если припомнить при этомъ многочисленныя доказательства изначальнаго существованія почитанія седьмого дня въ человѣческомъ родѣ, то внѣшнее сходство разсматриваемыхъ установленій справедливѣе всего будетъ объяснить ихъ общей основой, а не зависимостью одного отъ другого.

Библейскія сказанія о пребываніи первыхъ людей въ раю и о грѣхопадѣніи считаются названными выше изслѣдователями также заимствованными изъ Вавилона. Однако же эти изслѣдователи сознаются, что собственно сказаній о раѣ и грѣхопадѣніи доселѣ въ вавилонской литературѣ не найдено. Есть только косвенныя указанія на существованіе такихъ сказаній,—указанія, добавимъ, очень спорныя и сблизивыя.

Въ частности, по поводу библейскаго разсказа о грѣхопадѣніи Деличъ торжественно говоритъ: „Могу ли я поднять покрывало? указать на древній цилиндръ: въ срединѣ дерево съ свѣшивающимися плодами, на право мущина, на лѣво

женщина, оба съ руками, протянутыми къ плодамъ; за женщиной змѣй“. Можетъ ли не быть связи между этимъ древне-вавилонскимъ изображеніемъ и библейскимъ рассказомъ (о грѣхопадѣніи)? Рѣчь, какъ видите, ведется въ тонѣ, не допускающемъ сомнѣній. Между тѣмъ упоминаемое Деличемъ изображеніе далеко не такъ ясно. Оно давно извѣстно и много разъ было предметомъ обсужденій. И вотъ, цѣлый рядъ ученыхъ съ рѣшительностью утверждаетъ, что это изображеніе не имѣетъ ничего общаго съ библейскимъ рассказомъ о грѣхопадѣніи. Находятъ, что въ изображенныхъ на цилиндрѣ фигурахъ нужно видѣть *двухъ мужчинъ*, а не мужчину и женщину; длинная одежда ихъ и головныя покрывала не соотвѣтствуютъ представленію о райской жизни. Положеніе змѣя на картинѣ не гармонируетъ съ его рѣчью въ исторіи грѣхопадѣнія. Въ виду этого, можно думать, что на картинѣ изображенъ какой-нибудь богъ и кланяющійся ему человѣкъ, а дерево помещено, какъ символъ жизни и безсмертія. Во всякомъ случаѣ библейская исторія грѣхопадѣнія столь сложна, имѣетъ такой глубокой смыслъ, что содержаніе ея никоимъ образомъ не можетъ быть исчерпано указанной неясной картиной, и ссылаться въ доказательство заимствованія исторіи грѣхопадѣнія изъ Вавилона на эту картину—положительно невозможно.

Въ Вавилонѣ находятъ теперь оригиналъ и для библейскаго рассказа о потопѣ. „Весь рассказъ о потопѣ,“ говоритъ Деличь, „точь-въ-точь, какъ онъ записанъ былъ въ Вавилонѣ, перешелъ въ Ханаанъ, а отсюда въ обработанномъ видѣ пошалъ въ Библію.“ Не думайте, однакоже, чтобы и въ этомъ случаѣ дѣло было такъ ясно и просто, какъ представляютъ противники Библии, и чтобы въ заимствованіи изъ Вавилона не было никакого сомнѣнія. Параллель библейскому рассказу о потопѣ находятъ въ вавилонской поэмѣ объ Издубарѣ или Гилгамешѣ. Это—большое произведеніе, состоящее изъ 12 пѣсенъ и заключающее около 3-хъ тысячъ строкъ. По своему содержанію оно представляетъ описаніе подвиговъ Издубара,

царя города Эреха Эти подвиги, рассказывается въ поэмѣ, снискали Издубару благосклонное вниманіе богини Истарь, и она предложила герою стать ея мужемъ, обѣщая за это господство надъ міромъ. Но Издубаръ не только съ гордостью отвергъ предложеніе богини, а и осыпалъ ее цѣлымъ градомъ упрековъ. Тогда оскорбленная богиня рѣшилась жестоко отмстить Издубару. Сначала она насылаетъ на городъ Издубара страшнаго быка, затѣмъ отнимаетъ у героя его любимаго друга, поразивъ его мгновенной смертью, и, наконецъ, насылаетъ проказу и на самого Издубара. И вотъ, скорбный и терзаемый болью герой идетъ искать успокоенія и совѣта у одного человѣка, имя котораго Пирь-Наинштимъ или Хасисадра. Путь къ этому человѣку лежитъ черезъ множество препятствій. Издубаръ постепенно преодолѣлъ всѣ эти препятствія и, наконецъ, увидѣлъ мудреца, къ которому онъ стремился. Попросивъ у него совѣта, Издубаръ освѣдомился также о томъ, какъ славный мудрецъ попалъ въ столь далекую страну и въ сонмъ боговъ.

Въ отвѣтъ на это мудрецъ рассказываетъ герою исторію потопа, отъ котораго онъ былъ спасенъ богомъ Эа. „Ты знаешь“, говорилъ онъ, „городъ Суришакъ, что у Ефрата,—городъ древній. Тамъ богамъ пришло на умъ послать водное потошеніе. Великіе боги совѣщались всѣмъ сонмомъ: родитель ихъ, богъ Ану, ихъ совѣтникъ, суровый богъ Бэль, ихъ духъ истребитель, богъ Иннибъ, воевода ихъ, богъ Нергалъ, владыка преисподней. Но владыка премудрости, богъ Эа, сидѣлъ съ ними и объявилъ объ ихъ намѣреніи „камышевымъ Хатомъ.“ Тогда Хасисадра, по повелѣнію Эа, сталъ строить корабль, осмолилъ его, нагрузилъ имуществомъ и взялъ „живую тварь всякаго рода“; всю семью, домочадцевъ, а также ремесленниковъ. Начался, наконецъ, потопъ. „Сами боги,“ описываетъ это начало Хасисадра,—сами боги на небесахъ объяты страхомъ; они прячутся у бога Ану; какъ псы въ своей конурѣ, такъ боги жмутся у небесной рѣшетки. Истарь громко воцѣетъ отъ горести... Боги заплакали вмѣстѣ съ нею.

Они сидѣли горестныя, понурые, неподвижныя, уста ихъ крѣпко были сомкнуты“. Когда затѣмъ черезъ семь дней корабль остановился на горѣ Низаръ, Хасисадра выпустилъ изъ корабля голубя, ласточку и ворона и, узнавъ, что потопъ прекратился, вышелъ изъ корабля. Тотчасъ онъ принесъ жертву, на которую „боги слетѣлись, какъ рой мухъ“. Между богами начались пререканія: всѣ порицали Бѣла за его жестокость и безразсудство въ дѣлѣ устроенія потопа, а Бѣлъ напалъ на Эа за то, что онъ спасъ людей. Въ концѣ концовъ происходитъ примиреніе, и спасенный Хасисадра получаетъ безсмертіе. Таковъ разсказъ клинообразныхъ надписей о потопѣ. Въ немъ есть черты сходства съ разсказомъ библейскимъ о томъ же. Но неужели можно сказать вмѣстѣ съ Деличемъ, что библейскій разсказъ представляетъ точную записъ вавилонскаго? Въ вавилонскомъ разсказѣ отъ начала до конца слѣды грубаго политеизма. Потопъ представляется дѣломъ безразсудства и жестокости Бѣла, а спасеніе людей капризомъ Эа. Библейскій разсказъ, конечно хорошо всѣмъ извѣстный, имѣетъ строго монотеистическій характеръ и полонъ указаній на глубокой смыслъ событія. Много различій между двумя повѣствованіями и въ отдѣльныхъ пунктахъ. Такъ по Библии отъ потопа спасается только Ной и три его сына съ женами, по клинообразнымъ надписямъ—семья Хасисадры, а потомъ домочадцы его и ремесленники. Размѣры ковчега, продолжительность потопа, судьба спасенныхъ—все это въ Библии представлено иначе, чѣмъ въ вавилонскомъ разсказѣ. Все это показываетъ, что ни о какомъ заимствованіи въ данномъ случаѣ говорить нельзя. Если мы добавимъ къ этому, что разсказы о потопѣ есть почти у всѣхъ народовъ, то ясно будетъ, что всѣ эти разсказы, а въ томъ числѣ и вавилонскій, представляютъ собою варіаціи одного первоначальнаго преданія о потопѣ, а не произошли одинъ изъ другого. Превосходство библейскаго разсказа, при этомъ, будетъ состоять въ томъ, что въ немъ преданіе воспроизведено

въ чистомъ видѣ, а въ другихъ разказахъ оно осложнено позднѣйшими измышленіями и получило легендарную окраску.

Обобщая все сказанное по поводу новѣйшаго взгляда на отношеніе Библии къ Вавилону, получаемъ слѣдующее.

- 1) Сходство между библейскимъ ученіемъ и вавилонской религіей нисколько не умаляетъ значенія Библии и не идетъ противъ ея авторитета: богооткровенность того или инаго библейскаго вѣрованія, богоучрежденность того или инаго ветхозавѣтнаго установленія не означаетъ непременно, чтобы это вѣрованіе и установленіе было совершенно новымъ и никому неизвѣстнымъ.
- 2) Сходство между библейскимъ ученіемъ и вавилонскими воззрѣніями усматривается только въ частностяхъ, въ существѣ же между ними безконечное различіе.
- 3) Сходныя черты между Библией и Вавилономъ о первобытныхъ временахъ произошли не вслѣдствіе заимствованія, а вслѣдствіе того, что и у евреевъ, и у вавилонянъ сохранялось первоначальное преданіе объ этихъ временахъ, причемъ въ чистотѣ это преданіе сохранилось только въ Библии.

В. Р—скій.

Изъ дневника завѣдующаго церковно-приходской школой.

7-го января.—Если каждому человѣку полезно вести дневникъ, то тѣмъ болѣе—занимающему извѣстное общественное положеніе. Не бесполезно записывать факты изъ школьной жизни и завѣдующему школою.

Школьное дѣло, врученное приходскому духовенству, есть сравнительно дѣло новое и замѣтно въ послѣднее время идетъ все впередъ и впередъ. Теперь церковныя школы совсѣмъ уже не то, что были онѣ лѣтъ 10—15 назадъ: матеріальная и учебно-воспитательная стороны школьной жизни замѣтно улучшаются.

Но если оглянуться назадъ, то не мало каждый завѣдующій увидитъ промаховъ, ошибокъ и, быть можетъ, даже вредныхъ нововведеній, къ которымъ онъ прибѣгалъ иногда якобы для улучшенія дѣла. А для того, чтобы это не повторилось впредь, необходимо вести дневникъ. Каждому завѣдующему школою дневникъ укажетъ, на что уже было обращено вниманіе, а на что еще слѣдуетъ обратить. А такъ какъ и улучшенія и ошибки въ церковно-школьномъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ представляютъ существенный интересъ для всѣхъ дѣятелей на нивѣ народнаго просвѣщенія въ духѣ православной вѣры и церковности, то весьма полезно время отъ времени предавать ихъ гласности.

—

Вчера, совершая вечернее богослуженіе, я невольно былъ свидѣтелемъ слѣдующаго отраднаго факта

Два ученика школы проходили мимо храма. Приблизившись къ вратамъ его, одинъ изъ учениковъ снялъ шапку и набожно три раза перекрестился; такъ какъ другой, вѣроятно, не намѣренъ былъ этого сдѣлать, то первый толкнулъ его локтемъ въ бокъ, и тогда и второй снялъ шапку и перекрестился.

И такъ, вотъ вамъ благотворное вліяніе церковной школы, той школы, которая главное вниманіе свое обращаетъ на воспитаніе въ духѣ вѣры и благочестія. Безъ сомнѣнія, такой питомецъ школы и въ жизни будетъ благонамѣренно настроеннымъ христіаниномъ и добрымъ членомъ общества. О, если бы побольше было такихъ прихожанъ! тогда не было бы смуть и волненій въ приходской средѣ, не было бы отпаденій и совращеній въ расколъ и сектанство!...

Столь отраднѣй фактъ я счелъ нужнымъ не оставить безъ вниманія и рѣшилъ на другой же день сообщить о немъ ученикамъ своей школы, сдѣлавъ надлежащее разъясненіе, какъ нужно относиться къ святыньѣ вообще и къ храмамъ Божиимъ въ частности.

10 января.—Сегодня вынужденъ былъ сдѣлать строгій выговоръ учителю своей школы по слѣдующему поводу.

При школѣ съ давнихъ поръ существуетъ хоръ пѣвчихъ, который довольно стройно поетъ въ храмѣ и во время совершенія разныхъ требъ. Это много способствуетъ благолѣпію службы Божіей и очень правится прихожанамъ, которые нерѣдко просятъ учителя (онъ же и регентъ) пропѣть съ пѣвчими свадьбу или же похороны.

Умеръ довольно состоятельный прихожанинъ, и были приглашены пѣвчіе. Отпѣли „благообразно и по чину.“ Послѣ похоронъ родственники усопшаго пригласили пѣвчихъ на поминальный обѣдъ. Радущій хозяинъ, желая „ублаготворить“ пѣвчихъ, угостилъ ихъ, какъ говорится, „на славу.“ Но что хуже всего—напились до-пьяна не только взрослые, а даже и дѣти-школьники. Это уже такое безобразіе, котораго я никакъ не могъ оставить безъ вниманія... Какое можетъ быть послѣ этого уваженіе къ школѣ со стороны народа, если питомцы ея станутъ поступать нисколько не лучше остальныхъ?...

Необходимо поставить себѣ правиломъ, чтобы школа была образцомъ для вѣрныхъ „въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“ (I Тим. 4, 12). Столь при-скорбные факты, какъ указанный выше, отнюдь не должны имѣть мѣста среди учениковъ церковно-приходской школы. Если пьянство есть самый постыдный и отвратительный порокъ, который не терпимъ во всякомъ человѣкѣ, то тѣмъ болѣе нельзя равнодушно относиться къ тѣмъ изъ „малыхъ сихъ,“ которые пьютъ вино. Тяжкая отвѣтственность падеть за это и на родителей, и на воспитателей, и на учителей, если всѣ общими усиліями не возстанутъ противъ исконной нашей язвы народной.

Постараюсь учредить школьное общество трезвости, авось оно повліяетъ и на взрослыхъ.

12 января.—Одинъ изъ учениковъ старшей группы Т—ой—страшный лѣнтяй; не только не учится, но совершенно, какъ говорится, отбился отъ рукъ, не обращаетъ ни

малѣйшаго вниманія на постоянныя замѣчанія учителя и дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на всю школу. Подобнаго рода ученики встрѣчаются въ каждомъ учебномъ заведеніи, и много пужно имѣть педагогическаго такта, чтобы исправить ихъ; въ большинствѣ же случаевъ дѣло оканчивается увольненіемъ. Но такъ бываетъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ дѣло нѣсколько иначе поставлено, чѣмъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Тамъ имѣютъ широкое примѣненіе и заключеніе въ карцеръ, и уменьшеніе балла по поведенію, и др. исправительныя дисциплинарныя мѣры, при чемъ и сами родители заботятся о томъ, чтобы ихъ дѣти не заслужили подобнаго рода взысканій; тамъ существуетъ особаго рода педагогическій совѣтъ, который вѣдаетъ проступки учащихся и т. п. Совѣтъ иное дѣло въ церковной школѣ. Здѣсь не только не существуетъ спеціального педагогическаго совѣта, но и родители дѣтей часто являются въ школу съ заявленіями, что учебно воспитательное дѣло въ ней должно быть поставлено не сообразно съ цѣлями и задачами школы, а такъ, какъ хотѣлось бы тому или иному изъ нихъ. Поэтому, и мѣры, направленныя къ благоустройству школы и улучшенію ея порядковъ, всею своею тяжестью ложатся главнымъ образомъ на завѣдующаго школою, который въ своемъ лицѣ совмѣщаетъ и завѣдующаго, и законоучителя, и инспектора.

Всѣ неудовольствія и заявленія родителей касательно школьныхъ порядковъ онъ долженъ выслушивать и по возможности отстаивать ихъ съ твердою и несокрушимою энергіею.

Задавшись цѣлію поставить свою школу надлежащимъ образомъ, я и вознамѣрился именно поступать такъ, а не иначе. Быть можетъ, на первое время дѣло не обойдется безъ непріятностей, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ, но зато современемъ, надѣюсь, можно будетъ достигнуть хорошихъ результатовъ. И вотъ, желая поддержать авторитетъ учителя и поступая по слову Писанія: *измѣте злого отъ васъ самѣхъ*, я на поведеніе Г—го рѣшилъ обратить самое серьезное вниманіе и употребить всѣ мѣры къ его исправленію; а если

это не поможет, то придется, разумеется, удалить его из школы.

Въ первый же день заявленія учителя я, на урокѣ Закона Божія, обратился ко всѣмъ ученикамъ съ такими словами. „Сегодня я получилъ очень огорчившее меня извѣстіе, что одинъ изъ васъ не только не хочетъ учиться, но не слушается своего учителя и даже говоритъ ему дерзости. Какъ вашъ законоучитель и отецъ духовный, я долженъ научить васъ *Закону Божію*, т. е. научить тому, какъ нужно угодить Богу для полученія спасенія. Но какъ можетъ угодить Богу, какъ можетъ получить спасеніе и помиловеніе отъ Бога тотъ, кто не исполняетъ заповѣдей Его, кто не творитъ святой воли Его? *Пятая* заповѣдь закона Божія требуетъ отъ насъ, чтобы мы почитали родителей и повиновались имъ, а также пастырямъ и учителямъ, старшимъ возрастомъ, воспитателямъ и благодѣтелямъ, начальникамъ и господамъ. Но всѣ ли вы такъ поступаете?... Къ сожаленію, нѣтъ. Одинъ изъ васъ совсѣмъ забылъ о *пятой* заповѣди закона Божія: онъ не только не повинуется своему воспитателю и не почитаетъ его, но еще и огорчаетъ своимъ дурнымъ поведеніемъ, непослушаніемъ и грубостію. Но, если бы онъ зналъ, какъ это прогнѣвляеть Бога, и какое наказаніе ждетъ его и на землѣ и на небѣ, то такъ не поступалъ бы. Если бы онъ зналъ, что кто не исполняетъ *пятой* заповѣди, тотъ на землѣ не будетъ долго жить, а на небѣ будетъ вѣчно мучиться за свое непослушаніе, то пересталъ бы творить этотъ грѣхъ и давно исправился бы.

„У одного всѣмъ извѣстнаго жителя города Рима былъ сынъ лѣтъ пяти, котораго онъ очень любилъ и воспитывалъ безъ всякой строгости. Мальчикъ, которому во всемъ потворствовали, не почиталъ старшихъ, привыкъ произносить скверныя слова родителямъ своимъ и даже—страшно сказать—дерзалъ хулить Самого Господа Бога! И отецъ не запрещалъ ему произносить хульныхъ и скверныхъ словъ и не научилъ его почитать и уважать старшихъ. Какая же

судьба постигла этого дерзкаго и непослушнаго ребенка?— Во время моровой язвы мальчикъ разболѣлся къ смерти, и когда отецъ держалъ его у себя на колѣняхъ, то, по рассказамъ тутъ находившихся лицъ, пришли бѣсы взять окаянную душу мальчика. Увидѣвъ злыхъ духовъ, мальчикъ затрепеталъ, закрылъ глаза и съ страшнымъ крикомъ: „Отецъ! отними меня у нихъ!“—спряталъ лицо въ одежду отца, стараясь какъ бы укрыть себя. Отецъ спросилъ у трепещущаго малютки: „Что ты видишь?“ Мальчикъ отвѣчалъ: „Пришли черные люди, хотятъ меня взять!“ Сказавши это, онъ сталъ произносить скверныя и богохульныя слова, къ которымъ привыкъ съ дѣтства, и вскорѣ скончался.

„Видите, какая участь постигаетъ тѣхъ дерзкихъ и непослушныхъ дѣтей, которыя не уважаютъ и не почитаютъ старшихъ? Какъ же послѣ этого не уважать вамъ своихъ учителей и воспитателей! Какъ не бояться наказанія Божьяго! Нужно всегда помнить объ этомъ, и въ доказательство того, что всѣ вы общаете исправиться, пусть поднимутся тѣ, кто непочтительно относится къ учителю и оскорбляетъ его своимъ строптивымъ поведеніемъ и непослушаніемъ.“

Съ большимъ вниманіемъ дѣти выслушали все это, а рассказъ о дерзкомъ отроцѣ произвелъ на нихъ неотразимое впечатлѣніе, такъ что, когда я произнесъ заключительныя слова, послѣ краткаго молчанія взоръ всѣхъ обратился на Т—го, который покраснѣлъ, какъ макъ, и съ потупленными глазами поднялся съ мѣста.

— Это ты, Т—ой, такой грубиянъ? — спросилъ я.

— Да, — чуть слышно отвѣтилъ онъ.

— Послѣ всего того, что я только-что сказалъ, разсуди самъ и отвѣть: хорошо ли ты поступалъ?

— Нѣтъ.

— Вы слышали, дѣти,—обратился я снова ко всѣмъ ученикамъ,—какъ Богъ наказалъ того дерзкаго отрока, который не почиталъ своихъ родителей и не уважалъ старшихъ? Если же Онъ терпитъ дерзости ваши, то только потому, что

ожидаетъ вашего исправленія... Обѣщаешь ли ты, Т—ій, исправиться?

— Обѣщаю,— отвѣтилъ Т—ой.

Сдѣлавъ еще нѣсколько наставленій какъ лично Т—му, такъ и всѣмъ вообще ученикамъ, я, въ ожиданіи, что-то выйдетъ изъ этого опыта увѣщанія нарушителя школьной дисциплины, приступилъ къ уроку Закона Божія.

19 января.—Мое наставленіе не прошло безслѣдно. Въ самомъ непродолжительномъ времени Т—ой сдѣлался неузнаваемымъ. У него явилась охота къ занятіямъ, а по поведенію онъ сталъ не только не хуже другихъ, но даже нѣсколько лучше. Объяснить такую перемѣну къ лучшему въ дурномъ ученикѣ слѣдуетъ только тѣмъ, что на него было своевременно обращено вниманіе всей школы. По убѣжденію моему и учителя, если только Т—ой будетъ находиться подъ особымъ надзоромъ, то изъ него долженъ выйти довольно порядочный ученикъ, и онъ больше не будетъ притчею во языцѣхъ и соблазномъ для цѣлой школы.

Дай-то Богъ!

20 января.—Ежедневно, пришедши въ школу, я имѣю обыкновеніе наводить справки объ ученикахъ, не бывшихъ въ классѣ, причемъ стараюсь разузнать настоящую причину неявки. Принимая во вниманіе, что аккуратное посѣщеніе учениками школы имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ правильной постановки учебно-воспитательной части въ ней, я всѣ мѣры употребляю къ тому, чтобы дѣти не пропускали напрасно уроковъ. Сегодня въ числѣ неявившихся оказался, между прочимъ, ученикъ старшей группы С.

— Гдѣ С.?—спрашиваю.

— А онъ дома остался,—отвѣчаютъ товарищи.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Ему зубы „заговариваютъ.“

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что С. боленъ зубами, и родители нашли нужнымъ обратиться къ помощи знахарки.

Удивительное дѣло! Почти тысяча лѣтъ прошла съ тѣхъ поръ, какъ наша матушка — Русь приняла христіанство, а и до сихъ поръ сколько еще самыхъ грубыхъ предрасудковъ и суевѣрій держится среди простого народа! И вотъ что страшно. На ряду съ врачами, къ которымъ народъ пачинаетъ обращаться довольно часто, онъ все-таки не забываетъ и знахарей, въ особенности въ такихъ случаяхъ, когда нужно „заговаривать“ зубы, кровь, прогнать испугъ, „снять дурной глазъ“ и т. п. Чтобы подорвать въ народѣ всякій кредитъ къ знахарямъ и ворожеямъ, нужно побольше заняться просвѣщеніемъ его. „Ученые свѣтъ, а неученые тьма,“ говоритъ народная мудрость. Свѣта, побольше свѣта,—но только свѣта „истиннаго, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.“ Школа должна раскрывать глаза темному люду и дать ему возможность смотрѣть на вещи правильно. Огромную пользу въ данномъ случаѣ могутъ принести школьныя воскресныя чтенія, на которыхъ всегда въ достаточной степени можно разъяснить всю несообразность вѣры въ разнаго рода заговоры. Съ другой стороны, на этихъ чтеніяхъ можно предлагать ученикамъ житія тѣхъ святыхъ, къ которымъ слѣдовало бы обращаться — и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается народъ — въ болѣзняхъ и другихъ „злыхъ обстояніяхъ.“ Вотъ фактъ. Отецъ хотѣлъ свезти сына-школьника къ знахарю, чтобъ тотъ „выгналъ“ изъ него лихорадку. Мальчикъ возразилъ отцу, что учитель читалъ имъ въ школѣ о великомъ грѣхѣ вѣрить въ заговоры, и что лучше всего, помолившись Богу, поѣхать къ врачу. Отецъ внялъ заявленію сына и свезъ его въ сельскую лѣчебницу, гдѣ мальчика и излѣчили чрезъ нѣкоторое время отъ болѣзни.

Думаю, что послѣ надлежащаго выговора и убѣжденія ученика С. въ томъ, какъ вредно и грѣшно предъ Богомъ прибѣгать за помощью къ знахарямъ и ворожеямъ, не только самъ С., но и его товарищи того не будутъ дѣлать.

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о д в и г ъ ¹⁾.

(Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства).

VIII.

— Дорогая Сося! Силь моихъ не хватаетъ ходить по приходу! — говорилъ о. Григорій на другой день, сидя за утреннимъ чаемъ: — не повѣришь, какъ вчера я измучился нравственно! — взволнованно продолжалъ онъ.

— Да разскажи, пожалуйста, что собственно такъ волнуетъ тебя? — съ участіемъ спросила Софья Петровна.

— Во-первыхъ, — началъ о. Григорій, — вчера все село было похоже на слоншій громадный кабакъ: на улицахъ, на дворахъ, въ избахъ, въ сѣняхъ — вездѣ пьяные, пьяные и пьяные. Одни изъ нихъ спятъ, гдѣ только пришлось; другіе пошатываясь бродятъ, какъ отравленныя мухи; иные ругаются или дерутъ всю осипшую глотку сквернѣйшія пѣсни, прерываемыя отборнѣйшею бранью; а лишь кто завидитъ изъ такихъ священника, то стремительно бросается подъ благословеніе, при чемъ наклоняясь теряетъ равновѣсіе и падаетъ; конечно, не забудетъ и такъ или иначе выругаться. Каково же при всемъ этомъ ходить съ иконою и молиться! Пойдетъ ли тутъ молитва на умъ, когда среди молебна позади тебя неожиданно раздастся ругань разбуженнаго молебнымъ пѣніемъ пьяницы, и окружающіе начнутъ уговаривать его, а иной разъ и угощать пинками, — пьяный же съ просонья еще сильнѣе прежняго оретъ! Или представь себѣ такую возмутительную картину: читается молебное евангеліе, на время чтенія котораго священникъ, обратившись лицомъ къ молящимся, долженъ покрывать ихъ преклоненныя главы епитрахилью. И вотъ, какой-нибудь пьяный вдругъ пошатнется въ мою сторону и, дѣлая усилія принять прежнее положеніе, теряетъ равновѣсіе и надаетъ на спину; при этомъ, конечно,

¹⁾ См. № 21 за 1904 г.

его вздернутыя кверху ноги возбуждаютъ невольный смѣхъ среди окружающихъ. Развѣ это не омерзительно?

— Во-вторыхъ, — немного помолчавъ, началъ опять о. Григорій, — чуть-ли не въ каждомъ домѣ повторялась приблизительно такая возмутительная исторія: молебень кончился, хозяинъ подходитъ ко мнѣ, и, почесывая въ затылкѣ, съ лукавою улыбкой спрашиваетъ: — „Батюшка! сколько тебѣ за работу-то?“ Сколько дашь, — отвѣтишь ему. — „Гривенничка довольно будетъ?“ — „Съ ума что ли ты спятилъ! — вдругъ закричить на хозяина псаломщикъ: — раньше полтину давалъ, а теперь гривенникъ!“ — „А ты, Прокофьичъ, не будь завидушчъ-то!“ — укоризненно замѣтитъ тотъ и торопливо сунетъ въ мою руку гривенникъ. И сколько разъ просилъ я псаломщика молчать въ такихъ случаяхъ, — нѣтъ! не унимается! — „По міру, — говоритъ, — вы насъ съ дякономъ пустите!“ Дьяконъ, хотя и ничего мнѣ не говорилъ, но, видимо, пригорюнился. Жалко мнѣ ихъ, а какъ и чѣмъ горю помочь, ума не приложу! Все-таки, скорѣе соглашусь быть нищимъ, чѣмъ позволю унижить свой санъ гнуснымъ попрошайничаньемъ! — рѣшительно сказалъ о. Григорій, вставая изъ-за стола и начиная ходить по комнатѣ.

И оба супруга замолчали, погрузившись въ невеселыя думы.

— Что-жъ ты намѣренъ теперь дѣлать? — прервала долгое молчаніе Софья Петровна.

— Что дѣлать? — заговорилъ о. Григорій, садясь противъ жены: — прежде всего позову сельскаго старосту и попрошу его объявить всѣмъ домохозяевамъ, что я до тѣхъ поръ не буду ходить по приходу, пока они не уберутъ съ моихъ глазъ всѣхъ пьяныхъ; потомъ и причту сдѣлаю серьезное внушеніе, чтобы они не въ свое дѣло относительно платы не вмѣшивались.

— Смотри, Гриша, не рискованно ли твое рѣшеніе? Хорошо подумай! — сказала жена: — въ особенности же подумай о платѣ.

— Все это давно ужъ мной обдуманно и твердо рѣшено,— отвѣтилъ о. Григорій.

— Смотри! Если крестьяне сократятъ свою плату за молебень, то и годовой доходъ сократиться можетъ. Препжній священникъ, какъ я слышала, получалъ въ годъ 600 рублей. Кажется, не много; а ты, допустивъ добровольную плату, доведешь доходъ до половины: и вправду, и себя и причтъ нищими сдѣлаешь. Противъ пьянства борись, какъ хочешь, но касательно платы оставь все попрежнему.

— Дорогая Соня! — нервно заговорилъ о. Григорій: — Господь сказалъ: „туне пріясте, туне дадите“; какъ же я могу просить за священнодѣйствіе плату, когда, по Евангелію, не долженъ брать и добровольной-то конейки?—въ отчаяніи закончилъ онъ.

— Милый! ты знаешь, я тебя такъ люблю, что не побоюсь и нищенской суммы ради тебя! Но мнѣ невыразимо жаль тебя. Дѣлай, что хочешь. И бѣдности и горя не боюсь,— нѣжно закончила Софья Петровна, съ безграничной любовью глядя на своего мужа.

IX.

Рѣшеніе о. Григорія не ходить по приходу, если не уберутъ пьяныхъ, произвело въ селѣ страшное волненіе: по глубокому убѣжденію крестьянъ, не служить праздничнаго молебна значитъ—навлечь на свой домъ Божіе проклятіе. Особенно сильно волновались по этому поводу бабы; онѣ, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругали мужиковъ, а эти, въ свою очередь, не знали, какъ назвать священника.

— Слышали, Терентій Ивановичъ, што выдумалъ батька-то нашъ?—скороговоркой спрашивалъ на ходу препжняго церковнаго старосту сторожъ Софонъ, трусившій по средней улицѣ.

— Нѣтъ, а што?—съ любопытствомъ спросилъ Чумаковъ, только-что проснувшійся послѣ ночной попойки, а теперь идущій къ своему шурина опохмеляться.

— Да баеть: коли пьняныхъ не уберете, то и съ молеб-
нами не пойду,—протараторилъ тотъ останавливаясь.

— Неужели?

— Вотъ лонни мои глаза, правда!

— Кому же онъ сказалъ такъ?

— Твоему шурина—Егору Степановичу, за которымъ я
давеча бѣгалъ. Онъ и теперича у попа.

При этихъ словахъ сторожа лукавое лицо Чумакова рас-
цвѣло неподдѣльной радостью. Въ его головѣ быстро созрѣлъ
планъ, какъ можно такимъ случаемъ воспользоваться, чтобы
отомстить за себя ненавистному причту.—„Ну-съ, теперича
мы тебя, голубчика, со всей твоей братіей здорово проучимъ!—
думалъ онъ:—узнаете, какъ должно уважать и почитать на-
шего брата“.

— А ты куда бѣжишь?—спросилъ онъ сторожа.

— Егоръ Степановичъ попросилъ меня народъ на сходку
нарядить. Эти двѣ улицы почти обѣжалъ; въ ту таперича
побѣгу, — говорилъ Софонъ, показывая рукой на восточную
улицу, въ которой быстро и скрылся.

Въ ожиданіи шурина Терентій Ивановичъ присѣлъ на
скамеечку у его дома. Вскорѣ явился и Зайцевъ, второй,
подходя къ Чумакову, загадочно улыбался.

— Ты што эфто ухмыляешься? спросилъ тотъ.

— Любо больно! — сказалъ Зайцевъ, садясь рядомъ къ
Чумакову и продолжая загадочно улыбаться. — Большая та-
перича у насъ въ селѣ кутерьма выйдетъ!—продолжалъ онъ.

— Какая же? — притворяясь ничего не слыхавшимъ,
спросилъ Терентій Ивановичъ.

— А вотъ какая: поиъ сказалъ миѣ: до тѣхъ поръ,
говорить, не выйду въ приходъ, пока пьняныхъ не уберете.

— Вонъ ощо што выдумалъ!—протянулъ Чумаковъ.

— Ндасъ,—подтвердилъ Егоръ Степановичъ.

— Ну, такъ што же? Въ нашей наукѣ не бывалъ, такъ
побываетъ!—ехидно замѣтилъ Чумаковъ.

— А што ты съ нимъ сдѣлаешь? — спросилъ Зайцевъ.

— А вотъ што! — началъ Терентій Ивановичъ, стуча кулакомъ по коленкѣ: — перво-на-перво уберемъ, значитъ, пьяныхъ, а потомъ,—чуть слышно и злобно хихикая, продолжалъ онъ, — согласимся всѣмъ міромъ попу не платить за молебны ни монеточки! Такъ што ли? — хлопнувъ весело по плечу шурна, спросилъ Чумаковъ.

— Ай-да, Тереша! очень ловко! лучше эфтова во вѣки не придумаешь! Ну, и мозголовъ же ты, братецъ мой! Этакъ попу-то мы ловко хвостъ прищемимъ! Чѣмъ миѣ тебя за эфто угощать-то прикажешь? — съ восторгомъ произнесъ Зайцевъ.

— Опохмели, пожалуйста! голова на трескъ трещить,—сказалъ Чумаковъ, довольный своей выдумкой.

— Пойдемъ, дружище. пойдемъ! и миѣ нужно опохмелиться. Сходка-то, навѣрно, не скоро соберется.

И пріятели вошли въ домъ.

Часа черезъ полтора около дома Зайцева мало-по-малу собрались всѣ сельскіе сходчики, которые, въ ожиданіи старости, расположились небольшими группами на лужайкѣ и оживленно обсуждали рѣшеніе священника. Когда къ крестьянамъ вышли Егоръ Степановичъ съ Терентіемъ Ивановичемъ, всѣ быстро встали и почтительно раскланялись. Зайцевъ медленно и важно надѣлъ на себя мѣдный начальническій знакъ и многозначительно, съ сознаниемъ собственнаго достоинства, обвелъ глазами сходчиковъ, образовавшихъ тѣмъ временемъ около него громадный кругъ.

— Православные! — громко началъ онъ: — священникъ велѣлъ передать вамъ, што онъ не пойдетъ по приходу, если вы не уберете съ его глазъ всѣхъ пьяныхъ. Што на эфто скажете?

— Ну и пушай его не ходить! не нуждаемся!—заоралъ кто-то.

— Ты, што ли, пьяная твоя харя, не нуждаешься? Поди, самому и за молебень-то нечѣмъ заплатить!—возражалъ ему другой.

— А ему-то што до пьяныхъ за дѣло?—покрывая всѣхъ, синоватымъ басомъ спрашивалъ третій.

Затѣмъ поднялся такой невообразимый гамъ, что совершенно не возможно было понять, кто и что говорилъ. Староста вышелъ изъ круга и сѣлъ у дома на скамеечкѣ рядомъ съ Терентиємъ Ивановичемъ. Сходчики разбились на группы. Всѣ оралы, стараясь другъ друга перекричать. Когда главные горланы нѣсколько поутомились, да къ тому же многіе изъ нихъ успѣли уже и охрипнуть, тогда староста поднялся и снова подошелъ къ мужикамъ.

— Ну, што-же, православные? на чемъ усовѣтовались?— обратился онъ къ сходу.

— Не надоть ходить! пусть не ходить! — раздалось съ одной стороны.

— Насъ не застращаешь! придетъ, коли жрать нечего будетъ!—оралъ кто-то съ другой.

— Дайте мнѣ сказать,—попросилъ староста

— Говори! говори!—закричали кругомъ:—тише, ребята, тише! дайте старостѣ слово молвить!—уговаривали другъ друга сельчане.

— Вотъ што, братцы,—заговорилъ староста, когда наступила тишина:—давайте пьяныхъ, значить, уберемъ, потѣшимъ батьку, пусть онъ служить молебны; только, чуръ, за службу не давать ему ни единой полушки! Согласны; аль нѣтъ?

Опять поднялось страшное галдѣнье: одни соглашались со старостой, другіе нѣтъ. Въ концѣ концовъ, мнѣніе старосты восторжествовало; при этомъ постановлено было слушниковъ мірской воли штрафовать двумя ведрами водки. Слѣдить за аккуратнымъ исполненіемъ рѣшенія схода было поручено сторожу Софону, которому Чумаковъ обѣщалъ за это отъ себя рубль денегъ.

— Надо проучить еретика! посмотримъ, по здраву ли придется ему такая штука? — говорилъ прежній помощникъ церковнаго старосты, подходя къ Чумакову.

— Да ужь мое почтеніе! узнаешь нашихъ! — отвѣчалъ тотъ, потирая отъ удовольствія руки и злорадно улыбаясь.

X.

Когда причтъ явился въ село, пьяныхъ, дѣйствительно, не было. По порядку начали служить у того крестьянина, который вчера у сторожки такъ горячо заступался за новаго священника. Это былъ трезвый, богомольный и правдивый мужикъ.

Послѣ молебна о Григорій, по обыкновенію, поздравилъ съ праздникомъ хозяина и хозяйку.

— Премного благодарны, батюшка! много лѣтъ тебѣ священствовать! — кланяясь и скснфуженно переминаясь съ ноги на ногу, говорили тѣ. О. Григорій, не получая платы и не спрашивая ея, спокойно пошелъ къ выходу. Хозяинъ стремительно бросился отворять дверь.

— Не ушибитесь головкой-то, батюшка: у насъ въ дверяхъ-то очинно низко,—говорилъ онъ, виновато улыбаясь.

— А за труды-то что же не платишь?—спросилъ псаломщикъ.

— Надо бы, Прокофьячъ, надо бы,—проводивъ священника, говорилъ заминаясь крестьянинъ.

— Надо бы, а не платишь!—горячился псаломщикъ.

— Да вишь—озорники-то наши, пьяницы эдакіе, штрафовать хотятъ тѣхъ, коли кто за молебенъ заплатитъ! Спроси вонъ хоть Софона. Правду говорю. — И мужикъ указалъ на церковнаго сторожа, который столлъ, прижавшись къ печкѣ.

— Правда, правда!—подтвердилъ тотъ скороговоркой.

— А коли такъ, то я ходить не буду! — съ сердцемъ пробасилъ старикъ, изъ всей силы хлопнувъ при выходѣ дверью.

Онъ ушелъ къ одному своему пріятелю, у котораго и пропьянствовалъ цѣлый день.

Въ слѣдующемъ домѣ о. Григорію не только не дали денегъ, но еще грубостей наговорили.

— Отецъ духовный! за труды-то ваши нужно бы заплатить, да, думаю, товару-то на молебень не много пошло!— Съ такими ядовитыми словами провожалъ священника хозяинъ.

До самаго вечера служилъ о. Григорій молебны, переходя изъ дома въ домъ, и нигдѣ не получилъ и одной копейки.

— Что, о. дьяконъ, призадумался?— спросилъ о. Григорій о. дьякона, возвращаясь съ нимъ домой.

— Да какъ же, батюшка, и не призадуматься! — печально отвѣчалъ тотъ: — долгишки у меня есть; думалъ, что выхожу по приходу, расплачусь хоть немного, а теперь вижу, что дѣло дрянъ выходитъ! И о. дьяконъ при этихъ словахъ тяжело вздохнулъ и поникъ головою. *И. Горскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пожертвованіе сельской матушки въ пользу Краснаго Креста.

Въ „Царицынскомъ Вѣстникѣ“ мы нашли слѣдующія строки подъ заглавіемъ „Летучія Замѣтки“.

Вчера сижу у г. царицынскаго воинскаго начальника, разговариваю по своему дѣлу, вдругъ входитъ писарь съ докладомъ, что пришелъ священникъ.

— Приси, сказалъ полковникъ.

Вошелъ батюшка и на любезное приглашеніе воинскаго начальника: „садитесь, батюшка, чѣмъ могу служить?“ священникъ отвѣтилъ:

— Да вотъ, полковникъ, жена собрала кое-что, привезъ къ вамъ, прошу вашего распоряженія отправить для воиновъ.

Полковникъ поблагодарилъ, немедленно принялъ пожертвованіе и выдалъ расписку въ полученіи „кое-чего“.

А это „кое-что“ оказалось: 245 паръ теплыхъ шерстяныхъ чулокъ, 65 овчинныхъ полушубковъ, нѣсколько сотъ платковъ, рукавицъ и теплыхъ варежекъ. Жертва не малая.

— Въ свою очередь и я представился священнику, спрашиваю:—потрудились надъ этимъ, батюшка?

— Нѣтъ, мой трудъ какой же! Это все жена! Кой-что отъ себя, а то все мужички ей принесли отъ добраго сердца.

Это была лента О. И. Добронравовой, жены настоятеля Покровской церкви села Заплавнаго, Царев. уѣзда, Астрах. губерніи, въ пользу вѣнцовъ. Это сочувствіе къ русскому воинству произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Честь и похвала вамъ, русскія женщины, безвѣстныя труженицы, скромныя жертвовательницы!

Некрасовъ!—авторъ „Русскихъ женщинъ!“

Ты правду намъ про ихъ сердца

Писалъ: ихъ неизмѣнчивъ

Характеръ добрый—безъ конца!

А сердце! сердце—золотое,—

Помочь всегда-всегда не прочь! —

Весьма было бы желательно, чтобы и многіе другіе послѣдовали сему примѣру, добавимъ мы отъ себя въ надеждѣ, что наше желаніе будетъ услышано. (Астр. еп. вѣд., 1904 г., № 6).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 24-го мая 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УВѢДѢСТВІЕ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, іюня 6-го.

Содержаніе: Добрый пастырь Японской церкви. — Подвигъ. (Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства) (продолженіе). — Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Добрый пастырь Японской церкви.

Война Россія съ Японіей извлекла на свѣтъ Божій многое, чѣмъ прежде мало интересовались, что было до сихъ поръ, такъ сказать, подъ спудомъ. Такъ, заговорили, между прочимъ, и о нашемъ знаменитомъ японскомъ миссіонерѣ преосв. Николаѣ, который, впрочемъ, и безъ того представляеть собою слишкомъ яркое явленіе духовной пастырской жизни. Это — поистинѣ *добрый пастырь* Христова стада среди современныхъ условій жизни, это — радость и твердая опора современныхъ представителей Церкви противъ частыхъ на-надокъ людей отрицательной настроенности.

Лучшее изображеніе личности преосв. Николая, какъ дѣятеля на нивѣ Христовой, можно найти въ миссіонерскомъ дневникѣ („На Дальній Востокъ“, „Богосл. Вѣств.“, 1895 г.,

кн. 10—12 и 1896 г.) архимандрита, нынѣ епископа, Сергія, ректора С.-Петербургской духовной академіи, лично миссіонерствовавшего 13 лѣтъ тому назадъ въ Японіи подъ непосредственнымъ руководствомъ преосв. Николая. Въ 1857 г. въ Японіи, тогда только-что открытой для посѣщенія и пребыванія въ ней иностранцевъ, въ городѣ Хакодате, на о. Ессо, было основано русское консульство. Консуль пожелалъ себѣ священника съ академическимъ образованіемъ. Св. Синодъ, признавъ за удобное въ то же время начать и христіанскую православную проповѣдь въ Японіи, сдѣлалъ предложеніе въ С.-Петербургскую духовную академію, приглашая желающихъ. Вызвалось нѣсколько челоуѣкъ, выговаривавшихъ себѣ, впрочемъ, право женитьбы. Никогда не задумывался до сихъ поръ студентъ Касаткинъ о далекой странѣ, о миссіонерской дѣятельности, о полномъ самоотверженіи во имя Христа. Вызовъ молніей блеснулъ въ его сердцѣ, и онъ рѣшилъ, что ѣдетъ въ Японію—и ѣдетъ не иначе, какъ въ монашескомъ чинѣ. Твердо рѣшившись, онъ весь отдался въ своихъ мысляхъ и мечтахъ будущей дѣятельности. „Когда я ѣхалъ туда, говорилъ впослѣдствіи преосв. Николай,—я стремился къ Японіи, какъ къ *невѣсть*, воображая ее ожидавшей моего пріѣзда, какъ и я стремился къ ней.“ Первѣю заботою іеромонаха Николая было выучиться японскому языку, изучить бытъ, литературу и исторію народа, среди котораго онъ опредѣлилъ себя на дѣятельность. И юный миссіонеръ принялся съ такимъ рвеніемъ за это дѣло, что его учителя утомлялись заниматься съ нимъ, вслѣдствіе чего ему приходилось брать вмѣсто одного—двухъ и трехъ лицъ. Послѣ этого вполне понятно какъ уваженіе японцевъ—и христіанъ и язычниковъ къ личности преосв. Николая, такъ и то, что онъ считается въ Японіи однимъ изъ лучшихъ знатоковъ японской литературы.—*Восемь* лѣтъ проведены были въ такомъ неустанномъ трудѣ, при чемъ о. Николай не пропускалъ ни одного маломальски замѣтнаго явленія общественной японской жизни, чтобы не познакомиться съ нимъ: ходилъ слушать лекціи за-

ѣзжихъ лекторовъ, такъ распространенныхъ въ Японіи, заводилъ самыя разнообразныя знакомства; со всѣми бесѣдовалъ и особенно съ жрецами о вѣрѣ и религіозной жизни японцевъ. Среди-то этихъ бесѣдъ и брошено было имъ первое сѣмя православія въ далекой Японіи, и, неожиданно даже для самого о. Николая, оно стало быстро расти, зрѣть и приносить плоды. Къ 1869 г. было уже 12 человекъ крещено, 12 оглашено, а 13 изъявили готовность слушать проповѣдь.

Время было приступить къ систематической проповѣди. О. Николай просилъ Св. Синодъ основать въ Японіи православную миссію, назначивъ ему миссіонеровъ-помощниковъ и опредѣленное содержаніе на организацию школъ и проповѣди. Въ 1870 г. миссія была учреждена. Съ этихъ поръ о. Николай весь отдался дѣлу прочной постановки проповѣди православія въ Японіи. Для этого онъ съ особеннымъ рвеніемъ занялся переводческой и школьной дѣятельностью. Между прочимъ, имъ были учреждены слѣдующія школы: 1) семинарія съ шестикласснымъ курсомъ изъ общеобразовательныхъ и богословскихъ наукъ для подготовки пастырей и проповѣдниковъ изъ среды природныхъ японцевъ-дѣтей; 2) катехизаторская школа съ годичнымъ курсомъ богословскихъ предметовъ для подготовки собственно проповѣдниковъ изъ среды японцевъ (въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ), изъявившихъ готовность отдаться дѣлу проповѣди христіанства; 3) причетническая школа для образованія причетниковъ-регентовъ во вновь открывающіяся общины и, наконецъ, 4) женская школа съ шестигодичнымъ курсомъ для христіанскаго воспитанія женщинъ, изъ которыхъ многія потомъ, соединивъ свою судьбу съ тѣмъ или инымъ проповѣдникомъ или кандидатомъ священства, явились неутомимыми помощницами своихъ мужей, ревностно занимаясь христіанскимъ назиданіемъ женщинъ и дѣтей въ округѣ. Много трудовъ потребовала для себя школьная дѣятельность. И поразительно въ этой дѣятельности было особенно то, что о. Николай вседѣлалъ почти одинъ, при помощи, можно сказать, только своихъ же собственныхъ уче-

никовъ. Въ то же время ему предстояла масса трудовъ по управленію общинами, катехизаторами и священно-церковно-служителями, а также трудовъ по прямой, непосредственной проповѣди, которая сводилась тогда главнымъ образомъ къ устройству публичныхъ собраній и лекцій въ болѣе или менѣе значительныхъ центрахъ Японіи; а равно къ участію въ подобныхъ организаціяхъ, устраивавшихся другими.

Но особенно осложнилось дѣло со времени дарованія Японской церкви епископа въ лицѣ Николая, что было настоятельнѣйшею необходимостью, такъ какъ, за отдаленностью Японіи отъ самаго близкаго къ ней православнаго епископа—Камчатскаго, наша православная тамошняя Церковь оставалась почти безъ священниковъ и безъ религіозно-церковнаго утѣшенія, которое такъ дорого юнымъ новообращеннымъ христіанамъ. Въ Японіи тогда было уже довольно значительное количество православныхъ, причемъ они были разбросаны по всей Японіи, иные же не жили жизнью осѣдлою по самому роду своихъ занятій: инженеры, подрядчики, рабочіе и т. п. Обо всѣхъ ихъ нужно было позаботиться: нужно было посѣтить осѣдлыхъ, посмотрѣть на мѣстѣ, какъ они живутъ, убѣдиться, на сколько усердны катехизаторы, священники и пр. И преосв. Николай снѣшилъ на встрѣчу всякой нуждѣ, новинуясь велѣнію Христова долга. Не было жертвы, которой бы не принесъ онъ для любимыхъ своихъ чадъ; нельзя указать снисхожденія, котораго бы онъ не сдѣлалъ не только по отношенію къ слабымъ, но и ко всѣмъ и всегда, когда того требовало большее совершенство юной Японской Церкви, возвышеніе любви.

Первое замѣчательное явленіе въ этомъ отношеніи—соборы Японской Церкви. Японская Церковь, какъ новая, во всемъ дышитъ духомъ апостольскимъ, во всемъ устроится по образцу перво-христіанской Церкви. Отсюда то важное значеніе правилъ апостольскихъ и постановленій Вселенской Церкви, которое выдѣляется въ жизни Японской Церкви; отсюда, далѣе, и соборное начало въ ея управленіи. Каждый

годъ въ Японской Церкви бываетъ соборъ церковный подъ предсѣдательствомъ ея епископа. До 1887 г. эти соборы состояли изъ священнослужителей и проповѣдниковъ всей Японской Церкви, а послѣ, за неудобствомъ широко раскинувшейся Церкви собираться въ полномъ составѣ своихъ пастырей и учителей въ одно мѣсто—на сѣверѣ ея, соборъ, происходящій попережнему каждый годъ, бываетъ теперь въ *двухъ* мѣстахъ: одинъ годъ—для сѣвера, въ Токио, другой годъ—для юга, въ Осаки, въ южной части главнаго острова Японіи. На соборѣ обсуждаются и рѣшаются общимъ голосомъ всѣ дѣла церковныя, не исключая избранія, перемѣщенія и увольненія пастырей и проповѣдниковъ, что выдвигается самими общинами посредствомъ прошеній и окончательно рѣшается только въ *священническомъ собраніи* собора подъ предсѣдательствомъ епископа. Но особенно замѣчательно и особенно характеризуетъ преосв. Николая, какъ *добраго* Христова *пастыря* апостольскаго типа, то, что даже годичный отчетъ о своей собственной пастырской дѣятельности онъ представляетъ вниманію и обсужденію собора, съ чего обычно и начинаются соборныя дѣла.

То же начало соборности, братства строго проводится преосв. Николаемъ и въ организаціи приходской жизни. Въ каждой общинѣ существуетъ *приходскій советъ*, въ которомъ участвуютъ священнослужители, проповѣдникъ прихода и выборные въ небольшомъ числѣ изъ прихожанъ. *Приходскій советъ* управляетъ всѣмъ религіозно-нравственнымъ строемъ общины, ея экономическими и благотворительными дѣлами. Онъ собирается, большею частью, каждое воскресенье. Разъ въ мѣсяцъ, послѣ перваго воскреснаго или праздничнаго дня, православные данной общины собираются для взаимныхъ бесѣдъ, для назиданія, для обсужденія своихъ общинныхъ дѣлъ; слово свободно предоставляется всѣмъ безъ различія, чему способствуетъ и самая обстановка *подобныхъ симбонукваевъ—братскихъ собраній*; участники приносятъ съ собою угощеніе

и предлагаютъ его всѣмъ тутъ же, среди дѣлъ и обсужденія различныхъ вопросовъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ на *симвонукваи* собираются вмѣстѣ и мужчины и женщины, въ другихъ же женщины устраиваютъ свои самостоятельныя собранія—*фузимикваи*, женскія *дружескія собранія*. Обстановка и общій характеръ ихъ тотъ же, что и симбонукваевъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ женщины широко организовали общественно-христіанскую благотворительность: собираются всевозможныя пожертвованія—до старыхъ платьевъ включительно, все это приводится въ должный порядокъ и къ большимъ праздникамъ—Рождества, Пасхи—раздается особенно нуждающимся, иногда не только христіанамъ, но и язычникамъ.

Такъ какъ въ Японіи въ послѣднее время правительственныя школы поставлены очень хорошо, то преосв. Николаю не приходится почти совсѣмъ заботиться о начальномъ образованіи дѣтей своей паствы; для наставленія же дѣтей въ вѣрѣ и жизни христіанской всюду учреждены имъ такъ называемыя воскресныя школы, въ которыя дѣти собираются послѣ богослуженія каждый воскресный и праздничный день.

Какъ все это просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ все это дышитъ первохристіанскимъ духомъ братства, взаимной попечительности и любви! Между прочимъ, какъ сельскіе такъ отчасти и городскіе наши пастыри многое могли бы перенести изъ практики Японской церкви и приложить къ своей приходской жизни. *Приходскіе совѣты* японской общины близки къ нашимъ церковно-приходскимъ попечительствамъ. Но въ то время, какъ наши церковно-приходскія попечительства въ общемъ лишены жизненности и не имѣютъ существеннаго религіозно-воспитательнаго значенія въ современномъ приходѣ, *приходскіе совѣты* Японской церкви этимъ именно и сильны. Въ чемъ же весь секретъ?—Въ томъ, что наши попечительства не отличаются, такъ сказать, надлежащей *маслостью* въ своемъ кругу, мало заинтересовываютъ свой приходъ, мало опираются на его вниманіе, мало имѣютъ связи

съ его дѣйствительными желаніями и нуждами. Въ Японской церкви эта причина устранена тѣмъ, что, помимо *приходскихъ совѣтовъ*, тамъ существуютъ еще *симбонуквай* и *фузинквай* — эти *братскія*, или *дружескія собранія*. Какъ бы хорошо было и въ нашихъ приходяхъ учреждать подобныя же *братства* и *дружества*! Скажутъ, быть можетъ, что многіе наши приходы состоятъ изъ разбросанныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга деревень, не имѣютъ соответствующихъ помѣщеній для собраній. Но, думаемъ, въ Японской церкви, при случайности образованія прихода изъ новообращаемыхъ христіанъ, эти неудобства существуютъ вдвойнѣ. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, чтобы, поощряя подобныя собранія прихожанъ по отдѣльнымъ деревнямъ или вообще тѣми или иными группами, болѣе удобными по мѣстнымъ условіямъ, руководить этими собраніями, быть душою ихъ, прививая къ нимъ всякое доброе занятіе: *бесѣду* ли, при чемъ, думается, слѣдовало бы дать полную свободу интересу прихожанъ; *чтеніе* ли, чего особенно жаждетъ нашъ народъ, особенно на евангельскія темы и изъ житій святыхъ; *обсужденіе* ли общественно-христіанскихъ нуждъ прихода и т. п. Конечно, священнику, у котораго приходъ состоитъ иногда изъ цѣлаго десятка разбросанныхъ на большомъ пространствѣ деревень, не возможно все это дѣлать самому. Да это и не нужно. Здѣсь главнымъ образомъ важна *иниціатива* священника и дальнѣйшее общее руководство дѣломъ, забота о немъ; самое же чтеніе, напр., можно поручать учителямъ школъ или просто кому-либо изъ интересующихся прихожанъ; изрѣдка, разумѣется, онъ и самъ лично поруководитъ собраніемъ. — По нашему мнѣнію, все это создало бы громадную нравственную популярность пастыря и довѣріе къ нему со стороны прихода, что особенно важно въ приходяхъ съ сектантскимъ и вообще сепаратистическимъ настроеніемъ. Указанные отдѣльные кружки, преслѣдующіе христіански-просвѣтительную и воспитательную дѣятельность, имѣя смыслъ сами по себѣ,

кромѣ того, создали бы почву и для плодотворной дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ.

Само собою понятно, что достигнуть всего этого сразу нельзя, что много отъ священника потребуется труда и пастырской ревности. Но вѣдь пастыри, вѣнчаясь при рукоположеніи, вступили въ союзъ со Христомъ и мучениками, именно *добрѣ страдавшими*, обѣщались быть вѣрными Христу *даже до крове*, свято сохраняя и неусыпно возгрѣвая данный имъ залогъ благодати. Въ ободреніе имъ нельзя не привести здѣсь глубоко-знаменательныхъ словъ преосв. Николая Японскаго о пастырскомъ дѣланіи: „сердце тутъ нужно, способность проникнуться нуждами ближняго или ближнихъ, почувствовать скорби и радости ближнихъ, точно свои,—и въ то же время хладнокровное размышленіе, какъ устранить скорби и упрочить радости,—и рѣшимость поступить въ указанномъ сердцемъ и умомъ направленіи, и твердость и авторитетность сдѣлать поступокъ правиломъ для другихъ и пр. и пр. и пр., смотря по обстоятельствамъ.“ (Изъ письма преосв. Николая къ Сергію, еписк. Ямбургскому. „Богосл. Вѣстн., 1896 г. IX, стр. 376).

М. Глаголевъ.

Ш о д в и г ъ ¹⁾.

(Разказъ изъ быта сельскаго духовенства).

XI.

Быль воскресный день въ половинѣ іюля. Погода стояла холодная и дождливая, скорѣе похожая на осеннюю, чѣмъ на лѣтнюю. Большинство богородскихъ мужичковъ сидѣло въ трактирѣ. Кто побогаче, тѣ водку и чай пили; бѣдняки такъ сидѣли, занимаясь пустыми разговорами и съ завистью поглядывая на угощающихся. Въ обширной низкой комнатѣ съ маленькими окошечками стоялъ густой чадъ—смѣсь табач-

¹⁾ См. № 22 за 1904 г.

наго дыма, винныхъ испареній и пара, подымавшагося отъ кипѣвшаго котла. Потолокъ, стѣны, полъ, столы, табуреты и все прочее покрыто было толстымъ слоемъ липкой вонючей грязи. Воздухъ былъ спертый и испорченный до того, что у свѣжаго человѣка, вошедшаго съ улицы, легкія сначала совсѣмъ отказывались дышать, у непривычныхъ кружилась голова. Пьяныя, озвѣрѣлыя фізіономіи, дикое пѣніе, непрерывный гвалтъ и говоръ, безпрестанно уснащаемый площадною бранью, время отъ времени кулачныя схватки, сильный и отвратительный хохотъ, неумолкаемый звонъ кабацкой посуды и пр. и пр.—все это, вмѣстѣ взятое, напоминало сущій адъ.

Позади буфета имѣлась небольшая комнатка, отдѣлявшаяся отъ общей тоненькой перегородкой. Въ этой комнатѣ, оклеенной дешевыми обоями желтаго цвѣта, за единственнымъ кривонбгимъ столомъ, уставленнымъ пивными бутылками, сидѣли: Чумаковъ, Зайцевъ, Семень Лукичъ и самъ трактирщикъ, молодой, безбородый и безусый мужикъ лѣтъ 35. У него было продолговатое блѣдное лицо, сильно подавленное своей нижней частью впередъ, такъ что длинный грушевидный носъ приходился чуть ли не въ перпендикулярномъ положеніи по отношенію къ площади узкаго высокаго лба; безцвѣтные мутные глаза сошлись у самаго переносья. Его звали Прохоромъ Ивановичемъ. О нахальствѣ, плутняхъ и жадности Прохора Ивановича въ народѣ ходили самые возмутительные рассказы. — „А ужъ и молодець же нашъ Прохоръ Ивановичъ! кого хошь обошьеть! не гляди, что мокрымъ теленкомъ выглядываетъ!“—говорили про него.

— Наконецъ, у меня, братцы, терпѣнье лопається! На чемъ же мы, стало быть, порѣшимъ?—спрашивалъ Чумаковъ собесѣдниковъ, выпивъ стаканъ пива и стукнувъ имъ о подносъ.

— Вотъ за нимъ дѣло!—сказалъ недовольнымъ тономъ Зайцевъ, кивая головой въ сторону трактирщика.

— Какого шута! вы съ меня очень много дерете!—спокойно замѣтилъ тотъ, откупоривая новую бутылку пива.

— Три ведра-то много?—Вѣдь и мы всѣ по три даемъ!—закричалъ на него разсердившійся Зайцевъ.

— А ты, братъ, потише! неравно, кто услышитъ,—тихо проговорилъ осторожный Чумаковъ, толкая локтемъ шурину.

— Кто тутъ насъ услышитъ? вонъ орутъ какъ;—индо стѣны дрожать!—сказалъ Семень Лукичъ.

— Ну, што же? не даешь трехъ ведеръ?—опять обратился Зайцевъ къ Прохору Ивановичу.

— Да за што мнѣ столько давать-то? мнѣ до попа никакого дѣла нѣтъ! што вы въ самомъ дѣлѣ пристали ко мнѣ?

— Эка жадѣга проклятая! — сквозь зубы презрительно процѣдилъ сельскій староста.

— Взаправду ты не даешь?—раздраженно спросилъ Терентій Ивановичъ. При этомъ онъ такъ многозначительно посмотрѣлъ на трактирщика, что тотъ видимо струсилъ.

— Вотъ што! развѣ только ради Терентія Ивановича—ужь такъ и быть, два ведра обирайте!

— Слава Богу!—насмѣшливо проговорилъ Егоръ Степановичъ:—давай хоть два-то ведра! съ тебя, скупердяя, больше и не сдерешь!

Всѣ гости трактирщика переглянулись между собою и улыбулись; потомъ, молча вышивъ бутылку пива, они вышли въ общую комнату.

— Егоръ! орудуй поскорѣе, пока не поздно!—сказалъ Чумаковъ Зайцеву, уходя изъ трактира.

— Не сумнѣвайся, свое дѣло знаю,—отвѣчалъ тотъ, усаживаясь за трактирный столъ.

XII

Въ этотъ день часамъ къ девяти вечера сельскій староста собралъ сходку со всего прихода. Пришло до 200 домохозяевъ. Чумаковъ, заранѣе подпоивши главныхъ горлановъ—мироѣдовъ, самъ на сходъ не пришелъ. Конечно, дѣло и безъ него было рѣшено такъ, какъ ему хотѣлось. Сходчики, по предложенію богородскаго сельскаго старосты, постановили:

не давать причту денегъ ни за какія требы; въ случаѣ же, если причтъ откажется служить бесплатно, то жаловаться на него архіерею за вымогательство. Правда, сперва очень многіе упорно не соглашались на такое рѣшеніе, но первое, а затѣмъ непосредственно вслѣдъ за нимъ и второе ведро водки многихъ поколебало. Между тѣмъ міроѣды не дремали: они убѣдительно всѣмъ доказывали, что „попу-де платитъ не за что, потому что онъ получаетъ изъ казны жалованье; кромѣ того, имѣетъ землю“.

Третье и послѣдующія ведра водки подѣйствовали на сходчиковъ всего убѣдительнѣе: мірская совѣсть была залита... И только человекъ 15 трезвенниковъ, отказавшихся и отъ дарового чая съ баранками, заявили, что они не согласны съ обществомъ. Когда они уходили со сходки, ихъ провожали отборнѣйшею бранью. Послѣ этого сходчики повалили къ трактиру, гдѣ, по обѣщанію старосты, готовилось новое угощеніе въ количествѣ еще пяти ведеръ водки. Не возможно описать ту отвратительную пьяную оргію, которая всю ночь до разсвѣта продолжалась въ трактирѣ и около него...

Трезвенники, не согласившіеся съ постановленіемъ схода, выбрали изъ своей среды двухъ ходаковъ и отправили ихъ за 25 верстъ къ земскому начальнику съ жалобой на весь сходъ. Къ сожалѣнію, земскаго начальника дома не оказалось: онъ только что уѣхалъ въ уѣздный городъ.

— Эка незадача!—говорили ходаки, выходя изъ канцеляріи земскаго начальника:—25 верстъ задаромъ пороли!

— Кумъ! да какими судьбами попалъ ты сюда?—спросилъ одного изъ нихъ здоровый, коренастый работникъ.

— По дѣлу, кумъ!

— По какому дѣлу?

Ходаки, другъ друга перебивая, рассказали работнику всю исторію.

— Эхъ, братцы, братцы!—сказалъ, вздохнувъ, тотъ:—напрасно и шли! Баринъ нашъ въ эфти дѣла боится вмѣшиваться!

— Какъ такъ?—въ одинъ голосъ спросили ходаки.

— Да такъ,—отвѣчалъ работникъ:—своя-то рубаха, чай, ближе къ тѣлу! Баринъ-то помнитъ хорошо, какъ въ зашлое лѣто его подожгли вотъ такіе же міроѣды, про какихъ вы миѣ баяли: домъ, скоть, сѣно, хлѣбъ—все тогда у него пригорѣло. А за што? Одного міроѣда на трое сутокъ подъ арестъ посадилъ! Баринъ-то и по дорогамъ съ пистолетомъ ѣздитъ: у него такой махонькій, съ шестью пульками. А почему, значить? Потому самому, што иной разъ гдѣ-нибудь въ лѣсу съ кольями его, пожалуй, подстерегаютъ! Иди-ка-те, братцы, домой! Да ужъ и не жалуйтесь! Што дѣлать? Съ волками жить, по-волчьи выть!

Работникъ простился съ ходаками. Понуривши головы, тихо поплелись мужички въ ближайшую деревню съ устали чайку попить и закусить.

Богородчане, опасаясь міроѣдовъ, на первыхъ порахъ твердо держались даннаго обѣщанья: за похороны, свадьбы, крестины и прочія требы о. Григорію не платили. Потомъ, нѣкоторые, жалѣя своего батюшку, начали платить ему,—но платили, сколько кому вздумается: крестьяне воображали, что священникъ и причтъ въ средствахъ не могутъ нуждаться, потому что получаютъ жалованье. Этотъ ложный слухъ былъ распространенъ въ народѣ Чумаковымъ. Правда, на долю причта казеннаго жалованья полагалось въ годъ около 120 рублей; Чумаковъ же увеличивалъ эту цифру въ нѣсколько разъ.

— Мы народъ темный!—разсуждали по этому поводу крестьяне:—мога, попъ-то и тыщу получаетъ—почемъ мы знаемъ?

Нечего и говорить, что положеніе причта день ото дня становилось все болѣе и болѣе критическимъ: буквально нечѣмъ было жить! О. Григорій съ супругой только тѣмъ и содержались, что мало-по-малу распродавали городскому еврею и другимъ ростовщикамъ почти за безцѣнокъ свои вещи, имѣвшія какую-либо цѣнность.

XIII

Въ послѣднихъ числахъ іюля, въ воскресенье, къ о. Григорію пріѣхалъ съ визитомъ сосѣдній священникъ села Овсянникова о. Николай. Это былъ сѣденькій, худощавый старичокъ, съ умнымъ лицомъ и правдивыми сѣрыми глазами. Ему было лѣтъ подъ 60. Болѣе 20 лѣтъ онъ вдовѣлъ и жилъ совершенно одинокимъ: самъ и стряпаль, и корову доилъ, и въ домѣ убиралъ, и прочія дѣла справлялъ по хозяйству.

— Услыхалъ я, брате, что въ селѣ Богородскомъ герой появился! дай, думаю, познакомлюсь съ нимъ!—говорилъ о. Николай, входя къ о. Григорію въ кабинетъ.

— Честь имѣю рекомендоваться: Николай Гурьевъ Свѣтовидовъ!—привѣтливо улыбаясь и протягивая руку хозяину, продолжалъ старикъ.

— Григорій Ивановъ Шестаковъ!—отвѣчалъ тотъ здороваясь.

— Вы и есть герой-то?—удерживая руку о. Григорья въ своей, весело спросилъ о. Николай.

— Что же геройскаго проявилъ я? — сказалъ тотъ смѣясь.

— Помилуйте! развѣ это не геройство, когда одинъ-одинешенекъ ополчился чуть не противъ цѣлой волости, ея же веселіе, какъ и всей Руси, пяти, и не можетъ нашъ народъ безъ того быти, скажемъ словами князя Владиміра?—полупуштя, полусерьезно произнесъ о. Николай, приглаживая руками жиденькіе волосы на своей сѣдой головѣ.

Въ это время въ комнату вошла Софья Петровна. Отрекомендовавъ ее гостю, о. Григорій извинился, что до сихъ поръ не имѣлъ возможности побывать у него съ женой, хотя и очень желалъ съ нимъ познакомиться.

— Вѣрю, отецъ, вѣрю! Нашему брату и на самомъ дѣлѣ некогда развѣзжать по гостямъ,—сказалъ на это о. Николай:—я вотъ тридцать лѣтъ служу въ Овсянниковѣ,—продолжалъ онъ,—и за все это время имѣлъ случай побывать

на родинѣ только дважды, да и то по телеграммамъ вызывали: одинъ разъ ѣздилъ мать хоронить, другой разъ—брата.

— А вашъ приходъ великъ?—спросилъ о. Григорій.

— Средній: мужескаго пола около 700 душъ, но дѣла, какъ видите, порядочно. Хорошо еще, что землю бросилъ обрабатывать, а то бы и совсѣмъ измучился.

— Удивительное дѣло! — сказалъ о. Григорій:—и чиновники и учителя имѣютъ каникулы, отпуска, а намъ, грѣшнымъ, не видать отдыха: будь всегда на посту несмѣняемымъ часовымъ!

— Что правда, то правда!—согласился о. Николай:—а вѣдь иной разъ такъ все надоѣстъ, такая тоска нападетъ, что совсѣмъ одурѣешь!

— Что же дѣлать? такова наша должность,—приходится поневолѣ мириться съ этимъ!—замѣтилъ о. Григорій, барабана по столу пальцами.

— И мирятся, конечно,—только какъ мирятся-то? Возьмемъ примѣръ. Засадятъ вотъ такого, какъ вы, молодого человека въ какой-нибудь медвѣжій уголь. Крестьяне его не понимаютъ да и понять не въ состояніи. Ему будетъ противно глядѣть на ихъ грубость, упрямство, невѣжество. А тутъ еще и отдыха-то отъ требъ нѣтъ: сиди, какъ привязанный къ приходу. Мало-по-малу человекъ тупѣетъ—и кончается силошъ и рядомъ безпробуднымъ пьянствомъ, а то и еще болѣе чѣмъ худшимъ: вѣдь болото-то все засасываетъ! Для иллюстраціи я расскажу вамъ исторію, которая произошла въ нашемъ краю тому назадъ лѣтъ 20.—Былъ у меня очень хорошій товарищъ, человекъ съ богатыми способностями, прекрасно кончившій курсъ духовной академіи. И вотъ онъ вздумалъ поработать на пользу темнаго народа. Владыка съ удовольствіемъ посвятилъ его въ священники въ богатый Воскресенскій приходъ,—это отсюда верстахъ въ 15 будетъ. Молодой батюшка часто бывалъ у меня. Прошелъ годъ. Однажды лѣтнимъ вечеромъ подъ воскресенье вдругъ является онъ ко мнѣ. На батѣ, какъ говорится, лица нѣтъ.—„Что случилось“?—

спрашиваю. — „Уѣзжаю, дорогой Николай Гурьичъ“, отвѣчаетъ онъ.— „Куда? зачѣмъ?“ — „На югъ, въ учителя“. — „Въ учителя?! Да вы, говорю, въ умѣ ли, голубчикъ? что это васъ заставляетъ бѣжать изъ священства?“ — „Да что, говорить,—просто-на-просто—все надоѣло, опостылѣло, да порядочно-таки и усталъ: силъ моихъ не хватаетъ! Когда шелъ въ священники, то думалъ, что отъ меня главнымъ образомъ требуется одно—просвѣщать темный народъ, перевоспитывать его въ духѣ истиннаго православія и улучшать его благосостояніе; теперь же вижу, что этого дѣлать почти некогда; отъ меня обстоятельства требуютъ другого: и день и ночь исправлять требы. Требы отнимаютъ у меня въ годъ двѣ трети времени, остальное беретъ школа. Требы измучили меня, изсушили. Пойдешь по приходу съ молебнами, точно на каторжную работу отпрапляешься: одно и то же, одно и то же, торопливо... кака-то бессмысленная болтовня получается!.. Не спѣшить, вѣдь, нельзя, иначе съ молебномъ полгода проходишь; сокращать молебенъ тоже нельзя: мужикъ плату убавить. Да что говорить! вамъ это все хорошо извѣстно! Вотъ скоро и опять ходъ по приходу, и опять тысячи разъ нужно повторять одни и тѣ же слова, одни и тѣ же дѣйствія подъ-рядъ двѣ недѣли съ утра до вечера. Всякое религіозное чувство тутъ притупится! Къ тому же, и несчастный сборъ содержанія невыносимъ! Нѣтъ ужъ, полно! нужно удирать туда, гдѣ дѣло не сушитъ тебя, и гдѣ даютъ хоть немного отдохнуть и встряхнуться!“... И что же вы думали?—Разстригся и уѣхалъ на югъ въ сельскіе учителя!.. Вотъ до чего доводятъ иныхъ наши безканикулярныя занятія!—закончилъ о. Николай.

— Печальную исторію вы рассказали! Какъ необдуманно поступилъ вашъ товарищъ, поступаая въ священники!—угрюмо сказалъ о. Григорій.

— А я думалъ—вы его пожалѣете?—замѣтилъ о. Николай.

— Что же его жалѣть,—горячо заговорилъ о. Григорій,—когда онъ, какъ говорится, не спросившись броду, сунулся въ воду! Мнѣ не его жаль, а бѣдныхъ прихожанъ: что они могли подумать, видя въ пастырѣ такого вертушку! Сколько религіозно-нравственного ущерба причинилъ имъ такой жалкій духовный отецъ!... Вотъ кого мнѣ жаль!

— Эхъ, отецъ, отецъ! всѣ мы люди, всѣ челоѣки,—вздохнувши сказалъ гость.—А мнѣ, продолжалъ онъ, очень жалко этого неудачника-пастыря! Какимъ добрымъ, милымъ, справедливымъ и образованнымъ былъ онъ священникомъ! Если бы вы его хоть разъ увидѣли, то навѣрно полюбили бы!... Что же—вы хотите, чтобы пастыри были такими же самоотверженными, какъ сами апостолы? Вѣдь этого и требовать-то не возможно!

— Невозможное для челоѣка возможно для Бога!—Конечно, пастырство—подвигъ. Такъ и нужно на него смотрѣть,—замѣтилъ о. Григорій.

— Да много ли такихъ-то, кто, поступая въ священники, считаетъ это служеніе подвижничествомъ? Обыкновенно смотрятъ на мѣсто священника, какъ на болѣе или менѣе доходную профессію.

— Вотъ это-то и не хорошо!—печально сказалъ о. Григорій.

— Прошу покорно чай кушать!—сказала Софья Петровна, появляясь въ дверяхъ кабинета.

За чаемъ разговоръ перешелъ на другія темы. О. Николай въ высшей степени заинтересовался молодыми супругами. Чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ вѣяло, отъ ихъ взглядовъ на жизнь и людей. Какъ далеки они были отъ мелкихъ, узкихъ расчетовъ повседневнаго житья-бытья!—„Слава Богу!—думалъ гость, уѣзжая поздно ночью домой:—міръ грѣшный еще долго просуществуетъ, когда въ немъ встрѣчаются пока такія добрыя и свѣтлыя личности!“.

XIV

Наступила ненастная осень. Богородскій дьяконъ уѣхалъ въ губернской городъ искать другого мѣста и въ концѣ сентября распрощался съ Богородскимъ. Вдовецъ-псаломщикъ безпробудно пьянствовалъ на средства Чумакова, съ которымъ давнымъ-давно уже успѣлъ помириться. Лукавый мужикъ всячески старался вооружать старика противъ о. Григорія—и, конечно, легко, при помощи водки и денегъ, достигалъ этого. Чуть не ежедневно пьяный псаломщикъ подходилъ къ дому о. Григорія, ломился съ бранью въ его двери, а однажды даже перебилъ всѣ стекла въ его кабинетѣ. Въ-место стеколъ пришлось о. Григорію вставить гдѣ дощечку, гдѣ картонъ.

О. Григорій похудѣлъ и поблѣднѣлъ, но духомъ не падалъ; напротивъ, онъ казался теперь рѣшительнѣе и энергичнѣе, чѣмъ прежде; постигшая нужда еще тверже закалила его мужественную душу. Похудѣла до неузнаваемости и Софья Петровна; ея милое, доброе лицо казалось какимъ-то запуганнымъ и страдальческимъ; ей, непривыкшей къ физическому труду, приходилось исполнять въ домѣ всѣ черныя работы, такъ какъ держать прислугу не было средствъ. Гдѣ ужъ тутъ было о прислугѣ думать, когда самимъ зачастую, кромѣ чернаго хлѣба и чая, нечѣмъ было питаться! Однажды въ началѣ октября къ дому о. Григорія подкатила тройка. Изъ тарантаса вышелъ прилично одѣтый мужчина съ красивымъ, добродушнымъ лицомъ и сѣрыми умными глазами. Онъ былъ средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; на видъ ему можно было дать не болѣе 45 лѣтъ. Софья Петровна въ это время что-то дѣлала у крыльца. Взглянувъ на пріѣзжаго, она быстро подбѣжала къ нему и повисла на его шеѣ. Это былъ ея отецъ—Петръ Николаевичъ Сокольскій, вдовецъ,—врачъ, практиковавшій въ губернскомъ городѣ, гдѣ всѣ его любили и уважали. Онъ пріѣхалъ навѣстить молодую чету, отъ которой болѣе двухъ мѣсяцевъ не получалъ никакого извѣстія.

— Дорогая Соня! Да неужели это ты!?—изумленно спрашивалъ Петръ Николаевичъ, обнимая нѣжно любимую дочь:—куда же дѣвался твой здоровый румянецъ? гдѣ же твои пухлыя щечки? Боже мой! да ты просто неузнаваема стала!

Какъ ни любила Софья Петровна отца, но не очень обрадовалась его пріѣзду. У нея мучительно ныло сердце при мысли, что совершенно нечѣмъ угостить дорогого гостя, что нельзя скрыть отъ него той нищеты, до которой они дошли, и которая такъ бросалась въ глаза съ перваго же взгляда. Когда она собирала чай, слезы одна за другой такъ и капали на скатерть.—„Господи!—въ сотый разъ повторяла она про себя:—что мнѣ дѣлать? что я подамъ закусить?“

Опасенія Софьи Петровны сбылись... Гость скоро понялъ, что молодые хозяева терпятъ страшную нищету. Окончательно же онъ убѣдился въ этомъ, когда въ залъ, лишь только всѣ усѣлись за чайный столъ, тихо вошла сгорбленная, подслѣповатая старушка съ добрымъ морщинистымъ лицомъ. Она держала въ обѣихъ рукахъ какую-то посудину, прикрытую холщевой тряпкой. Поставивъ посудину на столъ, старушка истово помолилась на иконы; потомъ приняла отъ о. Григорія благословеніе и сказала:—Будьте здоровы, родимые! Вижу—гость къ тебѣ, батюшка, пріѣхалъ,—обратилась она къ о. Григорью:—дай, думаю, гостинчиковъ вамъ снесу, а то, поди, нечѣмъ гостя-то угощать.

Присутствующіе молча поклонились старушкѣ, а она, снявъ тряпку, прикрывавшую посудину, тихо выложила изъ послѣдней пятокъ яицъ, нѣсколько ржаныхъ лепешекъ и ржаную же съ творогомъ „прѣснуху“.

— Простите, родимые,—беря подъ мышку пустую миску, сказала она и, помолившись снова, тихо удалилась.

Всѣмъ сдѣлалось въ высшей степени неловко. Софья Петровна, нечаянно встрѣтивъ взглядъ отца, не выдержала и убѣжала въ свою спальню, гдѣ, уткнувъ голову въ по-

душки, нервно разрыдалась. О. Григорій, вставъ изъ-за стола и обернувшись къ окну, стоялъ и молчалъ.

— Вотъ что, Григорій Ивановичъ,—заговорилъ суровымъ тономъ врачъ, барабая по столу пальцами:—отпусти, пожалуйста, Соню ко мнѣ навсегда: у васъ, я вижу, творится что-то неладное.

У Петра Николаевича явилось подозрѣніе, что его зять пьянствуетъ, черезъ что и дошелъ до такой нищеты.

— Что же, если Соня согласна, держать я не буду!— глухимъ, сдавленнымъ голосомъ произнесъ о. Григорій и быстро вышелъ изъ комнаты на улицу.

Минуть черезъ десять пришла Софья Петровна; глаза ея были красны отъ слезъ. Отецъ быстрыми шагами ходилъ въ задумчивости по залу.

— Соня! — останавливаясь и смотря въ глаза дочери, заговорилъ онъ:—ты согласна ѣхать ко мнѣ?

— Погостить, папа?

— Хочешь—гости, хочешь—и совсѣмъ жить переселяйся.

— Какъ же это отъ Гриши-то я уѣду? на кого же я его оставляю?—изумленно спросила Софья Петровна.

— Григорій Ивановичъ самъ виноватъ: коли не умѣетъ жить хорошо, пусть одинъ живетъ!—съ сердцемъ произнесъ Петръ Николаевичъ.

— Что ты, папа! Господь съ тобою! въ чемъ же, по твоему, виноватъ мой дорогой Гриша? Я вижу, ты насчетъ его очень, очень ошибаешься!

И Софья Петровна рассказала отцу все, что съ ними произошло за нѣсколько мѣсяцевъ ихъ супружеской жизни.

— Прости меня, Григорій Ивановичъ, что я худо про тебя подумалъ! — такими словами встрѣтилъ Петръ Николаевичъ о. Григорія, который, успокоившись на свѣжемъ воздухѣ, возвратился въ комнату.

— Богъ проститъ, папа!—отвѣчалъ тотъ:—ты предо мной вовсе не виноватъ.

На другой день Петръ Николаевичъ, сунувъ при прощаніи въ руку дочери сторублевую бумажку, уѣхалъ. Онъ просилъ молодыхъ супруговъ всегда писать о своихъ нуждахъ.

И. Горскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Странное дѣло: въ нашихъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ преподается музыка, а между тѣмъ не разучиваются съ ученицами духовныя піесы на роялѣ. Воспитанницы обыкновенно играютъ только польки, вальсы и другіе танцы, а попросите сыграть что-либо изъ церковныхъ пѣснопѣній, онѣ не могутъ, потому что церковныхъ пѣснопѣній учительницы музыки съ ними совсѣмъ не разучивали. Правда, ученицы слишкомъ обременены, помимо уроковъ, еще и послѣобѣденными занятіями—то рукодѣльемъ, то спѣвками, то рисованіемъ, то уроками музыки и т. п., такъ что имъ рѣшительно некогда погулять, подышать свѣжимъ воздухомъ, особенно тѣмъ, которыя состоятъ въ хорѣ; послѣднихъ даже не всегда отпускаютъ домой на Рождественскія и Пасхальныя каникулы. Да и вообще нужно сказать, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не обращается должнаго вниманія на физическое развитіе учащихся. Обыкновенно учащіе и начальствующіе вниманіе обращаютъ главнымъ образомъ на то, чтобы во всѣхъ классахъ пройдены были положенныя программы, а каково учащимся проходить эти программы, до этого какъ будто имъ и дѣла нѣтъ. Одна начальница прогимназіи какъ-то на дняхъ говорила, что если бы ей задавали выучивать то, что задается ученицамъ, она не справилась бы съ уроками.... Бѣдныя дѣти!... Конечно, винить учащихся тутъ не приходится: вѣдь съ нихъ требуется, чтобы пройдены были программы. А выхода поискать было бы не лишнее.

Недавно пришлось слышать отъ одного знакомаго, что священникъ ихъ „на Страстной недѣлѣ совершаетъ службу по 8 часовъ въ день, такъ что физически не возможно выстоять все время, и поневолѣ приходишь на службу не къ началу.“ Но при чемъ же тутъ священникъ? Вѣдь по уставу положено служить такъ долго,—какъ же быть?... Бывали случаи, что на Страстной недѣлѣ даже въ церквахъ, гдѣ служба продолжается не по 8 часовъ, а меньше, нѣкоторые изъ молящихся падали въ обморокъ... По моему слабому разумѣнію, можно бы въ обыкновенныхъ приходскихъ церквахъ не все въ такихъ случаяхъ вычитывать. Хорошо было бы также около стѣнъ въ церквахъ устраивать или ставить для немощныхъ и престарѣлыхъ скамьи на подобіе того, какъ въ монастыряхъ устраиваются для монаховъ особыя стасиды съ сидѣньями.

Хотя уже нѣсколько разъ были и подтверждались указы о томъ, чтобы священники не давали при крещеніи трудныхъ именъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые и по сію пору продолжаютъ давать такія, напр., имена, какъ *Варисавъ*, *Евеллистъ* и т. п.:... Бѣда наша, что указовъ издается масса, но не всегда исполняются эти указы, да и некому слѣдить за ихъ исполненіемъ. Многіе изъ священниковъ, не окончившихъ курса въ духовной семинаріи, даже не знаютъ законоположенія, что назначеніе имени крещаемому предоставлено родителямъ, а не самому священнику.—Жаль, что у насъ нѣтъ особаго полнаго и всесторонняго *руководства* для нашей пастырской дѣятельности, т. е. особой *инструкціи*, какія выработаны въ другихъ вѣдомствахъ. Тогда не требовалось бы издавать массы указовъ и всевозможныхъ разъясненій къ нимъ; меньше, безъ сомнѣнія, и съ нашей стороны допускалось бы ошибокъ и отступленій отъ нашихъ прямыхъ обязанностей.

Свящ. В. Д.

Изъ очередныхъ вопросовъ.

Приносъ въ храмъ и покупка для требъ на дому нецерковныхъ, базарныхъ, свѣчь усиліями духовенства мало по малу начинаютъ исчезать, по крайней мѣрѣ во многихъ уже приходахъ этой покупки и приноса не замѣчается. Однако единичные случаи упорно держатся, и борются съ ними священнику очень трудно по той простой причинѣ, что съ пути этой борьбы не устранены еще всѣ препятствія. Объ одномъ изъ этихъ препятствій мы и намѣрены теперь говорить.

„Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ отъ всѣхъ, приносимыхъ въ жертву Богу, даровъ требовалось, чтобы они были безусловно чисты и не имѣли какого-либо порока (Лев. 22, 21—22); на приносящихъ же въ жертву Богу нечистое, запрещенное закономъ, изречено осужденіе Божіе (Мал. 1. 14)¹⁾. Вотъ чѣмъ главнымъ образомъ мы должны были убѣждать прихожанъ приносить въ церковь чистыя церковныя свѣчи, а не базарныя, нечистыя. Въ такомъ направленіи должны были быть всѣ наши проповѣди на эту тему; въ такомъ духѣ составлены и разосланы по церквамъ образцовыя, примѣрныя поученія на этотъ случай. И уже за этимъ главнымъ аргументомъ должны были слѣдовать другіе, побочные: выгоды для церкви отъ покупки прихожанами церковныхъ свѣчь, назначеніе выручки отъ этихъ свѣчь и проч.

Все это такъ *должно* было быть, но *на дѣлѣ* это происходитъ нѣсколько иначе. Въ дѣйствительности мы вынуждены начинать свои убѣжденія съ конца, съ второстепеннаго, а иногда имъ только и ограничиваться, о главномъ же упоминать только вскользь. Но это сведеніе вопроса съ религіозно-этическихъ высотъ на почву прихода-расхода, коммерческихъ выкладокъ, для простого народа не понятно, и главное—соблазнительно. Длинныя разсужденія о томъ, что выручка отъ продажи свѣчь идетъ на пѣвческіе хоры, обно-

¹⁾ Изъ разосланнаго по церквамъ поученія.

вление церкви и церковной утвари, воспитание будущих пастырей, на разные комитеты и учреждения, бессильны въ сравненіи съ ясной и опредѣленной формулой: „Богу угодно“ или „Богу не угодно“. И тѣмъ не менѣе мы этой формулы произнести не рѣшаемся, не можемъ и начинаемъ присланныя намъ поученія съ конца. И вотъ почему. Укажемъ пока на одну изъ причинъ, которой собственно и посвящается наша замѣтка.

Если говорить о *чистотѣ* приносимыхъ въ жертву Богу даровъ, то ни въ какомъ случаѣ нельзя ограничиваться однѣми свѣчами, потому что въ умахъ слушателей тотчасъ же возникаетъ вопросъ, почему же только однѣ свѣчи должны быть чисты, а наприм., масло лампадное, ладанъ, вино могутъ быть самаго сомнительнаго качества. Да и въ приводимыхъ въ доказательство библейскихъ словахъ идетъ рѣчь о чистотѣ *всѣхъ* приносимыхъ Богу даровъ, а не о какихъ-нибудь опредѣленныхъ; поэтому только о чистотѣ *всѣхъ* даровъ и можно заводить съ народомъ рѣчь, иначе наше исключительное вниманіе и пристрастіе къ свѣчѣ будетъ ему непонятно, или же зародитъ въ немъ недоувѣріе къ искренности нашихъ словъ. Говоря о чистотѣ приносимыхъ въ церковь даровъ и ограничивая эту чистоту однѣми свѣчами, мы становимся въ фальшивое положеніе, впадаемъ въ противорѣчіе, на которое намъ, при случаѣ, и указываютъ, и изъ котораго мы безъ натяжекъ не можемъ выпутаться. Этимъ и пользуются продавцы базарныхъ свѣчъ.

Покупаешь у такого торговца прихожанинъ для церкви лампадное масло. „Купи кстати и фунтикъ свѣчъ, предлагаетъ продавецъ: свѣчи, смотри, самыя настоящія, и красная нить имѣется“. — „Намъ этого нельзя: батюшка запретилъ, отнѣживается прихожанинъ, да и не чистыя онѣ у тебя, Богу не угодныя“, повторяетъ онъ слышанныя отъ священника слова. — „Заладилъ поповы рѣчи, — нечистыя, Богу негодныя; а масло-то это, какъ ты думаешь, чистое?“ — „А Богъ его знаетъ; должно быть чистое, потому батюшка ничего, — при-

нимаешь, да и ктиторъ нашъ, кажись, у тебя беретъ".— „Ктиторъ точно у меня беретъ, батюшка вашъ молчитъ—это вѣрно; только на счетъ чистоты ты у меня спроси, какая она есть. Какая чистота въ немъ, въ маслѣ-то этомъ! Извѣстно, масло дешевое, откуда ему чистому-то быть. Тутъ, можетъ, не одно, а двадцать сортовъ понамѣшано, и жиръ разный туда жида понапишаютъ. Вотъ оно что. Батюшка твой самъ это знаетъ, а молчитъ, потому что ему не чистота нужна, а торговать своему свѣчному заводу нужно дать. Кабы чистота,—не покупалъ бы, а давалъ бы свое чистое... Такъ не возьмешь ли, милый, свѣчъ фунтикъ?"— „Оно какъ будто такъ выходитъ, соглашается прихожанинъ: только свѣчъ не возьму,—Богъ съ ними, батюшка не приметъ. Ну, ихъ!" Это сцена съ натуры. Разговоръ приведенъ почти буквально. Какъ послѣ этого рѣшится убѣждать прихожанъ, да еще изъ Писанія, въ необходимости для однихъ даровъ (свѣчъ) чистоты, когда другіе завѣдомо нечистые самъ позволяешь покупать и приносить въ церковь? Для того, чтобы мы могли съ чистой совѣстью говорить въ своихъ поученіяхъ о необходимости чистоты даровъ, приносимыхъ въ церковь, чтобы въ требованіяхъ этой чистоты мы могли быть послѣдовательными, необходимо, чтобы у насъ была возможность предлагать *всѣ* приносимые и употребляемые въ церкви въ настоящее время дары дѣйствительно въ чистомъ видѣ, а не однѣ только свѣчи. Во многихъ епархіяхъ уже заведена, кромѣ свѣчъ, продажа оливкового масла, ладону, вина, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ устроены даже склады церковной утвари. (Киш. еп. в., 1904, № 10).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 29-го мая 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 13-го іюня.

Содержаніе: Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ.—Подвигъ. (Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства) (продолженіе).—Примѣръ, достойный подражанія.

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ.

Кромѣ обязанностей священнодѣйствія, или дѣятельности тайносовершительной, на священника возлагаются еще обязанности въ собственномъ и тѣснѣмъ смыслѣ пастырскія, требуется отъ него дѣятельность, имѣющая мѣсто главнымъ образомъ внѣ храма. Пастырь есть не только совершитель богослуженія, требосправитель и церковный ораторъ, онъ еще и духовный руководитель своихъ пасомыхъ, ихъ воспитатель и душепопечитель.

Пастырское служеніе очень высокое и требуетъ самаго тщательнаго отношенія къ нему. Величіе пастырства откры-

вается, по мнѣнію св. Іоанна Златоуста, изъ того, что пастырь является руководителемъ и блюстителемъ словеснаго стада Христова, которое Божественный Учитель купилъ цѣною Своей пречистой Крови и крестныхъ страданій,—а также изъ того, что это служеніе является выраженіемъ и доказательствомъ, съ одной стороны, любви пастыря къ своему Владыкѣ, а съ другой—знакомъ довѣрія и высочайшей награды отъ Спасителя самому пастырю. Когда св. ап. Петръ, на вопросъ Спасителя: *любиши ли Мя?* отвѣчалъ, что любить, то Господь сказалъ ему: *паси овецъ Моя*, и тѣмъ далъ понять какъ самому ап. Петру, такъ и всѣмъ вообще пастырямъ Церкви, что *пасеніе овецъ* (словеснаго стада) весьма важно въ очахъ Божіихъ ¹⁾. И дѣйствительно, пасти людей, т. е. учить ихъ отъ самаго ранняго возраста и до кончины истинамъ христіанской вѣры и нравственности — притомъ учить не словомъ только, а дѣлами и жизнію, такъ, чтобы сдѣлать ихъ достойными членами Божественной Главы, *народомъ избраннымъ*, участниками вѣчной и блаженной жизни,—это такая обязанность, которую не всякій можетъ выполнить удовлетворительно, а только *избранные*. Насколько пастырское служеніе трудно, можно видѣть изъ того, что св. Златоустъ называетъ его непрерывнымъ мученическимъ подвигомъ. „Добрый пастырь, каковымъ онъ долженъ быть по заповѣди Христовой,—говоритъ св. отецъ,—подвизается не менѣе тысячи мучениковъ. Мученикъ умеръ за Христа однажды, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ быть долженъ, тысячекратно умираетъ за стадо. Ему каждый день можно умирать... Поэтому, и Христось, ввѣряя стадо Свое первоверховному изъ апостоловъ, предварительно спрашивалъ: *любиши ли Мя?* чтобы ты уразумѣлъ, что попеченіе о стадѣ Христовомъ поставляется преимущественнымъ признакомъ любви къ Самому Христу; потому что для этого нужна мужественная душа ²⁾).

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 27 и дал. Перев. прот. Колоколова. Спб. 1836.

²⁾ Толк. на посл. къ Римл., б. 29, стр. 669—670. М. 1844 г.

Чтобы лучше выяснить трудность и величіе пастырскаго служенія, св. Златоустъ сравниваетъ это служеніе съ обыкновеннымъ *пасеніемъ* безсловеснаго стада и обязанности пастыря Церкви съ обязанностями обыкновеннаго пастуха. У того и другого стада, а равно у пастырей этихъ стадъ есть внѣшніе враги. На обыкновенныя стада, напр., могутъ нападать (и дѣйствительно нападаютъ) хищныя звѣри и злые люди и причинять имъ вредъ, или похищая, или разгоняя овецъ. Пастуху бываетъ иногда трудно защищать свое стадо отъ подобныхъ нападений; въ худшемъ случаѣ онъ можетъ лишиться какого-нибудь животнаго, а самъ поплатиться или собственнымъ здоровьемъ, или же цѣлостью какого-либо члена своего тѣла, но въ томъ и другомъ случаѣ онъ сохранить, по крайней мѣрѣ, свою душу. Не то бываетъ съ пастыремъ Церкви. И прежде всего, у пастыря Церкви гораздо опаснѣе внѣшніе враги. „Онъ сражается,—говоритъ св. Златоустъ,— не съ волками, страшится не разбойниковъ, но съ кѣмъ онъ воюетъ? съ кѣмъ у него брань? — Послушай, что говоритъ бл. Павелъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержателемъ тмы въпа сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12)¹⁾. Итакъ, пастырю предстоитъ сражаться съ исконымъ врагомъ рода человѣческаго — діаволомъ, который *яко левъ, рыкая, ходитъ, искій кого поглотити*. И такія *хожденія* не прекращаются ни на одну минуту, а потому пастырь всегда долженъ опасаться его и быть наготовѣ. Кромѣ внѣшнихъ враговъ, у пастыря Церкви множество враговъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ, гнѣздящихся въ душахъ ввѣренныхъ ему людей. Къ такимъ врагамъ относятся всѣ такъ называемыя *болѣзни душевныя*—многочисленные и многоразличные пороки. Правда, заболѣваютъ иногда и овцы безсловеснаго стада, и пастуху приходится ихъ тогда лѣчить; но это лѣченіе далеко не такъ трудно и сложно, какъ лѣченіе болѣзней душевныхъ,

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 30—31; ср. стр. 205—209.

внутреннихъ, и требуетъ далеко не такихъ усилій, знанія и опытности, какихъ требуетъ лѣченіе пороковъ людскихъ. Болѣзнь внѣшняя (физическая) открыта и скорѣе поддается діагнозу, чѣмъ болѣзни внутреннія (душевныя), съ какими обыкновенно приходится имѣть дѣло пастырямъ Церкви. Пастухъ, когда заболѣетъ стадо, можетъ запереть его и не выпускать, можетъ даже дать какого-нибудь лѣкарства и *заставить* употребить его; вообще, при лѣченіи овецъ безсловеснаго стада можно примѣнять въ той или другой степени *насиліе* и *принужденіе*, по своему усмотрѣнію. Не таково положеніе дѣла въ отношеніи къ больнымъ людямъ. И, во-первыхъ, пастырю Церкви бываетъ трудно найти подходящее для болѣзни лѣкарство, потому что болѣзни душевныя скрыты и трудно поддаются распознаванію. Но—допустимъ—болѣзнь опредѣлена вѣрно, и лѣкарство найдено; однако, этимъ еще далеко не устранены всѣ трудности предстоящаго лѣченія. Вѣдь пастырь не можетъ *насилію* заставить подчиниться своему духовному лѣченію и принять предписанныя лѣкарства,—онъ можетъ убѣждать, побуждать, а не *принуждать*. Убѣжденіе же—дѣло слишкомъ сложное, трудное и дѣйствуетъ, по большей части, очень медленно. А между тѣмъ, только путемъ убѣжденія и можно (и должно), по словамъ св. Іоанна Златоуста ¹⁾, лѣчить грѣшниковъ. Потомъ, нужно еще съ большимъ умѣніемъ и осторожностію предлагать больнымъ самое лѣкарство, потому что въ противномъ случаѣ вмѣсто пользы можно причинить больному вредъ. „Если снисходительно поступить съ тѣмъ, кого должно подвергнуть лѣченію жестокому, и не разрѣзать глубже раны тому, кто имѣетъ въ семь нужду, то рана частію заживетъ, а частію нѣтъ. Если же надлежащій опытъ произвести безъ всякой пощады, случится можетъ—и часто случается, что больной, не вытерпѣвъ мученія и вдругъ отвергнувъ все лѣкарство и всѣ привязи, стремительно низвергаетъ себя въ бездну, сбрасывая иго и

¹⁾ См. напр., Слова о священствѣ, стр. 33—34.

разрывая узы... Опредѣлять наказаніе по мѣрѣ грѣховъ должно не безъ разсужденія и не произвольно, но спрашивать на то согласія согрѣшившихъ, дабы, зашивая прорѣху, не сдѣлать большей дыры и, поднимая падшаго, не ввергнуть его въ пропасть“ ¹⁾).

Столько трудностей представляется пастырю Церкви въ дѣлѣ врачеванія и вообще въ дѣлѣ водительства ввѣреннаго ему стада, т. е. тѣхъ людей, которые, хотя и грѣшны, однако находятся *во дворѣ*, не отпали отъ союза съ Церковію Христовою и не совратились съ истиннаго пути въ сторону ересей и расколовъ. А сколько ихъ является, когда пастырю приходится бороться съ отпавшими отъ Церкви и возвращать этихъ послѣднихъ на истинный путь жизни?!.. Въ данномъ случаѣ св. Златоустъ употребляетъ то же сравненіе, чтò и прежде. Онъ говоритъ: „Овцы идутъ въ слѣдъ пастыря своего. Если же какія и уклоняются отъ своего пути и, удалившись отъ злачной пажити, блуждаютъ на неплодородныхъ и утесистыхъ мѣстахъ, то слѣдуетъ только затрубить въ пастушескій рогъ, и заблудившіяся, собирався на зовъ, опять присоединятся къ стаду. Но если человѣкъ совратится съ пути правыя вѣры, много предлежитъ пастырю труда, терпѣнія, неутомимости. Человѣка нельзя ни силою влечь, ни страхомъ принуждать; но должно убѣжденіемъ возвращать его на истинный путь, съ котораго онъ уклонился“ ²⁾. Значительно легче было бы пастырю, если бы отдѣлвшіеся отъ Церкви и внавшіе въ ересь и расколъ, оставляли въ покоѣ вѣрныхъ чадъ Христовыхъ: тогда пастырю не было бы нужды опасаться ихъ, какъ враговъ своего стада; единственно, что ему слѣдовало бы предпринимать въ отношеніи къ нимъ, это—увѣщаніе возвратиться въ лоно Церкви и молитву къ Богу о такомъ возвращеніи. О борьбѣ съ ними тутъ не было бы и рѣчи. Но обыкновенно уклонившіеся въ ересь или расколъ

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 35.

²⁾ Тамъ-же, стр. 37.

стараятся совратить на путь своихъ лжеученій и вѣрныхъ членовъ Христовой Церкви, и потому вступають съ пастыремъ въ борьбу. Послѣднему приходится не только ограждать свою паству, но и нападать на враговъ, потому что, не поражая противниковъ, не возможно утвердить еще не отпавшихъ отъ Церкви. А это уже двойной трудъ, часто весьма обременительный, такъ какъ нерѣдко отпавшіе отъ Церкви бываютъ сильны и дѣйствуютъ къ тому же энергично.

Трудность пастырскаго служенія значительно увеличивается еще и тѣмъ, что у пастыря Церкви слишкомъ много духовныхъ чадъ, различающихся между собою не только по индивидуальнымъ способностямъ, но и по положенію, и по званію, и по возрасту. Чтобы хорошо управлять такимъ разнороднымъ стадомъ, нужно знать всѣхъ и каждого,—а развѣ это не трудно? Да и возможно ли ¹⁾? Между тѣмъ за каждую душу пастырь долженъ дать отвѣтъ Богу ²⁾.

Обязанности пастыря значительно упростились бы и облегчились, если бы ему нужно было ограждать отъ нападеній и паденій только своихъ пасомыхъ; но вѣдь онъ и самъ имѣетъ слабости и открытъ нападеніямъ врага болѣе, чѣмъ кто-либо другой, потому что врагъ всегда старается побороть главу, чтобы затѣмъ легче было *распудить* овецъ. И такъ, руководя другими, пастырь и самъ долженъ идти всегда вѣрнымъ путемъ; сражаясь за другихъ, онъ въ то же время долженъ еще защищать и себя самого, слѣдовательно—долженъ нести двойное бремя. Но трудно пастырю не поддаться искушеніямъ и не пасть, когда отовсюду—большіе соблазны. И что всего опаснѣе,—врагъ рода человѣческаго можетъ обращать во зло для человѣка, повидимому, самые безвредные предметы, можетъ искушать пастыря даже и тогда, когда послѣдній исполненъ самыхъ благихъ намѣреній и занятъ отпавленіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей. „Нельзя

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 80, 174—175.

²⁾ Тамъ-же, стр. 168.

предстоятелю,—говорить св. Златоустъ,—пасущему все стадо, заботиться о пасомыхъ—о мужахъ и оставить въ небреженіи женъ, которыя преимущественно требуютъ заботливости по причинѣ удобопреклонности къ порокамъ. Но принявшій на себя епископство (а также и санъ священника ¹⁾) долженъ заботиться и о ихъ здравіи если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и о здравіи мужей; обязанъ навѣщать ихъ во время болѣзни, утѣшать во время печали, обличать нерадивыхъ, подавать помощь бѣдствующимъ. А при исполненіи таковыхъ обязанностей хитрый врагъ можетъ найти много тайныхъ путей, если кто не оградилъ себя крѣпкой оградой. Ибо и взоръ не только невоздержной, но и цѣломудренной жены поражаетъ и смущаетъ душу, и ласки обольщаютъ, и честь порабощаетъ. И пламенная любовь—это начало всѣхъ благъ—дѣлается источникомъ безчисленныхъ золь для тѣхъ, которые неправильно пользуются ею²⁾. Такимъ образомъ, при обращеніи съ женскимъ поломъ пастырю Церкви представляется много случаевъ искушаться, и потому много ему нужно самообладанія, чтобы выйти побѣдителемъ изъ всѣхъ ухищреній и хитросплетеній діавола. И замѣчательно,—соблазны для пастыря идутъ не только со стороны тѣхъ женщинъ, которыя привлекательны лицомъ, обладаютъ граціей, пріятнымъ голосомъ, украшаютъ себя богатыми одеждами, дорогими камнями и т. п. принадлежностями женскаго туалета, но и со стороны тѣхъ женщинъ, которыя не представляютъ изъ себя ничего необыкновеннаго, даже не красивы на видъ и бѣдны. До такой степени силенъ и хитеръ

¹⁾ Мы говоримъ такъ потому, что, по словамъ св. Златоуста (Бес. на 1 Тим. б. XI, стр. 144), „не велико разстояніе между епископами и пресвитерами. И вторые получили тоже даръ учительства и также суть предстоятели Церкви.. Ибо епископы однимъ только правомъ совершать рукоположеніе выше пресвитеровъ, и въ этомъ одномъ заключается ихъ видимое преимущество предъ пресвитерами“.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 188—189.

врагъ рода человѣческаго“¹⁾, и до такой степени немощна при-
рода человѣческая,—замѣтимъ мы съ своей стороны.—Но
положимъ, пастырь цѣломудренъ, хорошо исполняетъ свой
долгъ,—гарантированъ ли онъ отъ паденій въ этомъ случаѣ?—
Далеко нѣтъ. Пастырь, въ силу того, что онъ—священникъ,
облеченъ высокимъ саномъ, пользуется уваженіемъ среди па-
сомыхъ и сослуживцевъ, которые невольно воздаютъ ему знаки
почтенія. Его репутація и авторитетъ еще болѣе возвыша-
ются, коль скоро онъ безукоризненно подвизается на своемъ
поприщѣ; его чаще и открыто хвалятъ, къ нему скорѣе обра-
щаются за совѣтами и т. д. Повидимому, все это прекрасно
и не заключаетъ въ себѣ ничего опаснаго, а между тѣмъ
здѣсь-то и можетъ быть для пастыря опасность, здѣсь-то и
возможно ему споткнуться. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы пастырь
ни былъ остороженъ въ отношеніи къ почестямъ со стороны
своихъ ближнихъ, едва ли однако возможно, чтобы и такой
пастырь былъ совершенно равнодушенъ къ похваламъ соб-
ственной дѣятельности и жизни. „Быть хвалиму и не чув-
ствовать удовольствія,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—бы-
вало ли это когда-нибудь хотя бы и съ однимъ человѣкомъ!
Но чувствующій удовольствіе, конечно, пожелаетъ и насла-
ждаться тѣмъ, что приноситъ ему удовольствіе“²⁾. Отсюда
вполнѣ естественно предположить, что и у добраго пастыря
бываютъ такія минуты, когда онъ, размышляя о прошедшей
своей жизни и устремляя взоръ свой въ будущее, останавли-
вается мыслию и на тѣхъ почестяхъ, какія воздаются ему
признательными духовными чадами, и, совершенно незамѣтно
для себя, можетъ быть, осѣняя даже себя крестнымъ знаме-
ніемъ, скажетъ: „Достоинъ дѣлатель мзды своей; мнѣ есть
что сказать Господу моему на страшномъ судѣ Его: я неда-
ромъ прожилъ свой вѣкъ. Какъ отрадно видѣть, что нѣтъ
недовольныхъ мною людей, какъ хорошо на душѣ, что съ

¹⁾ Тамъ же, стр. 171—172.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 156—157.

своими прихожанами я прожилъ безъ столкновений и пререканий!“ и т. д. Такія думы вполне естественны и, пожалуй, съ человѣческой точки зрѣнія не предосудительны, но онѣ не совсѣмъ безопасны и могутъ принять дурной оборотъ, если пастырь увлечется ими. Легко можетъ статься, что онъ преувеличитъ значеніе своей дѣятельности, возмнитъ о себѣ болѣе, чѣмъ должно, и тогда—горе! вмѣстѣ съ самовосхваленіемъ у пастыря можетъ явиться духъ гордыни и нетерпимости къ ближнимъ, а тамъ незамѣтно подкрадется и безпечность...

Но искушенія для пастыря, честно трудящагося на нивѣ Божіей, могутъ быть и съ иной стороны. Нѣтъ такого чело-вѣка, а слѣдовательно и пастыря, которымъ бы всѣ были довольны и котораго бы всѣ одобряли,—у каждаго есть враги. Относительно пастыря это должно сказать по преимуществу. Онъ возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе и зависть уже по тому одному, что облеченъ высокимъ саномъ и большою властію, пользуется почтеніемъ многихъ людей¹⁾. Неудовольствіе усиливается, коль скоро пастырь не потакаетъ недостаткамъ ни своихъ пасомыхъ, ни своихъ сослуживцевъ, а караетъ ихъ. И вотъ опять для пастыря искушеніе.—Невозможно, конечно, чтобы пастырь, видя такое неудовольствіе и противленіе своей власти, оставался спокойнымъ. Нисколько не будетъ удивительно, если онъ, потерявъ терпѣніе, употребитъ, наконецъ, строгія мѣры по отношенію къ недовольнымъ и строптивымъ. А между тѣмъ, это уже будетъ не согласно съ званіемъ и достоинствомъ пастыря, какъ служителя алтаря и вѣстника мира, и будетъ противорѣчить духу христіанства, по которому обращать на лучшей путь жизни нужно убѣжденіемъ и съ кротостію, а не принужденіемъ и съ гнѣвомъ.—И много вообще пастырь можетъ встрѣтить искушений на своемъ многотрудномъ жизненномъ пути.

¹⁾ Слова о священствѣ. стр. 83—84; ср. стр. 85—86.

Но съ какими бы трудностями и опасностями ни соединялось *пасеніе* словеснаго стада Христова, священникъ никоимъ образомъ не долженъ уклоняться отъ этого великаго дѣла, разъ онъ взялся за него. О какомъ бы то ни было покоѣ, а тѣмъ болѣе о наслажденіяхъ жизни, пастырю и думать нечего: его жизнь должна быть постояннымъ подвигомъ. „Настоящее время,—говоритъ св. Златоустъ,—есть время борьбы, сраженія, скорбей, воздыханій, есть поприще подвиговъ. Время покоя будетъ послѣ, а теперь—время усилій и трудовъ. Никто, раздѣвшись и помазавшись для борьбы, не думаетъ о покоѣ. Если же ты желаешь покоя,—продолжаетъ св. отецъ,—то для чего и раздѣлся, для чего устремляешь руки противъ врага?“¹⁾ Лучше ужъ не браться за такое дѣло, разъ оно не подъ силу, чѣмъ, взявшись, становиться наемникомъ, а не пастыремъ добрымъ, какимъ Христосъ заповѣдалъ быть всякому пастырю Его стада. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на пастырей, св. Златоустъ обращаетъ ихъ вниманіе на примѣръ пастуховъ безсловеснаго стада. „Представимъ себѣ,—говоритъ онъ,—сколько тягостныхъ трудовъ переносятъ овчіе пастухи въ Каппадокійской странѣ, ходя за безсловесными! Часто, занесенные снѣгомъ, по три дня сряду остаются они въ такомъ положеніи. Сказываютъ также, что не меньше бѣдствій терпятъ пастухи и въ Ливіи, по цѣлымъ мѣсяцамъ скитаясь по непроходной пустынѣ, наполненной самыми свирѣпыми звѣрями. А ежели столько заботъ бываетъ о безсловесныхъ, то какое извиненіе будемъ имѣть мы, когда намъ ввѣрены разумныя души, а мы спимъ такимъ глубокимъ сномъ? Можно ли тутъ думать объ отдыхѣ? Можно ли искать покоя? Напротивъ, для этихъ овецъ не нужно ли идти куда бы то ни было и предаваться тысячѣ смертей? Развѣ не знаете цѣны этого стада? Чего не сдѣлалъ для него твой Владыка? Не пролилъ ли даже Своей крови, а ты ищешь успокоенія? Что же можетъ быть хуже такихъ пастырей? Не

¹⁾ Бес. на 2 Тим., б. VIII, стр. 115—116. СПб. 1859 г.

подумаешь о томъ, что Христово стадо окружено волками, которые злѣе и свирѣпѣе ливійскихъ? Не представишь самъ себѣ, какую душу должно имѣть тому, кто приѣмлетъ на себя начальство въ Церкви? Народные правители, совѣщааясь о дѣлахъ маловажныхъ, не только дни, но и ночи проводятъ въ бодрствованіи; а мы, подвизающіеся для неба, спимъ и днемъ! Кто-жъ послѣ этого избавить насъ отъ наказанія за такую безпечность? Если бы даже стали у насъ рѣзать тѣло, если бы предстояли намъ тысячи смертей, не надлежало ли бы намъ спѣшить на все это, какъ на торжество? — 1) Вотъ почему св. Златоустъ пастырство называетъ мученичествомъ, а добрыхъ, истинныхъ пастырей — мучениками 2). Такимъ и былъ въ дѣйствительности ап. Павелъ въ своей пастырской дѣятельности. „Послушай, что онъ говоритъ: „кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся“ (2 Кор. 11 29) 3). Онъ не думалъ о покоѣ и не боялся трудовъ, — нѣтъ, онъ очень горячо относился къ своимъ пасомымъ. „Паденія другихъ, говоритъ онъ, усиливаютъ мои собственныя страдапія“ 4). Вотъ ему-то и должны подражать пастыри стада Христова, а не думать о покоѣ. — Подражая ему, еще можно снискать благоволеніе Божіе, потому что ничѣмъ не возможно такъ угодить Богу, какъ добрымъ пастырствомъ 5). Самою добродѣтельною можетъ быть только жизнь того человѣка, который живетъ для другихъ 6). А пастырь болѣе другихъ имѣетъ возможность служить ближнимъ, жить, исключительно для нихъ; въ этомъ заключается главный смыслъ его существованія. Съ другой стороны, „величайшая степень нечестія и причина всѣхъ золъ заключается въ

1) Толк. на посл. къ Римл., б. 29, стр. 668—669; ср. Б. на кн. Быт., б. 57 стр. 292—293. Ч. III, СПб. 1853 г.

2) Тамъ же, б. 29, стр. 670; Ч. II, СПб. 1852 г.

3) Тамъ же, 7. т, б. 57, стр. 292.

4) Бесд. на кн. быт. Ч. III, б. 57, стр. 292.

5) Слова о священствѣ, стр. 27, 28 и дал.

6) Тамъ же, стр. 192

томъ, что пастыри не пасутъ своихъ овецъ“¹⁾. Вотъ почему ожидаетъ геенна огненная всѣхъ тѣхъ пастырей, которые не заботятся о своихъ пасомыхъ и не исполняютъ надлежащимъ образомъ всего, что до нихъ касается²⁾.

К. Б—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Бес. на Ев. отъ Иоанн., Ч. II, б. 60, стр. 165. СПб. 1855 г. и 1862 г.

²⁾ Бес. на Ев. отъ Иоанн., б. 86, стр. 524—525.

³⁾ См. № 22 за 1904 г.

Ш о д в и г ь ³⁾.

(Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства).

XV.

Зима въ томъ году началась ранѣе обыкновеннаго, и пришла она съ обильнымъ снѣгомъ и 30-градусными морозами. Послѣ Введенія о. Григорій и его супруга часовъ около 7 вечера возвращались на заморенной наемной клячкѣ изъ уѣзднаго города, куда ѣздили по домашнимъ дѣламъ. Дорога отъ города и до села Овсянникова, лежащаго почти на серединѣ пути (въ 8 верстахъ отъ Богородскаго), шла, причудливо извиваясь, строевымъ ельникомъ, принадлежащимъ извѣстному богачу, графу Z. Какъ хорошо было здѣсь! Стройныя ели, тѣснясь толпой у дороги, выступали съ обѣихъ сторонъ громадными стѣнами, сходящимися въ выси! Нѣжно-матовый свѣтъ волшебницы - луны, пробираясь въ просвѣты верхушекъ елей, падалъ мягкими, серебристыми лучами на дорогу, деревья и путниковъ; заглядывалъ онъ, гдѣ было можно, и въ темную дремучую чащу. Гдѣ падалъ лучъ этого свѣта, тамъ узорчатая пелена, изящно сотканная морозомъ изъ инея и снѣга, загоралась милліардами чудныхъ миньютюрныхъ огоньковъ! И казалось, что весь таинственный и молчаливый боръ наполненъ тысячами разнообразнѣйшихъ мраморныхъ изваяній, изобильно осыпанныхъ самыми рѣдкостными

¹⁾ Бес. на Ев. отъ Иоанн., Ч. II, б. 60, стр. 165. СПб. 1855 г. и 1862 г.

²⁾ Бес. на Ев. отъ Иоанн., б. 86, стр. 524—525.

³⁾ См. № 22 за 1904 г.

драгоценными камнями! Все было похоже на какой-то сказочный сонъ! О. Григорій и жена его, очарованные такою картиной, остановили даже свою лошаденку на одной полянкѣ и съ восторгомъ смотрѣли кругомъ.

— Господи! Какъ хорошъ бѣлый свѣтъ, и какъ не похожи на него злые люди! — невольно вырвалось изъ груди молчавшей почти всю дорогу Софьи Петровы, когда они подъѣзжали къ Овсянникову.

Въ этомъ селѣ было около 15 дворовъ, расположившихся поодаль отъ небольшой каменной церкви. Почти у самой церковной ограды стоялъ, окруженный липами и березами, деревянный домикъ священника.

— Добро пожаловать! — встрѣчалъ гостей радушный хозяинъ: — какими это судьбами вы, наконецъ, попали ко мнѣ? — стоя съ лампой въ рукахъ среди передней и освѣщая раздѣвавшихся пріѣзжихъ, говорилъ онъ.

— Пожалуйте, пожалуйста! — продолжалъ обрадованный о. Николай, проводя гостей въ залъ. За круглымъ чайнымъ столомъ сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина, съ длинными темными волосами на головѣ. У него было круглое, съ небольшою русою бородкой лицо, симпатичные голубые глаза, добродушно-ласково смотрѣвшіе черезъ синеватыя стекла золотого пенснэ. Это былъ участковый земскій врачъ, жившій въ селѣ Воскресенскомъ. О. Николай познакомилъ гостей съ врачомъ и попросилъ Софью Петровну заняться чаемъ.

— Вотъ, Цавель Петровичъ, — въ полушутливой формѣ обратился хозяинъ къ врачу, кивая головой на о. Григорія, — рѣдкій экземпляръ сельскаго батюшки: онъ лучше согласится съ голоду умереть, чѣмъ потребовать плату за требоисправление!

— Неужели? — спросилъ врачъ, улыбаясь. И онъ внимательно посмотрѣлъ на о. Григорія, который видимо сконфузился.

— Я лгать не люблю! — уже серьезно сказалъ о. Николай: — помилуйте! на такомъ богатомъ приходѣ, какъ Бого-

родскій, онъ терпитъ страшную нужду! И ради чего? Хочетъ мужиковъ на свой ладъ переломить; но, по-моему, скорѣе стѣну лбомъ прошибешь, чѣмъ отъ крестьянъ добьешься какого толку! Вѣдь они ни на волосъ не довѣряютъ священнику!

— Въ самомъ дѣлѣ вы не берете за требы?—обратился врачъ къ о. Григорію.

— Если даютъ что—беру, не даютъ—не спрашиваю,—отвѣтилъ тотъ.

— Что-жъ, это и прекрасно! такъ и слѣдуетъ!—глядя на о. Николая, сказалъ врачъ.

— Прекрасно! такъ и слѣдуетъ! — передразнилъ его тотъ:—хорошо вамъ такъ говорить, когда вы ежемѣсячно аккуратно получаете жалованья 125 рубликовъ! Попробовали бы вы въ нашей шкурѣ побывать, такъ не то бы запѣли, дорогой мой Павелъ Петровичъ!

— Позвольте, батюшка! — возражалъ врачъ: — вѣдь и дѣла-то у васъ не много—можно, стало быть, землей заниматься и ею жить; намъ же земли не полагается, да и некогда было бы ею заниматься!

— Вотъ такъ ловко! Имъ, врачамъ, некогда землю обрабатывать, а у насъ, видите ли, свободнаго времени много!.. А я и земледѣліе-то потому бросилъ, что совершенно некогда мнѣ заниматься! Цѣлый день на работѣ: то въ храмѣ, то въ приходѣ, то въ школѣ! Иной разъ пообѣдать не удастся по суткамъ!

— Да ужъ не каждый же день такъ заняты?—возразилъ врачъ.

— Почти ежедневно,—замѣтилъ о. Николай.

— Да, это правда: дѣла у насъ хоть отбавляй!—подтвердилъ со своей стороны и о. Григорій.

— Въ такомъ случаѣ, почему же не назначать въ каждый приходъ по викарному священнику?—спросилъ врачъ.

— Часъ отъ часу не легче!—всплеснувъ руками, сказалъ старикъ:—и одному-то священнику на приходѣ иной разъ жить нечѣмъ, а тутъ еще и викарнаго!

— Въдь при 700 душахъ мужескаго пола, кажется, полагается дьяконъ,—продолжалъ врачъ:—вотъ вмѣсто дьякона и назначать бы на такія мѣста младшаго священника: пусть онъ исправлялъ бы требы, а настоятель занимался бы учительствомъ и въ храмѣ и школѣ.

— А дьяконовъ, по-вашему, не нужно бы?—спросилъ о. Григорій.

— Въ дьяконы посвятить псаломщиковъ, и послѣднее званіе вовсе уничтожить. Въ будни дьяконъ править за псаломщика, а въ праздникъ дьякономъ служить. При этомъ, младшій священникъ получалъ бы дьяконскій доходъ, а дьяконъ—псаломщическій.

— Вотъ ужъ, воистину, со стороны-то виднѣе:—воскликнулъ о. Николай:—ваша мысль очень дѣльная!

— Да, тогда бы было не дурно!—задумчиво произнесъ о. Григорій.

— Эхъ, господа!—сказалъ о. Николай:—мало ли иной разъ мыслей въ голову приходитъ! Вотъ, напр., недавно у меня родилась идея такого рода: собрать со всего уѣзда свою братію—священниковъ, да сообща и составить бумагу на имя земскаго собранія съ просьбой, чтобы земство обложило всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ по 60 коп. съ души и выдавало бы духовенству ежемѣсячное жалованье изъ этихъ средствъ.

— Ну, эта мысль ваша не удачна,—замѣтилъ врачъ.

— Почему же?—спросилъ о. Николай.

— Почему? Да по той причинѣ, что земству нѣтъ никакого дѣла до духовенства. Съ какой это стати оно возьметъ на себя эту лишнюю обузу?—сказалъ Павелъ Петровичъ:—у земства много другихъ заботъ: просвѣщеніе народа, поднятіе его благосостоянія, медицинское дѣло и масса прочихъ.

— По-вашему,—сказалъ о. Николай,—учить грамотѣ, лѣчить народъ, строить дороги—болѣе важныя заботы, чѣмъ само православіе?

— Православіе—само по себѣ, а земское дѣло—само по себѣ,—отвѣчалъ врачъ.

— Вотъ какъ!—разгорячившись промолвилъ о. Николай:—недаромъ, благодаря такимъ разсужденіямъ нашей интеллигенціи, дѣло дошло до того, что пастыри должны или съ голоду умирать, какъ, напр., о. Григорій,—и о. Николай посмотрѣлъ въ сторону послѣдняго,—или же превратиться въ ремесленниковъ и попрошакъ! Даже самое слово „попъ“ опознано и сдѣлалось синонимомъ человѣка жаднаго, грубаго и корыстолюбиваго!—съ сердцемъ закончилъ онъ.

— Мнѣ думается,—заговорилъ о. Григорій,—православное духовенство такъ низко пало во мнѣніи мірянъ, главнымъ образомъ, совсѣмъ по инымъ причинамъ. Если бы изъ среды многомилліоннаго русскаго народа всѣ люди, имѣющіе призваніе къ пастырскому служенію, имѣли свободный доступъ въ духовное званіе, тогда наше православное духовенство было бы на высотѣ своего положенія и пользовалось бы уваженіемъ со стороны мірянъ. Если для каждой профессіи требуется призваніе, то тѣмъ болѣе требуется призваніе къ такому святому и важнѣйшему дѣлу, какъ пастырское служеніе.

— Противъ этого никто спорить не будетъ!—замѣтилъ о. Николай:—да и вообще,—продолжалъ онъ,—наша церковная жизнь требуетъ массы реформъ; и мнѣ очень досадно, что нѣтъ никакой надежды на ихъ проведеніе въ жизнь, потому что интеллигенція-то наша отвернулась отъ Церкви и почти не интересуется ея дѣлами. Въ этомъ я вижу измѣну родинѣ, измѣну православію.

— Ахъ, какъ все это устарѣло!—замахавъ руками, промолвилъ врачъ.

— Голубчикъ Павелъ Петровичъ! давно ли вы приобрѣли такую холодность къ нашей родной, кровной вѣрѣ?—печальнымъ тономъ произнесъ о. Николай.

— Не знаю, отче!—съ насмѣшкой отвѣтилъ тотъ.

— Должно быть, недавно, потому что раньше я зналъ васъ, какъ человѣка, глубоко вѣрующаго.

— Можетъ быть, недавно; мою вѣру расколодили христіанскіе догматы: они положительно непереваримы для моего ума.

— Вотъ какъ у насъ пошло!—съ горечью и взволнованно заговорилъ о. Николай, быстро начиная ходить по залу.— И сколько такихъ индифферентистовъ въ вѣрѣ я встрѣчалъ за послѣднее время!—продолжалъ онъ:—чуть что имъ не понравится въ православіи, готово дѣло: тотчасъ же переходятъ въ ряды новоязычниковъ. Каждый изъ нихъ сочиняетъ свою собственную религію, основанную на желаніяхъ и вкусахъ личнаго „я“. У греческихъ, римскихъ и прочихъ язычниковъ не было и сотой доли того превозношенія и той гордости, какія замѣчаются у нашихъ новоязычниковъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, относились съ уваженіемъ къ авторитету, а эти не признаютъ никакихъ авторитетовъ. Но что всего удивительнѣе—многіе изъ этихъ новоязычниковъ ищутъ въ жизни какого-то смысла. Да откуда же возьмется этотъ смыслъ, когда, по ихъ мнѣнію, въ мірѣ нѣтъ Высшаго Разумнаго Начала? Развѣ это не безуміе?!... Сказавъ это, о. Николай сѣлъ на стулъ въ углу зала и умолкъ.

Врачъ, постукивая чайной ложечкой по столу, все время монолога о. Николая прощически улыбался.

— Что правда, то правда!—глубоко вздохнувъ, прервалъ общее молчаніе о. Григорій:—куда же дѣвалась ясность русскаго ума? Отчего потухаетъ искра вѣры въ сердцахъ, долѣе глубоко вѣрующихъ и смиренныхъ? Какимъ образомъ завелась въ русскомъ народѣ зловонная гниль въ родѣ безбожія и прочихъ безумныхъ и сумасбродныхъ идей?

Врачъ сперва сдѣлалъ видъ, что не слушаетъ, а потомъ всталъ изъ-за стола и началъ разсматривать картины, висѣвшія въ залѣ.

— Желаете знать о причинахъ всего этого?—спросилъ о. Николай, выходя изъ угла и усаживаясь къ столу.—Я

вамъ скажу,—не дожидаясь отвѣта, продолжалъ онъ:—во всемъ виновата водка, водка и водка. Еще учась въ семинаріи, я гдѣ-то прочиталъ, что алкоголь—страшный бичъ человѣчества, хуже чумы, холеры, потому что—ведетъ людей къ гибели, а также къ физическому, умственному и нравственному вырожденію.

— Это еще вопросъ! сказалъ врачъ, подходя къ столу.

— Для васъ вопросъ, а я уже получилъ на него и отвѣтъ.

— Интересно: какимъ образомъ вы получили его?—спросилъ врачъ, насмѣшливо улыбаясь.

— А вотъ послушайте. По пріѣздѣ въ Овсянниково, года два я употребилъ на знакомство съ прихожанами. Присмотрѣвшись къ приходской жизни, я замѣтилъ, что водка здѣсь въ большой чести. Завелъ я тогда тетрадку, куда и началъ вписывать каждаго младенца, котораго приходилось крестить. Въ ней было нѣсколько графъ: въ первой помѣщалъ имя, отчество и фамилію младенца, во второй—день рожденія, въ третьей—въ какомъ состояніи былъ зачатъ родителями...

— Позвольте, позвольте!—перебилъ о. Николая врачъ:—какимъ же это образомъ вы узнавали о зачатіи?

— О днѣ зачатія узнавалъ такъ: отъ дня рожденія считалъ назадъ 9 мѣсяцевъ, а относительно того, въ какомъ видѣ были родители, узнавалъ по простому соображенію. Допустимъ, мнѣ извѣстно, что отецъ младенца любитъ выпить. Крестьяне, знаете, рѣдко имѣютъ деньги, а потому и пьютъ рѣдко, да мѣтко; въ особенности пьянствуютъ цѣлыми недѣлями во время деревенскихъ праздниковъ, свадебъ, поминковъ, крестинъ, именинъ, мірскихъ сходокъ. Стоитъ мнѣ только вспомнить, не было ли около дня зачатія какого-либо изъ указанныхъ случаевъ, неразрывно связанныхъ съ винопитіемъ, и я смѣло пишу въ тетрадкѣ, что такой-то, по всей вѣроятности, зачатъ родителями въ пьяномъ состояніи, или: такой-то зачатъ, по всей вѣроятности, въ трезвомъ состояніи,

хотя въ этомъ случаѣ я могъ и ошибиться, потому что у алкоголика всегда имѣются тысячи предлоговъ для выпивки. Слѣдовательно, то или другое опредѣленіе основывалось не на строго научныхъ данныхъ, но ошибка могла случиться только по отношенію къ такимъ случаямъ, когда зачатіе мной было помѣчено, какъ состоявшееся въ трезвомъ видѣ, на самомъ же дѣлѣ произошло въ пьяномъ. Вообще же, зная хорошо характеръ и поведеніе каждаго прихожанина, я ошибиться въ своихъ опредѣленіяхъ особенно не могъ. И вотъ, по прошествіи нѣкотораго времени, открылось широкое поле для самыхъ интересныхъ наблюденій. Такъ, я замѣтилъ, что изъ 100 человѣкъ, зачатыхъ въ пьяномъ состояніи, выживали до 18-лѣтняго возраста коло 25%, но судьба дожившихъ до этихъ лѣтъ была настолько печальна, что лучше бы имъ и не родиться: надъ ними тяготѣетъ какъ-будто какое-то тайное проклятіе. Одни, напр., кажутся вполне нормальными по душѣ и по тѣлу, но неожиданно для себя и другихъ или кончаютъ жизнь сумасшествіемъ, или умираютъ отъ разрыва сердца, или получаютъ эпилепсію, или другое что-либо въ этомъ родѣ. Другіе погибаютъ отъ чахотки, которая и развилась-то, мнѣ думается, единственно на почвѣ алкоголизма. Иные—физически уродливы или умственно тупы. Многіе страдаютъ неврастеніей, меланхоліей, врожденною страстью къ пьянству. Въ особенности страдаетъ отъ алкоголизма общественная и семейная нравственность: совѣсть какъ бы атрофируется, отсюда—отсутствіе идеаловъ, горделивое самомнѣніе, эгоизмъ, неуваженіе къ чужой собственности, грубость нравовъ, развратъ и т. п. Такимъ образомъ, неразумные отцы пропиваютъ авансомъ умъ, совѣсть, здоровье и честь своихъ потомковъ иной разъ до 7-го поколѣнія.

— Ой! какъ страшно васъ слушать! —насмѣшливо произнесъ врачъ.

— Если желаете провѣрять вѣрность моихъ наблюденій,—обратился онъ къ Павлу Петровичу,—прошу обратиться къ любому моему прихожанину. У нихъ вы узнаете, что

я еще ни разу не ошибался, когда у меня спрашивали со-вѣта, на комъ женить сына или за кого выдать дочь. А еще лучше вы убѣдитесь въ правотѣ моихъ словъ изъ разсмотрѣ-нія тѣхъ записей 35-лѣтнихъ наблюденій, которыя запесены мною въ тетрадь.—И о. Николай быстро ушелъ въ свой кабинетъ.

— Въ ней я впоследствии дѣлалъ помѣтки о той или иной судьбѣ записанныхъ,—сказалъ онъ, выходя изъ каби-нета съ объемистой тетрадью, которую и раскрылъ предъ гостями.

Жутко было просматривать страницы этой тетради. Сколько горя, слезъ, трагическихъ событій было здѣсь заре-гистровано! Притомъ, вся вереница житейскихъ неблагополу-чій стояла какъ разъ противъ людей, рожденныхъ алкоголи-ками. Въ графѣ противъ фамилій нестрѣли такія краткія, но страшныя помѣтки: „идіотъ“; „содержится на обществен-ный счетъ“; „умеръ въ чахоткѣ на 5-мъ году женитьбы“; „кончилъ жизнь въ сумасшедшемъ домѣ“; „сосланъ въ Сибирь“; „отравила свекровь“; „лежитъ 5 годъ въ пара-личѣ“; „подвергся на 35 году эпилепсіи“; „застрѣлился на 2-мъ году женитьбы“; „умерла отъ слабости рожденія“ и т. д. и т. п. Волосы на головѣ сами собою шевелились при чтеніи этихъ записей.

— Вѣдь это ужасъ, что такое! просто вѣрить не хо-чется!—сказалъ о. Григорій.

— Именно, водка — бичъ человѣчества! — отозвалась Софья Петровна.

— Спасибо вамъ, отче! Вы въ данномъ случаѣ сдѣлали великое и доброе дѣло! Вамъ слѣдовало бы отпечатать эти наблюденія,—сказалъ врачъ, пожимая руку о. Николая.

— Стало-быть, я побѣдилъ васъ?—спросилъ тотъ улы-баясь.

— Нѣтъ, не совсѣмъ. А о христіанскихъ догматахъ-то почему вы благообразно умолчали?—замѣтилъ врачъ.

— Хорошо, нужно разбить васъ и на этомъ пунктѣ, — весело произнесъ о. Николай. — Конечно, тайна догматовъ для человѣческаго ума непостижима, — началъ онъ, немного помолчавъ, — объяснить ихъ точно и ясно не возможно, какъ не возможно объяснить точно и любую изъ тайнъ вещественной природы, напр.: сущность электричества, магнетизма, зачатіе ребенка, существо свѣта и т. п. и т. п. И вы, конечно, никогда не отвернетесь отъ свѣтской науки за то, что она не можетъ объяснить вамъ сущности вещей? — пытливо глядя на врача, спросилъ его о. Николай.

— Нука, — отвѣчалъ врачъ, не ожидавшій такого вопроса, — объясняютъ болѣе или менѣе удовлетворительно сущность вещей при помощи научныхъ гипотезъ.

— Хорошо, — оживленно продолжалъ о. Николай: — ужъ если при объясненіи непостижимыхъ тайнъ видимой природы, которую мы постоянно видимъ и изучаемъ, необходимо бываетъ прибѣгнуть къ помощи гипотезы, то вы не можете спорить, что при объясненіи тайнъ міра, — нами невидимаго и почти для насъ неизвѣстнаго, тѣмъ болѣе позволительно прибѣгнуть къ гипотезѣ, твердо обоснованной на данныхъ Слова Божія.

— Интересно вы говорите, но только я недоумѣваю, къ чему все это клонится? — спросилъ врачъ.

— А вотъ къ чему, — продолжалъ о. Николай: — кто твердо вѣруетъ въ Бога, тотъ, конечно, не нуждается въ объясненіи непостижимаго: вѣра сама даетъ знаніе. Для людей же, въ вѣрѣ нетвердыхъ, въ родѣ васъ, гипотеза, богословски обоснованная, можетъ принести большую пользу. И я могу, если желаете, при помощи гипотезы объяснить любой догматъ христіанской вѣры.

— Вотъ, пожалуйста, объясните мнѣ догматъ о Богѣ-Троицѣ. Что это такое: Богъ единъ по существу, но троечень въ лицахъ? — сказалъ врачъ.

— Извольте: — вы, навѣрно, слышали или читали слова Св. Писанія: „Богъ есть любовь“. Стало-быть, любовь есть

святое начало, соединяющее нераздѣльно Пресвятую Троицу. Отсюда естественно вытекаетъ гипотеза такого рода: любовь Бога Отца и Бога Сына и Бога Духа Святого устанавливаетъ между Ними такую полную, всесовершенную гармонію дѣйствій, желаній, велѣній, что изъ трехъ лицъ, воплнѣ самостоятельныхъ и неслиянныхъ, является Существо Единое и Нераздѣльное. Удовлетворяетесь ли вы такимъ объясненіемъ?

— Благодарю васъ, вы нынче непобѣдимы,—уклончиво произнесъ врачъ, не зная, что возразить о. Николаю.

— Спасибо за комплиментъ!—скромно отвѣтилъ послѣдній.

— Григорій Ивановичъ! Ёдемъ! пора! уже 2 часа ночи,—сказала Софья Петровна.

— Извините, матушка; безъ закуски не пуцу,—твердо заявилъ о. Николай.

Какъ ни протестовали гости, но пришлось уступить хлѣбосольному хозяину.

Во время закуски о. Григорій разсказалъ о своихъ неудачахъ, причиной которыхъ былъ прежній церковный староста.

— Да, господа,—сказалъ о. Николай,—я не могу никакъ помириться съ должностью церковнаго старосты, вѣрнѣе сказать—церковнаго мытаря. Эта должность породила и порождаетъ тысячи ненормальностей въ нашей церковно-приходской жизни. Староста собираетъ деньги съ молящихся въ церкви, гдѣ не должно бы звенѣть презрѣнному металлу. Староста торгуетъ въ церкви свѣчами, что не вполне согласно съ духомъ Евангелія: Спаситель торгующихъ изъ храма вѣдь выгналъ. Староста заботится главнымъ образомъ о храмѣ, а на бѣдныхъ приходскихъ не согласится дать и копейки.

— Хотя это, конечно, зло,—замѣтилъ о. Григорій,—но зло, такъ сказать, неустранимое; поневолѣ съ нимъ приходится мириться!

— Будто бы такъ и неустранимое?—спросилъ о. Николай.

— Безъ сомнѣнія!

— А по - моему,—продолжалъ о. Николай,—это зло можно удалить и очень просто. Во-первыхъ, для продажи свѣчей устроить въ церковной оградѣ лавку, гдѣ по праздничнымъ днямъ нанятой отъ прихода приказчикъ продавалъ бы: свѣчи, иконы, книги, деревянное масло, крестики и т. п. Во-вторыхъ, для сбора добровольныхъ пожертвованій вывѣсить въ храмѣ у дверей кружку; самую должность церковнаго старосты упразднить, а взамѣнъ этого открыть при каждой церкви попечительство или братство, которое бы по большимъ праздникамъ собиралось для обсужденія церковно-приходскихъ нуждъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника.

— Да, это во многихъ отношеніяхъ было бы полезно для церкви и для прихода!—задумчиво произнесъ о. Григорій.

Только предъ разсвѣтомъ разѣхались гости.

И. Горскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣръ, достойный подражанія.

Среди нашего сельскаго духовенства встрѣчаются иногда дѣятели во славу Церкви, которые скромно, безъ крикливыхъ и шумныхъ рекламъ, ведутъ святое дѣло сѣянія слова Божія среди окружающаго темнаго люда. Вотъ примѣръ. Матушка с. Дмитриевыхъ горъ (Меленков. у., Влад. г.) Е. Т. Орлова, сознавая, какъ недостаточны и слабы религіозныя понятія нашихъ крестьянъ, и какъ соблазнительны для нихъ богомоленныя собранія штундистовъ съ общедоступной „евангельской“ проповѣдью и веселымъ народнымъ пѣніемъ духовныхъ стихотвореній, вечерами въ нѣкоторые дни недѣли устраиваетъ въ своемъ домѣ женскія православныя собранія. Крестьянки къ матушкѣ собираются весьма охотно, такъ что

каждый разъ число присутствующихъ на собраніи доходить до 50—60-ти человекъ разнаго возраста. Забывшись отъ будничной суеты и разныхъ жизненныхъ невзгодъ, всѣ онѣ получаютъ здѣсь и разумную пищу и отдыхъ душевный. Подъ непосредственнымъ руководствомъ почтеннаго своего мужа, о. протоіерея Павла Дмитриевича, Елена Тихоновна съ собравшимися женщинами простымъ народнымъ языкомъ ведетъ бесѣды о Христѣ Спасителѣ, объясняетъ имъ православное богослуженіе и рассказываетъ житія угодниковъ Божіихъ, при чемъ всегда бесѣды ея сопровождаются общимъ пѣніемъ жепцинами церковныхъ пѣснопѣній и псалмовъ или же акависта Спасителю и Божіей Матери. Въ обученіи крестьянокъ пѣнію матушкѣ значительную помощь оказываетъ обладающая сильнымъ сопрано и умѣніемъ пѣть жена мѣстнаго псаломщика А. Фигуровская. Сотрудникъ „Вл. Еп. Вѣд.“ посѣтилъ одно изъ собраній Е. Т-ны и видѣлъ, какъ прекрасно здѣсь были настроены всѣ, ищущія спасенія, сколько въ каждой изъ этихъ простыхъ жепцинь было радости духовной и самаго горячаго стремленія—научиться жить по-Божьи, по Евангелію и уставамъ Православной Церкви. Съ увѣренностью можно сказать, что посѣщающія эти собранія жепцины не только сами спасутся отъ опасныхъ сѣтей дмитріевгорской штунды, но и оградятъ семьи свои отъ ея пагубнаго вліянія! Дай Богъ, чтобы этотъ добрый примѣръ почтенной Елены Тихоновны нашелъ себѣ подражательницъ въ лицѣ молодыхъ сельскихъ матушекъ, которыя не должны забывать, что и своимъ образованіемъ и настоящимъ обществен. положеніемъ онѣ обязываются нести духовный свѣтъ и радость въ жизнь нашего темнаго и нуждающагося въ помощи простолюдина. (Воскр. день, Прилож. № 19).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го іюня 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Авд. Общ. Н. Т. Корчака-Шовицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, іюня 20-го.

Содержаніе: Оскудѣніе въ сельскомъ приходскомъ духовенствѣ. — Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ (продолженіе). — Подвигъ. (Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства) (окончаніе).

Оскудѣніе въ сельскомъ приходскомъ духовенствѣ.

Среди семинаристовъ въ настоящее время замѣчается довольно прискорбное явленіе—это стремленіе уклониться отъ служенія Церкви и идти по такъ называемой свѣтской дорогѣ. Особенно это стремленіе замѣтно въ крупныхъ центрахъ въ университетскихъ городахъ; вліяніе свѣтской молодежи, съ одной стороны, съ другой—вліяніе самой городской жизни съ ея удобствами, побуждаютъ многихъ семинаристовъ уклоняться отъ проторенной дорожки отцовъ, отъ горькихъ „поповскихъ хлѣбовъ“ и искать счастья, „обѣтованной земли“ въ иныхъ сферахъ, на иныхъ поприщахъ. Пути для этого избираются разные: одни идутъ въ университетъ, гдѣ тяже-

лымъ, упорнымъ трудомъ, часто на одномъ сухояденіи, про-
бываютъ себѣ дорогу:—это, разумѣется, лучшіе, болѣе спо-
собные; другіе оставляютъ семинаріи и ищутъ офицерскихъ
погоновъ поступленіемъ въ военныя и юнкерскія училища;
третьи опредѣляются въ различныя „правленія,“ „палаты“ и
т. п. правительственныя учрежденія. Многіе готовы уйти
куда угодно, лишь бы не надѣвать рясы. И замѣчательно, что
въ настоящее время не только молодежь, но и многіе отцы
духовные предпочитаютъ свѣтскую дорогу для своихъ дѣтей;
не говоримъ уже о „магнатахъ въ духовенствѣ“—о город-
скихъ священникахъ, большинство которыхъ отдаютъ своихъ
дѣтей въ гимназіи,—даже сельскіе священники—и тѣ часто
тянутся изъ послѣдняго, лишь бы дать своимъ дѣтямъ свѣт-
ское воспитаніе. Въ Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ
было напечатано горячо написанное письмо одного священ-
ника. Въ письмѣ этомъ онъ приводитъ мотивы, которыми ру-
ководятся священники, отдавая своихъ дѣтей въ свѣтскія
учебныя заведенія. По его мнѣнію, духовенство въ этомъ слу-
чаѣ поступаетъ такъ потому, что не хочетъ предрѣшать судь-
бу своихъ дѣтей, открывая имъ дорогу только во священни-
ки, не хочетъ обречь своихъ дѣтей на нужду, въ которой
живетъ само.

Съ принципіальной точки зрѣнія нельзя собственно ни-
чего возразить противъ такого стремленія: каждый воленъ и
себѣ и дѣтямъ выбирать ту дорогу, какую находитъ болѣе
подходящей. Не видимъ мы ничего плохого даже и въ томъ,
если окончившіе курсъ семинаристы, движимые жаждой зна-
нія, идутъ въ университетъ или поступаютъ на свѣтскую
службу: разъ семинарія увѣрена въ томъ, что оказала проч-
ное вліяніе на своихъ питомцевъ, не напрасно трудилась
надъ ихъ воспитаніемъ, то она можетъ быть также увѣрена
и въ томъ, что эти питомцы понесутъ ея идеи, ея духъ въ
новую для нихъ среду, въ свѣтское общество,—а этому можно
только радоваться. Искусственное удержаніе семинаристовъ
въ духовномъ сословіи, противъ ихъ желанія, можетъ весьма

вредно отозваться на пастырскомъ дѣлѣ, поставляя не добровольныхъ работниковъ, а подневольныхъ наемниковъ.

Но съ практической стороны бѣгство семинаристовъ отъ рясы ведетъ къ весьма печальному слѣдствію, которое мы назвали въ заголовкѣ настоящей замѣтки *оскуднѣемъ въ сельскомъ приходскомъ духовенствѣ*, т. е. къ недостатку необходимаго числа кандидатовъ священства, потребнаго для замѣщенія открывающихся вакантныхъ мѣстъ. Недостатокъ этотъ чувствуется особенно сильно въ многолюдныхъ, густо населенныхъ епархіяхъ--и притомъ въ южныхъ болѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ, такъ какъ въ южныхъ губерніяхъ духовенство въ матеріальномъ отношеніи болѣе обезпечено, чѣмъ въ сѣверныхъ, вслѣдствіе чего имѣетъ больше возможности воспитывать своихъ дѣтей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Недостатокъ въ кандидатахъ священства настолько великъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, что иные приходы остаются безъ священниковъ чуть не по цѣлымъ годамъ. Разумѣется это приходы бѣднѣйшіе. Конечно, и въ бѣдномъ приходѣ молодой, бездѣтный священникъ могъ бы прожить не годъ и не два, не испытывая особой пужды; но разъ въ епархіи сравнительно много вакантныхъ мѣстъ, а кандидатовъ мало, то всякій, естественно, будетъ выбирать лучшее, обходя приходы побѣднѣе. Во многихъ епархіяхъ въ епархіальныхъ извѣстіяхъ печатаемый изъ № въ № перечень свободныхъ священническихъ мѣстъ занимаетъ цѣлые столбцы, при чемъ есть приходы, которые аккуратно повторяются въ 5—10 № №-хъ. Продолжительное отсутствіе священника на приходѣ опасно въ томъ отношеніи, что пролагаетъ путь непризваннымъ учителямъ народа--раскольникамъ и сектантамъ, и эта опасность тѣмъ больше, что обыкновенно остаются безъ священниковъ приходы, именно зараженные расколомъ и сектантствомъ. И безъ того скудные „заработки“ духовенства въ приходахъ, зараженныхъ расколо-сектантствомъ, доведены до такого minimum'a, что на нихъ семейному человѣку совсѣмъ почти нѣтъ возможности жить; мало того,—въ такихъ приходахъ священнику нужно вести постоянную и упорную борьбу, совершен-

но не зная покоя; вотъ почему этихъ приходо́въ и избѣгаютъ кандидаты священства.

Въ цѣляхъ пополненія необходимаго числа священниковъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ открытъ самый широкій доступъ во священники діаконамъ; для ищущихъ изъ неокончившихъ курса духовной семинаріи выработаны особыя программы, по которымъ экзаменуются діаконы. Встрѣчаются, разумѣется, изъ нихъ лица способныя и достойныя, удовлетворительно выдерживающія экзамены; но масса бываетъ и такихъ, которыя являются не на *экзамень* въ собственномъ смыслѣ слова, а съ цѣлю „попытать счастья“. Въ псаломщики и діаконы идутъ далеко не лучшіе элементы семинаріи: уволенные за поведеніе изъ духовнаго училища или изъ первыхъ классовъ семинаріи, малоусиѣвающіе и т. п. Послужить такой человѣкъ 5—10 лѣтъ псаломщикомъ или діаконкомъ, отъ занятій, отъ книги отвыкнетъ совсѣмъ,—какой уже тутъ можетъ быть экзамень? Часто безъ всякихъ знаній, только съ *дерзновеніемъ* да съ надеждою на *благодать* и *милосердіе экзаменующихъ* просятъ такіе кандидаты допустить ихъ къ экзамену. Случается, что нѣкоторые и изъ подобныхъ кандидатовъ удостоиваются, во вниманіе къ разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ (многосемейности, хорошей рекомендаціи и т. п.), степени священства. Одинъ экзаменаторъ объ одномъ изъ такихъ кандидатовъ не безъ остроумія замѣтилъ: „У васъ только и есть единственное достоинство—это то, что за васъ просятъ хорошіи человѣкъ,“—и призналъ его правоспособнымъ. Назначаютъ обыкновенно этихъ послѣднихъ кандидатовъ въ тѣ приходы, которыхъ избѣгаютъ кандидаты изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, часто въ приходы, зараженные расколо-сектантствомъ. И можно представить себѣ, какіе изъ этихъ священниковъ получаютъ миссіонеры! .. Такъ какъ эти кандидаты, въ качествѣ особаго преимущества, выставляютъ свою многосемейность, то епархіальное начальство, назначая ихъ на плохіе приходы, напередъ создаетъ себѣ большія хлопоты: съ плохихъ приходо́въ они скоро на-

чинають проситися на лучшіе, ссылаясь на ту же свою многосемейность.

Намъ кажется, что указаннаго недостатка въ достойныхъ кандидатахъ священства можно бы избѣжать другими путями и средствами—и прежде всего лучшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ духовенства. Въ приходы бѣдные, особенно расколотантскіе, слѣдовало бы назначать двойное, а то и тройное содержаніе (600 и 900 р.). Городскіе священники за то, что пользуются всѣми удобствами жизни, имѣють отличные приходы и сторонніе заработки (законоучительство, напр., въ городскихъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.), исполнѣ достаточно ихъ обезпечивающіе, получаютъ жалованья казеннаго по 400 р.; а сельскіе священники, „перебивающіеся съ хлѣба на квасъ,“ получаютъ всего только 300 руб. казеннаго жалованья—да и то далеко не всѣ.

Впрочемъ, эта мѣра относится къ благому пожеланію, которое можетъ быть осуществлено только въ довольно отдаленномъ будущемъ. Болѣе осуществимая мѣра, уже бывшая въ практикѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, это—приглашеніе кандидатовъ священства изъ чужихъ епархій. Въ самомъ дѣлѣ, бѣднѣйшіе приходы въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ равняются со средними и выше-средними приходами губерній сѣверныхъ. Во многихъ сѣверныхъ губерніяхъ многолюдныя семинаріи выпускають такую массу кандидатовъ, что имъ по нѣсколько лѣтъ приходится ждать священническихъ мѣстъ. Если пригласить ихъ, они, безъ сомнѣнія, охотно пойдуть священниками даже въ бѣдные приходы, лишь бы не „тереть лямку“ учителя или псаломщика.

Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ число вновь поступающихъ не достигаетъ необходимой нормы, можно бы нѣсколько смягчать недавно изданное распоряженіе о томъ, чтобы въ духовно-учебныя заведенія принимать не болѣе 10% лицъ дѣтей иносословныхъ.

Наконецъ, въ небольшихъ размѣрахъ, могли бы быть допускаемы къ занятію священническихъ мѣстъ и лица свѣт

скія, не получившія богословскаго образованія. Не много, но все же есть среди нашей интеллигенціи лица, всѣмъ сердцемъ привязанныя къ Церкви, интересующіяся богословскими вопросами и готовыя послужить Церкви. Что изъ такихъ лицъ могутъ быть иногда даже очень полезныя работники для Церкви, показываетъ примѣръ недавно почившаго архіепископа Виленскаго Ювеналія, получившаго образованіе въ военной академіи. За недолгую пастырскую практику пишущему эти строки пришлось встрѣтить въ своемъ родѣ выдающагося человѣка. По рангу онъ стоитъ не высоко—всего только военный фельдшеръ; но по общимъ знаніямъ, по развитію, не уступитъ окончившимъ курсъ семинаріи, а по ревности къ Церкви несомнѣнно оставитъ многихъ изъ нихъ позади. Быть священникомъ онъ считаетъ самымъ высокимъ счастьемъ для человѣка, какое только возможно на землѣ; но о священствѣ онъ даже не смѣетъ и мечтать: не выдержитъ экзамена, такъ какъ не знаетъ древнихъ языковъ. Говорили мы ему о монашествѣ,—но онъ ищетъ *живого* дѣла среди *мірскихъ* людей. Такія свѣтскія лица, надлежаще испытанныя, несомнѣнно, были бы полезными работниками на цивѣ Христовой, если бы только имъ было открытъ доступъ къ высокому пастырскому служенію, и если бы духовное начальство имѣло возможность ихъ находить.

Свящ. В. Пестряковъ.

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ ¹⁾.

Итакъ, и практика обыденной жизни, и примѣръ ап. Павла, и громадная цѣна стада Христова, и величіе и святость пастырскаго дѣла, и, наконецъ, будущая награда (царство небесное) или наказаніе (геена огненная), — все это, по

¹⁾ См. № 24 с. г.

миѣнію св. Златоуста, должно побуждать пастырей къ ревностному руководству и тщательному воспитанію вѣреннхъ имъ овецъ въ духѣ Христовой вѣры.

Средствомъ такого воспитанія должна быть, по миѣнію св. Златоуста, прежде всего, жизнь пастыря. Ничто не можетъ такъ сильно дѣйствовать на душу пасомыхъ, какъ примѣрная, безукоризненная жизнь священника. Это и понятно. Священникъ занимаетъ высокое положеніе; на него всѣ смотрятъ, по его жизни обыкновенно устраиваютъ и собственную жизнь. Его добродѣтельная жизнь не только снискиваетъ ему расположеніе мірянъ, но и вдохновляетъ ихъ для такой же добродѣтельной жизни. Примѣръ именно тѣмъ и дорогъ, потому и убѣдительно, что наглядно показываетъ осуществленіе нравственныхъ требованій, которыя кажутся столь трудными. Тому, кто только поучаетъ жить добродѣтельно, а самъ не живетъ согласно съ своею проповѣдью, можно возражать,— можно не безосновательно, напр., указывать на трудность и даже неосуществимость нравственныхъ требованій и въ подкрѣпленіе своихъ возраженій можно прямо сослаться на его собственную жизнь, далеко не отвѣчающую проповѣдуемой имъ морали. Но кто утверждаетъ въ борьбѣ самимъ дѣломъ, а не разсужденіями только, кто самъ живетъ добродѣтельно, тотъ не смутится подобными возраженіями, не станетъ ихъ и опровергать, а просто замѣтитъ: *прииди и виждь*,— и этого будетъ вполне достаточно для совершеннаго обезоруженія возражающаго и обращенія его на сторону добра. Да такому пастырю и возражать не возможно. Вотъ почему св. Златоустъ не рѣдко повторяетъ одни и тѣ же слова: „начальникъ долженъ быть свѣтлѣ всякаго свѣтильника и вести жизнь безукоризненную“ ¹⁾. Это тѣмъ болѣе необходимо, что и малый грѣхъ священника и небольшое пятно въ его поведеніи сильно могутъ вредить его репутаціи и производить

¹⁾ Бес. на 1 Тим., б. 10, стр. 131: ср. Сл. о свящ., стр. 80—83 и др. Бес. на Ев. Матѣ., б. XLVI и др. ч. I—III, М. 1864 г., изд. 5-е

большой соблазнъ, потому что „священника всѣ судятъ, какъ ангела, непричастнаго слабостямъ человѣческимъ, ему не хотятъ сдѣлать никакого снисхожденія“¹⁾; потому что „люди всякую погрѣшность измѣряютъ не мѣрою самаго дѣйствія, но достоинствомъ погрѣшающаго“²⁾.—Своей примѣрной жизни пастырь можегь сильно и благотворно дѣйствовать не только на вѣрныхъ членовъ Церкви, но и на еретиковъ и на язычниковъ³⁾ и вообще на иновѣрныхъ. „Не были бы нужны слова,—говоритъ св. Златоустъ,—если бы жизнь наша (христіанская и ближайшимъ образомъ жизнь пастырей) сіяла подобно свѣтиламъ; не были бы нужны учителя, если бы дѣла благія мы творили. Никто не остался бы язычникомъ, если бы мы были такими христіанами, какъ слѣдуетъ. Если бы мы соблюдали заповѣди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и хищенія, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя обиды, мы воздавали добромъ; то никто не былъ бы столь дикимъ, чтобы не обратиться къ истинной вѣрѣ (τῆ εὐσεβείᾳ), если бы такъ вели себя“⁴⁾. Св. Златоустъ придаетъ такое важное значеніе добродѣтельной жизни пастыря въ дѣлѣ „заквашиванія“ людей, что ставитъ ее выше чудотвореній“⁵⁾. Вотъ почему онъ и настаиваетъ прежде всего на томъ, чтобы пастыри воспитывали мірянъ своею жизнью, добрымъ примѣромъ. „А жизнью, говоритъ при этомъ св. отецъ, я называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретнице и пепель (посыпаешь на голову), но то, когда ты пренебрегаешь богатствомъ, какъ пренебрегать имъ должно, когда избыточествуешь въ любви, даешь хлѣбъ свой алчущему, владѣешь гнѣвомъ, отвергаешь тщеславіе и истребляешь въ себѣ зависть. Такой урокъ препо-

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 83.

²⁾ Тамъ же, стр. 82.

³⁾ Бес. на 1 Тим., бес. 10, стр. 139. ч. I—II, СПБ. 1859 г.

⁴⁾ Бес. на Тимоев., б. 10, стр. 139.—140.

⁵⁾ Бес. на Ев. отъ Мате., б. XLVI, стр. 296—299, ч. I—III, М. 1864 г., 5 изд.

данъ намъ отъ Христа (Мѡ 11, 29; Лк. 10, 8; Мѡ. 10, 9¹⁾).

Говоря вообще, св. Златоусту желательно видѣть въ каждомъ истинномъ пастырѣ Церкви „чистое искусство души“²⁾, т. е. преобладаніе душевныхъ, внутреннихъ качествъ, или вообще добродѣтелей, какъ душевнаго настроенія, а не внѣшнихъ и, такъ сказать, тѣлесныхъ, физическихъ подвиговъ. Похвально, конечно, для пастыря, если онъ упражняется въ пощеніи, ночномъ бодрствованіи, спитъ на жесткомъ ложѣ и подвергаетъ себя другимъ подобнымъ подвигамъ: во всемъ этомъ обнаруживается его терпѣніе, сказывается нѣкоторая сила духа; но эти подвиги болѣе цѣнны для человѣка, заключившагося въ тѣсной келліи, чѣмъ для пастыря, вращающагося среди множества разныхъ людей. Пастырь долженъ заботиться, главнымъ образомъ, о внутреннихъ совершенствахъ, о подвигахъ душевныхъ. „Душа священника, по словамъ св. Златоуста, должна отовсюду блистать красотою“³⁾, а „добродѣтель долженъ имѣть пастырь болѣе, нежели человѣческую“⁴⁾.

Придавая первенствующее значеніе въ жизни пастыря его внутреннимъ качествамъ, развитію въ немъ нравственнаго характера, св. Златоустъ объясняетъ и причины, почему онъ дѣлаетъ такое предпочтеніе. „Отвергать роскошную пищу, сладкое питіе, мягкое ложе—для многихъ это не составляетъ и подвига, особливо для людей, по природѣ грубыхъ, притомъ воспитанныхъ грубо съ малолѣтства, и для многихъ другихъ, у которыхъ сложеніе тѣла и привычка смягчаютъ суровость подвижническихъ трудовъ. Но перенести оскорбленіе, клевету, извительное слово, насмѣшки отъ низшихъ—ненамѣренныя и чаще цѣль имѣющія, напрасныя укоризны отъ начальниковъ и подначальныхъ,—перенести сіе не

¹⁾ Бес. на Ев. отъ Мѡ. ч. II, б. XLVI, стр. 298—299.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 180

³⁾ Тамъ же, стр. 181.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 130.

многіе могутъ, но весьма рѣдкіе люди. Часто строгіе въ перенесеніи тѣлесныхъ нуждъ въ такое приходятъ смущеніе отъ силъ непріятностей, что сильнѣе свирѣпѣйшихъ звѣрей ожесточаются¹⁾. А съ другой стороны, тѣлесные подвиги, какъ, напр., постъ, жесткая постель, бодрствованіе, трудъ до пота и др. изнуренія совершаются, по мнѣнію св. отца, болѣе силами тѣлесными, чѣмъ силами душевными; такъ что если тѣло (у иноковъ) не будетъ сильно, то ревность и остается одною ревностію, а выразиться на дѣлѣ не можетъ. Между тѣмъ, „священники не имѣють нужды въ крѣпкомъ и здоровомъ тѣлѣ (разумѣется, въ такой мѣрѣ, какъ иноки) для того, чтобы показать свою добродѣтель. Ибо можетъ ли сила тѣлесная сколько-нибудь содѣйствовать тому, чтобы не быть своевольными, гнѣвливыми, дерзкими; напротивъ, быть трезвыми, цѣломудренными, благочинными и имѣть всѣ другія качества, кои ми блаж. Павелъ живописалъ намъ образъ истиннаго священника?“²⁾.—Въ-третьихъ, тѣлесные подвиги, какъ, напр., постъ, „простертіе на землѣ“ (и даже дѣвство) спасительны только для подвизающихся въ нихъ, пользу приносятъ только личную, частную, а не общую; тогда какъ отреченіе отъ богатства, подаваніе милостыни и проч. добрыя дѣла, въ которыхъ обнаруживаются милосердіе и состраданіе человѣческой души, простираются на всѣхъ и обнимаютъ всѣ члены Христовы. А „добрыя дѣла, простирающіяся на многихъ (только на многих!), гораздо больше тѣхъ, которыя ограничиваются только однимъ“, и только чрезъ нихъ можно уподобиться Богу³⁾. Отсюда видно, что подвиги тѣлесные не говорятъ еще о качествахъ и добродѣтеляхъ души, которыя главнымъ образомъ и необходимо имѣть священнику. Вотъ почему св. Златоустъ требуетъ отъ пастырей внутреннихъ совершенствъ, которыя бы обнаруживались въ жизни пастырей и ихъ поведеніи.

¹⁾ Слова о свящ., стр. 77—78.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 179—180.

³⁾ Бес. на посл. Титу, б. VI, стр. 82—83. Сиб. 1856 г.

Итакъ, жизнь пастыря должна быть совершенна, но совершенна во всѣхъ отношеніяхъ. И до тѣхъ поръ, пока она будетъ таковою, самъ пастырь останется непреступнымъ для коварства ¹⁾. „Но какъ скоро онъ допуститъ съ своей стороны какой-нибудь, хотя и самый малѣйшій, проступокъ, ему уже тогда не будетъ никакой пользы отъ всѣхъ добрыхъ его дѣлъ“ ²⁾, потому что всѣ судятъ пастыря гораздо строже, чѣмъ обыкновеннаго человѣка: „люди измѣряютъ всякую погрѣшность не мѣрою самаго дѣйствія, но достоинствомъ согрѣшающаго“ ³⁾; ему ничего не извиняютъ и смотрятъ на него, какъ бы на ангела. Если же такъ, то пастырь долженъ особенно заботиться о томъ, чтобы не дѣлать нечего, что могло бы уронить его достоинство въ глазахъ паствы.—Такимъ образомъ, св. Златоустъ обращаетъ свое вниманіе, преимущественно на существенную сторону человѣческой жизни, цѣнить преимущественно подвигъ воспитанія въ себѣ нравственной настроенности, хотя, съ другой стороны, онъ не отрицаетъ важнаго воспитательнаго значенія и за подвигами тѣлесными. Но ими пастырь долженъ заниматься постольку, поскольку это необходимо для наученія пасомыхъ, поскольку это способствуетъ утвержденію въ послѣднихъ добраго мнѣнія о пастырѣ. Сами же по себѣ эти подвиги не важны и никакого значенія для пастыря имѣть не могутъ ⁴⁾. Пастырь долженъ упражняться въ другихъ подвигахъ, болѣе трудныхъ, но и болѣе цѣпныхъ; онъ долженъ подавать собою примѣръ не избраннымъ только людямъ, поставленнымъ въ исключительныя условія жизни, а всѣмъ своимъ пасомымъ, такъ чтобы, взирая на него, всѣ могли поучаться и стремиться къ

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 83.

²⁾ Тамъ же, стр. 83.

³⁾ Слова о свящ., стр. 82, 158 и др.

⁴⁾ О томъ, что добродѣтельная жизнь заключается не въ постѣ, а въ любви, кротости, милостивѣ и вообще въ развитіи чисто нравственныхъ духовныхъ навыковъ; св. отецъ говоритъ довольно подробно, напр., въ бесѣдахъ на Ев. отъ Матѣ, б. XLVI, стр. 293—299.

спасенію. Его жизнь, какъ и проповѣдуемая имъ религія, должна носить универсальный характеръ.

Св. Іоаннь Златоустъ не ограничивается общими разсужденіями о жизни пастыря, но указываетъ и на отдѣльные качества, особенно потребныя въ пастырѣ для благотворнаго воздѣйствія на пасомыхъ.—Прежде всего пастырь Церкви долженъ быть любвеобильнымъ: подобно ап. Павлу, онъ долженъ любить всѣхъ своихъ чадъ¹⁾, долженъ имѣть такую силу любви, чтобы всегда быть готовымъ положить душу свою за овцы своя. Если кто, такъ именно пастырь стада Христова долженъ заботиться объ общемъ благѣ и чуждаться личныхъ, эгоистическихъ интересовъ; онъ долженъ жить всецѣло для другихъ, т. е. для своихъ пасомыхъ, и въ этомъ находить удовлетвореніе своихъ личныхъ стремленій и желаній. Мудрость пастырская состоитъ именно въ томъ, чтобы презирать свои выгоды и заботиться о благѣ подчиненныхъ²⁾, искать не своей чести, а общей пользы³⁾. „Священникъ,—говоритъ св. отецъ,—хотя бы и хорошо устроилъ свою собственную жизнь, но если не будетъ съ должнымъ усердіемъ заботиться о жизни всѣхъ другихъ, вѣранныхъ его попеченію, то вмѣстѣ съ прочими пойдетъ въ геенну, и часто, невинный по своимъ дѣламъ, онъ погибаетъ за беззаконія своихъ пасомыхъ, если не исполнитъ надлежащимъ образомъ всего, что до него касается“⁴⁾. Въ заботахъ о благѣ своихъ подчиненныхъ, о спасеніи ихъ душъ пастырь не только долженъ забывать свои личные интересы и выгоды, но даже и собственную безопасность. Онъ, пастырь, долженъ быть любвеобильнымъ до самопожертвованія, до забвенія собственной жизни. Этимъ пастырь и отличается отъ наемника. Послѣдній, не заботясь объ овцахъ, имѣетъ всегда въ виду собствен-

¹⁾ Толк. на посл. къ Римл., б. 29, стр. 663—664.

²⁾ Бес. на псалмы, т. II, пс. 113, стр. 61. Т. I—II. Сиб. 1860 г.

³⁾ Бес. на посл. къ Титу, б. II, стр. 20.

⁴⁾ Бес. на Ев. отъ Іоанн., б. 86, стр. 524—525.

ную безопасность; первый, напротивъ, всегда заботится о спасеніи овецъ, забывая о себѣ самомъ¹⁾. „Пастырю доброму свойственно умереть за овецъ своихъ, а не хотѣть подвергаться этому—свойственно наемнику“²⁾. Только тотъ и есть добрый пастырь, который душу свою полагаетъ за овцы, и, наоборотъ, пастырь, соблюдающій душу свою, есть наемникъ, тать и губитель стада Христова³⁾. Ибо Христось не сказалъ: „пастырь добрый принимаетъ честь и служеніе, но—душу свою полагаетъ за овцы“ (Іоанн. 10, 11)⁴⁾. Насколько самоотверженная любовь необходима пастырю, можно видѣть изъ того, что и Самъ Христось поставилъ ее условіемъ принадлежности человѣка къ Церкви, указавъ на нее, какъ на отличительный признакъ Своихъ послѣдователей. *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). „А св. ап. Павелъ говоритъ, что любовь есть исполненіе закона (Римл., 13, 10), и что безъ нея никакія дарованія не приносятъ пользы—(I Кор. 13, 1—3“)⁵⁾. Если же любовь необходима для каждаго человѣка, чтобы считаться истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ, то тѣмъ болѣе она необходима для пастыря Церкви, призваннаго насаждать вѣру Христову въ сердцахъ людей. И дѣйствительно, какъ можетъ человѣкъ другихъ учить любви и прочимъ добродѣтелямъ, когда самъ не имѣетъ ничего подобнаго? Какъ можетъ пастырь побуждать и одобрять вѣрныхъ на борьбу за Христа и Его ученіе, когда самъ готовъ бѣжать при первой опасности и бросить свое стадо на расхищеніе врагамъ? Плохой тотъ учитель нравственности, который самъ живетъ не по Евангелію; онъ подобенъ человѣку, разрушающему одной рукою то, что другая старается созидать. Не достаточно и

¹⁾ Бес. на Ев. Іоанн., ч. II, б. 60, стр. 164—165.

²⁾ Бес. на разп. мѣст. Св. Пис., т. II, стр. 136; Сиб. 1862 г., ср. бес. на I Кор., ч. I, б. X, стр. 172. Сиб. 1858 г.

³⁾ Бес. на Ев. Іоанн., ч. II, б. 60, стр. 165.

⁴⁾ Бес. на Псалмы, т. II, пс. 113, стр. 61.

⁵⁾ Слова о священствѣ, стр. 43.

даже прямо вредно для дѣла Христова говорить одно, а дѣлать другое, противоположное, не подтверждать жизнію своего ученія: такой разладъ между ученіемъ и жизнію можетъ только вызвать нареканія на человѣка и возбудить сомнѣніе въ истинности и плодотворности самой христіанской религіи. Пастырю Церкви особенно необходимо наблюдать гармонію между своимъ ученіемъ и жизнію, потому что, „когда жизнь учителя свѣтла, и ученіе соотвѣтствуетъ ей, то бываетъ великая и неизреченная польза ¹⁾); пастырское служеніе не отдѣлимо отъ личности самого пастыря и постольку приноситъ благіе результаты, поскольку пастырь дѣйствуетъ на пасомыхъ своей личностью, силою своего нравственного характера. Да и вообще, можетъ ли пастырь безъ силы любви совершить что-либо хорошее и великое, когда безъ нея не возможно совершить ничего даже просто порядочнаго? Самоотверженіе необходимо въ каждомъ истинно гуманномъ дѣлѣ.—Да, только тотъ, по словамъ св. Златоуста, можетъ быть истиннымъ пастыремъ Церкви, вести своихъ чадъ христіанскимъ путемъ, быть всегда и вездѣ всѣмъ для всѣхъ, кто любитъ своихъ ближнихъ беззавѣтно, отъ чистаго сердца, помимо какихъ-либо эгоистическихъ соображеній и цѣлей; кто простираетъ свою любовь „до положенія своего живота за други своя“, и кто, наконецъ, подобно ап. Павлу, можетъ сказать: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницъхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 3) ²⁾, или подобно Василию (другу св. Златоуста): „иначе не умѣю любить, какъ развѣ жертвуя и жизнію своею тамъ, гдѣ должно спасти погибающаго друга“ ³⁾. Вотъ почему и Христось поручилъ Свое стадо ап. Петру лишь послѣ того, какъ послѣдній сказалъ, что любить Его. А кто любитъ Христа, тотъ, по словамъ св. отца, будетъ любить и Его стадо ⁴⁾.

¹⁾ Бес. на посл. къ Тигу, б. IV, стр. 51.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 66.

³⁾ Тамъ же, стр. 45.

⁴⁾ Толк. на посл. къ Римл., б. 29, стр. 664.

Но одной даже и такой любви недостаточно, — нужно пастырю обладать еще и другими качествами души.

Выше было замѣчено, что пастырю Церкви всегда приходится вести брань съ внутренними и виѣшними врагами, очень опасными и многочисленными. Чтобы эта борьба была успѣшна и плодотворна, ему нужно быть благоразумнымъ и мужественнымъ. — Въ чемъ же должно заключаться пастырское благоразуміе?

Пастырю Церкви, въ силу своего долга, приходится обращаться со многими и весьма различными людьми: и съ мужчинами и съ женщинами, и съ старыми и съ малыми, и съ богатыми и съ бѣднымъ и т. д. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ имъ должна руководить любовь — и только одна христіанская любовь. Но чтобы эта любовь не оказалась тщетною и не получила уродливаго проявленія, пастырь долженъ быть опытенъ и благоразуменъ, т. е. долженъ хорошо знать почву, на которой ему приходится дѣйствовать, — тѣхъ людей, съ которыми онъ обращается; въ противномъ случаѣ онъ можетъ лишь повредить своею любовью, своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ ближнимъ, тѣмъ болѣе, что внимательность любящаго существа кажется иногда какою-то невязчивою. Повидимому, это странно, но на практикѣ обыкновенно такъ бываетъ. Иногда человѣкъ, исполненный самыхъ благихъ намѣреній и желаній по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, потому только не достигаетъ своихъ цѣлей и, вмѣсто расположенія, возбуждаетъ въ ближнихъ непріязненное чувство къ себѣ, что не умѣетъ обращаться съ ними, не знаетъ, что и когда хорошо употребить и въ отношеніи къ кому именно. Говоря кратко, такой человѣкъ потому терпитъ неудачи, что не имѣетъ практической сноровки и оытности, того житейскаго смысла и такта, которые необходимы всякому, вращающемуся среди многочисленнаго и разнохарактернаго общества. Пастырю, поставленному во главѣ церковнаго корабля, болѣе, чѣмъ кому-либо другому, необходимо имѣть этотъ житейскій смыслъ и тактъ, способность и умѣ-

не соображаться съ обстоятельствами мѣста и времени и пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ для своихъ цѣлей, но такъ, чтобы это пользованіе и приноравливаніе не вредило его репутаціи и не сопровождалось никакими сдѣлками съ совѣстью. Св. Златоустъ не даетъ логическаго, формальнаго опредѣленія этого качества пастырскаго поведенія, онъ только описываетъ его,—вѣроятно, потому что первое сдѣлать довольно трудно, тогда какъ послѣднее легко и въ то же время достаточно для его цѣли. Сказавъ, что пастырь долженъ быть опытенъ (знать все житейское не менѣе обращающихся въ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ отрѣшиться отъ всего болѣе иноковъ¹⁾, обитающихъ въ горахъ), св. Златоустъ прибавляетъ затѣмъ, что пастырь еще долженъ быть „разнокачественъ“,—„разнокачественъ, но не лукавъ, не льстець, не лицемеръ; долженъ имѣть полную свободу и смѣлость, и однакожь, когда потребуютъ обстоятельства, долженъ приноравливаться съ пользою, ему должно быть и ласковымъ, и вмѣстѣ суровымъ. Никакъ нельзя обходиться со всѣми подначальными одинаковымъ образомъ, подобно какъ врачамъ нельзя лѣчить всѣхъ больныхъ одинаковыми способами, и для кормчаго недовольно знать только одинъ образъ сраженія съ вѣтрами. Ибо и корабль церковный возмущаютъ частыя бури. А бури сіи наступаютъ не только отвнѣ, но и воздвигаются извнутри. Почему со стороны священника требуется великая снисходительность и великая строгость“²⁾). И въ другомъ мѣстѣ св. отецъ говоритъ: „пастырю надо имѣть много благоразумія и много очей, чтобы отовсюду обозрѣвать состояніе души. Ибо какъ многіе приходятъ въ ожесточеніе и отчаиваются въ своемъ спасеніи, потому что не могутъ переносить жестокаго врачеванія, такъ, напротивъ, есть и такіе, кои, не бывъ достойно наказаны за грѣхи, приходятъ въ небреженіе, становятся развращенными и грѣшатъ съ большею смѣлостію. Итакъ, долгъ священника—ничего не оста-

¹⁾ Слова о свящ., стр. 178. 186.

²⁾ Слова о свящ., стр. 178—179.

вѣять безъ испытанія, но, при строгомъ изслѣдованіи всего, избирать средства, согласныя съ состояніемъ душъ, дабы стараніе не осталось безъ успѣха“¹⁾. „Онъ (т. е. пастырь) долженъ быть и важенъ и не гордъ, суровъ и благосклоненъ, начальникъ и вмѣстѣ клеветъ, безпристрастенъ и услужливъ, смиренъ и нечеловѣкоугодливъ, строгъ и милостивъ“²⁾. Чтобы являть на дѣлѣ такія разнообразныя качества обращенія съ людьми, пастырю необходимо всегда быть *трезвеннымъ*, т. е. быть прозорливымъ, проникательнымъ, смотрѣть тысячью глазъ и умственный взоръ имѣть яснымъ, непомраченнымъ³⁾, а главное—ему всегда нужно изучать своихъ пасомыхъ, вникать въ ихъ жизнь и знать чрезъ это ихъ настроенія.—Итакъ, въ сущности пастырское благоразуміе есть не что иное, какъ умѣніе пастыря пользоваться обстоятельствами и своимъ опытомъ для достиженія цѣлей пастырскаго служенія, но безъ всякаго ущерба для собственной совѣсти и злоупотребленія довѣріемъ и свободой ближнихъ.

Вмѣстѣ съ благоразуміемъ въ пастырѣ должно соединиться мужество или крѣпость духа. Это и понятно. Въ плаваніи по волнамъ моря житейскаго пастырю часто приходится имѣть дѣло съ бурями и разнаго рода невзгодами. Чтобы не быть побѣжденнымъ враждебными стихіями, ему, какъ и простому кормчему, необходимо умѣть искусно править своимъ церковнымъ кораблемъ; но это искусство въ значительной степени обуславливается, кромѣ опытности, еще мужествомъ, или присутствіемъ духа въ пастырѣ. Одно неострожное движеніе руля, одинъ неправильный поворотъ корабля, являющійся слѣдствіемъ робости или смущенія кормчаго, можетъ испортить все дѣло и превратить въ ничто всѣ предыдущіе труды плаванія. Среди такихъ опасностей пастырю, при всемъ своемъ благоразуміи, естественно растеряться, бросить совѣмъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 36; ср. стр. 46. 67 и др.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 24.

³⁾ Слова о свящ., стр. 76; ср. Бзс. на 1 Тим., б. X, стр. 132.

Рук. для сельск. наст. 1904 г., т. 2.

руль и предоставить корабль власти бушующей стихіи. Можно сознавать всю нелѣпность подобнаго поступка, и однако можно ничего не сдѣлать для его предотвращенія, если не хватитъ на это присутствія духа и силы воли.—Присутствіе духа необходимо пастырю всегда, а не въ извѣстныхъ только случаяхъ, потому что вся жизнь добраго пастыря состоитъ, по мнѣнію св. Златоуста, изъ критическихъ обстоятельствъ и является непрерывнымъ мученическимъ подвигомъ¹⁾. Вотъ почему св. отецъ неоднократно говоритъ о томъ, чтобы пастырь имѣлъ душу крѣпкую и мужественную, твердую и неустрашимую²⁾. Вотъ почему онъ спрашиваетъ: „кто раздѣлилъ себя на такое множество народа и взялъ на себя столько различныхъ заботъ, сколько у него подчиненныхъ³⁾, тотъ можетъ ли истинно споспѣшествовать благу ихъ, если не будетъ имѣть души крѣпкой и мужественной?“⁴⁾.—На этотъ вопросъ св. Златоустъ не даетъ никакого отвѣта, но онъ самъ собою вытекаетъ изъ контекста рѣчи и долженъ быть отрицательный: слабохарактерный пастырь не можетъ принести пользы своимъ пасомымъ.—Итакъ, пастырь долженъ быть твердъ душею и всегда сохранять присутствіе духа такъ, чтобы его не смущали и не колебали никакія ученія и теоріи, противныя духу христіанской чести, но и чтобы страсти не поработили его духа⁵⁾. Въ силу опять-таки своего положенія, пастырю нужно обладать громаднымъ терпѣніемъ, или умѣньемъ владѣть собой, держать себя въ должныхъ границахъ. И всякому вообще человѣку не хорошо быть нетерпѣливымъ до капризности и возмущаться малѣйшими неприяностями и пустяками, а тѣмъ болѣе дурно такъ поступать священнику, какъ главѣ цѣлаго прихода. Какой же онъ

¹⁾ Толк. на посл. къ Римл., б. 29, стр. 670.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 37. 72. 77. 165 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 175.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 77.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 170.

можетъ подать примѣръ своей паствѣ? ¹⁾—Поэтому пастырь всегда долженъ соблюдать ровность духа и никогда не долженъ выходить изъ нормальнаго состоянія. Всякій поступокъ, нарушающій эту ровность и обнаруживающій въ пастырѣ неумѣнье владѣть собою, роняетъ его въ глазахъ пасомыхъ. То обстоятельство, что пастырю представляется масса случаевъ раздражаться, или, какъ говорятъ, выходить изъ себя, нисколько не должно извинять его, напротивъ, оно-то и должно побуждать пастыря къ наибольшему упражненію въ терпѣніи, въ искусствѣ владѣть собою. Если кто не долженъ раздражаться, такъ это именно пастырь, потому что онъ учитъ своихъ пасомыхъ не одною жизнію, а и словомъ; но кто гнѣвается, тотъ не можетъ никого убѣдить ²⁾.

Св. Златоустъ не перечисляетъ всѣхъ поступковъ и случаевъ, въ которыхъ нарушается душевное спокойствіе пастыря,—онъ останавливаетъ свое вниманіе только на одномъ пороку, который особенно не терпимъ въ пастырѣ и по преимуществу нарушаетъ ровное состояніе его духа—на гнѣвѣ. Въ глазахъ св. отца этотъ порокъ такъ великъ и предосудителенъ, что онъ прямо говоритъ: „таковыхъ-то (т. е. людей гнѣвливыхъ и ожесточающихся) наиболѣе надлежитъ удалять отъ предѣловъ священства“ ³⁾. Тѣмъ, значитъ, строже нужно относиться къ этому пороку въ пастыряхъ, разъ они не воздерживаются отъ гнѣва. Но почему же на этотъ порокъ св. Златоустъ обращаетъ особенное вниманіе и почему относится къ нему такъ строго? „Если предстоятель,—говоритъ онъ,—не изнуряетъ себя голодомъ и не ходитъ босыми ногами, это ни мало не вредитъ Церкви (т. е. это еще не важно); но пылкость гнѣва причиняетъ какъ ему, такъ и ближнимъ много бѣдствій. Не соблюдающимъ перваго Богъ ничѣмъ не угрожаетъ, но безразсудно воспаляющимся гнѣвомъ грозитъ

¹⁾ Слова о свящ., стр. 77—78.

²⁾ Бес. на Дѣянія, ч. II, стр. 70—71. Спб. 1857 г.

³⁾ Слова о священствѣ, стр. 78.

геенною и огнемъ гееннскимъ... Тотъ, кто скоро воспламеняется (гнѣвомъ), подобенъ звѣрю, отовсюду и всѣми уязвляемому, — и самъ никогда не можетъ быть спокоенъ и вѣреннхъ ему непрерывнымъ подвергаетъ смятеніямъ. Ничто столько не помрачаетъ чистоту души и ясность мыслей, какъ стремительный и необузданный гнѣвъ. Гнѣвъ губить и разумныя (Прит. 15, 1). Потемненное око души, какъ въ ночномъ сраженіи, не отличаетъ союзниковъ отъ непріятелей, худыхъ отъ добрыхъ, но на всѣхъ одинаково смотритъ и, хотя бы предстояло какое-нибудь зло, на все удобно рѣшается, только бы насытить душу удовольствіемъ. Ибо пылкость гнѣва есть нѣкотораго рода удовольствіе и сильнѣе плотскаго вожделѣнія колеблетъ душу, всякимъ образомъ возмущая все мирное ея состояніе. Поелику легко вдыхаетъ надменность, несправедливыя вражды, безразсудную ненависть, часто принуждаетъ безъ причины наносить оскорбленія и заставляетъ говорить и дѣлать много другого подобнаго: душа увлекается быстрымъ потокомъ страсти и нигдѣ не можетъ остановиться, чтобы противостоять ея стремленію¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ, сравнивая гнѣвъ съ кротостію и великодушіемъ, говоритъ, что „лучше жить съ звѣремъ, чѣмъ съ гнѣвливымъ человѣкомъ: звѣря надо только разъ укротить, и онъ станетъ смиреннымъ, а этого сколько ни укрощай, онъ все будетъ ожесточаться“. „Нѣтъ ничего хуже гнѣва, нѣтъ ничего хуже неумѣстной раздражительности. Гнѣвъ не терпитъ дальняго отлагательства; это — бурная страсть“. „И въ этой бурности то и заключается весь вредъ гнѣва“. „Вѣдь то и ужасно, — продолжаетъ св. отецъ, — что въ короткое время, чрезъ одинъ поступокъ, чрезъ одно даже слово, эта страсть часто лишаетъ насъ вѣчныхъ благъ и дѣлаетъ напрасными безчисленные труды“²⁾. Послѣ этого понятно, почему св. Златоустъ такъ сильно вооружается противъ гнѣва и почему наста-

¹⁾ Слова о свящ., стр. 78—79. 80.

²⁾ Бес. на Дѣліи, ч. I, б. VI, стр. 120—122. Сиб. 1856 г.

иваетъ, чтобы не допускать до принятія священнаго сана людей гнѣвливыхъ Мы считаемъ излишнимъ комментировать его слова: они слишкомъ ясны и понятны; скажемъ только, что этотъ порокъ болѣе всего вредитъ идеальному пастырскому служенію и болѣе несомѣстимъ съ тѣми качествами, которыми, по мысли св. отца, долженъ обладать истинный пастырь Церкви,—что порокъ этотъ болѣе всего можетъ вредить успѣхамъ пастырства, благотворному воздѣйствію пастыря на своихъ пасомыхъ.

К. Б—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о д в и г ь ³⁾.

(Разсказъ изъ быта сельскаго духовенства).

XVI

На третій день послѣ поѣздки въ городъ о. Григорій получилъ отъ волостного разсылнаго письмо, присланное Петромъ Николаевичемъ Сокольскимъ, слѣдующаго содержания: „Безцѣнный батюшка и любезный сынъ! прошу на меня не обижаться: я не утерпѣлъ и, жалѣя васъ обоихъ, побывалъ у преосвященнаго. Онъ, выслушавъ мой разсказъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ, очень жалѣлъ васъ и принялъ въ васъ большое участіе. Онъ предлагаетъ тебѣ, о. Григорій, праздное мѣсто священника при духовной семинаріи. Знаю, тебѣ не захочется разставаться со своимъ приходомъ, гдѣ вы такъ много оба пострадали! Знаю и то, что тебѣ трудно будетъ оставить служеніе, съ которымъ у тебя соединено столько сладкихъ мечтаній и надеждъ!—Но, милый мой, никто не виновать, что ты явился на землю со своими идеалами такъ несвоевременно! Вѣдь твои идеалы—настоящая утопія! Пожалѣй себя, пожалѣй жену да и меня пожалѣть не позабудь! Обнимаю васъ обоихъ и благословляю на новое дѣло, которое даетъ тебѣ, какъ духовнику семинаристовъ, полную возможность вліять не религіозно-нравственное развитіе духовныхъ юношей—будущихъ пастырей Церкви“.

³⁾ См. № 21 за 1904 г.

Прочитавши письмо, супруги задумались.

— Какъ ты думаешь насчетъ этого?—спросила мужа Софья Петровна, которая весьма была рада возможности уйти изъ Богородскаго.

— Я думаю,—рѣзко отчеканивая слова, произнесъ о. Григорій,—намъ нужно помолиться Господу Богу, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ такого великаго искушенія!

— Гриша! родной! Да пожалѣй ты себя-то!—съ воплемъ отчаянія произнесла Софья Петровна и, припавъ головою къ столу, горько разрыдалась.

Долго о. Григорій утѣшалъ супругу, но она продолжала безутѣшно плакать.

— Послушай, дорогая Соня! поѣзжай къ отцу своему!—предложилъ, наконецъ, онъ.

— Ни за что я тебя не оставляю!—твердо сказала Софья Петровна, поднявъ отъ стола заплаканное лицо:—ужь если ты не боишься нужды и страданій, то и я ихъ не боюсь! Въдь не себя я жалѣю, а тебя! слышишь? тебя мнѣ жалко!

— Спасибо, дорогая! я вѣрю тебѣ,—взволнованно заговорилъ о. Григорій:—сумѣю ли только я заплатить за ту любовь, ради которой ты отказала завиднымъ и матеріально обеспеченнымъ женихамъ? Ты беззавѣтно отдалась бѣдному, почти нищему священнику! Спасибо тебѣ! Можетъ быть, ты и не ожидала, что тебя ждуть такія великія испытанія! Ты стремилась къ идеалу, но не подозрѣвала, что путь къ нему скользокъ и тяжелъ, безъ помощи Божіей почти не возможенъ. Я же зналъ это, предвидѣлъ, но и при всемъ томъ на свои силы больше не надѣюсь, потому что изнемогаю... Вся надежда на Господа! И я твердо вѣрую: Онъ насъ не оставитъ и поможетъ совершить избранный мною подвигъ. И хотя я изнемогаю, но, дорогая моя, не могу ужь поворотить назадъ и исполнить просьбу твоего отца. Да и стоитъ ли намъ унывать? можетъ быть, трудный путь уже пройденъ нами? Можетъ быть, мы находимся съ тобой наканунѣ лучшихъ, счастливейшихъ дней? А если и не такъ, то, во всякомъ случаѣ, Господь не потребуетъ отъ насъ такихъ жертвъ и усилій, на которыя мы не способны. Онъ, видя наши честныя, добрыя стремленія, призоветъ насъ, настрадавшихся, въ тѣ обители, въ ту горнюю нашу родину, гдѣ вѣчно царствуетъ Любовь, гдѣ идетъ вѣчно-юная весна, гдѣ все собой проникаетъ Солнце истины, правды, мира и красоты! Итакъ, дорогая, горемъ и слезами очистимъ, омоемъ себя и тѣмъ до-

стойно приготовимся къ невѣдомой, вѣчно счастливой будущности!...

И по щекамъ о. Григорія тихо катились слезы.

— Вотъ, Гриша, меня утѣшаешь, а самъ плачешь!— сказала недовольнымъ тономъ Софья Петровна, съ любовью глядя на мужа.

— Я плачу отъ радости, что ты меня не покидаешь!— улыбаясь сквозь слезы, сказалъ о. Григорій.

Вечеромъ этого дня они сообща написали Петру Николаевичу письмо, въ которомъ просили на ихъ счетъ не беспокоиться.

XVII

Наступилъ зимній праздникъ св. и чуд. Николая. Въ Богородскомъ храмѣ шла литургія. Народу за богослуженіемъ, по случаю дурной погоды, было не много. О. Григорій, по обыкновенію предавшись молитвѣ душой и тѣломъ, служилъ прекрасно; только въ его голосѣ были замѣтны скорбныя нотки, отголоски переживаемыхъ трудныхъ обстоятельствъ. Служилъ онъ безъ дьякона, потому что мѣсто послѣдняго все еще оставалось празднымъ: никто не шелъ въ приходъ безъ дохода! На клиросѣ пѣли два крестьянина, хорошо знавшіе церковный уставъ. Псаломщикъ отсутствовалъ: онъ находилъ для себя болѣе пріятнымъ проводить время въ трактирѣ, чѣмъ пѣть и читать въ храмѣ. Кончилась служба. О. Григорій вышелъ говорить поученье. Произнесши нѣсколько вступительныхъ словъ, онъ пошатываясь воротился къ престолу и припалъ къ нему. Народъ пришелъ въ волненіе. Черезъ нѣсколько мгновеній священникъ еле-еле приподнялся отъ престола, съ трудомъ закрылъ царскія двери и задернулъ ихъ завѣсою; потомъ съ величайшими усиліями онъ дошелъ до жертвенника и потребилъ св. Дары. Изъ храма пришлось везти его на саняхъ: у него начался бредъ. Софья Петровна положительно теряла голову. На счастье, къ нимъ въ это время пріѣхалъ о. Николай. Узнавши, въ чемъ дѣло, о. Николай тотчасъ-же поѣхалъ за врачомъ въ село Воскресенское, откуда поздно вечеромъ привезъ Павла Петровича.

— Брюшной тифъ самой опасной формы,—сказалъ мрачно врачъ о. Николаю послѣ осмотра больного, когда писалъ рецептъ.

— Господи милосердый! да откуда онъ подцѣпилъ его?— съ ужасомъ воскликнулъ тотъ.

— Недоѣданіе, полное истощеніе силъ, легкая простуда—вотъ откуда,—суровымъ тономъ произнесъ врачъ.

— А есть ли какая надежда на благополучный исходъ?—озабоченно спросилъ о. Николай съ дрожью въ голосѣ.

— Эхъ, отецъ! лучше и не спрашивайте!—грустно сказалъ Павелъ Петровичъ, дописывая рецептъ.

— Вотъ что, батюшка: катайте опять въ Воскресенское за лѣкарствами, я побуду здѣсь: боюсь я и за матушку—того гляди, и та свалится!

Всю ночь о. Григорій метался въ жару; къ утру онъ немного успокоился. У его постели, не смыкая глазъ, сидѣли врачъ и Софья Петровна: Павелъ Петровичъ не могъ заставить ее итти спать.

На разсвѣтѣ пріѣхалъ съ лѣкарствами о. Николай.

— Ну, что, какъ больной?—тревожно спрашивалъ онъ врача.

— Ничего опредѣленнаго сказать не могу; все-таки, немного надѣюсь на счастливый исходъ... Вотъ, батюшка, дадите эти лѣкарства, а я уѣзжаю сей часъ въ свою амбулаторію на пріемъ больныхъ. Часа въ три вечера ворочусь.

— Эхъ, о. Григорій,—вполголоса говорилъ врачъ, усаживаясь въ сани:—почему ты близокъ и дорогъ вдругъ сталъ для меня?... И невольно слеза скатилась по его щекѣ.

На дорогѣ, противъ дома сельскаго старосты, стояла толпа крестьянъ. Мужики, по обыкновенію, о чемъ-то галдѣли.

— Посторонитесь!—крикнулъ врачъ, шагомъ подъѣзжая къ толпѣ.

— Што, баринъ? какво здоровье батьки-то нашего?—спрашивали мужики разступаясь.

— Вы голодомъ сморили его, ироды!—съ сердцемъ сказалъ Павелъ Петровичъ и, настегавъ лошадь, умчался.

Крестьяне сперва примолкли; потомъ тихо, задумчиво разбрелись по домамъ: видно, совѣсть, наконецъ, заговорила таки.

И. Горскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го іюня 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 27-го іюня.

Содержаніе: Одно изъ застарѣлыхъ и неосновательныхъ нареканій на русское духовенство — Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ (продолженіе).—Изъ деревенскихъ впечатлѣній (Благолѣивое богослуженіе).

Одно изъ застарѣлыхъ и неосновательныхъ нареканій на русское духовное сословіе.

Трудно перечислить всѣ тѣ упреки и нареканія, какіе слышатся по адресу православнаго духовенства со стороны свѣтской печати; нѣтъ ни одной стороны въ жизни духовенства, въ его дѣятельности, которая не подвергалась бы критикѣ со стороны свѣтской печати, не вызывала бы укоровъ, насмѣшекъ, а иногда и прямо-таки глумленія. Разумѣется, нельзя не прислушиваться ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ, отзывамъ, такъ какъ въ нихъ часто слышится голосъ жизненной правды, свидѣтельство наблюдателя со стороны; но не мало въ этихъ отзывахъ и несправедливаго, фальшиваго, объясня-

емаго частію пристрастіемъ пишущихъ, частію ихъ верхоглядствомъ, незнаніемъ жизни духовенства.

Въ настоящій разъ намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о бракахъ въ духовномъ сословіи, какъ они изображаются въ свѣтской литературѣ; о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ, по мнѣнію свѣтской печати, заключаются браки между лицами духовнаго сословія.

Времена варварства и грубаго пасилія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракъ, въ настоящее время прошли даже для крестьянъ; и въ деревнѣ далеко не каждая дѣвушка,—не говоримъ уже о парняхъ,—согласится идти за того, кто ей не любъ. Бываютъ еще, правда, въ крестьянской средѣ печальные случаи самоуправства, но они становятся все рѣже и рѣже. Въ общемъ же можно прямо и смѣло сказать, что во всѣхъ сословіяхъ у насъ теперь обыкновенно вступаютъ въ бракъ по взаимному согласію и влеченію лицъ брачующихся.

Не то говоритъ свѣтская литература о духовенствѣ. Здѣсь, говоритъ она, браки заключаются просто по необходимости: женихъ женится только потому, что долженъ жениться,—безъ этого ему не дадутъ мѣста; невѣста выходитъ замужъ потому, что ей нужно имѣть уголь, человѣка, который бы ее кормилъ; вопросъ о чувствѣ, о взаимномъ влеченіи здѣсь не имѣетъ мѣста, стоитъ совсѣмъ на заднемъ планѣ. Оканчиваетъ воспитанникъ семинаріи курсъ, проситъ мѣста и получаетъ его. Потомъ уже онъ долженъ подумать о невѣстѣ, для чего дается ему епархіальнымъ начальствомъ срокъ 2—3 недѣли. Въ этотъ короткій промежутокъ времени семинаристъ долженъ влюбиться, жениться и явиться въ епархіальный городъ для рукоположенія. „А чего стоитъ семейная жизнь, которая сшивается въ 2—3 недѣли, какъ попало и съ кѣмъ попало“!..¹⁾

¹⁾ „Новый Путь“, апрѣль 1904 г., стр. 211.

У одного изъ новыхъ писателей, Елеонскаго, спеціалиста по изображенію жизни духовенства, есть интересный рассказъ: „Панаша крестный“, рисующій, какъ женятся „духовные“. Богатый и ловкій о. Никандръ встрѣчаетъ на желѣзной дорогѣ своего крестника. Между разными рѣчами, переданными г. Елеонскимъ очень живо и интересно, крестный коснулся и вопроса о женитьбѣ.

— Кстати, обращается онъ къ крестнику: какъ ты думаешь насчетъ своего будущаго? Хочешь—я тебѣ невѣсту найду?

— Отчего же? къ этому время идетъ.

— Ну, такъ по рукамъ?

— А кто она?

— Да не плохая. Развѣ я тебя обману? Есть у меня племянница... Она хоть въ епархіальномъ училищѣ не училась, но дѣвица правильная во всѣхъ статьяхъ..¹⁾

Черезъ нѣсколько дней Иванъ Петровичъ, — такъ звали крестника, — былъ у крестнаго, обѣдалъ; за обѣдомъ выпили, да усугубили, да повторили; послѣ обѣда Ивану Петровичу одно оставалось — сдѣлать предложеніе племянницѣ о. Никандра — Глафирѣ Кирилловнѣ.

— А знаете ли, Глафира Кирилловна, я хочу жениться? — развязно началъ Иванъ Петровичъ подъ вліяніемъ еще шумѣвшаго въ головѣ хмеля.

— Доброе дѣло. Во священники, значить, выходите?

— Да.

— Конечно, чего же медлить; товарищи ваши уже давно въ рясахъ... Дай Богъ вамъ хорошую невѣсту.

— Знаете ли, Глафира Кирилловна, кто у меня на примѣтѣ?

— Почему же я могу знать, что у васъ на душѣ, — я не Святой Духъ.

— А, можетъ, интересуется?

¹⁾ „Разказы“ Елеонскаго, т. I, стр. 180. 1903 г.

— Скажите,—произнесла Глаша тихо...

— Вы!—выпалилъ Иванъ Петровичъ.

— Я?—изумилась Глаша, и краска залила ее лицо.

— Вы что на это скажете?

— Какъ маменька позволить, — отвѣтила она, видимо, давно припасенную на этотъ случай и потому фальшивую фразу, и повела по лицу платкомъ, свернутымъ въ комочекъ.

— А вы сами какъ?

— Я что же... ничего...¹⁾

Особенно зло высмѣваются, — въ настоящее время, правда, довольно рѣдкіе случаи, когда семинаристы „женятся на приходахъ“, т. е. берутъ невѣсть, за которыми родители или родственники уступаютъ приходы. Такіе случаи—повторяемъ—рѣдки, но въ обществѣ, гдѣ жизнь духовенства знаютъ очень мало, господствуетъ убѣжденіе, что семинаристы чуть ли не всегда, „женятся на приходахъ“. Указанный односторонній взглядъ на браки въ духовномъ сословіи основывается, на нашъ взглядъ, на простомъ недоразумѣніи. Семинаристъ настоящаго времени—далеко не то, чѣмъ онъ былъ 30—50 лѣтъ тому назадъ. Замкнутая жизнь старой семинаріи въ настоящее время отошла уже въ область преданій, и даже въ самыхъ строгихъ семинаріяхъ семинаристамъ открыта возможность бывать въ обществѣ—не въ аристократическихъ, разумѣется, салопахъ, а всего чаще въ своемъ же духовномъ кругу; во многихъ семинаріяхъ устраиваются даже вечера, гдѣ возможны для семинаристовъ знакомства; а разъ это есть, то есть и возможность сходиться молодежи и сблизиться. Прибавьте къ этому каникулярное и праздничное время, когда семинаристъ бываетъ, гдѣ только ему заблагоразсудится,—и для всякаго станетъ яснымъ, что семинаристъ имѣетъ полную возможность выбирать себѣ подругу по сердцу, а не жениться на первой встрѣчной.

¹⁾ Тамъ же, стр. 201.

Скороспѣлости, отсутствіе будто бы взаимнаго влеченія въ бракахъ между лицами духовнаго сословія свѣтскія лица объясняютъ прежде всего тѣмъ, что каждый семинаристъ, желающій быть священникомъ, почему-то долженъ будто бы спѣшить съ бракомъ. Но это — явное недоразумѣніе. Каждый семинаристъ отлично знаетъ, что онъ долженъ прежде посвященія жениться; семейный вопросъ каждый семинаристъ рѣшаетъ самъ, по своей доброй волѣ, и епархіальное начальство тутъ ни при чемъ; оно никого не подгоняетъ и не понукаетъ, никому не говоритъ: „женись какъ можно скорѣе“, представляя это дѣло устраивать каждому, какъ онъ то найдетъ для себя лучшимъ.

Но, быть можетъ, семинаристъ поставленъ въ такія условія, что долженъ непременно жениться, и эта необходимость, это обязательство лишаетъ его возможности сдѣлать выборъ по сердцу?—Въ самомъ дѣлѣ,—какъ намъ приходилось слышать въ частныхъ бесѣдахъ,—нѣкоторые представляютъ положеніе семинариста слишкомъ уже въ мрачныхъ краскахъ. Окончилъ, говорятъ, человекъ курсъ семинаріи,—что дѣлать? По свѣтской дорогѣ идти нельзя, да и въ солдаты заберутъ, средствъ къ жизни нѣтъ; часто семья отца требуетъ поддержки,—что остается дѣлать? — Надѣвать поскорѣе рясу, а для этого—поскорѣе жениться, на комъ придется.—Что нѣкоторые семинаристы такъ и поступаютъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія; но, во всякомъ случаѣ, это не правило, не общеобязательный законъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напр., въ Курской, семинаристъ, желающій получить мѣсто священника, долженъ сначала послужить 2—3 года псаломщикомъ или учителемъ:—неужели такой срокъ недостаточенъ для того, чтобы найти себѣ подругу по сердцу? Отъ каждаго, при этомъ, вполне зависитъ указанный срокъ продлить, сколько угодно, такъ какъ къ священству никого и никогда насильно не влекутъ. Пожалуй, вопросъ матеріальный,—вопросъ о кускѣ хлѣба можетъ вынуждать семинариста спѣшить съ бракомъ и принятіемъ священства; но, при желаніи, холо-

стой семинаристъ можетъ кое-какъ перебиваться: содержаніе псаломщика равно содержанію сельскаго учителя, и одному человѣку на это содержаніе кое-какъ прожить можно.

Отсутствіе якобы въ бракахъ между лицами духовнаго сословія взаимнаго влеченія нѣкоторые писатели объясняютъ строгой кастичностію православнаго духовенства: „если ты *поповичъ* и хочешь быть *попомъ*, то и жениться долженъ на *поповнѣ*, на *своей*“. Въ весьма распространенномъ „Журналѣ для всѣхъ“ за текущій годъ помѣщенъ рассказъ Серафимовича: „Наденька“. Суть рассказа въ слѣдующемъ. Умную, симпатичную дѣвушку Наденьку выдаютъ замужъ за семинариста. Знаетъ она своего жениха мало, видѣла всего только два-три раза, но выходитъ замужъ за него потому, что онъ—семинаристъ, имѣетъ приходъ. Случилось такъ, что въ самый день свадьбы женихъ запоздалъ: задержала вьюга, а главное—заяцъ, перебѣжавшій дорогу. Пользуясь замедленіемъ и общимъ смятеніемъ, на сцену является новый человѣкъ, болѣе симпатичный для дѣвушки, болѣе ей знакомый, и изъясняетъ согласіе жениться на ней. Противъ неожиданнаго претендента поднимается цѣлая буря: „*Матушки*,—рассказываетъ самъ онъ,—съ хозяйкой во главѣ, съ злыми лицами, выкрикивая и размахивая руками, разбирали меня, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, по косточкамъ: я носъ у меня башмакомъ, и расту я небольшого, и *не священническаго роду*, и въ карманахъ сквозной вѣтеръ“. Мало-по-малу буря, поднятая „матушками“, утихла, случайный женихъ восторжествовалъ,—его благословили. Но, на его бѣду, въ это время прибылъ первый женихъ. Нади его не любила, даже мало знала, но зато онъ былъ „*поповичъ*“ и хотѣлъ быть „*попомъ*“,—онъ-то и сталъ съ Надей подъ вѣнецъ ¹⁾). Все это, можетъ быть, и бывало когда-нибудь,—спорить объ этомъ трудно; но ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ тѣмъ, будто духовенство замкнуто въ строгую касту, гдѣ

¹⁾ „Журналъ для всѣхъ“, 1904 г., февраль, стр. 66.

цѣнятся только тотъ, кто имѣетъ отношеніе къ „священническому роду“. Масса лицъ изъ духовнаго круга и женится и выходитъ замужъ за свѣтскихъ, особенно въ городахъ. Въ старину нѣкоторые епархіальные архіереи требовали отъ кандидатовъ священства, чтобы они женились непременно на дѣвушкахъ духовнаго званія; теперь про такія требованія не слышно ни въ одной епархіи. Если семинаристы въ большинствѣ случаевъ вступаютъ въ бракъ съ дѣвушками изъ духовнаго круга, то это объясняется не какими-либо общепринятыми требованіями, а другими весьма простыми причинами: возможностью чаще встрѣчаться вмѣстѣ, а, слѣдовательно, и сближаться, единствомъ воспитанія, привычекъ и вкусовъ, знаніемъ условій жизни духовенства и т. п. Это кажется такъ понятно и просто. Жениться кандидату священства на крестьянкѣ, на мѣщанкѣ не приходится: мужъ по развитію будетъ слишкомъ далекъ отъ своей жены, неизмѣримо выше ея; жениться на „свѣтской барышнѣ“—тоже неудобно: она не знаетъ условій деревенской жизни, можетъ „зачахнуть“ безъ общества, безъ развлеченій; „поповна“ занимаетъ золотую середину.—Все это, во всякомъ случаѣ, не исключаетъ для семинариста возможности жениться и на иносословной: никто его судить не будетъ, разъ онъ свѣтскую дѣвушку найдетъ для себя подходящей.

Всѣмъ, кто касается въ своихъ сочиненіяхъ вопроса о бракѣ въ средѣ духовнаго сословія, слѣдовало бы внимательно присматриваться къ жизни его. Свѣтской литературой хорошо подмѣчено, что „матушка“ нерѣдко подчиняетъ своему вліянію мужа, особенно въ хозяйственныхъ и семейныхъ вопросахъ; пусть это не хорошо, но это показываетъ, что духовенство любитъ свою семью, своихъ женъ. Духовенство почти не знаетъ неудачныхъ, несчастныхъ браковъ, не знаетъ развода, искусственнаго безплодія, довольно распространеннаго въ свѣтскомъ обществѣ. А все это свидѣтельствуетъ о томъ, что духовная семья не скудна любовію, взаимною привязанностію супруговъ, сознаніемъ высоты, важности и святости

брака. Это же говоритъ, наконецъ, и о томъ, что чувство взаимнаго влеченія при бракѣ вовсе не атрофировалось въ духовномъ сословіи, какъ кажется это нѣкоторымъ свѣтскимъ писателямъ.

Свящ. В. Пестряковъ.

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ ¹⁾).

Вмѣсто гнѣвливости пастырю слѣдуетъ обладать кротостію и мягкостію. Насколько первое (отрицательное) качество вредно для пастырства, не терпимо въ священникѣ, настолько послѣднія два полезны и необходимы. Не говоря уже о томъ, что пастырь, обладающій этими качествами, является симпатичнѣйшимъ человѣкомъ, способнымъ привлекать къ себѣ сердца людей одною своею личностію, — онъ имѣетъ еще то преимущество предъ пастыремъ гнѣвливымъ, что можетъ успѣшно учить мірянъ и словомъ: спокойствіе и ясность мыслей — это самое необходимое, что нужно имѣть учителю народа.

Другимъ средствомъ воспитательнаго воздѣйствія пастыря на своихъ пасомыхъ должно быть, по словамъ св. Іоанна Златоуста, учительство, понимаемое въ обширномъ смыслѣ, какъ слово наставленія и убѣжденія, вразумленія и совѣта, предлагаемое пастыремъ пасомымъ помимо церковной кафедры, во всякое время и на всякомъ удобномъ мѣстѣ. Этотъ способъ наученія пасомыхъ истинамъ христіанской вѣры и нравственности долженъ имѣть, по мысли св. отца, весьма большое примѣненіе, какъ способъ очень удобный, а въ извѣстныхъ случаяхъ и единственный. Его обширное примѣненіе въ пастырской практикѣ обуславливается, прежде всего, духомъ христіанской религіи, который требуетъ, чтобы люди

¹⁾ См. № 25 за 1904 г.

утверждались въ христіанской жизни не иначе, какъ силою христіанской проповѣди, путемъ сознательнаго и свободнаго воздѣйствія и воспріятія христіанской истины. О какомъ бы то ни было насильственномъ, принудительномъ воздѣйствіи на христіанъ не должно быть, по мысли св. Златоуста, и рѣчи: это недостойно христіанской религіи, какъ религіи свободы и духа.—Послѣдняя мысль развита у св. Златоуста съ большой обстоятельностью и основательностью.

Сравнивая пастырское служеніе съ обыкновеннымъ *пасеніемъ* безсловеснаго стада, онъ говоритъ, что у обыкновеннаго пастыря много есть въ распоряженіи средствъ (не исключая и насильственныхъ) для уврачеванія и надлежащаго *пасенія* ввѣренныхъ ему овецъ. Не таково положеніе пастыря стада Христова: у него одно только средство для врачеванія стада Христова—это учительство, сила слова и убѣжденія. „Ученіе словомъ,—говоритъ св. Златоустъ,—есть и орудіе, и пища, и благораствореніе воздуха. Это вмѣсто лѣкарства, это вмѣсто огня и желѣза. Наситить ли, надобность прижигать или отсѣкать, необходимо прибѣгать къ слову. Если оно нисколько не подѣйствуетъ—все прочее остается недѣйствительнымъ. Имъ мы возстановляемъ надшную, укрощаемъ волнующуюся душу, отсѣкаемъ излишки, восполняемъ недостатки и совершаемъ все другое, служащее къ здравію души нашей“¹⁾. „Христіанамъ (тѣмъ болѣе, значить, пастырямъ) преимущественно предъ всѣми запрещается насиліемъ исправлять впадающихъ во грѣхи. Мірскіе судьи великую оказываютъ власть надъ людьми, преступающими законы, и удерживаютъ ихъ отъ преступленій противъ ихъ воли. Но въ Церкви должно обращать на лучшей путь жизни не принужденіемъ, а убѣжденіемъ: поелику Богъ вознаграждаетъ только тѣхъ, которые воздерживаются отъ грѣха свободно, а не по принужденію... Съ принужденіемъ и противъ желанія боль-

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 130.

ного никто не может лѣчить его“ 1).— Сюда относятся также всѣ тѣ мѣста изъ твореній св. Златоуста, гдѣ онъ говоритъ о томъ, какъ должно учить пасомыхъ вообще и въ частности нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., еретиковъ 2). То правда, что учить пастырь можетъ (и долженъ) и своей жизнью, собственнымъ примѣромъ, и даже такимъ именно образомъ онъ долженъ дѣйствовать прежде всего; но этотъ способъ не всегда можетъ быть приложенъ къ дѣлу, не всегда можетъ имѣть и успѣхъ. Бываютъ случаи (о которыхъ рѣчь будетъ ниже)—и не рѣдко, когда примѣръ жизни пастыря оказывается безсильнымъ для уврачеванія болящей души и для возвращенія ея на истинный путь. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ пастырю необходимо прибѣгать къ слову и силою убѣжденія вести своихъ пасомыхъ къ спасенію; въ такихъ случаяхъ этотъ способъ оказывается единственнымъ въ пастырской практикѣ. Особенно полезно слово въ тѣхъ случаяхъ, „когда душа страдаетъ болѣзнію неправыхъ догматовъ“ 3), или „когда возгорится брань за догматы, и всѣ будутъ сражаться однимъ и тѣмъ же оружіемъ Писанія“ 4). Если возможно иногда обратить на истинный путь жизни и побудить къ исполненію евангелія добрымъ примѣромъ собственной жизни, то въ данномъ случаѣ это средство совершенно безсильно. Въ самомъ дѣлѣ, „будетъ ли польза отъ изнурительныхъ подвиговъ, когда кто-либо отъ великой неопытности своей упадетъ въ ересь и отдѣлится отъ тѣла Церкви?“ 5) Здѣсь нужны не поклоны и постъ, а слово убѣжденія, обличенія и наученія.—Сила слова,

1) Тамъ же, стр. 33—34.

2) Бес. на посл. къ Тим. и Титу, преимущ. 1 Тиме., бесѣды XV, XVII, XVIII; 2 Тиме., б. IV, VI, IX; къ Титу, б. II, V, VI, Бес. на Ев. Матѣ., II, б. XLVI, XLVII. Сл. и бес. на р. случ. т. I, Сл. о Вавилѣ Спб. 1864 г. Бес. къ Ант. нар, т. I, сл. (I) о Лазарѣ; Спб. 1848 г. Бес. на Дѣян., ч. I, б. VII. Бс. на р. мѣс. св. Пис., т. III, стр. 412 и слѣд. Спб. 1863 г.

3) Слова о священствѣ, стр. 131.

4) Тамъ-же, стр. 149.

5) Слова о священствѣ, стр. 149.

необходимая пастырю въ борьбѣ съ еретиками и вообще сектантами, необходима для него и „при присныхъ“, т. е. при распряхъ, возникающихъ среди вѣрныхъ членовъ Церкви¹⁾. Одни изъ членовъ Церкви по любознательности, а другіе по неопытности стремятся „испытывать“ такіе предметы, которые или совершенно непостижимы для человѣческаго разума, или же, если и постижимы, то безъ ущерба для полноты знанія и нравственной пользы могутъ быть обойдены вниманіемъ. Такіе люди естественно, прежде всего, обращаются съ своими богословскими вопросами къ пастырю Церкви, какъ лицу свѣдущему въ богословской области, какъ специалисту. Что же пастырь можетъ сдѣлать, если онъ не будетъ обладать силой слова?—Жизнь, какъ бы хороша она ни была, не въ силахъ разсѣять въ данномъ случаѣ сомнѣніе, не можетъ разрѣшить богословскихъ вопросовъ и недоумѣній. Здѣсь нужна умственная работа, нужны познанія въ богословской области, сила мысли и слова. Высокая жизнь пастыря способна привести сомнѣвающагося въ удивленіе, способна списать пастыря и благорасположеніе со стороны этого лица, но она не разсѣетъ его сомнѣній; удовлетворивъ нравственному чувству, она не удовлетворитъ ума, и человѣкъ не успокоится.—Итакъ, возможность различныхъ споровъ какъ съ врагами Церкви (еретиками, раскольниками и вообще сектантами), такъ и съ „присными въ вѣрѣ“, а съ другой стороны—требованіе обращать пасомыхъ на лучшей путь жизни и утверждать въ христіанскихъ добродѣтеляхъ словомъ убѣжденія, а не принужденіями, дѣлаютъ учительство необходимымъ и важнѣйшею обязанностью пастырскаго служенія.

Во-вторыхъ, важность и необходимость этой пастырской обязанности открывается, по словамъ св. Златоуста, еще изъ ученія о ней Слова Божія. Въ Св. Писаніи подробно и опредѣленно говорится объ этой великой обязанности пастырскаго служенія, и св. Іоаннъ Златоустъ достаточно приводитъ изъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 137.

Св. Писанія свидѣтельствъ этого рода ¹⁾. Мы не будемъ воспроизводить всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, а ограничимся лишь выдержкой изъ сочиненія св. отца: „О священствѣ“, наиболѣе, по нашему мнѣнiю, характерной. „Верховнѣйшая цѣль ученiя есть та, чтобы и дѣлами и словами привести поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ. Для наученiя же не довольно однихъ дѣлъ. И это не мои слова, а Самого Спасителя. *Иже, говоритъ Онъ, сотворитъ и научитъ, сей велий наречется* (Мѡ. 5, 19). Если бы творить значило учить, то напрасно было бы прибавлено второе слово. Довольно было бы сказать: *иже сотворитъ*— и только. Но теперь раздѣленiемъ того и другого показывается, что иное—дѣла, иное—слова, и каждая изъ сихъ двухъ частей имѣетъ нужду въ другой, дабы зданiе было совершенно“ ²⁾. Наконецъ, въ пользу учительства, какъ важнѣйшаго и плодотворнѣйшаго средства для успѣшнаго пастьрствованiя, по мнѣнiю св. отца, говоритъ примѣръ ап. Павла, этого избранныйшаго сосуда благодати Божией и величайшаго проповѣдника Христовой вѣры. Никто изъ апостоловъ не потрудился въ проповѣданiи Слова Божiя такъ, какъ св. Павелъ, и плодомъ его неустанныхъ трудовъ было множество обратившихся ко Христу, а памятникомъ его учительской дѣятельности—посланiя, оставленныя имъ христіанскому міру. Гдѣ бы онъ ни являлся,—въ Солуни или Коринѣ, въ Ефесѣ или Римѣ, въ Антиохiи, или знаменитыхъ Аѳинахъ,—вездѣ онъ обращался къ жителямъ съ проповѣдію христіанской вѣры ³⁾. И нужно замѣтить, что проповѣдь его производила весьма сильное впечатлѣніе на слушателей: одни, напр. Евтихъ, его заслушивались до самозабвенiя, другіе считали его за божество, какъ, напр., Ликаонцы приняли его за Меркурiя ⁴⁾. И замѣчательно, что ап. Павелъ всегда при-

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 146.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 148.

³⁾ Тамъ же, стр. 143—144.

⁴⁾ Слова о священствѣ, стр. 144.

бѣгалъ къ слову и всегда старался обращать ко Христу этимъ орудіемъ, хотя у него были и другія средства для достиженія этой цѣли—чудеса. Это обстоятельство, въ глазахъ св. Златоуста, заслуживаетъ особеннаго вниманія и выставляется имъ, какъ сильнѣйшее доказательство важности и необходимости учительства ¹⁾. Если такой авторитетъ въ области пастырской дѣятельности, какъ ап. Павелъ, всегда пользовался словомъ убѣжденія для насажденія въ людяхъ сѣмени Христовой вѣры, то тѣмъ болѣе должны пользоваться этимъ орудіемъ въ своей дѣятельности позднѣйшіе пастыри, не могущіе похвалиться примѣромъ собственной жизни и не обладающіе даромъ чудотвореній. Если кому, то именно современнымъ пастырямъ слѣдуетъ дѣйствовать, прежде всего, на умъ своихъ пасомыхъ и уже путемъ виѣдренія въ ихъ сознаніе христіанскихъ понятій и убѣжденій достигать измѣненія общественнаго строя жизни согласно съ евангельскимъ идеаломъ.

Итакъ, и духъ христіанства, и нужда Церкви, и Слово Божіе, и примѣръ ап. Павла—все говоритъ въ пользу необходимости и важности учительства, какъ важнаго средства пастырской душепопечительности. „Посему, скажемъ словами св. Златоуста, должно всѣми силами стараться о томъ, чтобы Слово Христово вселилось въ пастырей Церкви обильно“ ²⁾.

Обосновавши мысль о необходимости пастырскаго учительства, св. Златоустъ даетъ наставленія и о томъ, какъ именно должно учить пасомыхъ, опредѣляетъ, при какихъ условіяхъ пастырское учительство можетъ имѣть благотворное вліяніе на умственное и нравственное состояніе паствы.

Чтобы имѣть успѣхъ среди „учениковъ“ (пасомыхъ), пастырю необходимо пользоваться ихъ довѣріемъ ³⁾, въ про-

¹⁾ Тамъ же, стр. 139 и дал.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 132.

³⁾ Вес. на Ев. отъ Мате., ч. III, б. LXXV, стр. 379—380.

тивномъ случаѣ ко всѣмъ разсужденіямъ пастыря „ученики“ будутъ относиться скептически, съ предубѣжденіемъ, будутъ стараться найти въ нихъ какіе-нибудь недостатки, лишь бы только ослабить ихъ силу и оправдать, такимъ образомъ, свое холодное къ пастырскимъ увѣщаніямъ отношеніе. А гдѣ нѣтъ вѣры, гдѣ все стараются испытать, изслѣдовать и *раскритиковать*, тамъ не можетъ быть положительной пользы для ума, потому что „посредствомъ изслѣдованія и споровъ (что необходимо должно быть среди пасомыхъ, недověрчиво относящихся къ своему пастырю), ничего нельзя найти“, особенно когда споры и изслѣдованія касаются такихъ предметовъ, знаніе о которыхъ дается отъ вѣры¹⁾. Между тѣмъ, пастырское учительство должно имѣть въ виду положительную цѣль, должно сообщать пасомымъ положительное знаніе, которое могло бы лежать въ основаніи всей христіанской жизни человѣка. А это возможно, между прочимъ, въ томъ случаѣ, если пастырь-учитель будетъ пользоваться у своихъ пасомыхъ репутаціей такого человѣка, который имѣетъ твердыя, истинныя убѣжденія, у котораго многому можно научиться, и которому можно довѣрять на слово, такъ какъ онъ не злоупотребитъ довѣріемъ. Отсюда—внушить довѣріе къ себѣ со стороны пасомыхъ для пастыря весьма важно, и заботиться ему объ этомъ крайне необходимо. То правда, что основательное и положительное знаніе для христіанской жизни можетъ дать и такой учитель, который даже не пользуется довѣріемъ своихъ учениковъ; но будутъ ли его слушать, будутъ ли ему довѣрять, будутъ ли словами его убѣждаться, если учитель этотъ не будетъ располагать къ себѣ пасомыхъ своею нравственною личностью?—Нѣтъ,—онъ можетъ научить ихъ, но не научитъ, потому что будетъ отталкивать отъ себя своимъ поведеніемъ.—Такимъ образомъ, для благотворнаго воздѣйствія на паству словомъ учитель-пастырь непременно

¹⁾ Бес. на 1 Тим., б. XIII, стр. 247.

долженъ обладать извѣстными нравственными качествами, которыя бы внушали къ нему довѣріе со стороны пасомыхъ.

Ничѣмъ не возможно такъ расположить къ себѣ человѣка, какъ искреннею любовью и исполненнымъ уваженіемъ отношеніемъ къ нему, къ его человѣческому достоинству. Чувствуя и питая ко всякому человѣку, какъ именно человѣку, непритворную любовь, пастырь-учитель можетъ лучше войти въ положеніе каждаго изъ своихъ пасомыхъ, понять его, а слѣдовательно, можетъ и заговорить съ нимъ на понятномъ ему языкѣ, или, какъ говорятъ, по душѣ. А это такъ бываетъ отрадно страждущей (особенно) душѣ, что она невольно какъ-то привлекается къ любящему сердцу пастыря, открываетъ предъ нимъ самые тайники своей внутренней жизни и чрезъ это представляетъ наилучшую возможность пастырскому воздѣйствію. Уважая же въ каждомъ пасомомъ его личность, его человѣческое достоинство, пастырь-учитель тѣмъ самымъ ослабляетъ одну изъ чувствительнѣйшихъ въ каждомъ человѣкѣ струнъ—самолюбіе, которое, какъ извѣстно, будучи оскорблено неуваженіемъ, является источникомъ самыхъ дурныхъ расположеній и поступковъ человѣка. Ничѣмъ нельзя такъ разобидѣть человѣка, какъ неуважительнымъ, даже просто невнимательнымъ отношеніемъ къ его личности, какъ давъ ему понять, что онъ—ничто, и совершенно ошибочно мнить себя могущимъ что-то сдѣлать. Это и понятно. Нечего, конечно, и говорить о тѣхъ случаяхъ, когда неуваженіе обнаруживается несправедливо.

Зная по опыту, какъ много значить въ обращеніи съ людьми обнаруживать ко всѣмъ любовь и уваженіе, св. Златоустъ особенно заповѣдуетъ пастырямъ обнаруживать любовь и уваженіе къ пасомымъ во время учительства. Уваженіе и любовь къ человѣку пастырь долженъ питать и обнаруживать даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отличается порочной жизнію и не право мыслить о вѣрѣ. Нужно вооружаться не противъ личности человѣка, не его поносить, такъ какъ онъ сотворенъ по образу и по подобію Божію, а противъ его по-

рочной жизни и заблуждений, противъ живущаго въ немъ грѣха. Только различая въ каждомъ человѣкѣ личность, предназначенную къ жизни совершенной, отъ его ненормальной жизни, возможно дѣйствовать на человѣка, потому что самолюбіе такого человѣка будетъ въ сторонѣ. На этихъ двухъ качествахъ и преимущественно на любви св. Златоустъ настаиваетъ особенно потому, что они служатъ основаніемъ, корнемъ для всѣхъ остальныхъ качествъ, необходимыхъ для пастыря, какъ учителя словеснаго стада. Но особенно св. отецъ заповѣдуетъ пастырю имѣть любовь, какъ душевное настроеніе, потому что она есть основа истинно-христіанской жизни. Принципъ всепобѣждающей и всепрощающей любви и лежитъ въ основѣ всего ученія его объ отношеніи пастыря къ пасомымъ.

Впрочемъ, св. Златоустъ говоритъ и о другихъ качествахъ, необходимыхъ пастырю для наилучшаго воздѣйствія на пасомыхъ словомъ убѣжденія, и указываетъ при этомъ, по своему обыкновенію, самыя основанія, въ силу которыхъ онъ желаетъ видѣть въ истинномъ, добромъ пастырѣ-учителѣ именно такія качества, а не другія. Такъ, заповѣдуя пастырю быть кроткимъ въ обращеніи съ своими „учениками“, онъ говоритъ: „душа, имѣющая нужду въ наставленіи, не можетъ принять что-либо полезное, когда оно преподается со строгостію и бранью, и хотя готова слушать, но, будучи приведена въ недоумѣніе, не усвоитъ ничего. Ибо тотъ, кто хочетъ научиться чему-либо полезному, прежде всего долженъ быть расположенъ къ учителю; если же это предварительно не устроено, то не можетъ произойти ничего надлежащаго или полезнаго; но никто не можетъ быть расположенъ къ человѣку, который сердится и бранится“ ¹⁾. Да и „какъ можетъ учить другихъ обуздывать эту страсть тотъ, кто не научилъ этому самого себя?“ ²⁾. Гнѣвающійся учитель не только

¹⁾ Бес. на 2 Тим., б. VI, стр. 82. ср. 83 и др.

²⁾ Бес. на посл. къ Титу, б. II, стр. 23.

не может другихъ учить чему-либо хорошему, а способенъ только вооружать своихъ пасомыхъ противъ себя. Но если гнѣвливость и грубость возбуждаютъ въ пасомыхъ неудовольствіе, а въ крайнемъ случаѣ и прямое отвращеніе, то кротость „больше жестокости уязвляетъ сердца наши и причиняетъ рану болѣе чувствительную. Какъ тотъ, кто наноситъ ударъ тѣламъ затвердѣлымъ, производитъ ощущеніе не столь сильное, а кто напередъ смягчитъ и сдѣлаетъ ихъ нѣжными, тотъ поражаетъ сильнѣе: такъ точно и здѣсь—прежде надобно смягчить и тогда уже поразить. Смягчаетъ же не гнѣвъ и не сильное обвиненіе и не порицаніе, но кротость: гнѣвъ еще увеличиваетъ ожесточеніе, а кротость уничтожаетъ“ ¹⁾. Пастырь долженъ быть кроткимъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда его обидятъ, и когда онъ, какъ человѣкъ, естественно, можетъ раздражиться. Обиды и пренебреженіе къ своей личности онъ долженъ переносить, „ибо такимъ образомъ долготерпѣніе содѣйствуетъ успѣху ученія“ ²⁾. Да и бесполезно, по словамъ св. отца, спорить съ обидѣвшими и доказывать несправедливость ихъ поступка, потому что, „когда мы говоримъ, что насъ обидѣли, обидѣвшіе стараются доказать, что они не обижали; а когда говоримъ, что насъ не обидѣли, по скорѣе мы сами обидѣли,—они поступаютъ на-противъ. Посему, если хочешь привести обидѣвшаго въ затрудненіе, не обвиняй его, но вступишь за него,—и онъ самъ будетъ обвинять себя, ибо родъ человѣческій любитъ спорить“ ³⁾.—Но когда пастырь видитъ пренебреженіе къ другимъ лицамъ, замѣчаетъ, что вредъ наносится (или имѣетъ быть нанесенъ) не ему лично, а спасенію другихъ и ближайшимъ образомъ его пасомыхъ, тогда онъ долженъ дѣйствовать со властію, отложивъ на время кротость, иначе это бу-

¹⁾ Бесѣда Дѣян. ч. I, б. VII, стр. 123; ср. Бес. на 1 Сол., б. X, стр. 163. Сиб. 1859 г.

²⁾ Бес. на 1 Тим., б. XIII, стр. 177.

³⁾ Бес. на Дѣянія, ч. I, б. VII, стр. 124.

Рук. для сельск. наст. 1904 г., т. 2.

детъ съ его стороны равнодушіемъ¹⁾. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ такихъ случаяхъ пастырь можетъ быть дерзкимъ и можетъ поносить погрѣшившихъ,—нѣтъ, и въ такихъ обстоятельствахъ онъ долженъ удерживаться отъ укоризнѣ и порицаній²⁾; здѣсь ему приличнѣ всего прибѣгать къ ревностному обличенію. Само собою разумѣется, что при учительствѣ пастырю слѣдуетъ вооружаться громаднымъ терпѣніемъ. Оно, во первыхъ, удержитъ его отъ гнѣвливости, а во-вторыхъ, сохранить ему энергію для неустанныхъ трудовъ по учительству, хотя бы его учительство и не приносило очевидныхъ и скорыхъ плодовъ.

Наконецъ, необходимо сказать еще объ одномъ условіи успѣшнаго воздѣйствія пастырскаго слова наставленія—это о степени образованности, просвѣщенности пастыря, или о томъ, что дѣлаетъ пастыря „учительнымъ“. Этому условію св. Златоустъ придаетъ очень важное значеніе въ дѣлѣ руководства пасомыми,—и это вполне понятно. Дѣло въ томъ, что пастырь, какъ нравственная личность, можетъ располагать и привлекать къ себѣ пасомыхъ, можетъ сильно дѣйствовать на нихъ въ нравственномъ отношеніи; но какъ образованный человѣкъ онъ можетъ казаться имъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ) неудовлетворительнымъ,—это въ томъ случаѣ, если онъ, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ нравственныхъ качествахъ, не будетъ обладать достаточнымъ умственнымъ развитіемъ, разностороннимъ образованіемъ, начитанностью, вообще, если не будетъ, какъ говорить св. Златоустъ, „учительнымъ“. Правда, пасомые будутъ уважать такого пастыря, будутъ называть его прекраснымъ человѣкомъ, но они при этомъ невольно замѣтятъ, что пастырь ихъ—человѣкъ въ умственномъ отношеніи недалекій, многого не знаетъ и потому, съ этой стороны, интереса не представляетъ. А послѣднее обстоятельство не мало можетъ повредить пастырю при науче-

¹⁾ Бес. на 1 Тим, б. XIII, стр. 177.

²⁾ Бес. на посл. къ Титу, б. V, стр. 67.

ни пасомыхъ словомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется имѣть дѣло съ людьми образованными, которые придаютъ важное значеніе обширнымъ познаніямъ и убѣждаются только логическими доказательствами. Такіе люди, при всемъ своемъ уваженіи къ пастырю, какъ къ нравственной личности, не будутъ внимать его слабымъ и неубѣдительнымъ разсужденіямъ, не будутъ считать его авторитетомъ въ вопросахъ теоретическихъ, а слѣдовательно и не оставятъ своихъ заблужденій, разъ заблужденія эти явятся: вѣдь пастырь, къ которому они могутъ обратиться, не разрѣшитъ имъ ихъ вопросовъ, потому что онъ и самъ многого не знаетъ. Отсюда, пастырю недостаточно быть только высокимъ въ нравственномъ отношеніи и привлекать къ себѣ пасомыхъ своею нравственною личностью, — ему необходимо еще быть образованнымъ, а, пожалуй, и до извѣстной степени ученымъ человѣкомъ, такъ чтобы пасомые могли находить въ немъ удовлетвореніе не однимъ потребностямъ своего сердца, но и запросамъ ума, — могли не только воспитывать сердце, укрѣплять волю, но и развивать умъ, обогащая его основательными познаніями. А послѣднее возможно только тогда, когда пастырь будетъ человѣкомъ „учительнымъ“, образованнымъ. И св. Златоустъ, согласно съ ап. Павломъ, заповѣдуетъ пастырю быть учительнымъ. „Важно и много содѣйствуетъ благоустроенію Церкви и великую приноситъ пользу, когда предстоятели ея люди ученые. А когда этого нѣтъ, то въ церквахъ многое погибаетъ“ 1).

Если св. ап. Петръ заповѣдуетъ христіанамъ: *готови (будьте) присно ко отвѣту всякому вопрошающему въ словесе о вашемъ упованіи* (1 Петр. 3, 15), т. е. всякій христіанинъ долженъ, по апостолу, хорошо знать основныя истины своей религіи, быть сознательно вѣрующимъ членомъ христіанской Церкви, а не принадлежать къ ней только по имени, такъ чтобы, въ случаѣ нужды, могъ дать отвѣтъ, во

1) Бес. на 1 Тим., б. XV, стр. 222.

что и почему именно онъ вѣруеть и т. д.; то тѣмъ болѣе это требованіе необходимо предъявлять къ пастырю Церкви—лицу, призванному вести людей ко Христу и стоящему во главѣ стада Христова,—лицу, вслѣдствіе этого, наиболѣе отвѣтственному предъ всѣми своими пасомыми. Во всякое время къ нему могутъ обратиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, и онъ долженъ всегда быть готовымъ дать на него надлежащій отвѣтъ. Вотъ почему св. Златоустъ требуетъ, чтобы пастырь Церкви былъ хорошо образованъ въ смыслѣ христіанскомъ, т. е. говоря современнымъ языкомъ, хорошо зналъ всѣ богословскія науки, въ которыхъ съ той или другой стороны раскрывается христіанство. Кромѣ изученія, такъ сказать, положительной стороны христіанства, пастырь долженъ хорошо знать и то, что возражаютъ противъ христіанства враги его, и чѣмъ они стараются подорвать основы христіанской вѣры и Церкви. Необходимость послѣдняго знанія вытекаетъ изъ самой роли пастыря въ общественной жизни и цѣли его служенія.

К. Б—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ деревенскихъ впечатлѣній.

(Благолѣпное богослуженіе).

Лѣто прошлаго года я проводилъ въ С—ской губ., въ селѣ А. Между прочимъ, мнѣ часто приходилось бывать у священника сосѣдняго села Н—на, которое отстоитъ отъ А. всего верстахъ въ 7—8, такъ что я обыкновенно отпраплялся къ о. Григорію (такъ звали священника) пѣшкомъ. Одинокій вдовецъ, радушный хозяинъ, о. Григорій всегда былъ радъ побесѣдовать съ гостемъ, и иногда я засиживался у него до поздняго вечера. Въ такихъ случаяхъ я нанималъ у батюшкинаго сосѣда Кузьмы подводу на обратный путь.

Молодой, только-что женившійся, Кузьма былъ всегда одѣтъ чисто, опрятно и отличался необычайною деликатностью.

Не прочь былъ показать себя начитаннымъ въ „божественныхъ“ книгахъ и свѣдущимъ во всемъ, что касается Церкви, богослуженія, устава и под. И дѣйствительно, онъ много читалъ и кое-что зналъ.

Любимой темой разговоръ Кузьмы во время пути со мной были разные „церковные вопросы“. Ёдешь, бывало, съ Кузьмой и слушаешь его несмолкаемые рассказы о старообрядческихъ преніяхъ въ С. или Г., о пѣніи въ томъ или другомъ приходѣ и т. п. Было у Кузьмы не мало и разныхъ „недоумѣній“, за разрѣшеніемъ которыхъ онъ не разъ обращался ко мнѣ: то спросить, напр., какъ узнавать на каждый годъ время празднованія Пасхи, то—какъ находить въ Псалтири на каждую службу каѳизмы и мн. др. А иной разъ начнетъ спрашивать о разныхъ городахъ, монастыряхъ, соборахъ и проч. Я охотно рассказывалъ ему все, что зналъ самъ, и тогда Кузьма мечтательно вздыхалъ.

— Эхъ, побывать бы тамъ, баринъ, когда-нибудь! Увидать бы все это—Москву, Кіевъ, Воронежъ... святые мѣста!..

Однажды я возвращался отъ о. Григорія очень поздно. Ночь стояла тихая и теплая. Луна будто серебромъ заливала сосновую рощу; деревья стояли неподвижныя и молчаливыя. Дорога шла слегка въ гору, и лошадь поднималась лѣнивымъ, медленнымъ шагомъ. Кузьма сидѣлъ въ телѣжкѣ рядомъ со мной и, противъ обыкновенія, упорно молчалъ,—вѣроятно, былъ не въ ударѣ или же думалъ надъ какимъ-нибудь „загадочнымъ“ вопросомъ.

— Благодать-то, Иванычъ!—вдругъ повернулся онъ ко мнѣ своимъ открытымъ, добродушнымъ лицомъ (какъ-то разъ я замѣтилъ Кузьмѣ, чтобы онъ звалъ меня не „баринѣмъ“, а какъ-нибудь проще, по-своему,—и онъ остановился на „Иванычъ“).—Звѣздочки—какъ очи ангельскія! А лѣсъ-то! Сурьезный какой! Словно человѣкъ живой думу думаетъ. Поистинѣ, чудны дѣла Твои, Господи!.. И какъ же намъ не величать Его, Создателя! Небеса повѣдаютъ славу Божию, а вѣдь мы—образъ и подобіе Божіе, христіане православные!

А вотъ старовѣры не понимаютъ этого. Отреклись отъ Церкви Божіей...

Всю эту тираду Кузьма проговорилъ медленнымъ, патетическимъ тономъ, а потомъ обратился ко мнѣ уже будто съ упрекомъ:

— А ты что́ это, Иванычъ? Бывать у нашего батюшки бываешь часто, а въ церковь никакъ не заглянешь. Зашель бы какъ-нибудь.

— Но я, Кузьма, въ свою церковь хожу,—отвѣчала я.—Зашель бы, конечно, и въ вашу, да, видишь, не къ службѣ все попадаю въ ваше Н—но.

— А ты походи къ службѣ!—настаивалъ Кузьма.—На клиросъ бы къ намъ сталъ. Попѣли бы. У насъ хорошо ужъ оченно. Ахъ, какъ хорошо!

— Да. Мнѣ батюшка говорилъ, что у васъ порядочный хоръ, и хорошо поютъ.

— Эхъ, что хоръ!—воскликнулъ Кузьма.—Развѣ въ пѣвчихъ однихъ дѣло? Вонъ (Кузьма назвалъ какое-то село) 30 человѣкъ становится на одинъ клиросъ. Словъ нѣтъ—хорошо поютъ, а все не выходитъ того, что́ у насъ. Сами тамошніе мужики говорили.

— Что же у васъ-то особеннаго?—удивился я.

— А вотъ приходи, увидишь.

Кузьма какъ бы любовался моимъ недоумѣніемъ и медлилъ рассказать, въ чемъ дѣло. И все-таки рассказалъ.

— Чинно ужъ у насъ очень служить батюшка-то нашъ добрый,—началъ онъ:—такъ-то ужъ чинно, такъ чинно! У насъ не то, что въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Тамъ тебѣ и священникъ прокимень говоритъ, и на клиросахъ его же поютъ, и все это вмѣстѣ да словно другъ друга перебиваютъ. У насъ этого нѣтъ. Боже сохрани! У насъ—кончилъ свой возгласъ батюшка,—начинаютъ пѣвчіе; кончили пѣвчіе,—батюшка начинаетъ, да такъ-то это неспѣшно, явственно, умирительно... И пѣвчіе у насъ чтецовъ не перебиваютъ. Зачѣмъ

перебивать? Положено читать,—такъ читай; пѣть,—такъ пой. У насъ строго насчетъ этого, хорошо!

Я прекрасно понималъ, что Кузьма ведетъ рѣчь противъ того практикующагося во многихъ нашихъ глухихъ селахъ порядка богослуженія, который можно назвать пережиткомъ, или отголоскомъ древняго „многогласія“, и въ душѣ былъ совершенно согласенъ съ Кузьмой; но мнѣ хотѣлось провѣрить, насколько глубоки и прочны его убѣжденія, и я началъ испытывать его.

— Хорошо то,—сказалъ я,—конечно, хорошо, да удобно ли? Вѣдь отъ такой службы устанешь, небось. Не выстоишь, пожалуй, и обѣдни одной. Крестьяне—народъ трудовой, изморившійся..

— Удобно ли?!—совершенно искренно удивился Кузьма моему вопросу.—Знамо дѣло, неудобно тому, кто молиться не любитъ. Тому какъ ни служи, все долго покажется. Ему хоть молебень вмѣсто обѣдни отпой,—у него неперемѣнно и ноги заболятъ, и поясницу заломить. Да такой и въ церковь-то, какъ старовѣръ или молоканъ какой, всего три раза въ годъ заходитъ. О такомъ и говорить нечего. О немъ ужъ молиться только нужно. А вотъ кто настоящій, значить, христіанинъ, тому простоять въ храмѣ Божіемъ лишнихъ полчаса—радость одна. Конечно, иной разъ и устанешь немного, да вѣдь за то служба-то! благолѣпіе-то какое! плакать хочется отъ умиленія!.. Извѣстно, который слабый, старый или больной, тому не въ мочь простоять долгую службу; да вѣдь такой можетъ и не простаивать еѣ всю-то: побылъ въ церкви, сколько силы позволяютъ, помолился да и домой пошелъ. Что же? слабому это извинительно. Другое дѣло—ради слабаго, а хуже того—ради лѣниваго въ самой службѣ Божіей спѣшить! Потому я, напр., и здоровъ и молиться хочу, а службы настоящей, чинной, благолѣпной нѣтъ. Что тогда?.. Нѣтъ, Иванычъ, убѣжденно закончилъ Кузьма свои разсужденія: ужъ какъ ты ни говори, а о хорошемъ никогда

не скажешь плохо. Хорошо, хорошо служить нашъ батюшка, продлилъ бы ему Господь вѣку, радѣтелю нашему!...

Глубокое уваженіе и сердечная любовь къ „доброму“ батюшкѣ слышались въ послѣднихъ словахъ Кузьмы, и мнѣ особенно запомнился ихъ искренній, неподдѣльный тонъ.

Вскорѣ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, я былъ въ Н—нѣ у обѣдни. Свѣтлая, празднично-чистая и довольно помѣстительная церковь была положительно переполнена народомъ. Оба клироса занимали пѣвчіе. Правымъ хоромъ управлялъ псаломщикъ, а лѣвымъ —учитель школы. Пѣніе было простое, но стройное и задушевное. Громко, раздѣльно и прочувствованно произносилъ свои возгласы о. Григорій. Батюшкѣ прислуживали два школьника, оба одѣтые въ стихари. Мальчики прекрасно знали свое дѣло. Все совершалось въ высшей степени благоговѣнно, торжественно и задушевно-трогательно. Я стоялъ на клиросѣ рядомъ съ Кузьмой. Онъ замѣчалъ, что Н—ское богослуженіе производитъ на меня глубокое впечатлѣніе, несмотря на свою продолжительность (литургія шла около 2¹/₂ часовъ), и уже, видимо, готовился торжествовать надо мной свою побѣду.

Н. К—въ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го іюня 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, іюля 4-го.

Содержаніе: Памяти преосв. Иринея, еп. Орловскаго и Сѣвскаго. — Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря. Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ (продолженіе). — Картинка съ натуры.

Памяти преосвященнаго Иринея, епископа Орловскаго и Сѣвскаго, бывшаго ректора Кіевской духовной семинаріи и редактора журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

10 апрѣля сего года внезапно, отъ разрыва сердца, скончался въ Орлѣ преосвященный Иринея, епископъ Орловскій и Сѣвскій. Извѣстіе о смерти преосв. Иринея вызвало въ широкихъ кругахъ нашего духовнаго и даже свѣтскаго міра чувства сожалѣнія, а въ органахъ нашей духовной и свѣтской печати появились статьи и замѣтки о многихъ свѣтлыхъ чертахъ его церковно-общественной дѣятельности. Въ лицѣ почившаго святителя наша Церковь и общество потеряли несомнѣнно одного изъ лучшихъ свѣтильниковъ вѣры,

подвижниковъ правды и поборниковъ высокихъ идеаловъ христіанства. Покойный архипастырь служилъ въ епископскомъ санѣ около 16 лѣтъ въ разныхъ епархіяхъ и вездѣ оставилъ слѣды своей просвѣщенной и самоотверженной дѣятельности, направленной исключительно ко благу св. нашей Церкви и общества. Но особенно памятны его труды въ г. Кіевѣ и Кіевской епархіи, которымъ была посвящена большая часть его службы, обнимающая значительный періодъ времени—около 28 лѣтъ. Здѣсь, послѣ небольшого, трехлѣтняго промежутка, со времени окончанія курса Кіевской духовной академіи (1861 г.), онъ проходилъ должности преподавателя семинаріи (1864—1883 г.) и училища дѣвиць духовнаго вѣдомства (1865—1872), духовника сего послѣдняго училища, законоучителя 3-й Кіево-Подольской гимназіи и настоятеля церкви Николая Доброга (1877—1883 г.), ректора духовной семинаріи (1883—1888); послѣ хиротоніи 9 мая 1888 г. состоялъ епископомъ Уманскимъ (1888—1890 г.) и Чигиринскимъ (1890—1892 г.)—викаріемъ Кіевской митрополіи ¹⁾. Богато одаренный отъ природы духовными силами,

¹⁾ Вотъ болѣе частныя свѣдѣнія о его жизни и служебномъ движеніи. Преосв. Ириней, въ мѣрѣ Харисимъ Михайловичъ Орда, уроженецъ Полтавской губ., сынъ священника, род. въ 1837 г. въ с. Самовищѣ. По окончаніи курса Полтавской семинаріи, поступилъ въ Кіевскую духов. академію, въ которой кончилъ курсъ со степенью магистра (1861 г.). 29 сент. 1861 г. назначенъ наставникомъ Екатеринославской дух. семинаріи по классу словесности, гдѣ оставался на службѣ до 15 іюля 1864 г. Въ Екатеринославской семинаріи онъ преподавалъ также нѣмецкій языкъ и состоялъ вторымъ помощникомъ инспектора семинаріи (наблюдавшимъ за квартирными воспитанниками семинаріи); состоялъ членомъ мѣстнаго церковно-историческаго и статистическаго комитета; по представленію ректора Кіев. д. акад., обзрѣвавшаго Екатеринославскую семинарію, получилъ благословеніе Св. Синода за успешное преподаваніе уроковъ (13 іюля 1864 г.) и тогда же, по представленію Конференціи Кіевской д. академіи, назначенъ опредѣленіемъ Св. Синода въ Кіевскую дух. семинарію наставникомъ Св. Писанія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. Будучи наставникомъ, Харисимъ Мих—чъ занималъ въ Кіевѣ и другія должности. Такъ, въ 1865—1872 г. преподавалъ словесность въ училищѣ дѣвиць дух. вѣдом., былъ бібліотекаремъ семинаріи (1865—1870 г.), преподавателемъ нѣмецкаго языка въ семинаріи (1865—1867), чле-

воспитанный съ дѣтства въ любви и преданности св. Церкви, жаждавшій посвятить всѣ свои силы и способности, развитія наукой и опытомъ, на служеніе высшимъ, духовнымъ интересамъ нашего, сбиваемаго иногда съ толку непризванными учителями, общества, не терпѣвшій вообще (въ себѣ и другихъ) противорѣчія между христіанскимъ званіемъ и дѣйствительною жизнью, замѣчательно энергичный, съ твердою, почти непреклонною силою воли, почившій преосв. Ириней не могъ не оставить въ мѣстахъ своего церковно-общественнаго служенія болѣе или менѣе глубокихъ слѣдовъ своей одушевленной дѣятельности, особенно тамъ, гдѣ его инициативѣ было болѣе простора и его усиліямъ—менѣе стихійныхъ препятствій. Кіеву и Кіевской епархіи были посвящены его лучшіе молодые годы, много добрыхъ начинаній и дѣлъ въ школахъ, области ученой и періодической литературы и

номъ мѣстнаго духовно-цензурнаго комитета (съ 4 окт. 1871 г.), членомъ педагогич. собранія (1873—1878 г.); 25 сент. 1877 г. Высокопр. Митрополитомъ Кіевскимъ рукоположенъ во священника къ церкви при Кіевскомъ училищѣ дѣв. дух. вѣд. и опредѣленъ законоучителемъ въ Кіевскую 3-ю гимназію, въ 1879 г. перемѣщенъ священникомъ къ Кіево-Подольской церкви Николая Доброга; въ 1880—1882 г. состоялъ благочиннымъ Кіево-Подольскихъ церквей. По смерти жены, покойный (тогда еще священникъ о. Харисимъ Орда), по указу св. Синода отъ 25 апр. 1883 г., назначенъ исправляющимъ должность ректора Кіевской дух. семинаріи, впродъ до принятія имъ, согласно выраженному желанію, монашества. Въ томъ же году, 4 августа, о. Харисимъ былъ постриженъ высокопреосв. митрополитомъ Кіевскимъ Платономъ въ монашество съ именемъ Иринея; 15 сент. утверженъ въ должности ректора Кіевской дух. семинаріи, и 25 сент. возведенъ въ санъ архимандрита. При открытіи Кіевского епарх. учил. совѣта, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта (15 окт. 1884 г.), и въ этомъ званіи оставался до конца своей Кіевской службы. 15 мая 1888 г. онъ былъ хиротонисанъ во епископа Уманскаго, 3-го викарія Кіевской митрополіи (1888—1890 г.), потомъ былъ переименованъ епископомъ Чигиринскимъ, 2-викаріемъ Кіевскимъ (1890—1892 г.). Прослуживъ 28 л. въ Кіевѣ, преосв. Ириней около 12 лѣтъ управлялъ епархіями: Могилевской (1892—1893 г.), Тульской (1893—1896 г.), Каменецъ-Подольской (1896—1900 г.), Екатеринбургской (1900—1902 г.) и Орловской (1902—1904 г.).

церковной жизни связано съ его именемъ, и за многое исторія окажетъ ему великое спасибо. Мы постараемся здѣсь охарактеризовать лишь въ общихъ чертахъ его дѣятельность во время служенія въ Кіевской дух. семинаріи.

Еще и теперь памятна для многихъ въ Кіевѣ его кипучая, энергичная дѣятельность, какъ преподавателя Св. Писанія въ семинаріи. Служба въ званіи преподавателя этого предмета была, можно сказать, первымъ пробнымъ камнемъ его способностей къ практической общественной дѣятельности. При важномъ значеніи этого предмета въ кругу богосл. наукъ, при его обширности и трудности пониманія текста, съ одной стороны, и при скудости или даже почти полномъ отсутствіи въ ту пору работъ, приспособленныхъ къ изученію сего предмета, положеніе преподавателя Св. Писанія было не легкимъ. Молодой наставникъ Харисимъ Михайловичъ былъ не изъ такихъ, чтобы стоять сложа руки предъ невоздѣланнымъ полемъ. Многосложныя задачи и практическія затрудненія способны были только усилить его молодую энергію къ возможно лучшей постановкѣ дѣла. Въ теченіе почти 20-лѣтняго преподаванія Св. Писанія Харисимъ Михайловичъ Орда показалъ много усердія въ собственной работѣ надъ этимъ предметомъ, а главное—предусмотрительности, умѣнья и опытности въ преподаваніи и твердости въ требованіяхъ по отношенію и къ учащимся. При своихъ занятіяхъ другими дѣлами Харисимъ Михайловичъ не забывалъ, что у него главное дѣло—преподаваніе св. Писанія. Этимъ предметомъ онъ занимался съ особеннымъ увлеченіемъ. Классное преподаваніе его свидѣтельствовало о неусыпной работѣ его по изученію этого предмета. Желая дать надлежащее руководство учащимся по Св. Писанію, онъ еще на первыхъ порахъ своей преподавательской службы предпринялъ изданіе учебныхъ руководствъ по самымъ труднымъ отдѣламъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта. Такъ, имъ были изданы: 1) „Руководство къ послѣдовательному чтенію пророческихъ книгъ Ветх. Завѣта“ (въ 1871 г. уже 2-е допол. и исправл. изда-

ніе) и 2) „Руководство къ послѣдовательному чтенію учительныхъ книгъ Ветх. Завѣта“ (1871 г.)¹⁾. Предполагалось потомъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, издать и послѣдующіе выпуски въ пособіе учащимся къ послѣдовательному чтенію Библии. Въ этой работѣ „обѣщали оказать составителю содѣйствіе нѣкоторые другіе преподаватели Св. Писанія въ семинаріяхъ“ (предисл. ко 2-му выше поименованному Руководству). Обстоятельства жизни Харисима Мих. вѣроятно, были для этого въ послѣдствіи слишкомъ неблагоприятны. Предпріятіе его не осуществилось. Все-таки въ 1882 г. Харисимомъ Михайловичемъ, тогда уже священникомъ, было издано „Руководственное пособіе къ пониманію Псалтири“. Цѣлю его было — „познакомить всякаго съ тою псалмодіей, гимнологіей и молитвословіями, которыя лежатъ въ основаніи религіозныхъ пѣсней, гимновъ и молитвъ всего культурнаго человѣчества и которыми сознательно или же невѣдомо для нихъ самихъ пользовались всѣ великіе поэты и пѣснословцы всего христіанскаго міра“..., а также — дать и для спеціально изучающихъ Св. Писаніе руководство „для повторенія классныхъ уроковъ при изученіи псалмовъ“ (предисл.).

Но занимаясь усердно разработкою преподаваемаго предмета и приспособляя свои труды къ прямой практической цѣли — дать въ руки учащимся возможно лучшее руководство къ послѣдовательному чтенію Библии, Х. М. Орда не упускалъ изъ въ виду того, что болѣе или менѣе основательное и прочное знаніе этого предмета возможно только при извѣстной самодѣятельности учащихся въ ознакомленіи ихъ съ текстомъ и ориентированіи въ немъ. Поэтому онъ въ широкой мѣрѣ проявляетъ требованіе отъ учениковъ изученія и осмысленія текста св. Писанія въ частяхъ, отдѣлахъ

¹⁾ Въ составленіи этой второй книги принялъ участіе и преподаватель св. Писанія Одесской дух. Семинаріи А. В. Ивановъ (см. предисл. къ этой кн.).

и цѣломъ. Онъ не любилъ останавливаться долго на томъ, что можетъ быть легко понято самими учащимися. За то онъ имѣлъ возможность разъяснить болѣе важное, существенное и трудное. При твердости своего характера, настойчивости, предусмотрительности и опытности, онъ могъ пройти и всегда проходилъ положенный программой въ томъ или иномъ классѣ курсъ, причемъ много текста заучивалось наизусть, остальное *непрерывно все* прочитывалось учащимися. Разумѣется, такое изученіе Св. Писанія стоило и ученикамъ не мало труда, но зато они выходили изъ класса Харисима Михайловича съ хорошимъ знаніемъ Св. Писанія.

Живая, впечатлительная, отчасти горячая и всегда отзывчивая натура Харисима Михайловича не могла ограничиться одними узкими рамками преподавателя. Многосторонній умъ, сердце, пламенѣвшее нелицемѣрною любовію къ св. нашей Церкви, сознаніе опасности лживыхъ извѣтовъ на св. нашу вѣру со стороны корифеевъ атеистической науки на западѣ (Репанъ, Штраусъ, Шенкель и т. п.) и ихъ подражателей и почитателей у насъ въ такъ наз. передовомъ или просто полуобразованномъ обществѣ влекли его къ болѣе широкой богословско-литературной апологетической и публицистической дѣятельности. Сюда относятся прежде всего нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія, изданныя въ защиту христіанской вѣры противъ ложныхъ доктринъ въ богословской наукѣ и превратныхъ толковъ въ нашемъ обществѣ. Таково было сочиненіе, посвященное Кіевскому Св.-Владимірскому братству: *„Земная жизнь Господа Спасителя нашего Иисуса Христа“*, представляющее собою переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Х. М. Орды, книги берлинскаго проповѣдника Ците, „стоящаго, какъ заявлено въ предисловіи, на твердомъ и незыблемомъ основаніи вѣры въ Евангеліе“. Ближайшимъ побужденіемъ къ изданію этого сочиненія служило желаніе дать въ руки православнымъ средство для противодѣйствія распространяющемуся и у насъ „иностранному невѣрію“. Книга эта вышла съ нѣкоторыми, невредившими

существо дѣла сокращеніями, въ концѣ 1866 г., и имѣла замѣчательный успѣхъ: менѣе, чѣмъ въ полгода, первое ея изданіе было раскуплено. Принятое литературной критикой и обществомъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ весьма сочувственно, сочиненіе это выдержало впослѣдствіи еще четыре изданія, постепенно улучшаясь согласно указаніямъ критики и замѣчаніямъ, сдѣланнымъ редактору-издателю лично высокопр. митрополитомъ Кіевскимъ Арсеніемъ и письменно—нѣкоторыми іерархами Русской Церкви. Сюда же относится: сочиненіе въ опроверженіе „Жизни Іисуса“ Ренана и сборникъ статей: „*За вѣру и противъ невѣрія*“, или: „*Общедоступная защита главныхъ основаній христіанскаго вѣроученія*“, священника Х. М. Орды (1883 г.). Статьи эти первоначально печатались въ „Воскресномъ Чтеніи“ за прежніе годы. Подъ его же редакціей былъ сдѣланъ и изданъ переводъ съ англійскаго „Мученики Колизея“¹⁾.

Стремленіе къ болѣе широкой богословско-апологетической и вообще духовно-публицистической дѣятельности особенно располагало Харисима Михайловича къ занятію духовной журналистикой. Несомнѣнно, слѣдую этому побужденію Харисимъ Михайловичъ, тогда еще свѣтскій преподаватель семинаріи, взялъ въ руки свои изданіе журнала „*Воскресное Чтеніе*“ (въ 1873 г.). Журналъ этотъ, представляющій собою старѣйшее изданіе нашей академіи, прославленный въ прежніе годы участіемъ свѣтилъ нашей академической науки (Иннокентій Борисовъ, Амфітеатровъ, Димитрій Муретовъ и др.); новый издатель принялъ непосредственно отъ академіи и, сколько могъ, при своихъ одиночныхъ усиліяхъ, старался поддерживать его прежнюю славу и служить

¹⁾ Кромѣ того, изъ отдѣльныхъ большихъ журнальныхъ статей Х. М. Орды заслуживаетъ особеннаго вниманія его „Исторія церковной исторіи“ (извлеченіе изъ *Gesch. der apostisch. Kirche, von Philipp. Schaff*), напечатанная во 2 и 3 т. Трудовъ Кіев. д. ак. за 1861 г. Статья эта даже и теперь, при разработкѣ церковной исторіографіи, не совсѣмъ потеряла значеніе.

его цѣлямъ. Оно и теперь, при новомъ редакторѣ, сохранило характеръ религіозно-назидательный съ нѣкоторымъ преобладаніемъ экзегетическаго элемента. Въ ж. „Воскр. Чт.“ за годы изданія Харисима Михайловича (1873—1878) нашли мѣсто многія статьи самого издателя по вопросамъ вѣры и жизни, а также экзегетики, отличающіяся оригинальностью и ясностью постановки и рѣшенія ¹⁾. Особенно духовно-публицистическій и издательскій талантъ Харисима Михайловича сказался впоследствии, когда онъ стоялъ во главѣ корпоративнаго учрежденія, издающаго журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Здѣсь прежде всего скажемъ объ о. Иринеѣ (прежнемъ Х. М. Ордѣ), какъ ректорѣ Кіевской дух. семинаріи. Своєю предшествующею свыше—двадцатилѣтнею дѣятельностію на педагогическомъ и богословско-литературномъ поприщѣ о. Иринея прекрасно приготовилъ себя къ новому, болѣе сложному и трудному дѣлу, открывавшемуся для него съ назна-

¹⁾ Замѣчательно также участіе Харисима Михайловича въ судьбѣ этого журнала и въ послѣдующее время, когда онъ былъ уже ректоромъ Кіев. семинаріи. Послѣ его шестилѣтняго редактированія (1873—1878 г.), журналъ „Воскресное Чтеніе“ снова перешелъ къ Кіевской дух. академіи. Въ 1883 г. жураналу этому, въ виду отказа академіи отъ дальнѣйшаго редактированія, грозило окончательное закрытіе. В.—преосв. Платонъ, м. Кіевскій, дорожившій этимъ изданіемъ за его прежнюю славу, передалъ его бывшему въ то время Кіевскому комитету по составленію листовъ для религіозно-нравственнаго чтенія народа, во главѣ какового комитета тогда стоялъ, какъ предсѣдатель, архим. Иринея. Для продолженія изданія „Воскр. Чтенія“, о. Иринеемъ составленъ особый редакціонный кружокъ первоначально изъ трехъ лицъ: преподавателя семинаріи, священника І. Г. Богородицкаго, преподавателя семинаріи Г. О. Булашева и протоіерея Климента Өоменко (вскорѣ вышедшаго изъ кружка). Впоследствии принялъ участіе въ изданіи журнала и преподаватель семинаріи А. М. Ванчаковъ. О. Иринея до конца своего ректорства (1883—1888 г.) заботился о поддержаніи жизни журнала. Къ концу 1889 г. „Воскр. Чтенію“ снова грозило закрытіе. Съ начала 1890 г., съ благословенія в.—преосв. м. Платона, редактированіе „Воскр. Чтенія“ перешло въ руки одного изъ членовъ бывшаго редакціоннаго кружка, въ то время еще преподавателя семинаріи, священника І. Г. Богородицкаго, подъ редакціей котораго журналъ продолжаетъ выходить и по настоящее время.

ченіемъ его ректоромъ Кіевской семинаріи и редакторомъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ (въ 1883 г.). Не даромъ выборъ Кіевского епарх. начальства остановился именно на немъ (послѣ архим. Виталія, возведеннаго въ санъ епископа Чигиринскаго). Покойный хорошо былъ знакомъ съ недостатками строя и жизни нашей школы вообще и духовной въ частности, зналъ причины ихъ и средства къ ихъ исправленію, понималъ самъ, какой именно должна быть наша духовная школа, чтобы питомцы ея выходили изъ нея добрыми пастырями, вѣрными служителями Христовыми; главное же—онъ имѣлъ сильный характеръ, способный отстаивать свои взгляды, среди различныхъ превратныхъ теченій жизни и осуществить ихъ на практикѣ. Правда, на этотъ разъ помогло ему и новое направленіе въ образѣ мыслей и жизни нашего общества, начавшееся со вступленіемъ на престолъ Государя Императора Александра III. Мученическая кончина Царя-Освободителя Александра II поразила скорбію и призвала къ покаянію весь русскій народъ, заставила его встрепенуться отъ кошмара душившихъ его наносныхъ идей, чуждыхъ преданій и завѣтамъ его исторіи, обратиться къ кореннымъ основамъ своей жизни и вообще произвела въ немъ отрезвленіе и исправленіе въ образѣ мыслей и жизни. Теперь-то прежде всего возникло чувство живой потребности религіознаго воспитанія народа (прежде заброшеннаго и отчасти искусственно придавленнаго), а вмѣстѣ и сознаніе важнаго значенія пастырей, какъ естественныхъ и ближайшихъ учителей народа, и духовной школы, какъ расадника пастырей. Послѣдовали свыше, отъ имени св. Синода, самыя опредѣленныя и настойчивыя распоряженія о поднятїи церковности въ школѣ, какъ духовной, такъ и народной (церковно-приходской), объ изученїи наукъ, которыя особенно важны для будущихъ пастырей (исторія и обличеніе раскола и рационалистическихъ и мистическихъ сектъ, церковное пѣніе), объ усиленїи религіозно-нравственнаго воспитанія, о болѣе рѣшительномъ и твердомъ примѣненїи къ дѣлу школьной ди-

циплины, которая въ прежнее время слишкомъ ослабѣла, что неизбежно повлекло за собой упадокъ учебной и воспитательной стороны въ школѣ. Все это, можно сказать, было завѣтной идеей самого о. ректора, выношенной въ сердцѣ долгимъ его опытомъ, и онъ взялся за осуществленіе этихъ распоряженій св. Синода съ такимъ усердіемъ, внесъ и съ своей стороны столько инициативы, что создалъ въ школѣ цѣлую эпоху, слѣды которой, несмотря на послѣдующія во многомъ неблагоприятныя общественныя теченія, сказываются въ жизни Кіевской епархіи и понынѣ. Шесть лѣтъ (1883—1888 г.) ректорства о. Иринея въ Кіевской семинаріи было временемъ самой напряженной работы всѣхъ начальствующихъ, учащихъ и учащихся. О. Иринея понималъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе учащихся, одно начальство ничего не можетъ сдѣлать безъ содѣйствія наставниковъ, съ другой стороны, что и наставники безъ должной поддержки и ближайшаго безпрерывнаго участія въ ихъ прямомъ дѣлѣ не много будутъ имѣть успѣха. Поэтому онъ старался привлечь всѣхъ служащихъ (членовъ инспекціи и преподавателей) къ воспитательному дѣлу, самъ въ то же время строго слѣдя какъ за класснымъ преподаваніемъ, такъ и отношеніемъ учениковъ къ своимъ урокамъ.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на религіозно-нравственную сторону заведенія. Здѣсь все имъ было предусмотрено, отъ храма и церковъ богослуженія до молитвы домашней (собств. корпусной) утренней и вечерней, и классныхъ иконъ. Домашняя молитва совершалась съ непремѣннымъ участіемъ духовника. Онъ желалъ и иногда высказывалъ свое желаніе, чтобы церковное богослуженіе посѣщалось и наставниками, и это желаніе его по возможности исполнялось. Серьезное вниманіе обращалъ онъ на отношеніе учащихся къ богослуженію и самый характеръ богослуженія. Онъ сознавалъ, что нѣтъ ничего вреднѣе входившихъ тогда въ моду разнообразныхъ послабленій молодымъ, еще сильнымъ и здоровымъ воспитанникамъ, подъ предлогомъ заботы

объ ихъ здоровьѣ, дающихъ основаніе къ дальнѣйшему забвенію прямыхъ религіозныхъ обязанностей. Уклоненіе отъ богослуженія со стороны учащихся при о. Иринеѣ было немыслимо. Чтобы дать возможность воспитанникамъ видѣть и слышать всѣ священнодѣйствія Церкви и, какъ покажемъ далѣе, принимать болѣе близкое участіе въ богослуженіи (общимъ пѣніемъ), для нихъ было отведено мѣсто не въ боковомъ кораблѣ церкви (старой семинарской Петро-Павловской), а посрединѣ ея, между центральными колоннами, за рѣшеткой. Такъ какъ мѣста среди колоннъ было мало для всѣхъ воспитанниковъ, при томъ старшіе классы (5-й и 6-й) нужны были въ алтарѣ для прислуживанья, да и сами нуждались, въ виду предстоящаго служенія алтарю и престолу Божию, въ болѣе непосредственномъ ознакомленіи съ священнодѣйствіемъ служащихъ, то для 5-го и 6-го классовъ было отведено мѣсто въ восточной части обширнаго семинарскаго алтаря.

Желая, чтобы воспитанники участвовали въ богослуженіи общественномъ не однимъ только присутствіемъ, но и самымъ дѣломъ, едиными усты и единѣмъ сердцемъ, ректоръ старался ввести при богослуженіи въ семинарской церкви *общее пѣніе* воспитанниковъ. Онъ считалъ недостаточными, для пріученія всѣхъ учащихся въ богослужебному порядку и къ исполненію его, обычную очередную выучку и выслушивание учениковъ и профессиональное пѣніе нѣкоторыхъ избранныхъ (въ хорѣ), и вотъ, у него было намѣреніе привлечь къ активному участію всѣхъ учениковъ чрезъ общее пѣніе, такъ чтобы пѣла *вся церковь*. Казалось бы, дѣло не трудное—завести общее пѣніе тамъ, гдѣ всѣ участвующіе въ богослуженіи — воспитанники духовной школы, съ раннихъ лѣтъ пріучаемые къ церковному чтенію и пѣнію. Въ дѣйствительности дѣло выходитъ у насъ иначе. Не говоря уже о нѣкоторой своей необычности, введеніе общаго церковнаго пѣнія всегда находитъ себѣ препятствія къ неодинаковой подготовкѣ и способностямъ участвующихъ въ пѣніи, ихъ многочисленности, а главное—въ трудности установленія одного об-

щаго руководства этимъ дѣломъ. Ректоръ Иринея былъ не таковъ, чтобы отступать предъ открывавшимися препятствіями. Постепенно онъ нашелъ средства устроить это дѣло на твердыхъ и разумныхъ основаніяхъ. Общее пѣніе вводилось постепенно. Сначала на утрени и литургіи не обходились безъ помощи хора, который исполнялъ болѣе сложныя и трудныя пѣспоѣвія (вечерній предначальный псаломъ, догматики, Херувимскую и пр.). Остальное: ектеніи, стихиры на гласъ, Воскресеніе Христово видѣвшее, ирмосы, Слава въ вышнихъ Богу... Днесъ спасеніе міру бысть... и Воскресъ изъ гроба, а также на литургіи блаженны, символъ вѣры, молитва Господня—исполнялось всѣми воспитанниками. Для управленія общимъ пѣніемъ въ семинарской церкви выбранъ былъ одинъ изъ способныхъ къ сему дѣлу (по прекрасному знанію гласовъ и напѣвовъ и опытности въ управленіи хоромъ) воспитанниковъ; онъ стоялъ на солеѣ, давалъ тонъ и первый починалъ; всѣ семинаристы пѣли за нимъ, пока вся церковь не сливалась въ одномъ моленіи, славословіи и благодареніи Господу едиными устами и сердцемъ. Такъ какъ, при многочисленности воспитанниковъ, стоящихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ солеи, трудно было одному общему руководителю поддержать единство, согласіе и стройность общаго пѣнія, то къ отдѣльнымъ группамъ и классамъ въ рядахъ было назначено нѣсколько такихъ лицъ, которыя согласовались съ управленіемъ главнаго регента и за которыми должны были пѣть воспитанники ближайшей къ нимъ группы или класса. Для исполненія стихиръ и ирмосовъ почти всѣмъ ученикамъ были розданы на руки маленькіе ручные октоихи (синод. изданія). Со временемъ общее пѣніе въ семинарскомъ храмѣ въ ректорство о. Иринея настолько развилось и упорядочилось, что явилась возможность осуществить завѣтную мысль ректора: утреня и литургія иногда исполнялись всѣми воспитанниками, безъ участія хора, такъ что служеніе было вполне общецерковнымъ.—Общее пѣніе производило поразительное впечатлѣніе на постороннихъ посѣтителей. Имъ за-

интересовалась и мѣстная пресса, которая отзывалась о немъ съ похвалою, какъ о явленіи новомъ и отрадномъ.

Въ виду важнаго значенія въ богослуженіи церковной уставности, о. Ириней требоваль точнаго и благочиннаго исполненія церк. устава, безъ сокращеній и излишней снѣжности. Чтеніе шестопсалмія и псалтири, а ровно и пѣніе стихирь совершались отчетливо, раздѣльно. Такъ какъ при надлежащемъ исполненіи церковнаго устава, богослуженіе естественно должно было удлиниться, то о. ректоромъ обращено было вниманіе на совершенно излишнія, хотя у насъ и столь обычныя затяжки хора, происходящія отъ задаваній тона въ то время, когда уже должно было бы пѣть. Ректоръ Ириней требоваль, чтобы хоръ не дѣлалъ лишнихъ промежутковъ между возгласомъ священнослужителя и своимъ пѣніемъ. Такимъ образомъ ему удалось, не жертвуя уставностію, довести продолжительность богослуженія до той мѣры, которая считается обычною.

Забываясь объ общемъ пѣніи воспитанниковъ, о. ректоръ однако не пренебрегалъ и хоромъ; напротивъ, онъ придавалъ ему важное значеніе, какъ образцовому исполнителю лучшихъ церковныхъ пѣснопѣній и какъ основному ядру въ общемъ церковномъ пѣніи. Только и въ отношеніи къ хору были у него особыя требованія. Онъ не любилъ современнаго партеснаго пѣнія съ его „многочисленными композиторскими шалостями“, съ страстію къ разнымъ „пѣвческимъ фокусамъ“ въ исполненіи, съ пренебреженіемъ къ смыслу и содержанію исполняемаго, съ преобладаніемъ эстетическихъ цѣлей надъ религіозными¹⁾, и допускалъ его только изрѣдка, въ видѣ исключенія. Напротивъ, онъ поощрялъ исполненіе старинныхъ, строго церковныхъ напѣвовъ въ переложеніяхъ, напр., Потулова. Извѣстный композиторъ Леонидъ Дмитриевичъ Малашкинъ, бывшій нѣкоторое время учителемъ по

¹⁾ См., напр., замѣчательную ст. въ 25 № Руков. для с. п. за 1886 г. подъ заглавіемъ: „Кому не нравится всенародное пѣніе въ церкви“. Н.

классу оркестровой музыки въ семинаріи, нашель въ о. Иринеѣ поощреніе и поддержку по изданію своихъ первыхъ переложеній лаврскихъ напѣвовъ литургіи и другихъ частей богослуженія. Лаврское пѣніе вечерни, утрени и обѣдни исполнялось въ семинаріи очень часто и съ большимъ успѣхомъ. Нѣсколько стихиръ блаженныхъ на каждый гласъ было переложено на голоса съ древнихъ напѣвовъ и всегда исполнялось хоромъ на маломъ входѣ.

Подготовкѣ къ проповѣднической дѣятельности будущихъ пастырей о. Иринеѣ придавалъ важное значеніе. Для проповѣдниковъ устроена была сохраняющаяся и донныѣ въ старой семинарской церкви у лѣваго клироса красивая кафедра, въ видѣ чаши (по образцу бывшихъ здѣсь въ старину). Оттуда постоянно раздавалась проповѣдь либо наставниковъ семинаріи, либо воспитанниковъ 5 и 6 кл. О. ректоръ самъ нерѣдко выслушивалъ молодыхъ проповѣдниковъ, давалъ имъ руководящіе совѣты на счетъ произношенія. Лучшихъ, болѣе способныхъ проповѣдниковъ изъ воспитанниковъ онъ назначалъ по нѣскольку разъ проповѣдывать, въ особенности въ какіе-ниб. нарочитые дни.

Стараясь въ извѣстной мѣрѣ заинтересовать воспитанниковъ семинаріи (особ. старшихъ классовъ) въ современной церковной жизни, онъ часто привлекалъ ихъ къ выраженію мыслей, чувствъ и надеждъ, одушевлявшихъ весь русскій народъ и наше пастырство. Управление его Кіев. дух. семинаріей и епархіей, въ должности викарія совпало съ великими всероссійскими торжествами, средоточіемъ которыхъ былъ Кіевъ: торжествомъ 1000-лѣтія со дня смерти св. первоучителя Словенскаго Меѳодія (5 апр. 1885 г.) и—900-лѣтія крещенія Руси (15 іюля 1888 г.). Блескъ перваго изъ нихъ усилился бывшимъ въ то время въ Кіевѣ соборомъ южно-русскихъ архипастырей, происходившимъ подъ предсѣдательствомъ высокопреосв. Платона, митрополита Кіевскаго. „Соборъ“ архипастырей... Сколько въ этомъ словѣ было тогда обаянія!—„Давно этого у насъ не было, и давно бы это нужно

было сдѣлать“, говорили тогда многіе. Сколько возлагалось тогда надеждъ на совмѣстный обмѣнъ мыслей архипастырей и ихъ обсужденіе жгучихъ вопросовъ времени! Живой, всей душой преданный Церкви и весьма чутко относившійся къ запросамъ жизни, о. ректоръ Ириней не могъ остаться безъ отклика по поводу собора, тѣмъ болѣе, что отъ своего архипастыря, высокопр. Платона, онъ имѣлъ порученіе составить записку о главнѣйшихъ нуждахъ Церкви и мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію, особенно въ виду распространенія на югѣ Россіи штундизма. Къ участию въ обсужденіи этого предмета привлечены были и нѣкоторые преподаватели семинаріи. Плодомъ этихъ работъ была записка о мѣрахъ къ искорененію штундизма, представленная о. ректоромъ въ свое время высокопреосв. Платону. Внимательно относясь къ тому и другому событіямъ, ректоръ Ириней позаботился, чтобы они остались памятными и для управляемой ими семинаріи. Въ день тысячелѣтія смерти св. Меодія въ семинаріи былъ устроенъ торжественный актъ, удостоенный посѣщенія цѣлаго сонма собравшихся въ Кіевъ архипастырей во главѣ съ Кіевскимъ Владыкою Платономъ, въ сообществѣ съ именитымъ гостемъ Сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ, и состоявшій изъ приличествующей торжеству рѣчи одного изъ наставниковъ, нѣнія гимновъ и нѣсколькихъ чтеній и стихотвореній, составленныхъ нарочито къ этому дню воспитанниками семинаріи. Такъ же заботливо готовился ректоръ Ириней праздновать въ семинаріи, спустя три года, и другое всероссійское и для Кіева особенно достопамятное торжество—900-лѣтіе крещенія Руси. Но это торжество пришлось ему встрѣчать уже въ санѣ епископа Уманскаго, викарія Кіевской митрополіи, въ который онъ посвященъ былъ за два мѣсяца предъ тѣмъ (15 мая 1888 г.).

Но проявляя кипучую дѣятельность въ чрезвычайныхъ событіяхъ, знаменательныхъ для Кіева, ректоръ о. Ириней неослабно слѣдилъ за рядовою работою учащихся и учащихъ. Будучи самъ неутомимымъ труженикомъ, онъ желалъ то же

видѣть и во всѣхъ подначальныхъ ему членахъ семинарской семьи,—въ инспекціи, преподавателяхъ и воспитанникахъ. Вникая близко въ преподаваніе каждаго предмета, часто посѣщая уроки, онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы преподаваніе по каждому предмету шло безъ лишнихъ затяжекъ и напрасныхъ пропусковъ. Въ видахъ своевременнаго выполненія учебной программы въ году и прочнаго утвержденія въ памяти пройденнаго, онъ требовалъ иногда отъ преподавателей письменнаго предварительнаго распредѣленія учебнаго матеріала на извѣстную часть года съ тѣмъ, чтобы остальное время до экзаменовъ посвящено было повторенію всего пройденнаго. Благодаря такому предварительному расчету, полный курсъ предмета дѣйствительно проходилъ до извѣстнаго срока, а затѣмъ начиналось повтореніе. Вступая нерѣдко въ разсужденія съ наставникомъ о преподаваемомъ предметѣ и лучшей постановкѣ преподаванія, живой, съ многостороннимъ научнымъ интересомъ, ректоръ Ириней часто наталкивалъ его на новыя стороны предмета и пути преподаванія. Отъ воспитанниковъ ректоръ о. Ириней требовалъ заниматься своимъ дѣломъ, и замѣчательно, что тогда всего меньше было слышно отговорокъ неимѣніемъ времени, оттяжекъ съ представленіемъ письменныхъ работъ, или жалобъ на переутомленіе. Много вниманія обращалъ онъ на письменныя работы учениковъ, лично прочитывалъ многія изъ нихъ (по прочтеніи наставникомъ) и дѣламъ съ своей стороны нужныя замѣчанія или общія распоряженія. Благодаря этому, качество письменныхъ работъ стояло вообще высоко. Чтеніе воспитанниками семинаріи лучшихъ богословскихъ и научныхъ книгъ и духовн. журналовъ также не осталось безъ его вниманія; подъ руководствомъ наставниковъ, многое прочитывалось въ году лучшими учениками. Само собою разумѣется, что эта напряженная трудовая жизнь учащихся и учащихъ не была легкою, но зато вознаграждалась видимыми успѣхами и сознаніемъ подъема жизни въ семинаріи. По общему сознанію, жизнь заведенія въ ректорство Ириней была ключемъ. Благоустроен-

ность семинаріи, труды учащихся и учащихся, успѣхи и доброе поведеніе воспитанниковъ были не разъ отмѣчаемы въ устныхъ и письменныхъ отзывахъ высшаго духовнаго начальства. Сами учившіеся въ Кіевской семинаріи при такъ называемомъ „Иринеевскомъ“ режимѣ вышли потомъ одними изъ лучшихъ пастырей въ епархіи, и отъ нихъ приходится не разъ слышать благодарные отзывы о своемъ бывшемъ ректорѣ—Иринѣ, какъ начальникѣ „строгомъ и горячемъ, но вмѣстѣ и добромъ, справедливымъ, умномъ, распорядительномъ и попечительномъ о всѣхъ дѣйствительныхъ пуждахъ учащихся“.— „Этотъ ректоръ, говорятъ они, умѣлъ учить уморазуму, умѣлъ, гдѣ стѣдѣть, и любить. Спасибо ему!“

Но посвящая такъ много силъ службѣ по управленію завѣдуемой семинаріей, ректоръ Ириной проявилъ еще неистощимый запасъ энергіи для другого дѣла, именно редакцірованія издающагося при Кіевской дух. семинаріи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“. Уже родство цѣлей сего журнала съ задачами управляемаго имъ учебнаго заведенія располагало о. ректора посвящать ему много вниманія. Будучи по своему характеру весьма отзывчивымъ на современные запросы жизни и всегда сочувственно относясь къ скромной, трудовой долѣ сельскихъ пастырей, о. Ириной, какъ редакторъ ж. „Руководство для сельскихъ пастырей“, поставилъ своею цѣлю сдѣлать этотъ журналъ въ полномъ смыслѣ органомъ сельскаго приходскаго духовенства, для разъясненія его обязанностей въ различныхъ отношеніяхъ, его положенія въ данное время со всѣми его печальми и нуждами и своевременнаго разрѣшенія животрепещущихъ церковно-религіозныхъ и общественныхъ вопросовъ дня. Высокія и многостороннія пастырскія обязанности, учительство, проповѣдничество, миссіонерство, духовное руководство, особое положеніе сельскаго пастыря, живущаго въ глуши, среди населенія простаго, но часто коснаго и грубаго, взаимныя отношенія и обязанности разныхъ членовъ причта, защита нашего пастырства отъ напрасныхъ нареканій свѣтской пе-

чати, различные затруднительные вопросы изъ области церковно-богослужебной и приходской практики—все это всегда вызывало нашъ журналъ на различные отзывы въ видѣ небольшихъ статей или—болѣе или менѣе обстоятельныхъ изслѣдованій и разсужденій, имѣющихъ ближайшій непосредственный интересъ для сельскаго пастыря. Конечно, отъ вниманія и предусмотрительности редакціи зависѣло дать своевременный отвѣтъ на вопросы, касающіеся злобы дня. Какъ редакторъ, о. Иринеи самъ усердно слѣдилъ за всею періодическою литературою, духовною и свѣтскою, прислушивался внимательно къ толкамъ печати и общества и старался дать въ нашемъ журналѣ своевременный отзывъ, совѣтъ, разъясненіе, рѣшеніе. Ставъ во главѣ корпораціи преподавателей семинаріи и располагая также дружескимъ участіемъ профессоровъ Кіевской дух. академіи, онъ сумѣлъ поставить журналъ на высотѣ современныхъ требованій. Самъ онъ, можно сказать, жилъ постоянною заботою о томъ, что и въ какомъ видѣ лучше предложить вниманію читателей „Руководства для с. п“. Рѣдкій день приходилъ онъ въ преподавательскую сборную, не имѣя въ запасѣ цѣлаго ряда темъ, которыя онъ предлагалъ наставникамъ для разработки по ихъ спеціальностямъ. При этомъ почтенный редакторъ нерѣдко намѣчалъ и направленіе въ рѣшеніи даннаго вопроса. Вообще онъ старался имѣть въ портфель редакціи какъ можно болѣе пригоднаго къ чтенію сельскихъ пастырей матеріала. Иногда онъ выражалъ жалобы на скудость статей въ запасѣ редакціи. Но это у него означало лишь желаніе имѣть болѣе свѣжій и пригодный матеріалъ. Журналъ, выходящій подъ его редакціей, представляетъ богатое разнообразіе статей, рисующихъ положеніе сельскаго пастыря со всѣхъ сторонъ (семейной, хозяйственной, житейской, общественной), множество цѣнныхъ статей литургическихъ, каноническихъ, церковно-историческихъ, много разсужденій объ упадкѣ современныхъ нравовъ и средствахъ исправленія ихъ, о церковно-приходской школѣ, о штундизмѣ

и мѣрахъ къ его уничтоженію или предупрежденію и т. п. Какъ близко было участіе о. Иринея въ изданіи журнала, можно судить и по тому, что едва ли не большая половина статей журнала за годы его редакторства (1883—1888) написана по его непосредственной инициативѣ.

Не ограничиваясь внутреннею стороною журнала, редакторъ о. Иринея обратилъ вниманіе и на другія стороны его. Такъ, въ виду расширенія журнала, имъ были выдѣлены нѣкоторыя части журнала въ особыя изданія, добавочныя къ корпусу, а именно: 1) „Проповѣди“, въ видѣ ежемѣсячнаго приложенія, рассылаемаго подписчикамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы и самыя отдаленныя подписчики могли получать ихъ своевременно, и 2) „Богословскій Библиографическій Листокъ“. Оба они вышли въ первый годъ редакторства о. Иринея, въ сентябрѣ 1883 г. (въ III т. журнала). Съ выдѣленіемъ прибавленій журнала отъ корпуса, обращено вниманіе на ихъ качественное улучшение. Въ „Богосл. Библиогр. Листкѣ“ введено обзорѣніе духовной журналистики.

Со времени редакторства о. Иринея обращено было вниманіе на удовлетвореніе подписчиковъ особыми бесплатными приложеніями. Такъ, редакціей было напечатано и разослано подписчикамъ въ качествѣ приложенія нѣсколько новыхъ переложеній Л. Д. Малашкина: литургія І. Златоуста лаврскаго Кіевскаго распѣва, всенощное бдѣніе того же распѣва и другія духовно-музыкальныя сочиненія ¹⁾. Кромѣ того при журналѣ печатался въ видѣ приложенія рядъ простыхъ и весьма практичныхъ врачебныхъ совѣтовъ, семинарскаго врача Ѳ. П. Дашкевича. Наконецъ, по инициативѣ редактора предпринятъ былъ переводъ съ греческаго языка краткихъ толкованій Евфимія Зигабена на Евангелія отъ Матѳея и Іоанна,

¹⁾ Въ 1883 г. въ журналѣ было объявлено объ изданіи гимна „Торжествуй, наша обитель“, исполненнаго на публичномъ актѣ Кіевской дух. семинаріи 27 окт. 1883 года, сочин. Л. Д. Малашкина, и его же: „Душе моя“... „Покаянія отверзи ми двери“... и концертъ: „Вскую мятошася языцы“...

Икуменія, епископа Трикессаго, — на пастырскія посланія ап. Павла къ Тимоѳею и Титу ¹⁾).

Мы не станемъ здѣсь входить въ подробности о твердой административной постановкѣ изданія журнала, давшей надежныя гарантіи исправной доставки журнала подписчикамъ. Благодаря такимъ заботамъ редактора своего, журналъ нашъ достигъ блестящаго состоянія. Вниманіе къ журналу выразилось, помимо значительной подписки, въ лестныхъ отзывахъ журнальной критики и рекомендаціи его приходскому духовенству со стороны св. Синода.

Съ личностью о. Иринея, за время служенія его въ Кіевской дух. семинаріи, связано происхожденіе другого Кіевского періодическаго изданія — „Церковно-приходская Школа“. Будучи предсѣдателемъ Кіевского енарх. учил. совѣта (съ 15 окт. 1884 г.), архим. Ириней, кажется, первый пришелъ къ мысли объ изданіи спеціальнаго органа для церковно-приходскихъ школъ. По возбужденному имъ отъ имени Кіевского енарх. учил. совѣта ходатайству св. Синодомъ разрѣшено изданіе сего журнала при совѣтѣ, и самъ о. Ириней организовалъ и первый составъ редакціи. Мало того, первые №№ журнала (съ авг. 1887 г.) были проредактированы имъ самимъ.

Мы увѣрены, что имя преосв. Иринея будетъ долго жить въ памяти кіевлянъ и духовенства Кіевской епархіи, которымъ онъ такъ долго, съ такимъ усердіемъ и пользою служилъ болѣе 28 лѣтъ. Благодарное потомство и безпристрастная исторія будутъ всегда поминать добрымъ словомъ этого труженика науки, борца за вѣру и св. Церковь, опыт-

¹⁾ Переводъ этихъ толкованій сдѣланъ преподавателемъ, впоследствии инспекторомъ семинаріи, Иларіономъ Игнатъевичемъ Балабушевичемъ. Эти переводные труды впоследствии вышли отдѣльными, довольно объемистыми оттисками: 1) Толковое Евангеліе отъ Матѳея... Кіевъ 1886 г. 460 стр., 2) Толковое Евангеліе отъ Іоанна... Кіевъ 1887 г. 312 стр. и 2) Пастырскія посланія ап. Павла къ Тимоѳею и Титу... Кіевъ. 1888 г. 98 стр.

наго воспитателя юношества, даровитаго писателя, редактора и публициста. Вѣчная ему память.

Какую память оставилъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ по Кіевской дух. семинаріи почившій преосв. Иринея, можно видѣть, между прочимъ, и изъ слѣд. краткаго некролога, помѣщаемаго въ болгарскомъ еженед. журналѣ „Православный Проповѣдникъ“ (кн. IV, апрѣль), издающемся въ Софіи подъ редакціей Саввы Преславича Доброплоднаго, бывшаго воспитанника Кіевской дух. семинаріи и академіи. Послѣ извѣстія о внезапной смерти преосвященнаго Иринея, редакція замѣчаетъ: „Покойный, въ мѣръ Х. М. Орда, есть одинъ изъ выдающихся русскихъ богослововъ, который оставилъ по себѣ неизгладимую память въ экзегетикѣ, борець противъ раціонализма, проповѣдникъ Слова Божія, просвѣщенный и талантливый администраторъ. Его сочиненій очень много. Какъ бывший много лѣтъ преподавателемъ, а затѣмъ и ректоромъ Кіевской дух. семинаріи, онъ былъ учителемъ для многихъ молодыхъ болгаръ, между которыми былъ и нашъ редакторъ, нынѣ горько оплакивающей своего любимаго и незабвеннаго паставника. Большею частію строгій, но въ то же время добрый и справедливый, покойный іерархъ имѣлъ неотразимое вліяніе на своихъ питомцевъ. Миръ праху твоему и вѣчная тебѣ память, доблестный архипастыр! То сѣмя, которое ты посѣялъ въ мягкихъ сердцахъ твоихъ учениковъ изъ Болгаріи, пустило глубокіе корни, и тѣ, которые всегда вспоминаютъ тебя съ благодарностью, постараются быть такими же энергичными и безкорыстными служителями Церкви Божіей и отечества, какимъ былъ ты!“

П. Петрушевскій.

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душенопечителя своихъ пасомыхъ ¹⁾.

Положеніе пастыря таково, что ему приходится имѣть дѣло не только съ своими, присными въ вѣрѣ, но и съ врагами Христовой Церкви. Съ послѣдними ему нужно бороться, а чтобы бороться успѣшно, нужно быть опытнымъ въ борьбѣ,—знать врага, его силы и средства, нужно быть во всеоружіи; для этого же необходимо изучать еретическія и вообще антихристіанскія ученія.

Что касается цѣли пастырскаго служенія, то она состоитъ въ томъ, чтобы привести ввѣренныхъ пастырю людей ко Христу и блаженной жизни. Но путь къ этой цѣли тернистый и трудный; нужно, стало быть, умѣть искусно пробираться среди терній, нужно знать, какъ ихъ устранить и преодолѣть,—а для этого опять необходимо изслѣдовать самыя тернія. И такъ, пастырь долженъ хорошо владѣть двоякимъ оружіемъ—собственнымъ, христіанскимъ и чужимъ, антихристіанскимъ,—и послѣднимъ оружіемъ съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ первымъ, потому что весьма часто враги христіанства не хотятъ стать на христіанскую точку зрѣнія, а возражаютъ съ точки зрѣнія своей. Въ такомъ случаѣ пастырю Церкви нужно стать на точку зрѣнія своихъ противниковъ и уже ихъ собственнымъ оружіемъ отражать нападенія. До какой степени необходимо пастырю Церкви быть „учительнымъ“ и особенно сильнымъ *противящіяся обличати*, видно изъ того, что, по словамъ св. Златоуста, тотъ, „кто не умѣетъ бороться со врагами, плѣнять всякъ разумъ въ послушаніе Христово и низлагать мудрованіе (2 Кор. X, 5), кто не знаетъ, какъ нужно учить здравому ученію, тотъ да будетъ далекъ отъ учительскаго престола. Прочія качества можно находить и въ подчиненныхъ, какъ-то: непорочность,

¹⁾ См. № 26 с. г.

воспитаніе дѣтей въ послушаніи, страннолюбіе, справедливость, благочестіе; но учителя особенно отличаетъ то, чтобы онъ могъ оглашать (народъ) ученіемъ“¹⁾).

Но, желая видѣть въ каждомъ пастырѣ Христовой Церкви образованнаго и даже ученаго человѣка, св. Златоустъ отрицательно относится къ „внѣшней учености“, которою отличались современные ему языческіе мудрецы, и которая обнаруживалась не столько въ краснорѣчіи, сколько въ хитросплетенныхъ выраженіяхъ. Пастырь-учитель долженъ обладать силою мыслей и на это обращать свое главное вниманіе при наученіи пасомыхъ, а не на изысканность внѣшняго выраженія своихъ поученій, которыя, по словамъ св. отца, должны отличаться простотою, пригодностью для каждаго слушателя, какое бы положеніе онъ ни занималъ въ обществѣ, и, наконецъ, задушевностью, которая лучше всего можетъ удержать пастыря-учителя отъ увлеченій „внѣшней ученостью“ и напыщенными словами.

Кромѣ общихъ разсужденій относительно пастырской душепопечительности, у св. Златоуста есть еще наставленія частныя, касающіяся пастырскаго попеченія, направляемаго на извѣстный только классъ людей, а не на всѣхъ пасомыхъ вообще, имѣющаго въ виду исправленіе опредѣленныхъ пороковъ и недостатковъ общества, а не общій подъемъ нравственнаго состоянія паствы. Сюда должно отнести наставленія о томъ, какъ нужно исправлять разнаго рода заблужденія въ области догматическихъ и вообще теоретическихъ вопросовъ, какъ нужно бороться съ суевѣріями и вообще съ такими недостатками членовъ церковной общины, которые происходятъ отъ небрежности и невнимательности человѣка къ самому себѣ и своему поведенію. Вотъ, напр., какое наставленіе онъ даетъ пастырю на тотъ случай, когда ему придется имѣть дѣло съ совопросниками изъ вѣрующихъ, или, какъ онъ самъ выражается, изъ „присныхъ въ вѣрѣ“. Онъ

¹⁾ Вес. на посл. къ Титу, б. II, стр. 25—26.

говорить: „однако и въ семь случаѣ (о которомъ идетъ у насъ рѣчь), когда кто съ неустрашимостью станетъ обуздывать людей, испытывающихъ неподлежащія испытанію предметы, ему могутъ приписать гордость и необразованность. Поэтому и здѣсь предстоятель долженъ поступать съ великимъ благоразуміемъ, а именно—долженъ отклонять глупые вопросы и вмѣстѣ не навлекать на себя упомянутыхъ обвиненій. Для отвращенія всѣхъ таковыхъ неудобствъ, намъ не дано никакого другого средства, кромѣ слова“¹⁾. И такъ, св. Златоустъ совѣтуетъ внимательно относиться ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, у которыхъ возникаютъ какіе-либо недоумѣнные вопросы и сомнѣнія, и удовлетворять ихъ запросы, а не отдѣлываться отъ нихъ строгимъ замѣчаніемъ, а тѣмъ болѣе осужденіемъ и порицаніемъ. Холоднымъ и строгимъ отношеніемъ къ такимъ людямъ легко можно внушить имъ чувство неприязни къ представителямъ Церкви, а въ худшемъ случаѣ можно и совсѣмъ оттолкнуть ихъ отъ самой Церкви. Невнимательное и холодное отношеніе пастырей къ подобнымъ „распрямъ присныхъ“ проистекаетъ обыкновенно или изъ неуваженія къ самымъ приснымъ, или изъ легкомысленнаго взгляда на догматическіе вопросы и споры вообще, или изъ признанія пастыремъ собственной слабости, или еще изъ какихъ-либо другихъ подобныхъ основаній. Но ни въ какомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе при признаніи пастыремъ собственной слабости, ему не простиительно такое отношеніе къ истиннымъ чадамъ Церкви въ силу уже одного того, что онъ—пастырь, руководитель и учитель своей паствы. Какой же онъ послѣ этого руководитель, когда, вмѣсто отвѣта на заданный вопросъ, скажетъ: „молчи, не твое дѣло разсуждать: о томъ знаютъ твои наставники,—ихъ слушай, имъ и вѣрь“ и проч. въ этомъ родѣ?! А потомъ: кто знаетъ, что совопросникъ задаетъ вопросы и вступаетъ въ споры изъ простаго любопытствія, ради препровожденія времени? Многіе дѣлаютъ это, желая

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 138.

найти истину. Стало быть, какъ оскорбительно и невыносимо тяжело должно показаться такимъ людямъ строгое и холодное отношеніе пастырей къ ихъ вопросамъ и очевидная невнимательность къ ихъ личности! Какія же послѣ этого у нихъ явятся мысли и чувства? — Да, въ такихъ случаяхъ надо быть особенно осторожнымъ и тактичнымъ, чтобы не погубить иную слабую душу. Допустимъ, что вопрошающій и желающій все испытать дѣлаетъ это изъ празднаго любопытства и даже съ задними мыслями. И въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ на на первый разъ отклонять подобныхъ совопросниковъ, потому что это можетъ подать поводъ къ нареканіямъ на пастыря и обличенію его въ невѣжество; нужно не позволять только при этомъ собесѣднику забываться и отклонять его „глупые (т. е. неумѣстные) вопросы“, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ. И только уже послѣ того, какъ пастырь убѣдится, что совопросникомъ руководить одно пустое любопытство и, какъ говорится, „препровожденіе времени“, онъ можетъ уклониться отъ подобныхъ споровъ. Хотя св. Златоустъ и запрещаетъ пасомымъ излишнюю пытливость въ изслѣдованіи догматическихъ вопросовъ и строго обличаетъ такихъ совопросниковъ, однако онъ же самъ своимъ личнымъ примѣромъ доказалъ необходимость пастырской внимательности и къ такимъ совопросникамъ; въ его твореніяхъ много есть разсужденій, посвященныхъ разрѣшенію недоумѣнныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ умахъ „присныхъ въ вѣрѣ“. Подобный фактъ получить еще большее значеніе, если мы припомнимъ, что св. Златоустъ не особенно любилъ заниматься совопросничествомъ.

При разъясненіи совопросникамъ изъ „присныхъ въ вѣрѣ“ ихъ недоумѣнныхъ вопросовъ, св. Златоустъ совѣтуетъ пастырямъ Церкви обращать вниманіе ихъ на ограниченность человѣческаго разума¹⁾, на бесплодность изслѣдованій отно-

¹⁾ Бес. на 1 Тим., б. 18, стр. 265; на пос. къ Ефс., б. 24, стр. 399—401. СПБ. 1858 г.

сительно такихъ предметовъ богословія, знаніе о которыхъ дается отъ вѣры, и на необходимость и плодотворность вѣры для усвоенія христіанскаго вѣроученія вообще. Послѣднее, по мнѣнію св. Златоуста, особенно слѣдуетъ внушать людямъ пытливымъ, потому что „вѣра есть незыблемый камень, на которомъ только и можетъ человѣкъ твердо и непоколебимо стоять, не опасаясь ни рѣкъ, ни вѣтровъ, устремляющихся на него“ (человѣка)¹⁾, и что „гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и знанія“, а могутъ быть одни только „недоумѣнія и споры, посредствомъ которыхъ ничего нельзя найти²⁾“. Лучше всего пользоваться въ такихъ случаяхъ для раскрытія того или другого догматическаго положенія Словомъ Божіимъ, потому что оно—самый лучшій источникъ христіанскаго богословствованія³⁾; въ руководители слѣдуетъ брать св. Павла, на котораго св. Златоустъ въ особенности любитъ ссылаться при изъясненіи темныхъ мѣстъ Писанія. Но иногда такимъ людямъ не бесполезно представлять и соображенія богословствующаго и философствующаго разума; можно даже указывать на сочиненія и доводы языческихъ писателей,—по крайней мѣрѣ, св. Златоустъ не чуждался и этого источника человѣческой мудрости. Послѣднее особенно потребно въ тѣхъ случаяхъ, когда совопросникъ питаетъ большое уваженіе къ свѣтскимъ писателямъ и тексту Св. Писанія предпочитаетъ изысканія и доводы разума.

Во времена св. Златоуста существовало весьма много разныхъ суевѣрій; можно даже прямо сказать, что ими была обставлена вся жизнь многихъ христіанъ—и не только принадлежащихъ къ низшимъ классамъ общества (это было бы еще не такъ удивительно), но и къ высшимъ, которые со-

¹⁾ Бес. на 1 Тим., б. 18, стр. 265; на пос. къ Ефс., б. 24, стр. 399—401. СПб. 1858 г.

²⁾ Тамъ же, б. 18, стр. 265; б. 17, стр. 247; на кн. Быт., ч. I, б. 2, стр. 19—20. СПб. 1851 г.

³⁾ Бес. на Ев. отъ Іоанна, ч. II, б. 66, стр. 424—425; на кн. Быт., ч. I, б. 13, стр. 211.

ставляютъ (или, по крайней мѣрѣ, должны составлять) лучшую часть общества. Суевѣрія сопутствовали человѣку не только при его жизни, но и еще до появленія его на свѣтъ, когда онъ находился въ утробѣ матери. Св. Златоустъ говоритъ, что повивальныя бабки практиковали разнаго рода напентыванія, причитанія, заклинанія и т. п. надъ беременными женщинами ¹⁾. Когда дитя раждалось, то безъ суевѣрныхъ обрядовъ не обходилось ни при нареченіи имени ребенку ²⁾, ни при его дальнѣйшемъ воспитаніи. Въ баняхъ, напр., дѣтямъ мазали грязью лобъ, а о разныхъ погремушкахъ, перевязкахъ рукъ красной пряжей и многомъ другомъ, что, по словамъ св. отца, свидѣтельствуется о великомъ безуміи всѣхъ, допуславшихъ подобныя вещи, и говорить нечего ³⁾: до такой степени онѣ были распространены. Когда дитя заболѣвало, то опять дѣло не обходилось безъ суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ; въ такихъ случаяхъ любили обращаться къ „старухамъ-христіанкамъ“, которыя по своей профессіи очень напоминали нашихъ „знахарокъ“, и на нихъ возлагали большія надежды ⁴⁾. Бракъ тоже обставлялся разными суевѣрными обрядами, причемъ самое торжество брака, имѣвшее мѣсто непосредственно послѣ совершенія таинства, напоминало собою языческія вакханаліи и какъ будто нарочно было рассчитано на то, чтобы больше и сильнѣе развратить молодыхъ супруговъ. Христіанскаго элемента въ подобныхъ торжествахъ св. Златоустъ не замѣчалъ ⁵⁾. Послѣ этого не удивительно, если человѣкъ, воспитанный въ такой зараженной атмосферѣ, и самъ становился суевѣромъ и во всей послѣ-

¹⁾ Бес. на 1 Коринт., б. 12, стр. 223, ч. I.

²⁾ Тамъ же, стр. 220.

³⁾ Тамъ же, стр. 221.

⁴⁾ Бес. на Колосс., б. 8, стр. 135—136, Спб. 1858 г.

⁵⁾ О языческомъ характерѣ брачныхъ торжествъ св. Златоустъ говоритъ во многихъ мѣстахъ своихъ твореній, напр., въ бесѣдахъ: на 1 Кор., ч. I, б. 12, стр. 215—219; на Колосс., б. 12, стр. 213—216; на Ефес., б. 20, стр. 335—336; на Мѡ., ч. III, б. 73; Бесѣды на раз. мѣста Св. Писанія, т. II, стр. 464—467. Спб. 1862 г.

дующей жизни своей не обходился безъ примѣтъ, гаданій, амулетовъ и т. п.,—тѣмъ болѣе не удивительно, что такая атмосфера окружала его до самой гробовой доски. У св. Златоуста есть достаточно указаній на суевѣрія, относящіяся къ тому періоду жизни человѣка, когда послѣдній становился самостоятельнымъ. Напр.: встрѣтить дѣвицу или человѣка хромого или одноглазаго считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, а встрѣтить блудницу—хорошимъ; для счастья также вѣшали на ногахъ и на рукахъ монеты царя Македонскаго Александра, и т. п. ¹⁾). Словомъ сказать, суевѣрій была масса, и они производили на вѣрующихъ развращающее дѣйствіе, а язычникамъ давали поводъ глумиться надъ „христіанскимъ упованіемъ“.

Читая объ этихъ суевѣріяхъ, удивляешься ихъ сходству съ суевѣріями нашего времени. Припомните современныя примѣты, нашептыванія, ладонки, гаданья, вызыванія и заклинанія, продѣлки надъ новорожденными, женихомъ и невѣстой и т. д.,—и вы поразитесь указаннымъ сходствомъ. И такихъ суевѣрій держится и у насъ не одинъ низшій классъ, темный людъ, но и классъ высшій, такъ называемые образованные люди. Какъ видно, просвѣщеніе бессильно само по себѣ разогнать подобную тьму невѣжества ²⁾).

Въ виду такого печальнаго сходства нашего времени съ временемъ св. Златоуста, особенно важно узнать пріемы, которые св. отецъ употреблялъ въ борьбѣ съ суевѣріями.

К. В—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Слова и бес. на разн. случаи, т. II, сл. огласит. 2-ое, стр. 305—307, Сиб. 1865 г.

²⁾ Наилучшимъ подтвержденіемъ высказанной мысли можетъ служить новѣйшее увлеченіе на западѣ Европы (особенно во Франціи, въ Парижѣ) буддизмомъ и такъ называемой *теософіей* — и именно тою ихъ стороною, которая по преимуществу отличается мистицизмомъ и носитъ характеръ суевѣрія.

Картинка съ натуры.

Въ послѣдней книгѣ одного свѣтскаго журнала—еже-мѣсячника помѣщенъ небольшой разсказъ „Не—судьба!“—затрогивающій животрепещущій вопросъ о причинахъ уклоненія питомцевъ духовной школы отъ священнаго сана.

Разсказъ ведется отъ лица нѣкоего Николая Никитича Егорьевскаго, „молодого, но уже довольно извѣстнаго профессора одного изъ нашихъ университетовъ“. Въ кругу своихъ близкихъ друзей онъ откровенно разсказываетъ о тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставили его, сына священника и питомца духовной семинаріи, отказаться отъ прямого своего назначенія и поступить въ университетъ.

„Меня влекли къ этому (священству), говоритъ онъ, не однѣ семейныя традиціи, но и личные вкусы и наклонности. Я, напримѣръ, страстно любилъ еще въ дѣтствѣ всякія церковныя церемоніи и обряды. Стѣбитъ, бывало, сторожу Изоту ударить въ колоколь, какъ я уже стремглавъ бѣгу къ отцу и, умильно заглядывая въ глаза, спрашиваю: „папочка! можно и мнѣ съ вами пойти?“ А наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней я обходилъ обыкновенно всѣхъ домашнихъ и убѣдительно просилъ разбудить меня къ заутренѣ... И съ пяти до восьми лѣтъ я не проспалъ ни одного утренняго богослуженія“.

Что-же побудило героя разсказа перейти на другую дорогу?

Наблюденія надъ жизнью своего отца, сельскаго священника, надъ тѣми тяжелыми условіями, въ которыхъ протекаетъ дѣятельность почти всякаго приходскаго священника. „Мой отецъ,—говоритъ профессоръ,—и въ настоящее время былъ бы замѣчательнымъ человѣкомъ, а сорокъ лѣтъ назадъ представлялъ собою положительную рѣдкость. Скромный семинаристъ по образованію, онъ живо интересовался наукою и зорко слѣдилъ за всѣми новыми теченіями въ области мы-

сли и знанія. Стѣны его крошечнаго кабинетика сверху до низу украшены были самодѣльными полочками, сплошь заваленными книгами и брошюрами. Книги были страстью отца. Онъ тратилъ на нихъ все, что могъ урвать изъ скуднаго заработка, часто отказывая себѣ даже въ самомъ необходимомъ... Книги, семья и церковь были единственными радостями отца“.

И вотъ одна изъ сценъ, живо характеризующая положеніе этого недюжиннаго священника въ обществѣ.

Часто прихварывая, онъ, по настойчивымъ просьбамъ своей жены, рѣшилъ посовѣтоваться со своимъ двоюроднымъ братомъ, извѣстнымъ профессоромъ терапевтомъ, занимавшимъ кафедру въ университетѣ епархіальнаго города. Рассказчикъ, тогда семинаристъ 4-го класса, отправился впередъ къ дядѣ, чтобы предупредить его о прїѣздѣ отца... Но предоставимъ далѣе слово автору.

„У дяди я засталъ довольно многочисленное общество: это было его „день“.

Обширная, богато обставленная гостинная была переполнена. Мундиры различныхъ вѣдомствъ и простые черные сюртуки перемѣшивались съ изящными туалетами молодыхъ и старыхъ дамъ.

Рѣдко бывая въ такихъ собраніяхъ, я нѣсколько сконфузился и, передавъ, что слѣдовало, дядѣ, сѣлъ въ сторонку и съ любопытствомъ сталъ прислушиваться къ разговору.

А послушать здѣсь дѣйствительно было что. Дядя не терпѣлъ пустой салонной болтовни, и въ его присутствіи говорили всегда о предметахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общественный интересъ.

Никто, однако, этимъ не тяготился, и даже очень молоденькія барышни щебетали безъ умолку.

Я вдоволь уже наслушался всякихъ литературныхъ, научныхъ и политическихъ новостей, когда раздался наконецъ звонокъ, и въ комнатѣ появилась скромная фигура моего отца.

Всѣ какъ-то сразу съежились и притихли.

Дядя представилъ отца кое-кому. Между прочимъ онъ подвелъ его къ толстому, гладко выбритому господину въ щегольской черной визиткѣ.

— Пасторъ Эдельштейнъ, мой сотрудникъ по здѣшней нѣмецкой больницѣ,—отрекомендовалъ дядя.

Эдельштейнъ граціозно расшаркался.

Поговоривъ нѣсколько минутъ, дядя извинился и ушелъ съ отцомъ въ кабинетъ.

Не успѣли закрыться за ними двери, какъ въ гостиной опять загудѣла оживленная болтовня.

— Скажите, пожалуйста, почему вы замолчали, когда вошелъ батюшка?—спросилъ я свою сосѣдку, бойкую барышню лѣтъ двадцати.

Та вскинула на меня удивленные глаза.

— Помилуйте, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ голосѣ отвѣчала она: да развѣ можно при нашихъ батюшкахъ о чемъ-нибудь говорить? Всѣ они малокультурные, отсталые, тяжелые. Еще какъ разъ на дерзость налетишь, а то и „до свѣдѣнія“ доведутъ.

— Какъ же вы при пасторѣ-то говорите? Онъ вѣдь такой же служитель Бога.

— Ну, нѣтъ. Батюшка—это совсѣмъ не то, а пасторъ—человѣкъ, какъ и всѣ! Видите, онъ даже и по наружности не отличается отъ насъ: такъ же одѣтъ, такъ же причесанъ, вездѣ бываетъ, какъ и мы. Это—свой человѣкъ.

— Но, можетъ быть, иной батюшка-то втрое образованнѣе вашего пастора?

— Очень можетъ быть. Однако при видѣ извѣстнаго мундира лучше быть поосторожнѣе.

Въ это время Эдельштейнъ поднялся и сталъ прощаться.

— Ахъ, вы уже покидаете насъ?—раздались восклицанія.—А я только-что хотѣлъ спросить вашего совѣта о моемъ концертѣ: вы—такой тонкій знатокъ въ этихъ дѣлахъ.

— Ахъ, какъ жаль, что вы спѣшите! Мнѣ очень бы нужно говорить съ вами о нашихъ бѣдныхъ. Скажите, гдѣ мы можемъ увидѣться?

А пасторъ, самодовольно улыбаясь, раскланивался во всѣ стороны, цѣловаль ручки дамъ и скрылся въ передней, сопровождаемый почти всѣми гостями.

Черезъ нѣсколько времени вышелъ и отецъ и, отдавши общій поклонъ, тихо направился къ выходу.

И только я да дядя провожали его.

И мнѣ до боли стало жаль моего умнаго, честнаго, развитого отца.

Чѣмъ виновать ты, бѣдняга—думалось мнѣ—что тебѣ нельзя точно такъ же слиться съ твоей паствой? Вѣдь это было бы такъ естественно.

И съ новой силой забродила во мнѣ мысль:

Когда я буду большой, я ни за что, ни за что не пойду въ батюшки!

Развѣ это не правдивая картина, цѣликомъ выхваченная изъ жизни? Развѣ не таково въ дѣйствительности положеніе нашего священника въ обществѣ, официально числящемся его духовною паствою? (Орл. е. в., 1904 г., № 20).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го іюня 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей. № 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 11-го іюля.

Содержаніе: Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ (продолженіе).— М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки. (По поводу столѣтія со дня его рожденія).— Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою (продолженіе).

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ ¹⁾.

Современники св. Златоуста разнаго рода суетвѣріями думали, съ одной стороны, оградить себя отъ несчастій, неудачъ, болѣзней и вообще отъ страданій, какого бы рода и вида они ни были, а съ другой, надѣялись достигнуть такъ называемаго счастья въ жизни. Поэтому, св. Златоустъ доказывалъ, что суетвѣріями этой цѣли достигнуть не возможно, и что такая надежда безсмысленна. Въ этомъ слу-

¹⁾ См. № 27 за 1904 г.

чаѣ онъ бралъ какой-нибудь суевѣрный обрядъ или обычай и путемъ критики сводилъ его къ абсурду. Но такъ какъ этого было недостаточно, потому что неодолимое стремленіе къ счастью въ человѣкѣ все-таки оставалось, то св. отецъ указывалъ слушателямъ иную точку зрѣнія на человѣческое счастье и на путь къ нему. Счастье и несчастье человѣка заключаются въ немъ самомъ, въ его душевномъ расположеніи и настроеніи, въ чистотѣ его совѣсти, а не внѣ его и не въ какихъ-либо заклинаніяхъ, примѣтахъ и т. п. Отсюда—нужно заботиться о внутренней, душевной чистотѣ, о воспитаніи въ себѣ такого расположенія духа, которое давало бы человѣку возможность ко всякому несчастію и страданію относиться благодушно. Если человѣкъ сумѣетъ воспитать въ себѣ такое настроеніе, то его ничто не обезкочитъ, онъ будетъ наслаждаться миромъ съ самимъ собою, а къ внѣшнимъ благамъ будетъ относиться безразлично, потому что они не будутъ имѣть для него никакого существеннаго значенія. Только человѣкъ мірской дорожитъ внѣшнимъ счастьемъ, только онъ беспокоится несчастіями,—и это потому, что онъ не умѣетъ и не можетъ къ нимъ стать въ надлежащее отношеніе: его вниманіе разсѣивается по внѣшнимъ предметамъ, и, несмотря на все ихъ разнообразіе, онъ не можетъ ими удовлетворить своихъ духовныхъ потребностей, такъ какъ для этихъ потребностей нужна соотвѣтственная пища. Св. Златоустъ указываетъ, гдѣ именно слѣдуетъ искать духовнаго удовлетворенія, а съ нимъ вмѣстѣ и внутренняго счастья, которое только одно и есть дѣйствительно реальное и дорогое для человѣка. Его нужно искать въ христіанствѣ, въ истинно-христіанской жизни, т. е. нужно смотрѣть на себя, какъ на призваннаго къ высшей, небесной жизни, а не къ внѣшнему благополучію, которое призрачно. Какъ скоро будетъ усвоена такая точка зрѣнія на жизнь человѣческую, исчезнетъ пристрастіе къ земнымъ благамъ, а вмѣстѣ съ этимъ потеряютъ всякій смыслъ и суевѣрія, которыя, по мнѣнію св. отца, держатся единственно на пристрастіи къ земному и мірскому.

Не удовлетворяясь этимъ, онъ развивалъ предъ своими слушателями еще мысль и о томъ, что суевѣрія языческаго происхожденія и представляютъ собою дѣвольскія сѣти, которыми злой духъ опутываетъ человѣческій родъ. Христіанамъ нужно надѣяться на силу креста и имъ ограждать себя отъ искушеній и несчастій. А потому, св. Златоустъ убѣждаетъ своихъ слушателей употреблять крестное знаменіе какъ можно чаще,—и оно будетъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ противъ искушеній отъ діавола.—Не менѣе спасительное значеніе можетъ имѣть, по его словамъ, и слѣдующее изреченіе: „отрицаюся тебе, сатана, и гордыни твоей, и служенія тебѣ, и сочетаюся Тебѣ, Христе“¹⁾. И вообще, охранительныхъ средствъ противъ діавола христіанамъ слѣдуетъ искать не въ язычествѣ и суевѣріяхъ, а въ молитвѣ и постѣ, въ надеждѣ на Спасителя, а не въ амулетахъ, гаданьяхъ, заклинаньяхъ, примѣтахъ и тому подобныхъ суевѣріяхъ.—При этомъ, одними разсужденіями и увѣщаніями св. Златоустъ не ограничивался,—иногда онъ угрожалъ примѣнять къ суевѣрамъ и мѣры строгости, о чемъ и предупреждалъ ихъ²⁾. Впрочемъ, эти прещенія ограничивались только словами,—онъ былъ слишкомъ любвеобилень и снисходителень къ людямъ, чтобы рѣшиться примѣнять къ нимъ карательныя мѣры и притомъ за поступки, протекавшія изъ невѣжества.

Итакъ, въ борьбѣ съ суевѣріями св. Златоустъ старался возбудить въ своихъ слушателяхъ критическое и сознательное къ нимъ отношеніе; для этого онъ подвергалъ суевѣрія строгому критическому анализу. Поступая такъ, онъ надѣялся, что холодный и здравый разсудокъ сдѣлаетъ свое дѣло, т. е. разсѣетъ этотъ призракъ. Но такъ какъ св. отецъ зналъ, что для успѣховъ пастырства нужна не одна отрицательная дѣятельность, а еще больше нужна положительная, которая должна доставить очищенному сознанію матеріаль для работы;

¹⁾ Слова и бес. на разные случаи, т. II, стр. 307—308.

²⁾ Бес. на Колосс., бес. 8, стр. 136.

то онъ обращалъ вниманіе суетворъ слушателей на „христіанское упованіе“ и на воспитаніе въ себѣ христіанскаго настроенія, при которомъ только и возможно счастье чело-вѣка. Въ качествѣ надежнѣйшаго средства для огражденія отъ искушеній онъ указывалъ крестное знаменіе и молитву, которыя и должны были замѣнить собою разные внѣшніе суетворные знаки и символы.

Что касается такихъ недостатковъ или даже пороковъ, которые происходятъ отъ небрежности и невнимательности чело-вѣка къ самому себѣ, къ своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ, то и въ борьбѣ съ ними св. Златоустъ старался дѣйствовать вышеописаннымъ способомъ. Всѣ такіе недостатки, какъ напр., клятва, божба, ругательства, шутки ¹⁾, насмѣшка, болтливость и т. п. существуютъ въ силу того, что ихъ обыкновенно большинство людей считаетъ или маловажными, или совсѣмъ неважными, не заслуживающими никакого вниманія. Отъ частаго повторенія эти недостатки пріобрѣтаютъ силу привычекъ, и отъ нихъ, поэтому, бываетъ трудно отстать даже и въ томъ случаѣ, когда чело-вѣкъ захочетъ этого. Вооружаясь противъ этихъ и подобныхъ недостатковъ, св. Златоустъ прежде всего доказывалъ своимъ слушателямъ, что недостатки эти не такъ маловажны, какъ принято думать, и что они могутъ служить (и дѣйствительно служатъ) источникомъ многихъ между людьми недоразумѣній и непріятностей. Особенно вредитъ искренности чело-вѣческихъ отношеній и миролюбію злоупотребленіе языкомъ ²⁾. Что же касается того вреда, который проистекаетъ отъ указанныхъ недостатковъ для души христіаннина, то его трудно и даже невозможно исчислить. Какъ опасна,

¹⁾ Бес. на Ефес., бес. 17, стр. 275—276.

²⁾ Бес. на Мө., ч. III, бес. 78, стр. 346—351; на Евр., б. 21, стр. 337—339. Сиб. 1859 г.:—здѣсь говорится о вредѣ болтливости для жизни семейной, общественной и личной.—Бес. на разн. мѣста Св. Писанія, т. II, стр. 461—462:—здѣсь говорится о томъ, что нужно удерживать свой языкъ,—тогда худыя пожеланія скорѣе исчезнутъ, будучи скрыты какъ бы подъ судомъ.

напр., клятва, можно судить потому, что ею человекъ оскорбляетъ Бога и уготовываетъ себѣ геенну¹⁾. Да, наконецъ, если бы (допустимъ) отъ этихъ недостатковъ (или пороковъ) не было и никакого вреда ни для самого человекъ, ни для общежитія, то и тогда ихъ слѣдуетъ избѣгать, потому что они свидѣтельствуютъ о слабости или дряблости человеческой воли, между тѣмъ христіанину нужно быть устойчивымъ въ добромъ направленіи, строгимъ къ себѣ и сосредоточеннымъ. Если эти недостатки такъ вредны для человекъ, то ясно, что съ ними нужно бороться. И св. Златоустъ, дѣйствительно, не только постоянно призывалъ своихъ слушателей къ такой борьбѣ, но и указывалъ имъ способы этой борьбы, средства наилучшаго уничтоженія подобныхъ дурныхъ привычекъ. Средства эти двоякаго рода: одни можно назвать субъективными, или внутренними, а другія—объективными, или виѣшними. Первые средства—это усилія воли человекъ, направленныя на постепенное ослабленіе дурной привычки. Человекъ всегда долженъ слѣдить за собою и удерживать себя всякій разъ, какъ только у него является поползновеніе обнаружить нажитую имъ дурную привычку, напр., привычку клясться. Такія упражненія уменьшаютъ число обнаруженій дурной привычки, а въ силу этого и самая привычка ослабляется: человекъ привыкаетъ къ противоположному (не клясться, напр.), и у него отъ практики образуется другая привычка—хорошая. Въ воспитаніи добрыхъ навыковъ, противоположныхъ дурнымъ привычкамъ, и состоитъ весь секретъ борьбы не только съ дурными привычками, но и со страстями. На этомъ воспитаніи у св. Златоуста построена вся система подобной борьбы. Само собою понятно, что здѣсь необходимъ большой подъемъ сознательной, собственно разсудочной дѣятельности человекъ. Но такъ какъ этотъ про-

¹⁾ Бес. къ Ант. народу, т. I. бес. 6, стр. 364—366. Еще о клятвѣ см. бес. 3, стр. 294—295; б. 4, стр. 321—322, 325; б. 5, стр. 348—349, б. 7, стр. 375—377; б. 8, стр. 396—397; и далѣе бес.: 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18; на Дѣян., ч. I, бес.: 8, 9, 10, 11, 12, 13; на Мѡ., б. 17; на Римл., б. 12 и др.

цессъ при существованіи укоренившихся привычекъ, парализующихъ волю человѣка, очень труденъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ; то является нужда въ такихъ внѣшнихъ пособіяхъ, которыя могутъ сообщать ослабленной волѣ энергію. Такими пособіями могутъ быть молитва, постъ, напоминанія со стороны ближнихъ, какъ скоро человѣкъ не замѣчаетъ невольнаго (почти) обнаруженія дурной привычки, съ которой онъ рѣшилъ бороться. Взаимопомощь въ этихъ случаяхъ можетъ быть особенно полезной, потому что чужіе недостатки со стороны виднѣе.

Наставленія св. Златоуста о томъ, какъ должно воздѣйствовать словомъ (поучать) на лицъ преклоннаго возраста, на женщинъ и юношей, не представляютъ ничего новаго. сравнительно съ разсужденіями ап. Павла по тому же вопросу, вслѣдствіе чего мы считаемъ возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ, ограничившись краткими замѣчаніями относительно той внимательности, которую св. отецъ заповѣдуетъ обнаруживать пастырю Церкви при врачеваніи недуговъ своей паствы.

Пастырское душепопеченіе должно простирается не только на всѣхъ вообще пасомыхъ, но и на cadaго изъ нихъ въ отдѣльности,—оно, такимъ образомъ, должно быть не массовое только, но и частное. Пастырь долженъ заботиться о поднятіи религіозно-нравственнаго состоянія не только въ массѣ своихъ пасомыхъ, но и въ каждой отдѣльной личности. Частное душепопеченіе пастыря, простирающееся на отдѣльные личности, не должно прекращаться, по словамъ св. Златоуста, даже и въ томъ случаѣ, когда общій нравственный уровень паствы будетъ высокъ, а „больныхъ“ будетъ только десять человѣкъ, или пять, или два, или даже одинъ; пусть онъ одинъ, притомъ незначительный и презрѣнный человѣкъ, однакожь онъ братъ, за котораго Христосъ умеръ¹⁾, и за котораго пастырю нужно будетъ дать отвѣтъ Господу. Слѣдовательно, у пастыря не можетъ быть *малыхъ*, о которыхъ

¹⁾ Слова, т. III, сл. 3, стр. 494—495.

ему не было бы нужды заботиться. „О малыхъ-то и Христось заботится много (Матѳ. 18, 4—6; 25, 45; 18, 10, 14). Какъ же будетъ безразсудно,—говорить св. Златоустъ,—если мы возне-
радимъ о малыхъ, когда Христось столько заботится о нихъ? Не о томъ говори, что онъ (больной) одинъ, но о томъ, что одинъ, оставленный безъ вниманія, сообщаетъ свою болѣзнь и прочимъ. *Малъ квасъ*, говоритъ апостоль, *все смѣшеніе кваситъ* (Гал. 5, 9). Это-то и губить и разстроиваетъ все, что мы пренебрегаемъ малымъ; оттого-то и (малыя) раны дѣлаются большими, точно такъ же, какъ большія легко дѣ-
лаются малыми, если объ нихъ позаботятся надлежащимъ образомъ“¹⁾. Въ особенности не слѣдуетъ пренебрегать *мало-
стями* тогда, когда онѣ свидѣтельствуютъ о раздорѣ между пасомыми; потому что „царство, раздираемое междуусобіемъ, гибнетъ, а два человекъ, соединившіеся и тѣсно связанные между собою, непоколебимѣе всякой стѣны“²⁾. А пастырю ни о чемъ такъ не должно заботиться, какъ о мирѣ всей церковной общины³⁾.—Итакъ, всякій больной заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія пастыря Церкви и никоимъ обра-
зомъ не долженъ пребывать внѣ пастырской попечительности. Съ другой стороны, пастырская внимательность должна про-
стираться на самые, повидимому, ничтожные мелочные недо-
статки пасомыхъ, которые послѣдними считаются не недо-
статками, а, напротивъ, дѣломъ приличнымъ и даже необхо-
димымъ въ общежитіи. Нужно изслѣдовать, не приносятъ ли эти одобряемые обществомъ недостатки большого вреда об-
ществу, не затрудняютъ ли они хода его нравственнаго раз-
витія и не разрушаютъ ли христіанской жизни? Что, ка-
жется, невиннѣе обуви, однако св. Златоустъ нашель од-
нажды необходимымъ сказать обличительное слово противъ

¹⁾ Слова, т. III, сл. 3 прот. іудеевъ, стр. 495.

²⁾ Тамъ же, стр. 494.

³⁾ Подробнѣе о заботахъ пастыря о церковномъ мирѣ говорится въ 3-мъ словѣ (и др.) противъ іудеевъ.

увлекающихся роскошною обувью. Въ его освѣщеніи эта мелочь оказалась очень вредною для человѣческаго общества ¹⁾. При внимательномъ наблюденіи надъ жизнью пасомыхъ, вѣроятно, найдется не мало такихъ, пагубныхъ для нравственной жизни человѣка, мелочей ²⁾.

Что касается, наконецъ, времянь, которыя наиболѣе благопріятствуютъ—или, по крайней мѣрѣ, могутъ благопріятствовать успѣхамъ пастырскаго душепопеченія, то хотя св. Златоустъ и считаетъ наилучшими въ этомъ отношеніи временами времена, свободныя отъ смятенія и возмущенія ³⁾, однако вмѣстѣ съ ап. Павломъ заповѣдуетъ пастырю учить пасомыхъ *благовременнѣ и безвременнѣ*. Эти слова св. Златоуста изъясняетъ такимъ образомъ: „не назначай опредѣленнаго времени, пусть будетъ тебѣ всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствія или сидѣнія въ Церкви; хотя бы ты былъ въ опасности, хотя бы въ темницѣ, хотя бы въ узахъ, хотя бы готовился идти на смерть, и въ это время обличай и не переставай вразумлять. Ибо тогда и благовременно дѣлать обличеніе, когда оно можетъ имѣть успѣхъ, когда представится дѣло“ ⁴⁾.

Но есть у пастыря особенныя времена, въ которыя его воздѣйствіе на душу человѣка *можетъ обнаруживаться* съ силою, и которыми, поэтому, ему необходимо пользоваться преимущественно предъ всѣми прочими временами,—это—времена, въ которыя пасомые приступаютъ къ таинству покаянія. Въ эти моменты, въ присутствіи одного только свидѣтеля—

¹⁾ Объ этомъ подробно см. Бес. на Мѡ., ч. II, б. 49, стр. 347—353.

²⁾ Далѣе здѣсь слѣдовало бы коснуться пастырской душепопечительности, направленной на борьбу съ различными страстями; но этотъ вопросъ у св. Златоуста разсматривается столь обширно, что можетъ быть предметомъ цѣлаго отдѣльнаго изслѣдованія, въ силу чего мы считаемъ лучшимъ пройти его совѣмъ молчаніемъ, чѣмъ ограничиваться краткими замѣчаніями, которыя никакого значенія имѣть не могутъ.

³⁾ Бес. на Мѡ., ч. III, б. 75, стр. 379—380.

⁴⁾ Бес. на 2 Тим., б. 9, стр. 128.

священника и предъ лицомъ высшаго, невидимаго Судіи, каждый вѣрующій открываетъ самыя сокровенныя свои мысли и чувства, самыя, такъ сказать, тайники своей души, обремененной грѣхами и страданіями. Душевные язвы, до этого момента обыкновенно скрытыя и незамѣчаемыя, теперь выступаютъ наружу и объявляются священнику-духовнику во всей своей отвратительности. Самъ кающійся страшится своихъ беззаконій, такъ какъ теперь, среди церковной обстановки, онъ съ поразительной ясностью сознаетъ всю гнусность своихъ безнравственныхъ поступковъ и дѣланій, которыхъ прежде, занятый житейскими, обыденными дѣлами, онъ или не примѣчалъ или, если и примѣчалъ, то большею частію только мимоходомъ и безъ должнаго вниманія. Въ эти моменты пастырю открывается возможность для самаго благотворнаго и самаго спасительнаго воздѣйствія на душу кающагося чловѣка. И если когда, то именно теперь, онъ долженъ употреблять все свое пастырское вліяніе для воздѣйствія на душу кающагося грѣшника. Въ это время иногда бываетъ достаточно одного теплаго слова и сердечнаго участія для того, чтобы кающійся, восчувствовавъ степень своего нравственнаго паденія, рѣшилъ начать новую, правильную жизнь. Но, конечно, не этимъ однимъ долженъ ограничиваться пастырь, производя церковный судъ надъ своими духовными дѣтьми. Его рѣшенія и опредѣленія должны быть различны, такъ какъ и дѣла, предлагаемыя на его разсмотрѣніе, различны. Онъ можетъ (и долженъ) по временамъ пользоваться и правомъ налагать наказанія на своихъ духовныхъ чадъ, особенно на тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ одного обличенія или увѣщанія недостаточно, а требуется еще нѣкоторый осязательный знакъ въ качествѣ побудительнаго къ исправленію средства. Но въ такихъ случаяхъ, т. е. когда пастырю представляется нужда примѣнить къ дѣлу свою духовную власть, ему открывается возможность поступить погрѣшительно и вмѣсто пользы принести виновному вредъ. Напр., если пастырь наложитъ на виновнаго строгое наказаніе, то послѣдній можетъ возроптать,

или впасть въ печаль, или же и совсѣмъ уклониться отъ исполненія назначеннаго наказанія; а если пастырь наложить наказаніе слабое, то можетъ самъ оказаться виновнымъ предъ церковными постановленіями (канономъ), а наказанному дать поводъ думать, что грѣхи его не такъ еще велики, какъ онъ предполагалъ, и что можно, пожалуй, и на будущее время ихъ повторять. Во всякомъ случаѣ, въ примѣненіи церковныхъ наказаній есть много опасностей какъ для самого пастыря, такъ и для наказуемаго, а посему нужно быть особенно осторожнымъ въ выборѣ и назначеніи таковыхъ наказаній, и, чтобы не поступить погрѣшительно, пастырю нужно тщательно изслѣдовать душевное состояніе всякаго человѣка, приступающаго къ таинству,—нужно относиться къ этому дѣлу (исповѣди) съ серьезностью, требуемою самымъ величіемъ дѣла. Особенно слѣдуетъ быть пастырю осторожнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется примѣнять наказаніе строгое. Вотъ что говорить относительно этого св. Златоустъ: „въ семь случаѣ (о которомъ у насъ идетъ рѣчь) требуется строгая разборчивость, дабы то самое, что дѣлается для пользы, не причинило большого вреда. Если суровое лѣченіе подасть больному поводъ впасть въ какіе-нибудь проступки,—за каждый таковой проступокъ подлежитъ наказанію и врачъ, ненескусно лѣчившій рану“ ¹⁾. При такомъ врачеваніи св. Златоустъ совѣтуетъ пастырямъ всегда помнить о собственныхъ слабостяхъ и ставить себя въ положеніе кающагося грѣшника. Это, во-1-хъ, избавитъ пастыря отъ излишней строгости, весьма вредной въ дѣлѣ духовнаго врачевства; во-2-хъ, сдѣлаетъ для него болѣе доступнымъ пониманіе кающейся души и, въ-3-хъ, вѣрнѣе всего расположить къ нему кающагося грѣшника ²⁾.

К. Б—въ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 110.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ бесѣдахъ на пос. къ Титу, б. 5, стр. 67 и д., въ словахъ и бесѣдахъ на раз. случаи, т. II, бесѣда объ ап. Петрѣ и пр. Иліи.

М. И. Глинка и его значеніе въ облбсти свѣтской и церковной музыки.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія).

20 мая настоящаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія гениальнаго русскаго композитора М. И. Глинки. Глинка знаменитъ главнымъ образомъ, какъ свѣтскій композиторъ, какъ творецъ русской національной музыки, влившій въ европейское музыкальное искусство новую, русскую струю; но его имя не безслѣдно прошло и для русскаго церковнаго пѣнія, какъ одного изъ типичнѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ проявленій народнаго русскаго духа въ области музыки. Вотъ почему его столѣтній юбилей заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и на страницахъ духовнаго журнала.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду сдѣлать обзоръ собственно трудовъ Глинки по церковному пѣнію и показать его значеніе въ этой области; но для пониманія личности композитора и уясненія его значенія для православно-русскаго церковнаго пѣнія необходимо представить также хотя краткій очеркъ его жизни и всей композиторской дѣятельности и показать его значеніе въ области русской музыки вообще, такъ какъ его труды по церковному пѣнію стоятъ въ связи съ другими его музыкальными произведеніями и въ сущности отражаютъ тѣ же музыкально-эстетическія начала, которыми онъ руководствовался, какъ создатель русской національной музыки ¹⁾.

I.

Михаилъ Ивановичъ Глинка родился 20-го мая 1804 г. въ с. Повоспасскомъ Смоленской губерніи, находящемся въ 20 верстахъ отъ города Ельни, въ зажиточной помѣщичьей

¹⁾ Главнымъ источникомъ при составленіи настоящаго біографическаго очерка намъ служили автобіографическія записки самаго композитора, его переписка съ друзьями и родными; а также воспоминанія о немъ его сестры Л. И. Шестаковой. („Записки М. И. Глинки и переписка его съ родными и друзьями“. Сиб. 1887 г.).

семьѣ и тотчасъ послѣ рожденія былъ взятъ на воспитаніе своей бабушкой по отцу, жившей отдѣльно отъ остальной семьи. Оекла Андреевна Глинка была уже престарѣлая женщина, стариннаго крѣпостническаго характера, проявлявшагося нерѣдко въ самыхъ грубыхъ формахъ въ отношеніяхъ къ прислугѣ. Кромѣ того она очень боялась простуды и жила почти безвыходно въ жарко натопленныхъ комнатахъ; изъ той же боязни она безжалостно закутывала своего внука въ шубку. Понятно, что пребываніе будущаго русскаго композитора въ такой нравственной и физической атмосферѣ, которое продолжалось четыре года,—до смерти Оеклы Андреевны, не могло не отразиться неблагопріятнымъ образомъ какъ на характерѣ его, такъ особенно на здоровьи. Послѣдствіемъ такого воспитательнаго режима въ первые годы было то, что Глинка, отъ природы мягкій, впечатлительный, нервный, оказался человѣкомъ слабохарактернымъ и въ простыхъ житейскихъ дѣлахъ просто безпомощнымъ; въ то же время онъ былъ чрезвычайно воспріимчивъ къ разнаго рода простуднымъ заболѣваніямъ, вслѣдствіе чего всю жизнь страдалъ и съ трудомъ переносилъ суровый климатъ Россіи. Тѣмъ не менѣе Оекла Андреевна, какъ женщина стариннаго русскаго закала, слѣдовательно, простая и набожная, съ раннихъ лѣтъ воспитывала своего внука въ духѣ религіи и рано же позаботилась объ обученіи его грамотѣ. Первымъ учителемъ Глинки былъ новоспасскій священникъ о. Стабровскій, который показалъ четырехлѣтнему мальчику славянскую азбуку съ титлами, и очень удивился, узнавъ черезъ нѣсколько дней, что маленькій Глинка уже научился разбирать по складамъ. Внучекъ нерѣдко читалъ своей бабушкѣ священныя книги, чѣмъ приводилъ ее въ умиленіе. „Я былъ весьма набоженъ, пишетъ Глинка объ этихъ первыхъ годахъ своей жизни, и обряды богослуженія, въ особенности въ дни торжественныхъ праздниковъ, наполняли душу мою живѣйшимъ поэтическимъ восторгомъ. Выучившись читать чрезвычайно рано, я нерѣдко приводилъ въ умиленіе мою бабуку и ея сверстницъ чтеніемъ

священныхъ книгъ“. И первое пробужденіе музыкальнаго слуха Глинки связано съ церковью: уже въ это время онъ любилъ колокольный звонъ и очень ловко подражалъ ему на двухъ мѣдныхъ тазахъ. Впослѣдствіи, уже на седьмомъ году, ему случилось быть въ городѣ и слышать звонъ разныхъ церквей; слухъ его въ это время былъ уже настолько тонокъ, что онъ безошибочно различалъ тембры колоколовъ каждой церкви. Послѣ смерти бабушки физическое воспитаніе Глинки пошло болѣе нормальнымъ порядкомъ; скоро началось и его образованіе, которое велось разными гувернантками изъ иностранокъ, а также при помощи какого-то архитектора, обучавшаго Глинку рисованію. Музыкальное чувство будущаго композитора находилось еще въ зачаточномъ состояніи; но на возбужденіе его уже въ это время, несомнѣнно, имѣли вліянія впечатлѣнія отъ игры домашняго оркестра его дяди по матери А. А. Глинки. Этотъ оркестръ, состоявшій изъ крѣпостныхъ, въ торжественныхъ случаяхъ игралъ и въ домѣ родителей Глинки танцы и разныя пѣсы. „Однажды, рассказываетъ самъ Глинка въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, когда я былъ по 10-му или 11-му году, играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое томительно-сладкое состояніе, и на другой день во время урока рисованія былъ разсѣянъ; въ слѣдующій урокъ разсѣянность еще увеличилась, и учитель; замѣтя, что я рисовалъ уже слишкомъ небрежно, неоднократно журилъ меня, и наконецъ, однакъ, догадавшись, въ чемъ было дѣло, сказалъ мнѣ однажды, что онъ замѣчаетъ, что я все только думаю о музыкѣ. „Что-жъ дѣлать?“ отвѣчалъ я: „музыка — душа моя“. И дѣйствительно, съ той поры Глинка почувствовалъ сильное влеченіе къ музыкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ эти первыя чисто уже музыкальныя впечатлѣнія заложили въ душу его глубокій интересъ и любовь къ русской народной пѣснѣ, такъ какъ въ репертуарѣ

упомянутого оркестра входили и русскія народныя пѣсни, хотя, конечно, въ несвойственной имъ гармонизаціи разныхъ иностранныхъ капельмейстеровъ. „Эти грустно-пѣжные, но исполнѣ доступные для меня, звуки, говоритъ Глинка, мнѣ чрезвычайно нравились, и, можетъ быть, эти пѣсни, слышанныя мною въ ребячествѣ, были первою причиною того, что впоследствии я сталъ преимущественно разрабатывать народную русскую музыку“. Интересъ къ музыкѣ маленькаго Глинки, повидимому, не ускользнулъ отъ вниманія его родителей, и его начали обучать игрѣ на фортепіано и скринкѣ; но, при отсутствіи въ глухой провинціи сколько-нибудь сносныхъ учителей, эти первоначальныя занятія музыкой не могли дать тѣхъ результатовъ, какихъ можно было бы достигнуть, при богатствѣ дарованій, обнаруженныхъ Глинкой.

Въ 1817 году Глинка былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ „Благородный Пансіонъ при Педагогическомъ Институтѣ“, который онъ и окончилъ съ успѣхомъ въ 1822 г., хотя въ послѣдніе годы онъ пренебрегалъ общеобразовательными предметами пансіонскаго курса. На ряду съ общимъ образованіемъ во время пребыванія въ Благородномъ Пансіонѣ продолжалось и его музыкальное образованіе, состоявшее, главнымъ образомъ, въ изученіи игры на фортепіано. Глинка бралъ уроки у извѣстныхъ тогдашнихъ піанистовъ, каковы Фильдъ, Цейнеръ и К. Мейеръ, изъ которыхъ послѣдній наиболѣе способствовалъ развитію таланта будущаго основателя русской музыкальной школы. Тѣмъ не менѣе занятія музыкой въ это время не были систематичны и особенно успѣшны, и Глинка самъ сознается, что въ это время онъ мало успѣвалъ въ музыкѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи развитія виртуозной техники. Гораздо больше значенія имѣла для Глинки, какъ будущаго композитора, возможность слушать исполненіе музыкальныхъ классиковъ въ домашнихъ и публичныхъ концертахъ, и этой возможностью онъ, повидимому, широко пользовался. Къ этимъ школьнымъ годамъ относятся также и первые опыты Глинки въ композиціи. Первые произведенія

его были, конечно, раздражательны и очень несовершенны; но они указываютъ на раннее пробужденіе въ Глинкѣ потребности самостоятельнаго творчества. Такъ какъ Глинка, по собственному признанію, въ это время еще не зналъ теоріи композиціи, то эти посылки творить единственно на основаніи природнаго музыкальнаго чутья, не стѣсняясь школьными правилами и рутинной, какъ бы указываютъ въ немъ будущаго новатора въ области музыки, внесшаго въ нее новую стихію— русскую народную мелодію. Не даромъ и самъ Глинка однажды сказалъ по поводу того, что ему не удалось познакомиться съ бывшимъ въ это время въ Петербургѣ извѣстнымъ теоретикомъ Миллеромъ: „Какъ знать! можетъ быть, оно и лучше. Строгий нѣмецкій коптрапунктъ не всегда соглашается съ пылкой фантазіей“.

По окончаніи пансіона, Глинка, вопреки желанію своихъ родителей и установившимся у насъ традиціямъ, не хотѣлъ поступать на государственную службу и, повидимому, имѣлъ въ виду заняться музыкой. Въ виду болѣзненнаго состоянія онъ прежде всего поѣхалъ на Кавказъ въ 1823 г.; по это не принесло пользы его слабому организму; напротивъ, онъ всегда жаловался на вредныя послѣдствія отъ сильнаго дѣйствія кавказскихъ водъ. По возвращеніи съ Кавказа, въ слѣдующемъ году, Глинка поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ, уступая желанію отца, поступилъ на службу помощникомъ секретаря въ Совѣтъ путей сообщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усиленно занялся музыкой съ К. Мейеромъ, который знакомилъ его съ образцами классической музыки и теоріей композиціи. Въ періодъ своей непродолжительной (1824—1828 гг.) службы въ канцеляріи путей сообщенія Глинка написалъ много мелкихъ музыкальныхъ произведеній, преимущественно такъ называемыхъ романсовъ на слова извѣстныхъ тогдашнихъ поэтовъ. Произведенія эти — по большей части еще чисто дилетантскаго характера и по направленію своему не выдѣляются изъ произведеній другихъ современныхъ композиторовъ, т. е. написаны въ духѣ господствовавшей тогда итальянской му-

зыки. Однако и эти юношескія произведенія Глинки имѣли свое значеніе въ смыслѣ выработки у него композиторской техники и развитія въ немъ способности и привычки выражать въ музыкальныхъ звукахъ свои душевныя движенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ они свидѣтельствуютъ, что Глинка чувствовалъ глубокое и сильное влеченіе къ музыкальному творчеству. Нѣкоторые изъ произведеній этого періода, который можно бы назвать періодомъ дилетантизма, были очень удачны и сдѣлали имя Глинки популярнымъ въ столичномъ обществѣ. Благодаря этому, Глинка былъ принятъ въ высшемъ кругу общества, интересовавшемся музыкой (какъ напр. у графа М. Ю. Вьельгорскаго, Голицыныхъ, Толстыхъ и др.), и познакомился съ выдающимися знаменитостями литературнаго міра — Пушкинымъ, Жуковскимъ, Грибоѣдовымъ, Дельвигомъ и др., что не могло не остаться безъ вліянія на его духовное развитіе. О немъ заговорили даже и въ печати; нѣкоторые болѣе популярныя сочиненія его были изданы и вызвали одобрителный отзывъ тогдашней музыкальной критики.

Служба Глинки въ канцеляріи Совѣта путей сообщенія продолжалась недолго: художникъ по натурѣ, онъ менѣе всего подходилъ къ канцелярской дѣятельности, и потому въ 1828 г. изъ-за пустячной размолвки съ своимъ начальникомъ генераломъ Горгомъ, вышелъ въ отставку и совершенно предался музыкѣ. Между тѣмъ въ здоровьи Глинки произошло ухудшеніе; отъ шумной и безпокойной столичной жизни, а главнымъ образомъ отъ слишкомъ сильнаго лѣченія, которому подвергали его тогдашніе врачи, онъ дошелъ до ужаснаго нервнаго раздраженія и рѣшилъ отправиться за границу, куда его влекло не одно только желаніе поправить разстроенное здоровье въ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, но и намѣреніе, какъ онъ сознается въ своихъ запискахъ, закончить свое музыкальное образованіе. Дѣло въ томъ, что Глинка, въ противоположность другимъ современнымъ русскимъ композиторамъ (каковы, напр. Верстовскій, Варламовъ),

не удовлетворялся достигнутыми уже успѣхами и не останавливался въ своемъ художественномъ развитіи; онъ постоянно стремился къ дальнѣйшему усовершенствованію, хотѣлъ серьезно учиться и овладѣть всѣми техническими средствами любимаго искусства, которыя вѣками выработаны на Западѣ. Послѣ недолгаго сопротивленія отца, М. И. Глинка получилъ разрѣшеніе на поѣздку за границу — въ Италію и Германію, куда и выѣхалъ изъ родного села въ апрѣлѣ 1830 г. вмѣстѣ съ пѣвчимъ придворной капеллы Ивановымъ, отправленнымъ въ Италію для обученія пѣнію. Лѣченіе заграницей не принесло пользы здоровью нашего композитора, такъ какъ и тамъ подвергали его дѣйствію сѣрныхъ и другихъ горячихъ ваннъ, столь губительно дѣйствовавшихъ на него на Кавказѣ; не обошлось дѣло и безъ разныхъ шарлатанскихъ опытовъ надъ бѣднымъ композиторомъ. Если Глинка одно время почувствовалъ себя въ Италиіи лучше, то это зависѣло отъ благотворнаго дѣйствія южнаго климата.

Но зато въ музыкальномъ отношеніи эта поѣздка за границу была для Глинки чрезвычайно полезна. Почти двухлѣтнее пребываніе въ Италиіи, классической странѣ музыки и пластическихъ искусствъ, дало его душѣ богатый запасъ эстетическихъ впечатлѣній. Глинка хорошо познакомился съ итальянскимъ пѣніемъ, онъ въ совершенствѣ постигъ пѣвучесть итальянскихъ мелодій, удачно подражалъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ, относящихся ко времени пребыванія въ Италиіи, а потому въ послѣдствіи самъ могъ создать столько чудныхъ, пѣвучихъ мелодій, только проникнутыхъ русскимъ духомъ. Въ Италиіи онъ изучилъ также вокальную технику и въ послѣдствіи былъ незауряднымъ пѣвцомъ и учителемъ пѣнія. Въ Италиіи же Глинка началъ было заниматься и теоріей музыки; но избранный имъ учитель, директоръ Миланской консерваторіи Базили, оказался такимъ сухимъ и педантичнымъ теоретикомъ, который способенъ былъ убить своими утонченно-схоластическими приѣмами всякое творческое даро-

ваніе. Вотъ почему Глинка скоро оставилъ занятія съ Базили, справедливо находя, что его „пылкая фантазія не могла подчинить себя такимъ сухимъ и непоэтическимъ трудамъ“¹⁾.

Въ Италіи Глинка продолжалъ свои дилетантскіе опыты въ композиціи и написалъ немало разныхъ піесъ и аранжировокъ изъ итальянскихъ оперъ. Всѣ эти произведенія написаны въ духѣ чисто итальянской музыки и создали нашему композитору довольно почетную извѣстность въ Италіи. Однако увлеченіе Глинки итальянской музыкой продолжалось недолго: скоро онъ пересталъ удовлетворяться приторно слащавыми и поверхностными итальянскими мелодіями; онъ глубоко почувствовалъ несоотвѣтствіе этихъ жизнерадостныхъ звуковъ, созданныхъ подъ благодатнымъ вліяніемъ юга, запросамъ и вкусамъ своей русской души, родившейся при иныхъ природныхъ условіяхъ. „Нѣтъ, говорилъ онъ, мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ — или неистовая веселость, или горькія слезы. Любовь у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная піесь есть дитя сѣвера, а можетъ быть, нѣсколько передана жителями востока; ихъ піеси такъ же заунывны, даже въ счастливой Андалузіи“. Чуткій и отзывчивый на музыкальныя впечатлѣнія, онъ не могъ не уловить существеннаго недостатка итальянской, преимущественно оперной, музыки — отсутствія въ ней глубины и содержательности. Довольно удачно подражая въ своихъ сочиненіяхъ манерѣ итальянскихъ композиторовъ, Глинка глубоко сознавалъ, что „шелъ не своимъ путемъ, что искренно онъ не могъ быть итальянцемъ“; какъ русскій, онъ могъ вполнѣ искренно чувствовать и писать только по-русски. Естественно, что нашъ композиторъ по-

¹⁾ Базили, напр., заставлялъ Глинку работать надъ гаммой въ 4 голоса такимъ образомъ, что одинъ голосъ долженъ былъ вести гамму цѣлыми нотами, другой — полутактными, третій — четвертями и четвертый — осьмыми.

чувствовалъ страстное влеченіе къ родинѣ и роднымъ пѣснямъ, быть можетъ, полузабытымъ и теперь вновь воскресшимъ въ его душѣ, и его потянуло домой, на родину.

Въ этомъ внутреннемъ переломѣ художественно-музыкальнаго міровоззрѣнія Глинки заключается благотѣльная сторона его пребыванія за границей. Оно расширило его музыкальный кругозоръ и поставило на настоящую дорогу—самостоятельнаго творчества въ духѣ національномъ.

Тоска по родинѣ, мучительныя болѣзненныя страданія, которыя онъ въ это время испытывалъ, а также извѣстіе о прїѣздѣ въ Берлинъ сестры съ мужемъ, Гедеоновымъ, заставили Глинку оставить Италію и направиться въ Берлинъ, гдѣ онъ могъ чувствовать себя по крайней мѣрѣ ближе къ родинѣ и во всякомъ случаѣ въ обстановкѣ, болѣе отвѣчавшей тогдашнему его душевному настроенію.

Италію Глинка покинулъ въ іюлѣ 1833 г., но въ Берлинъ могъ прибыть только въ сентябрѣ, такъ какъ вслѣдствіе болѣзни долженъ былъ останавливаться на пѣкоторое время въ Вѣнѣ и Баденѣ. Въ Берлинѣ онъ провелъ около полугода, и это кратковременное пребываніе его здѣсь оказалось еще болѣе полезнымъ для его музыкальнаго образованія, чѣмъ двухлѣтнее пребываніе въ Италіи. Здѣсь Глинка познакомился съ извѣстнымъ теоретикомъ З. Деномъ (1799—1858), бывшимъ въ то время хранителемъ (Custos) музыкальнаго отдѣла Королевской бібліотеки и рецензентомъ Лейпцигской музыкальной газеты. Глинка весьма мѣтко характеризуетъ его, называя „первымъ музыкальнымъ знахаремъ въ Европѣ“. Не обладавшій творческимъ дарованіемъ, Денъ былъ глубокимъ знатокомъ теоріи и исторіи музыки и отличался способностью преподавать музыкальныя знанія строго методически, безъ излишней, однако, мелочности, и школьной рутины. Онъ именно закончилъ музыкальное образованіе Глинки, привелъ въ порядокъ его разнообразныя музыкальныя познанія и научилъ его работать сознательно, а не по-дилетантски, подъ руководствомъ только навыка и врожденнаго музыкальнаго

чувства. Въ теченіе пятимѣсячныхъ занятій День прошелъ съ Глинкой полный курсъ теоріи музыки до фуги включительно, причемъ собственноручно написалъ для него краткое руководство по гармоніи, контрапункту и инструментовкѣ. Въ Берлинѣ Глинка продолжалъ писать свои самостоятельныя произведенія, которыя носятъ печать уже новаго болѣе серьезнаго и національнаго направленія, сравнительно съ его прежними дилетантскими опытами. Опъ сознается, что въ это время „мысль о національной музыкѣ у него все болѣе и болѣе прояснялась“. Въ это время онъ началъ разработывать русскія темы и написалъ нѣсколько вещей, часть которыхъ потомъ вошла въ составъ его знаменитой оперы „Жизнь за Царя“.

Въ апрѣлѣ 1834 г. Глинка возвратился въ Россію зрѣлымъ художникомъ, воспринявшимъ за границей лучшія стороны двухъ главныхъ направленій или школъ западноевропейскаго музыкальнаго искусства — итальянстой и нѣмецкой. Глинка сумѣлъ усвоить съ одной стороны пѣвучесть, неисчерпаемый мелодизмъ итальянской музыки, а съ другой — глубину, богатство гармоніи и солидность разработки музыкальныхъ темъ, свойственныя нѣмецкимъ композиторамъ.

В. П—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою
школою ¹⁾.**

Декабря 11 дня. Получилъ изъ уѣзднаго отдѣленія библіотеку. Это уже третій разъ моя школа получаетъ бесплатную библіотеку для внѣкласснаго чтенія и раза три-четыре получала уже учебники. Книгъ получено свыше 200 названій, и между ними есть довольно капитальныя и цѣнныя, въ родѣ „Уроковъ и примѣровъ христіанской вѣры, надежды и

¹⁾ Смотри № 22-й „Рук. для сельск. паст.“ за 1904-й г.

любви“ прот. Дьяченко, сочиненій архіеи. Иннокентія, епископа Теофана, Муравьева, Пушкина, Гоголя, Загоскина и др. Нельзя не выразить благодарности и признательности высшему церковно-школьному управленію за заботы о просвѣщеніи „малыхъ сихъ“, и можно надѣяться, что и они, придя „въ мѣру возраста“, будутъ также признательны и благодарны, какъ благодарны теперь родители ихъ, пользующіеся книгами изъ школьной библіотеки.

Съ своей же стороны, я не могу умолчать о слѣдующемъ обстоятельстве. Когда я сталъ полученный ворохъ книгъ приводить въ систему и записывать въ школьный каталогъ, то, къ немалому своему удивленію, замѣтилъ, что третій разъ получаю почти все однѣ и тѣ же книги. Правда, книги получены бесплатно, но все-таки желательно было бы, чтобы содержаніе ихъ каждый разъ разнообразилось, и чтобы библіотека была богата не количествомъ экземпляровъ одного и того же сочиненія, а названіемъ книгъ.

По моему мнѣнію, повтореніе высылки однѣхъ и тѣхъ же книгъ происходитъ оттого, что назначеніемъ бесплатныхъ библіотекъ и выборомъ книгъ для нихъ каждый разъ занимаются не одни и тѣ же лица и учрежденія. Такъ, одинъ разъ я получилъ книги для школьной библіотеки по выбору и назначенію уѣзднаго отдѣленія, другой разъ — епархіальнаго училищнаго совѣта, а третій разъ изъ Училищнаго при Св. Синодѣ совѣта, а такъ какъ книги для библіотекъ, по всему вѣроятію, черпались всѣми этими учрежденіями изъ одного и того же источника—книжнаго склада Училищнаго при Св. Синодѣ совѣта, то и произошли нежелательныя повторенія въ высылкѣ книгъ, имѣющихся уже въ школьной библіотекѣ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что то же самое случается и въ другихъ школахъ.

Между тѣмъ устранить нежелательное накопленіе книгъ одного и того же названія въ школьныхъ библіотекахъ очень легко. Стоитъ только вмѣсто готовыхъ книгъ высылать въ школы деньги и поручить пополненіе библіотекъ завѣдующимъ шко-

лами. Въ этомъ случаѣ невольнаго повторенія однѣхъ и тѣхъ же книгъ не могло бы быть, такъ какъ у завѣдующаго подъ руками каталогъ имѣющихся уже книгъ для внѣкласснаго чтенія, съ которымъ, при пополненіи библіотеки своей школы, онъ всегда можетъ справиться.

Декабря 13 дня. Для поддержанія порядка въ школѣ не послѣднее мѣсто занимаютъ, обыкновенно, исправительныя, или, такъ называемыя, *дисциплинарныя* мѣры. Въ доброе старое время самою радикальною—и исправительною, и поощрительною—мѣрою считалась розга, затѣмъ „нали“ (битье ливейкой по рукамъ) и ставленіе на колѣни. Хотя всѣ эти мѣры *de jure* искоренены изъ народныхъ школъ, но *de facto* онѣ существуютъ и по сіе время; если теперь не порютъ розгами, то разнаго рода пинки, зуботычины и терзаніе за вихры секретно, такъ сказать, практикуются во многихъ школахъ. Подобнаго рода устарѣлый педагогическій приѣмъ чрезвычайно трудно вывести, главнымъ образомъ потому, что сами родители дѣтей просятъ учащихся, чтобы они постороже обращались съ ихъ дѣтьми. Въ большинствѣ случаевъ неудовольствіе противъ учительницъ и объясняется тѣмъ, что онѣ слишкомъ мягко обращаются со школьниками.

Что касается лично меня, то я врагъ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній въ школѣ и зорко слѣжу за тѣмъ, чтобы они не практиковались; но, разумѣется, услѣдить очень трудно, и иногда, вѣроятно, не обходится безъ того, чтобы учитель мой не простеръ длани на лѣнтя или шалуна: но это дѣлается *не оффициально*. У меня же въ качествѣ исправительныхъ мѣръ практикуются слѣдующія. На первомъ планѣ стоитъ *выговоръ*. Выговоръ бываетъ двоякій: наединѣ, одному провинившемуся, и публичный, предъ цѣлымъ классомъ. Я замѣтилъ, что послѣдняго рода исправительная мѣра имѣетъ весьма благодѣтельныя послѣдствія. Разоблаченіе неблаговиднаго поступка предъ цѣлымъ классомъ важно въ томъ отношеніи, что оно будетъ относиться не только къ провинившемуся въ данную минуту, но и ко всѣмъ вообще питом-

цамъ школы. А грѣхъ да бѣда на кого не живетъ? Сегодня провинился одинъ, завтра другой, послѣ-завтра третій и такъ далѣе. Дѣлая внушеніе одному предъ цѣлымъ классомъ, дѣлаешь увѣщаніе и всѣмъ остальнымъ, — вотъ почему публичный выговоръ имѣетъ весьма важное воспитательное значеніе.

Другою исправительною мѣрою, имѣющею весьма важное значеніе и большое вліяніе на учениковъ, я считаю оставленіе въ классѣ послѣ уроковъ на $\frac{1}{2}$ часа — часъ. Эта мѣра особенно вліяетъ на малоусиѣвающихъ лѣнтяевъ. Оставаясь въ классѣ послѣ окончанія занятій, они доучиваютъ тѣ уроки, которыхъ не выучили дома. Это разъ. Другое и самое главное свойство этой мѣры заключается въ томъ, что возвращающіеся въ неурочное время домой ученики дѣлаются предметомъ разговора ихъ односельцевъ. Возвращаясь домой позже обычнаго времени, такой ученикъ дѣлается объектомъ вниманія цѣлаго села, и въ самое короткое время каждый односелецъ знаетъ, что *такой-то* ученикъ идетъ домой позже другихъ потому, что не выучилъ своевременно урока и оставался въ классѣ дольше обыкновеннаго. Такая мѣра въ моей школѣ принесла самые благіе плоды, и теперь замѣчается очень мало неуспѣвающихъ по лѣности.

Лѣность и малоусиѣнность изгоняется еще въ моей школѣ временнымъ переводомъ ученика изъ старшей группы въ младшую. Трудно представить болѣе радикальную исправительную мѣру. Нужно только видѣть слезы, просьбы и крайнюю неохоту, съ какими старшій ученикъ идетъ въ младшую группу. Сколько дается тутъ провинившимся обѣщаній и увѣреній, что онъ на будущее время исправится! И дѣйствительно, въ моей школѣ было много случаевъ, что послѣ этой мѣры, лѣнтяи настолько исправлялись, что дѣлались лучшими учениками. Вся соль этой неправильной мѣры заключается въ стыдѣ, который побуждаетъ наказаннаго исправиться для возвращенія на прежнее мѣсто. Пробудить сознаніе проступка въ провинившемся является, по нашему мнѣнію, весьма важною дисциплинарною мѣрою.

Шалуновъ-нарушителей школьной дисциплины мы стараемся исправлять обыкновенно, какъ выше было сказано, выговорами, а также лишеніемъ мѣста на нѣкоторое время. Кромѣ этого, о большихъ и мало исправимыхъ шалунахъ сообщаемъ родителямъ, и всѣ эти мѣры въ большинствѣ случаевъ имѣютъ благія послѣдствія. Благодаря постоянному надзору и внимательному отношенію къ питомцамъ школы, слишкомъ большихъ проступковъ не замѣчалось за все время существованія школы. Только одинъ ученикъ былъ уволенъ изъ школы за такіе проступки, при которыхъ держать его дольше было уже нельзя. Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 6-го іюля 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, іюля 18-го.

Содержаніе: Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ (окончаніе).— М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки. (По поводу столѣтія со дня его рожденія) (продолженіе).— Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою (продолженіе).

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на пастыря Церкви, какъ на руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ ¹⁾.

Если обязанность священнодѣйствія и церковнаго учительства сопряжена для пастыря съ большими трудностями, то обязанность душепопеченія требуетъ отъ него еще большихъ усилій, не говоря уже объ опытности и знаніи людей. Съ другой стороны, и самодѣятельность пасомыхъ нигдѣ столько не необходима, какъ при отправленіи пастыремъ обязанности душепопеченія. И если св. Златоустъ убѣждалъ

¹⁾ См. № 28 за 1904 г.

своихъ слушателей раздѣлять съ нимъ труды по проповѣдничеству и помогать ему проводить духъ церковности въ жизнь семейную; то еще болѣе онъ желалъ помощи отъ своихъ пасомыхъ въ дѣлѣ душепопеченія, въ руководствѣ людей на всѣхъ ступеняхъ и при всякихъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Такое раздѣленіе пастырскаго труда требуется самымъ характеромъ душепопеченія. Это дѣло тѣмъ особенно и трудно, что требуетъ отъ пастыря громадной опытности и умѣнія скоро понять всякаго человѣка. Только при этихъ условіяхъ и возможно найти такой способъ воздѣйствія на человѣка, какой соотвѣтствуетъ и характеру его болѣзни, и свойствамъ его натуры. Но знать всякаго пасомага—дѣло, для одного пастыря непосильное и невозможное. Притомъ же, здѣсь знаніе пастыря должно простираться на внутреннюю, сокровенную сторону человѣка. Св. Златоустъ, при всемъ пониманіи людей, однако сознавалъ свое безсиліе въ дѣлѣ душепопеченія и всегда, поэтому, призывалъ къ участію въ немъ своихъ пасомыхъ. „На обыкновенной, говоритъ онъ, нивѣ все совершается по волѣ земледѣльца, потому что сама она бездушна и приготовлена только къ тому, чтобы на нее обращена была дѣятельность другихъ, между тѣмъ на сей духовной нивѣ—не такъ. Здѣсь не все зависитъ отъ учителей, но если не больше, то, по крайней мѣрѣ, вполонину—и отъ учениковъ“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ прямо призываетъ своихъ пасомыхъ раздѣлить съ нимъ его служеніе²⁾. „Вы можете, говоритъ онъ: если захотите, больше насъ сдѣлать другъ для друга, ибо вы чаще обращаетесь другъ съ другомъ, лучше насъ знаете дѣла свои, видите взаимные недостатки, больше имѣете откровенности любви и общительности; а это не маловажно для наученія, но доставляетъ великія и благодѣтельные удобства. Вы лучше насъ можете и обличать и убѣждать другъ друга. Притомъ, я одинъ, а васъ много, и

¹⁾ Бес. на 2 Сол., б. 3, стр. 41.

²⁾ Тамъ же, б. 5, стр. 84.

всѣ вы, сколько васъ есть, можете быть учителями. Посему, увѣщеваю васъ, не нерадите о такомъ дарованіи; каждый изъ васъ имѣетъ или жену, или друга, или слугу, или сосѣда; обличай его, убѣждай его“¹⁾). И съ такими призывами св. отецъ обращался къ своимъ пасомымъ всегда. Въ цѣляхъ объединенія дѣятельности своихъ пасомыхъ и приданія ей наибольшей продуктивности въ дѣлѣ взаимнаго душепопеченія, св. отецъ нерѣдко совѣтовалъ имъ составлять общества, или товарищества для борьбы съ разными пороками, напр., съ пьянствомъ и т. п.²⁾).

Желая сильнѣе воздѣйствовать на пасомыхъ, св. Златоустъ указывалъ имъ массу побужденій, заимствуя ихъ то изъ жизни обыденной, то изъ царства животныхъ,—то обѣщая награды, то устрашая наказаніями. Его энергія въ этомъ отношеніи неистощима; вниманіе и предусмотрительность его простиралась такъ далеко, что онъ не оставлялъ, кажется, ни одной, даже самой ничтожнѣйшей, отговорки, какую только ему приходилось слышать въ толпѣ³⁾, и всѣхъ призывалъ къ взаимному душепопечительству. При этомъ онъ давалъ и руководящія указанія, какъ нужно наставлять и вразумлять другъ друга, чтобы отъ этого была духовная польза. Вразумлять другъ друга нужно такимъ образомъ: „и обличающій пусть не гнѣвается, потому что гнѣвъ обнаруживаетъ страсть, а не желаніе исправить; и обличаемый пусть не огорчается, потому что дѣлаемое ему обличеніе есть врачевство, а не что-нибудь враждебное... Обличая кого-нибудь, нужно приступать къ нему съ великою кротостію и съ великимъ благоразуміемъ. Если видишь согрѣшающаго брата обличи его не всенародно, а какъ повелѣлъ Христосъ (Мѡ. 18, 15),—притомъ не понося и не нападая на лежащаго, но соболѣзнуя и сокрушаясь; будь и самъ готовъ выслушать обличеніе, если ты согрѣшишь

¹⁾ Бес. на Евр., б. 30, стр. 472.

²⁾ Бес. на 2 Тим., б. 1, стр. 15—16.

³⁾ Напр., Бес. на 1 Кор., ч. II, б. 44, стр. 436 и дал.

въ чемъ-нибудь“¹⁾). Кромѣ общихъ разсужденій, посвященныхъ раскрытію взаимнаго душепопеченія, у св. Златоуста есть даже частныя наставленія о томъ, какъ нужно дѣйствовать на человѣка, зараженнаго извѣстнымъ грѣхомъ. Вотъ, напр., одно изъ такихъ наставленій, данное св. Златоустомъ въ качествѣ руководства при вразумленіи сожителствующаго съ дѣвицей. Разсужденія на эту тему, по нашему мнѣнію, столь любопытны и поучительны, что мы приводимъ ихъ буквально. „Положимъ, говорить св. отецъ: что какой-нибудь братъ твой живетъ вмѣстѣ съ дѣвицею; пусть онъ будетъ человѣкъ благонравный и цѣломудренный, но при всемъ томъ идетъ объ немъ худая молва. Когда до тебя дойдетъ молва о такомъ его сожитіи, то не оставляй этого безъ вниманія и не говори: развѣ у него нѣтъ своего ума?... Я скажу тебѣ, что дѣйствительно нѣтъ, что кто грѣшитъ, у того нѣтъ ума, потому что онъ опьяненъ и омраченъ страстью... Ты приди къ тому, кто живетъ вмѣстѣ съ дѣвицею; скажи ему по-братски какую-нибудь похвалу, сложивъ ее изъ тѣхъ преимуществъ, какія въ немъ находятся, и такую похвалю, какъ бы теплою водою, примочи и смягчи опухоль его раны; признайся ему, что и ты находишься въ жалкомъ состояніи, представь виновность всего рода человѣческаго, объясни, что всѣ мы во грѣхахъ, попроси прощенія, что ты принимаешь на себя дѣло, которое выше силъ твоихъ, но что любовь побуждаетъ тебя рѣшиться на все; затѣмъ и предложи совѣтъ, высказывая не повелительно, а по-братски. Когда посредствомъ всего этого ты успокоишь его горячность и смягчишь боль, какая должна будетъ произойти отъ дѣйствія обличенія, и когда, такъ сказать, свяжешь его неоднократными извиненіями и просьбами, чтобы онъ не гнѣвался, тогда и наноси ему ударъ, не слишкомъ сильный и не слишкомъ слабый, дабы въ первомъ случаѣ онъ не отскочилъ отъ тебя, а въ послѣднемъ не остался невнимательнымъ. Ибо, если ты нанесешь ударъ не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 435—436.

достаточно сильный, то ничего не сдѣлаешь; а если поразитъ слишкомъ сильно, то онъ удалится отъ тебя. Посему, и послѣ всего этого, приступая къ обличенію, ты опять присоединая къ обличенію похвалы; но такъ какъ поведеніе его само по себѣ не можетъ назваться похвальнымъ,—ибо жить съ молодого дѣвицею дѣло не похвальное,—то ты обратись къ намѣренію живущаго съ нею и скажи: я знаю, что ты дѣлаешь это ради Бога, что ты подаль руку помощи этой несчастной, видя ее одинокою и беззащитною. Хотя бы онъ на самомъ дѣлѣ и не руководился такими намѣреніями, ты говори такъ, а потомъ, попросивъ опять извиненія, въ дополненіе къ прежнему скажи: я говорю тебѣ это, не какъ приказаніе, но какъ напоминаніе; я знаю, что ты дѣлаешь это ради Бога, но посмотримъ, не произойдетъ ли отсюда какое-нибудь зло; если не произойдетъ никакого, то держи ее у себя и продолжай оказывать ей доброе дѣло,—никто не препятствуетъ; но если отсюда можетъ произойти вредъ важнѣе пользы, то, увѣщаваю тебя, будемъ осторожны, чтобы, стараясь доставить спокойствіе одной душѣ, не соблазнить тысячей. Впрочемъ, не представляй ему прямо тѣхъ наказаній, какія ожидаютъ соблазнительей, но прими его самого во свидѣтели и скажи: ты не имѣешь нужды узнавать объ этомъ отъ меня, ты самъ знаешь, какому подлежитъ наказанію тотъ, кто соблазнить единого отъ малыхъ сихъ (Мѡ. 18, 6), и такимъ образомъ усладивъ слова свои и успокоивъ его горячность, прилагай, наконецъ, врачество исправленія. Если же онъ опять будетъ ссылаться на ея одиночество, то и тогда ты не прямо обличай этотъ предлогъ, но скажи ему: это нисколько не должно устрашать тебя; достаточнымъ для тебя оправданіемъ будетъ опасеніе соблазнить другихъ, такъ какъ ты оставилъ эту заботу не по безпечности, а по желанію блага другимъ. Притомъ, совѣты твои пусть будутъ кратки, потому что онъ не нуждается въ длинныхъ правоученіяхъ; извиненія же пусть будутъ неоднократны и часты, а больше всего ссылайся на любовь, прикрывая ею строгость рѣчей своихъ и оставляя

дальнѣйшее на его волю; скажи: я только предлагаю и совѣтую тебѣ это, а послушаться зависитъ отъ тебя; я не заставляю и не принуждаю тебя, но предоставляю все собственному твоему разсужденію. Если такимъ образомъ мы будемъ приниматься за обличеніе, то мы легко можемъ исправлять согрѣшающихъ“ ¹⁾. „Ибо не возможно, чтобы человекъ, непрестанно слушающій увѣщанія и наставленія, не сдѣлался лучшимъ и усерднѣйшимъ. Простонародная пословица, которую я намѣреваюсь сказать; но и она подтверждаетъ то же самое. Капля воды, говорится, долбитъ камень непрестаннымъ своимъ паденіемъ. Что мягче воды? И что тверже камня? Однако постоянство побѣждаетъ природу. Если же постоянство побѣждаетъ природу, то гораздо болѣе оно можетъ преодолѣть волю. Христіанство не шутка, возлюбленные, и не маловажное дѣло“ ²⁾. *К. Б—въ.*

¹⁾ Бес. на 1 Коринѣ., ч. II, стр. 436—437, 440—442.

²⁾ Бес. на разныя мѣста Св. Писанія, т. II, стр. 390—391.

³⁾ Смотри № 28-й „Рук. для сельск. наст.“ за 1904 г.

М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки ³⁾.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія).

Возвратившись на родину во всеоружіи знанія, Глинка захотѣлъ показать, что онъ „недаромъ странствовалъ по Италіи“. Теперь онъ могъ уже не ограничиваться мелкими произведеніями, а приняться за большое музыкальное сочиненіе. Уже въ Берлинѣ во время занятій съ Деномъ у него возникла мысль, какъ онъ сознается въ письмѣ къ Стасову оттуда, написать русскую оперу на національный сюжетъ и съ музыкой также чисто національной. „Я хочу, писалъ онъ, чтобъ мои дорогіе соотечественники были тутъ какъ у себя дома и чтобъ за границей меня не принимали за выскочку, за гордеца, рядящагося, какъ ворона въ павлиньи перья“. Въ

¹⁾ Бес. на 1 Коринѣ., ч. II, стр. 436—437, 440—442.

²⁾ Бес. на разныя мѣста Св. Писанія, т. II, стр. 390—391.

³⁾ Смори № 28-й „Рук. для сельск. наст.“ за 1904 г.

Петербургъ мысль о созданіи національной оперы встрѣтила искреннее сочувствіе въ литературномъ кружкѣ, собиравшемся у поэта Жуковскаго и состоявшемъ изъ выдающихся русскихъ писателей, каковы: Пушкинъ, Гоголь, кн. Вяземскій, Плетневъ. Жуковскій предложилъ Глинкѣ и сюжетъ—патріотической подвигъ Ивана Сусанина. Сюжетъ этотъ Жуковскій намѣревался самъ разработать съ литературной стороны, но ограничился только нѣсколькими стихами и затѣмъ передалъ работу барону Розену „усердному, по выраженію Глинки, литератору изъ нѣмцевъ“. Работа надъ этимъ произведеніемъ совершенно захватила нашего композитора; вдохновеніе забило въ немъ ключемъ, такъ что онъ едва успѣвалъ записывать темы, создаваемые его воображеніемъ часто даже съ контрапунктической ихъ разработкою. „Мое воображеніе, пишетъ онъ объ этомъ времени, предупредило прилежнаго нѣмца; какъ бы по волшебному дѣйствию вдругъ созданъ и планъ цѣлой оперы, и мысль противопоставить русской музыкѣ—польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки—все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей“. Тогда композиторъ, не дожидаясь, пока писатель-нѣмецъ приготовилъ весь текстъ оперы, принялся писать безъ словъ, такъ что бѣдному нѣмцу пришлось его догонять и уже потомъ придѣлывать слова къ готовой музыкѣ. „Баронъ Розенъ, говоритъ Глинка, былъ на это молодець: закажешь, бывало, сколько-то стиховъ, такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ сложнаго и даже не бывалаго—ему все равно; придешь черезъ день, ужъ и готово. Жуковскій и другіе въ насмѣшку говорили, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать, какого сорта, т. е. размѣра, мнѣ нужно и сколько стиховъ, онъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана“. Иногда между композиторомъ и поэтомъ возникалъ конфликтъ: слова ни по размѣру, ни по содержанію не подходили къ музыкѣ; тогда между ними начинался споръ, при чемъ поэтъ обнаруживалъ часто нѣмецкое

упрямство: онъ энергично отстаивалъ каждый свой стихъ. Обстоятельства личной жизни Глинки въ это время (его женитьба) благоприятствовали такой энергичной творческой дѣятельности, они способствовали сильному подъему его духовныхъ силъ, будили воображенія.

Къ веснѣ 1836 года первая чисто національная русская опера была окончена. Она посвящена была Государю Николаю I и съ его соизволенія получила названіе „Жизнь за Царя“ вмѣсто первоначально предполагавшагося названія „Иванъ Сусанинъ“. 27-го ноября того же года, послѣ неизбѣжныхъ мытарствъ и борьбы съ интригами, къ сожалѣнію, почти всегда преслѣдующими великихъ людей и великія творенія человѣческаго генія, опера Глинки была исполнена публично въ присутствіи Государя и сразу же на всѣхъ произвела необычайно сильное впечатлѣніе. Успѣхъ былъ полный. Патріотическій, чисто народный характеръ сюжета и музыки, новостъ и понятностъ русскому чувству того музыкальнаго языка, которымъ Глинка заговорилъ у насъ впервые, сразу же сдѣлали популярнымъ его произведеніе въ самыхъ широкихъ кругахъ русскаго общества; а мастерство, глубина, гениальная изобрѣтательностъ и техническая ловкость въ разработкѣ темъ, въ связи съ оригинальною, пѣвучестью и той поразительною широтою и задушевностю, какія свойственны, кажется, только русскимъ народнымъ напѣвамъ, поставили Глинку въ ряду выдающихся композиторовъ и заслужили ему общее признаніе его генія въ музыкально-художественномъ мірѣ. Правда, не обошлось и безъ презрительныхъ отзыовъ, исходившихъ главнымъ образомъ изъ среды нѣкоторыхъ аристократическихъ круговъ, утратившихъ, въ силу полного подчиненія иноземному вліянію и вкусамъ, пониманіе чисто-русскаго искусства и духа народнаго¹⁾; не обошлось и безъ пошлыхъ „газетныхъ выходокъ

¹⁾ Нѣкоторые изъ аристократовъ, пишегъ Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ, говоря о моей оперѣ, выражались съ презрѣніемъ: „C'est la musique des cochezs“ (это кучерская музыка).

невѣжественнаго въ музыкѣ поляка—журналиста *Θ. Булгарина*; по эти отзывы такъ незначительны, что положительно потонули въ морѣ общаго восторга и преклоненія предъ новымъ гениемъ. Несомнѣнно, что тогдашнее русское общество и критика совершенно правильно поняли истинное значеніе произведенія Глинки, и это обстоятельство является весьма отраднымъ въ смыслѣ характеристики степени національно самосознанія и культурности нашего общества. Князь *В. Θ. Одоевскій*, образованнѣйшій писатель и музыкантъ того времени, далъ въ журналѣ „Сѣверная Пчела“ такой отзывъ о *Жизни за Царя*: „Этою оперою рѣшался вопросъ важный для искусства вообще и для русскаго искусства въ особенности, а именно: существованіе русской оперы, русской музыки. Еще прежде оперы Глинки у насъ были счастливые опыты отыскать эти общія формы русской мелодіи и гармоніи. Но никогда еще употребленіе этихъ формъ не было сдѣлано въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ въ оперѣ Глинки. Посвященный во всѣ таинства итальянскаго пѣнія и германской гармоніи, композиторъ глубоко проникъ въ характеръ русской мелодіи; богатый своимъ талантомъ, онъ доказалъ блистательнымъ опытомъ, что русская мелодія, естественно то заунывная, то веселая, то удалая, можетъ быть возвышена до трагическаго стиля. Съ оперою Глинки является то, чего давно ищутъ и не находятъ въ Европѣ,—новая стихія въ искусствѣ, и начинается въ его исторіи новый періодъ—періодъ русской музыки. Такой подвигъ, скажемъ, положи руку на сердце, есть дѣло не только таланта, но гения!“.

Положеніе, занятое Глинкой въ музыкальномъ мірѣ вслѣдствіе успѣха „*Жизни за Царя*“, имѣло своимъ послѣдствіемъ назначеніе его на должность капельмейстера придворной пѣвческой капеллы. Композиторъ былъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ какъ потому, что оно, по его собственному выраженію, „пристраивало его соотвѣтственно способностямъ“, такъ и потому, что обезпечивало его матеріаль-

но. Имѣя въ виду говорить отдѣльно о трудахъ Глинки по церковному пѣнію, мы здѣсь не будемъ касаться его служебной дѣятельности въ капеллѣ; замѣтимъ только, что эта служба продолжалась недолго, около 2-хъ лѣтъ. Съ 19 ноября 1839 г. Глинка совершенно оставилъ службу въ капеллѣ отчасти по семейнымъ обстоятельствамъ (разрывъ съ женой), а отчасти потому, что въ это время вновь проснулось въ немъ вдохновеніе, и онъ горячо принялся за новое большое произведеніе—оперу „Русланъ и Людмила“.

Мысль о музыкально-драматическомъ произведеніи на Пушкинскую поэму „Русланъ и Людмила“ подаль Глинкѣ кн. Шаховскій еще въ 1837 г.; самъ Пушкинъ даже предполагалъ передѣлать свою поэму въ драматическое сочиненіе, но преждевременная кончина его помѣшала осуществленію этого намѣренія. Эту новую оперу Глинка писалъ медленно, чѣмъ „Жизнь за Царя“: по его словамъ,—„по кусочкамъ и урывками“. Начата эта опера была въ 1838 г., а кончена въ 1842 г. Отъ систематической работы отвлекала композитора то служба, которою онъ поэтому тяготился, то семейный разладъ, неблагопріятно отражавшійся на его настроеніи, то болѣзнь, то, наконецъ, другія музыкальныя произведенія (музыка къ драмѣ кукольника „Князь Холмскій“, много романсовъ и проч.), которыя имъ написаны въ этотъ же промежутокъ времени. По временамъ однако вдохновеніе вспыхивало яркимъ пламенемъ, и композиторъ работалъ тогда очень интенсивно. Напр., великолѣпная интродукція оперы написана была во время пребыванія въ Новоспасскомъ въ 1840 г. въ теченіе трехъ дней; послѣ того отправившись въ Петербургъ, онъ по дорогѣ продолжалъ обдумывать свое произведеніе. Выѣхавъ вечеромъ 14 сент. того же года со станціи Городецъ, онъ, по собственному признанію, „всю ночь былъ въ лихорадочномъ состояніи; воображеніе зашевелилось“, и тогда именно онъ изобрѣлъ и сообразилъ финалъ своей оперы. послужившій впоследствии основаніемъ ея превосходной увертюры.

Въ „Русланъ и Людмилъ“ талантъ Глинки проявился въ полной зрѣлости, а техническое искусство и оригинальность формъ далеко опередили музыкальное развитіе нашего общества. Здѣсь Глинка обнаружилъ всеобъемлемость и широту, свойственныя истиннымъ гениямъ. Если въ „Жизни за Царя“ онъ мастерски противопоставилъ русскій и польскій элементы, то въ „Русланъ“ онъ сумѣлъ противопоставить музыкой русскій и восточный міръ, изобразивъ тотъ и другой ярко, типически-художественно; въ то же время онъ обнаружилъ неисчерпаемое богатство фантазіи въ изображеніи сказочнаго міра и достигъ рѣдкой изобразительности въ музыкѣ.

Новое гениальное произведеніе Глинки было впервые публично исполнено 27 ноября 1842 г., но далеко не имѣло того успѣха, какъ „Жизнь за Царя“. Причину этого нужно искать отчасти въ томъ, что содержаніе „Руслана“ не имѣло того захватывающаго интереса и драматизма, какими выгодно отличался сюжетъ первой оперы; а главнымъ образомъ— въ недостаточномъ еще музыкальномъ развитіи тогдашняго русскаго общества. Самъ Глинка такъ говорилъ незадолго уже до смерти объ отношеніи къ себѣ современниковъ своей сестрѣ Л. И. Шестаковой: „Поймутъ твоего Мишу, когда его на будетъ, а „Руслана“—черезъ сто лѣтъ“. Это предсказаніе Глинки не совсѣмъ точно исполнилось: „Руслана“ у насъ поняли и оцѣнили гораздо раньше, чѣмъ черезъ сто лѣтъ. Уже вскорѣ послѣ смерти Глинки у насъ образовалось цѣлое музыкальное направленіе, извѣстное подъ именемъ новой русской школы, поставившее своимъ девизомъ дальнѣйшее развитіе и разработку тѣхъ музыкально-художественныхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ „Руслана“ и вообще всей композиторской дѣятельности Глинки, т. е. началъ народности и художественной правды. Русланъ такимъ образомъ не только былъ понятъ, но и опредѣлилъ содержаніе и дальнѣйшее направленіе нашего искусства. Русская музыка и до сихъ поръ еще стоитъ на томъ пути, который указалъ

ей Глинка, и это—путь дѣйствительно правильный, это направление ея безусловно жизненно и носитъ въ себѣ задатки свѣтлаго будущаго для русскаго національнаго искусства.

Не будемъ слѣдить въ подробностяхъ за дальнѣйшей жизнью и дѣятельностію Глинки, а ограничимся немногими краткими замѣчаніями.

Вслѣдствіе усиливающейся болѣзненности, неудачи съ „Русланомъ“, огорченій личной жизни Глинка послѣ 1842 г. мало писалъ и большею частью проживалъ за границей. Въ 1844 г. онъ отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ около года не безъ пользы для своего душевнаго состоянія и художественнаго развитія. Здѣсь онъ, между прочимъ, познакомился съ знаменитымъ композиторомъ Г. Берліозомъ, новаторскія произведенія котораго изучалъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Слѣдующіе два года Глинка провелъ въ путешествіи по Испаніи, которое не только обогатило его новыми художественными впечатлѣніями, но возвратило ему утраченный душевный покой и способность работать. Въ Испаніи Глинка ревностно занимался изученіемъ испанскаго языка и литературы, наблюдалъ народную жизнь, записывалъ національныя испанскія мелодіи, послужившія матеріаломъ для его знаменитыхъ испанскихъ увертюръ („Арагонская хота“, „Ночь въ Мадридѣ“). Въ 1847 г. Глинка возвратился въ Россію и проживалъ частію въ Смоленскѣ и Варшавѣ, частію въ Петербургѣ до 1852 г., не принимая болѣе или менѣе замѣтнаго участія въ музыкально-художественной жизни отечества. Весной 1852 г. онъ предпринялъ третье путешествіе за границу. Сначала онъ поѣхалъ въ Парижъ, а затѣмъ предполагалъ вновь побывать въ Испаніи; но это намѣреніе не осуществилось. Въ 1854 г., по случаю войны съ Франціей, Глинка возвратился въ Россію и поселился въ Петербургѣ въ семействѣ своей сестры Л. И. Шестаковой, бывшей добрымъ геніемъ композитора и хранителемъ его покоя. Въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ возвращенія изъ-за границы, Глинка почти ничего не создалъ, хотя талантъ его не угасъ. Его музы-

кальные труды и занятія за это время состояли въ приведеніи въ порядокъ прежнихъ сочиненій, въ составленіи автобіографическихъ записокъ, доведенныхъ до 1854 г., а также въ изученіи западныхъ музыкальныхъ классиковъ, которыми онъ въ то время положительно увлекался. Причиной незначительной продуктивности Глинки въ это время была не одна болѣзненность и упадокъ духа, но и чрезвычайно строгія требованія, какія онъ предъявлялъ къ себѣ, какъ композитору. „Многіе,—писалъ онъ къ Энгельгардту въ 1850 году, когда должно было исполниться 25-лѣтіе его служенія на поприщѣ русской народной музыки,—многіе упрекаютъ меня въ лѣности,—пусть эти господа займутъ мое мѣсто на время, тогда убѣдятся, что съ постояннымъ нервнымъ расстройствомъ и съ тѣмъ строгимъ возрѣніемъ на искусство, которое всегда мною руководствовало, нельзя много писать“. „Теперь и нѣсколько времени тому назадъ, писалъ онъ уже въ 1855 году къ Кукольникову, я уже не чувствую призванія и влеченія писать. Что же мнѣ дѣлать, если, сравнивая себя съ геніальными maestro, я увлекаюсь ими до такой степени, что мнѣ по убѣжденію не можется и не хочется писать?“ Тѣмъ не менѣе въ геніальной душѣ Глинки никогда не умирали высокія стремленія къ художественному творчеству, и въ это время отчасти вынужденнаго бездѣйствія въ ней, повидимому, зарождались и назрѣвали идеи новыхъ важныхъ трудовъ, которые, быть можетъ, открыли бы новые горизонты для русскаго искусства. Онъ прямо сознается въ письмѣ къ Энгельгардту отъ 26 марта 1850 г., что рѣшилъ совершенно прекратить писать мелкія вещи, „а остатокъ силъ и зрѣнія посвятить болѣе важнымъ трудамъ“. Этимъ важнымъ трудамъ не суждено было осуществиться: смерть неожиданно постигла нашего композитора 3 февраля 1857 г. среди многообѣщавшихъ занятій церковной музыкой съ Деномъ въ Берлинѣ, куда онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ апрѣля 1856 г. Смерть послѣдовала отъ сильной простуды, схваченной имъ послѣ придворнаго концерта, на ко-

торомъ между прочимъ исполнялись и его произведенія. Умеръ Глинка истиннымъ христіаниномъ. Его учитель добрый Денъ такъ описываетъ кончину нашего композитора: „Его разговоръ былъ ясенъ до послѣдней минуты; любимѣйшей его мечтой было уѣхать осенью въ Италію и тамъ провести зиму въ окрестностяхъ Комо; онъ говорилъ объ этомъ даже наканунѣ своей смерти. За нѣсколько часовъ до смерти, такъ около полуночи, онъ потребовалъ подаренный ему матерью образокъ, поцѣловалъ его молча, горячо молился, сталъ кротокъ и спокоенъ и остался такъ до той минуты, когда смерть внезапно его поразила“. Прахъ Глинки первоначально погребенъ былъ въ Берлинѣ, при чемъ проводить его собралось нѣсколько извѣстныхъ музыкантовъ (напр., Мейерберъ), а изъ русскихъ—Кашперовъ, бравшій у Глинки въ Берлинѣ уроки инструментовки, и двѣ дамы, жены русскихъ священниковъ. Но сестра композитора, Л. И. Шестакова, не пожелала оставить прахъ русскаго генія на чужбинѣ и постаралась вскорѣ же перевезти его на родину. По повелѣнію Императора Александра II, хлопоты и расходы по перевозкѣ тѣла Глинки изъ Берлина въ Россію были возложены на русское правительство. Теперь творецъ нашей національной музыки покоится въ Петербургѣ въ Александро-Невской лаврѣ подъ художественнымъ памятникомъ, на которомъ вѣлапъ медальонъ съ портретомъ его, принадлежащимъ рѣзцу извѣстнаго нашего скульптора Лаврецкаго.

II

Церковная музыка начала интересовать Глинку довольно рано, и уже въ первый періодъ своей композиторской дѣятельности онъ началъ пробовать свои силы въ общепринятыхъ формахъ этого рода музыки. Въ рукописяхъ композитора, хранящихся въ Император. Публичной библіотекѣ, встрѣчаются отрывки и наброски духовно музыкальных сочиненій, которыя задуманы были имъ въ періодъ времени, обнимающій 1824—1829 г.г. Таковы: фуга для концерта

„Хваля призову Господа“, (B-dur), отрывокъ изъ „Отче нашъ“ (C-dur), набросокъ концерта на псаломъ „Приклони, Господи, ухо Твое и услыши мя“ (C-moll $\frac{3}{2}$), набросокъ фуги для концерта „Кто возглаголетъ силы Господни“ (D-dur $\frac{4}{4}$). Эти чисто случайные опыты продолжались затѣмъ и въ то время, когда Глинка усиленно работалъ подъ своей первой оперой. Въ бумагахъ, относящихся къ 1834—35 г.г., встрѣчаются, напр., отрывки въ нѣсколько тактовъ для Херувимской пѣсни. Насколько можно судить по этимъ незначительнымъ отрывкамъ, въ области церковнаго пѣнія нашъ композиторъ въ началѣ подчинился и подражалъ господствовавшему направленію итальянизированнаго пѣнія и чисто русское церковное пѣніе для него было въ это время совершенной terra incognita.

Настоящее ознакомленіе Глинки съ обиходнымъ церковнымъ пѣніемъ, хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ оно употреблялось въ Придворной пѣвческой капеллѣ, началось съ 1837 г., когда онъ былъ назначенъ капельмейстеромъ капеллы. Назначеніе это стояло, какъ мы раньше уже замѣтили, въ прямой связи съ выдающимся успѣхомъ „Жизни за Царя“. Въ концѣ 1836 г. скончался директоръ Придворной капеллы Ѡ. П. Львовъ; почитатели таланта Глинки—графъ М. Вьельгорскій и кн. Г. Волконскій воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пристроить его „соотвѣтственно способностямъ“, и рекомендовали его на должность капельмейстера капеллы. Императоръ Николай I обнаружилъ въ этомъ случаѣ удивительную проицательность и пониманіе истиннаго значенія Глинки для національнаго русскаго искусства и дѣйствительныхъ потребностей русскаго церковнаго пѣнія. Онъ самъ лично пригласилъ Глинку занять указанную должность, обратившись однажды въ театрѣ къ нему съ слѣдующими знаменательными словами: „Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и, слѣдовательно, стоятъ, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя

итальянцами“. Этими словами Государь ясно опредѣлил то направленіе, въ которомъ долженъ быть работать Глинка, и это направленіе какъ нельзя болѣе отвѣчало музыкально-эстетическимъ воззрѣніямъ самого композитора. Націоналистъ въ музыкѣ, авторъ „Жизни за Царя“ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ простоты, точности и чистоты въ отношеніи исполненія музыкальныхъ произведеній. Какъ чрезмѣрная слащавость и поверхностность итальянскихъ мелодій, такъ и крайняя вычурность, рѣзкость и манерность исполненія одинаково были ему не симпатичны. При такихъ воззрѣніяхъ и вкусахъ, Глинка, естественно, вполне подходилъ къ требованіямъ Государя и могъ поставить пѣніе въ капеллѣ на истинно-художественную и національно-церковную почву.

Съ перваго января 1837 г. началась служба Глинки въ капеллѣ. Его обязанности были чисто музыкальнаго характера. Онъ долженъ былъ обучать пѣвчихъ музыкѣ, т. е. по его собственному объясненію,—чтенію нотъ и правильной интонаціи. Любя всегда пѣніе и самъ недурно владѣя голосомъ, а главное—будучи основательно знакомъ съ итальянской школой пѣнія, считавшейся лучшей въ мірѣ, Глинка съ охотой и усердіемъ принялся за свои новыя обязанности. Новый директоръ капеллы, авторъ народнаго гимна—А. Ѳ. Львовъ, не смотря на нѣсколько натянутыя свѣтскія отношенія съ Глинкой, принялъ его радушно и съ готовностью дружно работать на общемъ служебномъ поприщѣ. Прежде всего Львовъ произвелъ вмѣстѣ съ Глинкой испытаніе придворныхъ пѣвчихъ и хотѣлъ было многихъ изъ теноровъ и басовъ исключить; но Глинка не допустилъ этого, взявшись лично заниматься съ ними. Его способъ обученія пѣвчихъ состоялъ въ изученіи гаммы или скалы съ объясненіемъ основаній употребленія знаковъ повышенія и пониженія, затѣмъ въ разборѣ и пѣніи двухголосныхъ упражненій, которыя онъ писалъ на доскѣ. Цѣлью этихъ упражненій было образованіе слуха и вывѣрка голосовъ. „Когда я въ первый разъ явился для преподаванія съ мѣломъ въ рукахъ, пишетъ

Глинка въ своей автобіографіи, мало нашлось охотниковъ: большая часть большихъ пѣвчихъ стояли поодаль съ видомъ недовѣрчивымъ и даже нѣкоторые изъ нихъ усмѣхались. Я, не обращая на то вниманія, принялся за дѣло такъ усердно и—скажу даже—ловко, что послѣ нѣсколькихъ уроковъ всѣ почти большіе пѣвчіе, даже и такіе, у которыхъ были частные и казенные уроки, приходили ко мнѣ на лекціи“. Это свидѣтельство весьма важно для характеристики тогдашняго состоянія церковныхъ хоровъ и степени ихъ музыкальнаго образованія. Если пѣвчіе лучшаго въ Россіи и европейски-извѣстнаго хора, какимъ былъ хоръ Придворной капеллы, часто были музыкально безграмотны, то что же нужно думать о другихъ хорахъ? Къ сожалѣнію, явленіе это и до сихъ поръ еще имѣетъ у насъ мѣсто. Музыкальное невѣжество нашихъ пѣвчихъ, а порой и регентовъ, является однимъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ, задерживающихъ развитіе церковно-пѣвческаго искусства, и, несомнѣнно, служитъ главною причиною употребленія въ практикѣ той массы всякой музыкальной дребедени и безвкусицы, которая въ теченіе полтора вѣка сочинялась разными дилетантами и которая до нынѣ исполняется, даже не въ захолустяхъ, при церковномъ богослуженіи.

Занятія Глинки съ придворными пѣвчими пошли съ успѣхомъ: уже черезъ полгода они научились разбирать ноты довольно свободно. Не ограничиваясь обученіемъ пѣвчихъ, Глинка захотѣлъ еще, какъ самъ въ этомъ сознается, испытать свои силы въ духовно-музыкальномъ творествѣ и въ томъ же 1837 г. написалъ 6-голосную Херувимскую C-dur; принялся было также за фугу съ текстомъ, но безъ успѣха. Какъ первый законченный опытъ Глинки въ области церковной музыки, Херувимская эта представляетъ глубокой интересъ; въ сравненіи съ произведеніями господствовавшихъ тогда духовныхъ композиторовъ, она имѣетъ многія несомнѣнныя преимущества, хотя самъ Глинка, повидимому, находилъ ее неудовлетворительной. Херувимская Глинки прежде

всего выдѣляется богатствомъ гармоническихъ сочетаній. Мелодія ея, особенно въ первомъ колѣнѣ каждого изъ трехъ начальныхъ строфъ, по своему складу отчасти напоминаетъ западныя григоріанскія мелодіи (*cantus planus*); въ ней нѣтъ ничего банальнаго и слащаваго, что такъ свойственно нашимъ подражателямъ итальянскому пѣнію. Каждый изъ трехъ стиховъ первой части оканчивается половинной каденціей; полная каденція сдѣлана въ „Яко да Царя“, въ заключеніи всего пѣснопѣнія. Это нѣсколько уклоняется отъ традиціонной формы этого пѣснопѣнія, но вмѣстѣ и улучшаетъ ее, сообщая пѣснопѣнію единство, что безусловно требуется содержаніемъ и грамматическимъ построеніемъ текста. Композиторъ пользуется диссонирующими аккордами, хроматическими ходами (въ дискантѣ), эффектомъ постепеннаго нарастанія звука; употребляетъ имитациіи и проч. Общій характеръ пѣсы, при надлежащемъ исполненіи, которое доступно только сильнымъ и хорошо обученнымъ хорамъ, получается глубоко мистическій и необыкновенно торжественный (въ „Яко да Царя“). Видно, что Глинка, какъ истинный художникъ, проникся содержаніемъ этой возвышеннѣйшей пѣсни православнаго богослуженія и сумѣлъ выразить то настроеніе, которое вызвало въ немъ содержаніе текста, въ строгихъ музыкальных формахъ, избѣжавъ однако всего избытка и банальнаго. Вотъ почему, хотя Херувимская ея и не носитъ чисто русскаго церковнаго характера, но въ сущности она гораздо церковнѣе, чѣмъ произведенія разныхъ Давыдовыхъ, Дехтеревыхъ, Березовскихъ и другихъ учениковъ и послѣдователей итальянцевъ. Въ концѣ апрѣля 1838 г. Глинка былъ командированъ, въ сопровожденіи помощ. учителя пѣнія Д. Н. Палагина, пѣвчаго Н. Шеинова и дядьки Саранчина, въ Малороссію для набора пѣвчихъ. Заѣхавъ сначала на короткое время въ Смоленскую губ., Глинка въ концѣ мая былъ уже въ Черниговской губерніи. Въ Черниговѣ онъ посѣтилъ семинарію и послѣ тщательнаго испытанія отобралъ 8 мальчиковъ съ хорошими голосами, которыхъ затѣмъ при-

зываль къ себѣ на квартиру, угощаль чаемъ и еще неоднократно пробоваль голоса и слухъ. „Нѣкоторые мальчики, пишетъ онъ, были одарены столь тонкимъ слухомъ, что слѣдили непринужденно за всевозможными интервалами, даже за музыкальной чепухой, которую и изоцрялся производить Паланинъ, чтобы сбить ихъ“. Изъ Чернигова Глинка затѣмъ отправился къ своему пріятелю, богатому помѣщику Тарнавскому, и поселился въ его имѣніи Каченовкѣ. Отсюда онъ предпринималъ поѣздки въ разные мѣста Малороссіи—Переяславъ, Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, Ахтырку и проч. для набора пѣвчихъ.—Набранныхъ пѣвчихъ привозили въ Каченовку, гдѣ они обучались пѣнію Палагинымъ и пѣли въ церкви вмѣстѣ съ хоромъ Тарнавскаго. Одинъ изъ эпизодовъ этихъ экскурсій Глинки по Малороссіи представляетъ столь типичную и забавную картинку нравовъ и способовъ, къ которымъ приходилось ему прибѣгать для исполненія даннаго ему порученія, что мы передадимъ его со всѣми подробностями.

Вскорѣ по прибытіи въ Каченовку, по совѣту Тарнавскаго Глинка отправился съ Палагинымъ и Шеиновымъ въ Переяславъ, гдѣ находился тогда хоръ полтавскаго епископа Гедеона, съ тѣмъ, чтобы „переманить“ лучшихъ пѣвчихъ въ капеллу. Выѣхали съ расчетомъ прибыть въ Переяславъ въ воскресенье прямо къ обѣднѣ, очевидно, для того, чтобы застать врасплохъ и не дать возможности скрыть лучшія силы; но ошиблись и пріѣхали въ субботу вечеромъ. Прибытіе въ городъ неизвѣстныхъ людей обезпокоило мѣстнаго городничаго, который ожидалъ чиновника по слѣдственному дѣлу, и онъ неоднократно, но безуспѣшно, добивался разузнать, кто и зачѣмъ посланъ. „На другой день, рассказываетъ Глинка, Палагинъ и Шеиновъ пошли къ обѣднѣ, назвали себя купцами,—охогниками до церковнаго пѣнія, замѣтили лучшихъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, узнали и записали ихъ имена и даже присутствовали на завтракѣ у архіерея и еще слышали его пѣвчихъ“. Самъ же Глинка остался на квартирѣ

и послѣ чаю, наконецъ, принялъ городничаго, который откомендовался ему съ комически-жалкою миною, низко кланяясь, и ни за что не хотѣлъ сѣсть, не смотря на настойчивыя приглашенія хозяина. „Когда я расчелъ, продолжаетъ свой разсказъ Глинка, что прошло достаточно времени, и что уже помощники мои могли успѣть въ своемъ дѣлѣ, я спросилъ у моего гостя, за кого онъ меня принимаетъ, и видя, что онъ еще болѣе приходилъ въ замѣшательство, объявилъ ему, наконецъ, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ. Радость выразилась на его лицѣ; онъ сѣлъ и, принявшись за чай, увѣрялъ меня, что онъ готовъ содѣйствовать мнѣ, что онъ во враждѣ съ Гедеономъ и проч.; я поблагодарилъ его, и сказала, что вѣроятно уже дѣло сдѣлано. И дѣйствительно, заключаетъ Глинка разсказъ объ этомъ эпизодѣ, мы такъ безжалостно обобрали хоръ, что Гедеонъ долго послѣ того на меня жаловался своимъ знакомымъ“.

Глинка остался очень доволенъ результатами своихъ поѣздокъ и весьма успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. Ему удалось набрать 19 мальчиковъ и 2 взрослыхъ пѣвчихъ. Изъ дѣтей пѣвчихъ нѣкоторые обладали необыкновенными по діапазону голосами; были напр. дисканты, восходившіе до трехчертнаго мі; всѣ же отличались такимъ тонкимъ слухомъ, что могли не затрудняясь брать всевозможные интерваллы, не исключая и нечистыхъ, неудобныхъ для пѣнія. Набранные пѣвчіе были достаточно обучены опытнымъ въ этомъ дѣлѣ Палагинымъ и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, представлены Государю, который обыкновенно самъ лично экзаменовалъ вновь поступающихъ въ капеллу пѣвчихъ. „Это представленіе, говоритъ Глинка, было въ Знаменной залѣ, возлѣ кабинета Его Величества. Я расположилъ пѣвчихъ полукругомъ, самъ же я стоялъ посрединѣ въ мундирѣ со шпагой и трехугольной шляпой въ лѣвой рукѣ и камертономъ въ правой (такъ угодно было А. Θ. Львову, который тутъ же присутствовалъ). Императоръ явился въ старомъ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ сопровожденіи министра

двора. Государь съ веселымъ лицомъ обратился ко мнѣ почти въ слѣдующихъ словахъ: „Ахъ, какіе молодцы! Гдѣ ты ихъ подобралъ себѣ подь ростъ?“¹⁾ Потомъ спросилъ, что я держу въ рукѣ. Я объяснилъ, что такое камертонъ, и его назначеніе. На вопросъ Его Имп. Величества, что пѣвчіе знаютъ? я смѣло отвѣчалъ (ибо Д. Н. Палагинъ отлично подтанулъ ихъ), что они знаютъ все, требуемое по службѣ. Мы знали по прежнимъ примѣрамъ, какъ Государь экзаменуетъ вновь набранныхъ пѣвчихъ, и тщательно ихъ приготовили къ экзамену. Дѣйствительно, Императоръ началъ „Спаси, Господи, люди твоя“, и Его Величество не успѣлъ задать тонъ, какъ 19 мальчиковъ и 2 баса дружно подхватили и отлично исполнили этотъ кантъ. Государь былъ видимо доволенъ, заставилъ ихъ еще пропѣть, — что такое, не помню. Въ знакъ удовольствія, Его Величество поклонился мнѣ весело-шутливо до пояса, отпуская меня“. Этимъ не ограничилось изъясненіе Высочайшаго благоволенія талантливому композитору за его службу въ капеллѣ: Государь и послѣ оказывалъ ему свое вниманіе; кромѣ того ему была выдана денежная награда въ 1500 руб. ас. за успѣшный наборъ пѣвчихъ.

В. П—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ М. И. Глинка былъ низкаго роста.

²⁾ См. № 28 за 1904 г.

Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою ²⁾.

Декабря 15 дня. Никто не станетъ спорить, что учебный годъ въ церковно-приходскихъ школахъ слишкомъ кратковременный. Въ большинствѣ школъ онъ начинается во второй половинѣ октября, а въ нѣкоторыхъ въ концѣ октября и даже въ первыхъ числахъ ноябрю,—все зависить отъ того, какъ соберутся ученики. Если принять во внима-

¹⁾ М. И. Глинка былъ низкаго роста.

²⁾ См. № 28 за 1904 г.

ніе рождественскія и масляничныя каникулы, неаккуратное посѣщеніе учениками школы и раннее прекращеніе учебнаго года, то окажется, что занятнаго времени въ общемъ не болѣе 3—4 мѣсяцевъ. Возможно ли въ столь короткій періодъ пройти основательно все, положенное по программѣ для церковно-приходскихъ школъ? Возможно ли подготовить учениковъ къ выпускному экзамену? Трудно и даже очень. Ретивые учителя для достиженія этой цѣли занимаются и во время Рождественскихъ святокъ, и во время сырной и даже Свѣтлой седмицы, и только такимъ образомъ имъ удается подготовить своихъ учениковъ къ выпускному экзамену.

Вполнѣ сознаетъ это больное мѣсто нашихъ школъ и высшее церковно-школьное управленіе, и на увеличеніе учебнаго времени въ школахъ имъ въ послѣднее время обращено довольно серьезное вниманіе. Все чаще и чаще изъ училищныхъ совѣтовъ исходятъ предписанія о томъ, чтобы занятія въ церковныхъ школахъ начинались не позже октября, а приемъ—съ первыхъ чиселъ этого мѣсяца. Но не всякое благое намѣреніе и предписаніе начальства можетъ быть проведено въ жизнь нашихъ школъ, если объ этомъ не позаботятся сами завѣдующіе школами. Говоримъ это на основаніи опыта. Въ тѣхъ церковныхъ школахъ, въ которыхъ завѣдующіе обратили надлежащее вниманіе на увеличеніе учебнаго года, занятія начинаются не только въ половинѣ октября, но даже 15-го сентября и раньше. Для этого нужно только немного настойчивости и постепенности.

Еще не особенно давно и въ моей школѣ занятія начинались не раньше половины октября, а если осень бывала теплая и погожая, то и позже этого времени, словомъ,—когда непогода и слякоть загонитъ учениковъ въ школу. Но, когда я увидѣлъ, что изъ этого мало выходитъ проку, то рѣшилъ принять нѣкоторыя мѣры. Въ первый же годъ я открылъ приемъ учениковъ въ школѣ 2-го октября и продолжалъ не дальше 10 числа, послѣ котораго никто уже въ школу не принимался. Въ слѣдующемъ году приемъ от-

кывался 27 сентября и продолжался по 1-е октября; въ третьемъ году—съ 20 по 26 сентября, а съ слѣдующаго года и до сего времени пріемъ и у меня начинается съ 15-го сентября и продолжается по 18-е, такъ что съ 20-го сентября занятія идутъ уже правильно. Хотя на первыхъ порахъ и были случаи неудовольствія со стороны прихожанъ, но это продолжалось годъ-два, а въ настоящее время въ моей школѣ въ пріемѣ учениковъ установился порядокъ образцовый: въ два-три дня собираются ученики, послѣ чего случится молебень, начинаются занятія, и идутъ они самымъ аккуратнымъ образомъ.

Декабря 20 дня. Сегодня въ жизни моей школы совершился весьма замѣчательный и важный фактъ. Послѣ многихъ лѣтъ скуднаго существованія, школа, наконецъ, стала на прочную матеріальную почву. Нѣсколько раньше мѣстное отдѣленіе епарх. учил. совѣта назначило 140 руб. ежегоднаго пособія, а къ этому прихожане присоединили и свои лепты, приговоромъ постановивъ давать въ пользу школы по 50 коп. съ каждой учащейся души. Случилось это такимъ образомъ.

Давно уже моя школа нуждалась въ матеріальныхъ средствахъ къ своему существованію. Общество прихожанъ отпускало на полное содержаніе школы всего лишь 100 руб. На эти деньги нужно было двухъ учителей нанять (въ школѣ бываетъ до 140 душъ учащихся), отопленіе и освѣщеніе купить, учебниками снабдить, да еще кое-какой ремонтъ совершить. Разумѣется, что за общественныя деньги всего этого нельзя было выполнить, поэтому приходилось изыскивать всевозможныя средства къ поддержанію школы. Съ своей стороны, я оказывалъ поддержку учителямъ въ томъ отношеніи, что бесплатно кормилъ ихъ, а приходское попечительство и церковь пополнили недостающую сумму изъ своихъ скудныхъ средствъ. Все это, разумѣется, были средства совершенно случайныя, и хотѣлось бы болѣе прочно обезпечить свою школу. Всячески я склонялъ къ этому прихожанъ, и они

вполнѣ сознавали необходимость поддержки для школы; но сколько разъ ни собирався сходъ, дѣло никакъ не клеилось. Всѣ-таки, очевидно, почва этимъ была достаточно подготовлена. Не смотря на то, что сходъ прихожанъ сегодня былъ созванъ совершенно по другому поводу, они сами завели рѣчь о недостаточности средствъ къ содержанию школы и по краткомъ обсужденіи приговорили на содержание школы по 50 коп. съ каждой учащейся души. Вышло по пословицѣ, что „капля долбитъ камень не силою, а часто падая“. Можно многого достигнуть настойчивостью и частымъ напоми-
ніемъ.

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го іюля 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, іюля 25-го.

Содержаніе: Современная русская дѣйствительность и предъявляемые ею требованія къ дѣятельности православнаго пастыря. — М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки (продолженіе). — О церковно-школьныхъ хорахъ.

Современная русская дѣйствительность и предъявляемые ею требованія къ дѣятельности православнаго пастыря.

Основавъ на землѣ новое благодатное царство Свое, т. е. Церковь, для освященія грѣшныхъ людей и воссоединенія ихъ съ Богомъ, даровавъ ей для достиженія этой цѣли Свое божественное ученіе и установивъ таинства, Господь Іисусъ Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ Своихъ апостоловъ, а затѣмъ ихъ преемниковъ, положилъ начало іерархіи, т. е. богоучрежденному сословію людей, которыхъ Онъ и уполномочилъ управлять спасительными средствами, дарованными Имъ Церкви для ея цѣли. Отправляя учениковъ Своихъ на всемірную проповѣдь, Спаситель сказалъ, обра-

щаясь къ нимъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа: учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ* (Мѡ. 28, 18). Этотъ завѣтъ Христа, данный Имъ Своимъ богоизбраннымъ ученикамъ, обнимаетъ *три* главнѣйшія обязанности пастырскаго служенія. *Первая* обязанность состоитъ въ неустанномъ проповѣданіи Слова Божія, евангельскаго ученія, возвѣщеннаго Спасителемъ міра. Задачи пастырскаго служенія—привести людей къ вѣрѣ во Христа, что возможно только въ томъ случаѣ, если люди будутъ знать о Христѣ и Его благодатномъ законѣ, будутъ знать о томъ, чего отъ нихъ требуетъ Христосъ, какъ отъ Своихъ послѣдователей. Дѣло проповѣди, такимъ образомъ, есть первая настоятельная обязанность пастырскаго служенія; за небреженіе къ ней Богъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ угрожалъ тяжкими прещеніями пророку, обѣщая взискать отъ руки его кровь грѣшниковъ, погибшихъ въ невѣдѣніи.

Призывая людей ко спасенію и освященію во Христѣ, пастырь Церкви вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ и дѣйствительныя средства этого освященія; онъ не только проповѣдникъ, но и строитель таинъ Божіихъ: онъ совершаетъ для вѣрующихъ богослуженіе и таинства, какъ спасительныя средства для дѣйствительнаго очищенія отъ грѣховъ и освященія. Обязанность эту называютъ *священнослуженіемъ*. „Священники, для насъ,—говоритъ св. Златоустъ,—суть тѣ мужи, которымъ вручено рожденіе духовное и возрожденіе крещеніемъ; чрезъ нихъ мы облекаемся во Христа и погребаемся вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ и содѣлываемся членами этой блаженной Главы... Они не только возраждаютъ насъ крещеніемъ, но имѣютъ власть разрѣшать и отъ послѣдующихъ грѣховъ...., примирять вѣрующихъ не съ вельможами и не съ царями, но съ Самимъ Богомъ, разгнѣваннымъ ими. И если никто не можетъ войти въ царствіе небесное, *аще не родится водою и Духомъ* (Іоан. 3, 5), и не ядущій плоти Го-

спода и не піюцій крови Его лишается вѣчной жизни (6, 53),—а все это совершается руками священника; то какъ безъ посредства ихъ можно будетъ кому-нибудь избѣжать гееннскаго огня или получить уготованные вѣнцы?“¹⁾ Церковь есть тѣло Христово; только въ связи и тѣснѣйшемъ союзѣ съ этимъ тѣломъ возможна полная и здоровая жизнь отдѣльныхъ ея членовъ; а таинства и суть тѣ спасительныя средства, при помощи которыхъ устанавливается тѣсная связь христіанина съ Церковью. Отсюда открывается вся важность служенія пастыря, какъ священнослужителя, совершителя таинъ Божіихъ. Обязанность эту нельзя, впрочемъ, ограничивать только однимъ совершеніемъ таинствъ; сюда относятся вообще совершеніе богослуженія, общественныхъ и частныхъ церковныхъ молитвъ, или—что то же—требъ, отправляемыхъ по потребностямъ отдѣльныхъ членовъ Церкви.

Пастырское служеніе не можетъ однако ограничиваться только *двумя* указанными обязанностями: истинные послѣдователи Христа призываются не только къ знанію вѣковѣчныхъ истинъ закона Христова, но и къ соблюденію и осуществленію ихъ въ жизни. Наблюдать же и руководить вѣрующими въ этомъ дѣланіи Господь призвалъ свв. апостоловъ и ихъ преемниковъ. Пастырь есть, такимъ образомъ, духовный руководитель пасомыхъ; ему поручается править духовнымъ стадомъ словесныхъ овецъ Христовыхъ, быть ихъ воспитателемъ и попечителемъ, стражемъ ихъ духовной жизни.— Это уже *третья* обязанность пастырскаго служенія, нераздѣльная отъ первыхъ двухъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличная отъ нихъ. Образъ и примѣръ пастырской попечительности открывается еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ отношеніяхъ Бога къ избранному Имъ народу. Какъ отецъ назираетъ за каждымъ шагомъ своего сына, исправляя его ошибки, направляя его на все доброе; такъ Богъ руководитъ Своимъ наро-

¹⁾ Твор. св. Іоанна Златоуста въ русскомъ переводѣ, томъ I, кн. 2, о священствѣ слово III, стр. 418, 419.

домъ на протяженіи его многовѣковой исторіи; угрожая недостойнымъ пастырямъ народа еврейскаго Своимъ гнѣвомъ, Онъ, какъ истинный пастырь, обѣщаетъ народу: *Азъ упасу овцы Моя, и Азъ упокою я, и уразумѣютъ, яко Азъ есмь Господь. Сія глаголетъ Адонаи Господь: погибшее възъму, и заблудившее обращу, и сокрушенное обяжу, и немощное укрѣплю, и крѣпкое снабдю, и упасу я съ судомъ.* (Иезек. 34, 15—17). На обязанность пастыря—быть руководителемъ пасомыхъ въ Новомъ Завѣтѣ указываетъ Спаситель примѣромъ Своей собственной жизни, являясь добрымъ Пастыремъ, душу Свою полагающимъ за овцы своя (Іоанн. 10, 11), оставляющимъ девяносто девять овецъ, чтобы найти одну заблудшую (Лук. 15, 4). Особенно пастырская попечительность Спасителя открывается въ отношеніяхъ Его къ ученикамъ, въ заботливости о нихъ, доходящей дотого, что даже предъ страданіями Своими, готовый принести искупительную жертву за грѣхи міра, перенести тягчайшія страданія, Онъ молится за нихъ Отцу: *Отче Святыи, соблюди ихъ во Имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и Мы. Егда бѣхъ съ ними въ мѣръ, Азъ соблюдахъ ихъ во имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ, сохранихъ и никтоже отъ нихъ пошбе, токмо сынъ погибельный* (Іоанн. 17, 11—12). Классическимъ мѣстомъ въ апостольскихъ посланіяхъ, заповѣдующимъ пастырямъ неослабно и настойчиво заботиться о вѣрующихъ, воспитывать и руководить ими, ревновать о спасеніи ихъ, является наставленіе св. ап. Павла Тимоѳею: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2).

Таковы въ существенномъ три главнѣйшія обязанности пастырскаго служенія, указываемыя пастырю примѣромъ Христа Спасителя и Его свв. апостоловъ и раскрытыя въ Словѣ Божіемъ. Въ основѣ своей, или въ своемъ существѣ, эти обязанности останутся во всѣ времена неизмѣнными, доколѣ будетъ существовать само пастырство, доколѣ будетъ

Церковь на землѣ. Но если обязанности эти неизмѣнны въ своей основѣ, то нельзя, однако, сказать того же о частныхъ мѣрахъ и средствахъ пастырскаго служенія, пастырской дѣятельности. Пастырское служеніе имѣетъ своею цѣлію содѣйствовать религіозно-правственному развитію и совершенствованію людей всѣхъ званій и состояній, *да совершенно будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 17). Въ своемъ служеніи и дѣятельности пастырь Церкви имѣетъ въ виду живыхъ людей, живую дѣятельность, жизнь во всемъ разнообразіи ея проявленій; и какъ многообразны проявленія жизни, такъ же разнообразны могутъ быть и средства пастырской дѣятельности, измѣняясь сообразно духу времени, запросамъ общества, религіозно-правственному состоянію пасомыхъ. Тѣ или другія событія исторической жизни народа, свойства и черты народнаго характера, даже отдѣльныя выдающіяся личности могутъ такъ или иначе вліять на міросозерцаніе и настроеніе народа (не случайно происходитъ, напр., то, что христіанство у однихъ проявляется въ формѣ *обрядовѣрія*, у другихъ—въ формѣ *мистицизма*, у третьихъ развивается *раціонализмъ*). Наблюденіе надъ жизнью и религіознымъ состояніемъ общества составляетъ необходимое условіе для успѣха пастырской дѣятельности; безъ этого условія она будетъ малопродуктивной и даже совсѣмъ безплодной, беспочвенной. „Пастырю слѣдуетъ за всякимъ своимъ прихожаниномъ смотрѣть, всякое состояніе назирать и знать совершенно и какъ бы на длани расписанное имѣть, здоровъ ли пребываетъ о благодати Божіей, или болитъ грѣхомъ, и какимъ именно, и какъ давно, и сколь опасна болѣзнь, и какого именно лѣкарства требуетъ“¹⁾:

Пастырское служеніе весьма часто сравниваютъ съ служеніемъ врача тѣлеснаго. Такое сравненіе находимъ, между прочимъ, у свв. Іоанна Златоуста и Григорія Двоеслова.

¹⁾ Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, стр. 56.

Сравненіе это имѣеть свое глубокое основаніе: какъ врачъ тѣлесный врачуетъ недуги тѣла,—такъ пастырь призванъ къ тому, чтобы бороться съ душевными недугами своихъ пасомыхъ; и какъ врачъ, приглашенный къ больному, прежде чѣмъ приступить къ лѣченію, долженъ сначала поставить правильный діагнозъ, такъ какъ только при этомъ условіи возможна борьба съ болѣзнію,—такъ и пастырь долженъ изучить ту сферу, гдѣ ему придется дѣйствовать. Изученіе должно быть тѣмъ тщательнѣе, что здѣсь дѣло касается не тѣла, немощнаго сосуда, персти, которая рано или поздно, но необходимо возвратится въ землю, а того, что дороже всего на землѣ, дороже всѣхъ сокровищъ—человѣческой души.

Наблюденіе и изученіе теченія народной жизни пастыремъ должно предшествовать самой пастырской дѣятельности; жизнь въ этомъ случаѣ будетъ подсказывать ему, на какіе именно пункты дѣятельности необходимо обратить главное вниманіе, какія мѣры и средства будутъ болѣе пригодными и цѣлесообразными въ томъ или другомъ случаѣ, что слѣдуетъ поддерживать въ народѣ и противъ чего бороться,—словомъ, укажутъ пастырю, что онъ долженъ дѣлать и какъ дѣлать.

До Петра Великаго Русь представляла въ религіозномъ отношеніи тѣсно сплоченную единицу, дерево, отъ корня и до вѣтвей проникнутое однимъ міросозерцаніемъ, основу котораго составляла вѣра православная. Тогда Русь была дѣйствительно „Святая“ въ томъ смыслѣ, что всѣ русскіе люди, отъ высшихъ слоевъ и до низшихъ, одинаково понимали цѣль жизни—въ святости и спасеніи. Реформа Петра Великаго, при всѣхъ ея благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ для русской жизни и русскаго народа, принесла вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ грустный и плачевный результатъ, за который мы расплачиваемся дорогою цѣною, это—рѣзкое отдѣленіе интеллигентнаго класса отъ народа,—отдѣленіе, составляющее весь трагизмъ нашей послѣдующей жизни и мысли. „Раздѣленіе въ жизни нашего общества, прежде единомысленнаго, прежде

твердо державшагося началъ православія, произошло, когда, какъ у насъ часто выражаются, прорублено было окно въ Европу, и оттуда на нашу широкую равнину подулъ вѣтеръ, приносившій вмѣстѣ съ добрыми сѣменами и губельнымъ, ядовитымъ сѣменомъ невѣрія и вольнодумства. Верхній общественный слой первѣе всего подвергся вѣянью этого вѣтра, воспринявъ въ себя то, что несло съ имъ, и произошло раздѣленіе въ обществѣ, прежде связанномъ единствомъ вѣры и одинаково преданномъ Церкви¹⁾.

Въ эпоху Петровскихъ реформъ самобытный, вѣками выработанный укладъ русской жизни былъ подвергнутъ безпощадной ломкѣ; преслѣдуя истинные недостатки и несовершенства нашей исторически сложившейся жизни, эта ломка не рѣдко затрогивала и многіе истинно-православныя обычаи, дорогіе для народа. И если простой народъ съ тоскою смотрѣлъ на это, то не такъ велъ себя передовой классъ. Усвоивъ западную цивилизацію всего чаще только внѣшнимъ образомъ и безъ яснаго пониманія ея смысла и значенія, усвоивъ европейскіе взгляды и понятія, наши „образованные люди“ не рѣдко отказывались и отъ идеаловъ своего народа, отъ его вѣры и его святыни; этого мало,—они нерѣдко ругались надъ его святыней, топтали её въ грязь: въ религіи его они видѣли только грубое суевѣріе, въ исторіи—дикое варварство и позорное рабство. Такихъ взглядовъ придерживались многіе выдающіеся западники, напр.: Чаадаевъ, Боткинъ, Герценъ и др. Что же дѣлалъ народъ въ это время?—Онъ жилъ своею жизнію, работалъ и страдалъ,—но свято берегъ свою вѣру отъ всякаго чуждаго вліянія. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе усиливалось различіе между интеллигенціей и народомъ, тѣмъ больше расходились ихъ дороги, тѣмъ больше усиливалось взаимное непониманіе,—часто презрѣніе, съ одной и всегда недовѣріе съ другой стороны. И несмотря на зна-

¹⁾ Обь отношеніи къ Церкви нашего образованнаго общества В. О. Пѣвничаго, стр. 25.

чительные успѣхи народнаго образованія, при посредствѣ котораго интеллигенція мечтаетъ поднять народъ до своей вы-
соты, разница между народомъ и интеллигенціей все же
остается во всей силѣ; поэтому, характеризовать ихъ рели-
гіозно-нравственное состояніе приходится отдѣльно.

Что же такое представляетъ изъ себя нашъ народъ, ко-
торый является фундаментомъ неизмѣримо-громаднаго и вели-
чественнаго зданія, называемаго Россіей?

Кто знакомъ съ тысячелѣтней исторіей русскаго на-
рода, тотъ, безспорно, замѣтилъ главную исторически сло-
жившуюся черту народной души—ея религіозность: право-
славная вѣра была движущимъ и зиждущимъ началомъ на-
шей исторіи, знаменемъ, призывавшимъ русскій народъ къ
великимъ подвигамъ, утѣшеніемъ въ постигавшихъ его горе-
стяхъ: „православная вѣра,—говоритъ Аксаковъ,—есть об-
щественное и бытовое начало русскаго народа и проникаетъ
его историческое бытіе“¹⁾). Объ этой же самой чертѣ народ-
ной души говоритъ и непосредственное наблюденіе надъ на-
родной жизнью. Кого судьба ставила въ близкія, непосред-
ственныя отношенія съ загадочнымъ сфинксомъ, именуемымъ
народомъ, тотъ знаетъ о глубокой его религіозности. Вѣра
православная освящаетъ каждый шагъ его жизни; при свѣтѣ
вѣры православной оцѣниваются народомъ всѣ явленія не
только общественнаго, но и частнаго порядка. Посѣщеніе
богослуженія является необходимою потребностью его души,
религіозное чтеніе, „чтеніе о божественномъ“—любимымъ за-
нятіемъ, посѣщеніе святыхъ мѣстъ—завѣтной мечтой. Даже
такое печальное явленіе въ нашей религіозной и обществен-
ной жизни, какъ сектантство, при всѣхъ его грустныхъ по-
слѣдствіяхъ, указываетъ на то, что вопросы религіозно-нрав-
ственнаго порядка весьма живучи въ нашемъ народѣ, зани-
маютъ его мысль и сердце, волнуютъ его. Литература, гово-
рятъ, есть лучшая выразительница жизни. Путемъ изученія,

¹⁾ Сочиненія, IV, 52.

силою проникновенія, возможнаго только для таланта, художникъ-писатель лучше, чѣмъ кто-либо другой, постигаетъ жизнь не во внѣшнихъ только ея проявленіяхъ, но въ самомъ существѣ ея. Если мы обратимся по данному вопросу къ нашимъ писателямъ, то и здѣсь встрѣтимъ въ общемъ согласное свидѣтельство о томъ, что нашъ народъ религіозенъ. Не важно въ данномъ случаѣ то, какъ смотрятъ они на религіозное настроеніе народа, какъ толкуютъ его,—важно то, что религіозность его они признаютъ несомнѣннымъ фактомъ. Мнѣніе Бѣлинскаго, высказанное имъ въ напумѣвшемъ когда-то письмѣ къ Гоголю о томъ, что „нашъ народъ глубоко—атеистиченъ“, стоитъ особнякомъ; отчасти его можно объяснить страстностію и запальчивостію самаго письма. Важнѣе для насъ свидѣтельство такихъ корифеевъ русской литературы, какъ Гоголь, Достоевскій, Толстой. Эти писатели ясно поняли и категорически засвидѣтельствовали, что народъ нашъ живетъ и дышитъ вѣрою, что въ религіи онъ ищетъ отвѣтовъ на важнѣйшіе вопросы о цѣли и смыслѣ жизни. Особенно дорого въ этомъ случаѣ мнѣніе Достоевскаго, потому что онъ близко видѣлъ народъ нашъ и зналъ его, „жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ, и самъ къ злодѣямъ причтенъ былъ, работалъ съ нимъ настоящею мозольною работою“¹⁾. „Народъ нашъ,—говоритъ Достоевскій,—просвѣтился уже давно, принявши въ свое существо Христа и Его ученіе.... Хотя народъ нашъ и не знаетъ молитвъ, но суть христіанства, но духъ и правда его сохранились и укрѣпились въ немъ такъ, какъ ни въ одномъ изъ народовъ міра сего“²⁾.

Но если русскій народъ необходимо признать религіознымъ, то нельзя сказать, что вѣра его всегда вполне сознательна и полна въ той мѣрѣ и степени, какъ требуется это отъ всякаго православнаго христіанина. Для того, чтобы быть

¹⁾ Дневникъ писателя, 1880 г., августъ, стр. 475.

²⁾ Тамъ же, 1877 г., мартъ, стр. 78.

христіаниномъ, нужно прежде всего воспитать въ себѣ христіанскій духъ и настроеніе,—а это именно и есть въ нашемъ простомъ народѣ. Но отъ христіанина требуется еще и знаніе того, чему и какъ учить насъ Христосъ. Знаніе это особенно необходимо въ наше время, когда разные непривязанные учителя, подъ видомъ чистаго христіанскаго ученія, проповѣдуютъ измышленія своего разума, извращаютъ чистое ученіе Христа, похищая у Церкви ея овецъ. На вопросъ о томъ, есть ли въ нашемъ народѣ знаніе основныхъ истинъ христіанства, съ грустью нужно сознаться, что такое знаніе всего чаще отсутствуетъ. Народъ въ массѣ своей не знаетъ часто самыхъ элементарныхъ истинъ Христовой вѣры, и даже въ послѣднее время, когда народная школа сдѣлала большіе успѣхи, замѣчается то же явленіе. Кому приходилось близко сталкиваться съ народомъ, кто наблюдалъ его жизнь, а особенно кто велъ съ ними бесѣды „о божественномъ“, тотъ имѣлъ полную возможность убѣдиться въ этомъ. На вопросы религіознаго характера всего чаще получаютъ отвѣты неясные, неопредѣленные, а то и совсѣмъ не христіанскіе. Отсутствіе иногда самыхъ элементарныхъ понятій о Богѣ, о Св. Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ, нашемъ Искупителѣ, о Богоматери, смѣшеніе обрядовой стороны съ догматической, незнаніе молитвъ или извращенное ихъ знаніе—все это явленія общеизвѣстныя, отмѣченныя какъ свѣтскою, такъ и духовною печатью. „Вѣра живетъ въ сердцахъ простыхъ людей, выражается въ ихъ нравахъ, поддерживаемыхъ преданіями, и въ религіозныхъ обрядахъ, но въ смыслѣ разумнаго пониманія вѣры ихъ облегаетъ тьма предрасудковъ, суевѣрій, сектъ и расколовъ“¹⁾).

Народъ нашъ любитъ бесѣды о божественномъ, но здѣсь привлекаетъ его вниманіе сторона сердечная: страданіе Христа и Его послѣдователей, подвиги святыхъ; эти предметы

¹⁾ Проповѣди Амвросія, архіеп. Харьковскаго, произнесенныя во время служенія его въ Харьковской еп. 1882—1894, стр. 386.

трогаютъ и умиляютъ его сердце; о нихъ онъ съ радостію будетъ говорить и слушать; на вопросы свойства догматическаго: о томъ, что такое Богъ, что сдѣлалъ для насъ Христосъ, какая цѣль Церкви,—на такіе вопросы или совсѣмъ не дается отвѣта, или же дается отвѣтъ самый элементарный, часто неопредѣленный, темный. Православіе, какъ оно ни крѣпко въ народѣ, держится въ немъ не въ силу разумнаго убѣжденія и пониманія его народомъ, а въ силу привычки, въ силу традиціи, укрѣпившейся вѣками. *Довъ* причины можно указать такого печальнаго положенія: 1) слабое развитіе церковнаго учительства, церковной проповѣди и 2) малограмотность крестьянъ, лишающая ихъ возможности самимъ, подъ руководствомъ Церкви учащей, знакомиться съ христіанскимъ ученіемъ, особенно съ книгою книгъ—Евангеліемъ. Несмотря на всѣ уси́лхи церковно-приходской школы, несмотря на заботы „Общества распространенія книгъ Священнаго Писанія“, все же народъ нашъ мало знакомъ со Священнымъ Писаніемъ, о чемъ говорятъ не только отчеты упомянутаго Общества, но и ежедневный опытъ. Въ Америкѣ въ 1881 году былъ изданъ новый переводъ Библии на англійскій языкъ; въ первый же день появленія въ Нью-Йоркѣ его продано было 300 т. экземпляровъ, на другой день 200 т.; одна газета въ Чикаго по телеграфу напечатала все Евангеліе отъ Матѳея въ количествѣ $\frac{1}{2}$ милліона экземпляровъ, которые и распроданы были въ одинъ день ¹⁾. Британское Библейское Общество въ 1898 году распространило 4,387,000 экз. Библии и отдѣльныхъ священныхъ книгъ. Не то мы видимъ у насъ на Руси. Насколько слабо, вообще говоря, развито въ нашемъ народѣ чтеніе Священнаго Писанія, показываютъ ежегодные отчеты „Общества распространенія Св. Писанія въ Россіи“ хотя бы за одинъ годъ: въ 1897 году Обществомъ и его книгоношами было распространено всего только

¹⁾ Заокеанскій Западъ въ религіозно-вр. отношеніи А. Лопухина. С.-Пб. 1887 г., стр. 19.

74,456 экземпляровъ священныхъ книгъ. Съ начала же дѣятельности Общества, больше чѣмъ за 20 лѣтъ, 1,897,574 экземпляровъ. На 87 милліоновъ православныхъ людей такое число нужно считать очень скромнымъ.

Отсутствіе у нашего народа твердыхъ религіозныхъ понятій объясняетъ собою многія печальныя явленія его религіозной жизни. Въ вѣрованіяхъ народа, какъ и 1000 лѣтъ тому назадъ, есть много языческихъ суевѣрій, хотя утратившихъ свой опредѣленный смыслъ, но для народа все же близкихъ и дорогихъ. Такъ, въ народѣ твердо еще держится вѣра въ домовыхъ, русалокъ, лѣшихъ, кикиморъ, въ колдовство, сглазь, порчу, въ сны и гаданья; какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ, въ болѣзняхъ онъ обращается къ знахарямъ, наговорамъ, онахиванью села; съ христіанскими праздниками у него соединяются языческія суевѣрія. Слабымъ развитіемъ религіознаго знанія объясняется, далѣе, формальный взглядъ на православную вѣру и формальное же отношеніе къ ней. Нерѣдко народъ нашъ, не понимая смысла и значенія богослуженія, таинствъ и обрядовъ, довольствуется только внѣшней ихъ стороною, полагая, что именно эта послѣдняя заключаетъ въ себѣ какую-то магическую силу и дѣйствіе. Въ томъ же слабомъ развитіи въ нашемъ народѣ религіознаго знанія можно находить и причину быстрого развитія въ немъ за послѣднее время различныхъ сектъ. Сектантство,—явленіе, чуждое для насъ по духу, наносное,—растетъ и развивается на почвѣ религіознаго знанія, отрѣшеннаго отъ руководства Церкви. Сектантъ, кто бы онъ ни былъ, къ какой бы сектѣ ни принадлежалъ, всегда идетъ на пропаганду съ опредѣленными взглядами, съ извѣстной суммой религіозныхъ знаній, почерпнутыхъ въ мутныхъ источникахъ. Ложному знанію нужно противопоставить истинное,—а этого знанія истинны въ нашемъ народѣ часто и не замѣчается; и если нашъ крестьянинъ идетъ въ слѣдъ неприваннымъ учителямъ, то въ большинствѣ случаевъ—по причинѣ своего невѣдѣнія.

Но если народъ нашъ мало знаетъ въ области вѣры православной и не можетъ дать яснаго отвѣта вопрошающему, то нельзя сказать, что онъ и не хочетъ знать,—нѣтъ, онъ любить знанія и жаждетъ ихъ, чутко прислушивается къ тому, чему его учать; всего лучше это доказывается громаднымъ успѣхомъ церковно-приходскихъ школъ, религіозно-нравственныхъ чтеній, значительнымъ за послѣднее время распространеніемъ въ народѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Вообще, въ народѣ нашемъ наблюдается въ послѣднее время значительное пробужденіе религіознаго сознанія. Народная масса теперь далеко не та, какою она была 50 лѣтъ назадъ. За это время жизнь несомнѣнно ушла впередъ, и народъ не остался внѣ этого движенія. Развитие городской и промышленной жизни, привлекающее изъ деревни десятки тысячъ рабочаго люда и ставящее его въ близкое сношеніе съ городомъ, быстрое развитіе грамотности, дающее основаніе ожидать, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ у насъ будетъ всеобщая грамотность,—все это говоритъ за то, что народъ нашъ въ умственномъ отношеніи сдѣлалъ значительные шаги впередъ. Мысль народная уже не довольствуется своимъ предшествующимъ скуднымъ содержаніемъ: духъ пытливости, жажда выхода изъ беспросвѣтнаго мрака, въ которомъ она находилась до этого времени, — таковы основныя черты въ настроеніи народа.

Предъ духовенствомъ въ настоящее время во всей своей силѣ стоитъ вопросъ о томъ, чтобы во-время удовлетворить запросы народной души, ума и сердца; утолить духовную жажду народа отъ чистаго источника—Церкви. Это вопросъ первостепенной важности, и дай Богъ, чтобы русское духовенство съ силою и энергіей взялось за его разрѣшеніе: здѣсь вопросъ о жизни и счастіи не только народа и самого духовенства, но и всей Россіи. Свящ. *В. Пестряковъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки).

(По поводу столѣтія со дня его рожденія).

Во время командировки въ Малороссію Глинка работаль надъ созданіемъ оперы „Русланъ и Людмила“ и съ усердіемъ занимался изданіемъ церк. напѣвовъ, круга простого церковнаго пѣнія и выправкою обѣдни. Какъ добросовѣстный художникъ, онъ съ уснѣхомъ и нѣкоторымъ увлеченіемъ трудился въ новой для него области искусства. „Каждый часъ,— писалъ онъ къ К. Кукольнику въ 1838 г. изъ Каченовки,—я болѣе сдружаюсь съ своею должностію и, еще разъ повторяю, въ скоромъ времени буду знать все требуемое въ точности“.

Служба Глинки въ капеллѣ продолжалась, какъ мы уже говорили, недолго. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ командировки Глинка, всецѣло занятый „Русланомъ“, почувствовалъ неудобство совмѣщенія композиторства съ обязанностями чиновника Придв. капеллы, постоянно отвлекавшими его отъ художественнаго творчества, и онъ началъ, поэтому, тяготиться занятіями съ пѣвчими капеллы и рѣже посѣщать классы. Это обстоятельство подвергло его даже замѣчанію, хотя и сдѣланному въ вѣжливой, дружеской формѣ, со стороны директора капеллы А. Ѳ. Львова, который, какъ кажется, не исполнилъ сочувствовалъ композитору. А такъ какъ въ это самое время Глинка разошелся съ своею женой и вслѣдствіе этого долженъ былъ прекратить свѣтскія знакомства, то онъ рѣшилъ совсѣмъ оставить придворную службу и съ 18 дек. 1839 г. вышелъ въ отставку. Съ прекращеніемъ службы въ капеллѣ, естественно, прекратились и занятія церковнымъ пѣніемъ. Только уже въ послѣдніе годы своей жизни Глинка опять занялся церк. пѣніемъ, и притомъ весьма серьезно, не

¹⁾ См. № 29 за 1904 г.

ex officio, а по внутреннему влеченію и артистическому интересу къ нему. Возбужденіе этого интереса въ Глинкѣ къ церковному пѣнію, повидимому, находится въ связи съ увлеченіемъ его музыкальными классиками и старинными западными церковными композиторами. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ, какъ извѣстно, музыки почти не писалъ, ограничиваясь составленіемъ автобіографическихъ записокъ и приведеніемъ въ порядокъ своихъ сочиненій. „Муза моя молчитъ,—писалъ онъ въ ноябрѣ 1854 г. къ Кукульнику,—отчасти, полагаю, отъ того, что я очень перемѣнился, сталъ серьезнѣе и покойнѣе, весьма рѣдко бываю въ восторженномъ состояніи, сверхъ того мало-по-малу у меня развилось критическое возрѣніе на искусство, и теперь я, кромѣ классической музыки, никакой другой безъ скуки слушать не могу. По этому послѣднему обстоятельству, ежели я строгъ къ другимъ, то еще строже къ самому себѣ“. Онъ часто посѣщаль вечера камерной музыки у кн. Одоевскаго и Волконскаго и восхищался произведеніями старинныхъ мастеровъ церк. музыки въ исполненіи хора гр. Шереметьева подъ управленіемъ извѣстнаго Г. І. Ломакина. Подъ вліяніемъ этихъ высокихъ образцовъ церковной музыки Глинка и самъ попробовалъ сочинять церковную музыку съ ладовой гармоніей. Въ 1855 г. онъ началъ четырехголосную ектенію и переложилъ на 3 голоса „Да исправится молитва моя“ греч. распѣва. Обѣ піесы положены для мужескихъ голосовъ и были исполнены въ Сергіевской пустыни въ Великій постъ въ томъ же 1855 году. Архимандритъ пустыни приглашалъ и самого композитора пріѣхать послушать исполненіе своихъ опытовъ, но, по нездоровью, онъ не могъ быть въ пустыни въ назначенный день. По свидѣтельству самого Глинки, „эти опыты его въ церковной музыкѣ произвели нѣкоторый успѣхъ“. Повидимому, эти же свои произведенія онъ затѣмъ игралъ въ свѣтскихъ кружкахъ, интересовавшихся серьезной музыкой, и опять свидѣтельствуемъ объ ихъ успѣхѣ. И дѣйствительно, эти небольшія піески, при господствовавшемъ тогда направленіи въ рус-

скомъ церковномъ пѣніи, были настоящимъ откровеніемъ. Особенно переложеніе „Да исправится молитва моя“ представляетъ замѣчательный образецъ гармонизаціи церковнаго напѣва по своей необычайной простотѣ, стилистичности и народности. Великолѣпная, широкая и пѣвучая мелодія этого пѣснопѣнія, точно выдержанная въ I тенорѣ, сопровождается простой строго-діатонической гармоніей, рельефно выдвигающей особый ладъ и характеръ ея. Въ нѣкоторыхъ стихахъ замѣчательны окончанія въ параллельный миноръ (эолійскій ладъ), придающія пѣснопѣнію строго-народный характеръ. Самъ композиторъ скромно называетъ эти свои произведенія „опытами въ русско-славянской духовной музыкѣ“. Этимъ онъ достаточно ясно опредѣлилъ то направленіе, въ которомъ должно быть разрабатываемо наше церковное пѣніе. Очевидно, что и въ этой области онъ хотѣлъ стать на почву строго-національную, хотѣлъ очистить наше церковное пѣніе отъ чуждыхъ элементовъ, привнесенныхъ въ него, главнымъ образомъ, итальянцами.

Успѣхъ указанныхъ опытовъ въ церковной музыкѣ побудилъ Глинку обратить серьезное вниманіе на этотъ родъ искусства, и онъ началъ понемногу заниматься изученіемъ „церковныхъ тоновъ“, или ладовъ. Сознывая необходимость спеціальной подготовки къ разработкѣ церковнаго пѣнія, Глинка пришелъ къ мысли обратиться къ прежнему своему учителю Дену, изучить подъ его руководствомъ западные церковные лады и познакомиться съ образцами западной церковной музыки. „Это привело бы меня,—писалъ онъ къ Энгельгардту,—къ хорошимъ результатамъ“. Въ началѣ мая 1856 г. Глинка пріѣхалъ въ Берлинъ и, несмотря на свои 52 года и вполне установившуюся славу первокласснаго композитора, скромно приступилъ къ чисто ученическимъ занятіямъ подъ руководствомъ Дена. Съ большимъ прилежаніемъ и увлеченіемъ принялся онъ за изученіе строгаго стили по руководству Царлино и старинныхъ мастеровъ церковной музыки—Палестрины, Орландо Лаесо, Баха и др. Каждое утро

Глинка работалъ съ Деномъ и надѣялся пройти въ теченіе года полный курсъ полифонической музыки въ церковныхъ ладахъ; но, по мѣрѣ углубленія въ предметъ, онъ открывалъ въ немъ все новыя трудности, предолѣніе которыхъ требовало болѣе продолжительнаго времени; къ тому же, приходилось по временамъ совершенно прекращать занятія,—то вслѣдствіе болѣзненности композитора, то по причинѣ наступленія капикуль. „Съ Деномъ бьемся,—писалъ онъ черезъ 2 мѣсяца по прїѣздѣ въ Берлинъ,—надъ церковными тонами и канонами разнаго рода;—дѣло трудное, но парочито занимательное, а, дастъ Богъ, и весьма полезное для русской музыки“. 30 сентября 1855 г., слѣдовательно черезъ 4 слишкомъ мѣсяца, онъ уже писалъ: „Завтра снова принимается за дѣло. День намѣренъ работать со мною 2 раза въ недѣлю, слѣдующимъ образомъ постепенно довести меня до сочиненія фуги двойной, которой тема должна быть основана на церковныхъ гаммахъ, объ коихъ до сихъ поръ я еще не имѣю яснаго понятія. Вообще я могу сказать, что до сихъ поръ я еще никогда не изучалъ настоящей церковной музыки, а потому и не надѣюсь постигнуть въ короткое время то, что сооружено нѣсколькими вѣками“.

Нѣсколько тетрадей упражненій въ контрапунктѣ, оставшихся послѣ Глинки, свидѣтельствуютъ о большомъ интересѣ, съ которымъ онъ относился къ предмету своихъ занятій.

Кромѣ изученія западной церковной музыки, Глинка не оставлялъ безъ вниманія и опытовъ надъ обработкой русскаго церковнаго пѣнія. Онъ предполагалъ написать, по окончаніи изученія теоріи ладовъ, „опытъ (а не образецъ) литургіи Іоанна Златоуста въ русско-славянскомъ православномъ родѣ, но опрятно, на 3 и 2 голоса, не для хора, а для причетниковъ“, и для этого привезъ съ собой въ Берлинъ собраніе разныхъ старинныхъ напѣвовъ. Мы не знаемъ, приступилъ ли онъ къ выполненію этой задачи, и сохранилось ли

что-либо из того, что онъ успѣлъ сдѣлать; но можемъ судить о характерѣ предположенной литургической музыки по другимъ даннымъ. Въ бумагахъ композитора, относящихся ко времени занятій его съ Деномъ, сохранились нѣкоторые опыты его переложений церк. напѣвовъ, напр., обиходное „Христось воскресе“ на 3 голоса, подъ которымъ стоитъ надпись, что такъ онъ предполагалъ переложить это пѣснопѣніе для священнослужителей и народа („comme je pensois la faire pour les diacres et le peuple“). На основаніи этой надписи можно заключить, что въ такомъ же родѣ онъ предполагалъ гармонизовать и литургію. Переложеніе „Христось воскресе“ представляетъ дѣйствительно интересный образчикъ безусловно простой и общедоступной ладовой гармонизаціи обиходнаго напѣва. Все это показываетъ, что Глинка, съ одной стороны, глубоко понималъ истинныя потребности русскаго церковнаго пѣнія, а съ другой—имѣлъ въ виду стать въ церковной музыкѣ на путь народности, при чемъ полагалъ возможнымъ примѣненіе къ русскимъ церковнымъ напѣвамъ полифоническихъ формъ, выработанныхъ на западѣ. „Медленно, но прочно идутъ мои занятія съ Деномъ,—писалъ онъ въ послѣднемъ уже письмѣ изъ Берлина отъ 15 ноября 1856 г.:—все бьемся съ фугами. Я почти убѣжденъ, что можно связать фугу западную съ условіями нашей музыки узами законнаго брака“. Едва ли можно допустить, что Глинка имѣлъ въ виду примѣнить западный строгій стиль и церковные лады къ нашимъ церковнымъ напѣвамъ въ полномъ объемѣ, иначе говоря—механически пересадить западную церковную музыку на русскую почву. Западные церковные лады, несомнѣнно, ближе и родственнѣе русскимъ церковнымъ напѣвамъ, чѣмъ современныя мажорная и минорная гаммы; но все же они отличны отъ того звукоряда, на которомъ основаны эти напѣвы, и котораго немогъ не чувствовать такой тонкій художникъ, какъ Глинка. Повидимому, здѣсь дѣло шло о чисто технической подготовкѣ самого композитора въ отношеніи стиля вокальной музыки, доступной массамъ, объ усвоеніи

имъ выработанныхъ пріемовъ и средствъ въ этой сферѣ искусства, которые, при всей своей простотѣ, давали, напр., у Палестрины столь возвышенные и поистинѣ художественные результаты. Но, заимствуя техническую и формальную сторону искусства съ запада, нашъ композиторъ былъ необычайно устойчивъ и самостоятеленъ въ отношеніи основного содержанія музыки, которое состоитъ въ народно-церковной мелодіи съ ея своеобразными оборотами, ладами и ритмами. Всегда отличавшійся самостоятельностью въ художественномъ творствѣ, всегда искавшій въ искусствѣ правды, доступной его чувству, Глинка менѣе всего способенъ былъ въ данномъ случаѣ копировать западъ.

В. П—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О церковно-школьных хорахъ.

Доброе пѣніе вообще благотворно дѣйствуетъ на чело-
вѣка; а церковное пѣніе, осмысленно и хорошо выполняемое,
своимъ высокимъ содержаніемъ и прекрасными мелодіями
такъ благотворно, такъ чарующе вліяетъ на душу чело-
вѣка, что именно чувствуешь себя въ состояніи Владиміровыхъ по-
словъ, не знавшихъ на небѣ ли они, или на землѣ. Пѣніе
церковное возвышаетъ чувства, успокаиваетъ душу, исторгаетъ
у молящихся слезы умиленія. Самый черствый чело-
вѣкъ смягчается, чувства утончаются; чело-
вѣкъ возвышается надъ сво-
ими грубыми, низменными думами, чувствованіями... Но только
то церковное пѣніе производитъ такое впечатлѣніе, которое
исполняется осмысленно, толково, съ чувствомъ и благоговѣ-
ніемъ. Напротивъ, пѣніе небрежное, безъ чувства, исковер-
канное производитъ совершенно противное впечатлѣніе: оно
отталкиваетъ. Врожденное эстетическое чувство отличить въ
немъ ту какофонію, которая заставляетъ бѣжать прочь.

Въ виду того благотворнаго вліянія, какое производитъ
церковное пѣніе на душу, церковное Правительство вообще

и въ частности пастыри Церкви все принимали всегда мѣры къ тому, чтобы церковное пѣніе исполнялось сколь возможно лучше, истово, съ благоговѣніемъ, подобающимъ богослужбному дѣлу. И, надо сказать правду, и въ прежнее время и теперь въ нѣкоторыхъ селахъ можно встрѣтить дѣловыхъ, благоговѣйныхъ псаломщиковъ, пѣніе которыхъ, исполняемое истово по обиходнымъ распѣвамъ, толково и осмысленно, производитъ отрадное впечатлѣніе. Въ послѣднее же время (съ 1884 г.) забота о лучшей постановкѣ церковнаго пѣнія пошла дальше. И правительство и пастыри Церкви всеми мѣрами стремятся къ организаціи церковныхъ хоровъ, привлекая въ составъ ихъ и учащихя въ школахъ, и другихъ способныхъ лицъ прихода. Благодаря такимъ усиленнымъ заботамъ, нѣтъ почти теперь самой захолустной церкви, при которой бы не было хотя маленькаго хора. Въ всякаго сомнѣнія фактъ, что эти хоры производятъ уже гораздо болѣе благопріятное и сильное впечатлѣніе на молящихся, чѣмъ одноголосное пѣніе псаломщика. При всемъ томъ, нельзя не указать здѣсь на нѣкоторыя нежелательныя явленія въ организаціи нашихъ церковныхъ хоровъ,—явленія, которыя составляютъ недостатокъ почти всеѣхъ существующихъ хоровъ и не представляютъ прочнаго фундамента для ихъ существованія. Дѣло вотъ въ чемъ: когда наши старенькіе дьячки пѣвали въ церквахъ, то, правда, пѣніе ихъ не отличалось изяществомъ техники и чистотой голоса, но въ ихъ пѣніи прекраснымъ было то, что все церковное пѣніе они исполняли по обиходу, по нотамъ, держась строго тѣхъ напѣвовъ и мелодій, которыя изложены въ провѣренныхъ, издавна употреблявшихся въ Православной Церкви, потныхъ книгахъ. Тотъ не былъ хорошій дьячекъ, который не зналъ церковныхъ потъ и не умѣлъ нѣтъ обиходныхъ напѣвовъ. И пѣніе у этихъ дьячковъ выходило всегда какъ-то съ чувствомъ, съ благоговѣніемъ, какое-то особенное, свойственное именно только церковному богослуженію. Намъ доводилось не разъ слушать пѣніе дьячками Богородичныхъ (напр., „Кто Тебе не ублажитъ“), ирмосовъ малаго знаменнаго

и греческаго пѣвцовъ, исполняемыхъ по обиходу, и, признаемъ, впечатлѣніе, полученное отъ такого пѣнія, было далеко выше, чѣмъ отъ тѣхъ пѣвцовъ, какими исполняются эти пѣснопѣнія современными пѣвцами, безъ нотъ, на „общій гласъ“. Современныя намъ псаломщики и учителя церковныхъ школъ — организаторы церковныхъ хоровъ, почему-то никакъ не могутъ поладить съ нотами и съ обиходомъ, пытаются почему-то какую-то необъяснимую вражду къ обиходнымъ пѣвцамъ. Такое пренебрежительное отношеніе къ обиходнымъ пѣвцамъ и церковнымъ нотамъ можно еще извинить тѣмъ псаломщикамъ и учителямъ церковныхъ школъ, которые, не получивъ въ учебныхъ заведеніяхъ достаточнаго знакомства съ обиходомъ, не въ состояніи не только научить другихъ обиходному пѣнію, но и сами — плохіе знатоки его. Но никакъ нельзя извинить пренебрежительнаго отношенія къ обиходу и нотамъ, даже совершеннаго игнорированія ихъ, тѣмъ учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ и псаломщикамъ, которые получаютъ образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ц.-учительскихъ и второклассныхъ школахъ, гдѣ, согласно программамъ этихъ заведеній, церковное пѣніе должно изучаться основательно. Еще менѣе извинительно для такихъ организаторовъ церковныхъ хоровъ то, что, при обученіи пѣвцовъ священнымъ пѣснопѣніямъ, они не только не придерживаются обиходныхъ пѣвцовъ, а замѣняютъ ихъ какими-то своими партесными, взятыми на-прокатъ, со слуха. Намъ случалось слышать даже такое несуразное замѣчаніе, что „всѣ обиходные распѣвы устарѣли, тяжелы и даже изъ моды вышли“. Конечно, такое замѣчаніе — вздоръ и свидѣтельствуется лишь о недостаткѣ вкуса и о томъ, что нашимъ организаторамъ церковныхъ хоровъ недостаетъ усердія, терпѣнія и любви, чтобы и самимъ изучать церковныя мотивы по нотамъ, и пѣвцовъ научать церковнымъ нотамъ. Обыкновенно говорятъ: „нѣтъ возможности научить нотамъ“. Неправда. Развѣ ноты — не та же азбука грамоты? Развѣ въ духовныхъ училищахъ не учатъ нотамъ? Но никто, вѣдь, не согласится

съ тѣмъ, что можно обучать грамотѣ безъ азбуки и книгъ; никто не скажетъ, что такое обученіе будетъ прочно и основательно. То же самое должно сказать и о пѣніи безъ нотъ, безъ обихода. А между тѣмъ, только въ весьма немногихъ школахъ ведется правильно обученіе пѣнію по нотамъ и обиходу; а въ подавляющемъ большинствѣ школъ обучаютъ пѣнію только съ голоса. — Не спору, что первоначальное, на первыхъ порахъ, обученіе съ голоса необходимо: оно служитъ предварительной подготовкой къ развитію слуха и голоса и способствуетъ усвоенію небольшихъ пѣснопѣній, коротенькихъ композицій. — Но считать возможнымъ прочное, фундаментальное устройство церковнаго хора только на пѣніи съ голоса, безъ нотъ, намъ кажется болѣе, чѣмъ неудобнымъ. Приведемъ примѣры: наблюдали мы такое явленіе въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ хоры построены только на пѣніи съ голоса: напѣвы общеупотребительные, пѣснопѣнія самыя знакомыя дотого перековерканы, что и узнать ихъ трудно. Иначе не можетъ и быть безъ нотъ: каждый учитель поетъ только ему извѣстный напѣвъ — и притомъ, не зная нотъ и не обучая таковымъ, учить, какъ ему въ голову взбредетъ. Примѣромъ пояснимъ еще лучше: въ N школѣ въ теченіе 3 лѣтъ былъ учитель, который училъ только съ голоса. Онъ разучилъ такіе-то напѣвы. Въ концѣ 3 года, по окончаніи учебнаго времени, онъ уѣхалъ. Всю весну и лѣто пѣвчіе кое-какъ пѣли безъ учителя; но, не зная нотъ, многое перезабыли, другое перековеркали. Къ осени пріѣзжаетъ новый учитель съ запасомъ *своихъ* напѣвовъ. Спрашиваетъ на свѣвкѣ: „что у васъ пѣли до сего времени и какъ пѣли?“ — „А разное пѣли.“ — „Не споете ли что-нибудь?“ — „Не споемъ, да и кто его запомнитъ все, что пѣли; вѣдь оно не записано!“ — „По крайней мѣрѣ, хоть какой напѣвъ?“ — „Кажется, такой, а, впрочемъ, не знаемъ“. И новому учителю приходится начинать снова. Но, слѣдуя прежней практикѣ, учить только съ голоса, оставляя чрезъ 3—4 года своему намѣстнику начинать работу тоже съ начала. Подобныхъ явленій не было бы, если бы обученіе

пѣнію, кромѣ обученія съ голоса, преподавалось по нотамъ. Помимо того, что строго-церковныя пѣвцы сохранялись бы тогда въ неисковерканномъ видѣ, не привносились бы въ церковныя мотивы чуждые имъ разныя виртуозныя, замысловатые „тальянскіе“ пѣвцы, церковныя хоры были бы организованы на прочномъ основаніи; пѣвцы не забывали бы разученныхъ пѣвцовъ, какъ не забываетъ грамоты основательно изучившій азбуку и склады. Знанія нотнаго обиходнаго пѣнія хранились бы долго-долго въ памяти учениковъ, и новому учителю,—какъ бы они часто ни мѣнялись,—приходилось бы только поддерживать и усовершенствовать знаніе нотнаго обиходнаго пѣнія. И самая программа нотнаго пѣнія въ церковныхъ школахъ требуетъ обученія пѣнію по нотамъ. Но, повторяемъ, намъ извѣстны только весьма немногія школы, гдѣ обучаютъ нотамъ. Въ большинствѣ же школъ учатъ только съ голоса, нотъ же и въ поминѣ нѣтъ; а высланные обиходы составляютъ лишь лишнюю кладь въ шкафахъ.

Слѣдовало бы, въ виду весьма важнаго значенія церковнаго пѣнія, обратить самое серьезное вниманіе на то, чтобы обученію церковному пѣнію была дана болѣе серьезная постановка, и чтобы оно преподавалось непременно по нотамъ, по обиходу. Этимъ церковнымъ хорамъ было бы положено прочное основаніе. И прежде всего, для выполненія этой серьезной задачи, необходимо, чтобы отъ кандидатовъ на псаломщическія мѣста требовалось обязательно знаніе церковнаго обихода, чтобы псаломщикъ могъ быть первымъ помощникомъ учителю въ организаціи хора, а въ случаѣ отсутствія учителя, могъ замѣнять его въ управленіи хоромъ¹⁾. То же самое требованіе знанія церковно-обиходнаго пѣнія, само собой разумѣется, должно быть предъявляемо и къ кандидатамъ на учительскія мѣста, кромѣ лицъ, получающихъ образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ и второклассныхъ

¹⁾ *Прим. Ред.* Желать этого можно, но достигнуть трудно, въ виду плохой матеріальной обеспеченности должности псаломщика.

школахъ, гдѣ, по программамъ, обученіе пѣнію проходитъ основательно. Тѣмъ же изъ такихъ кандидатовъ, которые не обладаютъ голосовыми средствами, можно посоветовать: изучить основательно теорію пѣнія, а для практики—озаботиться изученіемъ игры на скрипкѣ или др. инструментѣ. — Кстати о скрипичной игрѣ. Рѣдко въ настоящее время можно встрѣтить учителя, который бы училъ пѣнію подь скрипку. Обыкновенно учать съ голоса. Помимо того, что обученіе съ своего голоса очень и очень тяжело для учителя и не каждому подь силу, въ хорахъ, обученныхъ только съ голоса учителя, прислушасьяся — ни одного чистаго звука, ни одного правильнаго тона. Между тѣмъ хоры, обученные подь скрипку, обладаютъ чистыми и правильными тонами. Въ виду этого, весьма желательно (а въ пѣкогорыхъ епархіяхъ, напр., Пермской, вошло въ законное требованіе), чтобы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ц.-учительскихъ и второклассныхъ школахъ, дающихъ наибольшій контингентъ учащихся, помимо непремѣннаго обученія церковному пѣнію по нотамъ, преподавалась и скрипичная игра, какъ наиболее удобное вспомогательное средство при регентованіи и организаціи хоровъ (Вол. еп. вѣд., 1904 г., № 14).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 19-го іюля 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 1-го августа.

Содержаніе: Одна изъ главнѣйшихъ мѣръ къ усиленію вліянія церковной проповѣди на слушателей.—Современная русская дѣйствительность и предъявляемые ею требованія къ дѣятельности православнаго пастыря (продолженіе).—М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки (окончаніе).

Одна изъ главнѣйшихъ мѣръ къ усиленію вліянія церковной проповѣди на слушателей.

Церковная проповѣдь имѣетъ главною цѣлью своею наученіе слушателей закону Божію. Такъ именно смотритъ на проповѣдь и народъ, и этого именно прѣжде всего и ждетъ онъ отъ нея. Но евангельскій законъ данъ Господомъ не для теоретическаго изученія; такое изученіе святыхъ истинъ само должно быть средствомъ къ исправленію испорченной грѣхомъ человѣческой природы: затѣмъ и нужно знать законъ Божій, чтобы *совершенно былъ человекъ, святъ*, подобенъ Законодателю-Господу Иисусу Христу. Значитъ, каждая церковная проповѣдь имѣетъ для слушателей свое: „вы должны“...

Послѣ проповѣди заповѣдь евангельская должна стать не ясной для умственного взора слушателя, но „сладкой“ и „любезной паче злата и топазія“ (Пс. 118, 127) для сердца его, регулирующимъ началомъ его поступковъ. Предъ слушателемъ долженъ открыться новый горизонтъ, новая область, манящая его, привлекающая его. Это надо сказать прежде всего о всякой церковной проповѣди, написанной на текстъ, который содержитъ прямо выраженную заповѣдь, напр.: *благословите кланущія вы*. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ не содержитъ прямой заповѣди (напр.: *Бога никтоже видѣ нидѣже...*), существеннымъ элементомъ проповѣди будетъ элементъ дидактическій, существенною частью ея будетъ призывъ слушателей *къ хожденію во свѣтъ*, къ служенію Богу. Въ проповѣдяхъ, написанныхъ или изустно произносимыхъ по какому-нибудь радостному или печальному случаю (напр., послѣ пожара, во время эпидеміи, по случаю войны, голода, ливня, смерти близкаго человѣка, при открытіи читальни, школы и т. п.) учительный элементъ выступаетъ очень рельефно. Даже похвальные слова святымъ—и тѣ имѣютъ цѣлью повліять на волю слушателей. Отсюда ясно, что главной задачей каждой церковной проповѣди является воздѣйствіе на волю слушателей, возбужденіе ихъ къ богоугодной дѣятельности. Церковная проповѣдь должна содѣйствовать возникновенію и процвѣтанію среди вѣрующихъ „благихъ страстей“, потому что, по выраженію Паскаля, „добродѣтели: милосердіе, жалость, постоянство суть тоже страсти“¹⁾. Потому-то, одною изъ существеннѣйшихъ составныхъ частей проповѣди является *правственное приложеніе*, и въ немъ часто встрѣчается повелительное наклоненіе.

Но въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются и въ обществѣ и въ печати голоса, что современная церковная проповѣдь мертва; что изъ нея выдохлись духъ и жизнь; что она не дастъ хлѣба для души слушающихъ. Отсюда, въ нани

¹⁾ „Мысли (о религіи)“, пер. съ фр. Первова, стр. 273, 2-ое изд.

дни наблюдается и отношеніе къ проповѣди, діаметрально противоположное тому, каково было въ древности. Тогда приходили въ храмъ для того, чтобы послушать проповѣдь, и потомъ, какъ и теперь, нѣкоторые удалялись, вслѣдствіе чего проповѣдь была перенесена къ концу литургіи: надо было удерживать вѣрующихъ до конца богослуженія; теперь же приходятъ послушать пѣвчихъ, а съ началомъ проповѣди идутъ вонъ изъ церкви, говоря, что современная проповѣдь является только напрасною тратой времени, что она нисколько не вліяетъ на слушателей.

Гдѣ же причина дѣйствительно-таки слабого вліянія церковной проповѣди на слушателей?—Многіе указываютъ ее въ томъ обстоятельствѣ, что современные священники—будто бы *плохіе пастыри*. Въ своей жизни они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ духовныхъ чадъ: ссорятся, заражены корыстолюбіемъ, лѣнностью, не соблюдаютъ постовъ и т. д. и т. п. Св. ап. Павелъ завѣщаль пастырямъ: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистою* (I Тим. 4, 12); а они не помнятъ этого завѣщанія: ни духъ ревности по Богѣ, ни любовь не сіяютъ въ нихъ. А безъ этого можно ли „зажечь глаголомъ“ своимъ сердца слушателей?—Вотъ почему ихъ проповѣдь неминуемо является слабою, лишена теплоты и свѣта. И народъ внемлетъ сильнымъ, одушевленнымъ рѣчамъ штундистовъ, а на проповѣдь своего пастыря смотритъ, какъ на дѣло официальное, совершающееся по обязанности. „Проповѣдь сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ“, привелось намъ слышать на дняхъ изъ устъ одного крестьянина.

Дѣйствительно, примѣръ—главный учитель, и если въ древней Церкви проповѣдь неотразимо вліяла на вѣрующихъ, то это обуславливалось въ огромной мѣрѣ нравственной силой проповѣдника. Довольно назвать здѣсь свв. Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Аѳанасія Великаго, Ефрема Сирина и др. Да и въ настоящее время этимъ же обуславливается несравненное вліяніе проповѣдей

досточтимаго Кронштадтскаго пастыря, которыя, въ сущности говоря, ни со стороны стила, ни со стороны содержания ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ большинства повсюду произносимыхъ проповѣдей.. Но если видѣть причину оскудѣнія силы проповѣди только въ томъ, что современные священники не отличаются пастырскими качествами, то нельзя упускать изъ виду также и того, что и ручки пересыхаютъ, когда нѣтъ дождей. Вотъ почему, нужно ближе посмотреть на дѣлю, т. е. обратить вниманіе на священника, не какъ на пастыря только, а и какъ на проповѣдника; нужно взять самую проповѣдь и разобрать, какъ она составляется, что при этомъ имѣется въ виду, какіе приемы и средства употребляются, о чемъ свидѣтельствуетъ обычно встрѣчающееся содержаніе проповѣдей и ихъ особый, своеобразный стиль, а главное—отмѣтить, что въ наличной дѣятельности составителя проповѣди цѣлесообразно и полезно для осуществленія задачи ея, и чего надо избѣгать?

„Учить со властію“ могутъ немногіе. Ихъ слово—простое, краткое—способно и разрѣшить сомнѣнія и отогнать скорбь. Имъ нечего учиться психологін, чтобы знать, что сказать требующему и какъ сказать: у нихъ—горящее огнемъ милосердія сердце, они окружены ореоломъ святости. Но простой пастырь необходимо долженъ заботиться о развитіи именно проповѣднической, церковно-ораторской способности; долженъ знать приемы воздѣйствія на волю слушателей словомъ. Черезъ это онъ, если и не будетъ говорить „со властію“, то будетъ вліять, какъ другъ, какъ братъ,—а это—тоже достоинство, это тоже авторитетъ.

Значительное,—чтобы не сказать—подавляющее,—большинство современныхъ проповѣдей представляютъ собою разсужденія, хрін, написанныя по риторическимъ правиламъ. Въ нихъ есть и приступъ, и предложеніе и изложеніе—съ аргументами разныхъ родовъ, и нравственное приложеніе, и, наконецъ, заключеніе. Такимъ образомъ, онѣ имѣютъ всѣ вышнія средства, чтобы убѣдить рассутокъ, умъ слушате-

лей, что ту или другую заповѣдь нужно исполнять, напр., заповѣдь о молитвѣ. Но спрашивается: зачѣмъ здѣсь доказательства? Молитва есть извѣстное отношеніе, а не отвлеченный тезисъ. Зачѣмъ доказывать, что надо молиться? Этотъ приемъ былъ бы, можетъ быть, до нѣкоторой степени цѣлесообразнымъ, если бы проповѣдникъ говорилъ людямъ невѣрующимъ, раскрывая имъ ихъ обязанности. Но если онъ говоритъ вѣрующимъ, если онъ повторяетъ: „такъ говоритъ Господь Богъ“, то при чемъ здѣсь „аргументы“? Разъ это заповѣдь Божія, то надо ли приводить основанія для того, чтобы всѣ признали её требующею исполненія? Выслушивая цѣлый рядъ „аргументовъ“, иной можетъ совершенно искренно спросить: „да вѣруеть ли самъ проповѣдникъ въ Бога? Если вѣруеть, тогда нечего доказывать: заповѣдь дана Имъ,—Благимъ“. „Всѣ хорошія заповѣди у пасъ на лицо,—говоритъ Паскаль,—но вотъ вопросъ: какъ примѣнить ихъ на дѣлѣ?“ Такъ, думается, скажетъ и всякій христіанинъ. Нельзя *доказывать*, что мы должны жить такъ, а не иначе; можно лишь воздѣйствовать на волю и путемъ этого воздѣйствія постепенио перевоспитывать слушателей, измѣнять къ лучшему ихъ взаимоотношенія. И надо прямо возбуждать въ душахъ слушателей нужную эмоцію, надо прямо располагать ихъ сердце къ отношеніямъ, какихъ требуетъ отъ человѣка Господь.—Но допустимъ, что можно рассуждать, можно приводить основанія съ цѣлью воспитанія какого-нибудь святого чувства. И все же этимъ послѣднимъ путемъ нельзя достигнуть полезныхъ результатовъ, потому что волю направляютъ не умъ, не силлогизмы разсудка, не „холодныя идеи“, а,—какъ учитъ новѣйшая психологія, и какъ можетъ замѣтить всякій,—сердце, чувства. Все великое исходитъ отъ сердца. Пусть, напр., невѣрующій убѣдится, что *не мѣш*е молиться; пусть онъ понялъ (лишь понялъ!), какой именно смыслъ имѣетъ молитва... Какіе же получатся плоды отъ этого пониманія? *И бтси вѣрують*,—но интеллектуальная вѣра не измѣняетъ ихъ враждебныхъ отношеній къ Богу...

Думаемъ, теперь ясно, что это, „во-первыхъ“; „во-вторыхъ“... „слѣдовательно“ не должны имѣть мѣста въ церковной проповѣди; здѣсь требуется, наоборотъ, такая же энергичная борьба съ силлогизмомъ, какую проявляли Бэконъ или Декартъ. А между тѣмъ, мы видимъ употребленіе силлогизма въ проповѣди, которая и кончается, по большей части, словомъ: „слѣдовательно“... Возьмемъ, напр., „exemplum“. Несомнѣнно, примѣръ Спасителя, апостоловъ, св. угодниковъ способенъ окрылить человѣческую волю; а ему—„этому примѣру“—отводится мѣсто *среди доказательствъ* необходимости исполненія той или иной заповѣди. Затѣмъ и указываютъ на примѣръ, чтобы ясно стало, что нужно любить, прощать обиды, быть нестяжательнымъ. А потому, надобно признать, что проповѣдь-разсужденіе не достигнетъ цѣли своей, не повліяетъ на волю,—она лишь смиритъ, если можно такъ выразиться, разумъ. Гдѣ нѣтъ доказательствъ, гдѣ простое изложеніе заповѣди,—даже и тамъ вліяніе проповѣди сильнѣе, чѣмъ отъ самыхъ блистательныхъ разсужденій, въ которыхъ каждое положеніе обосновано нѣсколькими „аргументами“.—Итакъ, *безполезно излагать причины любви къ другимъ, молитвы, шлюмудрія, кротости, потому что эти добродѣтели — отношенія, а не абстрактныя положенія*. Проповѣдь-разсужденіе есть дочь средневѣковой схоластики съ ея склонностью къ безконечной дробности, хитросплетеніямъ, діалектическимъ курьезамъ и т. д. Мы полагаемъ, что наука—сама по себѣ, а живое проповѣдное слово—само по себѣ, и не зачѣмъ смѣшивать одно съ другой, или, что всегда бываетъ, замѣнять второе первой. Великіе вселенскіе учителя и проповѣдники побуждали своихъ слушателей къ исполненію закона Христова не „аргументами“; ихъ проповѣди—не разсужденія:—они выставили мотивы для воли.

Происхожденіе проповѣдей-разсужденій обусловливается, намъ кажется, неправильнымъ воззрѣніемъ на христіанство. въ немъ видятъ *доктрину*. Но это—странное, глубоко ошибочное воззрѣніе. Обыкновенная, напр., философская док-

трина представляетъ изъ себя цѣль положеній; раскрытіе одного какого-нибудь положенія неизбѣжно связано съ аргументаціей его, съ полемикой и т. п. приѣмами; тамъ приходится возвращаться въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Притомъ же, всякій мыслитель, хотя бы и самый геніальный, нисколько не застрахованъ отъ заблужденія; значитъ, въ разсужденіи, которое имѣетъ своимъ эпиграфомъ слова изъ сочиненія какого-нибудь философа, можно — и даже должно — прибѣгать къ аргументамъ. Иное дѣло проповѣдь. Можно ли христіанство приравнивать къ доктринамъ?—Евангеліе, говоря словами поэта, есть „хлѣбъ души и врачеванье, и сладкій даръ благихъ небесъ“; это—манна для души, вода животворная; это—пища алчущихъ правды, высшаго порядка... Христіанство, — скажемъ отвлеченно, — есть *система человѣческихъ отношеній къ Богу, ближнимъ и самому себѣ*, а не доктрина. Это значитъ, что христіанство занимается не спекулятивными, метафизическо-отвлеченными вопросами, а учитъ, какъ надо жить, какъ надо относиться къ другимъ, къ себѣ, къ Богу. Оно ставитъ отчетливо высокій идеалъ для челоѣческой воли, когда говоритъ: „дѣлай благо, люби ближнихъ, вѣруй въ Бога“; оно занимается челоѣческими отношеніями, — однихъ требуетъ, другія призываетъ оставить; оно не требуетъ отъ челоѣка: „будь уменъ, знай какъ можно больше“, — вѣтъ, оно требуетъ: „живи правдивенно“. Христіанство—система жизни, а не положеній разсудка; оно—сама жизнь. Нельзя, значитъ, доказывать обязанности, надо лишь побуждать, направлять на путь ихъ исполненія. Часто приходится слышать, какъ народъ, идя изъ церкви, говоритъ: „мы знаемъ, что надо жить по-Божьи, — но какъ начать?“ Этимъ народъ, такъ сказать, отбрасываетъ отъ себя логическіе доводы; онъ знаетъ, что надо быть добрымъ христіаниномъ, но слабая, надломленная долговременными дурными навѣками, воли не подчиняется доказательствамъ и требуетъ болѣе вліятельныхъ стимуловъ для себя, при помощи которыхъ спящее желаніе перейдетъ въ горячее стремленіе къ очищенію.

нію, отложенію грѣха; разсудокъ же съ своими силлогизмами безсиленъ сдѣлать это.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы наполнять проповѣдь соображеніями, *почему* мы должны слушать и исполнять Слово Божіе, надлежитъ прежде всего объяснить самую заповѣдь, или вообще слова текста, чтобы слушатели конкретно, осязательно представили себѣ, чего именно требуетъ отъ нихъ Слово Божіе, чтò именно они должны дѣлать. Предъ ними должна явиться перспектива. Иногда текстъ является неудобовразумительнымъ,—тогда и прямо необходимо выяснить его, показать, напр., дѣйствительно ли надо „отсѣкать руку“ или „выкалывать глаза“. Сдѣлавъ это, проповѣдникъ укажетъ слушателямъ картину жизни, которая любезна Богу... И мы встрѣчаемъ въ святоотеческихъ проповѣдяхъ неподражаемые образчики такихъ объясненій. Кто знаетъ? вѣдь можетъ случиться, что однимъ простымъ объясненіемъ достигнуты будутъ поразительно богатые результаты.—Быть можетъ, въ виду такой живой силы объясненія,—ихъ часто называютъ *доказательствами*, т. е., выражаясь вульгарно, мѣряютъ неподражаемо великія святоотеческія поученія на свой аршинъ. Намъ лично приходилось слышать, какъ въ старшихъ классахъ семинаріи воспитанники, разбирая поученія св. отцовъ, позволяли себѣ говорить: „здѣсь, въ началѣ проповѣди, *доказывается* естественность (той или другой) заповѣди“, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ тамъ лишь *показывалась* проповѣдникомъ заповѣдь. Да и опять—можно ли *доказывать отношенія?* Пусть вмѣсто вступленія явится свѣтлая, высокая Христова заповѣдь, ясная для ума слушателя, небесно-прекрасная, божественная, изливающая райскій ароматъ!... Если это удалось, то естественно, органически-стройно примкнетъ къ объясненію другая часть проповѣди—нравственное приложеніе, и явится проповѣдь понятная, краткая и, можно сказать, обладающая неотразимою силою вліянія на слушателей. Этимъ проповѣдникъ укажетъ слушателямъ

лучшую жизнь, лучшія отношенія, такъ сказать, землю обфтованную.

Другой вопросъ: какъ исполнить заповѣдь?—Это всегдашній трудный вопросъ у людей, изнывающихъ подъ игомъ грѣховныхъ страстей, но желающихъ спастись. И для проповѣдника здѣсь вырастаетъ вопросъ: какъ повліять на волю слушателей? какъ возбудить въ нихъ стремленіе къ богоугоднымъ дѣламъ? Когда человѣкъ спрашиваетъ, какъ ему исполнить заповѣдь, то вѣдь этотъ вопросъ можетъ быть переведенъ простою просьбой: „воспламените въ моей душѣ любовь къ добру и ненависть къ пороку!“—Какъ же это сдѣлать?

Изъ психологій извѣстно, что главнымъ двигателемъ человѣческой воли является чувство. Это мы уже и выше отмѣтили, теперь же не мѣшаетъ на этомъ пунктѣ остановиться подольше. Одинъ изъ выдающихся психологовъ (Ал. Фулле) защищалъ не такъ давно совѣтъ другой тезисъ—*объ идеяхъ-силахъ*; но онъ упустилъ изъ виду, что идея лишь тогда становится силой, когда связана съ какимъ-нибудь чувствомъ; безъ этого же она—не сила. Слабы, поэтому, и разсудочныя, умозрительныя доказательства; выражаясь образно, воля не признаетъ за ними авторитета и почти совѣтъ не подчиняется имъ. И ученые (напр., Ж. Пейо, въ книгѣ—„Воспитаніе воли“), и наблюденія надъ другими людьми, и самоличныя опыты каждаго убѣждаютъ насъ, что лишь тамъ начинается могучая, энергическая дѣятельность, гдѣ участвуетъ сильное чувство, а безъ чувства дѣятельность вяла, блѣдна, готова каждый мигъ прекратиться. Пьяница прекрасно сознаетъ вредъ пьянства,—и все же не можетъ бросить свою страсть; боящійся чего-нибудь обнаруживаетъ удивительную изобрѣтательность, направленную къ избавленію отъ опасности (мы, конечно, говоримъ не объ ужасѣ); а чего не дѣлаетъ человѣкъ, побуждаемый славолубіемъ? Паскаль говоритъ: „слава такъ пріятна намъ, что мы съ радостью умерли бы, лишь бы объ этомъ потомъ говорили другіе“. Чтобы ощутительнѣе представить разномѣрность силъ—въ чувствѣ и въ разсудкѣ

съ его аргументами, мы приведемъ простой примѣръ. Положимъ, въ окно стучится нищій; я думаю, что надо дать,—разсудокъ меня убѣждаетъ, и я даю. Но пусть вступится чувство состраданія! Тогда моя милостыня будетъ несравненно превосходитье первой моей подачи. Вообще же, чувство отличается столь явственно выраженнымъ динамическимъ характеромъ, что, можно сказать, мы не видимъ безчинства, насилій,—словомъ—земного ада вслѣдствіе этого именно характера чувства; большинство людей ведетъ себя прилично, будучи удерживаемо страхомъ, а не благоразуміемъ... Пользуясь этимъ, проповѣдникъ долженъ возбудить въ слушателяхъ нужныя чувства — ненависть къ грѣху, къ скотоподобію и любовь ко Христу и Его св. закону. Если затеяются чувства, то начнется движеніе воли, исправленіе жизни.

Для возникновенія же какого-либо чувства нужно, чтобы явственно всталъ въ сознаніи объектъ чувства, потому что каждое чувство бываетъ къ кому или къ чему-нибудь. Чтобы испытать чувство страха, надо видѣть опасность; чтобы завидовать, надо опять-таки имѣть предъ собой объектъ, на который простирается наше чувство и т. д. Конкретный образъ имѣетъ невѣдомую силу; онъ твердо отпечатлѣвается въ душѣ, овладѣваетъ вниманіемъ и неотразимо дѣйствуетъ на волю. Чѣмъ полнѣе обрисованъ образъ, чѣмъ симметричнѣе расположены его характеристическія черты, тѣмъ большій получается эффектъ, тѣмъ интенсивнѣе отъ созерцанія его чувство. Потому-то какой-нибудь „сказочникъ“, стараясь рассказать дѣтямъ „страшную“ сказку, до мельчайшихъ подробностей описываетъ одушевленные и неодушевленные предметы, чтобы они пластически отобразились въ сознаніи слушателей; для этой же цѣли онъ допускаетъ всевозможныя мимическіе приемы.

Чувство является отъ представленія какого-нибудь образа. Отсюда понятно, что долженъ дѣлать проповѣдникъ для насажденія въ слушателяхъ чувствъ—этихъ фундаментовъ, этихъ факторовъ исправленія образа жизни:—онъ долженъ

мыслить образами и выставлять въ проповѣди образы, которые привлекали бы къ слѣдованію за Христомъ и отклоняли отъ зла. Значить, разсужденіе не такъ цѣнно, какъ описаніе и повѣствованіе, потому что само разсужденіе должно преобразиться въ описаніе, чтобы представить нужный образъ. Отвлеченныя формулы не могутъ наглядно изобразить порокъ и добродѣтель и не могутъ склонить къ послѣдней и отклонить отъ перваго. Нужны образы, художественность, ярко-озаренная перспектива...

Всякая церковная проповѣдь, сообразно съ своей основной задачей, касается двухъ состояній слушателя—настоящаго, наличнаго и будущаго, желательнаго; она имѣетъ въ виду научить, т. е. поставить слушателей въ новое положеніе. Гоголь говоритъ, что для христіанина нѣтъ оконченнаго курса; онъ вѣчно видитъ предъ собой новыя и новыя горизонты, предъ нимъ всегда сіяетъ даль. Христіанину нельзя стоять на одномъ мѣстѣ: достигши одного, исполнивъ одно, онъ видитъ предъ собой еще большее совершенство и стремится перейти отъ силы въ силу. Поэтому, проповѣдь должна изобразить настоящее состояніе, какъ такое, оставаться въ какомъ не достойно, и изъ котораго у слушателя явилось бы желаніе выйти. Куда выйти? — Предъ нимъ развернута перспектива, предъ нимъ сіяетъ даль. Сильнѣйшимъ чувствомъ человѣческой природы считается страхъ за свое благополучіе, желаніе себѣ счастья, или, какъ называютъ философы, чувство самосохраненія. Благодаря этому чувству, естественно и стремленіе измѣнять свои поступки. Проповѣдникъ и долженъ изобразить грѣховное состояніе, какъ опасное, какъ болѣзненное, угрожающее въ будущемъ неисчислимыми бѣдствіями. Этимъ онъ нарушитъ закоренѣлую безпечность въ безднѣ грѣховной сладости валяющагося, и въ душѣ послѣдняго явятся тревога и смущеніе. Равнодушіе—самый страшный врагъ добродѣтели; а потому, возникновеніе тревоги есть уже прогрессъ, есть колебаніе установившихся грѣховныхъ навыковъ. Тревога можетъ переродиться въ жалость къ себѣ,

къ своей слѣпотѣ, а это—уже нравственное чувство, богатое результатами (см. у Мартенсена: „Христіанское ученіе о нравственности“); эта эгоистическая скорбь можетъ измѣниться въ „печаль по Бозѣ“, которая, по слову апостола, *покаяніе во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. 7, 10).—Далѣе,—другимъ глубочайшимъ чувствомъ является состраданіе къ чужимъ бѣдствіямъ, или, по психологической терминологіи—симпатія. Св. Григорій Богословъ говоритъ, что въ насъ вложенъ „инстинктъ состраданія“ (слово „О любви къ бѣднымъ“); но онъ спитъ, задавленъ своекорыстными влеченіями, какъ цвѣтокъ сорными, дикими травами. Проповѣдникъ долженъ вызвать это чувство на свѣтъ, долженъ разрушить стѣсняющія это чувство другія чувства и страсти. А для этого прекраснымъ средствомъ является у него *изображеніе* несчастнаго положенія ближнихъ и неестественнаго положенія самого эгоиста; эти образы дадутъ силу слабому чувству, заставятъ дѣлать...

Среди обширной, необозримой проповѣднической литературы намъ не приходилось встрѣчать ничего величественнѣе слова св. Григорія Богослова „О любви къ бѣднымъ“. Оно истекло изъ глубины богопросвѣщеннаго сознанія и изъ нѣдръ горящаго любовью къ ближнимъ сердца. Какая проницательность психолога! Какіе чудные образы!.. Св. Григорій Богословъ такъ именно и составилъ свою удивительную проповѣдь, какъ того требуетъ психологія слушателей. Онъ сначала обрисовалъ полно состояніе слушателей, ихъ жизнь, какъ жизнь больныхъ и несчастныхъ, коль скоро она не согрѣта любовью, коль скоро она — сама для себя: „всѣ мы бѣдны,—говоритъ онъ,—бѣдны любовью, милосердіемъ“... Затѣмъ описываетъ положеніе прокаженныхъ, для которыхъ „заперто даже родительское сердце“. Подражаніе этому слову, равно какъ и другимъ святоотеческимъ поученіямъ, должно быть поставлено въ особую заслугу пастырю-проповѣднику.

Большое прилежаніе долженъ проявить пастырь, чтобы пріобрѣсти умѣнье описывать положенія, изображать, повѣ-

ствовать, потому что въ проповѣди необходимо *изобразить* и опасное положеніе грѣшника, и счастливое положеніе праведника, и несчастное положеніе бѣднаго меньшаго Христова брата и т. д.; надобно описать всю исторію болѣзни—страсти со всѣми перипетіями отъ дня ихъ появленія и до... ужаснаго конца. При этомъ, надо стараться быть художникомъ, а не фотографомъ, рабски копирующимъ дѣйствительность; если фотографія не возбуждаетъ эстетическаго чувства, то въ проповѣди она можетъ сопровождаться большимъ зломъ. Нѣтъ,—надо въ описаніе вносить типическія черты.. Этимъ отнюдь не требуется отъ каждаго проповѣдника художественное дарованіе Достоевскаго, Тургенева и т. д.; не требуется и большого ораторскаго таланта, какимъ обладали, напр., нѣкоторые св. проповѣдники. Надо лишь вчитываться въ проповѣди св. ораторовъ, надо изучать ихъ приемы и... *подражать* имъ. Нечего страшиться самаго термина „художественное изображеніе“. Мы укажемъ на опаснѣйшаго врага всякой художественности, это—*общія мѣста*. Что бѣльмо для глаза, то общія фразы для проповѣди. А между тѣмъ, онѣ—заурядное, постоянное явленіе, напр.: „христіанскій постъ есть самое вѣрное, самое дѣйствительное цѣлебное средство, очищающее нашу душу отъ болѣзней грѣховныхъ и тѣмъ дающее ей на землѣ возможность жить богоугодно, а на небѣ—получить блаженное прославленіе и безсмертіе“; или: „всѣ мы часто грѣшимъ, братіе! Мы и сребролюбцы, и уживаемся, и гнѣваемся, родителей не чтимъ, завидуемъ и лѣнимся, и имя Бога Великаго всеу приедемъ, и вообще Бога забываемъ. Какой грѣхъ не сдѣлали мы? Какое беззаконіе не исходитъ отъ надломленной грѣхомъ воли нашей?“ Возьмемъ вторую выдержку и выяснимъ, почему надо избѣгать подобныхъ приемовъ, опредѣлимъ ея цѣнность. Что такое: „сребролюбцы“? что значить: „лѣнимся“?—Это—общія мѣста, это—„понятныя слова“,—но понятныя не исполнѣны. Съ ними не соединяется представленіе чего-либо страшнаго, вредящаго нашему же благополучію; наоборотъ, отъ неполноты пониманія эти со-

стоянія представляются почти счастливыми состояніями. Съ этими словами мы познакомились въ дѣтствѣ; бѣглыя наблюденія явленій дали намъ возможность уразумѣть, что такое лѣнность, кого называютъ сребролюбцемъ. Разъ есть слово, и съ нимъ соединено хотя бы неясное и неполное представленіе, душа считаетъ предметъ, обозначаемый этимъ словомъ, знакомымъ и сама, такъ сказать—по доброй волѣ, не входитъ въ детальное разсмотрѣніе содержащагося въ этомъ словѣ. Слово—*скорлупа*—скрываетъ многое, а открываетъ немногое, и нужны анализъ, освѣщеніе, изслѣдованіе, чтобы всплыло все содержаніе, таящееся подъ этимъ словомъ. А чрезъ краткіе словесные *значки*, въ родѣ „сребролюбецъ“, „гниѣваемся“, въ душѣ являются туманные, неполные, изорванные, такъ сказать, образы, не обладающіе способностью возжечь какого-либо чувства. Предстоящій слушаетъ равнодушно эти слова, не видя пропасти, въ которую несутъ его страсти, успокоиваясь тѣмъ, что и всѣ такъ дѣлаютъ. А надо, чтобы онъ видѣлъ зіяющую пропасть, чтобы онъ убоился своего положенія; значить, нужны пышные, полные, могучіе образы,—а это достигается тщательнымъ, художественнымъ описаніемъ явленія, хотя бы, напр., сребролюбія. Надо раскрыть слово, какъ какой-нибудь сосудъ, и показать содержащееся въ немъ. Въмѣсто перечня пороковъ нужно показать самый порокъ и его слѣдствія, надо показать жизненные отношенія, пропитанныя ядомъ грѣховнымъ. Общія мѣста служатъ признаками лѣниваго, неподвижнаго воображенія; слова въдѣ суть своего рода окаменѣлости,—надо всемѣрно избѣгать пріемовъ, подобныхъ вышеприведеннымъ. Тогда описаніе приблизится на много градусовъ къ художественному, и вліяніе его удесятерится. Что же касается обычно встрѣчающихся въ художественныхъ произведеніяхъ троповъ, затѣйливыхъ эпитетовъ, фигуръ, то въ церковной проповѣди они не необходимы,—они, скажемъ по-житейски, суть то же, что кружева и ленты для костюма.

Всегда нужно осязательно, наглядно представлять, что перемѣнится слушатель *долженъ*, и что онъ *можетъ* это сдѣлать. *Долженъ* — потому, что чувство самосохраненія не мирится съ прежнимъ образомъ жизни; такъ какъ это приводитъ къ ясно указаннымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. *Можетъ* — такъ какъ указана другая дорога и свѣтлая область, такъ какъ ждетъ насъ тамъ милосердый Господь. Надо показать человѣку его самого. Умъ его, склонный къ *непщеванію вины о грѣсъ*, потемненный похотью, представляетъ ему настоящее положеніе вполнѣ счастливымъ; онъ даже уклоняется думать объ этомъ положеніи. Прямая обязанность проповѣдника — представить образъ жизни грѣшника предъ его умственнымъ взоромъ, указать результаты: страданія здѣсь, на землѣ, и за гробомъ, страданія окружающихъ, потому что грѣхъ одного ведетъ съ собою горе другимъ, потерю человѣческаго достоинства. Но свойственной человѣку безопасности, иной никогда и не задумывался надъ тѣмъ, что онъ такое, хороши ли его дѣйствія, не нужно ли перемѣнить ихъ... И вдругъ ему показываютъ его же образъ. Это — освѣщеніе, преданіе гласности!.. Оно походитъ на то, какъ если бы человѣкъ, наслаждаясь въ темнотѣ похотью, лишился красоты лица, волосъ, потерялъ способность ходить, обнажился — и не замѣчалъ бы этого. И вотъ, въ его гнѣздилище вносятся огонь! Онъ увидѣлъ свои раны, свою срамоту и нищету — и, конечно, пожелалъ бы быть инымъ, новымъ. Особенно же пожелалъ бы онъ, если бы его увѣрили, что это возможно, что „еще надежда осталась“, какъ говоритъ святитель Задонскій Тихонъ („Слово предъ исповѣдью“). Такъ и всегда: надо человѣку увидеть себя во всемъ нравственномъ безобразіи, чтобы потомъ возненавидѣть, пожелать погребсти прежняго себя. Господь нашъ Іисусъ Христосъ требуетъ отъ Своихъ послѣдователей самоотреченія, забвенія себя; естественно, поэтому, каждый долженъ сначала ощутить невыносимую тягость своего настоящаго состоянія. Какъ пророкъ Ілія послѣ огня, труса и бури услышалъ *гласъ хлада тонка, и — тамо Господь*,

такъ и христіанинъ послѣ тревоги за свое настоящее грѣховное состояніе долженъ услышать въ проповѣди глаголь Небснаго Отца, зовущаго его: страхъ за настоящее и надежда на будущее—вотъ его чувства. Ты долженъ и можешь быть новымъ, чистымъ — вотъ резюмэ всякой проповѣди. А самъ проповѣдникъ долженъ уподобляться факелу, освѣщающему раны, но и согрѣвающему ихъ.

Таковымъ можетъ быть планъ слова на текстъ: „любите враги ваша“.

Но мы вовсе не хотимъ сказать, что этотъ планъ—одинъ только для всѣхъ возможныхъ случаевъ. Онъ можетъ быть и болѣе и менѣе сложнымъ, смотря по тексту, принятому „во главу угла“ проповѣди, или по обстоятельству, при которомъ произносится проповѣдь. Мы хотѣли лишь показать, что надо избѣгать въ проповѣди разсужденій и общихъ фразъ, что надо изображать наглядно положеніе слушателя, чтобы въ его сердцѣ возникли дѣятельныя чувства и пробудили его отъ мрачнаго сна грѣховнаго. Безъ вліянія на сердце проповѣдь бесполезна: послушавъ ее, порочный скажетъ, какъ неблагодарные гадаряне: „уйди отъ меня съ проповѣдью, я и такъ живу—не страдаю“...

Надо приложить всѣ мѣры къ тому, чтобы вліять на волю слушателя, вызывая въ душѣ его сильныя образы. Словомъ, проповѣдь-разсужденіе должна прекратить свое довольно долгое и мало полезное существованіе; побольше, побольше описательно - повѣствовательнаго, художественнаго элемента!..

Только лишь мы и хотѣли сказать. И это представляется намъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ поднятію силы вліянія церковной проповѣди. Мы лишь хотѣли напомнить... Нашъ народъ ищетъ свѣта, пламенно желаетъ быть нравственнымъ и благочестивымъ. Наше время называютъ временемъ скептицизма, крушенія идеаловъ. Но съ такимъ же правомъ можно посмотрѣть на это время, какъ на время оживленія интереса къ нравственно-религіознымъ проблемамъ.

Жатва многа, она ждетъ дѣлателей и просить Всевышняго послать ихъ. Будемъ же всемѣрно стараться о просвѣщеніи свѣтомъ правды Христовой дѣтей нашей дорогой родины!

И. Триодинъ.

Современная русская дѣйствительность и предъявляемая ею требованія къ дѣятельности православнаго пастыря ¹⁾).

Посмотримъ теперь, что представляетъ собою нашъ народъ въ нравственномъ отношеніи? — Нѣкоторые писатели, напр. Щедринъ, считаютъ жизнь народа клоакой всякой мерзости; образованные классы, сближаясь съ нимъ, будто бы, рискуютъ лишь заразиться его проказой и язвами. Всѣмъ извѣстно также, какъ характеризовалъ нравственный обликъ народа пресловутый Базаровъ, главный герой Тургеневского романа „Отцы и дѣти“. Дѣйствительно, если ближе приглядѣться къ народной жизни, то можно увидѣть въ ней много весьма печальныхъ явленій, требующихъ самой энергичной борьбы съ ними и могущихъ навести на весьма грустные размышленія. Первобытная патриархальная жизнь народа, близкая къ природѣ, простота нравовъ, крѣпость нравственныхъ устоевъ, характеризовавшая раньше нашъ простой народъ, въ наше время значительно поослабѣла: нѣтъ прежняго усердія къ богослуженію и молитвѣ, нѣтъ прежняго уваженія къ праздникамъ.

Казенная винная монополія хотя и уменьшила народное пьянство, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ это было бы желательно. Какъ вредно отражалась на народной жизни продажа вина частными лицами, объ этомъ едва ли нужно говорить. Частныя лица не только отравляли народъ разными

¹⁾ См. № 30 за 1904 г.

примѣсами, но прямо разоряли его, снабжая виномъ въ кредитъ или за продукты и необходимые хозяйственные предметы. По отзыву лицъ, стоящихъ близко къ народной жизни, казенная продажа питей благопріятно отразилась на всѣхъ сторонахъ народной жизни. Однако и въ монополіи есть свои печальныя стороны: пьянство, циничныя пѣсни, грубая площадная брань, драки—все это, прежде скрывавшееся въ трактирныхъ заведеніяхъ, теперь вынесено на улицу и, безъ сомнѣнія, оказываетъ самое деморализующее вліяніе на деревню, въ особенности же на молодое подрастающее поколѣніе. Къ тому же, на ряду съ казенными винными лавками, во многихъ мѣстахъ сильно развилась тайная продажа питей.—Вообще, вино и теперь поглощаетъ значительную часть народнаго заработка, внося деморализацію въ народную жизнь, развращая народъ, губя народное здоровье и благосостояніе.

Семейная жизнь крестьянъ представляетъ довольно грустную картину: съ одной стороны, мы видимъ деспотизмъ родителей надъ дѣтьми, мужей надъ женами; съ другой — всюду проявляется своего рода „бунтъ“ молодежи противъ стариковъ и ихъ воли.

Хроника судебныхъ процессовъ съ несомнѣнностью доказываетъ, что преступность въ народѣ растетъ и, какъ показываютъ послѣднія печальныя событія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, можетъ принять массовой, угрожающей характеръ. По отчету судебныхъ учреждений за 1896 г., общее количество всѣхъ преступленій дошло до 200,000; въ томъ числѣ преступленій противъ жизни, здоровья, свободы и чести частныхъ лицъ было около 80,000, смертоубійствъ—12,000, преступленій противъ цѣломудрія женщинъ—7,400, случаевъ воровства—80,000.

Большой вредъ въ крестьянскую жизнь вноситъ городъ со своимъ часто гибельнымъ воздѣйствіемъ. При значительномъ развитіи, особенно за послѣдніе годы, фабричнаго производства, громадномъ ростѣ городовъ, умноженіи желѣзныхъ дорогъ, города ежегодно отвлекаютъ изъ деревни сотни ты-

сячь народныхъ рукъ и оказываютъ на народъ двойное вредное вліяніе: во-первыхъ, тѣмъ, что отрываютъ его отъ земли, а между тѣмъ, „крестьянинъ“ именно „землею крѣпокъ: пока онъ на ней—онъ живъ, а сорвался съ нея—пропалъ; крестьянинъ безъ земли, какъ дерево безъ корней: въ работу оно годится, а прожить долго не можетъ—гниетъ, и красоты лѣсной нѣтъ въ немъ, обглоданное оно, обстроганное, невидное“¹⁾. Во-вторыхъ, городъ ставитъ народъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что называется культурой, главнымъ образомъ, съ виѣшной ея стороной, — знакомитъ его съ фабричнымъ разгуломъ, съ удобствами городской жизни, развиваетъ влеченіе къ легкой, веселой жизни. Вліяніе городовъ, фабрикъ и заводовъ грозитъ нашему народу серьезными опасностями. Въ настоящее время, по мнѣнію политико-экономистовъ, Россія переживаетъ переходъ отъ натурального хозяйства къ капиталистическому. Отъ земли и ея представителя—пахаря, говорятъ они, ждать нечего: онъ неразвитъ, жалокъ и глупъ. Большаго вниманія заслуживаетъ мастеровой, какъ элементъ болѣе развитой и бойкій. Естественнo, что сюда, главнымъ образомъ, направилась и пропаганда, несущая, вмѣстѣ съ политическими утопіями, также религіозное вольнодумство и полное невѣріе. И жизнь показываетъ, что тлетворныя сѣмена невѣрія и матеріализма начинаютъ проникать въ народъ, и проводниками ихъ нужно признать именно города съ ихъ фабриками и заводами, гдѣ и сосредоточилась пропаганда.

Сказать, что нравственная жизнь нашего народа представляетъ только одни печальныя явленія, однѣ мрачныя картины, значило бы намѣренно сгущать краски, быть несправедливыми. Пусть народъ нашъ покрытъ язвами, какъ выражается Щедринъ, пусть много есть въ его жизни мрачныхъ явленій; но не мало въ немъ и свѣтлыхъ сторонъ, есть въ немъ и большія достоинства, которыя могутъ подавать много утѣшительныхъ надеждъ всѣмъ, кому близко счастье родного народа, а особенно пастырямъ—труженикамъ на нивѣ сердца.

¹⁾ Горькій. „Мальва“.

Народъ нашъ мало знакомъ съ православною вѣрой, но у человѣка есть внутренній законъ, душѣ его прирожденный,—законъ совѣсти, и этотъ непосредственный законъ сохранился въ душѣ нашего народа неприкосновеннымъ и развился въ немъ его многострадальной исторіей. Богъ живетъ въ душѣ нашего народа; глубоко и крѣпко вкоренилось въ немъ религіозное чувство, жива и дѣйствена въ немъ потребность вѣры и знанія, относящагося къ вѣрѣ. Въ народѣ заключается еще такой богатый запасъ силъ и нравственной энергіи, который даетъ ему возможность полного нравственнаго оздоровленія. Нужно только удивляться тому, какъ нашъ народъ сберегъ свою душу, несмотря на всѣ бѣдствія, какія ему пришлось выстрадать: одного крѣпостного права, со всѣми его ужасами, достаточно было для того, чтобы окончательно убить въ немъ всякую нравственную энергію, развратить его,—а онъ все же уцѣлѣлъ.

Нравственное одиночество народа, когда лучшіе передовые люди отказались и ушли отъ него,—развѣ оно дешево обошлось народу?—Правда, интеллигенція познала свой грѣхъ предъ нимъ, началось печальной памяти „хождение въ народъ“, возвращеніе къ нему. Но что дало это хожденіе?—Иногда школу „на курьихъ лапкахъ“, иногда незначительную матеріальную и медицинскую помощь, а всего чаще вносило крамолу, колебаніе основъ народной жизни, путаницу понятій, еще большее взаимное непониманіе и недоувѣріе.

Народъ нашъ по натурѣ своей мягокъ, добрѣ и уступчивѣ. Пороки и преступленія въ народѣ увеличиваются,—но въ народныхъ преступленіяхъ все же нѣтъ того ожесточенія и озвѣрѣнія, какое можно видѣть въ высокопросвѣщенныхъ странахъ Запада. Народъ нашъ по существу чистъ сердцемъ и правдивъ. Онъ согрѣшитъ,—но и слезами оmyваетъ свой грѣхъ; онъ совершаетъ преступленія,—но всегда сознается, что поступилъ худо, что „проклять Богомъ его смрадный грѣхъ“¹⁾.

¹⁾ Дневн. писат., 1877 г., стр. 476.

Народъ нашъ по природѣ добръ и отзывчивъ на чужое горе: онъ всегда готовъ помочь, чѣмъ можетъ, не только своему собрату, но и чуждому для него интеллигенту, разъ тотъ нуждается въ помощи; онъ способенъ на благородныя порывы, на самопожертвованіе, что доказали наши войны, особенно послѣдняя съ турками за единокровныхъ и единовѣрныхъ славянъ и нынѣшняя съ Японіей.

Такимъ представляется намъ нравственный обликъ народа. Народный характеръ, таящій въ себѣ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, много добрыхъ чертъ и задатковъ, богатый запасъ силъ и нравственной энергіи, открываетъ широкія перспективы для нравственнаго воздѣйствія на него духовенства. Неблагопріятныя историческія условія создали ненормальныя отношенія между духовенствомъ и народомъ, но они постепенно сглаживаются и ослабляются, и если народъ слушается иногда непризванныхъ учителей, то тѣмъ болѣе есть надежды ожидать, что онъ послушается своихъ законныхъ, Богомъ и исторіей поставленныхъ надъ нимъ, пастырей и руководителей.

Что представляетъ жизнь нашего крестьянина въ общественномъ и матеріальномъ отношеніи?—Выясненіе этого вопроса безспорно важно для духовенства какъ потому, что въ своемъ попеченіи о приходѣ пастырь долженъ имѣть въ виду всѣ стороны жизни своего прихода, такъ и потому, что матеріальная жизнь народа оказываетъ довольно сильное воздѣйствіе и на жизнь духовную.

Въ основѣ крестьянской жизни лежитъ община. На общинныхъ началахъ основано крестьянское землевладѣніе; община распределяетъ повинности, выбираетъ изъ среды себя ближайшія власти, заботится о церкви и школѣ. По идеѣ общиннаго устройства предполагается, что въ ней міромъ, какъ болѣе компетентной единицей, будутъ разумнѣе рѣшаться дѣла, касающіяся извѣстнаго села или деревни. На самомъ дѣлѣ въ общинной крестьянской жизни порядка видно очень мало: дѣла обычно рѣшаются подъ давленіемъ стар-

шины и старосты; въ рукахъ ловкихъ кулаковъ и міроѣдовъ, часто спивающихъ народъ, общинное рѣшеніе дѣль ведетъ сплошь и рядомъ не къ общему благу, а къ выгодѣ отдѣльныхъ единицъ и въ ущербъ деревенской бѣдности. Духовенство, такъ близко стоящее къ крестьянской жизни, на общественную жизнь крестьянъ почти не вліяетъ—не только потому, что не имѣетъ права присутствовать на мірскихъ сходахъ, но и потому, что вообще не заботится объ усиленіи своего вліянія въ этой сферѣ.

Матеріальное положеніе крестьянъ представляетъ картину довольно печальную. Несомнѣнно, что хозяйство крестьянское падаетъ, земельныя надѣлы, вслѣдствіе прироста народонаселенія, мельчаютъ. Крестьянскій банкъ, правда, оказываетъ нѣкоторую помощь, но сравнительно незначительную; капиталистическое производство, развившееся особенно въ послѣдніе десять-двадцать лѣтъ, поглощаетъ кустарныя промыслы, дававшіе народу подспорье; земля, вслѣдствіе неумѣлаго веденія хозяйства, истощается. Все это такія явленія, которыя требуютъ немедленной помощи, и къ которымъ не можетъ остаться равнодушнымъ духовенство.

Свящ. В. Пестряковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки ¹⁾.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія).

III

Великій русскій писатель-мыслитель Ф. М. Достоевскій въ рѣчи своей о значеніи Пушкина въ исторіи русскаго самосознанія, произнесенной 8 іюня 1880 г. въ Москвѣ, по поводу открытія поэту памятника, высказалъ глубокую и, кажется, вѣрную мысль объ отличительной особености русскаго національнаго генія, состоящей, по его мнѣнію, въ удивительной способности русскаго генія ко всемірной отзывчивости, къ полнѣйшему перевоплощенію въ геніи другихъ народовъ, къ созданію художественныхъ образовъ, свойственныхъ другимъ народамъ. Эта способность его проистекаетъ изъ стремленія отыскать всемірныя идеи, найти и дать художественное отображеніе идеаловъ чужихъ народовъ и, такимъ образомъ, объединить и примирить въ себѣ особенное, національное съ всечеловѣческимъ. Блестящее подтвержденіе и обнаруженіе этой способности русскаго народа Достоевскій видитъ въ поэтическомъ творчествѣ Пушкина. Мы можемъ сказать, что столь же ярко проявилась указанная способность русскаго духа и въ другомъ великомъ русскомъ художникѣ—М. И. Глинкѣ. То, что сдѣлалъ Пушкинъ въ русской литературѣ, Глинка гениально осуществилъ въ другой области искусства—музыкѣ, бывшей до него не болѣе, какъ слабой копіей и подражаніемъ иноземнымъ образцамъ. Глинка былъ создателемъ русской національной музыки не только въ томъ смыслѣ, что онъ обрабатывалъ въ художественныхъ формахъ музыкально-мелодическій матеріалъ, созданный русскимъ народомъ, и самъ далъ дивныя образцы мелодическаго творчества въ духѣ народной пѣсни,—пѣтъ, какъ русскій именно

¹⁾ См. № 30 за 1904 г.

геній, онъ, подобно Пушкину, перешагнулъ за тѣсныя границы національныхъ идеаловъ красоты, воплощаемой въ музыкальныхъ звукахъ, и сумѣлъ создать безусловно художественныя отображенія духа чужихъ народовъ, понятныя и близкія музыкально-эстетическому чувству этихъ народовъ. Подтвержденіе этого взгляда можно видѣть въ его произведеніяхъ. Если Русь съ ея горемъ и радостями отразилась во всю свою ширь въ этихъ пѣвучихъ, величавыхъ мелодіяхъ „Жизни за царя“, въ которыхъ столько родного, всѣмъ намъ понятнаго чувства, то тамъ же нашелъ себѣ художественное и полное отображеніе и національный польскій духъ съ его буйнымъ весельемъ, рыцарской заносчивостью и проч.,—отображеніе настолько типичное, что подобное ему трудно было бы указать въ польской національной музыкѣ. Въ испанскихъ увертюрахъ, основанныхъ на подлинныхъ испанскихъ мелодіяхъ, подслушанныхъ и записанныхъ самимъ композиторомъ, прекрасно переданъ духъ этой страны. Причудливый фантастическій міръ востока такъ художественно изображенъ въ „Русланъ“, что въ этомъ отношеніи вызывалъ и вызываетъ подражаніе другихъ композиторовъ, не исключая и иностранныхъ.

И вотъ композиторъ, одаренный такимъ гибкимъ и разностороннимъ дарованіемъ, такой богатой фантазеей, такой удивительной способностью постиженія сущности изображаемаго явленія,—композиторъ, столь чуткій къ своеобразнымъ красотамъ русской пѣсни, пожелалъ, наконецъ, приняться за самое серьезное изученіе церковной музыки, чтобы въ послѣдствіи создать, по его скромному выраженію, хотя бы только опытъ музыкальной обработки православнаго церковнаго пѣснопѣнія въ русско-славянскомъ духѣ. Не въ правѣ ли было русское искусство ожидать отъ него дѣйствительно новаго и истиннаго слова и въ этой области?—Несомнѣнно, что если бы неумолимая смерть не похитила его въ то время, когда онъ уже оканчивалъ свои подготовительныя теоретическія занятія церковной музыкой, онъ далъ бы

намъ дѣйствительно художественные образцы церковной музыки, въ которыхъ сумѣлъ бы выразить русскій религіозный духъ въ формахъ истинно-національныхъ, понятныхъ русскому чувству. Порукой въ этомъ служитъ вся его предшествующая композиторская дѣятельность, особенная чуткость къ своеобразнымъ красотамъ русской народной пѣсни, родной сестры по своему складу русскаго церковнаго пѣснопѣнія, и, наконецъ, оставшіяся послѣ него немногія, но заслуживающія полного вниманія, духовно-музыкальныя произведенія.

Но и то немногое, что сдѣлано Глинкой для церковнаго пѣнія, имѣло важное значеніе. Уже его попытки обработки церковныхъ пѣснопѣній въ духѣ національномъ въ то еще время, когда у насъ безраздѣльно царило вліяніе иностранное, когда Бортиянскій,—кстати сказать, не высоко цѣнившіяся Глинкой,—былъ еще наиболѣе русскимъ и православнымъ композиторомъ, являлись настоящимъ откровеніемъ для любителей церковнаго пѣнія. Они не мало послужили отрезвленію русскихъ церковныхъ пѣвцовъ отъ увлеченія той несвойственной православному богослуженію музыкой, которая въ 18 вѣкѣ широкой волной проникла къ намъ съ запада, и которую въ теченіе болѣе вѣка усердно культивировали наши церковные композиторы и разные диллетанты. Глинка осудилъ тѣ приемы гармонизаціи церковныхъ напѣвовъ, которые практиковались до него, и которые не были основаны на изученіи или непосредственномъ художественномъ воспріятіи особаго мелодическаго и ритмическаго склада этихъ напѣвовъ. Глинка показалъ истинныя красоты русскаго церковнаго пѣснопѣнія, какъ русской народной пѣсни, въ гармоническихъ формахъ, болѣе сродныхъ имъ, хотя еще не вполне разработанныхъ. Что касается тѣхъ плановъ относительно дальнѣйшей и полной реформы церковнаго пѣнія, которые предносились мысли Глинки, то они послужили основаніемъ для трудовъ послѣдующихъ радѣтелей истинно-русскаго церковнаго пѣнія и едва въ настоящее время начинаютъ осуществляться. Въ послѣднее время научное изученіе церковныхъ напѣвовъ зна-

чительно подвинулось вперед; сдѣлано не мало разными талантливыми композиторами, вооруженными совершеннымъ знаніемъ музыкальныхъ формъ и законченной техникой, и для примѣненія результатовъ научнаго изслѣдованія церковнаго пѣнія къ музыкальной обработкѣ его; однако же окончательная цѣль еще не достигнута. Русское церковное пѣніе еще ждетъ композитора, который силою генія постигнулъ бы истинную его сущность и далъ бы ему совершенное выраженіе въ художественныхъ формахъ, который сумѣлъ бы удовлетворить требованіямъ церковности, самобытности и художественности. Это—задача, несомнѣнно, трудная и высокая и требуетъ сильнаго таланта; она могла быть по силамъ только Глинкѣ.

В. П—скій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевск. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го іюля 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, августа 8-го.

Содержаніе: Ко гробу преп. Серафима, Саровскаго чудотворца.—Современ-
ная русская дѣйствительность и предъявляемыя ею требованія къ
дѣятельности православнаго пастыря (окончаніе).— Изъ записокъ
завѣдующаго ц.-приходскою школою (продолженіе).

Ко гробу пр. Серафима, Саровскаго чудотворца.

Минулъ годъ со дня торжественнаго прославленія преп.
Серафима Саровскаго. Свѣтлые саровскіе дни отошли въ даль,
подернулись дымкой и... освѣтились кровавымъ заревомъ по-
жара, вспыхнувшаго на Дальнемъ Востокѣ. Но при этомъ
новомъ зловѣщемъ освѣщеніи свѣтло-радостные дни саров-
скихъ торжествъ получаютъ свой особый—и притомъ глубо-
кій—смысль.

Саровскія торжества были истинно народнымъ праздни-
комъ, торжествомъ исконныхъ началъ и идеаловъ русской
народной жизни, праздникомъ вѣры и духа. Со всѣхъ кон-
цовъ необъятной земли Русской, словно вешнія воды подъ
теплыми лучами солнца, потекли русскіе люди, подъятые мо-

гучею волною вѣры, къ новому угоднику и чудотворцу. Въ глухихъ саровскихъ лѣсахъ, у гроба преп. Серафима, собрались представители всѣхъ сословій и разнообразныхъ общественныхъ положеній—во главѣ съ Верховнымъ Вождемъ русскаго народа и Царскою Семей. Высшее духовенство, пышный дворъ, блестящіе военные и другіе именитые люди объединились съ простымъ сѣрымъ людомъ и слились въ одномъ горячемъ порывѣ вѣры и молитвеннаго энтузіазма. Какъ будто снова возвратились первые дни христіанства, вновь зажегся яркій и сильный пламень евангельской вѣры, въ душевной атмосферѣ жизни земли повѣяло чуднымъ ароматомъ небесной, божественной жизни. По силѣ вѣры „измѣняются естества уставы“. „Вы знаете,—говорить очевидецъ этихъ дивныхъ событій,—что хромоу никогда не пойдетъ, глухоу нѣмой не заговоритъ, и слѣпорожденный не будетъ видѣть. И вдругъ, въ продолженіе десяти дней, вы видите ниспроверженіе этого естественнаго, законѣрнаго порядка. Слепорожденные видятъ, разслабленные вскакиваютъ и прыгаютъ, нѣмые говорятъ. Застарѣвшіе, не поддававшіеся никакимъ врачамъ, недуги мигомъ исчезаютъ. Одинъ, другой, десятый случай... И вамъ уже начинаетъ казаться законнымъ и обыкновеннымъ не тотъ порядокъ неисцѣлимости, убожества и горя, а этотъ новый порядокъ всеобщаго, чудомъ вносимаго здоровья, бодрости, счастья. И тогда тамъ мнѣ всё казалось возможнымъ. Если бы мнѣ сказали тамъ: „сейчасъ Дивѣевскій соборъ сорвался съ земли и унесся въ небо“; если бы мнѣ сказали: „мертвые встали изъ гробовъ и пришли къ ракъ отца Серафима“,—я бы не удивился, и сказалъ бы спокойно: „ну, такъ что-жь? Это такъ просто и понятно!“¹⁾

Русскій народъ вновь проявилъ свято хранящуюся въ его сердцѣ могучую вѣру, вновь показалъ силу своего духа, такъ какъ только сильные духомъ, по словамъ В. Соловьева,

¹⁾ Поселянинъ Е. Саровскія торжества. „Свѣтлые дни въ Саровѣ“, стр. 158—159. Спб., 1903 г.

способны къ глубокой и крѣпкой вѣрѣ. „Я думаю,—говорить тотъ же очевидецъ событій,—если бы здѣсь были иностранцы, зараженные ненавистью къ намъ, они были бы прямо испуганы, ошарашены выносливостью русскаго человѣка. Придти за сотни верстъ, питаясь чернымъ хлѣбомъ и водою, и нѣсколько дней на ногахъ, въ тѣсной толпѣ, спокойно скрестивъ руки на груди, ожидать мгновенія приблизиться и коснуться губами чела старца Серафима,—сколько силъ души надо имѣть для такого подвига какой неизсякаемый родникъ идеализма, питающій въ себѣ этотъ подвигъ!“¹⁾ Отъ гроба преп. Серафима народъ получилъ еще новыя благодатныя силы для укрѣпленія своего духа на многіе годы.

Теперь, при свѣтѣ пожара-войны, намъ открывается особый смыслъ дивныхъ саровскихъ, пережитыхъ русскимъ народомъ, событій. Намъ становится понятнымъ это огромное стеченіе народа ко гробу преп. Серафима, этотъ энтузіазмъ вѣры и подъемъ народнаго духа. Русскій народъ, какъ бы предчувствуя наступающій важный моментъ своей исторической жизни, со всѣхъ концовъ потянулся къ священной рацѣ неваго угодника и молитвенника за землю Русскую, потому что русскій народъ привыкъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ и въ важные моменты исторической жизни искать помощи и утѣшенія у свято-чтимыхъ и любимыхъ имъ св. угодниковъ Божіихъ, онъ и свою исторію знаетъ по подвижникамъ вѣры, правды и любви²⁾. У гроба преп. Серафима проявилась та громада вѣры, то величіе духа русскаго народа, которыя составляютъ его внутреннюю силу и мощь. Вѣра укрѣпляетъ человѣческій духъ: она объединяетъ, сплачиваетъ разрозненныя силы духа, придаетъ ему энергіи и силы, закаляетъ его при ослабленіи. Безъ вѣры же силы души, какъ бы разрозненныя и разсѣяанныя, становятся шаткими и порождаютъ безволіе и духовное безсиліе—существенныя и характерныя свойства „лиш-

¹⁾ Тамъ же, стр. 162.

²⁾ Слово митр. Сиб. Антонія.

нихъ людей," которыми такъ богато наше время. Во всѣхъ же тяжелыхъ и важныхъ обстоятельствахъ народной жизни необходимы твердость духа, оживленіе, и подъемъ всѣхъ духовныхъ силъ народа. Этотъ подъемъ духа особенно необходимъ въ настоящій моментъ русскому народу, потому что въ борьбѣ народовъ за свою національность и политическое преобладаніе побѣдителями остаются сильные духомъ. „Силу народа, его мощь и дѣеспособность его войска составляетъ религія. Народъ религіозный, съ твердыми вѣрованіями, всегда будетъ стоекъ въ оборонѣ, храбръ на приступѣ, силенъ и тягучъ на походѣ. Силу нашей арміи, главнымъ образомъ, составляетъ твердая вѣра нашего народа въ Бога“¹⁾.

Это подтверждается многовѣковой исторіей всѣхъ народовъ и въ особенности исторіей народа русскаго. Въ самые тяжелые моменты своей исторической жизни, забывая всякіе раздоры, прекращая всевозможныя неурядицы, воодушевленный горячею вѣрою въ Бога и св. угодниковъ—молитвенниковъ и защитниковъ земли Русской, онъ смѣло шелъ навстрѣчу врагамъ, которые грозили не оставить камня на камнѣ отъ Русскаго государства, и грудью отстаивали свою вѣру и отечество.

Такъ было въ темныя времена монгольскаго ига, такъ было въ тяжелыя времена „лихолѣтья“, въ страшный 12-й годъ... „Вѣра, горячая и глубокая, дѣлала чудеса въ русской жизни и изъ всей исторіи нашей создала великое чудо. Въ вѣрѣ спасеніе Русской земли²⁾“. Недаромъ Ф. М. Достоевскій, этотъ глубокой знатокъ русскаго духа и самыхъ сокровенныхъ глубинъ его, говорилъ: „Россію Господь спасетъ, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его“.

¹⁾ Краснояръ. „По Азіи 1901—1903 г., Путевые очерки Манчжуріи, Дальняго Востока, Китая, Японіи, Индіи“. Русск. Вѣстн., 1904, Апрель, стр. 686.

²⁾ Н. љтотисецъ. „Русская погибель. Москва“, 1904 г., № 1. „Братья Карамазовы“, т. I, стр. 375, изд. Маркса 1895 г.

Эта горячая и сильная вѣра особенно нужна въ настоящей переживаемый нами несомнѣнно важный (можетъ быть, даже слишкомъ важный) моментъ исторической жизни. Въ этотъ именно моментъ новый молитвенникъ за землю Русскую преп. Серафимъ, подвижникъ вѣры и герой духа, возжегъ въ сердцѣ русскаго народа яркій пламень вѣры, сильной, могучей. Всю жизнь свою пламенѣвшій духомъ къ Богу, преп. Серафимъ возбудилъ дремавшія силы народнаго духа, укрѣпляетъ слабыхъ и больныхъ духомъ.—Открылся новый неиссякаемый родникъ благодатной силы, исцѣляющей и укрѣпляющей всѣхъ, притекающихъ къ нему съ вѣрою. вмѣстѣ съ хромыми, слѣпыми, разслабленными много притекло къ новому благодатному источнику немощныхъ духомъ, страдающихъ сомнѣніемъ, невѣріемъ—этими недугами напихъ дней—людей, холодныхъ сердцемъ и слабыхъ волею,—и всѣ они оставили у гроба преп. Серафима свои сомнѣнія, страхнули съ себя вялость, равнодушіе и „теплохладность“ и пошли исцѣленными, возрожденными, сильными духомъ. Благодатная сила преп. Серафима исцѣляла тѣхъ, которые были поражены, казалось, неисцѣлимымъ недугомъ скептицизма, и неотразимо дѣйствовала даже на невѣрующихъ. Многіе, какъ говоритъ докторъ Пясковскій, пріѣхавшіе въ Саровъ изъ одного только любопытства или же желанія посмѣяться надъ новою вѣрою, вдругъ принимали самое горячее участіе въ богослуженіяхъ, искренне приступали къ исповѣди и приобщенію, проливая слезы умиленія, становясь въ ряды самыхъ убѣжденных членовъ Церкви. „Самое живое ощущеніе реальнаго присутствія духа Серафима испытывалось здѣсь даже многими скептиками, которые съ невыразимымъ восторгомъ повергались у останковъ преподобнаго. Мы видѣли образованныхъ евреевъ и буддистовъ, которые, къ нашему изумленію, признавали у источника Серафима реальное проявленіе могущественнаго воздѣйствія благодати“¹⁾).

¹⁾ Пясковскій. „Конфликты въ духовной жизни современной интеллигенціи“. Миссіон. Обзорніе, 1904 г., № 7.

Со всѣхъ концовъ стеклись русскіе люди ко гробу новаго чудотворца, пали ницъ предъ его священной ракою—и востали исполненными силы и мощи на великій подвигъ. Преп. Серафимъ благословилъ русскій народъ вмѣстѣ съ Верховнымъ Вождемъ его на тяжелый подвигъ и дать силы исполнить его.

И теперь, шагая по равнинамъ и горамъ Дальняго Востока, не одинъ воинъ призываетъ священное имя преподобнаго, носить не только на груди, но и въ сердцѣ своемъ образъ его, укрѣпляется его благодатною силою въ постоянныхъ грозныхъ опасностяхъ и неимовѣрныхъ трудахъ походной жизни. Много нужно силы, стойкости и твердости духа русскому народу, чтобы вести борьбу за десять тысячъ верстъ, въ чужой, мало извѣстной и враждебной сторонѣ, съ хитрымъ и коварнымъ врагомъ, когда всевозрастающее и нескрываяемо-враждебное настроеніе другихъ народовъ грозитъ вызвать всеобщій пожаръ. Сила и крѣпость духа нужны не только героямъ-воинамъ, грудью отстаивающимъ честь своей родины на полѣ брани; она нужна также всѣмъ руководителямъ и строителямъ государственной и общественной жизни, нужна всему народу. Особенно же нужна твердость духа тѣмъ, кто отправилъ въ ряды бойцовъ за родину близкихъ сердцу—сыновей, мужей, братьевъ. Сколько лишеній, страданій, горя и ужасовъ несетъ съ собою всѣмъ эта война! Тамъ многомилліонный гигантъ-броненосецъ, какъ утлая ладья, опрокидывается на дно океана и хоронитъ съ собою въ пучинѣ морской сотни человѣческихъ жизней. Здѣсь чудовищныя орудія, послѣднее слово техническаго искусства, извергають смерть и адъ, всё разрушая и сметая на пути своемъ, и губять тысячи человѣческихъ жизней. Сколько смертей и мученій тамъ—на полѣ брани! Сколько дорогихъ утратъ, горя здѣсь—дома! Каждое кровавое столкновеніе съ врагомъ вызываетъ рѣвки слезъ, заставляетъ обливаться кровью десятки тысячъ сердецъ. Каждое извѣстіе заставляетъ сжиматься сердце мучительнымъ страхомъ, тревожнымъ ожида-

ниемъ горя... Какое глубокое и широкое море страданій, тоски, слезъ! Кто же осушитъ эти слезы, кто утолитъ страданія надорванныхъ муками душъ и разрѣшитъ тучу сердечную? Къ кому пойдутъ они?—Они пойдутъ, прежде всего, туда, куда всегда идутъ русскіе люди въ тяжеломъ горѣ, съ муками сердца—къ гробамъ св. угодниковъ и въ особенности къ гробу новопрославленнаго св. угодника. Они пойдутъ къ тому, кто при жизни своей звалъ—и теперь ласково и любовно зоветъ ихъ къ себѣ:— „Когда меня не станетъ, вы ко мнѣ на гробикъ ходите! Какъ вамъ время, такъ и идите; чѣмъ чаще, тѣмъ и лучше. *Все, что есть у васъ на души, чтобы ни случилось съ вами, о чемъ бы ни скорбѣли,—придите ко мнѣ, да все свое горе съ собой-то и принесите на мой гробикъ! Припавъ къ землѣ, какъ живому, все и расскажите,—и услышу я васъ, и вся скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ*“ („Преп. Серафимъ Саровскій“). Много людей различныхъ званій и состояній приходило къ преп. Серафиму при его жизни съ своими нуждами, горемъ и тоской,—и всѣ находили мѣсто въ его сердцѣ. Его любовь, какъ лучъ солнца, простиралась на всѣхъ, свѣтила и согрѣвала всѣхъ, кто обращался къ нему.

„Несчастливые къ нему стекались толпой:

Онъ былъ для сердца ихъ отрадный утѣшитель.

Совѣтомъ мудрымъ онъ безмездною цѣльбой

Всѣхъ къ Богу приводилъ—святой руководитель“.

И долго еще онъ, великій народолюбецъ, чуткій и отзывчивый на людское горе, будетъ прибѣжищемъ и заступленіемъ несчастныхъ отцовъ и матерей, осиротѣвшихъ женъ и дочерей.

Когда же пройдетъ гроза военныхъ бѣдъ и невзгодъ, разсѣются страшныя тучи, нависшія надъ Русской землей, прояснится небо, начнется новая творческая и созидательная работа народнаго духа и обновленіе жизни, образъ преп. Серафима, какъ весеннее солнце, на свѣтломъ горизонтѣ обновляющейся жизни будетъ свѣтить и согрѣвать всѣхъ своею любовью.

Преп. Серафимъ— чисто народный, національный святой. Онъ—герой русскаго духа, потому что воплотилъ въ себѣ всѣ лучшія свойства народнаго духа и осуществилъ въ своей жизни основныя начала русской народной жизни: вѣру, любовь, правду, святость. Потому-то его знала вся земля, отъ царскихъ каменныхъ палатъ до послѣдней убогой хижины; потому-то его такъ любилъ народъ и шелъ къ нему, и еще за-долго до прославленія народная вѣра и любовь считала его святымъ молитвенникомъ и представелемъ за русскій народъ.

Преп. Серафимъ—носитель православно-русскаго идеала и руководитель народной жизни; поэтому-то онъ всталъ во всей своей небесной славѣ и могуществѣ въ тревожный моментъ русской жизни. Онъ явилъ себя въ эпоху блужданія мысли, душевной сумятицы среди нашей интеллигенціи, какихъ-то паясныхъ порывовъ къ таинственному, мистическому, въ эпоху исканія вѣры и „новыхъ путей“ жизни, чтобы разсѣять мракъ души, дать истинный идеалъ жизни, укрѣпить устои ея. Иди же, русскій народъ, и теперь, какъ раньше ты шелъ, ко гробу преп. угодника Божія, подъ священную сѣнь его. Молись ему горячо и крѣпко въ эти тяжелые дни, „пой ему хвалу высоко, громко..., до самаго Престола, гдѣ онъ дерзновенно предстоить предъ Сущимъ, откликаясь на всякій вздохъ, доносящійся къ нему съ измученной земли“¹⁾. Онъ услышитъ тебя!

Ан. М—в.

¹⁾ „Свѣтлые дни въ Саровѣ“, стр. 129.

²⁾ См. № 31 с. г.

Современная русская дѣйствительность и предъявляемая ею требованія къ дѣятельности православнаго пастыря ²⁾.

Народъ нашъ, въ силу своего единства и сплоченности, живетъ въ общемъ одними идеалами, держится однихъ взглядовъ; поэтому, и характеристика его религіозно-нравственнаго облика дается въ общемъ легко: въ немъ меньше разнообра-

¹⁾ „Свѣтлые дни въ Саровѣ“, стр. 129.

²⁾ См. № 31 с. г.

зія, а это даетъ возможность скорѣе уловить типическія черты его настроенія, по крайней мѣрѣ, большинства народной массы. Иначе дѣло обстоитъ съ интеллигентнымъ классомъ. За послѣднее время предъ русскимъ образованнымъ обществомъ прошло множество самыхъ разнообразныхъ, заимствованныхъ съ Запада, философскихъ системъ и ученій, всего чаще характера, враждебнаго по отношенію къ религіи,—не только прошло, но, вслѣдствіе особой воспримчивости русскаго человѣка, оставило глубокой слѣдъ въ умонастроеніи интеллигентнаго класса. Неподготовленное къ надлежащему усвоенію западныхъ ученій, неспособное критически отнестись къ нимъ, наше общество брало ихъ всего чаще на вѣру. Деизмъ, матеріализмъ и позитивизмъ, въ послѣднее время ницшеанство—все это оставляло слѣдъ во взглядахъ нашихъ образованныхъ людей. Такъ какъ указанные и имъ подобныя ученія шли съ большою скоростію, на глазахъ одного поколѣнія мѣнялось два—три направленія, то естественно, что они вносили большую путаницу въ міровоззрѣніе нашей интеллигенціи: многіе не успѣвали переварить всѣ эти ученія, набирались ихъ отовсюду по частямъ, иногда по слуху,—являлся хаосъ, въ которомъ трудно разобратъся. Въ наше, напр., время не мало есть людей, которые придерживаются ученія гр. Л. Толстого, съ его проповѣдію о непротивленіи злу, теоріи соціального характера съ проповѣдію борьбы,—и вмѣстѣ съ тѣмъ преклоняющихся предъ Ницше, который далекъ какъ отъ гр. Л. Толстого, такъ и отъ соціального движенія.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни трудно часто опредѣлить въ наше время, къ какой партіи принадлежитъ человѣкъ по своимъ взглядамъ, все же возможно наше интеллигентное общество по отношенію къ религіи раздѣлить на нѣсколько группъ. *Первою* группю, въ общемъ незначительную по числу, составляютъ у насъ люди, совершенно не вѣрующіе. Религія, по мнѣнію ихъ, не имѣетъ права на существованіе, такъ какъ стоитъ яко-бы въ прямомъ противорѣчій съ данными точной эмпирической науки. Всѣ тѣ понятія, которыя являются

предметомъ религіознаго знанія и вѣры, каковы: *Богъ, душа, безсмертіе*, суть не больше, какъ пережитокъ, поэтическая сказка глубокой старины, отжившая свое время и несообразная съ высотой нашего просвѣщеннаго вѣка. Всѣ такія понятія явились плодомъ вымысла, досужей фантазіи, не имѣющими научнаго значенія; если они и могутъ имѣть смыслъ, то только смыслъ узды для невѣжественной грубой массы; въ реальной жизни, гдѣ господствуютъ стихійныя силы природы, гдѣ все подчинено закону причинности, эти понятія не имѣютъ ни значенія, ни разумнаго оправданія. Согласно господствующимъ теперь теоріямъ эволюціонизма и дарвинизма, человѣкъ есть не больше, какъ развившееся въ теченіе долгихъ вѣковъ животное; совокупность различныхъ благоприятныхъ условій подняла его до настоящаго положенія. Дитя случайныхъ стихій, созданное стихійными силами природы, онъ ни позади себя, ни впереди не имѣетъ ничего, что бы возвышалось надъ нимъ: всѣ тѣ идеалы и нормы, какими жилъ человѣкъ, суть не больше, какъ продуктъ его собственнаго „я“, созданіе его фантазіи по образу своего же „я“.

Вторую группу, болѣе многочисленную, чѣмъ первая, составляютъ люди „двоедушные въ дѣлѣ вѣры“, какъ удачно назвалъ ихъ пресв. Амвросій, архіеп. Харьковскій.— „Двоедушіемъ“, или „двоемысліемъ“ преосв. Амвросій называетъ такое состояніе духа, когда человѣкъ объ одномъ и томъ же предметѣ, въ одно и то же время, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ имѣетъ различныя и даже противоположныя мысли. Людей этихъ еще иначе можно назвать свободомыслящими. Назвать ихъ совершенно невѣрующими нельзя; тѣмъ менѣе можно отнести ихъ къ вѣрующимъ: у нихъ своеобразная религія, въ которой подчасъ разобраться трудно. 1) Эта неустойчивость, неопредѣленность мысли составляетъ замѣчательное явленіе нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ, кому не приходилось

1) Проповѣди преосв. Амвросія, архіеп. Харьковского, произнесенныя во время служенія его въ Харьковской епарх. за 1896—1899 г., стр. 82.

среди образованныхъ людей встрѣчать такихъ, которые считаютъ себя принадлежащими къ Церкви, называются православными,—но раздѣляютъ многіе взгляды толстовцевъ, штундистовъ; которые исполняютъ обязанности православныхъ христіанъ,—но защищаютъ крайніе выводы и положенія материализма о вѣчности матеріи, о происхожденіи человѣка отъ животныхъ; которые готовы помочь бѣдному—и зачитываются Ницше съ его девизомъ: „гибель слабымъ“.—Трудно выяснитъ психологически этотъ религіозный винегретъ, но онъ—фактъ, его можно наблюдать всюду, особенно же часто можно видѣть среди интеллигентныхъ женщинъ, менѣе способныхъ критически отнестись къ различнымъ теоріямъ.

Третью группу интеллигентныхъ людей можно назвать индифферентными. Сюда принадлежатъ люди, вовсе не интересующіеся никакими религіозными и высшими вопросами. Къ Церкви они относятся равнодушно, обязанностей религіознаго характера не знаютъ, и если иногда исполняютъ ихъ, то только въ силу установившихся обычаевъ. Такіе люди, пожалуй, случайно забредутъ въ храмъ Божій, примутъ священника на праздникахъ, но и только,—этимъ и исчерпываются проявленія ихъ религіозной жизни. Суета жизни, мелочныя заботы дня настолько поглощаютъ ихъ, что у нихъ и времени нѣтъ возвыситься хотя на мгновеніе надъ суетою, задуматься надъ жизнью. Въ обществѣ, гдѣ поднимаются при нихъ вопросы религіознаго характера, они ведутъ себя такъ, какъ будто всѣ эти вопросы сликомъ далеки отъ нихъ и ихъ совершенно не касаются. Индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры, какъ главную отличительную черту нашего общества, отмѣтилъ недавно Боборыкинъ въ своей повѣсти: „Исповѣдники“. У насъ,—говоритъ онъ,—„постыдное равнодушіе къ самымъ кореннымъ устоямъ духовной жизни..., къ вопросу о совѣсти, о ея свободѣ, а главное—къ тому, что безъ какого бы то ни было исповѣданія жить нельзя..., другими словами—безъ Бога.“¹⁾

¹⁾ Вѣсти. Европ., 1902 г., кн. 1 и 2.

Вообще же, среди нашей интеллигенціи преобладаетъ почти полное невѣдѣніе относительно вопросовъ религіи, исторіи Церкви и ея ученія. Религіозныя знанія людей съ среднимъ образованіемъ исчерпываются катихизисомъ митр. Филарета, пройденнымъ кое-какъ. Извѣстно, что каждый гимназистъ Законъ Божій и за предметъ не считаетъ. Въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ читаютъ и *богословіе*; но и тамъ этотъ предметъ не въ почетѣ: лекцій учащіеся почти не посѣщаютъ; знаній особыхъ по этому предмету не требуется: отношеніе къ дѣлу такое же, какъ въ гимназіяхъ къ чистописанію.

Нравственное состояніе нашего интеллигентнаго общества представляетъ картину также довольно печальную. Жить жизнию разумною человѣкъ можетъ только тогда, когда всѣми мыслями и поступками его руководитъ идея, способная воодушевить и согрѣть его, подвигнуть на трудъ. Идеализмъ есть насущная потребность души,—а его-то и нѣтъ въ наше время: духъ эвдемонизма и утилитаризма такъ поглотилъ современнаго интеллигентнаго человѣка, что онъ какъ бы и времени не имѣетъ задуматься надъ жизнью, ея высшими сторонами. Жить онъ можетъ только тогда, когда есть въ сердцѣ вѣра въ идеалъ, который освѣщаль бы жизнь,—а такихъ идеаловъ теперь и нѣтъ; отсутствіе ихъ, отсутствіе горячихъ убѣжденій вполне характеризуютъ наше время; и это отсутствіе признаютъ всѣ болѣе правдивые люди. Прекрасно выразилъ мысль объ этомъ начинающій, но обратившій на себя вниманіе читающей публики писатель Вересаевъ. Въ одной изъ его повѣстей докторъ, обращаясь къ любимой дѣвушкѣ, говоритъ: „Ты хочешь, чтобы я вручилъ тебѣ знамя,—борись и умирай за него.... Я больше тебя читалъ, больше видѣлъ жизнь, но со мною то же, что и съ тобою: я не знаю—въ этомъ вся мука... Все теперешнее поколѣніе,—говоритъ онъ далѣе,—переживаетъ то же, что и я; у него ничего нѣтъ: въ этомъ его ужасъ и проклятіе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды оно гибнетъ невидно и безповоротно“.

Необходимымъ слѣдствіемъ безвѣрія нашего времени является пессимизмъ. Скука, подавляющая скука въ лучшемъ случаѣ, въ худшемъ безнадежный пессимизмъ—вотъ преобладающее настроеніе въ нашемъ обществѣ. И всюду чувствуется и сказывается это настроеніе: въ общественныхъ собраніяхъ, въ научныхъ засѣданіяхъ, даже среди самыхъ развлеченій.

Пессимистическое настроеніе сказывается, прежде всего, въ литературѣ. Вотъ какъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ представляетъ жизнь человѣка:

Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали
Жалокъ и слабъ онъ явился на свѣтъ;
Въ это мгновеніе ему не сказали:
„Выборъ свободенъ: живи или нѣтъ“.

Только-что тихіе дни засіяли,
Смерть на порогъ... Откуда? зачѣмъ?
Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали
Онъ повалился недвижимъ и нѣмъ.
Вотъ онъ, смотрите, лежитъ безъ дыханья;
Боже, къ чему онъ родился и росъ?
Эти сомнѣнья, измѣны, страданья—
Боже, зачѣмъ же онъ ихъ перенесъ?

Въ другомъ стихотвореніи тотъ же поэтъ говоритъ:

Въ эпоху общаго унынья мы живемъ:
Какое-то повѣтріе больное,
Зараза нравственной чумы
Надъ нами носится и ловить
И тревожитъ поработанные умы. 1)

Что это, какъ не крикъ наболѣвшей души, потерявшей вѣру въ жизнь, ея цѣль и смыслъ?

1) Соч. Алухтина. 1900 г., стр. 258.

Если отъ поэтовъ перейдемъ къ беллетристамъ, то здѣсь увидимъ то же самое: въ нихъ сквозить или безнадежная тоска отчаянія, или грязь жизни, которая не можетъ не отражаться на литературѣ. Настоящее время отличается большимъ богатствомъ журналовъ, газетъ и произведеній беллетристическаго характера; но впечатлѣніе отъ нихъ получается одно — впечатлѣніе удушья, безнадежной тоски и печали. Можно было бы указать десятки повѣстей и рассказовъ для примѣра, но для нашей цѣли достаточно и одного Антона Чехова, который является весьма крупною литературною величиною, считается фотографомъ тѣхъ сумерокъ, какія мы переживаемъ. Кто читалъ Чехова, тотъ несомнѣнно испыталъ тоскливое, гнетущее чувство; такъ и просятся на языкъ слова: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“. Вотъ какое впечатлѣніе вынесъ извѣстный французскій критикъ де-Вогюэ отъ чтенія сочиненій Чехова: „Чеховъ какъ будто говоритъ своимъ читателямъ и зрителямъ: идите, я хочу васъ развлечь, показать вамъ самое пошлое, самое скучное въ вашей странѣ, въ вашей ежедневной жизни; вы всѣ, какъ и мои герои, стремитесь къ тому, чтобы выбраться изъ мрачнаго болота: такъ я васъ опять погружу въ него и докажу вамъ, что не возможно изъ него выбраться.

Много причинъ можно указать такого настроенія: усложнившіяся условія жизни, тяжелая борьба за кусокъ хлѣба, чрезмѣрное развитіе рефлекса надъ впечатлительностію; самая же главная причина — отсутствіе религіозной идеи, принципа, который, охвативъ все существо человѣка, а не одну только его сторону, оживилъ бы и одухотворилъ его жизнь и дѣятельность.

Безъидеиность и безпринципность нашего времени сказываются на всѣхъ безусловно сторонахъ жизни, а также и на литературѣ, какъ ея выразительницѣ. Несомнѣнно, что число журналовъ, газетъ, книгъ всякаго рода у насъ растетъ; есть и нѣсколько талантливыхъ писателей, „подающихъ надежды“, пользующихся извѣстностію, хотя они слишкомъ

малы сравнительно съ прежними мастерами слова, слишкомъ бѣдны содержаніемъ; грустью и безнадежной тоскою вѣетъ отъ нихъ... Крайній реализмъ, переходящій иногда въ порнографію, символизмъ и декадентство—явленіе несомнѣнно болѣзненное, психопатическое, какъ блестяще показали это Максъ Нордау,—что это, какъ не доказательство усталости мысли, упадка творчества, упадка литературы?

Только религія способна оживить и поддержать истинную нравственность; съ упадкомъ же религіи необходимо долженъ понизиться и нравственный уровень. И дѣйствительно, нравственный уровень нашего интеллигентнаго общества, можно съ увѣренностію сказать, ниже, чѣмъ у крестьянъ. Правда, и тамъ онъ не высокъ; но тамъ для преступленія и зла есть соотвѣтствующее имя, тамъ не стануть говорить на зло—добро, черное не назовуть бѣлымъ; преступленій не стануть извинять и оправдывать, а тѣмъ болѣе проповѣдывать о нихъ, какъ о добрѣ; тамъ сохранился критерій для опредѣленія добра и зла. Въ интеллигентномъ обществѣ, подъ вліяніемъ различныхъ соціальныхъ утопій, все больше и больше распространяются преступленія до убійства включительно. Типы преступниковъ, дѣйствующихъ по соціальнымъ мотивамъ, даны были еще Достоевскимъ въ лицѣ Раскольниковъ и Верховенскаго; печальныя событія послѣднихъ лѣтъ показали, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ вести подобная проповѣдь. Въ послѣднее время проповѣдь насилія и зла во имя оздоровленія челоуѣчества взялъ на себя Ницше. Сочиненія его быстро распространяются и находятъ себѣ сочувственный откликъ въ нашей литературѣ и жизни, напр., въ сочиненіяхъ М. Горькаго. Свобода отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ—„веревочекъ, связывающихъ наше существованіе среди людей“, возможность подчиняться только своей волѣ—вотъ основной мотивъ его произведеній. „Самому противъ себя,—говоритъ одинъ изъ его героев,—не надо спорить. Коли кто противъ себя заспорилъ—ниши: пропалъ челоуѣкъ“¹⁾.

¹⁾ Соч. М. Горькаго, т. I, стр. 284.

Другое лицо въ его же повѣсти—„Ошибка“—вопросъ о томъ, можно ли убить безнадежно-больного, рѣшаетъ такъ: „во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, а потому оно хорошо и морально“. Вопросъ объ отношеніи къ ближнему Горькій рѣшаетъ такъ: „Братіе, будьте строго точны въ уплатѣ за добро, содѣянное вамъ! Ибо нѣтъ на землѣ ничего печальнѣе и противнѣе человѣка, подающаго милостыню ближнему своему. Но за зло всегда платите сторицею зла. Будьте жестоко щедры, вознаграждая за зло его вамъ“¹⁾.—„Люблю я, другъ, эту бродяжью жизнь,—разсуждаетъ отставной солдатъ въ разсказѣ—*Въ стени*:—оно и холодно и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства..., самъ ты своей жизни хозяинъ. Хоть голову себѣ откуси,—никто тебѣ слова не можетъ сказать... хорошо!“²⁾.

Отличительной чертой нашего времени нужно признать также чувственное направленіе, погоню за удовольствіями. Вся жизнь наша сосредоточивается главнымъ и единственнымъ почти образомъ на интересахъ исключительно матеріальныхъ; погоня за комфортомъ и за деньгами, какъ средствомъ удовлетворять различныя вождельнія плоти, стремленіе къ наслажденіямъ и удовольствіямъ—вотъ главныя черты нравственнаго облика нашего интеллигентнаго общества. У крестьянъ, по крайней мѣрѣ—у большинства, цѣль и смыслъ жизни полагается въ спасеніи души, въ самоограниченіи; въ интеллигентномъ же классѣ земное благополучіе—конечная цѣль всѣхъ стремленій. На удовольствія все больше и больше распространяется взглядъ, какъ на необходимое условіе развитія, равнозначащее съ наукой; въ нихъ многіе полагають условіе даже нравственнаго усовершенствованія людей. Такъ какъ наше интеллигентное общество всего больше живетъ жизнію внѣшняго, а не внутренняго человѣка; такъ какъ

¹⁾ „Мѣщане“, стр. 41.

²⁾ Соч. М. Горькаго, т. II, стр. 13.

удовольствіе сдѣлалось однимъ изъ насущныхъ требованій современной жизни,—а удовольствіе всегда болѣе или менѣе эгоистично: то отсюда понятно то крайнее развитіе эгоизма, какое мы видимъ въ настоящее время.

Отсутствие руководящихъ принциповъ и идеаловъ, которыми бы освѣщалась вся наша жизнь, всѣ наши поступки, отсутствие углубленія въ себя, или самосознанія ведетъ къ тому, что человѣкъ перестаетъ сознавать собственные недостатки, а достоинства приобрѣтають чрезмѣрные размѣры; отсюда—необыкновенное развитіе гордости и самомиѣнія.

Современное общество гордится успѣхами культуры, научными открытіями, все болѣе подчиняющими вселенную человѣку, развитіемъ общественной жизни, литературы, искусства. Ни въ чемъ современная гордость и самомиѣние такъ не сказываются, какъ въ отношеніи современнаго общества къ Церкви и религіи, къ вопросамъ, требующимъ серьезнѣйшаго вниманія, знанія и развитія. На людей простыхъ, крѣпкихъ вѣрой, нашъ прогрессивный вѣкъ смотритъ, какъ на людей, отсталыхъ во всѣхъ отношеніяхъ; ни одно, какъ извѣстно, сословіе не переноситъ столько насмѣшекъ, грубой брани и даже клеветъ, какъ представители религіи—духовенство; ни объ одной области съ такою самоувѣренностію, при полномъ невѣжествѣ, не толкуютъ всѣ и каждый, какъ о вопросахъ вѣры.—Типичнѣйшимъ образцомъ горделиваго отношенія къ Церкви является гр. Л. Толстой, котораго многіе признають „величайшимъ моральнымъ авторитетомъ цивилизованнаго міра“. Онъ не только пытается создать самоизмышленную религію, для чего искажаетъ Евангеліе, но съ гордостью заявляетъ, что если бы ему позволили напечатать всѣ его сочиненія, то отъ того, что называется Церковію, остались бы одни клочья.

Таково, въ общемъ, религіозно-нравственное настроеніе современнаго интеллигентнаго общества. Общее недовольство жизнью, тоскливое настроеніе, наконецъ—печальныя событія

нашей общественной жизни, по мнѣнію тѣхъ, кто привыкъ серьезно относиться къ жизни, вдумываться въ нее, указываютъ на то, что наше общество переживаетъ очень важный моментъ нравственнаго кризиса, что наше время или ближайшее будущее будетъ поворотнымъ пунктомъ въ его жизни и настроеніи. Куда, въ какую сторону направится наше общество, и нѣтъ ли надежды на возвращеніе его подъ сѣнь Церкви, къ забытымъ имъ идеаламъ и завѣтамъ Христа?—Многое въ рѣшеніи этого вопроса зависитъ отъ труда и энергіи пастырей Церкви. Тревожное и прямо враждебное настроеніе къ Церкви требуетъ напряженія всѣхъ наличныхъ силъ духовенства, крестоваго похода противъ тьмы, окутавшей умы и сердца нашего общества. И можно думать, что не совсѣмъ еще наше общество потеряно для Церкви и спасенія,—въ жизни его все же есть и черты отрадныя.

Если въ наше время многіе и отступили отъ Церкви, то все же законъ Христовъ еще живетъ въ сердцахъ людей, въ нихъ тлѣетъ еще искра добра и правды, хотя и покрытая густымъ слоемъ пепла. Христіанство, духъ его еще живетъ въ жизни; нѣкоторыя христіанскія мысли и чувства еще дороги даже для самихъ враговъ Церкви. Исканіе истины, какое мы видимъ среди людей ученыхъ, проповѣдь о всеобщемъ братствѣ и любви, о всеобщемъ мирѣ между народами—эти мысли дороги для многихъ, даже враждебно настроенныхъ къ Церкви, хотя они и не желаютъ въ своей гордости сознаться, что мысли эти взяты изъ христіанства, гдѣ онѣ получили начало, жизнь и силу.

Большую часть нашего интеллигентнаго общества составляютъ люди, равнодушные и враждебные къ Церкви; но среди нихъ есть и вѣрующія сердца, соединяющія всестороннее образованіе съ горячей вѣрою и чистою жизнію, и если о такихъ людяхъ знаютъ только немногіе, то вслѣдствіе скромности ихъ и смиренія, присущаго всякому истинно-вѣрующему сердцу. На энергичный голось и призывъ пастырей Церкви они всегда отзовутся и окажутъ свою по-

сильную помощь въ той духовной борьбѣ, которую должны поднять представители Церкви въ защиту упадающаго дѣла православной вѣры.

Въ послѣднее время наше интеллигентное общество начинаетъ какъ бы задумываться надъ своимъ безотраднымъ положеніемъ, искать духовнаго обновленія, искать потерянной вѣры. Сочиненія гр. Л. Толстого, особенно тѣ изъ нихъ, которыя касаются религіозно-нравственныхъ вопросовъ, пользуются широкимъ распространеніемъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. А это указываетъ на то, что вопросы высшаго порядка все же не чужды ему; что въ немъ растетъ жажда религіозной истины, тоскливое исканіе выхода изъ душной атмосферы охватившаго его безвѣрія и маловѣрія; что оно стремится къ выясненію истинъ христіанства,—но, къ сожалѣнію, не тамъ ищетъ его, гдѣ слѣдуетъ.

Успѣхъ богословскихъ чтеній во всѣхъ городахъ, особенно же религіозно-философскаго кружка въ Петербургѣ, также указываетъ на то, что наше интеллигентное общество не совсѣмъ еще охладѣло къ вопросамъ религіи и нравственности.

Изъ представленнаго выше краткаго очерка религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа и образованнаго общества становится яснымъ, каковы задачи пастырскаго служенія въ наше время. Какъ въ народѣ, такъ и въ интеллигентномъ обществѣ, прежде всего, замѣчается недостатокъ религіознаго знанія, отсутствіе часто самаго элементарнаго знакомства съ вѣрой православной. Отсюда открывается *первая* задача пастырскаго служенія православнаго духовенства—учительство, собственно болѣе широкое развитіе его, соотвѣтственное запросамъ времени. Недостатокъ религіознаго знанія и развитія какъ въ народѣ, такъ и въ интеллигенціи ведетъ къ тому, что и въ томъ и въ другой находятъ себѣ мѣсто разные непризванные учителя, распространяющіе ложныя ученія: въ народѣ—расколъ и сектантство, въ средѣ интеллигенціи — преимущественно невѣріе и вольнодумство.

Борьба съ этими заблужденіями составляетъ *вторую*, отрицательную, задачу пастырскаго служенія.— Поддержаніе въ народѣ и въ интеллигентномъ обществѣ истинной нравственности, борьба съ укоренившимися пороками и недостатками—такова его *третья* задача.—Пастырь Церкви есть въ то же время и членъ гражданскаго общества и, какъ таковой, долженъ содѣйствовать его развитію. Такъ какъ въ нашей общественной жизни накопилось не мало всякихъ золъ, и между ними на первомъ мѣстѣ нужно поставить пропаганду разныхъ соціальныхъ утопій, которая все болѣе и болѣе развивается, то выясненіе общественныхъ обязанностей и отношеній и освѣщеніе ихъ по духу Церкви Православной, содѣйствіе вышнему развитію общества—является *четвертой* задачей пастырскаго служенія.

Свящ. В. Пестряковъ.

Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою ¹⁾.

27-го декабря.—Сегодня въ моей школѣ была елка. Это невиданное доселѣ зрѣлище и развлеченіе привлекло въ школьное зданіе такъ много посѣтителей изъ взрослыхъ и дѣтей, произвело на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что я не могу не занести въ дневникъ своихъ наблюденій.

Важное значеніе народныхъ школъ должно заключаться не только въ томъ, чтобы распространять среди темнаго люда грамотность, но и въ воспитаніи соответствующими мѣрами и средствами подрастающаго поколѣнія. Къ числу такихъ мѣръ слѣдуетъ отнести, между прочимъ, устройство школьныхъ дѣтскихъ праздниковъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е., сюда слѣдуетъ включить разнаго рода полезныя и имѣющія большое воспитательное значеніе школьныя развлеченія для дѣтей, какъ-то: литературныя утра, литератур-

¹⁾ Смори № 22-й „Рук. для сельск. наст.“ за 1904 г.

ные вечера, школьные дѣтскіе праздники, рождественскія елки и т. п.

Желательно, чтобы дѣтскіе школьные и утра и вечера устраивались неоднократно въ году; пока же это пройдетъ въ жизнь, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, обратить надлежащее вниманіе на повсемѣстное устройство во время Рождественскихъ Святковъ школьныхъ елокъ.

Было время, когда елка зажигалась только въ рѣдкихъ богатыхъ домахъ, а теперь обычай устройства елки все болѣе и болѣе распространяется. Ее зажигаютъ теперь не только въ частныхъ домахъ, но безъ нея рѣдко обходятся народные дома, чайныя, полковые праздники и весьма многія школы. Теперь безъ елки Святки—не въ Святки, Рождественскіе праздники—не въ праздники. И трудно выразить словами ту радость, тотъ восторгъ, то удовольствіе дѣтей, которые отражаются на ихъ лицахъ, когда зажигается увѣшанная подарками и картинками зеленая елка.

Помимо развлечения для дѣтей, елка имѣетъ также и важное воспитательное значеніе. Это станетъ вполне понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что такое елка, откуда она пришла къ намъ, и какъ она должна быть обставлена въ народныхъ школахъ.

Рождественская елка во время Святковъ въ Россіи вошла въ употребленіе въ концѣ XVIII столѣтія. Обычай устраивать елку прежде всего былъ введенъ въ Германіи, а оттуда распространился по всему цивилизованному міру. Происхожденіе елки таково.

Еще въ средніе вѣка въ западной Европѣ во время Рождественскихъ Святковъ для народа устраивались особыя зрѣлища, среди которыхъ большую роль играла картина грѣхопаденія первыхъ людей. Для полноты иллюзіи недоставало райскаго дерева. Но нужно было установить фактъ, къ какой именно породѣ принадлежало райское дерево. По этому поводу мнѣнія ученыхъ сильно расходились. Греческіе ученые доказывали, что райскимъ деревомъ слѣдуетъ считать смо-

ковницу, такъ какъ листьями ея Адамъ и Ева прикрыли свою наготу послѣ грѣхопаденія; ученые же сѣверной Европы признавали райскимъ деревомъ яблоню, вкушеніемъ плодовъ которой прародители наши согрѣшили. Въ Германіи райскимъ деревомъ считалась *ель*.—что значитъ *эдель*, т. е. садъ, рай; и потому, еще до эпохи реформаціи, въ день Рождества Христова каждый германецъ „устанавливалъ“ въ своемъ домѣ „райское дерево“, т. е. ель. Въ знакъ того, что на райскомъ деревѣ были привлекательные плоды, соблазвившіе прародительницу Еву, елки стали украшать разными игрушками, лакомствами, подарками и освѣщать сверху до низу свѣчами.

Кромѣ того, неувядающая зелень елки внушительно вѣщаетъ намъ о нашемъ божествѣ, о нашей вѣчной жизни вмѣстѣ съ вѣчно-живымъ Христомъ—Жизнодавцемъ: не убилъ елку морозъ,—не убьетъ навѣки и насъ, наше смертное тѣло, эту хранилищу духа, лютой нашъ врагъ—смерть. Изъ пепла и праха могилъ мы воспрянемъ къ немеркнущей жизни подъ лучами Божественнаго Солнца-Христа.

Таково символическое значеніе елки. Въ настоящее, впрочемъ, время она утратила свое прежнее значеніе, и если устанавливается во многихъ семействахъ, то исключительно для развлечения дѣтей и для раздачи имъ рождественскихъ подарковъ.

Но нѣсколько шире нужно смотрѣть на школьную и вообще общественную елку. Не нужно забывать, что школьная елка есть празднество выдающееся для цѣлой школы, празднество, такъ сказать, на цѣлый годъ. Она—не простое развлеченіе, но въ то же время и литературно-музыкальный вечеръ или утро. Это своего рода театръ въ лучшемъ значеніи слова. А какъ такое празднество, елка должна имѣть большое воспитательное значеніе. Гдѣ же дѣло касается воспитанія, тутъ уже должна идти рѣчь о пробужденіи въ дѣтяхъ „добрыхъ чувствъ“.

Впрочемъ, несмотря на важное воспитательное значеніе школьной елки, многіе не сочувствуютъ ей говоря: „Какъ-то жаль намъ стародавнихъ родныхъ русскихъ обычаевъ, какъ будто

мы стыдимся ихъ, ихъ оставляемъ, а на ихъ мѣсто перенимаемъ чужіе... Хорошо ли это?... Какъ-то странно читать, что дѣтскій праздникъ начинается молитвой—пѣніемъ тропаря, а затѣмъ дѣти, сцѣпившись руками, ходятъ вокругъ елки, увѣшанной гостинцами, поютъ пѣсни и какъ бы совершаютъ какой-то *обрядъ* въ честь елки... Да простятъ намъ устроители такихъ церемоній, соединенныхъ съ какимъ-то какъ бы почитаніемъ елки и гостинцевъ (отнимите гостинцы и украшенія съ елки, и она перестанетъ привлекать вниманіе дѣтей): мы боимся, что этотъ иностранный обычай внесетъ въ душу ребенка-простеца нѣчто нежелательное, чуждое его русской православной природѣ. И ужели это такъ нужно? И что это за пристрастіе ко всему иноземному? Ужели ничего такого родного, русскаго нѣтъ у насъ, чтобы занять дѣтей въ ихъ великій праздникъ? Ужели нельзя и попытки сдѣлать въ этомъ отношеніи безъ елки, безъ этого прыганья вокругъ нея съ пѣснями, предваряемыми однако церковнымъ пѣніемъ (пѣніемъ тропаря празднику)¹⁾?—Но что, собственно говоря, предосудительнаго въ елкѣ? — То, что дѣтскій праздникъ начинается обыкновенно молитвою и пѣніемъ тропаря, а оканчивается хожденіемъ вокругъ елки, пѣніемъ свѣтскихъ пѣсенъ и „какъ бы совершеніемъ“ какого-то обряда въ честь елки? Что же тутъ предосудительнаго? Развѣ и передъ уроками русскаго языка и пѣнія дѣти не читаютъ прежде молитву, а потомъ читаютъ басни, стихи и поютъ свѣтскія пѣсни?—Нѣтъ ничего, поэтому, предосудительнаго въ томъ, если дѣти-школьники во время елки сначала воздадутъ хвалу Создателю, пославшему въ міръ Спасителя, а потомъ порѣзвятся и потѣшатся въ границахъ умѣренности. Вѣдь такая радость выпадаетъ на ихъ долю очень рѣдко.—Ничего предосудительнаго не находимъ мы и въ томъ, что обычай устраивать елки заимствованъ нами отъ иноземцевъ. Если иноземное имѣетъ свою хорошую воспитательную сторону, то отчего и не воспользоваться имъ, отчего не подра-

¹⁾ „Божія пива“ № 12, стр. 409.

жать ему? „Пусть обычай устраивать елки перешелъ къ намъ отъ нѣмцевъ. Худого здѣсь нѣтъ ничего, — говорить одинъ доблестный настырь: — перенимать чужое съ *умомъ* — похвально. Не похвально только искажать хорошее чужое своимъ сквернымъ. Грѣхъ искаженія нѣмецкаго обычая лежитъ дѣйствительно на насъ. Въ старой Германіи вокругъ елки и около елки все было чисто, свято, пропитано христіанскимъ духомъ: пѣніе, чтеніе, рассказы, бесѣды около елки — все несло хвалу Рожденному, *боголюбно славословило* Его. Всѣ чины и ранги отлагались въ сторону: богачи и знать долгомъ святымъ считали обласкать, накормить, облагодѣтельствовать нищету, убожество, худородіе — ради Христа, явившагося благотворить и благовѣствовать наипаче нищимъ, горемыкамъ, избитымъ житейскими невзгодами, — *проповѣдовать* *лито* *Господне* *благопріятное* для всѣхъ. Какъ видите, ничего здѣсь *чисто-нѣмецкаго*, а тѣмъ болѣе *языческаго* нѣтъ. Если же у насъ подъ елками и около елокъ иногда творятся немалыя безчинія (разумѣется, въ частныхъ домахъ), то виноваты тутъ не нѣмцы и не елка, а злой нашъ нравъ“¹⁾.

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Церковн. Вѣстн.“, 1904 г., № 1.

Редакторъ Ректоръ Кіевск. Дух. Сем. Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го августа 1904 года.

Цензоръ, священникъ Николай Гроссу.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. **№ 33.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1904 года, 15-го августа.

Содержаніе: Катастрофа духа.—Изъ бесѣды съ о. Алексѣемъ.—По поводу „народной“ выставки картинъ — Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою.

Катастрофа духа.

Книгоиздательскимъ товариществомъ „Знаніе“, объединяющимъ въ себѣ выдающіяся литературныя современныя силы, въ настоящемъ году издано два небольшихъ сборника. Въ первомъ изъ нихъ наиболѣе выдающимся произведеніемъ является разсказъ Л. Андреева: „Жизнь Василя Өивейскаго“, справедливо обратившій на себя вниманіе русской критики. Критикъ журнала „Образованіе“—Н. Ашешовъ весьма удачно охарактеризовалъ содержаніе этого разсказа, назвавъ его „катастрофою духа“.

„Надъ всей жизнію Василя Өивейскаго, — начинается Андреевъ свой разсказъ, — тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ

юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя, и никогда не заживали въ его сердцѣ кровоточащія раны... Сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ и долго не замѣчалъ той зловѣщей и таинственной преднамѣренности, съ какою стекались бѣдствія на его некрасивую вихрастую голову... И когда онъ сдѣлался священникомъ, женился на хорошей дѣвучкѣ и родилъ отъ нея сына и дочь, то подумалъ, что у него все стало хорошо и прочно и пребудетъ такимъ навсегда. И благословилъ Бога, такъ какъ вѣрилъ въ Него торжественно и просто: какъ іерей и какъ человѣкъ съ незлобивой душой“.

На седьмой годъ счастливой жизни о. Василя его постигло первое тяжкое горе: любимый и единственный сынъ его Вася утонулъ, и это несчастье, какъ черная туча, нависло надъ домомъ священника, захватило всю его душу, заслонило всѣ радости жизни. Удрученная тяжкимъ горемъ, „матушка“ не вынесла ниспосланнаго испытанія и завила горькую. О. Василій оказался духомъ сильнѣе: горе поразило его, но не покорило, и, разбитый во всѣхъ своихъ лучшихъ надеждахъ и радостяхъ, онъ твердо сказалъ: „я вѣрю!“ — „И, точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая, онъ снова повторилъ: я *вѣрю*“.

Запой жены о. Василя не могъ остаться неизвѣстнымъ его прихожанамъ, и всѣ начали сторониться отъ батюшки: одни боялись его, другіе же презирали. Больше всѣхъ презиралъ о. Василя и причинялъ ему зла и оскорбленій церковный староста Иванъ Копровъ, одинъ изъ тѣхъ хищниковъ, которые, кромѣ себя, никого и ничего не видятъ и не знаютъ, и которымъ обыкновенно судьба всячески покровительствуетъ.

Въ изъязвленномъ сердцѣ о. Василя и его жены все же живетъ надежда на семейное счастье, надежда имѣть новаго сына, въ которомъ воскресъ бы безвременно погибшій Вася,— „воскресъ бы весь онъ въ красотѣ своего непорочнаго дѣтства, какимъ былъ онъ въ тотъ ужасный іюльскій день, когда ярко горѣло солнце, и ослѣпительно сверкала обман-

чивая рѣка“. Но безумно зачатый въ разгаръ запоя матушки новый ребенокъ и родился безумнымъ. Такимъ образомъ, на голову пришибленныхъ рокомъ людей свалилось новое несчастье. И куда бы они „ни шли, что бы они ни дѣлали, они ни на минуту не забывали, что тамъ, въ полутемной комнатѣ, сидитъ нѣкто неожиданный и страшный, безуміемъ рожденный“. Еще мрачнѣе, еще тяжелѣе стало съ той поры въ домѣ о. Василя; еще сильнѣе запыла съ того времени жена его; еще обособленнѣе и замкнутѣе сталъ онъ, погружившись весь въ думы о Богѣ, о людяхъ, о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни. О. Василій начинаетъ глубже, внимательнѣе относиться къ чужой жизни, къ жизни своихъ прихожанъ. До этого времени онъ видѣлъ и зналъ только себя, свое огромное горе, свои сомнѣнія, — „теперь земля выросла и вся заселилась людьми, подобными о. Василю, и было ихъ множество, и каждый изъ нихъ по-своему жилъ, по-своему страдалъ, по-своему надѣялся и сомнѣвался“. И сталъ о. Василій постепенно постигать правду жизни и „чувствовать ее, то какъ *отчаяніе* и безумный страхъ, то какъ жалость, *тѣнь* и надежду“. Страданія жены, ея запои, общее людское горе и нужда постепенно захватываютъ и распатываютъ крѣпкую вѣру о. Василя. Между прочимъ, Андреевъ рисуетъ такую сцену, происходящую между о. Василиемъ и его женой:

„Лицо о. Василя изступленно дергалось, и прыгающія губы ломали отрывистыя, безпредѣльно-скорбныя слова:

— Бѣдная. Бѣдная. Всѣ бѣдны. Всѣ плачутъ. И нѣтъ помощи! О-о-о!

Онъ остановился и, поднявъ къверху остановившійся взоръ, пронизывая имъ потолокъ и мглу весенней ночи, закричалъ пронзительно и изступленно:

— И ты терпишь это! Терпишь! Такъ вотъ же!..

Онъ высоко поднялъ сжатый кулакъ, но у ногъ его, охвативъ руками колѣни, билась въ истерикѣ попадья и бормотала, захлебываясь слезами и хохотомъ:

— Не надо! Не надо! Голубчикъ, милый!

Черезъ нѣсколько времени о. Василиій успокоился, но не улеглось его сомнѣніе.—Начался Великій постъ, и снова людское горе, нужда, людское паденіе стали предъ нимъ во весь свой грозный ростъ, и потерявшемуся о. Василию казалось, будто весь живой міръ принесъ ему свое горе и муку и ждетъ отъ него помощи, ждетъ кротко и повелительно. Особенно поразилъ его одинъ исповѣдникъ, развратный и до послѣдней степени испорченный калѣка, открывшій на духу цѣлую мрачную бездну человѣческаго паденія и горя. Сомнѣнія о. Василия снова бурно воскресаютъ; охваченный ими, онъ приходитъ къ рѣшенію—снять санъ, о чемъ и заявляетъ женѣ.

Въ домѣ о. Василия на время воцарились покой и надежда на новую, лучшую жизнь; жена о. Василия раздумываетъ даже о томъ, какъ она „тамъ“, на новомъ мѣстѣ, перестанетъ пить. Но и въ эти дни о. Василиій чувствовалъ, что „надъ жизнію его тяготѣетъ жестокой и загадочный рокъ“. И предчувствіе не обмануло: однажды, въ отсутствіе о. Василия, когда онъ былъ въ полѣ, загорѣлся его домъ; въ домѣ сгорѣла его жена, идіота же сына успѣли спасти. Смерть любимой несчастной страдальцы-жены возвращаетъ на время о. Василия къ Богу, къ вѣрѣ въ Него. „Онъ палъ на колѣни, приникъ лицомъ къ полу — точно жаждалъ онъ превратиться въ прахъ и смѣшаться съ прахомъ. И съ восторгомъ безпредѣльной униженности, изгоняя изъ рѣчи своей самое слово *я*, сказалъ: *втрую*“.

Очищенный и возрожденный новымъ постигшимъ его несчастіемъ, о. Василиій по-новому перестраиваетъ свою жизнь, по-новому освѣщаетъ ее, находитъ въ ней высшую цѣль и смыслъ. „Онъ думалъ, что тамъ, гдѣ видѣлъ онъ хаосъ и злую бессмыслицу, тамъ могучею рукою былъ начертанъ вѣрный и прямой путь. Черезъ горнило бѣдствій, насильственно отторгая его отъ дома, отъ семьи, отъ суетныхъ заботъ о жизни, вела его могучая рука къ великому подвигу, къ ве-

ликой жертвѣ. Всю жизнь его Богъ обратилъ въ пустыню, но лишь для того, чтобы не блуждалъ онъ по старымъ изъѣзженнымъ дорогамъ, по кривымъ и обманчивымъ путямъ, какъ блуждаютъ люди, а въ безбрежномъ и свободномъ просторѣ ея искалъ новаго и смѣлаго пути. Вчерашній столбъ дыма и огня—развѣ онъ не былъ тѣмъ огненнымъ столбомъ, что указывалъ евреямъ дорогу въ бездорожной пустынѣ? Онъ думалъ: *Боже, хватитъ ли слабымъ силъ моихъ?*—но отвѣтомъ былъ пламень, озарившій его душу, какъ новое солнце.

„Онъ избранъ. На невѣдомый подвигъ и невѣдомую жертву избранъ онъ, Василиій Өивейскій, тотъ, что святотатственно и безумно жаловался на судьбу свою. Онъ избирающъ...“

— „Богъ далъ мнѣ много,—разсуждаетъ отецъ Василиій:— Онъ далъ мнѣ видѣть жизнь и испытать страданія и остріемъ моего горя проникнуть въ страданіе людей. Онъ далъ мнѣ почувствовать ихъ великое ожиданіе и любовь къ нимъ далъ. Развѣ они не ждутъ, и развѣ я не люблю? Милые братья! Пожалѣлъ насъ Господь, насталъ для насъ часъ милости Божіей!“

Созерцая жизнь во всей ея неприглядности, человѣческое горе во всей его силѣ, о. Василиій приходитъ къ тому выводу, что для обновленія жизни и ея оправданія нужно „чудо“, какъ средство внезапнаго обновленія. Въ чудѣ рисовался священнику „новый прекрасный міръ любви и божественной справедливости, міръ свѣтлыхъ и безбоязненныхъ лицъ, не опозоренныхъ морщинами страданій, голода и болѣзней“. Чувствуя свое призваніе для совершенія чего-то великаго, новаго, о. Василиій начинаетъ вести самую строгую аскетическую жизнь, отказывается отъ своихъ доходовъ, земли, каждый день, къ недовольству остальныхъ членовъ причта, совершаетъ богослуженіе, читаетъ Слово Божіе, и этимъ готовится себя на великое дѣло.

Скоро въ приходѣ о. Василиія случилось несчастье: крестьянина Мосягина засыпало пескомъ. Былъ онъ чело-

вѣкъ неглухой, обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ, былъ добрый по душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно голодный, жившій на границѣ между жизнью и смертію. И вотъ, слѣпой случай отнялъ этого кормильца у голодныхъ дѣтей. Жажда чуда, медленно нарастающая въ душѣ о. Василя, при погребеніи Масыгина, такъ случайно-нелѣпо погибшаго, переходитъ въ увѣренность. „Всколыхнулось въ груди его что-то огромное, неожиданно радостное, неожиданно прелестное... Это оно! Оно, могучее, все разрѣшающее чувство, повелѣвающее надъ жизнью и смертію“. Въ понедѣльникъ на Духовъ день хоронили Масыгина. Не только родные, но и всѣ односельчане пришли отдать послѣдній долгъ умершему. И вотъ, у этого гроба произошло то, чего всѣ боялись, но чего ожидали отъ „святого попа“: въ то время, какъ на клиросѣ всѣ призывались „дать послѣднее цѣлованіе умершему, о. Василій быстро направился къ молчаливому гробу.

— „Тебѣ говорю: встань, — торопливо говорилъ онъ, обращаясь къ бездыханному разлагающемуся тѣлу. Второй и третій разъ повторяетъ онъ то же. Но неподвиженъ былъ мертвецъ; и вѣчную тайну хранили его уста. И, спрятавъ глаза подъ каменною аркою бровей, онъ говоритъ спокойно, спокойно, — тихо, тихо, какъ будто разбудить кого-то боится:

— Ты обмануть меня хочешь? — Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ? — Такъ зачѣмъ же Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ и жалость — чтобы посмѣяться надо мною? — Такъ зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вдоха! Все однимъ Тобою, все для Тебя. Одинъ Ты! Ну, явись же — я жду. — Ты долженъ! Отдай ему жизнь! Бери у другихъ, а ему отдай! Я прошу. Ему не нужно рая. Тутъ его дѣти. Они будутъ звать: отецъ! И онъ скажетъ: сними съ головы моей вѣнецъ небесный, ибо тамъ — тамъ соромъ покрываютъ головы моихъ дѣтей“.

Слабый человѣческій мозгъ не выдержалъ такого страшнаго напряженія: — о. Василій кончилъ помѣшательствомъ и

смертію. Мы опускаемъ при этомъ подробности послѣдней сцены, которую не возможно передать своими словами—такъ она сильно написана, и цитировать ее можно только полностію...

Таково въ общемъ содержаніе новаго произведенія Л. Андреева. Мы далеки отъ мысли разбирать этотъ рассказъ съ литературной и художественной стороны; въ немъ насъ привлекаетъ только внутренняя, идейная сторона.

Какъ бытовой рассказъ, изображающій жизнь духовенства, рассказъ Андреева не представляетъ ровно никакой цѣнности. Но Андреевъ затронулъ такой вопросъ, который имѣетъ общее значеніе, заглянулъ въ такую сторону человѣческой жизни, человѣческой души, которая можетъ имѣть мѣсто во всякомъ званіи и состояніи. Поставивши себѣ цѣлью изобразить катастрофу человѣческаго духа, подъ неумолимыми ударами судьбы теряющаго вѣру въ Бога и Его Промыслъ, Андреевъ дѣйствующимъ лицомъ взялъ священника, чтобы усилить впечатлѣніе, чтобы противоположность вѣры и невѣрія усиливалась самымъ званіемъ, условіями жизни главнаго дѣйствующаго лица. Въ своемъ рассказѣ Андреевъ отмѣчаетъ особенно рельефно одну сторону въ жизни духовенства—это сиротливость и одиночество духовенства въ селѣ, въ которомъ священнику часто негдѣ бываетъ искать правственной поддержки, слова участія. Та сѣрая масса, которая прибѣгала за словомъ утѣшенія къ о. Василю, знала, что онъ несчастливъ въ своей жизни, сторонилась отъ него, считал за дурную примѣту даже встрѣчу съ нимъ. Люди, которые считали себя выше простой деревенской темноты, стояли, конечно, гораздо ниже о. Василя, и ужъ не имъ онъ могъ повѣрять свои думы и муки, въ которыхъ горѣла и терзалась его измученная душа. Здѣсь авторъ, быть можетъ, и мало знающій жизнь духовенства, художественнымъ чутьемъ подмѣтилъ въ ней весьма важную черту, которой объясняются ея нѣкоторыя стороны и недостатки.

Но если въ бытовомъ отношеніи разсказъ Андреева не представляетъ цѣнности, — такъ какъ символистъ-Андреевъ не могъ и ставить себѣ цѣлью изображеніе реальной жизни, — зато разсказъ весьма цѣненъ по своей идеѣ и по глубинѣ психологическаго анализа. Андреевъ хотѣлъ вскрыть тяжкое зло современной жизни — невѣріе и показать, откуда оно происходитъ, чѣмъ питается въ современномъ обществѣ. Мы убѣждены, что черты Василя Өивейскаго взяты писателемъ изъ реальной жизни не русскаго духовенства, — такое лицо если и возможно въ средѣ духовенства, то лишь какъ весьма рѣдкое исключеніе, — интеллигентнаго общества, той его части, гдѣ вѣра еще не изгнана изъ сердца, какъ „ненужный предразсудокъ“. На о. Василя Өивейскаго Андреевъ перенесъ тѣ черты и особенности, которыя онъ нашелъ въ нашемъ свѣтскомъ интеллигентномъ маловѣрующемъ классѣ, лишенномъ цѣльности и непосредственности, мало или совсѣмъ незнающемъ своей вѣры, Христова ученія.

Въ Василя Өивейскомъ Л. Андреевъ хотѣлъ показать процессъ потери вѣры; вотъ почему онъ хотѣлъ и самого Василя Өивейскаго сдѣлать глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ въ началѣ своей повѣсти: „онъ вѣрилъ въ Бога торжественно и просто: какъ іерей и какъ человѣкъ съ незлобивой душой“, замѣчаетъ о немъ авторъ на первой страницѣ своего разсказа. Но вотъ постигло о. Василя несчастье: онъ потерялъ любимаго сына. Какія чувства переживаетъ въ это время о. Василій?

Въ тяжкихъ душевныхъ мукахъ, „точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая“, онъ говоритъ: „я вѣрю“. Но уже въ этомъ: „я вѣрю“ слышится сомнѣнье, и ясно сказывается, что червь сомнѣнія давно жилъ и никогда не умиралъ въ душѣ о. Василя. Слѣдовательно, той цѣльной, простой, непосредственной вѣры, какою хотѣлъ бы надѣлать авторъ Василя Өивейскаго, онъ не создалъ и не далъ ему, — и понятно почему — въ нашемъ интеллигентномъ и полуинтели-

гентномъ обществѣ такой вѣры давно нѣтъ. Отсутствие цѣлостной вѣры, „половинчатость“ души о. Василия непременно должны были сказаться и въ жизни его, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Передавая содержаніе разсказа Андреева, мы упустили изъ виду указать одно важное обстоятельство въ жизни его: у него, кромѣ утонувшаго сына Васи и другого сына—идіота, была дочь Настя. Лицо это—вводное въ разсказъ, невидное, но Настя заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться. На Настю ни отецъ, ни мать не обращаютъ никакого вниманія, о воспитаніи ея совершенно не думаютъ,—и растетъ она безпризорнымъ дичкомъ, въ грязи, въ тяжелой черной работѣ. Л. Андреевъ совершенно не объясняетъ этого прискорбнаго обстоятельства; не ясно оно и для читателя, разъ авторъ хотѣлъ представить о. Василия и добрымъ и глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ. Мало прилагаетъ усилій о. Василий и къ тому, чтобы облегчить несчастіе своей жены, запившей горькую; только одинъ разъ онъ посоветовался съ докторомъ, и тотъ далъ ему пузырькъ съ каплями.

Въ настоящее время среди многихъ лицъ, считающихъ себя яко-бы вѣрующими, господствуетъ чисто утилитарный взглядъ на религію. Лучшее устройство земной жизни, общее равенство всѣхъ во всемъ, уменьшеніе, если не совершенное уничтоженіе, всѣхъ страданій и несчастій, общая радостная свѣтлая жизнь на землѣ—вотъ какъ представляютъ себѣ царство Божіе на землѣ многіе, считающіе себя истинными послѣдователями Спасителя. Такія чаянія и надежды на земной рай при содѣйствіи христіанскаго ученія—ни больше, ни меньше, какъ подтасовка подъ христіанство, затемняющая истинное христіанство въ сознаніи людей. Улучшая земную жизнь людей, христіанство въ Богѣ и загробной жизни указываетъ конечный пунктъ, или цѣль самой жизни. Особеннаго благополучія здѣсь, на землѣ, оно никому не обѣщаетъ и не гарантируетъ, даже напротивъ—прямо говоритъ о томъ, что послѣдователи Христа въ мірѣ скорбни будутъ, что они дол-

жны въ терпѣніи стяжать души свои, въ терпѣніи взирать на подвигоположника Христа и у Него учиться. Истинно-вѣрующій христіанинъ никогда не смутится никакими скорбями и несчастіями, такъ какъ его вѣра всему даетъ высшій смыслъ и оправданіе, а высшее утѣшеніе полагаетъ во Христѣ, Который не допуститъ *искуситься намъ больше, чѣмъ мы можемъ, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе*, т. е. во всякой скорби подастъ облегченіе. Вѣра необходимо родитъ въ душѣ терпѣніе, и „христіанинъ, искушенный въ терпѣніи, тѣмъ больше воодушевляется къ подвигу, чѣмъ больше собирается предъ нимъ препятствій и опасностей; онъ тѣмъ больше возвышается внутренно, растетъ и укрѣпляется, чѣмъ выше цѣль, къ которой онъ стремится, чѣмъ славнѣе побѣда, которой онъ домогается. Онъ говоритъ съ апостоломъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусъ Христъ* (Филип. 4, 13)¹⁾. Андреевъ въ своемъ разсказѣ хочетъ доказать, что удары судьбы, общее горе и страданіе и *вѣрующихъ* людей приводятъ къ невѣрію. Но этого не можетъ быть. Вся исторія Церкви, мученики всѣхъ временъ, всѣ борцы за идею, кровію своею отстаивавшіе свои убѣжденія, говорятъ противъ этого: вѣры никакая сила не сломитъ, и если Андреевъ доказываетъ обратное, то только потому, что въ жизни самъ онъ никогда не встрѣчалъ горячѣй, непосредственной вѣры, такъ какъ такой вѣры давно уже нѣтъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, а спуститься пониже, обратиться къ народу, въ которомъ есть еще живая вѣра, онъ не потрудился.

Съ этой стороны, т. е. какъ характеристика настроенія современнаго намъ полу-вѣрующаго интеллигентнаго класса, его религіозныхъ мукъ и того пути, по которому современный человѣкъ приходитъ къ невѣрію, разсказъ Л. Андреева

¹⁾ Полное собр. проповѣдей Амвросія, архіепа. Харьковскаго, т. III, стр. 461.

представляетъ крупное явленіе въ нашей художественной литературѣ, заслуживающее самаго серьезнаго вниманія.

Свящ. *В. Пестряковъ.*

Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.

V.

(О величайшемъ подвигѣ любви).

Эта бесѣда наша происходила вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ отдѣльнымъ приложеніемъ къ одному духовному журналу прекраснаго труда извѣстнаго іеромонаха Михаила: „О. Іоаннъ Кронштадтскій“. Естественно, вниманіе всѣхъ насъ, обычныхъ посѣтителей почтеннаго о. Алексѣя Семеновича, занято было этой крупной литературной новинкой, и разговоръ нашъ касался или неоспоримыхъ достоинствъ книги, или переходилъ къ глубокочтимой всѣми нами личности Кронштадтскаго пастыря.

Нашъ кружокъ успѣлъ уже ознакомиться съ книжкой о. Михаила, и каждый дѣлился теперь впечатлѣніями, вынесенными отъ чтенія. Одни восхищались художественнымъ, живымъ, мастерскимъ изложеніемъ, при которомъ величавая фигура о. Іоанна вырисовывалась предъ нами во весь нравственно-гигантскій, особенно для нашего времени, ростъ; другіе останавливались на многообразныхъ сторонахъ его широкой и плодотворной пастырской дѣятельности. Особенно умиляло и трогало многихъ изъ насъ пропикновенное и въ высшей степени художественное изображеніе авторомъ о. Іоанна, какъ священнодѣйствующаго, при совершеніи имъ божественной литургіи. Пламенѣющимъ серафимомъ предносился нашему воображенію великій пастырь, предстоящій престолу Господа славы, приносящій жертву хваленія,—и сжималось неволью наше сердце тоскою и скорбію о собственномъ несовершенствѣ въ молитвенномъ подвигѣ. Однимъ словомъ, много хорошихъ мыслей и чистыхъ, святыхъ чувствъ

пробудила въ насъ единственная въ своемъ родѣ книга о. Михаила: было отчего оживиться нашей бесѣдѣ. Книга помогла намъ глубже понять личность Кронштадтскаго пастыря и еще больше полюбить его...

О. Алексѣй Семеновичъ съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за нашими оживленными разговорами; въ его славныхъ старческихъ очахъ свѣтились радость и ласка. Радовался онъ подъему нашего духа, раздѣлялъ наши мысли и чувства, и самъ, видимо, испытывалъ не меньше нашего оживленіе своей нестарѣющей съ годами, отзывчивой души.

— „Да, друзья мои,—началь о. Алексѣй,—безконечно благодарны должны мы быть о. Михаилу за его чудную книгу, за тотъ праздникъ души, который переживаемъ мы теперь съ вами, прочитавши ее!.. Намъ, пастырямъ, особенно дорого и полезно какъ можно ближе узнать о. Іоанна, постичь всю высоту нравственнаго подвига, который онъ несетъ столько лѣтъ, преклониться предъ его истинно-апостольскимъ самоотверженіемъ.

„Широка, всесторонняя его полувѣковая пастырская дѣятельность. И на какую бы сторону ея мы ни обратили вниманіе, насъ одинаково поражаетъ нравственная высота и цѣнность результатовъ, какиихъ помогаетъ достигать въ ней Самъ Богъ Своему избраннику. Сила вѣры, даръ молитвы о. Іоанна творять чудеса во очію нашу; его благотворительность по щедрости, прочности организаціи, по своей плодотворности и широтѣ—прямо поразительна; истинно-христіанскій аскетизмъ личной жизни, полиѣйшая нестяжательность его извѣстны намъ всѣмъ. Пастырское слово о. Іоанна своей силой, прямою, строгостію въ обличеніи современныхъ общественныхъ язвъ, своей глубиной и дѣйствіемъ на сердца и умы человѣческіе положительно можно сравнить съ вдохновенной рѣчью пророка Божія...

„Такимъ представляется намъ образъ Кронштадтскаго пастыря въ его многоразличной дѣятельности—и не представляется только, но таковъ онъ и на дѣлѣ, воистину,—и это

самое главное. Но если все отмѣченныя нами черты его жизни и дѣятельности заставляютъ насъ невольно преклоняться предъ ихъ нравственной высотой и прославлять Бога, подающаго такія силы избраннымъ Своимъ, то еще болѣе должны мы поражаться въ чудной личности о. Іоанна одной чертой, о которой я пока не упомянулъ. Это—подвигъ личнаго самоотверженія, подвигъ истинно-христіанской любви, въ которомъ онъ упражняетъ неустанно свои духовныя силы и въ которомъ достигъ почти полнаго совершенства. Въ этомъ подвигѣ, самомъ трудномъ и высокомъ, о. Іоаннъ является вѣрнымъ подражателемъ ап. Павла,—и, по моему мнѣнію, здѣсь именно—объясненіе и разгадка чудныхъ свойствъ пастырской его дѣятельности, которая превышаетъ обыкновенныя человѣческія силы...

„Быть щедрымъ благотворителемъ, глаголомъ жечь сердца людей, являть примѣръ воздержанія, нестяжательности и при этомъ все же оставлять себѣ уголокъ личной жизни, удовлетворять, какъ говорятъ, законнымъ требованіямъ эгоизма—такое существованіе для насъ понятно. Но вотъ въ лицѣ о. Іоанна мы видимъ нѣчто несравненно высшее и поразительное: онъ всецѣло и нераздѣльно, во имя любви къ Богу и ближнему, отдаетъ самого себя, свою душу, свою жизнь Богу и людямъ. Для него личной, эгоистической жизни какъ бы вовсе не существуетъ,—живетъ онъ въ Богѣ и въ людяхъ... Какой это высокій подвигъ самоотреченія, и какое, едва понятное для насъ, состояніе духовной свободы, духовнаго удовлетворенія! Не однимъ тѣмъ высокъ въ нашихъ глазахъ и достоподражаемъ Кронштадтскій пастырь, что силенъ словомъ и дѣлами благотворенія и даже даромъ чудотворенія, но тѣмъ даромъ совершенной любви, которою онъ живетъ и служитъ постоянно Богу и людямъ. Если мы вникнемъ въ содержаніе всего написаннаго имъ, особенно его дневниковъ, то увидимъ, какъ чудный пастырь постепенно, упорной борьбой съ косностью человѣческой природы, съ эгоистическими порывами и требованіями ея, достигалъ духовной свободы и

торжества самоотверженной любви надъ самолюбіемъ. И вотъ, вѣнцомъ этой борьбы является предъ нами идеально, апостольски-высокая жизнь о. Іоанна. Она намъ во многомъ напоминаетъ жизнь великаго апостола языковъ, который пламенѣлъ огнемъ божественной любви и поставлялъ ее, по достоинству, выше дара чудотвореній, мученичества, полной нестяжательности. Въ любви онъ почерпалъ силы для своихъ апостольскихъ подвиговъ, по любви къ ближнимъ не зналъ онъ личнаго покоя, будучи всѣмъ для всѣхъ; по любви къ братіямъ по плоти онъ хотѣлъ бы быть даже отлученнымъ отъ Христа, если бы только можно было такую цѣную приобрѣсти ихъ спасеніе... Смотря на жизнь о. Іоанна, мы видимъ сходныя черты. Онъ въ служеніи Богу и ближнимъ не знаетъ покоя, отдохновенія: онъ или на молитвѣ—съ Богомъ, или—съ ближними, какъ утѣшитель, другъ, молитвенникъ всѣхъ труждающихся. Его не удерживаютъ ни разстоянія, ни поздній часъ ночи; онъ готовъ забыть и сонъ и усталость, когда требуетъ того дѣло любви. Любовь побѣждаетъ все и дѣлаетъ понятными и объяснимыми неослабную энергію, бодрость тѣла и духа, которыя поражаютъ насъ въ немъ, когда мы представимъ себѣ его преклонныя годы...

„Не могу, друзья мои, удержаться, чтобы не распространиться въ разговорѣ о свѣтлой личности о. Іоанна всякій разъ, какъ представляется къ тому удобный случай, подобный настоящему. Я думаю и вѣрю, что Богъ нарочито воздвигъ намъ для наученія этотъ свѣтильникъ, горящій и свѣтящій во дни замѣтнаго оскуднѣнія вѣры и любви среди современнаго общества. Если для кого, то для насъ, пастырей, жизнь Кронштадтскаго пастыря, его подвиговъ самоотверженной любви должны быть особенно поучительны и вразумительны. И я сердечно радуюсь за васъ, что всѣ вы такъ близко заинтересованы жизнью и дѣятельностію нашего общаго руководителя и учителя въ прохожденіи труднаго пастырскаго служенія. Добрый это знакъ и хорошая примѣта: ясно, что и мы хотѣли бы соревновать въ исполненной бла-

гихъ плодовъ дѣятельности о. Іоанна. Есть и въ каждомъ изъ насъ честные порывы послужить на спасеніе, на благо ближняго, свято исполнить свой долгъ, свое назначеніе, указанное намъ Богомъ,—назначеніе, къ которому мы призваны.

„Да и какъ намъ оставаться косными, неподвижными, бездѣтельными при современномъ состояніи народныхъ массъ и образованнаго общества? Посмотрите вокругъ: какъ видимо, во-очію томить и мучить людей теперь алчба и жажда духовныя. Извѣрились люди и утратили когда-то утѣшавшую ихъ ложную, обманчивую надежду найти полное удовлетвореніе въ чувственномъ земномъ благополучіи; они снова ищутъ Бога, стремятся къ возрожденію, къ духовному обновленію всевозможными путями. И кто можетъ направить на истинный путь всѣхъ этихъ измученныхъ напрасными исканіями цѣли и смысла жизни, близкихъ къ отчаянію людей, какъ не подобные Кронштадтскому пастырю самоотверженные, твердые въ вѣрѣ, исполненные любви руководители духовной жизни?

„Отсюда, друзья мои, открывается для насъ настойчивая, неотложная нужда явиться въ жизни и дѣятельности послѣдователями, искренними учениками о. Іоанна. Противъ зла, въ корнѣ развѣдающаго современное намъ общество, слѣдуетъ употребить противоположное ему врачевство. Оскудѣніе любви въ людяхъ, господство эгоизма во всевозможныхъ проявленіяхъ—вотъ что растлѣваетъ современную жизнь; поэтому, для ея обновленія, для ея созиданія необходимо вооружиться самоотверженной любовію, воспитать, возрастить ее въ себѣ самомъ неустаннымъ подвигомъ. Это смогъ выполнить о. Іоаннъ и явился для всѣхъ, обезсиленныхъ житейскимъ эгоизмомъ, чувственной, плотской жизнию, могучимъ руководителемъ-наставникомъ на пути обновленія, духовнаго воспитанія. Чувствомъ, какъ бы инстинктивно, поняли люди великую духовную мощь, сокрытую въ немъ,—и вотъ причина неотразимаго обаявія его на сердца и умы современниковъ!“...

Искренностію, юношескимъ воодушевленіемъ звучала рѣчь досточтимаго о. Алексѣя Семеновича; по мѣстамъ она переходила въ призывъ, въ прямое поученіе, обращенное къ намъ, его постояннымъ посѣтителемъ и собесѣдникамъ. Но насъ не смущалъ этотъ поучительный тонъ его словъ, тѣмъ болѣе, что каждый изъ насъ внутренне сознавалъ правоту его рѣчи, его настоятельнаго призыва послѣдовать по стопамъ Кроншдатскаго пастыря. Напротивъ, тихая грусть и искреннее сожалѣніе овладѣвали нами при мысли, какъ мы въ своей жизни и дѣятельности далеки отъ того идеала пастыря, который, при благодатной помощи, сумѣлъ осуществить о. Іоаннь. Въ самомъ дѣлѣ, если подумать: отчего остаются неосуществленными у насъ весьма часто самыя благія намѣренія, малоплодными и малоуспѣшными оказываются наши усилія и начинанія, почему безсильными, неудачными „ловцами человѣковъ“ являемся мы въ пастырской дѣятельности и не можемъ привлечь къ себѣ сердца людскія? Не потому ли, что сами мы не совершенны въ любви, по рукамъ и по ногамъ связаны „куплями житейскими“, живемъ для себя и часто не рѣшаемся поступиться личнымъ интересомъ, своимъ довольствомъ и спокойствіемъ во имя служенія Богу и ближнему?—Хорошо и утѣшительно одно уже то, что примѣры самоотверженнаго пастырства, подобныя о. Іоанну, будятъ въ насъ добрыя чувства, самоотверженные порывы, влекутъ и насъ къ совершенству. Дороги и полезны для насъ и подобныя бесѣды, вливающія бодрость и мужество въ пастырскую многострадальную душу.

Свящ. А. *Веселікій.*

По поводу „народной“ выставки картинъ.

Живопись настоящая художественная идетъ въ народъ, — какъ этому не радоваться! Давно пора взяться за воспитаніе эстетическаго вкуса у нашего простого народа ¹⁾, несомнѣнно художественнаго по натурѣ, что сказывается въ его стремленіи къ архитектурному рисунку въ постройкѣ, къ оригинальнымъ рисункамъ на пасхальныхъ яичкахъ (писанкахъ), къ рисункамъ и орнаментамъ на костюмахъ; а о чисто-художественной народной пѣснѣ, о музыкальныхъ самобытныхъ инструментахъ, служащихъ для выраженія на нихъ радостей и скорбей души народной, мы уже не говоримъ.

Пора вмѣстѣ съ религіознымъ, умственнымъ и нравственнымъ просвѣщеніемъ народа дать пищу и его эстетической потребности въ области живописи, гдѣ народъ довольствуется пока, какъ извѣстно, грубыми и аляповатыми продуктами разныхъ московскихъ картинныхъ заведеній; не болѣе художественна и религіозная домовая, а нерѣдко и храмовая живопись.

Идея устройства „народныхъ“ выставокъ картинъ въ значительной мѣрѣ будетъ способствовать поднятію уровня художественнаго развитія народа. Идея эта въ настоящее время, благодаря матеріальной помощи и содѣйствію Императорской Академіи Художествъ, уже осуществлена; названныя выставки, въ буквальномъ смыслѣ „народныя“, будутъ обслуживать не только захолустные города, мѣстечки, но главнымъ образомъ села, деревни; онѣ, какъ твердо рѣшили ихъ учредитель художникъ В. Розвадовскій, сами пойдутъ навстрѣчу ощущаемому въ средѣ простонародныхъ массъ запросу для пополненія запаса художественно-изобразительныхъ

¹⁾ Этому способствуетъ теперь хоровое церковное пѣніе и исполненіе хоровыхъ свѣтскихъ лучшихъ гимновъ и патріотическихъ и бытовыхъ пѣсней (Пермское, а за нимъ Вятское земство, уже позаботились объ учрежденіи хоровыхъ сельскихъ обществъ).

впечатлѣній, распространяя знакомство съ дѣйствительно художественными произведеніями. Пока райономъ для „народной“ выставки избранъ юго-западный край—Кіевская и Подольская губерніи. Не взирая на очень низкій уровень художественно - эстетическаго развитія населенія юго - западнаго края, несомнѣнно, однакожь, среди народа, а еще болѣе среди мѣстной интеллигенціи, живетъ любовь къ искусству, проявляющаяся пока въ самой примитивной формѣ. Всѣ художественныя произведенія для мѣстныхъ обывателей ограничиваются церковной, часто весьма неудовлетворительной, живописью, лубочными картинами и плохими олеографіями, щедро разсылаемыми въ качествѣ бесплатныхъ приложений къ различнымъ дешевымъ періодическимъ изданіямъ. Несмотря на всѣ недочеты вращающихся въ средѣ простонародья предметовъ, носящихъ слѣды художественнаго творчества, онъ настолько — чисто стихійно — стремится къ изобразительнымъ искусствамъ, что трудно найти „хату“, гдѣ бы не было хотя нѣсколькихъ литографій, выжженныхъ на лавкахъ и столахъ орнаментовъ, вышитыхъ полотенецъ, расписанныхъ красками пасхальныхъ яицъ и т. д.; а „размалеванныя“ снаружи и внутри хаты видимъ сплошь и рядомъ. И вотъ, идея „народныхъ“ выставокъ, благодаря энергіи художника В. Розвадовскаго, осуществлена, наконецъ. Выставка недавно гостила въ Кіевѣ, гдѣ она помѣщалась у памятника св. кн. Владиміра. Помѣщеніе представляло собою палатку съ круглыми отверстіями вверху для пропуска свѣта по мѣрѣ надобности; въ свѣтлые дни совершенно достаточно разсѣяннаго свѣта, проходящаго сквозь полотно. При входѣ посѣтитель невольно обращаетъ прежде всего свое вниманіе на небольшую икону Богоматери, украшенную, по южно - русскому обычаю, вышитыми полотенцами и свѣжими дубовыми листьями.

Выставка состоитъ изъ 120 оригинальныхъ картинъ религіознаго, историческаго и бытоваго содержанія, а также этюдовъ и эскизовъ разныхъ художниковъ; между ними встрѣ-

чаются имена известныхъ художниковъ — Лемоха, Рѣпина, Богданова-Бѣльскаго¹⁾, Киселева и др. Всѣ художники согласились принять участіе въ выставкѣ своими произведеніями безвозмездно. Картины вставлены въ рамы, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ стѣнками плоскихъ ящиковъ (разборныхъ), предназначенныхъ для перевозки картинъ. Въ каждомъ такомъ ящикѣ-рамѣ помѣщено по нѣсколько картинъ: однѣ прикрѣплены къ дну, другія къ крышкѣ ящика. Для облегченія груза нѣкоторые ящики сдѣланы изъ палье-маше.

Картинъ религіознаго содержанія на выставкѣ не много — „Нагорная проповѣдь“ (Максимова), „Чудесное насыщеніе пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ народа“ (его же), „Вдали отъ міра“ (Эшкичевича) и „У воротъ Ахтырскаго монастыря, Харьк. губ.“ (Зарубина). Бóльшая часть картинъ воспроизводитъ сюжеты историческіе и бытовые; нѣкоторые изъ послѣднихъ (напр., „Крестыанскія дѣти“, „Дівчинка“ и друг.) положительно прекрасны. Изъ историческихъ картинъ выдаются: „Волхвъ“, „Вѣче“, „На дворѣ удѣльнаго князя“, „На государеву службу“, „Юрьевъ день“ и „Боярская Дума“. Есть достаточно и пейзажей, отчасти относящихся къ южно-русской природѣ; другіе же посвящены природѣ Россіи вообще. Такъ какъ созерцаніе картинъ для народа будетъ вмѣстѣ и урокомъ исторіи и географіи отечественной, то въ „Спискѣ картинъ народной выставки“ (каталогѣ) совершенно умѣстно къ нѣкоторымъ произведеніямъ картинъ историческаго содержанія присоединять коротенькій текстъ, дающій обозрѣвателю возможность разобраться въ сюжетѣ картины; слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, такимъ же текстомъ снабдить и другія картины историческаго содержанія, равно какъ и пейзажной живописи. Впрочемъ, устроители въ этомъ случаѣ недостатокъ печатнаго слова могутъ легко восполнить

¹⁾ Богдановъ-Бѣльскій — художникъ-самородокъ, вышедшій изъ учениковъ С. А. Рачинскаго и, по его указанію, окончившій курсъ въ Академіи Художествъ.

болѣе или менѣе подробными устными объясненіями, на что они и изъявили печатно свое любезное согласіе. На оборотной страницѣ „Списка картинъ“ помѣщено слѣдующее обращеніе: „Братья-крестьяне! не стѣсняйтесь спрашивать художника, сопровождающаго выставку, какъ смотрѣть картины; что написано; имена художниковъ, писавшихъ картины; какое назначеніе имѣютъ картины. На всѣ вопросы, касающіеся выставки и картинъ, каждый, по мѣрѣ возможности, получить объясненіе“. Плата за посѣщеніе выставки въ день открытія въ Кіевѣ была 55 коп., въ остальные дни—32 коп., въ праздничные дни—17 коп.; въ селахъ же и деревняхъ плата будетъ 2—3 коп.

Вечеромъ посредствомъ волшебнаго фонаря демонстрируются народу картины, выбранныя изъ музея Императора Александра III, Эрмитажа, галереи П. М. Третьякова. Съ выставочныхъ картинъ будутъ сдѣланы репродукціи, исполненныя въ краскахъ и одноцвѣтныя. Эти репродукціи въ краскахъ, размѣромъ $2 \times 3\frac{1}{8}$ верш. съ нѣкоторыхъ картинъ, наклеенныя на паспорту, съ художественно-исполненной виньеткой на мотивъ народнаго орнамента, предположено продавать *для интеллигенціи* по слѣдующимъ цѣнамъ: одинъ экз.—25 коп., серіи отъ 6 до 60 экз. по 1 р. 25 коп. за каждые 6 экз. и т. д., съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ цѣнъ въ зависимости отъ количества экземпляровъ. Для *простого народа* цѣны въ значительной степени будутъ понижены. Такимъ образомъ, крестьяне не только получаютъ облагораживающія эстетическія впечатлѣнія на самой выставкѣ, но будутъ имѣть возможность постоянно вспоминать ихъ и украшать стѣны своихъ хатъ хотя и дешевыми, но художественными репродукціями художественныхъ произведеній.

Передвигаться выставка будетъ по грунтовымъ дорогамъ, останавливаясь по пути въ начальныхъ школахъ, усадьбахъ тѣхъ помѣщиковъ, которые изъявятъ на это свое согласіе, на фабрикахъ, заводахъ, на ярмаркахъ въ приспособленной для этой цѣли палаткѣ. Первый маршрутъ выставки, разрѣ-

шенный г. Кіевскимъ, Подольскимъ и Волинскимъ генералъ-губернаторомъ, слѣдующій: Кіевъ, Васильковъ, Бѣлая Церковь, Сквиря, Липовець, Немировъ, Винница, Имполь, Могилевъ, Каменецъ-Подольскъ и всѣ села, которыя лежатъ по пути между этими городами и мѣстечками.

Опытъ — лучшій наставникъ. Онъ покажетъ гг. устроителямъ, если они будутъ внимательно прислушиваться къ мнѣнію и оцѣнкѣ народа, что ими, быть можетъ, упущено изъ виду, на что преимущественно народъ обратитъ вниманіе,—словомъ, покажетъ во-очію, чего жаждетъ народъ въ эстетическомъ отношеніи, и чѣмъ у насъ должна быть удовлетворяема эта жажда. Устроители будутъ вести дневникъ своего перваго художественно-народнаго *tournee* и не замедлятъ познакомиться всѣхъ, интересующихся дѣломъ просвѣщенія народнаго, съ тѣмъ матеріаломъ, который добудутъ во время путешествія съ „выставкой“. Намъ думается, что все, клонящееся къ облагороженію души народной, къ вызову въ ней чистыхъ радостей въ соединеніи съ изученіемъ историческимъ и вообще умственно-образовательнымъ элементомъ, могущее отвлечь народъ отъ грубаго, грязнаго и циничнаго,—все это должно близко касаться и учителя школьнаго и сельскаго священника. Они не замедлятъ сообщить народу о пользѣ и назидательности выставки и постепенно участвовать въ воспитаніи его эстетическаго вкуса, а чрезъ то и вообще способствовать облагороженію его души. Если бы гг. экспоненты еще обратили большее вниманіе на произведенія религіозной живописи и приготовили бы репродукцію ихъ, то, быть можетъ, въ сельскихъ священникахъ нашли бы самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ распространеніи художественныхъ снимковъ съ лучшихъ произведеній художниковъ взамѣнъ тѣхъ грубыхъ издѣлій, какими въ настоящее время довольствуется народъ нашъ.

II. К—ій.

Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою ¹⁾).

Выскажу еще нѣсколько дополнительныхъ соображеній касательно того, что устройство школьныхъ елокъ не только не предосудительно, напротивъ—весьма желательно.

Въ чемъ собственно выражается въ устройствѣ елокъ „подражаніе нѣмцамъ“? Развѣ только въ позаимствованіи дерева, украшеннаго огнями и подарками, а все остальное, входящее въ программу елки, какъ-то: чтеніе и пѣніе, игры и забавы,—все это національное наше, русское. Поэтому, въ устройствѣ елки, если она бываетъ не наканунѣ воскреснаго и праздничнаго дня, нѣтъ ничего предосудительнаго и антихристіанскаго. Напротивъ, елка, если посмотрѣть на нее безъ всякаго предвзятаго взгляда, кромѣ символическаго значенія, заключаетъ въ себѣ даже религіозный элементъ. Такъ, нѣкоторые, обращая вниманіе на ея свойство быть всегда зеленой, видятъ въ ней символъ нескудѣвающей благодати Божіей; другіе, примѣняя ее къ Новому году,—обновленіе жизни, совершающееся въ природѣ съ поворотомъ солнца на лѣто; третьи (въ Германіи)—райское дерево, сначала *добра и зла*, а въ послѣднее время *древо жизни*; четвертые, примѣняя къ Рождеству и обращая вниманіе на постоянную зелень елки,—нравственное возрожденіе, приносимое намъ раждающимся Сыномъ Божіимъ, „Солнцемъ правды“; пятые (съ реальной, или матеріалистической точки зрѣнія)—растительную жизненную силу ²⁾).

Принимая все это во вниманіе, не только не слѣдуетъ противодѣйствовать устройству школьныхъ елокъ, а должно всячески способствовать широкому распространенію ихъ. Неужели дѣтямъ нельзя разумно порѣзвиться? Если взрослые позволяютъ себѣ устройство танцевъ, принимающихъ иногда не вполне приличный характеръ, то почему не позволить дѣтямъ спѣть са-

¹⁾ См. № 32 за 1904 г.

²⁾ Е. Швидченко, „Рожд. елка“.

маго невиннаго характера пѣсенку, прочитатъ публично ту же басню или стихотвореніе, которыя они читаютъ въ классѣ, и провести время въ разумныхъ играхъ и забавахъ?... Только такимъ образомъ можно расположить ихъ къ себѣ и вызвать на откровенность. Зачѣмъ „малыхъ сихъ“ лишать непринужденнаго праздничнаго настроенія? Вглядитесь во время елки въ выраженіе лицъ и глазъ дѣтей. Лица горятъ румянцемъ, глаза искрятся довольствомъ и радостью; а поютъ и читаютъ дѣти на елкѣ съ такимъ подъемомъ духа, какъ никогда въ другое время. Елка для дѣтей—это не есть неодушевленный предметъ, а какъ бы живое существо, которое такъ же живетъ и радуется, какъ и сами они. Какъ же можно лишать дѣтей этой радости, какъ воспитателямъ не раздѣлить съ ними эту радость, невольно переносясь и въ свое невозвратное дѣтство!.... Вотъ почему елка имѣетъ большое воспитывающее, развивающее и *бодрящее* вліяніе на школьниковъ и желательна для нихъ. Вотъ почему и обычай устройства школьныхъ праздниковъ вообще и елокъ въ особенности слѣдовало бы всячески поддерживать и распространять.

Разумѣется, что и подготовка къ елкѣ должна быть самая тщательная и даже продолжительная. Она должна заключаться, прежде всего, въ выборѣ и основательномъ разучиваніи подходящаго литературнаго матеріала (прозы и стиховъ), въ разучиваніи №№ пѣнія и цѣлаго ряда дѣтскихъ игръ.

Подготовку нужно начинать заблаговременно и производить ее исподоволь, твердо помня, что школьный дѣтскій праздникъ—время отдыха и источникъ удовольствія для дѣтей. Необходимо, чтобы они на своемъ праздникѣ чувствовали себя бодрыми и рѣзвыми, иначе самый праздникъ теряетъ свое обаяніе и благотворно-возвышающее дѣйствіе на дѣтей.

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П Е Ч А Т К И.

Спѣшимъ исправить нѣкоторыя опечатки, вкравшіяся въ статью В. П—го: „М. И. Глинка и его значеніе въ области свѣтской и церковной музыки“.

1) Въ № 28, стр. 268, строк. 12 снизу напечатано: „генераломъ Горгомъ“, слѣдуетъ: „генер. Горголи“.

2) Въ № 29, стр. 283, въ послѣдн. строкѣ напечатано: „часто нѣмецкое“, слѣдуетъ: „чисто нѣмецкое“.

3) Въ № 30, стр. 314, строк. 3-я сверху напечатано: „изданіемъ“, слѣдуетъ: „изученіемъ“.

4) Въ томъ же №, стр. 316, на строк. послѣдней напечатано: „Орландо Лаесо“, слѣдуетъ: „Орландо Лассо“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевск. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го августа 1904 года.

Цевзоръ, священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

ВѢСНИКЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, августа 22-го.

Содержаніе: Благодатный лучъ свѣта.—Православное русское духовенство и фабрика.—Пасынки прихода.—Изъ записокъ завѣдующаго ц.-приходскою школою (продолженіе).

Благодатный лучъ свѣта.

Въ то время, какъ мрачныя тучи кровопролитнѣйшей войны съ однимъ изъ коварнѣйшихъ враговъ совершенно заволокли собою горизонтъ нашей далекой окраины, почти непрерывно день и ночь ослѣпляя и оглушая наше христіолобное воинство огнемъ и грохотомъ орудій, изрыгающихъ кругомъ смерть; въ то время, какъ и внутренняя крамола еще разъ заявила о себѣ дерзкимъ убійствомъ среди бѣла дня на многолюднѣйшей улицѣ столицы одного изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей нашихъ,—изъ Царскихъ палатъ, мощно прорѣзывая сгустившійся кругомъ мракъ, ярко блеснулъ благодатный лучъ свѣта: 30-го іюля въ 1 ч. 15 м. дня родился **Наслѣдникъ-Цесаревичъ и Великій Князь**, нареченный при святой молитвѣ **Алексѣемъ**. Въ этомъ собы-

тія проявилось неизреченное милосердіе Божіе и къ Царской Семьѣ и ко всему народу русскому: Царю и Царицѣ Господь дароваль Первороднаго Сына, а Державѣ Русской—прямого Наслѣдника Престола. Несказанною радостію исполнились сердца всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи при этой вождельной вѣсти, которая раскатистымъ эхомъ отдалась и на обширныхъ поляхъ отдаленной Манчжуріи и на бурныхъ водахъ Тихаго Океана, вливая въ нашихъ доблестныхъ воиновъ новый духъ беззавѣтной отваги и безпримѣрнаго героизма въ борьбѣ за правое дѣло, которыми и безъ того уже они успѣли удивить весь міръ. Какъ подѣйствовала радостная вѣсть о дарованіи Господомъ Царю и Царицѣ Первороднаго Сына, а возлюбленному Отечеству нашему *Порфиророднаго* Наслѣдника Престола Царскаго, лучше всего свидѣтельствуеть всеподданнѣйшая поздравительная телеграмма главнокомандующаго нашей Манчжурской арміей генераль-адъютанта Куропаткина изъ Айсандзяна отъ 31-го іюля: „Съ неизъяснимою радостію прочель и немедленно объявилъ по войскамъ ввѣренной мнѣ арміи высокоимлостивую депешу Вашего Императорскаго Величества, возвѣстившую намъ рожденіе на счастье всей Россіи Наслѣдника Цесаревича. Всѣ чины Манчжурской арміи молятъ Господа Бога о дарованіи здравія на многіе годы Вашему Величеству, Государынѣ Императрицѣ и Новорожденному Наслѣднику Цесаревичу Алексѣю Николаевичу и приносятъ всеподданнѣйшую благодарность за высокую милость и вниманіе ко всей Манчжурской арміи, явленную назначеніемъ Наслѣдника Цесаревича Шефомъ 12-го Восточно-Сибирскаго полка ¹⁾. *Мы ждемъ скоро рѣшительнаго боя съ наступающими противъ насъ японскими арміями; съ радостію сойдемся съ врагомъ и рудь съ рудью и постараемся на дѣль*

¹⁾ Новорожденный Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ волею Государя Императора назначенъ Наказнымъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и шефомъ 12 го Восточно-сибирскаго полка.

доказать свою несокрушимую преданность Царю и Родинѣ". И такъ, рожденіе Наслѣдника Цесаревича послужитъ даже началомъ коренного поворота въ ходѣ нашихъ военныхъ операцій, сводившихся до сихъ поръ только лишь къ тому, чтобы всячески выиграть время, которое позволило бы намъ безпрепятственно подвезти на театръ военныхъ дѣйствій необходимое количество войска, нанести возможно бѣльшій уронъ врагу и удачно рѣшить весьма сложный и трудный вопросъ объ уклоненіи отъ генеральнаго боя съ значительно превосходящими насъ по числу непріятельскими арміями. Теперь главный вождь русскихъ войскъ въ Манчжуріи предполагаетъ уже самъ перейти въ грозное наступленіе... Легче вздохнулось и всѣмъ мирнымъ населенікамъ необъятной Руси съ рожденіемъ Наслѣдника Цесаревича, будущей Опоры и Надежды государства Русскаго, которые *единымъ сердцемъ и едиными усты* неустанно возсылаютъ умиленные молитвы къ престолу Царя царствующихъ и Господа господствующихъ о возрастаніи тѣломъ и укрѣпленіи духомъ Порфиророднаго Младенца.

Да благословитъ же Господь *вхожденіе* Его къ намъ, и да осѣняютъ ангелы Божіи мирную дѣтскую колыбель Его! Нареченіе Ему имени въ честь святителя Алексія, митрополита Московскаго, и, какъ кажется намъ, въ память славнаго предка Его *Тишайшаго* царя Алексѣя Михайловича является знаменательнымъ... Да поможетъ же Ему Господь, когда призоветъ на чреду Царскаго служенія, явиться такимъ же доблестнымъ хранителемъ русской идеи, какимъ былъ Его тезоименный святитель, и такимъ же ревностнымъ оберегателемъ исконныхъ завѣтовъ Руси Святой, какимъ былъ царь Алексѣй Михайловичъ!...

Православное русское духовенство и фабрика.

Для русских политико-экономистовъ вопросъ о томъ, что представляетъ въ настоящее время Россія—„хлѣбородную“ страну или капиталистическую, считается вполне рѣшеннымъ. Россія, по ихъ мнѣнію, оставляетъ натуральное хозяйство, бросаетъ землю—свою вѣковую кормилицу и переходитъ въ разрядъ капиталистическихъ государствъ съ преобладающимъ машиннымъ производствомъ, съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Въ доказательство своей теоріи сторонники такого взгляда ссылаются на массу доказательствъ, изъ которыхъ слѣдуетъ привести хотя нѣкоторые. Земледѣліе,—говорятъ они,—у насъ все больше и больше падаетъ; переходъ страны изъ земледѣльческой въ мануфактурную есть необходимый экономической законъ, обойти который не можетъ ни одна страна. Обращаясь къ дѣйствительности, они указываютъ на упадокъ земледѣлія, на массовое движеніе земледѣльческаго населенія въ города, къ экономическимъ центрамъ, на то огромное развитіе, какого достигла за последнее время фабрично-заводская промышленность на Руси. Движеніе это не только не сокращается, напротивъ—все больше растетъ, обѣщая сократить до необходимаго minimum'a земледѣліе и превратить Россію въ огромную фабрику. Отсюда, всѣ симпатіи русскихъ политико-экономистовъ, естественно, обращаются къ фабричнымъ рабочимъ, такъ какъ имъ, а не кому другому, принадлежитъ будущее, потому что они далеко оставляютъ за собою по развитію сѣрую, косную, способную развѣ только на вымираніе, крестьянскую земледѣльческую массу, съ ея первобытной культурой, съ ея сохою временъ Микулы Селяниновича. Симпатичное народническое направленіе, съ его любовью къ деревнѣ, къ сѣрой, темной, но по душѣ доброй, крестьянской средѣ—въ настоящее время уже покойникъ, и явись теперь второй Некрасовъ, его не стали бы читать, какъ не читаютъ журналовъ съ народнической окраской; вниманіе нашей прессы, белле-

тристики, толстыхъ журналовъ *почти* исключительно сосредоточено на фабричномъ, мастеровомъ; ему поютъ „осанну“, отъ него ожидаютъ „событій“. Намѣренно мы сказали *почти*, такъ какъ въ послѣднее время, благодаря талантливому перу Горькаго, общество много удѣляло вниманія босякамъ; но эта категорія „героевъ на часъ“ въ расчетъ идти не можетъ, потому что, во всякомъ случаѣ, босячество не представляетъ крупнаго и серьезнаго явленія въ русской жизни.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на развитіе у насъ капитализма и на ростъ фабричнаго производства, какого бы направленія ни придерживался, одно для всѣхъ ясно, что развитіе заводской промышленности—фактъ огромной важности. что рабочіе, обслуживающіе это производство, крупная единица, со своими индивидуальными чертами,—единица, заслуживающая большаго вниманія.

Достаточно однѣхъ цифръ для того, чтобы видѣть, какъ быстро растетъ у насъ фабричное производство, какою крупною единицею врѣзывается оно въ русскую народную жизнь. Количество фабричныхъ и промышленныхъ учрежденій въ настоящее время нужно исчислять десятками тысячъ; общій оборотъ ихъ исчисляется сотнями милліоновъ; кормятъ они сотни тысячъ рабочихъ. Хотя и искусственно поднятое у насъ машинное производство все же не показываетъ тенденціи уменьшаться; гибнуть предиріятія, часто разоряются предприниматели, но на ихъ мѣсто являются десятки новыхъ. Разумѣется, для насъ не важны тѣ милліоны, какіе вырабатываетъ наше фабричное производство, тѣ удобства, какія вноситъ оно въ обыденную матеріальную жизнь; для насъ безконечно цѣннѣе и важнѣе та сѣрая масса, которая обслуживаетъ это производство и своими нервами и потомъ выколачиваетъ въ народный бюджетъ милліоны; настроеніе этой массы, ея душа и желанія, условія жизни ея не должны быть чужды пастырскому вниманію. Въ настоящее время, благодаря быстро расширившейся сѣти желѣзныхъ дорогъ—этихъ нервовъ государственнаго производства, нѣтъ почти ни

одного прихода, который не имѣлъ бы никакого отношенія къ развившемуся производству; каждый приходъ имѣеть хотя отдѣльныхъ представителей, числящихся въ его составѣ, но фактически живущихъ, зарабатывающихъ хлѣбъ на фабрикахъ. Есть множество приходовъ, гдѣ большая часть населенія только на нѣсколько мѣсяцевъ возвращается домой, на родину, остальное время года проводя на фабрикахъ и заводахъ; есть приходы, состоящіе исключительно изъ заводскихъ и промысловыхъ рабочихъ; наконецъ, есть приходы съ населеніемъ смѣшаннымъ,—и такихъ не мало; масса есть сахарныхъ и другихъ заводовъ, устроенныхъ по селамъ южнаго района и обслуживаемыхъ исключительно пришлыми рабочими изъ губерній сѣверныхъ. Итакъ, чтò же представляетъ фабричная и заводская масса въ смыслѣ единства настроенія, единства мыслей?

Рабочіе разныхъ заводовъ, собранные изъ разныхъ городовъ и всей Руси, если чѣмъ и объединяются, то прежде всего исканіемъ куска хлѣба, исканіемъ заработной платы. Подъ крышей завода, въ наемной конторѣ—всѣ интересы отходятъ на задній, второстепенный планъ; заработка, платы—вотъ чего ищетъ здѣсь рабочій, загнанный нуждою за тысячи верстъ отъ родного очага. Вопросы религіознаго характера, думы о душѣ, о ея спасеніи,—думы, которыми часто живетъ простолюдинъ,—на фабрикѣ, на заводѣ, естественно, отходятъ на второй планъ. Каторжный трудъ, не разгибая спины отъ утра до ночи, постоянная усталость, недостатокъ досуга, котораго еле хватаетъ на ѣду и отдыхъ, постоянная усталость—все это такія условія, при которыхъ рабочій если и можетъ думать, то только лишь объ одномъ—быть бы живу... „Когда намъ о церкви думать, о храмѣ,—говорилъ намъ одинъ заводскій рабочій,—когда не имѣешь времени часто и лба перекрестить? Выберется свободный день, сойдешь и со смѣны въ праздникъ, заглянешь въ храмъ,—и хотѣлъ бы молиться, да гдѣ уже тамъ молиться!—намаешься за очередь, руки, ноги ноютъ, боишься, что сонный повалишься къ сосѣду на

плечо. По-звѣриному живемъ—что и говорить“!.. На фабрикахъ и заводахъ съ обширнымъ производствомъ машины работаютъ безъ остановки; щадятъ только три дня Рождественскихъ праздниковъ и два дня Пасхи. Гдѣ ужь тутъ думать о праздничномъ отдыхѣ, о воскресномъ покоѣ? Даже такого святого и великаго долга, какъ исповѣдь и причащеніе—и того не въ состояніи выполнить рабочіе, какъ слѣдуетъ, надлежаще приготовившись. У насъ сейчасъ на глазахъ огромный заводъ, съ тысячею рабочихъ, съ миллионными оборотами и барышами. Здѣсь рабочимъ дается на говѣнье только одинъ день: въ 12 ч. рабочій смѣнился съ работы и располагаетъ собою до 12 часовъ слѣдующаго дня. За это время онъ долженъ отговѣться, и въ 12 часовъ долженъ быть уже возлѣ станка или колеса, — словомъ—на работѣ. Гдѣ тутъ можетъ сохраниться молитвенное, свѣтло-радостное настроеніе чело-вѣка, приступающаго къ Источнику жизни — Христу? И вотъ еще что замѣчательно: даже и въ такихъ случаяхъ рабочій часто не освѣдомленъ о томъ, когда ему придется отговѣться. Скажутъ сегодня,—онъ долженъ идти, хотя бы внутренно и не былъ приготовленъ къ этому; бывали случаи въ нашей практикѣ, что на исповѣдь чело-вѣкъ являлся изъ-за стола, гдѣ, для подкрѣпленія своихъ силъ, опрокинулъ въ себя нѣсколько рюмокъ того зелья, отъ котораго стономъ стонеть Русская земля, и льются рѣки незримыхъ слезъ. На вопросъ: почему онъ явился на исповѣдь въ несоотвѣтствующемъ настроеніи?—мы всегда получали одинъ неизмѣнный отвѣтъ: „Не зналъ, что сегодня отсутствовать на говѣнье“. Укло-няться въ такихъ случаяхъ отъ исповѣди многіе находятъ неудобнымъ: 1) это единственный случай за годъ исполнить святой долгъ христіанина; 2) свои же православные почтутъ з. нехристя.—Если описанное нами явленіе имѣетъ мѣсто въ большомъ предпріятіи, то еще хуже положеніе въ этомъ отношеніи въ предпріятіяхъ мелкихъ, гдѣ постановка дѣла меньше подвергается контролю и стороннему наблюденію. Тутъ произволь предпринимателя царить во-всю, и бываютъ

случаи, что рабочіе говѣютъ прямо украдкой. Не сладко приходится рабочимъ и тамъ, гдѣ во главѣ предпріятія стоятъ иновѣрцы. Такъ, въ одномъ извѣстномъ намъ учрежденіи на говѣнье *русскій* начальникъ рабочимъ давалъ два полныхъ дня; вновь назначенный туда *нѣмецъ* посмотрѣлъ на это, какъ на „баловство“, и назначилъ для говѣнья только одинъ день. И это—имѣйте въ виду—въ казенномъ учрежденіи, гдѣ подъ началомъ у иностранца есть много русскихъ интеллигентныхъ лицъ, умѣющихъ постоять за себя. Спрашивается: что же дѣлается тамъ, гдѣ рабочіе—простые люди, дорожащіе грошовымъ заработкомъ, во всемъ зависящіе отъ предпринимателя?

Въ данномъ отношеніи желательно было бы, чтобы соединенными усиліями всего православнаго духовенства въ законодательномъ порядкѣ была проведена мысль о томъ, чтобы рабочимъ всѣхъ предпріятій давалось 2—3 дня для говѣнія. Думается, что, при дружномъ согласіи всего православнаго духовенства, осуществленіе этой мысли не встрѣтило бы особенныхъ препятствій. Извѣстны случаи, гдѣ представители духовенства, благодаря своей энергіи, умѣли проводить вопросъ о праздничномъ отдыхѣ рабочихъ (напр., въ Кіевѣ) въ благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ; то же можетъ быть и въ вопросѣ о говѣніи рабочихъ.

По нашему мнѣнію, фабрично-заводская рабочая масса живетъ при такихъ условіяхъ, имѣетъ такія своеобразныя черты и особенности, которыя необходимо предполагаютъ и свои спеціальныя пастырскія мѣры. Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть хотя бы изъ того, что и самъ Св. Синодъ обратилъ свое вниманіе на этихъ рабочихъ (см. указы Св. Синода отъ 31 мая и іюля 1900 года).

Стихійное движеніе рабочаго люда изъ деревни въ города, на фабрики и заводы врядъ ли есть нормальное явленіе. Безспорно, что въ города деревенскаго жителя гонитъ нужда, безземелье; но безспорно и то, что туда часто также манятъ его удобства (относительныя, разумѣется) жизни, возможность большого и легкаго заработка. Бываютъ случаи,

что крестьяне, въ общемъ зажиточные, оставляютъ деревню и стремятся въ города на легкіе хлѣба и заработки. Немногіе изъ такихъ лицъ сколачиваютъ *денгу*, добиваются достатка,—и примѣръ такихъ счастливицевъ, ихъ посѣщенія деревни, письма разжигаютъ аппетиты деревенскихъ простецовъ. Мрачныя стороны городской жизни здѣсь забываются; о сотняхъ и тысячахъ выброшенныхъ за бортъ жизни неудачниковъ, босяковъ, золоторотцевъ и безработныхъ деревенскіе жители и не подозрѣваютъ; городъ въ понятіи многихъ—„обѣтованная земля“ съ молочными рѣками и кисельными берегами, съ туго набитыми кошельками для всякаго желающаго.

Стремленіе деревенскаго люда въ города значительно уменьшилось бы, если бы деревня была освѣдомлена о всѣхъ сторонахъ городской и фабричной жизни, о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія несетъ имъ фабричный трудъ. По служебнымъ обязанностямъ, намъ пришлось быть на одномъ заводѣ, гдѣ мы увидѣли всѣхъ рабочихъ en masse,—и насъ охватилъ ужасъ при видѣ этой массы: блѣдный видъ ничего не выражающихъ утомленныхъ лицъ, отсутствіе растительности на лицахъ, дряблая кожа, жалкія фигуры, понурья позы—все это ясно характеризовало то, что называется вырожденіемъ. Впереди этой массы, какъ бы для контраста, стоялъ прямо красавецъ-богатырь, видно, только недавно вырванный изъ деревни. Общій голосъ всѣхъ безпристрастныхъ изслѣдователей фабричной жизни говоритъ о медленномъ вырожденіи фабричнаго люда. И это вполне справедливо относительно фабрикъ всего міра. Большой знатокъ быта фабричныхъ—Е. Дементьевъ такъ пишетъ о вліяніи фабрикъ на населеніе: „Промѣнявъ убогую, покривившуюся, но свою избенку на монументальную фабрику, бросивъ свою на половину не обезпечивавшую его землю, бросивъ домашнее производство и придя съ семьей на фабрику продавать свой трудъ, что получилъ рабочій?—*Физическую и нравственную гибель*“¹⁾.

¹⁾ Фабрика. Е. М. Дементьевъ. 1897 года.

Спрашивается: всегда ли ознакомленъ деревенскій людъ съ тѣми „благодѣтельными“ послѣдствіями, какія несетъ ему фабрика и работа на ней? И кому, какъ не духовенству, слѣдуетъ познакомить съ этимъ свой приходъ, особенно если въ немъ замѣчается тяготѣніе къ фабрикѣ?—Къ прискорбію, нужно сознаться, что духовенство мало обращаетъ вниманія на этотъ вопросъ; въ многочисленныхъ епархіальныхъ органахъ, въ отдѣльныхъ проповѣдническихъ сборникахъ намъ не приходилось встрѣчать ни одной проповѣди, которая знакомила бы деревенскихъ людей съ жизнію фабрики, напутствовала бы рабочихъ, идущихъ туда, давала бы руководство человѣку, какъ жить, чего остерегаться въ новой, для него невѣдомой, обстановкѣ. А между тѣмъ, у насъ на Руси есть масса сель и деревень, въ которыхъ половина населенія живетъ отхожими заработками, рабстами на фабрикахъ и заводахъ, возвращаясь въ деревню только въ лѣтнюю рабочую пору, да и то не всегда и не всѣ. Знакомить крестьянъ съ условіями фабричнаго труда, съ моральными его послѣдствіями, учить ихъ, какъ жить въ фабричныхъ условіяхъ, какъ относиться къ покинутой, часто нищей и голодной, деревнѣ,—вотъ что прежде всего должно бы дѣлать духовенство по отношенію къ крестьянамъ, идущимъ на фабрики и заводы. Почему знать? Быть можетъ, горячій призывъ нашихъ пастырей нѣсколько уменьшилъ бы тяготѣніе народа къ городу и фабрикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократилъ бы и неизбежное его слѣдствіе—развитіе голоднаго пролетарія и теперь моднаго босняка, кадры котораго пополняются, главнымъ образомъ, безработнымъ крестьянствомъ, идущимъ въ городъ искать денегъ и хлѣба.

Бѣгство въ города—пусть оно и вызывается экономическими условіями—есть общепризнанное зло, вносящее тлетворный ядъ въ крестьянскую среду; но это явленіе—не необходимое, и противъ него есть мѣры (напр., переселеніе, улучшеніе хозяйства, покунка земли у помѣщиковъ при посредствѣ банковъ и т. д.). Знакомить простой деревенскій людъ съ жизнію фабричнаго и заводскаго рабочаго, раскрывать пе-

редь нимъ не свѣтлыя только, а и мрачныя стороны городской и фабричной жизни, предупреждать отъ городскихъ соблазновъ— вотъ въ чемъ мы полагаемъ первую обязанность сельскихъ пастырей по отношенію къ фабричному люду, ищущему заработка, а иногда и воображаемыхъ „золотыхъ горъ“ въ городахъ.

Наблюдая отношенія духовенства къ фабричному люду,— правда, въ немногихъ пунктахъ,—мы замѣтили здѣсь *два* крайности печальнаго свойства. Нѣкоторые священники смотрятъ на фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, какъ на нѣчто чужое для себя, совершенно постороннее. За тяжелою работою, въ церкви рабочіе бываютъ мало, за требами обращаются рѣдко—и то только въ экстренныхъ случаяхъ, живутъ всего чаще на заводѣ—въ казармахъ, куда священникъ совсѣмъ почти никогда не заходитъ. Къ тому же, рабочіе очень часто мѣняются, переходя съ одного завода на другой; хлѣбомъ, какъ говорится, священника не кормятъ,—отсюда, и стоятъ они вдали отъ церкви и церковной жизни, какъ чуждые, пришлые для прихода люди.—Положеніе это и взглядъ этотъ совершенно неправильны. Разъ люди живутъ въ районѣ извѣстнаго прихода, они уже принадлежатъ этому приходу, и пастырская попечительность не можетъ оставлять ихъ безъ вниманія.

Бываютъ случаи и другого рода, когда священникъ, игнорируя интересами и запросами рабочихъ, прямо становится на сторону фабричной администраціи и предпринимателей— всего чаще по эгоистическимъ матеріальнымъ мотивамъ. Такой священникъ, естественно, самъ себя отдаляетъ отъ рабочей массы, становится для нея далекимъ и чужимъ. Это— „панскій батюшка“, говорятъ о немъ рабочіе, и ужь, конечно, о любви, о взаимномъ довѣрїи тутъ не можетъ быть и рѣчи. А между тѣмъ, по идеѣ своего служенія, священникъ долженъ быть особенно близокъ меньшей голодной братїи, долженъ быть ея защитникомъ и заступникомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. В. Пестряковъ.

Насынки прихода.

„Блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ (Мѡ. 18, 10)“ — эти всѣмъ извѣстные слова Христовы должны неизбѣжно приходиться на память каждому внимательному наблюдателю и изслѣдователю нашей церковно-приходской жизни. Присмотритесь къ взаимнымъ отношеніямъ, въ области религіозной, между членами нашихъ приходо́въ, взгляните на отношеніе руководителей церковной жизни къ своимъ прихожанамъ,—и вы убѣдитесь неперемѣнно, что мы, къ великому сожалѣнію, очень и очень далеки отъ осуществленія въ жизни великаго, святѣйшаго завѣта Христова... Выражаясь образно—на пирѣ вѣры „малые сіи“ не всегда у насъ занимають мѣста рядомъ съ другими возлежащими. Обвинять въ этомъ некого: виновата здѣсь сама жизнь—тѣ общественно-бытовыя ея условія, въ которыя поставлены различныя группы прихожанъ, и въ которыхъ проявляетъ свою дѣятельность наше приходское духовенство. Тутъ, какъ увидимъ ниже, пастырь, чаще всего не по доброй волѣ, но вынуждаемый несовершенствомъ уже давно сложившейся приходской организаціи, „не аще хочетъ, сіе творить, но еже и не хочетъ“,—что противно его завѣтнымъ желаніямъ,—„сіе содѣваетъ“... Но, разумѣется, разъ печальный фактъ существуетъ, пастырю Церкви съ нимъ необходимо считаться и принимать всѣ мѣры къ его устраненію изъ практики церковно-приходской жизни.

Гибельный духъ неравенства менѣе другихъ проявляется въ религіозной, церковной жизни приходо́въ, состоящихъ изъ однородныхъ элементовъ—изъ прихожанъ одинаковаго общественнаго и имущественнаго положенія. Таковы у насъ еще приходы сельскіе съ кореннымъ русскимъ православнымъ населеніемъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, куда не проникло растлѣвающее вліяніе городской поверхностной культуры. Правда, и въ такихъ мирныхъ захолустныхъ приходахъ могутъ возникать со стороны болѣе состоятельныхъ прихожанъ

или со стороны богатыхъ селеній претензіи на болѣе видное участіе въ дѣлахъ церковно-приходскихъ или предъявляться къ духовенству требованія на предпочтительное, особенно внимательное отношеніе къ нимъ. То и другое часто замѣчается въ жизни и такихъ приходоѡ; но здѣсь для священника возможна легкая и успѣшная борьба съ неумѣстными претензіями и требованіями отдѣльныхъ прихожанъ, здѣсь на его сторонѣ подавляющее однородное большинство прихода, и онъ, при добромъ желаніи, свободно можетъ избѣжать незавидной роли подневольнаго челоѡкоугодника. Въ общемъ, все-таки, подобныя однородныя приходы можно по справедливости назвать счастливыми, какъ свободныя отъ растлѡвающаго духа неравенства; счастливыми, слѣдуетъ считать и тѣхъ пастырей, которымъ судилъ Богъ жить и дѣйствовать въ такихъ приходахъ.

Прихожане однороднаго по составу прихода имѣютъ на своей сторонѣ великія преимущества: они всѣ, въ равной мѣрѣ, причастны интересамъ церковно-приходской жизни и пользуются одинаково въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ услугами духовенства. Среди нихъ нѣтъ ни большихъ, ни меньшихъ, и никому со стороны лицъ духовныхъ не оказывается завиднаго предпочтенія: всѣ стоятъ равно близко къ своему духовному руководителю-священнику.

Съ другой стороны, пастырю, при такихъ условіяхъ, представляются полная возможность и просторъ къ свободной и плодотворной дѣятельности. Пастырь здѣсь не испытываетъ досаднаго чувства раздвоенія, безсильныхъ, а часто—прямо непосильныхъ порывовъ соединить несоединимое, и сердце его не разрывается на части. Онъ можетъ спокойно, увѣренно вести дѣло своего служенія, направляя свои силы къ одной свѣтлой завѣтной цѣли, къ удовлетворенію религіозныхъ запросовъ своего прихода, при чемъ ему не приходится встрѣчаться съ противорѣчивыми, претенціозными требованіями. И такіе, счастливо сложившіеся изъ однородныхъ элементовъ, приходы есть таки на русской землѣ;—хотя про большинство

ихъ нельзя сказать, что въ нихъ процвѣтаетъ церковно-религіозная жизнь, но это уже по другимъ причинамъ... Въ подобныхъ приходяхъ всё же чаще, чѣмъ гдѣ-либо, можно наблюдать, что пастырь и прихожане живутъ во взаимномъ расположеніи, довѣріи и любви другъ къ другу; духовный отецъ можетъ въ приложеніи къ себѣ повторить слова Христовы о духовныхъ овцахъ: „и я знаю моихъ, и меня знаютъ мои“...

Совсѣмъ не ту картину представляетъ жизнь прихода съ неоднороднымъ, разноплеменнымъ составомъ, когда, напримеръ, половина прихода—русскіе, а остальная часть—иностранцы: чуваша, черемисы, вотяки и др. А такихъ смѣшанныхъ приходоу не мало у насъ на Руси при разноплеменности ея населенія... Въ большинствѣ случаевъ вы здѣсь сразу замѣтите преобладающее, доминирующее значеніе русскаго элемента надъ инородческимъ. Имъ направляется ходъ церковно-приходской жизни, онъ впереди всюду—и въ храмѣ и въ каждомъ церковномъ дѣлѣ и начинаніи; русская часть прихода требуетъ къ себѣ больше вниманія, предупредительности со стороны священника. Въ дни воскресные, праздничные кто наполняетъ храмъ?—Русскіе прихожане; они занимаютъ переднія мѣста, а иностранцы, въ жалкомъ меньшинствѣ, затериваются тамъ далеко, у порога церковнаго. Для кого за богослуженіемъ и внѣ его говорятся проповѣди, ведутся бесѣды?—Опять для первенствующаго элемента: русскіе ихъ слушаютъ, къ ихъ пониманію онѣ и приспособлены; иностранецъ же рѣдко-рѣдко услышитъ что-нибудь, да ему и не интересно, потому что мало понятно. Наконецъ, во время славленія, крестныхъ ходовъ по приходу причтъ церковный спѣшитъ обойти сначала русскую часть прихода; а къ бѣдному иностранцу попадаетъ въ концѣ праздника или даже послѣ него. Такимъ-то образомъ младшіе братья во Христѣ оказываются въ подобныхъ смѣшанныхъ приходяхъ нѣкоторымъ образомъ обдѣленными, и, что особенно прискорбно, ненормальность эта пока не составляетъ исключенія.

Какъ же, однако, могъ сложиться такой нежелательный порядокъ въ жизни нашихъ смѣшанныхъ приходоѡ?—Думается, весьма просто и естественно, если принять во вниманіе зависимость духовенства въ матеріальномъ и прочихъ отношеніяхъ отъ прихожанъ и тѣ чувства и взгляды, которые имѣетъ, про себя, русскій человекъ по отношенію къ меньшему брату—инородцу... Нельзя же нашему духовенству, особенно при прежней необезпеченности, не оказывать нѣкотораго предпочтенія и большей внимательности той части прихода, которая являлась въ его глазахъ болѣе близкой, родственной и болѣе воспримчивой, а—главное—болѣе продуктивной въ смыслѣ доходности. Соблюдать равновѣсіе при наличности такихъ условій и удѣлять одинаковую долю пастырскаго труда и вниманія и другой части прихода—дѣло трудное, требующее самоотверженія. А что наше духовенство готово работать и работаетъ на пользу братій меньшихъ съ должной ревностію тамъ, гдѣ нѣтъ препятствій и помѣхъ, это доказываетъ дѣятельность его въ приходахъ съ сплошнымъ инородческимъ населеніемъ. Здѣсь не рѣдкость наблюдать тѣ же отрадные взаимоотношенія между пастыремъ и прихожанами, какъ и въ чисто-русскихъ приходахъ; также пастырь—центръ прихода, для всѣхъ равно доступный, всѣми любимый. Инородцы тяготеютъ къ своему приходскому храму, ходятъ по праздникамъ къ службамъ охотно и не остаются безъ наученія со стороны священника, отчего и оказываются въ дѣлѣ вѣры болѣе просвѣщенными и совершенными, чѣмъ ихъ же соплеменники, принадлежащіе къ смѣшаннымъ приходамъ... Повидимому, этого не должно бы быть: сосѣдство русскаго элемента, казалось, могло бы, напротивъ, оказывать благотворное вліяніе на инородца, а не оттѣснить его къ сторонкѣ; но въ жизни не всегда и не все совершается по требованіямъ логики. Виною тутъ,—кто бы что ни говорилъ,—является именно расовое различіе и покровительно-пренебрежительное отношеніе русскаго къ собрату-инородцу, хотя у насъ и нѣтъ такого расового аристокра-

тизма, какой проявляется, напр., у американца къ негру. Но инородецъ особенно чутокъ и обидчивъ; пренебреженіе, выражаемое и въ мягкой формѣ, онъ понимаетъ и сознаетъ глубоко, и вотъ, въ безсильной обидѣ, самъ сторонится, ступшевывается, замыкается въ себѣ. Поэтому, если хотимъ поднять положеніе инородца въ смѣшанныхъ приходахъ, намъ надобно начать съ искорененія въ себѣ самихъ стихійнаго чувства отчужденности по отношенію къ инородцу и принять его въ сердце свое наравнѣ съ родными по крови русскими собратіями.

Что сказали мы о сельскихъ, неоднородныхъ по составу приходахъ, то же, и едва ли не въ большей мѣрѣ, приложимо къ приходамъ городскимъ, надѣленнымъ деревенскими прихожанами. Незавидную роль меньшихъ братій осуждены здѣсь изображать деревенскіе подгородніе жители, хотя бы то были и русскіе. Объ инородцахъ нечего и говорить, если имъ приходится принадлежать къ городской церкви: ихъ положеніе въ такомъ случаѣ еще печальнѣе, чѣмъ въ сельскомъ приходѣ... Стоить лишь понаблюдать жизнь подгороднихъ крестьянъ, какъ она проявляется съ церковно-религіозной стороны, чтобы убѣдиться въ правдѣ только-что сказаннаго. Религіозный индифферентизмъ, малое знакомство со своимъ священникомъ, равнодушное отношеніе къ своему приходскому храму, приходской жизни и, какъ слѣдствіе такого состоянія, нравственная распущенность—вотъ обычныя, характерныя черты, отличающія православное населеніе нашихъ подгородныхъ деревень. Спросите подгородняго крестьянина о его духовномъ батюшкѣ-священникѣ, и въ девяти изъ десяти случаевъ услышите равнодушный отвѣтъ: „А какъ вамъ сказать: священникъ—такъ священникъ, ничего... Да намъ—что: рѣдко мы его и видаемъ... Развѣ вотъ—крестины, похороны, свадьбы приведутся, тогда съ нимъ дѣло имѣемъ. То же въ концѣ праздника или послѣ видимъ мелькомъ батюшку, какъ обходить приходъ“... Попробуйте разузнать отъ такого прихожанина о состояніи церкви, о приходскихъ порядкахъ;—

опять то же незнаніе и полное нежеланіе вмѣшиваться: „Намъ что,—мы крестьяне... у насъ въ городѣ церковь кунцами наблюдается, старостой. Что надо когда сдѣлать, насъ много и не спрашиваютъ,—слава Богу, безъ насъ управляютъ“!.. Къ службѣ церковной, къ проповѣди въ храмѣ подгородній крестьянинъ чаще всего относится также съ полнымъ равнодушіемъ.—„Служба у насъ хорошая, по-городски—пѣвчіе, дьяконъ голосистый... Сказываютъ, батюшка часто проповѣди говорить и въ книжку не смотритъ... Только мало и не часто слушать удастся: придешь рѣдко, станешь далеко,—впередъ, вѣдь, не пробьешься,—что тутъ услышишь? Да, пожалуй, нашему брату и не понять еще“... Такъ и отвыкаетъ человѣкъ отъ близкаго, живого участія въ церковно-приходской жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ гложуть, замираютъ неудовлетворенными его религіозные запросы и потребности.

У насъ принято подобныя печальныя явленія въ жизни подгородняго крестьянскаго населенія объяснять близостію города, его растлѣвающимъ вліяніемъ на простаго человѣка. Однако, такъ ли это?.. Но крайней мѣрѣ, исполнили ли и всецѣло ли этотъ индиферентизмъ въ дѣлѣ вѣры, нравственная распущенность подгородняго крестьянина зависятъ отъ пагубнаго сосѣдства города?—Думается, нѣтъ. Что удивительнаго въ томъ, что подгородній крестьянинъ у насъ обыкновенно мало-религіозенъ, слабо приверженъ къ церкви, если на его долю „выпадаютъ лишь крупницы со стола господей“, если суждено ему занимать здѣсь послѣднее мѣсто, если само духовенство, *volens-nolens*, стоитъ отъ него въ отдаленіи? И такой порядокъ, такое положеніе сложились не со вчерашняго дня, но существуетъ издавна.

Обратимся опять къ тому, какое мѣсто приходится занимать и какую долю участія принимать въ главныхъ актахъ и проявленіяхъ религіозной жизни церкви и прихода подгороднему крестьянину. Въ своемъ приходскомъ храмѣ за праздничными и воскресными богослуженіями, какъ мы видѣли, онъ—рѣдкій посѣтитель, и его мѣсто—у порога; Слово Божіе

благовѣтствуется не для него, а для городскихъ прихожанъ,— къ ихъ пониманію приспособляется и содержаніе и складъ проповѣди. При исполненіи долга исповѣди, во дни постовъ, главное вниманіе обращается опять же на говѣющихъ городскихъ прихожанъ, паче же именитыхъ. Хожденіе „со славой“, съ крестомъ во дни Рождества Христова, св. Пасхи, храмовыхъ праздниковъ совершается духовенствомъ особенно торжественно и тщательно по городской части прихода... На это уходятъ первые дни праздника, потомъ утомленному духовенству нуженъ и отдыхъ—день-два; и вотъ тогда уже церковный причтъ отправляется въ деревни съ крестомъ и „славой“. И совершается обходъ деревенской части прихода съ тугой сердечной, съ неизбѣжной послѣдностію, какъ нѣкій тягостный долгъ... Но какъ же поступить бѣдному духовенству иначе? Измѣнить порядокъ обычныхъ, укоренившихся издавна, отношеній къ той и другой части прихода—это значило бы обидѣть лучшую, именитую часть своего прихода и навлечь на свою голову массу непріятностей. Кто знакомъ съ условіями быта городского духовенства, съ претенціозностію городского прихожанина, тотъ пойметъ всю невозможность сразу и круто измѣнить установившійся въ городскихъ приходахъ порядокъ въ смыслѣ равенства въ удовлетвореніи религіозныхъ запросовъ и потребностей почетнаго прихожанина изъ города и скромнаго жителя подгородней деревни. Не будемъ здѣсь распространяться еще объ одной причинѣ, объясняющей незавидное положеніе въ приходѣ подгородняго крестьянина: это—масса постороннихъ дѣлъ и обязанностей, которыя обыкновенно лежатъ на каждомъ городскомъ священникѣ и препятствуютъ ему въ добромъ стремленіи вывести изъ состоянія безразличія и заброшенности своихъ обездоленныхъ деревенскихъ прихожанъ. Последнее обстоятельство не требуетъ подробныхъ поясненій и, будучи очевиднымъ, служить немаловажнымъ оправданіемъ для нашего городского духовенства...

Но, какъ бы то ни было, печальный фактъ, лежащійся пятномъ на нашу церковно-приходскую жизнь, существуетъ, и борьба съ нимъ необходима. Что особенно прискорбно, такъ это — единодушное какъ будто замалчиваніе отмѣченной нами вопіющей ненормальности, съ которою примириться не возможно. Подумать только: вѣдь цѣлыя части нашихъ православныхъ приходовъ, многое-множество простыхъ православныхъ людей осуждены издавна сложившимися ненормально условіями церковно-приходской жизни оставаться на положеніе поистинѣ жалкихъ, обдѣленныхъ „пасынковъ прихода“! Нѣтъ, этого не должно быть; и задача современныхъ пастырей должна состоять въ томъ, чтобы ослабить, искоренить это зло. Трудъ не легкій, и работа тяжелая, требующая со стороны пастыря особенной энергіи, духовнаго такта и предъусмотрительности... Но будемъ вѣрить и надѣяться, что при современномъ подъемѣ пастырской дѣятельности нашего духовенства и эта темная сторона въ жизни приходовъ мало-по-малу будетъ устранена его дружными, самоотверженными усиліями. Только бы помнить намъ завѣтъ Христовъ: „блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ!“.

Свящ. А. В—ій.

Изъ дневника завѣдующаго церковно - приходскою школою ¹⁾.

При устройствѣ дѣтскаго праздника должно быть обращено также самое серьезное вниманіе на выработку программы. Для того, чтобы школьный праздникъ внесъ оживленіе въ дѣтскую среду и оказалъ на школьниковъ доброе вліяніе, руководители и воспитатели должны позаботиться о составленіи интересной и самой разнообразной программы. Для избѣжанія однообразія, монотонности и скуки, школьный дѣтскій праздникъ долженъ состоять изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Такъ

¹⁾ См. № 33 за 1904 г.

какъ большинство дѣтскихъ праздниковъ устраивается обычно во время Рождественскихъ Святокъ, то въ программу ихъ должно быть внесено, прежде всего, побольше святочного элемента, который составить отдѣлъ религіозно-нравственный; въ отдѣлъ же свѣтскій должны войти отрывки изъ статей отечественныхъ классическихъ писателей и поэтовъ, въ особенности чтеніе стихотвореній и басенъ въ лицахъ, при чемъ чтеніе должно чередоваться съ пѣніемъ, а въ заключеніе дѣтскаго праздника могутъ быть поставлены живыя картины и разныя общія игры.

Помимо литературнаго матеріала, пѣнія и игры, которые должны быть тщательно сренетованы къ каждому школьному празднику вообще, для елки нужна еще особая подготовка: необходимы свѣчи, украшенія и подарки. Такъ какъ все это требуетъ крупныхъ расходовъ, удерживающихъ очень многихъ отъ устройства школьныхъ елокъ, то необходимо, чтобы школа сама уменьшала стоимость расходовъ и приняла дѣятельное участіе, подъ руководствомъ учителя, въ подготовительныхъ работахъ для украшенія елки, тѣмъ болѣе, что и это дѣло въ часы досуга доставляетъ не мало удовольствія дѣтямъ. Нужно видѣть, съ какимъ восторгомъ одинъ клеитъ самый простой мѣшочекъ для конфетъ и пряниковъ, другой подчищаетъ и заправляетъ свѣчи, третій связываетъ бусы, четвертый золотитъ и серебрить орѣхи, пятый прикрѣпляетъ игрушки, шестой сортируетъ по разрядамъ подарки и т. п.! Все это слѣдуетъ подготовить заблаговременно, по возможности съ наименьшимъ расходомъ денегъ.—Какъ же лучше и экономнѣе устроить школьную елку?

Устроить семейную и школьную елку—не одно и то же. Если первая устраивается исключительно на средства родителей, при чемъ обращается главное вниманіе на то, чтобы разукрасить ее наилучше и поэффектнѣе, чтобы подарки на ней были подороже и поразнообразнѣе; то школьная елка, какъ мы уже указывали выше, имѣетъ совершенно

иное значеніе, и устройство ея должно быть нѣсколько иное и значительно болѣе сложное.

При устройствѣ школьной елки прежде всего должны прійти на помощь дѣтямъ воспитатели и родители ихъ. Если первые внесутъ свою посильную лепту, то и родители школьни-ковъ не останутся глухи къ радости своихъ дѣтей, — и они при-дутъ съ посильною помощью и жертвами. Полагаемъ, что и „власти предержающія“, въ лицѣ сельскихъ старостъ, а гдѣ есть — и волостныхъ старшинъ, тоже окажутъ свое содѣй-ствіе. Не думаемъ, чтобы и мѣстная интеллигенція, въ лицѣ помѣщиковъ, попечителей школы и др. лицъ, не отозвалась на устройство праздника для дѣтей.

Иногда этихъ средствъ вполне достаточно бываетъ для устройства елки, т. е. для украшенія и освѣщенія ея: не хватаетъ только денегъ для подарковъ. Но если принять во вниманіе, что главнымъ подаркомъ на школьной елкѣ дол-жна быть хорошая книга (конечно, не лубочнаго изданія и притомъ — религіозно-нравственнаго или патріотическаго со-держанія), а также назидательныя картины, то не будетъ грѣхомъ, если на этотъ предметъ будетъ позаимствована часть попечительскихъ или церковныхъ денегъ.

Вотъ вамъ и средства на устройство елки, соответствен-но которымъ и можно будетъ сдѣлать необходимыя затраты.

Какія же украшенія необходимы для школьной елки?

Ее можно украсить и домашнимъ способомъ, нужны только подсвѣчники и свѣчи. Но лучше было бы пріобрѣсть хотя часть покупныхъ украшеній, которыхъ достаточно на первый разъ купить рубля на три, а именно:

1 дюжину картонажей	30 коп.
1 „ хлопушекъ	15 „
5 нитокъ бусъ	40 „
1 пакетъ дожда	5 „
1 „ бумаги для золоченія	5 „
2 пачки свѣчей	50 „

100 подсвѣчниковъ	75 коп.
1 дюж. звѣрей, рыбокъ и пр.	40 „
1 коробку канители.	40 „

Итого: 3 р. — „

Въ крайнемъ случаѣ можно обойтись и безъ этого, а ограничиться только золочеными орѣхами и нарядными конфетами; трудно только обойтись безъ подсвѣчниковъ, которые необходимо приобрести.

Впрочемъ, разъ купивши украшенія, ихъ можно сохранять изъ года въ годъ, и, дѣлая къ нимъ небольшія добавленія, можно лѣтъ въ 5—6 собрать такую массу украшеній, что елка выйдетъ очень нарядною и эффектною, что въ особенности возбуждаетъ восторгъ дѣтей. Если средства позволяютъ, то, кромѣ книгъ, можно еще покупать сласти, а также подарки въ видѣ различныхъ ученическихъ принадлежностей, каковы, напр., перья, карандаши, бумага, квадратики, чернильницы, а для дѣвочекъ—платки, гребни для волосъ, головные гребешки, крючки для вязанья, игольники, наперстки и т. п. Словомъ, лишь были бы средства, а елочные подарки можно разнообразить до безконечности. Но и при ограниченныхъ средствахъ, какія, при усердіи и добромъ расположеніи, безъ сомнѣнія, всегда найдутся, можно доставить бѣднымъ сельскимъ дѣтямъ очень и очень много удовольствія—такого удовольствія, о которомъ они будутъ съ восторгомъ вспоминать потомъ цѣлый годъ:

Января 2 дня.—Для того, чтобы школьное дѣло шло надлежащимъ и правильнымъ путемъ, чтобы школа вполне достигала своей цѣли, нуженъ *хорошій* учитель. Подъ словомъ „хорошій“ я разумю учителя, удовлетворяющаго всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя можетъ предъявить къ нему школа.

Счастливъ завѣдующій, у котораго въ школѣ хорошій учитель. Но въ большинствѣ случаевъ попадаютъ учителя церковно-приходскихъ школъ, не вполне удовлетворяющіе своему назначенію. Происходитъ это послѣднее часто отъ не-

достаточной подготовки ихъ, а также и оттого, что завѣдующій школою мало или вовсе не обращаетъ вниманія на отношеніе учителя къ своему дѣлу. Нѣкоторые изъ завѣдующихъ совершенно безразлично относятся къ тому, каковъ у нихъ учитель; другіе же всегда заботятся о подысканіи болѣе или менѣе подходящаго учителя и не только на первыхъ порахъ его дѣятельности, но и во все послѣдующее время зорко слѣдятъ за отношеніемъ учителя къ своему дѣлу, стараясь тѣми или иными средствами облегчить трудъ его и заботясь о болѣе успѣшномъ прохожденіи имъ своихъ обязанностей.

На что же прежде всего и больше всего должно быть обращено вниманіе завѣдующаго школою по отношенію къ самому учителю?

Для того, чтобы учитель могъ удовлетворять своему назначенію, необходимо побольше обращать вниманія на *самообразование* учителя. Какъ ни просты и элементарны тѣ знанія, которыя составляютъ курсъ начальной школы, но сообщеніе ихъ, умѣніе передать ихъ ученикамъ во многомъ зависятъ отъ степени умственного развитія учителя. Чѣмъ лучше подготовленъ учитель къ своему дѣлу, чѣмъ большими обладаетъ онъ свѣдѣніями, тѣмъ успѣшнѣе поведетъ дѣло преподаванія въ школѣ, тѣмъ больше свѣдѣній можетъ сообщить своимъ ученикамъ, тѣмъ лучше, подробнѣе и нагляднѣе объяснитъ имъ не все надлежаще ими понимаемое и требующее разъясненія. А кто не знаетъ нищеты духовной и убожества умственного большинства учителей церковно-приходскихъ школъ?—Обыкновенно окончившіе курсъ въ двуклассныхъ, а въ лучшемъ случаѣ второклассныхъ школъ—вотъ главный контингентъ учителей церковныхъ школъ. Пусть каждый изъ нихъ самымъ наилучшимъ образомъ усвоитъ курсъ школы, все - таки онъ не можетъ обладать тою суммою свѣдѣній, которыя необходимы ему для успѣшнаго прохожденія своихъ обязанностей. Незамѣнимымъ пособіемъ для него въ данномъ случаѣ и можетъ и должно служить

самообразование. Пусть учитель пополняет пробѣлы своихъ знаній чтеніемъ и изученіемъ тѣхъ предметовъ, которые необходимо преподавать ему въ школѣ. Въ этомъ случаѣ прежде всего библіотека мѣстной школы можетъ принести учителю весьма существенную пользу. Мы знаемъ многія церковно-приходскія школы, библіотеки которыхъ обладаютъ довольно достаточнымъ количествомъ книгъ для самообразованія. Слѣдовало бы прослѣдить за тѣмъ, чтобы учитель обязательно познакомился самымъ основательнымъ образомъ съ школьною библіотекою. Этимъ можно было бы достигнуть *двухъ* цѣлей: расширить умственный кругозоръ учителя и, ознакомивъ его съ содержаніемъ книгъ школьной библіотеки, дать ему возможность знать, какую книгу предложить для чтенія тому или иному ученику. Помимо школьной библіотеки учитель долженъ познакомиться также съ библіотекою церковной и завѣдующаго школой, читать тѣ періодическія изданія, которыя выписываются и получаютъ каждой школой бесплатно, а также читать книги, заимствованныя и со стороны. Хорошо было бы располагать учителя къ выпискѣ для себя хорошаго періодическаго изданія,—этимъ онъ былъ бы приученъ къ тому, что сталъ бы слѣдить за современною жизнію, а также открытіями и изобрѣтеніями въ области науки и прикладныхъ знаній. Наука чуть не съ каждымъ днемъ движется впередъ; поэтому, чѣмъ больше учитель будетъ слѣдить за ея развитіемъ, тѣмъ больше будетъ расширяться его умственный кругозоръ, и онъ окажется на высотѣ своего призванія. Если учитель побольше будетъ читать книгъ, то этимъ онъ будетъ избавленъ отъ большого порока, господствующаго среди учителей церковно-приходскихъ школъ,—*самомирія*, заключающагося въ гордости и ложномъ убѣжденіи своего мнимаго высокаго превосходства надъ окружающею средою. Большинство учителей, страдая этимъ порокомъ, т. е. считая себя людьми просвѣщенными и высокообразованными, кромѣ учебниковъ, по которымъ преподаютъ они въ школѣ, не считаютъ нужнымъ заглянуть въ другую книжку, вслѣдствіе чего они и стоятъ

на поразительно низкой ступени развитія. Разсѣять въ учителѣ это ложное убѣжденіе и пробудить въ немъ жажду къ самообразованію—одна изъ высокихъ задачъ завѣдующаго школой, и если ему удастся достигнуть этой цѣли, то миссія его можетъ быть признана вполне удавшеюся: учитель будетъ застрахованъ отъ огрубѣнія, умственной косности и педантизма.

Но какъ бы учитель ни былъ развитъ и образованъ, этого еще не достаточно для успѣшнаго преподаванія въ школѣ. Чтобы учитель могъ умѣло преподавать въ школѣ и заинтересовать своимъ преподаваніемъ учениковъ, помимо спеціальной подготовки въ соответственномъ учебномъ заведеніи, онъ долженъ еще тщательно готовиться къ каждому уроку. Подготовка къ уроку въ особенности необходима для нашихъ учителей, принимая во вниманіе, что они въ большинствѣ случаевъ получаютъ не вполне законченную и достаточную подготовку къ дѣлу преподаванія. А между тѣмъ, учителя церковно-приходскихъ школъ не всегда считаютъ для себя нужнымъ и необходимымъ готовиться къ уроку. Они не только не знаютъ того, о чемъ будутъ вести рѣчь на предстоящемъ урокѣ, но даже *чему* и *какъ* будутъ учить, иначе сказать,—какими пріемами и способами будутъ стараться облегчить дѣтямъ усвоеніе урока.

Въ виду этого, было бы въ высшей степени полезно завѣдующему школой почаще вести бесѣды съ своимъ учителемъ общаго характера *объ учебномъ матеріалѣ и методахъ преподаванія*, а равно и относительно предстоящаго урока по тому или иному предмету. Въ послѣднемъ случаѣ было бы весьма полезно для дѣла преподаванія въ школѣ требовать отъ учителя *письменнаго проспекта урока*. Это невольно заставило бы учителя подумать надъ будущимъ урокомъ и обсудить его съ различныхъ точекъ зрѣнія,—а этимъ и была бы достигнута тщательная подготовка къ уроку, являющаяся однимъ изъ необходимыхъ условій *хорошаго* преподаванія.

Большое также вліяніе на школьную среду имѣютъ и другія качества учителя—въ особенности его нравственный обликъ. Если учитель неряшливъ по внѣшности, то это от-

ражается и на ученикахъ; его манеры, тонъ рѣчи и вообще все внѣшнее поведеніе служить, такъ сказать, объектомъ для подражанія учениковъ. Въ этомъ отношеніи учительницы имѣютъ большое преимущество предъ учителями. Наблюдая всегда чистоту и опрятность въ своемъ костюмѣ и т. п., онѣ умѣютъ внушить то же и большинству своихъ учениковъ и ученицъ. Небрежность же большинства учителей въ прическѣ, костюмѣ, тонѣ голоса и манерахъ невольно заимствуется и учениками, которые всегда стараются перенять у своего учителя манеру говорить, читать, писать, ходить, держать руки, корпусъ тѣла и все прочее. Изъ этого выводъ таковъ, что учитель долженъ слѣдить за всѣми своими движеніями, дѣйствіями и поступками, чтобы не подать никакого повода ученикамъ къ подражанію чему-либо нехорошему.

А если такое большое вліяніе оказываетъ на учениковъ внѣшность учителя, то тѣмъ болѣе долженъ онъ обращать вниманія на внутреннія проявленія своей души и сердца. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить любовь учителя къ ученикамъ и къ дѣлу воспитанія. Любовь есть главный рычагъ всего дѣла обученія и воспитанія. Не встрѣчая къ себѣ любовнаго отношенія со стороны учителя, ученики неохотно стануть подчиняться совѣтамъ и наставленіямъ его, такъ какъ недовѣрчиво будутъ относиться къ его рѣчамъ и всей вообще преподавательской дѣятельности его. Застой въ школьномъ дѣлѣ во многомъ зависитъ оттого, что учителя относятся къ своему дѣлу не съ любовію и преданностію, а индифферентно, смотря на учительское дѣло, какъ бы на какую-то обузу и лишь источникъ средствъ къ существованію. А такъ какъ этотъ источникъ, по большей части, скуденъ, то большинство учителей, не имѣя любви къ дѣлу, всѣ мысли свои устремляютъ на то, какъ бы поскорѣе уйти изъ школы и пристроиться гдѣ-нибудь поуютнѣе и потеплѣе.

Весьма важнымъ спутникомъ преподавательской миссіи учителя является также религіозно-нравственный обликъ его. Если человѣкъ безъ твердыхъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій не можетъ быть терпимъ на всякомъ другомъ служеб-

номъ поприщѣ, то тѣмъ болѣе такому лицу не можетъ быть ввѣрено дѣло воспитанія молодого подросткающаго поколѣнія. Пусть твердо помнитъ каждый учитель, что ему ввѣряется „сырой матеріалъ“, а онъ долженъ обработать его. Какъ, поэтому, почтенна и въ то же время отвѣтственна и предъ судомъ собственной совѣсти, и предъ судомъ Божиимъ, и предъ людьми педагогическая дѣятельность учителя! „Малое дитя, — говоритъ св. Димитрій Ростовскій, — подобно доскѣ, приготовленной для картины: какое изображеніе напишетъ на ней живописецъ—доброе или худое, святое или грѣшное, ангела или бѣса, то и останется навсегда. Такъ и ребенокъ: какое воспитаніе дадутъ ему, какому научатъ его образу жизни — богоугодному или богопротивному, ангельскому или бѣсовскому, въ томъ онъ и останется на всю свою жизнь. Въ какую краску опустите прежде новое бѣлое полотно, того цвѣта оно никогда не потеряетъ; и какой жидкости сначала нальете въ новый (деревянный или глиняный) сосудъ—благо-воннаго ли масла, или зловоннаго дегтя, ихъ запахъ останется въ сосудѣ навсегда; то же самое бываетъ и при воспитаніи дѣтей“. — „Что бы,—говоритъ Руссо,—ни думали люди объ учительской профессіи, но въ моихъ глазахъ воспитатель совершаетъ второй актъ творенія человѣка, онъ вновь создаетъ его. Если на свѣтѣ есть что-либо, заслуживающее названія героическаго и великаго, то это именно успѣхъ усилій воспитателя“. Вотъ почему учительство представляетъ собою одинъ изъ высшихъ видовъ служенія высоко-нравственнаго и отвѣтственнаго. Вотъ почему и на религіозно-нравственную сторону воспитанія школьниковъ учитель долженъ обратить преимущественное вниманіе и воспитать ввѣренное ему поколѣніе въ высшихъ религіозно-нравственныхъ идеалахъ. А для этого онъ долженъ быть и самъ глубоко религіознымъ и высоко-нравственнымъ человѣкомъ. Учитель не долженъ подавать рѣшительно никакого повода къ подрыву религіозно-нравственныхъ началъ въ питомцахъ школы. Всѣ его слова, дѣйствія и поступки должны быть въ этомъ отношеніи строго обдуманнми. Его религіозность должна выражаться даже во

всѣхъ наружныхъ проявленіяхъ. Иногда какое-нибудь неосторожное слово, необдуманый поступокъ или дѣйствіе могутъ вселить подозрѣніе въ ученикахъ, — а всего этого долженъ безусловно избѣгать воспитатель, какъ учитель вѣры и нравственности въ школѣ *словомъ*, а въ особенности *дѣломъ и истиною*.

На всѣ эти стороны и проявленія педагогической дѣятельности учителя долженъ по преимуществу обратить вниманіе завѣдующій школою. Слова, замѣчанія, бесѣды и предупрежденія—все это должно имѣть мѣсто въ дѣлѣ надлежащаго выполненія учителемъ своихъ обязанностей. Завѣдующій школою отнюдь не долженъ безразлично относиться къ дѣйствіямъ и поступкамъ учителя. И если онъ будетъ побольше обращать на нихъ вниманія, то съ увѣренностью можно сказать, что и учитель станетъ избѣгать всего того, что не согласно съ его долгомъ, призваніемъ и положеніемъ.

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевск. Дух. Сем., Архимандритъ Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го августа 1904 года.

Цевзоръ, священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, августа 29-го.

Содержаніе: Современная благотворительность. — Православное русское духовенство и фабрика (окончаніе). — Библейское воззрѣніе на войну. — По вопросу объ одеждѣ священниковъ.

Современная благотворительность.

Въ одной изъ бесѣдъ нашего глубоко-наблюдательнаго церковнаго публициста о. іеромонаха Михаила, печатающихся въ „Русскомъ Паломникѣ“, находятся слѣдующія строки, отмѣчающія своеобразное направленіе современной русской благотворительности. Рѣчь идетъ собственно о благотворительныхъ порывахъ русской женщины, но, думается, то же еще въ большей степени приложимо и къ современной русской благотворительности вообще. „У насъ женщины, — пишетъ почтенный о. публицистъ, — особенно много занимаются благотворительностію. Можетъ быть, можно сказать, что онѣ именно создали нашу общественную благотворительность. Конечно, это хорошо. Только одно смущаетъ въ этой благотворительности. Въ ней нѣтъ, или мало любви. Наша старая Русь подавала милостыню

копейками, но она считала необходимымъ, чтобы душа подающаго встрѣчалась съ душею того, кому подается,—въ основу благотворительности она все-таки клала встрѣчу двухъ людей, любовное отношеніе двухъ человѣкъ. Теперь осталась та же подача копееками, правильно организованная, но уже безъ всякаго участія въ жизни того, кому благотворять, безъ всякихъ попытокъ подойти къ нему ближе. Думается, что такая благотворительность и безплодна, а—главное дѣло—въ ней совершенно отрицается все, что Христосъ кладетъ въ основу благотворительности“ („Русск. Пал.“, № 15, 1904 г.)

Приведенная выдержка изъ бесѣды о. Михаила мѣтко и правдиво характеризуетъ общее направленіе и духъ современной благотворительности. Главный ея недостатокъ—это отсутствіе сердечности, отсутствіе живого, дѣятельнаго элемента любви, побуждающей человѣка идти прямо навстрѣчу нуждѣ, горю, страданію ближняго съ цѣлью раздѣлить и облегчить личнымъ участіемъ эту нужду, это страданіе, взять ихъ, такъ сказать, на собственные рамена. Вотъ именно этого-то всеоживляющаго элемента и не замѣчается въ нашемъ строго-оформленномъ, разсудочно-холодномъ благотвореніи. Изъ дѣла христіанской, даже просто человѣческой любви, жалости, состраданія къ ближнему благотворительность превратилась у насъ въ холодное, безучастное исполненіе нѣкоего общественно-гражданскаго долга. Всѣми признается необходимымъ, обязательнымъ жертвовать часть своихъ матеріальныхъ средствъ на общественно-благотворительныя цѣли: это—долгъ каждаго „порядочнаго человѣка“, имѣющаго извѣстное обезпеченіе, участника жизни общественной. И вотъ, „порядочный человѣкъ“ жертвуетъ время отъ времени, смотря по обстоятельствамъ и личному усмотрѣнію, на то или другое благотворительное дѣло часть своихъ средствъ; но эта жертва въ большинствѣ случаевъ производится такъ же разсудочно-холодно, какъ и всякій другой хозяйственный расходъ, напр., по найму квартиры, по содержанію конюшни и т. п. Пожертвовать часть своихъ денежныхъ средствъ, вносить извѣстный % со своего

заработка на доброе дѣло или на экстренныя нужды государства,—на это большинство изъ насъ способно изъявить полную готовность, что краснорѣчиво подтверждаютъ обильныя жертвы по случаю послѣднихъ событій, приносимыя и богатыми и бѣдными. Но на что мы особенно скупы, не податливы, чѣмъ мы рѣшаемся подѣлиться развѣ только въ исключительномъ случаѣ,—это нашимъ сердцемъ. Мы больше всего боимся нарушить свою житейскую уравновѣшенность, потревожить, взволновать покой своего сердца личнымъ, близкимъ соприкосновеніемъ съ пуждой, горемъ и страданіемъ ближняго. И этотъ покой, невозмутимость личнаго существованія мы покупаемъ цѣною значительныхъ матеріальныхъ жертвъ, лишь бы только быть подальше отъ страшныхъ людскихъ бѣдъ, горя и слезъ, лишь бы только не видѣть ихъ. Эта эгоистическая черта больше и больше проникаетъ различныя виды благотворительности и обезцѣниваетъ ихъ нравственно, даже больше — лишаетъ ихъ жизненныхъ, плодотворныхъ результатовъ. При такой замаскированной эгоистической тенденціи наша благотворительность не можетъ дать полного удовлетворенія ни благотворителю, ни, тѣмъ болѣе, благотворимому. Это начинаетъ сознаваться современнымъ обществомъ; отсюда и жалобы и сѣтованія въ родѣ тѣхъ, какія выражаетъ о. Михаилъ въ приведенной выше бесѣдѣ.

Малоцѣнность современной регламентированной благотворительности по сравненію съ прежней, которая шла прямо отъ сердца къ сердцу, можно видѣть на любомъ примѣрѣ. Представимъ хотя бы прежняго русскаго человѣка,—боярина, даже князя, царя,—навѣщающаго, по завѣту Христову, тюрьмы, „узилица“. Руководимый сердечнымъ порывомъ, такой благотворитель или съ „калитой“ въ рукахъ, или со съѣстными приношеніями является къ заключеннымъ, просто обращается къ нимъ съ словомъ участія и любви. Здѣсь нѣтъ мѣста вспоминать преступность этихъ людей, здѣсь встрѣчаетъ человѣкъ человѣка и одинъ къ другому—счастливый къ несчастному и отверженному—относятся, какъ братъ къ брату. И оживаетъ

отверженный отъ такого братски-христіанскаго участія, умляется, отходить его ожесточившееся сердце, и онъ вновь способенъ почувствовать, сознать себя человѣкомъ. Таково дѣйствіе личной истинно-христіанской благотворительности... Но то же ли самое получилось бы въ результатъ, если бы этотъ благотворитель, не утруждая себя посѣщеніемъ „узилица“, просто пожертвовалъ бы въ тюремный комитетъ въ пользу заключенныхъ десятокъ-другой рублей, и на нихъ сварили бы посылки щи „отверженнымъ“, или прибавили бы ломтя бѣлаго хлѣба къ столу? Едва ли!..

Думается, одного этого примѣра, въ связи съ общимъ сознаниемъ неудовлетворительности постановки у насъ дѣла благотворенія, будетъ достаточно для того, чтобы признать ложное направленіе и неправильность постановки современной благотворительности, отчего она и не даетъ во многихъ случаяхъ желанныхъ, плодотворныхъ результатовъ. Но гдѣ же и въ чемъ кроются главные причины извращенія, обезличенія этого истинно-христіанскаго и великаго дѣла? Надъ этимъ стоитъ серьезно задуматься!..

Намъ кажется, одною изъ причинъ такого ложнаго направленія въ дѣлѣ благотворенія слѣдуетъ признать распространеніе въ нашемъ обществѣ научно-экономическихъ теорій и взглядовъ. По нимъ всякое единичное, вызванное только сердечнымъ участіемъ къ горю или нуждѣ ближняго, благотвореніе не можетъ принести существенной пользы въ смыслѣ устраненія общей нужды или уврачеванія общественной язвы. Даже болѣе,—подобная благотворительность можетъ оказать вредъ, поощряя тунеядство, нищенство.. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы въ подачѣ копеекъ, пятаконъ, вообще милостыни на поминъ души:—развѣ вы этимъ обогатите нищаго?.. Или какое облегченіе будетъ несчастному больному человѣку, если вы, изъ жалости, придете къ нему пособолѣзновать? — Нѣтъ,—говорятъ,—если хотите видѣть общественную пользу отъ вашихъ дѣлъ милосердія, организуйте разумно, подъ руководствомъ опытныхъ лицъ, вашу благотворитель-

ность. Тамъ, въ нарочитыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, уже не допустятъ ошибки и окажутъ существенную помощь и поддержку только тому, кому нужно, и отъ такой только благотворительности будетъ существенная польза, только ею можно врачевать общественные язвы и недуги... И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ, въ которыхъ, безспорно, содержится значительная доля истины и убѣдительности, рука добраго человѣка при видѣ нищаго уже не опускается въ карманъ за пяточкомъ: къ чему?—это бесполезно.. Заболѣлъ знакомый сосѣдь-бѣднякъ, тяжело, должно быть, ему въ одиночествѣ,—идти бы посочувствовать, утѣшить.. подсказываетъ доброе чувство. Но опять: чѣмъ я ему помогу? можно еще повредить, потревоживъ больного; есть врачъ для бѣдныхъ, онъ же навѣщаетъ и сосѣда... И снова добрый человѣкъ не исполняетъ велѣнія сердца. Такъ пріучается современный человѣкъ подавлять въ себѣ непосредственные добрые порывы и отвыкаетъ отъ личнаго участія въ горѣ, нуждѣ, страданіи ближняго; взамѣнъ того онъ охотно и подчасъ щедро благотворитъ, такъ сказать, издали, не тревожа сердца, а спокойно внося свою ленту въ благотворительныя учрежденія...

Повидимому, отъ такого раціональнаго направленія дѣло благотворительности должно бы выиграть во многихъ отношеніяхъ, напр., въ широтѣ постановки, въ усиленіи средствъ и даже въ благотворности результатовъ.—Съ внѣшней стороны оно какъ будто и такъ: у насъ теперь масса всевозможныхъ благотворительныхъ учрежденій, которыми предусмтрѣны едва ли не всѣ вопіющія человѣческія нужды. Матеріальныя средства большинства учрежденій подобнаго рода не оскудѣваютъ,—добрая русская душа не скупится на пожертвованія. Но откуда же въ такомъ случаѣ эти жалобы и недовольство современнымъ состояніемъ благотворительности, раздающіяся со стороны общества?—Онѣ выходятъ изъ сознанія лучшихъ, не утратившихъ чуткости сердца членовъ общества, что, на ряду съ упорядоченіемъ, строгой

оформленностію различныхъ сторонъ благотворительности, изъ нея исчезаетъ истинно-христіанскій духъ сердечнаго, любовнаго, жалостливаго участія къ ближнему-несчастному. И томится и мучится современный человѣкъ, что ему рѣдко приходится утолять святую потребность любящаго, сострадательнаго сердца, и съ ужасомъ сознаетъ, что самая эта потребность гложетъ и замираетъ, оставляя леденящую пустоту въ душѣ!..

Роковая ошибка, приведшая къ такимъ неожиданнымъ и печальнымъ результатамъ, здѣсь заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что при господствѣ разсудочныхъ, чисто утилитарныхъ взглядовъ на благотворительность, при ея расширеніи и организаціи опущена была одна ея сторона—и притомъ главная, существенная. Сторона эта—религіозно-нравственная. Было опущено изъ виду, что въ основѣ каждаго добраго порыва, добраго дѣла на благо ближняго должна быть живая вѣра въ высшую правду, въ высшую любовь и милосердіе и пристекающая отсюда самоотверженная любовь къ каждому человѣку, какъ къ брату и ближнему. Только при такой основѣ благотворительность можетъ всегда оставаться дѣломъ живымъ и плодотворнымъ, дающимъ нравственное удовлетвореніе и благотворящему и благотворимому. А нравственное удовлетвореніе здѣсь должно имѣть весьма важное значеніе. Для устраненія нужды, бѣдствій, общественнаго зла всякаго рода не достаточно удалить только физическія, матеріальныя причины ихъ матеріальными же жертвами. Тутъ нужно имѣть въ виду, что человѣкъ обездоленный, падшій, страдающій требуетъ еще духовно-нравственной поддержки и любви для полнаго возрожденія. Это потому, что всякая нужда, потеря общественнаго положенія, лишеніе возможности трудиться, обездоливая матеріально человѣка, въ то же время принижаетъ его нравственно, развращающимъ образомъ вліяютъ на его душу, доводятъ до паденія, до утраты личнаго самоуваженія. Иногда же подобный человѣкъ, подъ ударами судьбы приходитъ въ состояніе нравственнаго ожесточенія и

въ безсильномъ протестѣ относится враждебно ко всѣмъ и ко всему. Ясно, что въ этомъ обширномъ станѣ погибающихъ, обездоленныхъ и ожесточившихся людей холодно-разсудочная благотворительность не можетъ оказать благотворнаго дѣйствія одними матеріальными средствами. Здѣсь именно требуется личное, сердечное участіе благотворителя къ несчастному, здѣсь нужно окрыленное вѣрой, согрѣтое любовію слово утѣшенія, мира, надежды, всепрощенія, чтобы возставить, ободрить, примирить съ жизнію падшаго, отверженнаго, ожесточеннаго. И вотъ, эта чудодѣйственная сила, вносящая духъ и жизнь въ дѣла милосердія, становится все болѣе и болѣе чуждой нашей благотворительности, потому что послѣдняя сама стремится удалиться и удалилась уже отъ источника этой силы— св. Церкви.. Въ этой секуляризаціи и совершенно свѣтскомъ характерѣ благотворительности заключается, по нашему мнѣнію, послѣдняя и главная причина ея безсилія, неудовлетворительнаго состоянія; возрожденіе и обновленіе ея настанетъ тогда только, когда она вступитъ опять въ тѣсный союзъ съ Церковію и привлечетъ къ дѣятельному участію ея представителей.

Свящ. *Аѳанасій Веселмикій.*

Православное русское духовенство и фабрика ¹⁾.

Фабричное населеніе заслуживаетъ со стороны духовенства большаго вниманія по многимъ существенно важнымъ причинамъ. И прежде всего, въ фабричномъ населеніи нѣтъ той простой цѣлостной вѣры, какою отличается деревенскій людъ, нѣтъ той силы религіознаго воодушевленія, привязанности къ церкви, храму, какими часто отличается послѣдній. Подъ вліяніемъ тяжелаго неустаннаго труда, часто внѣ добраго вліянія семьи, фабричныя постепенно отбиваются отъ церкви, отъ вѣры, забываютъ самое главное, что есть въ жизни, что должно царить въ сердцѣ людей. Рабочій на за-

¹⁾ См. № 34 за 1904 г.

водѣ представляетъ отдѣльную единицу, часто лишенную всякой нравственной и духовной поддержки со стороны семьи, родныхъ, друзей; отсюда, онъ становится нерѣдко жертвою волковъ въ овечьей шкурѣ. И политическіе и религіозные агитаторы давно поняли, какой удобный элементъ представляютъ фабричныя, и здѣсь часто свиваютъ себѣ прочное гнѣздо. Сектантскія вѣянія, мысли и чаянія никогда не зараждаются въ деревнѣ сами собою; они всегда приходятъ извнѣ, и нерѣдко благодаря фабрикѣ.

О политической агитаціи на фабрикахъ нечего и говорить; хроническіе беспорядки на фабрикахъ и заводахъ ясно показали, какъ здѣсь широко поставлено это дѣло. Прокламаціи политическаго и религіознаго характера разбрасываются здѣсь прямо пудами; рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ свыклись съ ними, какъ съ самымъ обыденнымъ предметомъ, не вызывающимъ ничьего удивленія. Болѣе спокойные и твердые рабочіе смотрятъ на нихъ, какъ на пустую „забаву баръ“, и пользуются ими „для цыгарокъ“; но, несомнѣнно, есть и такіе, на которыхъ всѣ эти прокламаціи оказываютъ свое вліяніе.

Не радостную картину представляетъ фабричное населеніе и въ нравственномъ отношеніи. Уже самая санитарная условія фабричной жизни ведутъ къ распущенности нравовъ на фабрикѣ. Возбужденіе дурныхъ инстинктовъ вызывается тѣмъ, напр., что мужчины-надсмотрщики вращаются между женщинами, работа которыхъ требуетъ короткихъ сорочекъ, легкой одежды; жаркая атмосфера фабрикъ также возбуждающе дѣйствуетъ на инстинкты, содѣйствуетъ преждевременному развитію молодежи. Одинъ англичанинъ такъ отзывается о вліяніи фабрики на нравственную жизнь рабочихъ: „Точно опредѣлить состояніе нравственности на фабрикахъ примѣрами не возможно, но на основаніи личныхъ моихъ наблюденій и мнѣніи людей, съ которыми мнѣ приходилось говорить, я пришелъ къ выводу, что вліяніе фабричной жизни на

молодежь весьма пагубное“¹⁾... Сказанное относительно английскихъ фабрикъ въ полной мѣрѣ справедливо и относительно фабрикъ русскихъ, такъ какъ условія матеріальной жизни на русскихъ фабрикахъ не могутъ быть выше английскихъ, гдѣ фабричное производство является вѣковымъ занятіемъ цѣлыхъ округовъ. На фабрикахъ всего чаще работаютъ одинокіе, лишенные семьи мужчины и женщины, не рѣдко лица, выбитыя разными условіями изъ колеи деревенской жизни. Если принять во вниманіе трудности семейной жизни для мало-обезпеченнаго рабочаго, то отсюда понятна станетъ отчасти распущенность нравовъ на фабрикахъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что значительный процентъ рабочихъ на фабрикахъ живетъ съ женщинами внѣбрачную половую жизнью. Естественнымъ слѣдствіемъ такой жизни является ужасающее развитіе сифилиса (фабричные рабочіе въ настоящее время медициною признаются главнѣйшими насадителями этого бича человѣчества въ деревнѣ).

Увеличенная скорость и постоянное вниманіе къ работѣ, постоянное напряженіе и переутомленіе, жалкій въ сущности заработокъ, отсутствіе разумныхъ развлеченій, при значительной безграмотности населенія, ведетъ къ тому, что свой досугъ рабочей тонитъ въ винѣ, забывая за нимъ и усталость и горькую каторжную долю.

Таково религіозно-нравственное состояніе фабричнаго люда. Могутъ тутъ быть и уклоненія въ ту или другую сторону, свои особенности, но въ общемъ оно вездѣ одинаково.

Вліяніе священника на фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ не можетъ быть такимъ сильнымъ и дѣйственнымъ, какъ на коренныхъ прихожанъ: послѣдніе имѣютъ больше свободнаго времени, чаще бываютъ въ храмѣ, чаще встрѣчаются со священникомъ, чаще могутъ слышать его слово; на помощь послѣднимъ во всемъ хорошемъ придетъ семья. Но нельзя отрицать того, что, при искреннемъ желаніи, священникъ

¹⁾ Алланъ Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англій. 1904 г., стр. 63.

можетъ многое сдѣлать и для фабричныхъ рабочихъ въ смыслѣ добраго вліянія на нихъ; и это тѣмъ болѣе возможно, что во многихъ случаяхъ ему на помощь придетъ администрація завода или фабрики, въ прямыхъ интересахъ которой имѣтъ добрыхъ, честныхъ рабочихъ.

Чтобы сдѣлать что-нибудь для фабрично-заводскихъ рабочихъ, священникъ прежде всего долженъ стрѣшиться отъ того взгляда, будто эти рабочіе—часто пришлые люди, составляющіе въ приходѣ перѣдко государство въ государствѣ, не являются ихъ прихожанами, люди для нихъ чужіе. При такомъ взглядѣ рабочіе на заводахъ оказались бы внѣ всякаго прихода, совсѣмъ внѣ пастырскаго вліянія, такъ какъ даже на родинѣ, въ родной деревнѣ, они не живутъ долго. Священнику, разъ онъ хочетъ быть добрымъ пастыремъ, необходимо отказаться отъ тяготѣнія къ „господамъ“, памятуя, что ему придется отвѣчать предъ Богомъ за всякую врученную его попеченію душу, а не только за господъ. За любовь и заботы простые люди заплатятъ такую же любовь скорѣе, чѣмъ „господа“, которые на „попа“ смотрятъ всего чаще или покровительственно-нисходительно, или даже пренебрежительно. Какъ иногда относятся заводчики и фабриканты къ священнику, показываетъ, напр., такой случай, наблюдать который намъ пришлось на югѣ лѣтъ пять назадъ. Въ одинъ приходъ, въ которомъ находится большой заводъ съ тысячею рабочихъ, назначили молодого священника. Приняли его въ высшей степени ласково, отремонтировали на заводскій счетъ квартиру, дали жалованье отъ завода, снабдили продуктами и т. д.; состоялось нѣсколько знакомствъ священника съ семьями служащихъ,—словомъ, благополучіе полное и дружба неразрывная! Скоро, однако, стали появляться и тучки на горизонтѣ этой дружбы. Во-первыхъ, „господа“ потребовали, чтобы батюшка служеніе начиналъ въ 9—10 часовъ, т. е. въ то время, когда крестьяне уже обѣдаютъ; затѣмъ, священнику указали на неудобство совершать богослуженіе на второстепенные праздники: въ день св. великомученика Пан-

телеимона, весьма чтимаго въ народѣ, св. пророка Иліи и др. Праздники эти на рабочихъ оказывали *вредное* (sic!) вліяніе, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ предпочитали идти въ церковь, а не на работу... На бѣду священника, въ школѣ, гдѣ онъ законоучительствовалъ, оказался учитель самыхъ новѣйшихъ и наиболеберальнѣйшихъ взглядовъ, которые онъ и началъ насаждать въ школѣ. Священнику это, конечно, не понравилось, и онъ возбудилъ дѣло. Результаты послѣдовали самые плачевные для священника: его аттестовали передъ епархіальнымъ начальствомъ, какъ человѣка неспокойнаго, неуживчиваго, и онъ былъ переведенъ на другой приходъ.— Не вездѣ, разумѣется, такіе *хозяева*, и не вездѣ священнику такъ трудно живется; и если данный случай мы приводимъ, то съ тѣмъ, чтобы отгнѣнить нашу мысль о томъ, что званію и достоинству священника гораздо болѣе соотвѣтствуетъ стоять на сторонѣ рабочей массы, къ ней принимать души: здѣсь его больше слушаютъ и больше тронутся его участіемъ.

Въ приходскомъ храмѣ, гдѣ священникъ является общимъ учителемъ и руководителемъ *всего* прихода, не можетъ быть ни спеціальныхъ средствъ, ни проповѣдническихъ темъ, направленныхъ къ воспитанію фабричныхъ рабочихъ. Общія свои религіозно-просвѣтительныя заботы примѣнительно къ фабричнымъ рабочимъ священникъ долженъ расширить внѣ храма. Фабричныя рабочіе, какъ мы сказали выше, мало имѣютъ времени и возможности посѣщать храмъ; отсюда, священникъ самъ долженъ идти къ нимъ, особенно пользуясь тѣмъ временемъ, когда рабочіе бываютъ свободны, отдыхаютъ отъ фабричныхъ работъ. Въ религіозно-просвѣтительныхъ цѣляхъ среди фабричныхъ рабочихъ священнику огромную пользу могутъ оказать воскресныя собесѣдованія и религіозно-нравственныя чтенія. Такія чтенія уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Петербургѣ (дѣятельными помощниками приходскихъ настырей являются тамъ студенты мѣстной духовной академіи), въ Кіевѣ; но въ общемъ нужно

признать, что дѣло проповѣди для рабочихъ и среди рабочихъ не привлекло еще большаго вниманія духовенства, находится въ зачаточномъ состояніи. Такъ, напр., въ Кіевѣ на заводахъ работаютъ десятки тысячъ людей, какъ видно изъ отчета Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества за 1903 годъ, чтенія для простаго народа велись въ 34 пунктахъ, главнымъ образомъ въ церквахъ; среди же рабочихъ и для рабочихъ чтенія велись *только въ 3 пунктахъ*: а) въ арсеналѣ Кіевскомъ предложено было 8 чтеній, в) на мельницѣ Бродскаго на Подолѣ—23 чтенія и с) въ пароходныхъ мастерскихъ 4 чтенія—вотъ и все ¹⁾;—разумѣется, это очень и очень мало.

Когда говорятъ о воскресныхъ школахъ, о воскресныхъ чтеніяхъ для народа, то обычно отговорка у духовенства одна—недосугъ. Пищущему эти строки пришлось быть на одномъ благотворительномъ собраніи. Обсуждался тамъ широко-поставленный проектъ религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, предложенный духовенству для обсужденія епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ. Вопросъ о воскресныхъ школахъ здѣсь былъ „проваленъ“. Какъ на причину такого отрицательнаго отношенія, указывалось на то, что въ воскресныхъ школахъ иногда открыто велась проповѣдь отрицательныхъ лжеученій, а затѣмъ—самое главное—на недосугъ, особенно въ воскресные и праздничные дни, когда духовенству приходится работать больше, чѣмъ въ будніе дни.—Отказываясь отъ воскресныхъ школъ, воскресныхъ чтеній, духовенство, намъ кажется, отказывается отъ одного изъ средствъ прочнаго вліянія на народъ. Не отрицаемъ, что духовенству приходится много работать; но отъ него вовсе и не требуется, чтобы оно само непосредственно вело эти занятія и чтенія. Важно его сочувствіе въ этому дѣлу, важно, чтобы здѣсь была его душа, руководство и надзоръ: на святой Руси нѣтъ

¹⁾ См. Отчетъ за 1903 годъ, стр. 23—25.

ни одного прихода, въ которомъ не было бы въ крайнемъ случаѣ 3—5 человѣкъ, способныхъ и годныхъ быть помощниками своему пастырю въ его просвѣтительныхъ задачахъ, людей надежныхъ. Есть еще, слава Богу, на Руси люди, горящіе ревностію къ Божьему дѣлу, и кому, какъ не духовенству, знать ихъ и умѣть находить?—Чтенія для фабричныхъ рабочихъ могутъ вести и сами же рабочіе подъ руководствомъ и наблюденіемъ священника и вообще тѣ лица, какихъ священникъ найдетъ болѣе подходящими для дѣла. Не такъ уже много потребуется труда отъ священника для того, чтобы организовать такое доброе и симпатичное дѣло. Важно участіе его въ добромъ дѣлѣ, а помощники всегда найдутся.

Въ „Божьей Нивѣ“ въ 1903 году была напечатана статья г. Остроумова подъ заглавіемъ: „Что можетъ сдѣлать школа на фабрикѣ“. Здѣсь описывается школьная дѣятельность на фабрикѣ Бундшухъ, находящейся въ Москвѣ, на Преображенской окраинѣ. Благодаря заботамъ хозяевъ,—кстати сказать—иностранцевъ,—на этой фабрикѣ устроена воскресная школа для подростковъ и взрослыхъ обоюго пола, выпускающая ежегодно болѣе 60 человѣкъ; при фабрикѣ открыто отдѣленіе книжнаго склада, отпускающее полезныя для народа книги по дешевой цѣнѣ; есть библіотека; по четвергамъ заведены религіозно-правственныя чтенія съ туманными картинами и бесѣды, во время которыхъ всѣми рабочими поются молитвы и церковныя пѣснопѣнія. Прекрасно организованный хоръ изъ рабочихъ въ приходскомъ храмѣ подъ воскресныя и праздничныя дни поетъ всенощную; всенощная совершается и въ столовой; между рабочими организована самопомощь—попечительство о бѣдныхъ; есть сберегательная касса; заведено обученіе ремесламъ; между рабочими широко развита благотворительность; въ школѣ постоянно собираются пожертвованія на строящіеся храмы, на погорѣльцевъ, больныхъ, на школы; наконецъ, есть общество трезвости. Шумъ, ссоры, неприличныя пѣсни, гармоника, карты, орлянка—совсѣмъ

сошли со сцены фабричной жизни ¹⁾). Мы не можемъ опредѣлить точно, какія именно изъ благодѣтельныхъ перечисленныхъ нами учрежденій возникли на фабрикѣ Бундшухъ съ помощію и содѣйствіемъ духовенства; но участіе его здѣсь несомнѣнно было. Почему же нѣчто подобное, хотя бы въ малыхъ размѣрахъ, не могло бы имѣть мѣста и на всякой другой фабрикѣ? И почему инициаторомъ въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть духовенство? Въ сочувствіи рабочихъ, разъ они увидятъ, что имъ хотятъ добра, не можетъ быть сомнѣнія; сочувственно отнесутся къ такому дѣлу и хозяева фабричныхъ заведеній, потому что все это, какъ мы сказали уже, въ ихъ же прямыхъ интересахъ.

Однимъ изъ важныхъ средствъ пастырскаго вліянія на фабричныхъ нужно признать пастырскія *визитаціи*, т. е. посѣщеніе ихъ священникомъ, особенно въ дни, назначенные для того Церковію. Рабочіе на фабрикахъ и заводахъ набираются, главнымъ образомъ, изъ губерній сѣверныхъ, а тамъ, насколько намъ извѣстно, связь народа съ духовенствомъ крѣпче и тѣснѣе, тамъ священникъ—на праздникахъ—желанный гость, котораго ждуть въ каждой избѣ. Переселяются рабочіе въ крупные центры и часто въ теченіе долгихъ годовъ не видятъ въ своемъ домѣ священника—и, естественно, огорчаются этимъ. Фабричные, живущіе самостоятельными квартирами, ютятся въ жалкихъ хатахъ по окраинамъ, въ подвалахъ, и городское духовенство, въ общемъ хорошо обеспеченное и далекое отъ своего прихода, всего чаще обходитъ эти лачуги, предпочитая идти къ „господамъ“, гдѣ хотя и не такъ радушно встрѣчаютъ священника, зато плату даютъ покрупнѣй.

Недостаточно внимательное отношеніе духовенства къ бѣднякамъ-рабочимъ создаетъ въ городѣ массовое нерасположеніе, недовольство противъ духовенства, порождаетъ недовѣріе и холодность во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ.

¹⁾ Болѣе подробное описаніе этой фабрики см. въ „Церковно-приходской Школѣ“ за 1903 г., ноябрь, стр. 242.

Появленіе священника весьма желательно, затѣмъ, и на самыхъ фабрикахъ и заводахъ, въ казармахъ для рабочихъ. Здѣсь священникъ будетъ дорогимъ гостемъ, здѣсь онъ увидитъ рабочихъ въ обыденной для нихъ обстановкѣ, здѣсь, наконецъ, онъ можетъ говорить и вліять не на отдѣльную личность, а на цѣлую массу рабочихъ. Сознвая всю важность такихъ посѣщеній, Св. Синодъ, указомъ отъ 31-го іюля 1900 года, предоставилъ приходскимъ священникамъ право свободного входа на фабрики и заводы. *Четыре* года прошло со времени изданія этого указа, но доселѣ что-то не слышию, чтобы духовенство пользовалось этимъ правомъ.

Тѣсная связь и общеніе съ рабочими важны для священника въ томъ отношеніи, что даютъ ему возможность широкаго вліянія на рабочую массу—не только положительнаго, но и предохранительнаго, такъ сказать, характера, предупреждая и парализуя всякое недоброе вліяніе, какое всегда и съ удобствомъ можетъ свить себѣ прочное гнѣздо среди разношерстной фабричной массы, собранной съ разныхъ концовъ Россіи.

Думается намъ, что священникъ можетъ вліять не только на религіозно-нравственное настроеніе рабочей массы, но можетъ принимать участіе и въ матеріальныхъ нуждахъ ея. Заступитья передъ „начальствомъ“ за несправедливо обиженнаго, обсчитаннаго рабочаго (это—грѣха нечего таять—случается на нашихъ фабрикахъ), помочь инвалиду, за долготѣльную службу выброшенному изъ завода за негодностію, пристроить осиротѣлую семью, потерявшую кормильца—во всѣхъ такихъ добрыхъ дѣлахъ священникъ докажетъ рабочимъ свою живую и дѣйственную любовь, докажетъ дѣломъ то, чему онъ учитъ словомъ. Пусть въ городѣ есть масса благотворительныхъ учрежденій, но зато и бѣдноты здѣсь много, и городской бѣднякъ, лишенный работы, во сто кратъ несчастнѣе бѣдняка деревенскаго, такъ какъ въ деревнѣ и жизнь дешевле, и люди отзывчивѣе къ чужому горю, чѣмъ въ городѣ. Кому другому, какъ не священнику, показать примѣръ живого

участливаго отношенія къ городской бѣднотѣ, которая сосредоточивается и набирается, главнымъ образомъ, именно на нашихъ фабрикахъ и заводахъ.

Въ наше время рабочій вопросъ вездѣ во всѣхъ странахъ значительно обострился и въ будущемъ грозитъ тяжелыми осложненіями. Подпольная агитація мечтаетъ разрѣшить этотъ вопросъ силою и кулакомъ, возбуждая рабочихъ къ беспорядкамъ и насиліямъ противъ предпринимателей и хозяевъ. Но всякій острый общественный вопросъ можетъ рѣшиться прочно только тогда, когда рѣшающія его стороны проникнутся завѣтами и идеалами нашего Божественнаго Учителя Господа Иисуса Христа, Которому дороги и близки были всѣ труждающіеся и обремененные. „Осуществленіе надежды на лучшее будущее для рабочихъ,—пишетъ Алланъ Кларкъ,—я возлагаю всецѣло на симпатичныхъ, просвѣщенныхъ проповѣдниковъ ученія Христа, на ученыхъ, на журналистовъ, на всѣхъ вообще интеллигентныхъ людей, которымъ будутъ содѣйствовать развитые и передовые люди изъ рабочаго класса... Помощь рабочимъ должна явиться отъ всѣхъ добрыхъ людей: отъ справедливыхъ и добросовѣстныхъ предпринимателей, отъ проповѣдниковъ ученія Христова, отъ писателей-провозвѣстниковъ истины, отъ всѣхъ тѣхъ, кто любитъ человѣчество, отъ всѣхъ тѣхъ, которые хотя и раздѣлены неравенствомъ состояній, но соединены общимъ желаніемъ исполнить свой долгъ по отношенію къ своимъ ближнимъ“ ¹⁾.

Свищ. В. Пестряковъ.

¹⁾ Фабричная жизнь въ Англiи, стр. 115.

Библейское воззрѣніе на войну.

„Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
 Ему извѣстны день и часъ...
 И эта вѣра въ правду Бога
 Ужъ въ нашей не умретъ груди,
 Хоть много жертвъ и горя много
 Еще мы видимъ впереди“... ¹⁾.

Вотъ уже въ теченіе цѣлыхъ семи мѣсяцевъ продолжаютъ кровопролитныя военныя событія на Дальнемъ Востоцѣ, и съ понятнымъ лихорадочно-трепетнымъ волненіемъ ежедневно и даже по нѣсколько разъ въ день ожидаютъ нами телеграфическія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Кажется, не найдется ни одного захолустнаго уголка въ необъятной Россіи, гдѣ бы не былъ въ такой или иной мѣрѣ пробужденъ интересъ къ войнѣ. Въ средѣ столичнаго же и городского населенія предъ событіями войны не только отошли „на задній планъ“ всѣ обычно-жизнейскіе его интересы и удовольствія, но какъ бы даже утратили прежнее свое значеніе. Совсѣмъ плохо, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній и отчетовъ, посѣщаются лѣтніе театры, концерты, разнаго рода увеселительныя сады и прочія учрежденія, гдѣ такъ обильно доставляются многоразличныя удовольствія жаждущей зрѣлицѣ толпѣ. Война, война и военныя дѣйствія—вотъ что у всѣхъ одинаково на языкѣ, и вотъ чѣмъ всецѣло занято общественное вниманіе. И не только у насъ въ Россіи, вынужденной волею Провидѣнія вести тягостную войну, но и въ не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ войнѣ государствахъ стараго и новаго свѣта вниманіе всѣхъ неослабно сосредоточено на тѣхъ же военныхъ событіяхъ. Да. Выпалъ тяжелый рокъ. Пришла година испытаній нашей отчизнѣ. Въ

¹⁾ Стихотворенія О. И. Тютчева. Изд. Русск. Архива. Москва, 1899 г., стр. 243.

самомъ воздухѣ будто носится ожиданіе чего-то рѣшающаго, необычайнаго. Ждетъ, терпѣливо ждетъ—и будетъ ждать— православная Русь грядущихъ событій. Она свято вѣритъ въ истину, выраженную въ вышеприведенныхъ словахъ поэта-христіанина. Лишь святому Провидѣнью извѣстны день и часъ такого или иного исхода разгорѣвшихся на Дальнемъ Востокѣ военныхъ событій, и да будетъ Его святая воля во всемъ... Вѣрующая христіанская душа православнаго русскаго челоѣка какъ-то невольно обращается въ эти минуты трепетнаго ожиданія и всеобщей скорби къ Слову Божію, къ Библии, чтобы здѣсь, въ сей святой книгѣ жизни, поискать такое или иное объясненіе совершающихся на глазахъ нашихъ событій и отсюда почерпнуть успокоеніе волнующемуся духу. И благо, что сердце русскаго челоѣка устремляется сюда, къ источнику жизни, въ минуты удрученія тревожными скорбями и извѣстіями о великомъ множествѣ смертей людей, на брани животъ свой положившихъ!.. Слово Божіе, Библия даетъ ясное и опредѣленное воззрѣніе на явленіе, именуемое войною. Оно же проливаетъ въ вѣрующую душу и отрадное успокоеніе въ виду гнетуще-тягостныхъ событій времени. Въ немъ неоднократно указывается, что Самъ Богъ чрезъ Своихъ пророковъ иногда повелѣвалъ евреямъ начать войну противъ того или другаго народа и обѣщался быть ихъ покровителемъ и помощникомъ въ борьбѣ со вражескимъ народомъ. Бытописатель народа еврейскаго Моисей пѣкогда получилъ отъ Бога слѣдующее повелѣніе: „скажи сынамъ Израилевымъ сіи слова. Если ты будешь слушать гласа Моего и исполнять все, что скажу тебѣ, то врагомъ буду враговъ твоихъ и противникомъ противниковъ твоихъ. Когда пойдетъ предъ тобою Ангель Мой и поведетъ тебя къ Аммореймъ, Хеттеямъ, Ферезеямъ, Хананеямъ, (Гергесеямъ), Евеемъ и Іевусеямъ, и истреблю ихъ отъ лица вашего... Ужасъ Мой пошлю предъ тобою, и въ смущеніе приведу всякій народъ, къ которому ты придешь, и буду обращать къ тебѣ тыль всѣхъ враговъ твоихъ... Не выгону ихъ отъ лица твоего въ одинъ годъ... мало-по-малу

буду прогонять ихъ отъ тебя, доколѣ ты не размножишься и не возьмешь во владѣніе земли сей“ (Исход. 23, 22. 23. 27. 29. 30; Числ. 21, 21—35). Въ другой разъ, когда народъ израильскій стоялъ на равнинахъ Моавитскихъ противъ Іерихона, у рѣки Іордана, боговидецъ Моисей получилъ подобное же повелѣніе, а именно: „объяви сынамъ Израилевымъ и скажи имъ: когда перейдете черезъ Іорданъ въ землю Ханаанскую, то прогоните отъ себя всѣхъ жителей земли... Если же вы не прогоните отъ себя жителей земли, то оставшіеся изъ нихъ будутъ тернами для глазъ вашихъ и иглами для боковъ вашихъ и будутъ тѣснить васъ на землѣ, въ которой вы будете жить“ (Числ. 33, 50—52. 55). Приведенныя изреченія св. Библии съ неопровержимою ясностію свидѣтельствуютъ о томъ, что, по воззрѣнію Слова Божія, война отнюдь не во всѣхъ случаяхъ является безусловнымъ зломъ. Всесовершеннѣйшій Судія вселенной Богъ, знающій всѣ сокровеннѣйшія помысленія людей, отнюдь не повелѣвалъ бы дѣлать недостойнаго Его святости дѣла или помогать совершенію такого дѣла. Скорѣе было бы достоинѣе Его святости то, что Онъ осудилъ бы рѣшеніе самихъ евреевъ начать войну съ какимъ-либо народомъ, какъ дѣло недостойное. Въ священнѣхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ повсюду высказывается воззрѣніе, что война *иногда* способна вести къ благимъ для людей послѣдствіямъ и можетъ быть добрымъ и законнымъ дѣломъ, несмотря на всѣ тяжкія бѣдствія, какими сопровождается всякая и вездѣ война. Разъ война ведется по требованію правды и добра, а не ради угнетенія слабыхъ, злобной мстительности или какихъ-либо корыстолюбивыхъ и властолюбивыхъ соображеній, она, по ученію Слова Божія, является горькой, но неизбѣжной необходимостью. Когда оказываются,—какъ и въ настоящей нашей войнѣ съ японцами,—испытанными напрасно всѣ средства для цѣлей достиженія миролюбивымъ путемъ добра и правды, тогда—и только тогда—одобрялась, разрѣшалась и благословлялась война, по воззрѣнію ветхозавѣтныхъ книгъ Свящ. Писанія. Это воззрѣніе яркою

нитью проходить чрезъ все ветхозавѣтное Писаніе. Война есть зло, но зло неизбѣжное въ извѣстныхъ случаяхъ и оправдываемое Самимъ Богомъ. вмѣстѣ съ этимъ ветхозавѣтные писатели не оставляютъ и того воззрѣнія, что необходимое убійство человѣка на войнѣ тѣмъ не менѣе все-таки представляется прискорбнымъ фактомъ. „Всякій,—заповѣдуетъ Господь Богъ израильтянамъ въ книгѣ Числъ (31, 19),—убившій человѣка (послѣ вынужденнаго истребленія мадіанитянъ израильтянами) и прикоснувшійся къ убитому, очиститесь въ третій день и въ седьмой день, вы и плѣнные ваши“. „Было у меня на сердцѣ,—исповѣдуетъ царепророкъ богоотецъ Давидъ, предъ сонмомъ израильскихъ вождей и начальниковъ,—построить домъ покоя, для ковчега завѣта Господни и въ подножіе ногамъ Бога нашего, и потребное для строенія я приготовилъ. Но Богъ сказалъ мнѣ: не строй дома имени Моему, потому что ты человѣкъ воинственный, и проливалъ кровь“ (1 Паралип. 28, 2—3). Этимъ Богъ не только порицаетъ наклонность къ войнамъ безъ настоящей необходимости въ нихъ, но косвенно внушаетъ людямъ, что при нормальномъ порядкѣ вещей, т. е. при добромъ, нравственномъ настроеніи людей и при надлежащихъ взаимныхъ отношеніяхъ между ними, не должно быть мѣста войнамъ, и что именно миръ между людьми, являющийся плодомъ такого порядка вещей, всего желательнѣе Ему ¹⁾. Ветхозавѣтныя мессіанскія пророчества даютъ прямыя и безспорныя указанія на это. Въ благодатномъ царствѣ Мессіи „люди—по словамъ пророка Іліи—перекуютъ мечи свои на орала, и копы свои—на серпы; не подниметь народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать“ (Исаи 2, 4).

Если отъ ветхозавѣтныхъ писаній перейдемъ къ писаніямъ Новаго Завѣта, то и здѣсь замѣтимъ утвержденіе того же воззрѣнія на войну, которое распространено было въ ветхо-

¹⁾ Проф. Гусевъ А. Ф. „О сущности религіозно-нравств. ученія графа Л. Н. Толстаго“, 592 стр.

завѣтное время. Войны и ея законности не отрицали ни Христосъ, ни Его ученики и апостолы. Спаситель не одинъ разъ имѣлъ случай говорить и Самъ о войнѣ и воинской службѣ. Въ притчѣ „о царѣ, который сдѣлалъ брачный пиръ для сына своего“ (Матѣ. 22 гл.), Онъ говоритъ, что „царь, пославъ войска свои, истребилъ убійць (людей, посланныхъ царемъ пригласить на устроенный имъ пиръ) и сжегъ городъ ихъ“. Подъ этимъ царемъ разумѣется Самъ Богъ. Научая въ другой притчѣ Своихъ учениковъ благоразумной осмотрительности, Христосъ Спаситель даетъ имъ вопросъ: „какой царь, идя на войну противъ другого царя, не сядетъ и не посоветуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противостать идущему на него съ двадцатью тысячами?“ (Лук. 14, 31—32). Учителю мира Господу Спасителю многократно предстояли случаи высказать сужденіе о войнѣ, воинскомъ служеніи и обязанностяхъ воиновъ. Вотъ стоящій предъ Божественнымъ Его взоромъ проситель. Онъ—воинъ, и притомъ язычникъ (римскій сотникъ, въ родѣ современнаго ротнаго командира). „Господи,—жалобно взываетъ воинъ-язычникъ:—слуга мой лежитъ въ расслабленіи и жестоко страдаетъ!“ Кажется, не представлялось наиболѣе удобнаго случая для Спасителя міра отнестись отрицательно къ воинскому служенію, какъ теперь,—и тѣмъ не менѣе Господь похваляетъ чистосердечную вѣру сотника и говоритъ, что Онъ „не обрѣлъ такой вѣры даже и во Израилѣ, какую нашелъ въ лицѣ язычника римскаго“ (Матѣ. 8, 10). Не отрицаніе военной самозащиты, а, напротивъ, утвержденіе ея слѣдуетъ видѣть и въ изреченіи Господа: „всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть“ (Мѣ. 26, 52). Это выраженіе Евангелія можетъ быть изъясняемо не въ одинаковомъ смслѣ. Или: противящіеся силою и оружіемъ распоряженію власти (въ настоящемъ случаѣ, по поводу котораго произнесено изреченіе синаedrіона) будутъ казнены; слѣдовательно, опасно противодѣйствовать власти силою. Или: эти люди,—какъ римскіе воины, такъ и пришедшіе съ ними іудеи,—подпадутъ наказанію за поруганіе Невиннаго; Богъ отмститъ за

Него ихъ же собственнымъ оружіемъ. Или: вооружаться одному противъ многихъ вооруженныхъ опасно,—таковой можетъ потерять собственную жизнь. Выраженіе это, какъ догадываются, было народное присловье, составленное соотвѣтственно древней заповѣди Божіей, данной еще Ною относительно пролитія крови ¹⁾. Смыслъ выше приведеннаго изреченія тотъ же самый, что въ русской поговоркѣ: „на нападающаго Богъ“. Подобное изреченіе содержится въ псалмѣ шестьдесятъ седьмомъ (31 ст.): „разсыпъ народы, желающіе браней“.

Христосъ Спаситель смотрѣлъ на войны, какъ на неизбежное явленіе въ мірѣ семъ. Потому-то Онъ и предрекалъ, что въ послѣдніе дни возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство (Матѣ. 24, 7). Другъ Христовъ, апостоль любви св. Іоаннь Богословъ, такъ ясно раскрывшій ученіе о томъ, что Богъ есть любовь, въ таинственномъ видѣніи, изложенномъ въ Апокалипсисѣ (6, 4), „увидѣлъ всадника, которому дано взять миръ съ земли, и чтобы убивали другъ друга; и данъ ему большой мечъ“. Другой апостоль—Симонъ Петръ, поучая сотника римскаго войска Корнилія „словамъ спасенія“, ни однимъ словомъ, однако, не обмолвился о томъ, что съ званіемъ христіанина не совмѣстимы обязанности военнаго званія (Дѣян. гл. 10). Нѣкогда воины сами спрашивали Предтечу Господа Іоанна: *что имъ дѣлать* (Лук. 3, 14). Эти воины были люди, ожидавшіе наступленія новаго царства, проповѣдуемаго Іоанномъ. Состоя на службѣ римскаго правительства, ненавистнаго іудеямъ, солдаты легко могли подвергнуться таковымъ порокамъ, какъ обида ближняго, или клевета на него, или лихоимство въ „прибавокъ“ къ получаемому ими отъ правительства содержанію. Несомнѣнно, что воины желали знать отъ Іоанна Крестителя о томъ, должны ли они совсѣмъ оставить военную службу и—избрать другой родъ

¹⁾ Толковое Евангеліе архим. Михаила, т. 1, стр. 505. Быт. 9, 6: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка: ибо человѣкъ созданъ по образу Божію“.

занятій, или нѣтъ? Ихъ вопросъ: „что намъ дѣлать?“ — есть прямой вопросъ о дозволительности или недозволительности военной службы и исполненія сопряженныхъ съ нею обязанностей оружіемъ защищать, по требованію власти, народъ и существующій государственно-общественный порядокъ отъ ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Іоаннъ требуетъ, какъ свидѣтельства покаянія воиновъ, чтобы они воздерживались отъ свойственныхъ и распространенныхъ въ ихъ знаніи пороковъ. Онъ отнюдь не порицаетъ ихъ службы, а только лишь требуетъ того, чтобы они проходили оную честно, оказывали любовь и состраданіе къ ближнимъ.

Наконецъ, война не отвергается и заповѣдію Спасителя о любви ко врагамъ. „Эта заповѣдь только тогда исключала бы войну во всѣхъ случаяхъ, если бы она устраняла любовь къ не-врагамъ нашимъ и въ частности къ нашимъ соотечественникамъ“ ¹⁾.

Итакъ, Библейское — какъ ветхозавѣтное, такъ и новозавѣтное — воззрѣніе на войну существенно сходны между собою; то и другое признаетъ, дозволяетъ войну, но только подъ условіемъ поставленія идеала взаимныхъ отношеній между людьми мира во имя правды и добра. Потому-то и св. Церковь и Господь Спаситель ублажаютъ истинныхъ миротворцевъ. „Если бы, — справедливо говорить профессоръ А. Ѡ. Гусевъ ²⁾, — представители верховной государственной власти не прибѣгали къ оружію для защиты гражданъ, ихъ святынь и достоянія отъ насилій и хищничества со стороны иноземныхъ враговъ, то они оказались бы не только несправедливыми и немилосердыми къ собственному народу, но и соучастниками вражескаго народа въ причиненіи разныхъ бѣдствій своимъ подданнымъ“ (Моск. Церк. Вѣдом., 1904 г., № 22).

Н. К.

¹⁾ Проф. А. Ѡ. Гусевъ, „О сущн. рел.-нрав. уч. гр. Л. Н. Толстого, стр. 605.

²⁾ Тамъ же, стр. 603.

По вопросу объ одеждахъ священниковъ.

Вопросъ объ одеждѣ священниковъ много разъ поднимался на страницахъ различныхъ періодическихъ изданій—какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ—и, можно сказать, имѣеть уже даже свою исторію. Онъ въ генезисѣ своемъ нѣкоторымъ образомъ связанъ съ тѣмъ движеніемъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества, какое было вызвано пресловутыми *шестидесятыми* годами, давшими намъ, между прочимъ, „новыхъ“, „либеральныхъ“ батюшекъ, которые такъ тяготятся священнической рясой, длинными волосами и нѣкоторыми другими, принятыми у насъ церковнымъ обычаемъ, особенностями внѣшняго облика священника. Типъ „новаго“, „либеральнаго“ батюшки окончательно сформировался у насъ уже собственно въ *семидесятыхъ годахъ* и весьма ярко и художественно нарисованъ, — въ сопоставленіи съ типомъ батюшки „стараго“, „консервативнаго“, — въ повѣсти *О. Забытаго (Педьтовскаго)*: „Велѣно прискивать“ (если не измѣняетъ намъ память, напечатана была эта повѣсть въ 9, 10 и 11-й книжкахъ „Вѣстника Европы“ за 1878-й, а можетъ быть—за 1877-й годъ). Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще поднимался вопросъ объ одеждѣ священниковъ, но такъ какъ въ рѣшеніи его не приняла никакого дѣятельнаго участія русская церковная власть, то поговорили, поговорили—и оставили. Теперь онъ на нѣкоторое (надо полагать—самое короткое) время снова выплылъ наружу.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Въ концѣ прошлаго 1903-го года сельскій священникъ о. С. З. прислалъ въ редакцію извѣстнаго академическаго журнала „Церковный Вѣстникъ“ статью, въ которой, „высказывая личныя свои сужденія и сужденія знакомаго ему сельскаго духовенства о современномъ костюмѣ духовенства, находить его прекраснымъ и соотвѣтствующимъ важности духовнаго сана, но весьма неудобнымъ на практикѣ въ де-

ревнѣ“, и просить сельское духовенство откликнуться на его замѣтку. Въ надеждѣ на то, что „доводы автора будутъ по достоинству оцѣнены самими читателями, и послѣдніе не замедлятъ откликнуться на статью“, почтенная редакція помѣстила ее въ послѣднемъ № (51—52-мъ) своего изданія за истекшій годъ. Дѣйствительно, статья вызвала самый живой обмѣнъ мыслей среди сельскихъ священниковъ, и въ довольно короткое время редакціею получено было 15 статей, въ которыхъ вновь поднятый вопросъ обсуждается съ разныхъ сторонъ. Въ статьяхъ этихъ „авторы, преимущественно сельскіе священники, то спокойно, то горячо, откровенно и правдиво высказываютъ свои мысли о принятомъ въ настоящее время для духовенства нашей Церкви костюмѣ, указываютъ и удобства его и недостатки, одни стоятъ за неизмѣнное его охраненіе, другіе допускаютъ возможность перемѣны его и приближенія духовенства къ мірянамъ по своему внѣшнему облику“. Въ настоящее время приливъ статей совершенно закончился, и редакція, начиная съ № 30-го журнала за текущій годъ, приступила, такъ сказать, къ обнародованію результатовъ (частію въ полномъ видѣ, частію въ извлеченіи) этой своего рода анкеты.

Окончательные результаты, по суду самихъ же священниковъ, оказываются далеко не въ пользу „либеральнаго“ вѣянія: „количество статей, защищающихъ духовный костюмъ, почти вчетверо больше тѣхъ, въ которыхъ авторы ратуютъ за его измѣненіе“. Такимъ образомъ, духовенство наше въ подавляющемъ „большинствѣ своемъ крѣпко стоитъ за свой традиціонный костюмъ и“ не только „легко мирится съ его недостатками“, но видитъ въ немъ даже ничѣмъ незамѣнимыя практически-житейскія достоинства. При этомъ, самыя статьи, защищающія традиціонный костюмъ, дышатъ глубокою убѣжденностью, искренностью и невольно подкупающею читателя непосредственностью. Вотъ хотя бы, напр., отвѣтъ сельскаго священника В. М.: „Въ общемъ костюмъ нашъ удобенъ, удобенъ и для всѣхъ сельскихъ работъ, кромѣ хо-

жденія за сохой; я всё работы въ немъ продѣлываю отлично, кромѣ пахоты. Правда, не удобно въ немъ ходить по грязи, но на этотъ случай можно имѣть запасной костюмъ, покороче вершка на три. Авторъ (т. е. о. С. З.) говоритъ, что священникъ теряетъ при этомъ всю (ужь будто и всю?) свою солидность и важность и возбуждаетъ не уваженіе къ себѣ, а смѣхъ и грубыя остроты — Но вѣдь это неправда: порядочный, умный человѣкъ надъ костюмомъ, укороченнымъ нужды ради, не будетъ смѣяться, а на глупыхъ стоитъ ли обращать вниманіе? *Canis latrat*,—ну, и пусть она *latrat*. Измѣните вы костюмъ, найдутъ другіе поводы для смѣха надъ нами; ужь таково наше служеніе, повѣрьте.

„Но это я такъ, кстати говорю, рѣшать вопросъ съ этической стороны не берусь: *faciant meliora potentes*. А вотъ авторъ нѣсколько игнорируетъ практическую сторону духовнаго костюма,—говоритъ о неудобствахъ ношенія его, но ничего не говоритъ объ удобствахъ его для... нашихъ тощихъ кармановъ. Вотъ на этомъ-то полѣ я поспорю съ авторомъ. Ужь чѣмъ мы, духовные, счастливы, такъ именно костюмомъ, такъ какъ всегда имѣемъ возможность одѣться дешево и прилично; даже мелкіе, небогатые чиновники положительно завидуютъ намъ въ этомъ отношеніи. Увѣряю васъ. Согласитесь, что большинство изъ насъ—люди бѣдные, особенно псаломщики; ну, гдѣ намъ взять денегъ, чтобы соорудить приличную пару изъ хорошей матеріи? Вѣдь порядочная пара стѣитъ *minimum* 30 руб. А подрясникъ или рясу можно соорудить приличные—на 5-6 руб.; на 10 руб.—хорошіе, а ужь на 15 руб.—такъ ужь куда хочешь пойдн. Хорошая пара дорога, и надо шить ее въ городѣ; только за работу надо отдать 7-8 руб. Изъ дешевой же матеріи нашъ сельскій Миронъчъ соорудитъ вамъ такую пару, что это будетъ не пара, а пародія на нее. Раза три, четыре вы ее надѣнете... *и будутъ послѣдняя горшка первыхъ*, смѣху будетъ больше.

„Да и покрой свѣтскаго платья часто мѣняется, а мы именно счастливы неизмѣняемостью своего покроя,—онъ ни-

когда изъ моды не выйдетъ; ужъ если я заведу цѣнную вещь, то увѣренъ, что бросить ее не придется изъ-за того, что вышла изъ моды. Я вотъ уже 20 лѣтъ *щеголю* въ шелковой рясѣ изъ дорогой матеріи, доставшейся мнѣ отъ тестя; а онъ, быть можетъ, всѣ 30 лѣтъ щеголялъ въ ней. А надѣли ли бы вы сюртукъ, сшитый 50 лѣтъ тому назадъ?

„Принимая во вниманіе наши тощіе карманы, надо имѣть въ виду и то, что матерія при нашемъ костюмѣ не изрѣзывается такъ, какъ при свѣтскомъ покроѣ платья,—а это для насъ большая экономія. Я знаю, напр., одну матушку, великую мастерицу изъ батюшкиныхъ рясъ и подрясниковъ, имъ уже использованныхъ, нашить всѣмъ *обновокъ*: и Митенькѣ пальтецо, и Ванечкѣ брючки, и Манечкѣ пальтецо и кофточку, и Лизочкѣ накидочку. Пока, дескать, еще не велики, такъ живеть, и изъ стараго поносятъ. А если еще эта же матушка прикупить новой матеріи, изъ стараго кое-что подкрасить, да заручится Мироньчемъ и устроить съ нимъ консиліумъ, какъ и изъ чего и чему *дать бытіе*,—такъ просто чудесъ натворить: и прислугѣ всей будутъ *обновки*. Вѣдь у насъ и прислуга-то вся на нашей одеждѣ, ибо къ намъ въ прислуги идетъ самая бѣдная. Такъ вотъ вамъ и *удобство* нашего костюма, всѣ имъ довольны: и чада, и домочадцы, и батюшка доволенъ, ибо изъ кармана у него вмѣсто полусотни выскочить только четвертная. Скажете: мелочность, скопидомство!—Нѣтъ, отецъ! Гдѣ каждый рубль дорогъ, тамъ четвертная или десятка — большая денъга. Пока мы бѣдны, о перемѣнѣ нашего костюма нечего и думать. Послѣ насъ что будетъ, тамъ увидимъ: *tempora et mores mutantur*“.

Другіе отвѣты разсматриваютъ вопросъ съ другихъ точекъ зрѣнія, затрогиваютъ его несравненно глубже; но мы остановились на отвѣтѣ о. В. М., какъ на весьма оригинальномъ, характерномъ и практически-жизненномъ.

Съ своей стороны редакція „Церковнаго Вѣстника“ (см. № 30-й, стр. 932—933) замѣчаетъ, что „русская церковная власть... прекрасно разрѣшаетъ вопросъ о костюмѣ своего

духовенства. Она въ предѣлахъ Россіи строго охраняетъ традиціонный костюмъ духовныхъ лицъ, къ которому такъ привыкли наши православные міряне, что, несомнѣнно, ихъ будетъ соблазнять священникъ, одѣтый въ свѣтскую одежду. Но тамъ, гдѣ этого соблазна быть не можетъ, гдѣ, напротивъ, духовный костюмъ можетъ вызвать насмѣшки и издѣвательства иновѣрной черни,—тамъ церковная власть допускаетъ свободу костюма для духовенства: наше заграничное духовенство виѣ богослуженія можетъ надѣвать свѣтское платье и подстригать свои волосы. Этимъ ясно показывается, что въ костюмѣ духовенства нѣтъ ничего непреложнаго, навсегда канонически установленнаго: создавшійся вѣками церковный обычай требуетъ, чтобы духовенство ходило въ рясы и съ длинными волосами,—и Церковь повелѣваетъ намъ свято хранить этотъ обычай, чтобы отступленіемъ отъ него не соблазнить ближнихъ; но предположимъ, что создадутся какія-нибудь новыя, теперь неизвѣстныя обстоятельства, требующія отмѣны этого обычая,—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда и Церковь не будетъ настойчиво требовать его соблюденія и представить духовенству полную свободу въ костюмѣ. А теперь одинаково не правы какъ тѣ, которые требуютъ немедленной реформы духовной одежды, такъ и тѣ, что стоятъ за нее во что бы то ни стало и на вѣчныя времена. Первые сами тотчасъ же увидѣли бы свое заблужденіе, какъ только сдѣлали бы попытку явиться передъ своими прихожанами въ свѣтскомъ костюмѣ: это произвело бы громаднѣйшій соблазнъ и отшатнуло бы паству отъ пастыря. Вторые находятъ для себя обличеніе въ исторіи, которая непреложно свидѣтельствуетъ, что были времена, когда духовенство совсѣмъ не отличалось отъ мірянъ по своей виѣшности, или когда оно имѣло костюмъ, совсѣмъ непохожій на тотъ, какой носитъ оно у насъ въ настоящее время. Не правы и строгіе ревнители отеческихъ преданій; не правы и тѣ, кто тяготятся своимъ традиціоннымъ костюмомъ и желали бы перемѣнить его только потому, что онъ выдѣляетъ священника изъ среды мірянъ,

дѣлаетъ его вездѣ замѣтнымъ, не позволяетъ священнику затеряться, быть незамѣтнымъ среди нихъ: вѣдь и военнаго костюмъ постоянно выдѣляетъ изъ среды не военныхъ, — и однако военные вовсе не тяготятся этимъ, а, напротивъ, высоко ставятъ честь своего мундира.

„Такъ и православный іерей, вполне понимающій величіе своего сана и дорожащій своею принадлежностью къ нему, будетъ всегда дорожить и тѣми внѣшними, вѣками выработанными, хотя бы и мелочными, отличіями этого сана. Для такого іерея, конечно, нѣтъ больше обиды, какъ если его примутъ случайно не за православнаго іерея, а за какого-нибудь развочинца. Передаютъ, что въ Мексикѣ закономъ запрещено публичное пошеніе какого-угодно духовнаго костюма, — и вотъ ксендзы придумали носить свѣтскій, но тамъ совершенно необычный, костюмъ, такъ что, при встрѣчѣ съ нимъ, никто не можетъ ошибиться въ ихъ профессіи. Тѣмъ менѣе поводовъ скрывать свое званіе у православнаго іерея, и тѣмъ неожиданнѣе у него стремленіе затеряться въ толпѣ разночинцевъ.

„Главное же, въ вопросахъ болѣе или менѣе относительныхъ всегда нужно имѣть въ виду не теоретическую позволительность того или другаго дѣйствія, а его практическую пользу или вредъ (правственный). Конечно, священникъ и въ свѣтскомъ костюмѣ и безъ волосъ останется священникомъ: вѣдь, не въ волосахъ у него благодать; — но послужитъ ли такая перемѣна къ духовной пользѣ, къ назиданію паствы? Не вызоветъ ли, напротивъ, она совершенно ненужнаго, ничѣмъ не оправдываемаго соблазна въ вѣрующихъ? „Не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего“ (1 Кор. 8, 13). Мясная пища мнѣ дозволепа; воздержаніе отъ мяса, можетъ быть, непріятно, не удобно и даже прямо вредно для меня; наконецъ, просто досадно изъзакого-то не пользоваться дозволеннымъ; — и однако: „не буду ѣсть мяса во вѣкъ“. Такъ и костюмъ свѣтскій, конечно, и позволителенъ по существу, и удобенъ и пр. и пр., — но не

буду его носить, если это соблазняетъ брата моего, если это не способствуетъ спасенію его души. Пусть—досадно терпѣть ограниченія въ томъ, на что имѣешь юридическое право, пусть духовный костюмъ не удобенъ во многихъ житейскихъ отношеніяхъ,—но и всякое званіе, кромѣ выгодъ и удобствъ, приноситъ и неудобства. Пользуясь преимуществами званія, не будемъ роптать, что приходится изъ-за него терпѣть и нѣкоторыя стѣсненія“.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го августа 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.